

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlav 236.4 ($\frac{1871}{8}$)

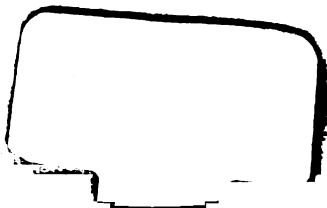
№ 9
1871

НОЯ 1947

ПРИБЕЖЕНО
1955 г.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

АВГУСТЪ

ДѢЛО

5
1871
8

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ВЛІЯНІЕ ОБЩЕСТВЕННАГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ НА СОЦІАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ ВЪ РОССІИ. (Ст. вторая) . . . АФ. П. ЩАПОВА.
- II. ЖИВАЯ СИЛА. Романъ въ трехъ книгахъ. (Гл. XI—XV) ФР. ГЕРШТЕНКЕРА.
- III. * * * Стихотвореніе. (Подражаніе Гейне) . . . СУШКОВА.
- IV. ЛЬСЪ РУВЯТЬ — ЩЕПКИ ЛЕТАТЬ. Ром. Часть третья. (Гл. VI—IX) А. МИХАЙЛОВА.
- V. * * * Стихотвореніе Н. ИВАНИЦКАГО.
- VI. ПЕРВАЯ МОЛОДОСТЬ ЧЕВАТОВА. Повѣсть. (Продолженіе). А. АНДРЕЕВА
- VII. * * * Стихотвореніе ЩИГЛЕВА.
- VIII. ВПЕРЕДЪ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. (Часть вторая. Гл. I—VII) Ф. ШПИЛЬГАГЕНА.

См. на оборотѣ.

1871

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

IX. ОСНОВЫ РАЦИОНАЛЬНАГО ВОСПИТАНІЯ. (Окон-

чаніе) **Н. В. ШЕЛГУНОВА.**
(Эмиль девятнадцатаго вѣка, Альфонса Эскироса. Перев. съ французск.
подъ редакцію М. Цебриковой. Спб., 1871.)

X. ОХОТА СМЕРТНАЯ, ДА УЧАСТЬ ГОРЬКАЯ . . **М. ВО — ВА.**

(Книжки для школь. Изданіе общества распространенія полезныхъ
книгъ. Москва. 1871 г. (№ 1. Бесѣды матери съ дѣтьми.—№ 2. Молитвы
въ стихахъ.—№ 3. Петръ Великій.—№ 4. Напитки.—№ 5. Старый дво-
рецкій.—№ 6. Былины и легенды.—№ 7. Капитанъ Бошъ.—№ 8. Когда
я былъ маленькій.—№ 9. О домашнихъ животныхъ.—№ 10. Афонская
гора.—№ 11. Гуттенбергъ.—№ 12. Сельская школа.—№ 13. Краткая гео-
графія Россіи.—№ 14. Бесѣды матери съ дѣтьми. (Кн. II).—№ 15. Доб-
рая жена, — и т. д. и т. д.)

XI. НОВЫЯ КНИГИ.

Наши дни. Соч. Бергольда Ауэрбаха. 1871. — Московскія смуты въ
правленіе царевны Софьи Алексѣвны. Соч. Н. Аригова. Варшава.
1871. — Царствование Феодора Алексѣвича. Соч. Е. Замысловскаго.
Часть I. Введеніе. Обзоръ источниковъ. Спб. 1871.

XII. ЖУРНАЛИСТИКА РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ . . .

(Еврейская библіотека. Историко-литературный сборникъ. Томъ I. Изд.
А. Е. Ландау. Сиб. 1871.)

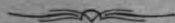
XIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Нѣкоторыя изъ

русскихъ экономическихъ данныхъ **Н. В. ШЕЛГУНОВА.**
(Военно-Статистическій Сборникъ. Россія. Составленъ офицерами гене-
рального штаба подъ редакцію Н. Н. Обручева. Спб. 1871).

XIV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРО-

НИКА **ЖАКА ЛЕФРЕНЯ.**

Лучъ надежды, промелькнувшій на омраченномъ горизонтѣ Франціи. —
Выборы 2-го іюня. — Лихорадочная дѣятельность реакціонныхъ партій. —
Ихъ неудача. — Реакціонныя газеты бьютъ въ набатъ. — Ослабленіе оппо-
зиціонной партіи въ Парижѣ въ виду выборовъ. — Пораженіе бонапарти-
стовъ на выборахъ. — Союзъ парижской печати. — Результаты выборовъ. —
Избраніе Гамбетты возбуждаетъ ужасъ въ умѣренномъ и реакціонномъ
лагеряхъ. — Муниципальные выборы. — Взглядъ на эти выборы реакціонной
прессы. — Нападеніе на министра юстиціи Дюфора въ законодательномъ
собраніи. — Нелѣпный проектъ о перенесеніи столицы изъ Парижа въ дру-
гой городъ. — Продолжительныя пренія въ законодательномъ собраніи по
поводу закона о децентрализациі. — Отношеніе партій къ этому закону. —
Происхожденіе законодательнаго собранія. — Его неумѣлость сдѣлалась
одной изъ причинъ бѣдствій Франціи. — Бордосскій договоръ. — Предпола-
гаемое соединеніе легитимистской партіи съ орлеанистской. — Причины,
почему оно не могло состояться. — Что нужно теперь Франціи?

Въ Редакцію журнала „Дѣло“ были доставлены деньги, пожертвованныя въ пользу пострадавшихъ отъ войны французовъ. Всѣ онѣ въ свое время были отправлены многоуважаемому сотруднику нашего журнала Жаку Лефреню.

Мы получили отъ г. Лефреня слѣдующее письмо, извѣщающее насъ о распредѣленіи денегъ, отправленныхъ ему въ апрѣлѣ мѣсяцѣ этого года:

Г. Редакторъ!

Я получилъ присланныя Вами деньги 490 франковъ, пожертвованныя вашими великодушными сотрудниками и подписчиками въ пользу моихъ соотечественниковъ, пострадавшихъ отъ войны. 200 франковъ изъ этой суммы передано въ муниципальный свѣтскій благотворительный комитетъ, учрежденный для пособія сиротамъ, оставшимся послѣ отцовъ, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ. Остальные 290 франковъ переданы въ муниципалитетъ моего округа для пособія раненымъ.

Слѣдовательно братство народовъ—не пустой звукъ. Вы, которые дали, и мы, которые приняли,—мы знаемъ это и никогда не забудемъ.

Жакъ Лефрень.

Что касается остальныхъ денегъ, посланныхъ въ іюнѣ, то мы имѣемъ извѣщеніе, что они получены, но еще не распредѣлены согласно своему назначенію. Въ свое время мы сообщимъ о распредѣленіи ихъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Д Ъ Л О“

въ 1871 году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ выходить въ 1871 т. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ, съ участіемъ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . . 14 р.
съ пересылкой 15 р. 50 в.
съ доставкой въ Петербургъ . . 15 р.

На полгода:

безъ пересылки и доставки . . . 7 р.
съ пересылкой изъ города . . . 8 р. 50 в.
съ доставкой въ Петербургъ . . . 8 р. 25 в.

Подписка адресуется въ С.-Петербургъ, въ Контору Редакціи журнала „ДЪЛО“ — (адресъ ея извѣстенъ почтамту). Въ книжный магазинъ ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ (на Невскомъ просп. противъ Думы, д. № 36). Въ Москвѣ: въ книжные магазины И. Г. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ въ д. Алексѣева) и М. М. Черепина (на Рождественкѣ въ д. Торлецкаго).

Подписавшіеся на первое полугодіе журнала „Дѣло“ и желающіе возобновить подписку на второе полугодіе благоволятъ поспѣшить заявленіемъ, чтобы своевременно получить слѣдующія книжки „Дѣла“. Гг. же подписавшихся съ разсрочкой по полугодіямъ просимъ выслать деньги за второе полугодіе.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ЛИБ. № 24454

№ 8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1871.

ГЕОГРАФИИ А. МОРШЕРОВСКАГО, ВЪ ТРОИЦКОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ДОМЪ ГАССЪ.

△
Psa. - 236.4 (1871)
✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 августа 1871 года.

63 + 2

ВЛІЯНІЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ НА СОЦІАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ ВЪ РОССІИ.

II.

По дремучимъ лѣсамъ древлянскимъ, по горамъ полянъ кіевскихъ развѣжалъ сильный, могучій богатырь, „молодой Дунай сынъ Ивановичъ, и думалъ онъ думу крѣпкую“: ка-бы мнѣ былъ сопротивница красна-дѣвица:

Какъ-бы та была дѣвица станомъ статна,
Станомъ-бы статна и умомъ свершна,
Ея бѣлое лицо какъ-бы бѣлой снѣгъ,
И ягодицы какъ-бы маковъ цвѣтъ,
А и черныя брови какъ соболи,
А и ясныя очи какъ-бы у сокола.

Съ такой думой „навѣжалъ сильный, могучій богатырь на свѣ-
жій, бродучій слѣдъ“, на днѣпровскихъ лугахъ, недалеко отъ
города Кіева,—и вотъ:

Стоитъ на лугахъ тутъ бѣлъ шатерь,
Во томъ шатру опочивъ держитъ красна дѣвица...
Молодой Дунай онъ догадливъ былъ,
Вымалъ изъ налучна тугой лукъ,
Изъ колчана вынулъ калену стрѣлу,
А и вытянулъ лукъ за ухо—калену стрѣлу,
Котора стрѣла семи четвертей,
Хлеснетъ онъ Дунай по сыру дубу.
Взвѣла, сибѣла тетива у туга лука,
А дрогнетъ матушка сыра земля
Отъ того удару богатырскаго,—

«Дѣло», № 8.

Угодила стрѣла въ сырѣ крековистый дубъ,
 Изломала его въ черенья ножевые.
 Бросилася дѣвица изъ бѣла шатра, будто угорѣлая,
 А и молодой Дунай онѣ догадливъ былъ,
 Скочилъ онѣ, Дунай, со добра коня,
 Воткнетъ копые во сыру землю,
 Привязалъ онѣ коня за остро копые,—
 И гораздъ онѣ со дѣвицею драться.
 Ударилъ онѣ дѣвицу по щекѣ,
 А пнулъ онѣ дѣвицу подъ...
 Женской полѣ отъ того пухомъ живетъ,
 Сшибъ онѣ дѣвицу съ рѣзвыхъ ногъ,
 Онѣ выдернулъ чингалище булатное,
 А и хочеть взрѣзать груди бѣлыя:—
 Втапоры дѣвица взмолилася:

„Гой еси ты, удалой доброй молодецъ!
 Не коли ты меня дѣвицу до смерти,
 Я у батюшки, сударя, отпрошалася:
 Кто меня побьетъ во чистомъ полѣ,
 За того мнѣ дѣвицѣ замужъ идти“.
 А и туто Дунай сынъ Ивановичъ
 Тому ея слову обрадовался,
 Думаетъ себѣ разумомъ своимъ:
 Служилъ я, Дунай, во семи ордахъ,
 А не могъ себѣ выжить красныя дѣвицы,
 Нонѣ я нашолъ во чистомъ полѣ
 Обручницю, сопротивницю.
 Тутъ они обручались,
 Кругъ ракитова куста вѣнчались ¹⁾).

Вотъ одинъ изъ древнѣйшихъ эпическихъ образовъ первобытнаго порабощенія женщины. Въ самомъ дѣлѣ, было, по всей вѣроятности, время, когда „сильные мужи“—богатыри часто изъза того только и бились съ разными племенами и ихъ князьями, чтобы похитить себѣ или тому князю, которому служили, невѣсту, прекрасную дѣвицу. Силой своей они наводили панической страхъ и ужасъ на всѣхъ, у кого были прекрасныя дочери. И эти „красныя дѣвицы—дочери отеческія“, если сами равножѣрно не упражняли своихъ физическихъ силъ ни въ „битвенныхъ дѣлахъ въ полѣ“, ни въ звѣроловческихъ промыслахъ,

¹⁾ Древн. російск. стих.—Кирши Данилова, стр. 94—96.

а сидѣли въ своихъ шатрахъ только за ручнымъ дѣломъ,—то невольно и сразу, со страхомъ и трепетомъ покорялись силѣ наѣзжихъ „сильныхъ мужей“, предъ которыми не могъ устоять никакой звѣрь, никакой человѣкъ, ни даже богатырь менѣе сильный. Эпосъ народный такъ, на примѣръ, повѣствуетъ объ этомъ первоначальномъ покореніи женщинъ преобладающей силѣ мужчинъ: „Говоритъ богатырь, необычно-сильный мужъ, своему брату, тоже богатырю: брате князь Иванъ русскій богатырь! Ъхаль я въ чистое поле, и наѣхаль—двѣ рати побитыя лежать: и кто ихъ побиваль? И говоритъ князь Иванъ русскій богатырь: та рать сила побитая Федула царя-змія и побиваль язь, а доступаль у него язь прекрасныя царевны Кондуріи Федуловны, и хошу ее за себя взять, а сказываютъ, что ея краше на свѣтѣ нѣтъ,—и въ завтрѣ у меня будетъ остальной бой. И по утру, вставъ рано, князь Иванъ богатырь осѣдлалъ своего добраго коня и поѣхаль въ чистое поле, а братъ богатырь поѣхаль смотрѣть на его битву. И какъ пріѣдетъ на князя Ивана русскаго богатыря Федула царя-змія конныхъ и вооруженныхъ отроковъ 30,000 по морю и по берегу,—и не ясенъ соколъ напускается на гуси и на лебеди, напускается тутъ Иванъ русскій богатырь на рать-силу Федула царя-змія, и побилъ, и присѣкъ, и конемъ притопталъ 20,000 и самого Федула царя убилъ, а которые остались—все люди малые и старые, и некому противъ Ивана русскаго богатыря вытти. И тутъ взялъ князь Иванъ русскій богатырь прекрасную царевну Кондурію Федуловну, и привелъ ее въ бѣлыя шатеръ... и легъ опочивать съ нею... И говорятъ Иванъ князь русскій богатырь: милая моя, прекрасная царевна Кондурія Федуловна! Для тебя язь съ отцомъ твоимъ великую брань сотворилъ, и отца твоего убилъ, а силы прибилъ и присѣкъ и конемъ притопталъ больше, а все для тебя: есть-ли тебя на свѣтѣ краше, а моего брата храбрѣя и сильнѣя? И говоритъ ему царевна Кондурія: „государь князь Иванъ русскій богатырь! Кровь отца моего и воинскихъ людей не по красотѣ моей пролита: и я, государь, что за красна! А есть, государь, въ чистомъ полѣ, въ бѣломъ шатрѣ, три дѣвцы царя Богрія, а по имени зовутъ ихъ—старшая Прондора, а средняя Мендора, а меньшая Легія, и которая, государь, передъ нимъ предстоящая послѣдняя, стоитъ день и ночь,—та вдеся-

теро меня краше; а язь что за красна и хороша! Когда я была у отца своего и матери, тогда я была красна и хороша, а тепере я полонянничное тѣло: воленъ богъ да и ты со мною. А есть, государь, подъ индѣйскимъ царствомъ, служить у царя Далмата человекъ, а зовутъ его Ивашкомъ—Бѣлая Епанча! а слыхала язь у отца своего,—уже онъ стережетъ въ чистомъ полѣ на дорогѣ 33 лѣта, а во царство мимо его никаковъ богатырь не проѣзживалъ, ни птица не пролетывала; а язь, государь, брата твоего храбрости не видала и не слыхала, кой у нихъ храбрѣя и сильнѣя“. Богатырь, сильный мужъ, все то слушалъ, и его богатырское сердце неутерпчивое разгорѣлось. Входитъ онъ въ бѣлыя шатеръ, брату своему поклоняется и съ нимъ прощается: садится на свой добрый конь, и поѣхалъ въ чистое поле гулять, по индѣйскому царству. И ѣдетъ богатырь мѣсяць, ѣдетъ другой и третій, а самъ себѣ подумалъ: поѣхалъ я въ дальнюю сторону, а не простился я съ отцомъ, съ матерью, и не видали они меня, какъ ѣждю на добромъ конѣ. И воротился онъ къ отцу, къ матери... Даетъ ему отецъ свой крѣпкой щитъ и копье свое долготѣрное, и емлетъ богатырь щитъ подъ пазуху, а копье въ руку, и простился съ отцомъ своимъ и съ матерью, и поѣхалъ въ чистое поле. Ѣхалъ полгодичное время, ажно наѣхалъ въ чистѣ полѣ шатеръ, а въ бѣлыя шатрѣ три дѣвицы сидятъ—Прондора, да Мендора, да Легія—царевы дочери, царя Богрія: таковыхъ прекрасныхъ на свѣтѣ нѣтъ, дѣлаютъ ручное дѣло. И тутъ его сердце богатырское разгорѣлося, юность его заиграла, и беретъ себѣ большую сестру, прекрасную Прондору за руку, а тѣмъ сестрамъ велѣлъ изъ шатра выйти вонъ, а самъ съ нею легъ спать на постель, и говорить ей: милая моя, прекрасная царевна Богривна! Есть-ли на семъ свѣтѣ тебя краше, а меня храбрѣе? И говорить ему прекрасная царевна Прондора: „государь! что я за красна? Когда я была у отца своего и у матери, тогда я была и красна и хороша, а вонъ я полонянничное тѣло. А есть, государь, подъ индѣйскимъ царствомъ храбрый человекъ, прозвище Бѣлая Епанча, и стоитъ въ чистомъ полѣ на дорогѣ: мимо его никакой человекъ не прохаживалъ, ни зверь не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала, никакой богатырь не проѣзживалъ. А ты что за храбрѣ? Обычная твоя „храбрость — что насъ дѣвокъ разогналъ“. И

сталъ сильный мужъ богатырь съ постели, взялъ острую саблю свою и отсѣкъ дѣвицѣ голову, да и подъ кровать бросилъ. И емлетъ себѣ на постелю вторую сестру Мендору, и говоритъ ей: милая моя, прекрасная Мендора Богривна! Есть-ли на семъ свѣтѣ тебя краше, а меня храбрѣе? Дѣвица сказала ему тѣ-же рѣчи, что и сестра, и онъ также отсѣкъ ей голову и подъ кровать бросилъ. И емлетъ третью дѣвицу Легію къ себѣ на постелю и говоритъ ей: есть-ли на семъ свѣтѣ тебя краше, а меня храбрѣе? И говоритъ ему Легія дѣвица: „государь! язь что за красна и хороша? Нынѣ я полоняничье тѣло: которые ты у меня красоты захотѣлъ! А есть, государь, подъ индѣйскимъ царствомъ, у царя Далмата храброй и сильной человекъ, а зовутъ его Ивашею, прозвище Бѣлая Епанча: мимо его никакой богатырь не проѣзживалъ, ни звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала; а я у васъ невѣдаю, кой храбрѣе и сильнѣе. А есть, государь, въ градѣ Дебриѣ, у царя Варфоломея царевна Настасія, и та вдесятеро меня краше“. И тутъ богатырь сталъ съ постели, и говоритъ дѣвицѣ таково слово: милая моя, прекрасная Легія! Живи ты въ чистѣ полѣ, „не бойся никого, а сестеръ своихъ схорони“. И самъ поѣхалъ въ чистое поле, ко индѣйскому царству. Вдучи, помолился: „господи! дай мнѣ всякаго человекъ убить копьемъ, тупымъ концомъ“! Заѣхалъ потомъ къ отцу, къ матери, взялъ у нихъ благословеніе жениться на прекрасной дѣвицѣ Настасіи, и отправился въ путь-дорогу, къ индѣйскому царству. Дорогой много сотворилъ онъ разныхъ чудесъ своею богатырскою силою, много побилъ богатырей, ратной силы и разныхъ страшныхъ чудовищъ. Наконецъ, доѣхалъ до царства индѣйскаго, и сразу побѣдилъ, покорилъ его царя. Вошелъ въ теремъ прекрасной царевны Настасіи, взялъ ее за руки и легъ съ нею опочивать, и учалъ себѣ любить ее, спрашивать: милая моя царевна Настасія Варфоломѣвна! Есть-ли на семъ свѣтѣ тебя краше, а меня храбрѣе? Что зговорить ему царевна Настасія: „Государь! Нѣтъ тебя храбрѣе: ты, государь, побилъ многихъ сильныхъ мужей, богатырей. А язь, государь, что за красна! Какъ есть, государь, въ дѣвичьѣ царствѣ, въ Солнышномъ градѣ, царевна Понарія, сама царствомъ владѣеть: инакъ, государь, которая предъ нею, государь, стоитъ день и ночь, и та, государь, меня вдесятеро кра-

ше“. Опять разгорѣлось богатырское сердце неутерпчивое, тотчасъ-же онъ простился съ прекрасной дѣвицей Настасіей, и самъ поѣхалъ къ дѣвичью царству, къ Солнышному граду—видѣти прекрасную царевну Понарію. И ѣхалъ полгода времени, доѣхалъ до дѣвичья царства, до Солнышнаго града, вѣхалъ въ градъ, слѣзъ съ своего добра коня, и пошелъ къ царевнѣ въ палату. И узрѣла царевна такова воинна, и учала ему бити челомъ: государь, храбрый, сильный мужъ! Владѣи ты моимъ царствомъ и людьми“. И богатырь, смотрячи на красоту ея, съ умомъ смѣшался, и забылъ свой первый бракъ, и взялъ ее за руку за правую, и цѣловалъ ее въ уста сахарныя, и прижималъ ее къ сердцу ретивому, и назвалъ ее женою, а она его мужемъ назвала“¹⁾).

Далѣе, по преданію былинь народныхъ, „сильные мужи“—богатыри часто съ цѣлою дружиной отправлялись въ чужія—дальнія стороны силой доставать себѣ и дружинникамъ дѣвицъ и силой жениться на нихъ. Чародѣино-могучій богатырь „молодой Волхъ Всеславьевичъ говоритъ своей дружинѣ:

„Гой еси вы, дружина храбрая!
 Пойдемъ мы ко царству индѣйскому,
 Ходите по царству индѣйскому,
 Рубите стараго, малаго,
 Не оставьте въ царствѣ на сѣмена,
 Оставьте только вы по выбору,
 Не много не мало семь тысячей—
 Душечки красны дѣвицы.“
 А и ходить его дружина по царству индѣйскому,
 А и рубить стараго, малаго,
 А и только оставляетъ по выбору
 Душечки красны дѣвицы.
 А самъ онъ Волхъ во полаты пошелъ,
 Во тѣ во полаты царскія:
 Двери были у полатъ желѣзныя,
 Крюки, пробон по булату злачены.
 Говорить тутъ Волхъ Всеславьевичъ:
 „Хотя ноги изломить, а двери выставить!“
 Пнетъ ногой во двери желѣзныя,
 Изломалъ всѣ пробон булатныя,—

¹⁾ Памят. стар. русск. литерат., II.

Онъ беретъ царя за бѣлы руки...
 Ухватя его ударилъ о кирпичатой полъ,
 Разшибъ его въ крохи...
 И тутъ Волхъ Всеславьевичъ -
 Взялъ царицу Азвяковну,
 А и молоду Елену Александровну.
 А и та его дружна храбрая
 И на тѣхъ на дѣвицахъ переженилася.¹⁾

Наконецъ при насильственномъ, хищническомъ порабоженіи дѣвицъ, часто случалось, что между самими похитителями являлись соперники. И тогда они силой, боемъ рѣшали, кому достаться похищенной дѣвицѣ. Въ этой битвѣ, по эпосу народному, иногда участвовали и сами дѣвицы, помогая тому, кому наиболѣе расположены были онѣ предаться въ руки.

Возговорить стольный кіевскій Владиміръ князь:
 Гой еси, богатырь Иванъ Годинович!
 Возьми ты у меня князя сто человекъ
 Русскихъ могучихъ богатырей,
 У княгини ты бери другое сто,
 У себя Иванъ третье сто.
 Поѣзжай ты о добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ,
 Честью не дасть, ты и силой бери.“
 Скоро молодцы тѣ собираются
 А скоро того поѣздки чинять,
 Поѣхали къ городу Чернигову...
 И будетъ Иванъ во Черниговѣ,
 А у Дмитрія гостя богатаго,
 Скачетъ Иванъ среди двора,
 Привязалъ коня къ дубову столбу,—
 Походилъ онъ во гридню свѣтлую,
 Къ Дмитрію гостю богатому...
 Дмитрію гостю не кланяется;
 Походилъ за занавѣсу бѣлую
 Онъ въ душкѣ Настасѣ Дмитревнѣ...
 Молодой Иванушка Годиновичъ
 Онъ изъ-за занавѣсу бѣлаго
 Душку Настасью Дмитревну
 Взялъ за руку за бѣлую,
 Потацилъ онъ Настасью коня на дворъ,
 Вытацилъ ее среди двора,

¹⁾ Древнее російск. стих., 52—53.

Посадилъ на добра коня,
 И самъ метался въ сѣделечко черкеское.
 Некому бѣжать во Кіевъ градъ
 За молодымъ Иванушкомъ Годиновичемъ.
 Переѣхалъ онъ, Иванъ, девяносто верстъ,
 Поставилъ онъ, Иванъ, тутъ свой бѣлъ шатерь,
 Развернулъ ковры Сорочинскіе,
 Послалъ потнички бумажные—
 Изволилъ онъ, Иванъ, съ Настасьєю опочивъ держать,

Едва успѣлъ сильный русскій богатырь похитить такимъ образомомъ дѣвицу, — какъ тотчасъ-же явился ему соперникъ, соискатель той-же дѣвицы, представляемый въ былинѣ въ образѣ „царя Афроея Афромѣевича.“

А и тутъ царь Афромей Афромѣевич
 Закричалъ, заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
 „Гой еси, Иванушка Годиновичъ?
 А и ты суженое пересуживаешь,
 Ряженое переряживаешь:
 Почто увезъ ты Настасью Дмитревну?“
 А скоро Иванъ выходитъ изъ бѣла шатра,
 Говорилъ тутъ Иванушка Годиновичъ:
 „Гой еси, царь Афромей Афромѣевичъ!
 Станемъ мы съ тобою бороться,
 А большинѣ что кому наша Настасья достанется.“
 И схватилися они тутъ бороться,—
 Согнетъ Иванъ царя корчагою,
 Опустилъ его о сыру землю,—
 Царь Афромей Афромѣевичъ
 Лежить на земли, свѣту не видить.
 Когда молодой Иванъ за кустикъ ушолъ
 Царь Афромей тутъ едва пропищалъ:
 „Думай ты, Настасья, не продумайся!
 За мною быть—царницею слыть.
 За Иваномъ быть—холопкой слыть,
 А избы мести, заходы скрести.“
 Приходитъ Иванъ ко бѣлу шатру,
 Напустился съ нимъ оиать бороться—
 Схватилися они руками бороться.
 Тутъ душка Настасья Дмитревна
 Изымала Ивана Годиновича за ноги,
 Тутъ его двое и ослепили...

И связали Ивана руки бѣлыя,
Привязали его къ сыру дыбу.

Но тутъ вдругъ наѣхала храбрая дружина добраго молодца Ивана Годиновича, тотчасъ выручила его изъ путь, а царя Афромея взяла въ полонъ и отвезла въ Кіевъ. Дѣвица такимъ образомъ опять досталась сильному мужу Ивану Годиновичу. Силой взялъ, поработилъ онъ ее себѣ, и звѣрской силой сталъ тотчасъ же учить ее, какъ мужъ жену. Озлобленный ея измѣной и сопротивленьемъ, „сильный мужъ“ — богатырь какъ звѣрь разсвирѣпѣлъ и на несчастной, силой похищенной и поработенной невольницѣ-женѣ излилъ всю звѣрскую жестокость своего „богатырскаго сердца неутерпчиваго“ и грубой физической силы.

Остался онъ во бѣломъ шатрѣ,
Сталъ онъ, Иванъ, жену свою учить,
Онъ душу Настасью Дмитревну:
Онъ перво ученье—то руку отсѣкъ ей,
Самъ приговариваетъ:

„Эта мнѣ рука не надобна,
Трепала она руку Афромея царя“.

А второе ученье—ноги ей отсѣкъ:

„А и та-де нога мнѣ ненадобна
Оплеталася съ Афромеемъ царемъ“.

А третье ей ученье — губы ей обрѣзалъ и съ носомъ
прочь:

„А и эти губы мнѣ не надобны,
Цѣловали они царя невѣрнаго“.

Четверто ученье, голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:

„Эта голова мнѣ ненадобна

И этотъ языкъ мнѣ ненадобень,

Говорилъ со царемъ невѣрнымъ,

И здавался на его слова прелестныя ¹⁾».

Такъ эпосъ народный изображаетъ первобытное порабощеніе женщины. Одинъ страхъ могучей физической силы сильныхъ мужей сразу дѣлалъ ихъ рабынями мужчинъ. Но ужели-же рѣшительно безъ всякой борьбы, безъ всякаго отбоя со стороны женщины совершалось это первоначальное, самое грубое покореніе ея силъ мужчины? Нѣтъ, этого, намъ кажется, нельзя сказать. Въ этомъ-же эпосѣ народномъ сохранились слѣды того отдаленнаго,

¹⁾ Древнее російское стих., стр. 138—147.

переходнаго періода, когда, повидимому, совершалась первобытная половаѣ борьба и женщина не-вдругъ поддавалась и покорялась деспотической порабоощающей силѣ мужчины. Въ отдаленныя времена, когда, какъ увидимъ дальше, совершалось хищническое „умьканіе“ дѣвиць, послѣднія невольны должны были быть постоянно на сторожѣ и, когда можно, силой, боемъ отбиваться отъ недруговъ — хищниковъ мужчинъ. Постоянный страхъ деспотическаго преобладанія, мужской хищнической силы невольны, по инстинкту самосохраненія, долженъ былъ вызывать иныхъ, особенно сильныхъ женщинъ, на противоборство съ мужчинами изъ-за свободы или равноправности. Такимъ именно образомъ, вѣроятно, произошли первобытныя, эпическія женщины воительницы, „вѣщія дѣвы“, „лихія бабы вѣдьмы“ и т. п. Такъ Ставрова молодая жена богатырски воевала съ борцами Владиміровыми:

Первому борцу изъ плеча руку выдернетъ,
А другому борцу ногу выломитъ,
Она третьяго хватала поперегъ хребта,
Ушибла его среди двора.

Она сильнѣе, бойчѣе не только обыкновеннаго человѣка, но даже и могучаго богатыря. Не уступая „сильнымъ мужамъ“ богатырямъ, она и сама, по примѣру ихъ, набирала себѣ дружину силачей:

Втапоры кинулися ей удамы добры молодцы —
Подъ первой рогъ несутъ пять человѣкъ,
Подъ другой несутъ столько-же,
Колчанъ тащатъ каленыхъ стрѣлъ тридцать человѣкъ ¹⁾.

Если мужчина силой „умькалъ дѣвицу у воды или на игрищахъ“ и силой бралъ ее за себя замужъ, то и „сопротивница красна-дѣвица“ не безъ борьбы, не безъ бою покорялась преобладающей силѣ мужчины. Она тому только „сильному мужу“ невольны покорялась, за того выходила замужъ, который своей преобладающей силой побивалъ ее въ чистомъ полѣ, завоевывалъ ее руку, обращалъ ее въ „тѣло полоняное“, плѣнялъ ее своею физическою силою, какъ идеаломъ совершенства. Напередъ она

¹ Древн. російск. стих., 129—130.

сама выходила въ чистое поле помѣряться своей силой съ тѣмъ мужчиной, который хотѣлъ плѣнить ее своею силою. Такъ дѣвица, побѣжденная Дунаемъ и потомъ ставшая его женой, говорить:

- «Я у батюшки, сударя, отпрошалася,
Кто меня побьетъ во чистомъ полѣ,
За того мнѣ дѣвицѣ замужъ идти ¹⁾).

Такъ сила была первой основой брака, замужества женщины. Дѣвица покорно сдавалась и выходила замужъ за того только мужчину, который пересиливалъ и побивалъ ее. Но проходили вѣка въ такой неравной борьбѣ за равноправность полового подбора, — и, наконецъ, естественно-преобладающая физическая сила мужчины, еще болѣе развивавшаяся въ постоянной звѣроловческой борьбѣ съ сильными звѣрями и въ богатырскихъ, „битвенныхъ“ подвигахъ въ чистомъ полѣ, и относительная физическая слабость женской организаціи, при господствѣ чувства страха всякой преобладающей силы, роковымъ образомъ рѣшили первобытную неравную борьбу мужчинъ и женщинъ постепеннымъ поработаніемъ женщины преобладающей физической силѣ мужчины. При этомъ, исключительно свойственныя природѣ женщины, такія естественныя фізіологическія условія, какъ продолжительный періодъ беременности, болѣзненный, обезсиляющій процессъ дѣторожденія, необходимость первоначальнаго кормленія дѣтей молокомъ матернимъ и, вслѣдствіе того, невольная, полная физическая зависимость женщины отъ мужчины, во время беременности, родовъ и кормленія ребенка грудью, всѣ эти естественныя причины невольно лишали женщину равносилія въ борьбѣ съ „сильными мужами“ и невольно ставили ее въ зависимость отъ мужчины, покоряли его опеку и власти. Затѣмъ, все болѣе и болѣе обнаруживавшійся перевѣсъ физической силы мужчины, при „умыканіи дѣвицъ“, невольно возбуждалъ въ слабыхъ женщинахъ страхъ передъ необузданнымъ, деспотическимъ проявленіемъ мужской силы, и этотъ страхъ невольно все болѣе и болѣе деморализировалъ ихъ и, наконецъ, доводилъ до полной рабской покорности силѣ мужчины. Но и при всемъ этомъ, женщина до послѣдней возмож-

¹⁾ Ibid, стр. 95.

ности боролась противъ гегемоніи мужчины. Вначалѣ, когда женщина-воительница почувствовала естественное малосиліе своей женской организаціи въ сравненіи съ наиболѣе развитою физическою, мускульною силою мужчинъ,—она стала стремиться пересилывать ихъ силою мозговой, силою ума, стала мудрить, хитрить передъ „сильными мужами“ знахарствомъ, перехитривать мужчинъ-враговъ или недруговъ вѣдунствомъ, вслѣдствіе того естественно-психологическаго мотива, что слабый всегда хитритъ передъ сильнымъ. Въ этой фазѣ первобытной борьбы за свободу или равноправность, женщина возбуждала страхъ въ мужчинахъ, какъ хитрѣйшая, мудрѣйшая „вѣщая дѣва“, „лихая баба-вѣдунья“, „яга-баба — вѣдьма“, и если уже не физической силой, то своимъ хитрымъ вѣдунствомъ и чародѣйствомъ иногда пересиливала самыхъ сильныхъ мужчинъ-недруговъ. Этой силой чародѣйной хитрости и мудрости, женщины-вѣдьмы величались и передъ княгинями и боярынями. Напримеръ, Марина, превратившая Добрыню въ „гнѣдого тура-золотые рога“, говорила о себѣ:

Гой еси вы, княгини, боярыни!
 Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
 А и нѣтъ меня *хитрѣя, мудрѣя*,
 А и я де обернула девять молодцевъ,
 Сильныхъ могучихъ богатырей, гнѣдыми турами ¹⁾».

Постоянный гнетущій страхъ преобладающей, деспотической силы мужчинъ невольно побуждалъ женщинъ научиться тайкомъ, хитро изводить мужчинъ-недруговъ зельемъ, или привораживать и отвораживать ихъ. Такъ произошли „лихія бабы-вѣдуньи“ и не менѣе мужчинъ-вѣдуновъ возбуждали страхъ въ суевѣрномъ обществѣ. Если своей физической силой дѣвица не могла устрашить и покорить мужчину-недруга, то она страшна была для него своимъ зелейническимъ вѣдунствомъ.

И по тѣмъ по хорошимъ зеленымъ лугамъ,
 Тутъ ходила-гуляла душа красная дѣвица,
 А копала она коренья, зелье лютое;

¹⁾ Ibid, стр. 86.

Она мыла тѣ кореньица въ синемъ морѣ,
 А сушила кореньица въ муравленой печи,
 Растирала тѣ коренья во серебряномъ кубцѣ,
 Разводила тѣ кореньица меда сладкимъ,
 Разсычала коренья бѣлымъ сахаромъ,—
 И хотѣла извести своего недруга ¹⁾).

Наконецъ, если „сопротивницы красныя дѣвицы“ не могли, какъ дѣвы-воительницы, своей физической силой устоять противъ силы „сильныхъ мужей“,—то онѣ невольно очаровывали и плѣняли ихъ магической силой своей тѣлесной красоты. Передъ этой обаятельной, чарующей силой дѣвичьей красоты невольно, рефлексивно преклонялись самые „сильные мужи“—богатыри могучіе, и съ трепетомъ видѣли въ ней таинственное, сверхъ-естественное чародѣянье, или волшебнo-обворожительную, вѣщую силу. Отсюда-то, вѣроятно, и произошло, какъ увидимъ дальше, религиозно-языческое поклоненіе „дѣвѣ, какъ богинѣ“. Отсюда-же, по всей вѣроятности, произошли и тѣ волшебныя народныя заговоры, въ которыхъ молодой мужчина, выходя на борьбу изъ-за дѣвицы, или на битву въ поле съ сильнымъ супостатомъ, взывалъ, молился „красной дѣвицѣ“, прося ея чародѣйной помощи. Вотъ, напримеръ, одинъ такой заговоръ: „Ѣду на гору высокую, далекую, по облакамъ, по водамъ, а на горѣ высокой стоитъ теремъ боярскій, а во теремѣ боярскомъ сидитъ зазноба—красна дѣвица. Ты дѣвица, зазноба молодецкая, иду за тебя во рать на супостатовъ моихъ, враговъ-злодѣевъ. Вынь ты, дѣвица, отеческой мечъ-кладенецъ; достань ты, дѣвица, панцырь дѣдовской; отомкни ты, дѣвица, коня воронѣ... Мнѣ шлемъ богатырской будь вѣнцомъ обручальнымъ, мнѣ конь вороной будь удалымъ молодцомъ. Выди ты, дѣвица, во чисто поле, а во чистомъ полѣ стоитъ рать могучая, а въ рати оружія нѣтъ смѣты. Закрой ты, дѣвица, меня своей фатой: отъ силы вражей, отъ стрѣлъ, отъ борца, отъ кулашнаго бойца, отъ ратоборца, отъ дерева русскаго и заморскаго: отъ дубу, отъ вазу, отъ клену, отъ ясени, отъ ели, отъ рябины, отъ полѣна длиннаго, полудлиннаго, четвертиннаго, отъ липы, жимолости, отъ ивы, отъ сосны... отъ сѣна, отъ со-

¹⁾ Древн. россійск. стихотвор., стр. 303.

ломы, отъ костей, отъ желѣза, отъ уклада, стали, мѣди красной, зеленой, отъ сѣребра, отъ золота, отъ птичьаго пера, отъ невѣрныхъ людей — ногайскихъ, нѣмецкихъ, мордвы, татаръ, башкирцевъ, турчаниновъ, черемисовъ, вотяковъ... А буде я ворочусь по живу и по здорову, ино буду, красна дѣвица, тобою похвалятися, своею молодецкою поступью выказыватися. Твоя фата крѣпка, какъ камень горячъ Алатырь; моя молодецкая поступь сильна, какъ вода мельничная!"¹⁾ Наконецъ, если не передъ „красной дѣвицей“, то передъ „лихой бабой вѣдуньей“, вродѣ „злой вѣдмы кievской“, часто со страхомъ и трепетомъ преклонялся самый сильный мужъ. Не могла женщина устоять противъ порабошающей силы „сильныхъ мужей Владиміровыхъ“, „богатырей ноугородскихъ, соратниковъ молодецкихъ“ — такъ за то страшно мстила имъ „лихая баба вѣдунья“, „злая вѣдма кievская“, страшная „баба-яга“. „Злая вѣдма кievская“ до того устрашала суевѣрныхъ „сильныхъ мужей богатырей“, что могла однимъ своимъ страшнымъ заповѣднымъ словомъ помѣшать имъ достать ту „сбрую богатырскую“, въ которой они такъ все-сильно порабошали женщину, похищали красныхъ дѣвиць. И только тогда, когда они съ трепетною покорностью преклонялись передъ ней, какъ передъ страшнымъ сверхъестественнымъ существомъ, — она помогала имъ своимъ вѣщимъ заповѣднымъ словомъ достать „сбрую богатырскую“. Поэтому-то „сильный мужъ“, ратный молодецъ такимъ заговоромъ взывалъ къ „злой вѣдмѣ кievской“: „подъ моремъ подъ хвалынскимъ стоитъ мѣдной домъ, а въ томъ мѣдномъ домѣ закованъ змѣй огненный, а надъ змѣемъ огненнымъ лежитъ семишудовой ключъ отъ княжева терема, Володимірова, а во княжемъ теремѣ, Володиміровомъ, сокрыта сбруя богатырская, богатырей ноугородскихъ, соратниковъ молодецкихъ... Во лѣсу стоячемъ, во сыромъ бору стоитъ избушка, ни шитая, ни крытая, а въ избушкѣ живетъ злая вѣдма кievская. Пойду-ль во лѣсъ стоячей, во боръ дремучей, взойду-ль я въ избушку къ злой вѣдмѣ, кievской. Ты, злая вѣдма кievская! Вели своему ворону слетать подъ море Хвалынское, въ мѣдной домъ, заклевать змѣя огненнаго, достать семишудовой

¹⁾ Сахарова, Сказанія русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ. Сиб. 1836, ч. 1, стр. 81.

ключъ. Заупрямилась, закорачилась злая вѣдьма кіевская, о своемъ воронѣ: не моею старости бродить до моря Окіана, до острова до Вуяна, до чернаго ворона. Прикажи ты моимъ словомъ заповѣднымъ достать ворону тотъ семипудовой ключъ. По ея заповѣдному слову, разбилъ воронъ мѣдной домъ, заклевалъ змѣя огненнаго, досталъ семипудовой ключъ. Отпираю я тѣмъ ключемъ княжой теремъ, Володиміровъ, достаю сбрую богатырскую, богатырей ноугородскихъ, соратниковъ молодецкихъ. Во той сбруѣ не убьютъ меня ни стрѣлы, ни бойцы, ни борцы!“¹⁾

Но не смотря на то, что женщина, во времена господства чувства страха таинственныхъ силъ природы, устрашала мужчинъ-поработителей своею вѣщею, чародѣйною силою, все-таки „сильные мужи“ превозмогали ея своею физическою, мускульною силою. Страхъ передъ рѣзко-ощутительной грубой физической силой „сильныхъ мужей“, постоянно устрашавшихъ слабѣйшія полъ кровопролитиемъ, убійствами, увѣчьями, насиліями всякаго рода, пересиливалъ и суевѣрный страхъ передъ фантазмагорической, воображаемой чародѣйственной силой вѣщихъ дѣвъ и лихихъ бабъ-вѣдуній, сплосъ и рядомъ оказывавшихся безсильными подъ кулакомъ сильныхъ мужей, которые притомъ и сами нерѣдко устрашали ихъ не только какъ богатыри, но и какъ страшные волхвы-вѣдуны. Вообще, если женщина только чарами перехитривала иногда мужчину, то мужчина всегда пересиливалъ ея матеріальною силою. Если Марина своею волшебною, чародѣйною хитростью заставила Добрыню жениться на себѣ, такъ за то Добрыня злѣйшимъ образомъ казнилъ ея своею звѣрскою силою, какъ самую безгласную, беспомощную, беззащитную рабу. Преобладающая сила мужчинъ продолжала поработеніе женщины безостановочно. Стремленіе сильныхъ мужей къ поработенію женщинъ, повидимому, особенно усилилось по переходѣ славянскихъ племенъ отъ чисто-зоологической формы кровосмѣсительныхъ и насильственныхъ браковъ къ антропологической формѣ браковъ неродственныхъ, договорныхъ. Безъ сомнѣнія, было время, когда у наиболѣе дикихъ славянскихъ родовъ, жившихъ, по словамъ лѣтописи, „въ лѣсу звѣринскимъ образомъ, якоже всякій звѣръ“, господствовала самая первобытная, такъ сказать, зоологическая

¹⁾ Сахарова, 84 — 85.

форма кровосмѣсительныхъ, единокровныхъ браковъ. Этотъ древнѣйшій типъ брака наиболѣе сохранялъ свои слѣды у древлянъ, сѣверянъ, радимичей и вятичей. У этихъ славянскихъ племенъ, по преданію лѣтописи, „не было стыдѣивъ и не было браковъ, а господствовало срамословье передъ отцами и матерями, передъ снохами и сестрами, свекровями и деверями“. Слѣдовательно, не было еще никакого стыда и отвращенія смѣшиваться браками или половымъ сожительствомъ въ самыхъ близкихъ степеняхъ родства, внутри рода. И дѣйствительно, если впослѣдствіи князя Рюрикoviчи вступали въ бракъ въ своемъ родѣ, въ седьмой и даже шестой степени родства ¹⁾, и въ народѣ кровосмѣсительные, родственные браки долго до того были обычны, что церковь постоянно вопіяла противъ нихъ, — то, разумѣется, у языческихъ славянъ, во времена родового быта, при господствѣ многоженства, браки въ ближайшихъ степеняхъ родства, въ своемъ единокровномъ родѣ, могли быть весьма обыкновенными. По преданію народной былинны, въ древнѣйшія времена

Было беззаконство великое:

Братъ на брата съ боемъ ходилъ

Братъ сестру за себя пималъ ²⁾.

Уставъ о церковныхъ судахъ, приписываемый Ярославу великому, свидѣтельствуетъ, что и во времена распространенія христіанства на Руси въ народѣ еще сильно господствовали остатки древне-языческихъ кровосмѣсительныхъ браковъ, именно: браки въ близкомъ кровномъ родствѣ, грѣхъ братьевъ съ сестрами, свекровь со снохами, съ сестрами, съ мачихою, сожительство двухъ братьевъ съ одною женою и т. п. ³⁾. Наконецъ ничѣмъ другимъ нельзя объяснить такъ сильно укоренившейся въ правахъ простого русскаго народа издревней привычки къ такъ-называемой „матерщинѣ“, къ самому безстыдному „матерному слову“ или „лалянью“, какъ развѣ только тѣмъ, что было время, когда предки нашего народа — древляне, сѣверяне, радимичи, вятичи

¹⁾ Соловьева Исторія Россіи, т. III, примѣч. 29.

²⁾ Древн. рос. стихотвор., 388.

³⁾ См. еп. Макарія Истор. русс. церкви, т. I; Карамзина, Истор. госуд. росс. I; примѣч. Неволина, о церковн. судѣ въ Россіи въ Ж. М. Н. Просв. 1847.

и проч. предавались безразборному кровосмѣшенію, каждый въ своемъ родѣ, и потому не имѣли никакого стыдѣнья, срамословили передъ отцами и матерями, передъ сестрами и снохами, передъ свекровьями и деверями. Такіе кровосмѣнительные, родственные браки, неизбѣжно обусловливавшіе отсутствіе „стыдѣнья“ и господство „срамословія“, особенно долго сохранялись внутри тѣхъ замкнутыхъ родовъ, которые жили отдѣльно, въ селахъ, въ дикихъ лѣсахъ. Роды эти до тѣхъ поръ не могли чувствовать отвращенія къ кровосмѣнительнымъ бракамъ, пока не испытали новыхъ чувствъ, какія естественно порождались вслѣдствіе похищенія дѣвицъ изъ чужихъ родовъ и брачнаго союза съ этими чужеродными дѣвицами. Браки въ чужихъ родахъ или семействахъ естественно должны были показаться имъ наиболѣе заманчивыми и привлекательными, вслѣдствіе новости впечатлѣній и ощущеній, сопряженныхъ съ этими чужеродными браками, вслѣдствіе наибольшей возбужденности, заманчивости и горячности полового влеченія къ чужероднымъ дѣвицамъ, внезапно и сильно поражающимъ своею красотою или бойкостью на игрищахъ между селами или у воды, а также вслѣдствіе заманчивости самой отваги, какая требовалась для того, чтобы достать себѣ дѣвицу изъ чужого рода-племени. И вотъ, коль скоро славянскіе роды испытали наибольшую привлекательность браковъ неродственныхъ, чужеродныхъ, порождаемую новостью или другой причиной, они уже стали все болѣе и болѣе избѣгать кровосмѣнительныхъ, своихъ родныхъ браковъ и домогаться браковъ въ чужихъ семействахъ или родахъ. „Множество фактовъ доказываетъ, говоритъ Дарвинъ, что дѣти отъ родителей, неродственныхъ между собой, болѣе сильны и плодovitы, чѣмъ дѣти отъ близко родственныхъ между собою родителей. Вслѣдствіе этого, всякое легкое чувство, порождаемое новостью или другой причиной, которая-бы побуждала скорѣе къ бракамъ перваго рода, чѣмъ къ бракамъ втораго, было-бы непременно усилено естественнымъ подборомъ, и стало-бы, такимъ образомъ, инстинктивно, потому-что тѣ особы, которыя имѣли-бы врожденное предпочтеніе къ чужимъ семействамъ, стали-бы размножаться быстрѣе прочихъ. Повидимому, съ большею вѣроятностью можно думать, что именно этимъ путемъ развилось у грубыхъ дикарей безсознательное отвращеніе

отъ кровосмѣсительныхъ браковъ, нежели предположить, что чувство это явилось у нихъ вслѣдствіе разсужденія и наблюденія дурныхъ результатовъ подобныхъ браковъ ¹⁾«. Такимъ-же точно путемъ, безъ сомнѣнія, и у славянскихъ племенъ генеративно-наслѣдственно усиливавшееся инстинктивное чувство предпочтенія къ бракамъ въ чужихъ родахъ все болѣе и болѣе развивало отвращеніе отъ первобытныхъ кровосмѣсительныхъ браковъ и стремленіе къ бракамъ неродственнымъ, чужероднымъ. Это вновь-зародившееся чувство отвращенія къ родовому кровосмѣшенію отразилось и въ древнихъ народныхъ былинахъ. Напримѣръ, былина о богатырѣ Михайлѣ Казаринѣ рассказываетъ:

Скочилъ Казарянинъ съ добра коня,
 Сохватила дѣвицу за бѣлы руки,
 Повель дѣвицу во бѣлы шатерь.
 Какъ чуть ему съ дѣвицею грѣхъ творить,
 А грѣхъ творить, съ нею блудъ блудить, —
 Распачется красная дѣвица:
 «А не честь твоя молодецкая, богатырская,
 Не спросилъ ты ни дядины, ни отчины,
 Княженецкая дочь я, боярская,
 Была я дочь гостиная
 Изъ Волянца города, изъ Галичья,
 Молода Марфа Петровична».
 И за то слово Казаринъ спохватается:
 «Гой еси, душа, красная дѣвица,
 Молода Марфа Петровична!
 А ты по роду мнѣ родна сестра!»
 Посадилъ ея дѣвицу на добра коня,
 На русскаго, богатырскаго,
 Самъ онъ садился на татарскаго —
 Какъ-бы двухъ коней въ поводу повель—
 И поѣхалъ домой, къ городу Кіеву
 Со своею сестрицею родною ²⁾.

Когда, такимъ образомъ, зародилось чувство отвращенія отъ кровосмѣсительныхъ, родственныхъ браковъ, тогда, естественно,

¹⁾ Ч. Дарвина, «Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія». Спб. 1863 года, т. II, стр. 133.

²⁾ Древн. росс. стих., 210—211.

наступилъ фазисъ господства древне-славянскаго обычая — „умнканія“, похищенія дѣвицъ изъ чужихъ родовъ. И вотъ, обычай этотъ особенно господствовалъ на переходѣ славянскихъ племенъ отъ чисто зоологической формы кровосмѣсительныхъ браковъ къ антропологическому типу браковъ договорныхъ. Въ особенной силѣ онъ былъ передъ началомъ распространенія христіанства, и опять дольше всего сохранялся у тѣхъ-же, наиболее отсталыхъ и дикихъ славянскихъ племенъ, каковы были древляне, сѣверяне, радимичи и вятичи, которые, такимъ образомъ, посредствомъ „умнканія“ дѣвицъ изъ чужихъ родовъ, постепенно отвыкали отъ свое-родовыхъ, кровосмѣсительныхъ браковъ и подготовлялись къ усвоенію дальнѣйшей формы брака — договорной, „сватовской“. „Древляне, говоритъ лѣтописецъ, — жили въ лѣсу, звѣринскимъ образомъ, не имѣли стыдѣнья передъ снохами и сестрами, матерями и отцами, свекровями и деверями, и брака у нихъ не было, а было похищеніе дѣвицъ; радимичи, вятичи и сѣверяне имѣли одинакій обычай: жили въ лѣсу, какъ всякій звѣрь, было срамословье у нихъ передъ отцами и передъ снохами, браковъ у нихъ не было (т. е. съ христіанской точки зрѣнія), но были игрища между селами: сходились на игрища, на плясанье, и тутъ умнкали себѣ женъ, съ какой дѣвицей кто соглашался: имѣли-же по двѣ и по три жены ¹⁾“. Переяславскій лѣтописецъ передаетъ это свидѣтельство Нестора въ болѣе распространенной формѣ: „діаволу угожаючи, и срамословье и нестыдѣное возлюбиха передъ отцами и передъ снохами и матерями, а браци не возлюбиха, но игрища межи сель, и ту слѣгахуся, рищуце на плясаніа, и отъ плясанія познаваху — которая жена или дѣвица до младыхъ похотѣніе имать, и отъ очнаго воззрѣнія, и отъ обнаженія мышць, и отъ показанія персть ручныхъ, и отъ даралаганія (надѣванья) перстной на персты чужая, тажъ потомъ цѣлованія съ лобзаніемъ, и, плоти съ сердцемъ разжергнися, слагахуся, иныхъ дѣвицъ поймающе, а другихъ, поругавше, метаху на посмѣланіе до смерти ²⁾“. Такимъ образомъ, цѣлая масса восточныхъ славянскихъ племенъ, во вре-

¹⁾ П. С. Р. Л. 1, 6.

²⁾ Переясл. лѣтон., стр. 3—4.

мена господства грубой физической силы, имѣла обычай силой похищать женщинъ изъ чужихъ родовъ, на религіозно-обрядовыхъ игрищахъ между селами. Долго господствовавшій обычай хищническаго, насильственнаго „умыканія дѣвицъ“ представлялъ такимъ образомъ новый источникъ первобытнаго порабощенія женщины. Сначала въ этихъ похищеніяхъ дѣвицъ, разумѣется, преобладала грубая физическая сила, со всѣмъ ея дикимъ, буйнымъ разгуломъ. Вслѣдствіе этого, естественно, насильственное похищеніе дѣвицъ сплошь и рядомъ должно было сопровождаться враждой между родами. По свидѣтельству лѣтописи, „родъ вставалъ на родъ“, и одною изъ причинъ этой родовой розни и борьбы, безъ сомнѣнія, было насильственное, хищническое „умыканіе дѣвицъ“ однимъ родомъ у другого. О враждѣ древне-славянскихъ родовъ изъ-за насильственнаго похищенія дѣвицъ свидѣтельствуесть, между прочимъ, и одна старинная хороводная игра нашего простого народа, въ которой символически изображается древняя дѣйствительная борьба двухъ родовъ изъ-за похищенной дѣвицы. По символическому обряду этой игры, одна сторона, представляющая въ лицѣ „женскаго пола“ тотъ родъ, изъ котораго на игрищахъ между селами похищена дѣвица, враждебно выступаетъ противъ другой стороны, представляющей въ лицѣ „мужскаго пола“, родъ похитителей дѣвицъ. При этомъ, „женскій полъ“, идя на встрѣчу „мужскому полу“ на игрищѣ поетъ:

Ужъ мы просо сѣяли, сѣяли!
Ой Дидь-Ладо сѣяли, сѣяли!

А „мужской полъ“, наступая на встрѣчу женскому, отвѣчаетъ:

Ужъ мы просо вытончемъ, вытончемъ!
Женщины: Гдѣ вамъ, дрянямъ, вытоптать, вытоптать!
Мужчины: Ужъ мы пустимъ сто коней, сто коней!
Жен. А мы коней переймемъ, переймемъ!
Муж. Гдѣ вамъ, дрянямъ, перенять, перенять!
Жен. У насъ шелковы уздицы, крѣпкія!
Муж. Ужъ мы коней выкупимъ, выкупимъ,
Жен. Гдѣ вамъ, дрянямъ, выкупить, выкупить!

Муж. Мы дадимъ сто рублей, сто рублей,
 Жен. Намъ не надо сто рублей, тысячей,
 Что вамъ, дрянямъ, надобно, надобно?
 Муж. Намъ надобно дѣвицу, дѣвицу!

Затѣмъ мужчины поднимая руки, начинаютъ ловить дѣвицъ, а женщины стараются вырваться и пробѣгаютъ между рукъ парней. Похитивши дѣвицу или нѣсколько, мужчины торжественно поютъ:

«Нашего полку прибыло, прибыло»!
 А женщины жалобно вторять:
 «А нашего полку убыло, убыло»!
 Мужчины: «Наши-то играли да выиграли,
 А ваши-то играли да проиграли»!
 Женщины: «Ни тканью, ни пряжью проиграли ¹⁾»).

Въ другихъ пѣсняхъ вражда родовъ изъ-за похищенныхъ дѣвицъ выражается въ образѣ борьбы славянскаго рода-племени съ Литвой, которая представляетъ враждебный родъ похитителей дѣвицъ. Наконецъ, если вражда между родами изъ-за похищенныхъ дѣвицъ кончалась войной и въ ней одерживалъ верхъ родъ, оскорбленный похищеніемъ, — то этотъ родъ требовалъ съ рода похитителя матеріальнаго удовлетворенія, вознагражденія за похищенную у него дѣвицу. На это требованіе указываетъ свадебный обрядъ, сохранившійся и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у простого народа... Подлѣ невесты садится братъ или другой какой-нибудь родственникъ. Дружко спрашиваетъ его: зачѣмъ сидишь здѣсь?—Я берегу свою сестру.—Она уже не твоя, а наша, возражаетъ дружко.—А если она теперь ваша, заплатите мнѣ за ея прокормленіе: я одѣвалъ ее, кормилъ, поилъ ²⁾. Такъ произошло вѣно—мировая плата за похищенную дѣвицу ³⁾.

¹⁾ Записано въ Сибири, въ Разводинскомъ селеніи, въ 4-хъ верстахъ отъ Иркутска.

²⁾ Бытъ русскаго народа, соч. А. Терещенко. Ч. II, стр 517—518.

³⁾ Вѣно—цѣна дѣвушки, платимая женихомъ роднымъ невесты. По свидѣтельству лѣтописи, Владиміръ (женился на Аннѣ) „вдасть за вѣно грекамъ Корсунъ, царицы дѣлъ“; Казиміръ (женился на сестрѣ Ярослава) вдасть за вѣно людіе 800.“ *Вѣно*—отъ глагола *вънити*—vendere, цѣнить, продавать по чѣмъ. Въ переводѣ правящаго Іоанна Схоластика замѣчено о вѣнѣ, какъ о цѣнѣ или куплѣ: „восхл-

Затѣмъ, проходили вѣка, — и отдѣльныя семьи славянскія все болѣе и болѣе размножались въ роды, а роды развѣтвлялись и размножались въ племена. Единоплеменные союзы родовъ, происшедшіе отъ одного или нѣсколькихъ родоначальниковъ, вродѣ Кія, Щека и Хорива, или Вятко, Радима и т. п., и долго жившіе въ смежныхъ селахъ, наконецъ, вслѣдствіе одного естественнаго размноженія и территориальнаго расширенія, мало по малу сливались, соединялись вмѣстѣ, огораживали свои селенія общимъ „заборомъ“, въ видѣ остроговъ или укрѣпленій, и такимъ образомъ устраивали города, въ родѣ Кіева, Пересѣчена, Любеча, Коростева, Смоленска и т. п. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ выходило, что въ городахъ этихъ жилъ уже не одинъ родъ, какъ въ небольшихъ, отдѣльно разбросанныхъ селахъ, а жило вмѣстѣ нѣсколько родовъ, которые, вслѣдствіе естественнаго расхожденія, отдаленія и отчужденія побочныхъ родовыхъ линій и колѣнъ, давно уже обособились, отчуждились другъ отъ друга, утратили или забыли и самую родоначальную, единокровную связь между собою, не помнили своего первоначальнаго сродства, вообще, считались чуждыми другъ другу родами. Естественно, что здѣсь, въ городахъ, при безпрестанномъ столкновеніи молодыхъ людей обоого пола изъ разныхъ родовъ, было невозможно для послѣднихъ удерживать своихъ дѣвушекъ для себя, случались частыя похищенія дѣвицъ, которыя вели къ ежедневнымъ ссорамъ между сосѣдями. Напротивъ, старшинамъ родовъ, даже во взаимныхъ борьбахъ, часто могло быть выгодно скрѣплять свои отношенія къ другимъ родамъ взаимными брачными связями между ихъ и своими членами. Такимъ образомъ въ городахъ необходимо долженъ былъ произойти обычай сватовства, брачный обычай, по выраженію лѣтописца, браки должны были заключаться съ согласія родственниковъ невесты ¹⁾. Такъ произошло, по выраженію былинъ народныхъ, „доброе дѣло — сватанье“, и, вмѣсто

щеніемъ, ли нужею съ женами живущихъ и о дѣствахъ и о рабыняхъ дающихся самѣмъ чрезъ *отню* владущихъ ими“. (Розенкамфа, о кормчей книгѣ стр. III). Надобно замѣтить здѣсь еще, что какъ похищеніе дѣвицъ изъ чужихъ родовъ, такъ и вражда изъ за нихъ и потомъ плата за нихъ существуютъ и теперь у нѣкоторыхъ финскихъ, самоѣдскихъ и другихъ племенъ, сожительствующихъ съ славяно-русскимъ народомъ.

¹⁾ Соловьева, Исторія Россіи I, 62.

враждебнаго, хищническаго „умыканія дѣвиць“, получилъ начало дружелюбный, полюбовный, договорный бракъ. По свидѣтельству лѣтописи, договорный, сватовской бракъ существовалъ у наиболѣе вроткаго и мирнаго племени — полянь, жившихъ уже не въ „черномъ дикомъ лѣсу“, а въ разчищенномъ, разработанномъ полѣ, и имѣвшихъ своимъ средоточіемъ городъ Кіевъ. Здѣсь вѣно, означавшее прежде, при господствѣ похищенія дѣвиць, плату за похищенную невѣсту, перешло въ подарки отъ жениха роднымъ невѣсты, а впоследствии стало означать вообще брачныя условія, брачную запись ¹⁾). Когда возникъ, такимъ образомъ, брачный обычай и браки стали заключаться не иначе, какъ съ согласія родственниковъ невѣсты, посредствомъ сватовства,—тогда, естественно, молодымъ людямъ труднѣе стало похищать дѣвиць силой, не боясь нарушенія общепринятаго обычая—дружелюбнаго стовора и согласія. Они все болѣе и болѣе должны были напередъ склонять, располагать къ себѣ и стоваривать поправившихся имъ дѣвиць изъ чужого рода. И дѣвицы, въ свою очередь, охраняемыя родителями и общимъ, между-родовымъ брачнымъ обычаемъ сватовства, также стали имѣть нѣкоторую возможность иногда напередъ мирно, полюбовно совѣщаться съ молодцами, изъявлять согласіе на ихъ сватанье.

Но не всегда, однакожъ, и сватовство рѣшалось мирно, полюбовно. Часто родители жениха или невѣсты упрямилась, не соглашались на „доброе дѣло—сватанье“, и тогда опять сила, а впоследствии, сверхъ того, и княжеская воля вынуждали противную сторону согласиться на сватовство и бракъ. Такъ былина о Гордеѣ Блудовичѣ характеристично обрисовываетъ старинныя родовыя ссоры по случаю сватовства.

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова, осударь, князя Владиміра,
Было пированье, почестной пирь,
Было столованье, почестной столъ,—
Много было у князя Владиміра
И князей, и боярь и княжецкихъ женъ,

¹⁾ Въ „Азбуковникѣхъ“ толкуется: „вѣнонаписаніе: егда кто обручить себѣ невѣсту и творить писаніемъ крѣпость промежъ себя, и то писаніе парѣчется *вѣно*“.

Пригодились тутъ на пиру двѣ честныя вдовы:
 Первая вдова Чесовая жена,
 А другая вдова Блудова жена,—
 Обѣ жены богатыя,
 Богатыя жены дворянскія.
 Промежу собой сидятъ, за прохладъ говорятъ.
 Что возговорить тутъ Блудова жена:
 „Гой еси ты, Авдотья, Чесовая жена!
 Есть у тебя девять сыновей,
 А девять сыновей, какъ ясныхъ соколовъ,
 И есть у тебя дочь возлюбленна
 Молода Авдотья Чесовична,
 Та вѣдь дѣвица какъ лебедь бѣлая,—
 А у меня у вдовы Блудовы жены
 Единъ есть сынъ Горденъ, какъ ясенъ соколъ,
 Многіе пожитки остались ему
 Отъ своего родимаго батюшки;
 Нонѣ за прохладъ, за чужимъ пиркомъ,
 Молвимъ словечко о добромъ дѣлѣ о сватаньѣ:
 Я хочу у тебя свататься
 За молода Гордена Блудовича
 Дочь твою возлюбленну Авдотью Чесовичну“.
 Втапору Авдотья Чесова жена осердилася,
 Била ее по щекѣ, таскала по полу кирпичету,
 И при всемъ народѣ, при бесѣдѣ, вдову опозорила,
 И весь народъ тому смѣялися.

Изобиженная, обезчещенная Авдотья Блудова жена скоро пошла ко двору своему, и жалобу принесла своему сыну Гордену Блудовичу:

Была я на честномъ пиру
 У великаго князя Владиміра,
 Сидѣли мы съ Авдотьей Чесовой женой,
 За прохладъ съ нею рѣчи говорили
 О добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ:
 Сваталась я на ея на любимой на дочери
 Авдотѣ Чесовичнѣ
 За тебя сына, Гордена Блудовича,
 Тѣ ей мои рѣчи не взлюбилися,
 Била меня по щекѣ и таскала по полу кирпичетому,
 И при всемъ народѣ, на пиру обезчестила“.

Молодой Горденъ уклалъ спать свою матушку родимую, такъ-какъ „втапору она была пьяная“, а самъ пошелъ на дворъ къ

Чесовой женѣ, „сжималъ песку горсть цѣлую“ и, какъ сталь противъ высокаго терема, гдѣ сидѣла молодая Авдотья Чесовична, бросилъ ту горсть песку въ теремъ, полтерема сшибъ, виноградъ подавилъ“.

Втапоры Авдотья Чесовична
Бросилась точно бѣшенная изъ высокаго терема,
Среди двора она бѣжить, ничего не говорить;
Пропустя она Гордена, сына Блудовича,
Побѣжала къ своей родимой матушкѣ
Жаловаться на княженецкой пирь.

Ссора разгоралась шире и далѣе. Наконецъ, на улицѣ „учинилась драка великая“, и молодой Горденъ Блудовичъ, не получивши руки Авдотьи Чесовичны „добрымъ дѣломъ — сватаньемъ“, взялъ ее силой, побивши ея братьевъ — „вдовиныхъ ребятъ“:

Горденъ вертокъ былъ,
Того онъ ударилъ о землю,
И ушибъ его до смерти,
Другой подвернулся, и того ушибъ,—
Третій и четвертый кинулися къ нему,
И тѣхъ всѣхъ прибилъ до смерти.
Пошелъ онъ Горденъ къ Авдотѣ Чесовичнѣ,
Взялъ ее за бѣлы руки,
Обручился, обвѣнчался съ ней и домой пошолъ.

Но и послѣ того, какъ Горденъ силой взялъ за себя „молоду Авдотью Чесовичну, мать ея все-таки упрямилась, не хотѣла скрѣпить своимъ согласіемъ насильственный бракъ. Тогда Горденъ прибѣгъ къ силѣ княжескаго слова и окончательно порѣшилъ „доброе дѣло—сватанье“:

По утру Горденъ столъ собралъ,
Столъ собралъ и гостей позвалъ,
Позвалъ тутъ князя со княгинею
И молоду свою тещу Авдотью Чесовую жену,
Втапоры было честна вдова Чесовая жена
Загордилася, не хотѣла было итти
Въ домъ къ зятю своему.
Тутъ Владиміръ князь стольной кievской
И со княгинею стали ее уговаривати,
Чтобы она на то больше не кручинилася,
Не кручинилася и не гнѣвалася,—

И она тутъ ихъ послушала,
 Пришла къ зятю на веселой пиръ,
 Стали пити, ясти, прохладжатися ¹⁾).

И самъ великій князь Владиміръ сначала добромъ сватался на Рогвѣдѣ, дочери Рогвольда полоцкаго, створенной за его брата Ярополка, но когда получилъ отказъ со стороны невѣсты, не хотѣвшей выйти замужъ за „рабочича“, сына рабы, то сильно разгнѣвался, тотчасъ-же собралъ большое войско изъ варяговъ, новгородцевъ, чуди и кривичей и, напавши на Полоцкъ, убилъ Рогвольда съ двумя сыновьями, а дочь его Рогвѣду силой взялъ за себя замужъ, и впослѣдствіи порывался даже убить ее зато, что она не хотѣла выйти за него замужъ. И, по преданію былинны народной, Владиміръ самъ приказывалъ, въ случаѣ нужды, замѣнять „доброе дѣло — сватанье“ силою, насильнымъ похищеніемъ дѣвицы:

Возговоритъ Володиміръ князь:
 „Гой еси, Иванъ Годинович!
 Возьми ты у меня князя сто чловѣкъ
 Русскихъ могучихъ богатырей,
 У княгини ты бери другое сто,
 У себя Иванъ третье сто:
 Поѣзжай ты о добромъ дѣлѣ—о сватанѣ,
 Честью не дасть, *ты и силою бери*“.

Наконецъ, если не физическая сила удалаго молодца, такъ деспотическая сила родителей также сплошь и рядомъ дѣлала самое „доброе дѣло—сватанье“ насильственнымъ и обращала его въ новый источникъ порабощенія женщины. Не даромъ, старинныя русскія свадебныя пѣсни, особенно тѣ, которыя поются дѣвицами на „сговорѣ“ и на „дѣвичникахъ“, преисполнены вопіющихъ жалобъ со стороны невѣстъ-дочерей противъ деспотической воли родителей. Такъ, напримѣръ, въ одной свадебной пѣснѣ невѣста—„дочь отецкая“ съ воемъ причитаеть:

Не сама я вылетаю,
 Не своею я охотою:
 Выдаетъ меня: сударь, батюшка,
 Снаряжаетъ родна матушка,
 Къ чужому отцу, къ матери,

¹⁾ Древн. російск. стих. 178—154.

Къ чужому роду, племени..
 Скучно мнѣ дѣвушкѣ сиротинушкѣ,
 Безталанной, бѣдной головушкѣ!..
 Теперь батюшка да какъ чужь чужанинъ,
 Родная матушка хуже мачихи:
 До зореньки красныя понаѣлися,
 До свѣту божьяго понапилися —
 Пропили меня дѣвушку, сиротинушку,
 Пропили головушку безпріютную,
 Не глядя на слезы, на жаленьице,
 Забросили дѣтище въ нелюбиму сторону,
 Да на горе, да на кручинушку
 Да на плаканье, да на вѣчное...
 Больно сердичку, и больнешенько...
 Разступись ты мать, сыра земля!
 Подымись, вскройся гробова доска!
 Встань ты, братецъ мой, встань родименькой,
 Пріюти меня безпріютную,
 Приголубь меня позабытую!
 Роду, племени я чужой стала,
 Отцу, матери я покидышемъ ¹⁾«.

Такимъ образомъ, и во времена господства брачнаго обычая—
 сватовства, полюбовнаго согласья и договора, — все-таки почти
 сплошь и рядомъ дѣвицъ порабощали игу брака силой. Мало
 того: даже самый первобытный обычай похищенія дѣвицъ долго
 удерживался въ простомъ народѣ. Бопланъ, жившій въ Украинѣ
 17 лѣтъ, описываетъ кражу дѣвицъ, совершавшуюся въ его вре-
 мя, въ половинѣ XVII вѣка. Въ Украинѣ, во всякое воскре-
 сенье и всякій праздникъ, говоритъ Бопланъ, собираются послѣ
 обѣда къ корчмѣ казаки съ женами и дѣтьми. Мужчины и за-
 мужнія женщины проводятъ время въ питьѣ, а юноши и дѣ-
 вушки забавляются на лугу пляскою, подѣ дудку. Сюда прихо-
 дить помѣщикъ съ своимъ семействомъ чтобы посмотреть на мо-
 лодыхъ, иногда и самъ онъ съ своимъ семействомъ принимаетъ уча-
 стіе въ веселостяхъ. Тогда казаки, по старому между ними обыкно-
 венію, похищаютъ дѣвицъ, даже дочерей помѣщика. Въ этомъ
 случаѣ необходимы ловкость и проворство. Похититель непре-
 мѣнно долженъ ускользнуть съ своею добычею, и скрываться въ

1) Быть русскаго народа, Терещенко. Ч. II, стр. 124—209.

лѣсу не менѣе 24 часовъ. Этимъ только онъ спасается, иначе пропала его голова. Пойманнаго въ лѣсу, до истеченія сутокъ, лишали жизни. Если похищенная дѣвушка пожелаетъ выйти за него замужъ, то онъ обязанъ жениться на ней, въ противномъ случаѣ лишается головы. Если-же дѣвица не изъявитъ желанія выйти за него замужъ, то онъ свободенъ отъ смерти ¹⁾. О Стенькѣ Разинѣ сохранилось извѣстіе, будто онъ на Дону велѣлъ вѣнчать мужчинъ съ похищенными дѣвицами около деревьевъ ²⁾. Нѣкоторыя секты раскола также до позднѣйшаго времени сохраняли обычай похищенія дѣвицъ: между ними бракъ не считался дѣйствительнымъ, доколѣ женихъ не похитилъ дѣвицу съ ея согласія. Такой обычай былъ въ употребленіи еще недавно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ витебской губерніи между раскольниками. Тамъ молодые парни и дѣвицы на масляницѣ собирались въ питейный домъ, на гулянье, называемое кирмамъ, плясать, пить и веселиться. Отцы и матери знали, къ чему клонилось веселье, потому-что оно было обрядное. Молодой парень, условившись съ дѣвицею, уходилъ съ нею съ кирмама и, посадивъ на сани, отправлялся въ лѣсъ къ завѣтному дубу, объѣзжая его три раза, и тѣмъ оканчивалось его вѣнчанье. Въ липецкомъ уѣздѣ находится огромное озеро, которое у раскольниковъ считается священнымъ: мужчины, похищая дѣвушекъ, объѣзжали озеро три раза, и бракъ былъ дѣйствителенъ. Наконецъ, обычай похищенія дѣвицъ до позднѣйшаго времени соблюдался и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири, въ тобольской губерніи, и тоже между раскольниками ³⁾.

Какъ первобытные брачные обычаи—кровосмѣсительные, хищническіе и договорные браки, такъ и сопровождавшія ихъ религіозно-обрядовыя игрища или празднества имѣли свои послѣдовательныя видоизмѣненія и разнообразныя переходныя формы. Древнѣйшія изъ этихъ игрищъ, на которыхъ совершались еще кровосмѣсительные или общинные браки, отличались самымъ нецѣломудреннымъ, безстыднымъ, чисто животнымъ проявленіемъ половой похоти. Въ эти времена, вѣроятно, возникъ культъ въ честь Ярилы. Животворная теплота и разгорячающій жаръ яр-

¹⁾ Descripton d'Ukraine, p. 63.

²⁾ Ригельмана, исторія донск. войска, въ Чтен. моск. общ. истор.

³⁾ Терещенко, бытъ русск. народа 11, 28.

каго весенняго и лѣтнаго солнца, во всей природѣ возбуждая жизнь и плодородье, въ то-же время, въ частности, съ наибольшою возбудительностью разжигали и плотскія половыя влеченія и желанія въ первобытной молодежи, жившей скотоподобною, животною жизнью, „якоже всякій звѣрь“, по выраженію лѣтописца. И вотъ, предки наши, почитая, въ религіозно-языческой апотеозѣ Ярилы, возбудительную, теплотворную и плодотворную силу яркаго весенняго и лѣтнаго солнца и, въ то-же время, непостижимую силу возбужденія половой любви, половыхъ страстей и похотѣній и полового оплодотворенія, — въ честь Ярилы посвящали свои весеннія и лѣтнія игрища или празднества, и на этихъ-то игрищахъ, совершая кровосмѣсительные браки, а потомъ и „умыканіе дѣвиць“, предавались самому безстыдному, животному разгулу половой похоти. Въ религіозныхъ обрядахъ, сопровождавшихъ, на этихъ игрищахъ, первобытные кровосмѣсительные браки и долго потомъ сохранявшихся на языческихъ свадьбахъ, проглядываетъ, въ видоизмѣненной формѣ, древнѣйшій архаическій остатокъ того, можно сказать, чисто зоологическаго, животнаго полового отношенія мужчины къ женщинѣ, какое могло господствовать въ человѣческомъ родѣ только въ тѣ отдаленнѣйшія, первобытныя времена, когда человѣкъ только что начиналъ выдѣляться изъ общаго зоологическаго міра. Далѣе, когда, вмѣсто первобытныхъ кровосмѣсительныхъ браковъ, обычно стало „умыканіе дѣвиць“ изъ чужихъ родовъ и затѣмъ сталъ входить въ обычай брачный обрядъ сватовства, соглашенія, договора, — самое чувство взаимнаго влеченія юноши и дѣвицы, чувство половой страсти, ведущей къ брачному союзу, также выражалось въ разныхъ религіозныхъ обрядахъ, на игрищахъ между селами, на празднествахъ религіозно-обрядовыхъ. Непонятна, непостижима была для первобытныхъ предковъ нашихъ эта таинственная, магическая сила полового влеченія, эта волшебно-обаятельная, обворожительная, чарующая сила дѣвицей красоты, невольно, рефлексивно увлекавшая къ умыканію дѣвиць. Какъ древній грекъ, по словамъ Платона, когда въ первый разъ видѣлъ богамъ подобное лицо, изображающее красоту, сначала ощущалъ священный страхъ и трепеть, а потомъ невольно преклонялся передъ красотой, боготворилъ ее и готовъ былъ при-

носить ей жертвы ¹⁾),—такъ и первобытные предки наши сначала невольно ужасались, страшились таинственной, магически-чарующей красоты дѣвичей и ея непреодолимой, томительно-притягательной половой силы, предполагая въ нихъ какую-то невидимую силу демоническую, магически обворожительную, волшебнo-чародѣйную. И вотъ, изъ этого-то страха или трепетнаго обаянія и очарованія, вѣроятно, и произошло первобытное поклоненіе „богинѣ-дѣвѣ“ и богинѣ любви и брака — „Ладѣ“. По свидѣтельству слова Григорія Назіанзіна, — и у нашихъ предковъ-славянъ была „богиня—си же дѣва“, и они, подобно многимъ другимъ языческимъ народамъ, „чтили богиню, сію же дѣву творили“ ²⁾). Въ антропоморфической апотеозѣ Лады предки наши чтили богиню любви и брачнаго союза. Какъ Фрея у нѣмцевъ, такъ Лада у славянъ почиталась покровительницею любви и браковъ, богинею юности, красоты и плодотворенія, всещедрою матерью. Страхъ за непредвидимую будущую судьбу брака, опасеніе чародѣйной порчи и будущаго несчастья брачной жизни побуждали языческихъ предковъ нашихъ умилостивлять и умаливать богиню Ладу и бога Лада, чтобъ они уладили, устроили бракъ добрый, счастливый. Весной, въ пору наибольшаго возбужденія половыхъ желаній, Лада, дочь яркаго весенняго солнца, покровительница любви, мать чадородія, воспламеняла въ сердцахъ юношей и дѣвицъ „горячую любовь“ ³⁾). И вотъ молодые люди, пылая горячностью полового влеченія, „горя любовью горячо“, сходились съ наступленіемъ весны, на игру, извѣстную подъ именемъ „горѣлокъ“, славили богиню любви и браковъ

1) Шевырева, теорія поэзіи въ историч. развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ. Истор. философін, Льюсса, стр. 236.

2) Лѣтоп. стар. русск. литер. т. IV: слово противъ язычниковъ 4. Вѣроятно, видоизмѣненный остатокъ этого древне-языческаго поклоненія «дѣвѣ—богинѣ» сохранился или отпечатлѣлся впоследствии и въ религіозномъ поклоненіи секты «людей Божіихъ» дѣвицъ какъ богородицѣ, а также и въ ученіи бѣгуновъ, утверждающемъ, что «дѣвка сотворена отъ Бога, а баба отъ діавола», что блудное общеніе съ дѣвицами есть «любовь Христова» и больше угодно Богу, чѣмъ церковно-брачное сожителство съ женою.

3) На эпическомъ языкѣ народныхъ пѣсень любовь называется *горючою*: «горюча любовь на свѣтѣ». Объ ней поется: «не огонь горитъ, не смола кипитъ, а *горитъ*—кипитъ ретиво сердце по красной дѣвицѣ». Любовь не пожаръ, выражается пословица, а *загорится*,—не потушишь. Въ переяславск. уѣздѣ говорятъ: «лучше семь разъ *горитъ* (т. е. влюбляется, томится любовью), чѣмъ одинъ овдовѣтъ». Афонасьева, I, стр. 448.

Ладу, и тутъ происходило „умыканіе“ дѣвицъ или полюбвное соглашеніе на бракъ. Закликавъ красную весну, обращались къ Ладѣ съ такимъ привѣтомъ:

Благослови мати,
Ой мати Лада, мати!
Весну закликати.

Сохранившаяся доселѣ весенняя игра „горѣлки“ представляетъ символическое изображеніе древнѣйшаго обычая похищенія дѣвицъ, на игрищахъ въ честь Лады. Въ игрѣ этой, холостые парни и дѣвицы устанавливаются парами въ длинный рядъ, а одинъ изъ молодцовъ, которому по жребію достается „горѣть“, становится впереди всѣхъ и произноситъ: „горю, горю пень!“ — Чего ты горишь? спрашиваетъ дѣвичій голосъ. — Красной дѣвицы хочу. — Какой? — Тебя молодой! При этихъ словахъ одна пара разбѣгается въ разныя стороны, стараясь снова сойтись другъ съ дружкой и схватиться руками; а который „горѣлъ“ — тотъ бросается ловить себѣ дѣвицу. Если ему удастся поймать себѣ дѣвушку прежде, чѣмъ она сойдется съ своею парюю, то они станоятся въ рядъ, а оставшійся одинокимъ змѣстуетъ его мѣсто; если же не удастся поймать, то онъ продолжаетъ гоняться за другими парами, которыя послѣ тѣхъ-же вопросовъ и отвѣтовъ, бѣгаютъ по очереди. Погоня за дѣвицами, ловля, захватъ ихъ указываютъ на старинныя умычки жень, а „горѣнье“ молодца означаетъ воспламененіе въ его сердцѣ богинею Ладюю любви къ красной дѣвицѣ ¹⁾. Какъ со стороны женскаго пола богиня Лада, такъ со-стороны мужскаго богъ Ладо почитался также покровителемъ половой любви и брака. По преданію, занесенному въ Синописи, богу Ладу приносили жертвы „готовящіеся къ браку, помощію его мняще себѣ добро веселіе и любезно жигіе стяжати, Ладу ѣюще: Ладо, Ладо! и на брачныхъ веселіяхъ руками плещуще и о столѣ біюще воспѣвають“ ²⁾. То-же преданіе сообщаетъ и густынская лѣтопись: „Ладо — богъ желитьбы, веселія, утѣшенія и всякаго благополучія; сому жертвы приношаху хотяще женитися, дабы его помощію бракъ добрый и любовный былъ“ ³⁾.

¹⁾ Афонасьева, Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу т. I, стр. 448—449.

²⁾ Афонасьева I, стр. 229.

³⁾ П. С. Р. лѣт. II, 257.

Поклоненіе Ладу и Ладѣ, вѣроятно, получило особенную силу уже во времена господства брачнаго обычая и сватовства, когда болѣе или менѣе понята была важность взаимной любви брачующихся и необходимость предварительнаго согласія на бракъ какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ родственниковъ. Въ это время, молодымъ людямъ уже не всегда можно было силой похитить дѣвицу, и каждый молодецъ все болѣе и болѣе начиналъ постигать по опыту, что „силой милымъ не быть“, что для того, чтобы ему приобрести руку очаровавшей его красной дѣвицы, той „дочери отеческой“, которая сидѣла въ высокомъ терему у отца-матери, надобно прежде всего, чтобы она знала про любовь молодца къ ней и сама горячо полюбила его, согласилась на бракъ съ нимъ. А дѣвица, съ своей стороны, томилась „горячею любовью“ къ другому молодцу, между тѣмъ какъ родители ея, въ свою очередь, мѣтили выдать ее за третьяго, казавшагося имъ наиболѣе выгоднымъ женихомъ. Такимъ образомъ, во времена укорененія брачнаго обычая сватовства, договора, молодые люди, естественно, впервые начинали чувствовать и познавать всю силу тоскливыхъ, томительныхъ ощущеній половой любви. Эта, впервые болѣе или менѣе сознательно возчувствованная тоска-нытье сердца любящаго, эта томительность неудовлетворенности половыхъ желаній и влеченій казалась имъ неостижимой тайной внутренняго, психическаго міра. И вотъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ древне-языческаго страха таинственныхъ силъ природы внѣшней и человѣческой, молодые люди со страхомъ представляли, въ своихъ томительныхъ, тоскливыхъ ощущеніяхъ половой любви гнетущее дѣйствіе особаго психическаго духа, невидимаго существа—„Тоски“. Со страхомъ и трепетомъ зывали они къ этой „тоскѣ“, какъ особенной демонической, сатанинской силѣ, которая, возбуждая тайныя желанія, безотчетную грусть и томленье, грызла, давила, сокрушала сердце юноши или дѣвицы, заставляла ихъ изнывать, сохнуть, таять. Съ трепетнымъ волненіемъ и возмущеніемъ чувства, умолялъ молодецъ „Тоску“ въ такомъ заговорѣ на любовь красной дѣвицы: „на морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ доска, на той доскѣ лежитъ Тоска. Бьется Тоска, убивается Тоска, съ доски въ воду, изъ воды въ поломя, изъ поломя выбѣгалъ Сатанина, кричитъ: Павушка Романея, бѣги поскорѣе, дуй рабѣ-такой-то-

въ губы и въ зубы, въ ея кости и пакости, въ ея тѣло бѣлое, въ ея сердце ретивое, въ ея печень черную, чтобы раба такая-то тосковала всякой часъ, по полуднямъ, по полуночамъ, вѣла-бы не заѣла, пила-бы не запила, спала-бы не заспала, а все-бы тосковала, чтобы я ей былъ лучше чужова молодца, лучше родного отца, лучше родной матери, лучше роду-племени. Замыкаю свой заговоръ семьюдесятью семью замками, семьюдесятью цѣпями, бросаю ключи въ Окіанъ море, подъ бѣлыя горячъ камень Алатырь. Кто мудренѣе меня выищется, кто перетаскаетъ изъ моря весь песокъ, тотъ отгонитъ Тоску“¹⁾). Если любовь къ дѣвицѣ сильно томила, крушила сердце молодца, не давала ему покой, волновала его грудь бурей тяжолыхъ, безпокойныхъ думъ и тайныхъ, сдержанныхъ порываній,—то ему казалось, что цѣлые десятки мучительныхъ демоновъ или духовъ Тоски метались, кидались, носились по воздуху, обуревали его душу, грызли, давили его сердце. И вотъ, изъ взволнованной груди его невольно, рефлексивно вырвался страшный вопль накопившейся на сердцѣ тоски, и онъ съ трепетнымъ возмущеніемъ чувства заклиналъ легіоны духовъ Тоски такимъ заговоромъ: „какъ на морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, есть бѣлыя-горячъ камень Алатырь, на томъ камнѣ устроена огнепалимая баня, въ той банѣ лежитъ разжигаемая доска, на той доскѣ тридцать три тоски. Мечутся тоски, выдаются тоски, бросаются тоски... чрезъ всѣ пути и дороги и перепутья воздухомъ и ахромъ. Мечитесь тоски, киньтесь тоски въ красную дѣвицу; въ ея буйную голову, въ тылъ, въ ликъ, въ ясныя очи, въ сахарныя уста, въ ретивое сердце, въ ея умъ и разумъ, въ волю и хотѣніе, во все ея тѣло бѣлое, чтобы былъ ей добрый молодецъ милѣе свѣту бѣлаго, милѣе солнца пресвѣтлаго, милѣе луны прекрасныя... Вставайте вы, матушки, три тоски тоскучія, три рыды рыдучія, и берите свое огненное пламя, разжигайте красную дѣвицу, разжигайте ее во дни и въ ночи, и въ полуночи, при утренней зорѣ и при вечерней...“²⁾“ Вообще, страхъ таинственной силы природы внѣшней и человѣческой всецѣло проникалъ и самое чувство половой любви. Съ трепетомъ представляя любовь какъ

1) Сахарова 89.

2) Сахарова 1, 27—28.

«Дѣло», № 8.

особую демоническую, сатанинскую силу, какъ грызущую, давящую „тоску“, — предки наши со страхомъ и трепетомъ вѣрили и въ „огонь и пламя“, и въ „вѣтеръ и вихрь“, и въ „быстрыя рѣки“, какъ въ могучія сверхъестественныя силы, имѣющія неотразимое вліяніе на психическую жизнь человѣка, навѣвающія, наносящія на душу его разныя тревожныя, мучительныя думы, тяжолыя, мрачныя, тоскливыя чувствованія, безпокойныя, томительныя желанія. „Весь внутренній міръ человѣка, — скажетъ словами г. Афонасьева, — представлялся имъ не свободнымъ проявленіемъ человѣческой воли, а независимымъ отъ нея, приходящимъ извнѣ дѣйствіемъ благосклонныхъ, или враждебныхъ боговъ. Всякое тревожное ощущеніе, всякая страсть принималась младенческимъ народомъ за нѣчто *наносное, напущенное*, какой взглядъ и до нынѣ удерживается въ массѣ неразвитаго просто-народа: пьетъ-ли кто запоемъ, пристрастится-ли къ игрѣ, страдаетъ-ли душевной болѣзнью, — все это неспроста, во всемъ этомъ видятъ *очарованіе*. Чувство любви есть также *наносное*; тѣ-же буйныя вѣтры, которые прогоняютъ весною дождевыя облака, раздуваютъ пламя грозы и разсыпаютъ по землѣ сѣмена плодородія — приносятъ и любовь на своихъ крыльяхъ, навѣваютъ ее въ тѣло бѣлое, зажигаютъ въ ретивомъ сердцѣ. Кто влюбленъ, тотъ *очарованъ*“¹⁾. И вотъ, вслѣдствіе такого понятія о любви, какъ огнемъ разжигаемомъ и вѣтромъ наносимомъ чувствѣ, молодые люди съ трепетной тревогой души зывали къ Огню и Пламени, и особенно къ буйнымъ вѣтрамъ и вихрямъ, олицетворяя ихъ въ образѣ трехъ или семи братьевъ: „пойду я въ чистое поле, взмолюся *тремъ Вѣтрамъ, тремъ братьямъ: Вѣтры, буйны Вихори!* дуйте по всему бѣлому свѣту, распалите и разожгите и сведите рабыню (има) со мною рабомъ божіимъ душа съ душою, тѣло съ тѣломъ, плоть съ плотью, хотъ съ хотью. Не уроните той моей *присуги* ни въ воду, ни на лѣсъ, ни на землю, ни на скотину; на воду сроните — вода высохнетъ, на лѣсъ сроните — лѣсъ повянетъ, на землю сроните — земля сгоритъ, на скотину сроните — скотина посохнетъ. Снесите и положите ее въ рабицу Божію, въ красную дѣвицу — въ бѣлое тѣло, въ ретивое сердце, въ хотъ и плоть... Есть въ чи-

¹⁾ Афонасьева, „Поэтич. воззрѣнія славянъ на Природу“, I, 453.

стоишь полѣ — сидитъ баба-сводница, у бабы сводницы стоитъ печь кирпичная, въ той печи кирпичной стоитъ кунчанъ, въ томъ кунчанѣ всякая вещь кипитъ-перекипаетъ, горитъ-перегораетъ, сохнетъ и высыхаетъ: такъ-бы обо мнѣ рабѣ божіемъ рабца божія (имя) сердцемъ кипѣла, кровію горѣла и не могла-бы безъ меня ни жить, ни быть... Встану я и пойду въ чистое поле подѣ восточную сторону. *На встрѣчу мнѣ семь братьевъ семь вѣтровъ буйныхъ.* Откуда вы, семь братьевъ, семь Вѣтровъ буйныхъ идете? куда пошли? Пошли мы въ чистыя поля, въ широкія раздолья сушить травы скошенныя, лѣса порубленныя, земли вспаханныя. Подите вы, семь Вѣтровъ буйныхъ, соберите тоски тоскучія со вдовъ, сиротъ и маленькихъ ребятъ—со всего свѣта бѣлаго, понесите къ красной дѣвицѣ (имя) въ ретивое сердце; просѣките булатнымъ топоромъ ея ретивое сердце, посадите въ нее тоску тоскучую, сухоту сухотучую, въ ея кровь горячую, въ печень, составы... чтобы красная дѣвица тосковала и горевала по такомъ-то рабѣ божіемъ,... въ гульбѣ-бы не загуливала, и во снѣ-бы не засыпывала, въ теплоѣ парущѣ (банѣ) щолокомъ не смывала, вѣникомъ не спаривала... и казался-бы ей такой-то рабѣ божій милѣе отца и матери, милѣе всего рода-племени, милѣе всего подѣ луной господней“¹⁾.

Наконецъ, что касается до положенія женщины, какъ жены, во времена господства похищенія дѣвицъ и, потомъ, брачнаго обычая, то само собою разумѣется, что уже и въ первобытныя, варварскія времена женщину должно было сильно тяготить иго хищническаго, насильственнаго брачнаго порабощенія. Но что она могла противопоставить грубой физической силѣ своихъ мужей-похитителей, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда на похищеніе ея соглашались и ея родные, когда дѣвицы „дочери отецкія“, стали товаромъ, выгоднымъ предметомъ родительской продажи? Горемычнымъ дѣвушкамъ, противъ воли, силой похищеннымъ, или силой отцомъ и матерью выданнымъ замужъ, оставалось только ревѣть, рыдать, взывать къ могиламъ и т. п. И вотъ, это-то чувство гнета физической силы мужчины, чувство неволи и рабства въ чужомъ родѣ-племени, въ рукахъ недруговъ—сильныхъ мужей-похитителей, горячими слезами изливалось

¹⁾ Афоняева, I, 151.

въ гробовыхъ, могильныхъ причитаньяхъ, какими исполнены старинныя русскія свадебныя пѣсни невѣстъ и ихъ подругъ. Пѣсни эти сохранились до насъ, какъ живой, непрерывный отголосокъ и вѣковѣчный памятникъ тѣхъ страшныхъ чувствъ женщины, съ какими она порабощалась деспотическому, насильственному брачному игу „сильныхъ мужей“. Страхъ и трепетъ охватывалъ дѣвицу, когда вдругъ наѣзжали изъ чужого рода незваные недруги-сваты. Въ одной свадебной пѣснѣ, дочь-невѣста поражается ужасомъ, при вѣздѣ на дворъ сватовъ:

Матушка, на дворъ гости идутъ,
Сударыня, на дворъ гости идутъ!
Дитятко, не бойся, не выдамъ;
Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ!
Матушка, на крылечко гости идутъ,
Сударыня, на крылечко гости идутъ!
Дитятко, не бойся, не выдамъ!
Матушка, въ нову горницу идутъ!
Дитятко, не бойся, не выдамъ!
Свѣтъ, мое милое, не бойся, не выдамъ!.. ¹⁾

Со страхомъ дѣвушка представляла роковой „печальный день“ разлуки съ своимъ родомъ-племенемъ, и горячими слезами оплакивала свою „волюшку“ и выходъ въ замужество. Тѣмъ тяжелѣе и страшнѣе было разставаться съ своимъ родомъ-племенемъ, что въ чужомъ родѣ-племени напередъ, зловѣщимъ образомъ, угрожали дѣвицѣ всѣ ужасы замужняго и общественнаго рабскаго положенія. Въ одной свадебной пѣснѣ дѣвица-невѣста плачевно поетъ:

Мимо мой темный кутничекъ,
Пролетала лебедушка:
Она махнула правымъ крылышкомъ,
Она черкнула бѣлымъ перышкомъ:
Ты поплачь, поплачь, дѣвица,
Поплачь дочь отецкая!
На чужой-то на сторонѣ
Не повадно, не весело:
Веѣ не добры и не ласковы
До тебя молодешенька.
На чужой-то на сторонѣ

¹⁾ Терещенко, II, стр. 135.

Надо жить-то умѣючи,
 Говорить разумѣючи,
 Голову держать поклоучиву,
 Ретиво сердце покорчиво,
 Молодому поклонитися
 Старому покоритися!
 Нѣ чужой-то на сторонѣ
 Растутъ лѣса-то вилавые,
 Да живутъ люди лукавые,
 Продадутъ да и выкупятъ,
 Проведутъ да и выведутъ
 Они тебя молодешеньку! ¹⁾

И дѣйствительно, при полномъ господствѣ грубой физической силы и закона сильнѣйшаго, жизнь слабѣйшаго пола, разумѣется, искони была самая безотраднѣйшая. Мы видѣли, какъ былины народныя рассказываютъ преданія о первобытномъ, самомъ звѣрскомъ обращеніи мужей съ женами. Если, въ чрезвычайно-рѣдкихъ случаяхъ, семейное и общественное положеніе женщины нѣсколько возвышалось надъ обыкновеннымъ уровнемъ,—то это зависѣло, во-первыхъ, отъ религіозно-языческаго страха магической, чародѣйной силы вѣщихъ женщинъ, во-вторыхъ—отъ чисто-животныхъ мотивовъ любви половой, супружеской, родительской и сыновней, и, наконецъ, отъ случайнаго, невольнаго и чрезвычайно рѣдкаго чувства физическаго, умственнаго или нравственнаго преимущества женщины. „Преобладаніе матеріальной силы разумѣется, не могло условливать уваженія къ слабѣйшему полу; но при отсутствіи опредѣленій, женщина могла, пользуясь иногда своимъ преимуществомъ духовнымъ, а иногда даже и силою матеріальною, играть важную роль: мудрѣйшею изъ людей въ описываемый періодъ является женщина — Ольга, которая правитъ Русью во время малолѣтства Святослава, да и послѣ совершеннолѣтія. Женщины привлекаютъ мужей своихъ на битвы; пѣсни, содержаніе которыхъ относится къ временамъ Владиміра, упоминаютъ о женщинахъ чародѣйкахъ, Владиміръ совѣтуется съ своею женою Анною о церковномъ уставѣ; княгини имѣютъ свои волости, содержатъ свою дружину, спорятъ съ мужьями, кто наберетъ храбрѣйшихъ дружинниковъ; Рогвольдъ полоцкій отдаетъ на рѣ-

¹⁾ Терещенко II, 242.

шеніе дочери, за кого она хочетъ выдти замужъ; Предслава переписывается съ Ярославомъ о поступкахъ святополковныхъ“¹⁾). Но за этими, можно сказать, случайными, единичными исключеніями, и то весьма слабо выказывающими чувство достоинства женщины, господствовавшія нравственно-юридическія понятія, вытекавшія изъ чувства страха матеріальной силы, основывавшіяся на законѣ или правѣ сильнѣйшаго, вообще, порождали совершенно иное, самое жалкое рабское положеніе женщины, какъ въ семьѣ, такъ и въ новорожденномъ обществѣ. Женщины, силой похищенныя изъ своего рода, постоянно подвергались въ чужомъ родѣ самому грубому „срамсловью“ мужчинъ. Передъ ними не выказывалось никакого стыда, никакого „стыдѣнья“, по выраженію лѣтописи. Вслѣдствіе этого, естественно, и сами женщины, отстаивая свою личность отъ нахальства мужчинъ, по большей части теряли свою природную стыдливость и наравнѣ съ мужчинами предавались пьянству, дракамъ и безстыдному срамсловію:

У великаго князя вечеринка была,
 А сидѣли на пиру честныя вдовы...
 Промежу собою разговоры говорятъ,
 Все были рѣчи прохладныя:
 Неотколь взялась тутъ Марина Игнатьевна,
 Она больно Марина упивалася,
 Голова на плечахъ не держится,
 Она больно Марина похвалялася...
 За то-то слово взывается
 Добрынина матушка родимая,
 Честна вдова Афимья Александровна,
 Наливала она чару зелена вина,
 Подносила любимой своей кумушкѣ,
 А сама она за чарою заплакала,
 Что взяла ея сына Марина Игнатьевна,
 А нынѣ на пиру похваляется...
 А и молода Анна Ивановна
 Выпила чару зелена вина,
 А Марину она по щекѣ ударила,
 Сшибла она съ рѣзвыхъ ногъ,
 А и топчетъ ее по бѣлымъ грудямъ,
 Сама она Марину больно бранить:

¹⁾ Соловьева, истор. Росс. I, 270—271.

„А и сука ты.... еретница!..
 Я-де тебя хитрѣя и мудренѣя,
 Сижу я на пиру, не хвастаю;
 А и хошь-ли я тебя сукой оберну?
 А станешь ты, сука, по городу ходить,
 А станешь, ты Марина, много за собой псовъ водить?
 А и женское дѣло прелестивое,
 Прелестивое перепадчивое... ¹⁾).

Если мужъ, какъ звѣрь, „кусался“, то не диво, что и жена отгрызгивалась. Жена была только „хотью“, самкой мужа и рабой, долженствовавшей „разувать“ мужа, служить ему и работать на него. Когда „сильный мужъ“ не могъ силой покорить себѣ женщину, тогда покорялъ ее страхомъ. Вслѣдствіе этого, въ языческія времена, вся жизнь жены приносилась въ жертву мужу, такъ-что по какому-то суевѣрному страху, или по религіозному требованію закона сильнѣйшаго, жена должна была даже слѣдовать за мужемъ въ могилу: вдовъ сожигали на кострѣ какъ жертву, въ поминоу души мужа, для того, чтобы облегчить его участь за гробомъ:

И какъ Потокъ живучи состарѣлся,
 Состарѣлся и переставился,
 Тогда его Потока похоронили,
 А его молодую жену Авдотью Лиховидѣвну
 Съ нимъ же живую зарыли въ сыру землю;
 И тутъ имъ стала быть память вѣчная ²⁾!

Наконецъ, подчиненность женщины, безправность ея личности утверждена была страхомъ княжеской власти, страхомъ перваго славяно-русскаго закона. По установленію „Русской правды“, незамужняя женщина не могла быть самостоятельною владѣлицею собственности, не могла быть самостоятельнымъ членомъ общины, какъ прежде не могла быть самостоятельнымъ членомъ рода. Сестра при братьяхъ не получала наслѣдства, только послѣдніе обязывались выдать ее замужъ. Замужняя женщина, сколько-бы ни выработала имущества при мужѣ, лишалась всякаго наслѣдства, если по смерти мужа вновь выходила замужъ. Опекунъ изъ ближайшихъ родственниковъ, передъ послухами или свидѣтелями—

¹⁾ Древн. русск. стих., 67—69.

²⁾ Древн. русск. стих., стр. 225.

„добрими людьми“ отбиралъ у ней все имѣніе, какое осталось послѣ мужа, и берегъ его для дѣтей. Сильный мужъ силошъ и рядомъ, по праву сильного, жилъ съ рабой, какъ съ женой, и приживалъ съ нею дѣтей, но эти раба и дѣти, прижитые съ ней сильнымъ мужемъ, лишались доли въ наслѣдствѣ. Человѣческое достоинство и жизнь женщины, по закону сильнѣйшаго, цѣнились вдвое и даже втрое ниже достоинства и жизни мужчины: по „Русской правдѣ“ за убійство „мужа княжаго“ или „слуги княжаго“ платилась (убійцей) двойная вира—80 гривенъ, за убійство простого мужчины простая вира—40 гривенъ, а за убійство женщины только полвиры—20 гривенъ ¹⁾).

А. Шаповъ.

¹⁾ См. изслѣд. о Русской Правдѣ, г. Кемачева, 1846.

ЖИВАЯ СИЛА.

РОМАНЪ

Фр. Герштеккера.

ГЛАВА XI.

The dansant.

Наступил тотъ знаменательный вечеръ, когда у Шаллеровъ должно было собраться множество гостей. Въ ихъ квартирѣ уже съ утра происходила такая суматоха, что можно было подумать, что хозяева не гостей ожидаютъ, а собираются совсѣмъ выѣзжать съ квартиры.

Изъ залы вытаскивали всю мебель и замѣняли ее болѣе легкими стульями. Одна комната приспособлялась для картъ и куренья; другая — для дамской уборной; Катенька вздумала было пригласить жившую тутъ-же въ домѣ швею, для исполненія должности камеръ-юнгферы, но та вѣжливо отказалась отъ такого приглашенія.

Г. фонъ-Шаллеръ дѣйствовалъ повсюду самолично и, надо отдать ему справедливость, былъ мастеромъ своего дѣла. Все ладилось у него подъ руками и онъ не забывалъ ничего, начиная отъ гостиной до кухни, отъ игорной комнаты до буфета, отъ столовой до эстрады для музыкантовъ, которую плотники соорудили подъ его собственнымъ руководствомъ.

До трехъ часовъ пополудни включительно, помогала ему и г-жа фонъ-Шаллеръ; она надзирала за изготовленіемъ пудинговъ къ вечернему столу и разсылала людей къ Клингенбрухамъ и

другимъ за нехватавшимъ серебромъ, рюмками и тарелками. Но все это совершалось ею не съ молчаливою расторопностью настоящей хорошей хозяйки, а съ той суетливостью и шумомъ, которые только сбиваютъ съ толку прислугу, такъ-что Шаллеръ сердечно обрадовался, когда, наконецъ, баронесса объявила, что ей пора заняться туалетомъ, и заперлась на замокъ въ своей уборной.

Принимать гостей дѣло нелегкое: въ послѣднее время, стали даже читаться особыя лекціи по этому предмету. Въ сущности же подобныя собранія, какъ вечеръ у Шаллеровъ, составляютъ продуктъ извращенныхъ общественныхъ отношеній.

Для чего устраиваются они? Внѣшнимъ образомъ, — для того, чтобы ввести въ свѣтъ дочерей; въ сущности же, для присканія имъ хорошихъ партій, при чемъ должны помогать и приглашаемые, которые обязаны давать балы въ свою очередь: вы доставляете имъ случай пріобрѣсть выгодное знакомство; они должны вамъ отплатить тѣмъ-же у себя на дому. Къ довершенію всего, большинство гостей страшно скучаетъ на этихъ балахъ и вечерахъ, и благодаритъ Господа, когда они кончаются; хозяева мучатся до пота, издерживаютъ много денегъ, иногда даже послѣ такого бала остаются сами безъ гроша, — что сопровождается, разумѣется, домашними ссорами и несогласіями.

Г. фон-Шаллеръ не тревожилъ себя подобными разсужденіями. Мысленно проводивъ жену къ чорту, послѣ ея исчезновенія съ поля дѣятельности, онъ принялся съ новымъ рвеніемъ за окончаніе необходимыхъ приготовленій къ предстоящему вечеру. Шаллеры поселились всего съ годъ въ Роденбургъ, но баронъ успѣлъ уже сдѣлаться любимцемъ общества и даже втерѣться въ самый аристократическій кругъ. Какъ уже было сказано выше, дворъ пріѣзжалъ въ Роденбургъ лишь на самое короткое время; дворянство не имѣло, поэтому, никакихъ развлеченій. Съ среднимъ сословіемъ оно не сближалось, по принципу; недостаточность же собственныхъ средствъ мѣшала ему устроить свой отдѣльный кругъ, который могъ-бы самостоятельно пользоваться разными удовольствіями. Большею частью, это были все потомки обѣднѣвшихъ знатныхъ фамилій, которыхъ правительство снабжало, по возможности, мѣстами, съ цѣлю облегчить немного личную кассу привпа. Недостатокъ средствъ не позволялъ этому дворянству

поддержать даже существованіе учрежденнаго имъ въ Роденбургѣ „благороднаго клуба“. Понятно поэтому, что появленіе каждаго новаго лица, достойнаго быть принятымъ въ высшее общество и общавшаго его оживить, принималось съ радостью роденбургскою знатью. Шаллеръ же выполнялъ всё требуемыя условія и признавался всѣми, сверхъ того, самымъ пріятнѣйшимъ собесѣдникомъ и товарищемъ. У него былъ всегда наготовѣ неистощимѣйшій запасъ анекдотовъ для мужчинъ и для дамъ постарше, которыя обзывали его „такимъ негодяемъ“, но слушали очень охотно его скоромненькіе рассказы. Съ молоденькими же дамами онъ былъ истиннымъ кладземъ любезности и умѣлъ говорить самую отчаянную лесть такъ, что нельзя было хорошенько разоб- рать, шутитъ онъ или выражается серьезно.

Вообще, это былъ человѣкъ, испытавшій многое въ жизни и обладавшій яснымъ умомъ, хотя и небольшою ученостью. Въ его обращеніи было что-то поверхностное, что, впрочемъ, довольно удачно скрывалось отъ неопытныхъ глазъ, и, въ то-же время, что-то дѣтски-простодушное, доходившее иногда до рѣзвости, уподоблявшей его жеребенку, выпущенному въ первый разъ на травку, подъ теплое солнышко. Онъ сдерживалъ, впрочемъ, подобныя порывы свои въ присутствіи супруги, ненавидѣвшей такіа „мужицкія выходки“, какъ она ихъ называла, но другіе важныя господа, не смотря на свою чинность, бывали рады поохотатъ отъ души съ весельчакомъ, позволявшимъ имъ отдохнуть отъ надоевшихъ имъ до смерти вытянутыхъ фізіономій.

Приближалась уже минута съѣзда гостей. Катенька давно окончила свой туалетъ. Она была дѣйствительно милая и простая дѣвушка, рѣшительно непоходившая на своихъ родителей. Она была необыкновенно тиха и сдержана для своихъ лѣтъ, и даже, какъ будто, грустна: въ инныя минуты, когда она думала, что за нею никто не слѣдитъ, она глубоко вздыхала и лицо ея принимало выраженіе сердечной тоски. Что могло быть причиною горя молодой дѣвушки? Несчастная любовь? Въ Роденбургѣ одинакожь ничего не было извѣстно о сердечной привязанности фрейленгъ фон-Шаллеръ, такъ-что если она тайла въ своемъ сердцѣ подобное жало, то оно могло быть занесеннымъ ею развѣ только извнѣ.

Нарядъ Катеньки гармонировалъ съ ея характеромъ: бѣл

кисейное платье, шитое изящно и усѣянное мелкими розами, розовый кушакъ и одна роза въ волосахъ, вотъ и все; но тонкая, стройная фигура молодой дѣвушки съ ясными, хотя задумчивыми глазами, являлась зрителю чѣмъ-то величественнымъ среди простоты этого туалета, впрочемъ, только величественнымъ, но не симпатическимъ. Можно было удивляться ей, восторгаться ею, но она не притягивала къ себѣ, и, казалось, нисколько о томъ не заботилась.

— Мама еще не готова? спросила она у отца, приколавывавшаго послѣдній гвоздь въ драпировкѣ надъ дверью.

— Готова? Богъ съ тобою! Развѣ ты не знаешь, что она никогда не бываетъ готова до самой послѣдней минуты, да и тутъ, надо еще вызывать, да вызывать ее изъ уборной! Но неужели, въ самомъ дѣлѣ, такъ поздно? Пора и мнѣ пріодѣться!

Онъ исчезъ, предоставивъ Катенькѣ сдѣлать послѣднія распоряженія, то есть спряснуть комнаты одеколономъ, велѣть зажечь свѣчи и оглянуть еще разъ, все-ли было въ порядкѣ. Едва успѣла она окончить осмотръ, какъ къ подъѣзду дома подкатился уже первый экипажъ. Шаллеръ занимался, впрочемъ, своимъ туалетомъ не такъ долго, какъ его жена: Катенька успѣла принять не болѣе двухъ или трехъ гостей, какъ онъ очутился снова возлѣ нея и началъ привѣтствовать входившихъ любезной улыбкой.

Первымъ прибылъ, какъ всегда, Гофратъ Мерценъ съ супругою и дочерью. Гофратъ имѣлъ въѣздъ ко двору и былъ въ большой милости у принца, вслѣдствіе чего, роденбургская знать принимала его съ большимъ почетомъ. За этимъ семействомъ, стали быстро прибывать и другіе гости, но хотя зала была уже до половины наполнена посѣтителями, сама хозяйка все еще не показывалась. Наконецъ, послѣ многократныхъ, не совсѣмъ ласковыхъ приглашеній барона появилась и она, въ пышномъ малиновомъ шелковомъ платьѣ съ исполинскимъ шлейфомъ и коротенькимъ вырѣзнымъ лифомъ. Длинные локоны, украшенные кораллами и морскими травами довершали нарядъ этой Венеры, выходящей изъ волнъ. Начались взаимныя рекомендаціи и Гансу досталось, при этомъ, потерпѣть болѣе чѣмъ другимъ, потому-что онъ не зналъ почти никого. И какое было дѣло ему до всѣхъ этихъ незнакомыхъ именъ, которыя жужжали ему въ уши, часто не долетали даже до его слуха, или же черезъ минуту совер-

шенно изглаживались изъ его памяти! Но дѣлать было нечего, надо было выносить неизбежное.

Прибытіе капитана Дюрбека отвело душу Гансу; съ нимъ онъ могъ потолковать по пріятельски и могъ надѣяться услышать разумное слово. Между-тѣмъ разносили чай и фонъ-Шаллеръ продолжалъ работать въ потѣ лица, представляя другъ другу послѣднихъ запоздавшихъ гостей. Вдругъ, онъ поворотилъ снова къ Гансу, стоявшему у окна съ капитаномъ.

— Любезный Зольбергъ, произнесъ онъ, — позвольте представить вамъ здѣшняго перваго корифея изящныхъ искусствъ, г. гофрата фон-Мерцена! — любезный гофратъ, г. Гансъ фон-Зольбергъ, полу-перуанецъ. Если не ошибаюсь, онъ даже татуированъ и провозглашенъ кацикомъ одного тамошняго племени.

— Весьма пріятно! проговорилъ гофратъ, облеченный, само собой разумѣется, въ бѣлый жилетъ, бѣлый галстухъ и черный фракъ, въ петличкѣ котораго болтались два ордена. Шляпу свою онъ не выпускалъ изъ рукъ, держа ее такъ, какъ будто собиралъ подаваніе (прочіе мужчины давно отложили въ сторону свои шляпы). — Я очень счастливъ, имѣя честь лично познакомиться...

— Вы слишкомъ добры, г. гофратъ!..

— Г. фон-Мерценъ, вставилъ фон-Шаллеръ, — наше роденбургское свѣтило. Человѣкъ, въ высшей степени...

— О, почтеннѣйшій г. фон-Шаллеръ! перебилъ будто-бы въ стыдливомъ смущеніи гофратъ, причеъ лицо его приняло окончательно глупое выраженіе, — я не заслуживаю такихъ слишкомъ лестныхъ отзывовъ! Если его королевскому высочеству было угодно меня почитать...

— Ладно, ладно, возразилъ фон-Шаллеръ, — ваша скромность превосходить даже ваши заслуги, но весь городъ составилъ уже о нихъ свое мнѣніе.

Г. фон-Мерценъ улыбнулся значительно и самодовольно, и хотѣлъ что-то сказать, но Шаллеръ увлекъ его далѣе, для представленія еще двумъ или тремъ гостямъ.

— И этотъ господинъ считается здѣсь почетнымъ лицомъ! сказалъ Гансъ. — Имѣетъ титулъ и ордена... Такая карриатура! чѣмъ онъ собственно занимается?

— Преимущественно литературою, изъ любви къ искусству. Пишетъ прологи, стихи на разные случаи, составляетъ диверти-

сименты для семейныхъ праздниковъ, все это ради служенія музамъ, потому-что у него свое порядочное состояніе. Его очень любятъ за его таланты; для меня, онъ невыносимъ. По всей вѣроятности, онъ даже и спитъ въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ. Иначе, по крайней мѣрѣ, я его не видалъ.

— И шляпы тоже никогда изъ рукъ не выпускаетъ?

— Должно быть. Ты танцуешь?

— Въ случаѣ надобности, да; но страстью къ танцамъ не одержимъ.

— Сегодня здѣсь много хорошенькихъ дѣвушекъ.

— Да, я даже не думалъ, чтобы ихъ могло столько набраться въ Родебургѣ.

— Какъ тебѣ кажется фрейленъ Шаллеръ?

— Очень хороша и проста, но необыкновенно серьезна.

— У нея оригинальный характеръ, сказалъ Дюрбекъ.— Душа глубокая и, какъ мнѣ кажется, благородная. Мнѣ случалось разговаривать съ этой дѣвушкой подолгу и меня поражала всегда простота и здравость ея сужденій; и какая притомъ сила чувства! А замѣть, — мать глупое, потѣшное существо; объ отцѣ я не составилъ себѣ еще опредѣленнаго мнѣнія.

— Но какъ серьезна она! Не то, что дѣвицы Клингенбрухъ.

— О, тѣ совсѣмъ другое дѣло! сказала Дюрбекъ, улыбаясь.— Въ особенности Флора: ея ротикъ не смыкается никогда даже на пять минутъ. Кстати, я пойду, поговорю съ старикомъ подполковникомъ: это хорошій человекъ.

— Онъ мнѣ тоже очень понравился, замѣтилъ Гансъ,—но жену его не могу сказать того-же.

Дюрбекъ отправился на другой конецъ залы, но едва Гансъ углубился въ свои одинокія наблюденія, Шаллеръ тронулъ его снова за руку.

— Если захотите покурить, сказалъ онъ ему, подмигивая,—то для курящихъ у меня тутъ устроенъ особнячкомъ побойчикъ, въ которомъ можно затануться, да и кружку, другую пивца пропустить.

— Отлично! воскликнулъ Гансъ.

— Совершенно улизнуть отсюда нельзя, продолжалъ хозяйинъ.— Мы, такъ сказать, должны исполнить свою обязанность относительно дамъ; вамъ въ особенности, какъ предмету общаго бла-

гоговѣнія, нельзя удаляться со сцены; но знаете, въ промежуткахъ...

— Очень благодаренъ вамъ, баронъ, отвѣчалъ Гансъ. — Я долженъ вамъ сознаться, что поотвыкъ отъ натянутого общества.

— О, я не желаю, чтобы мои гости себя стѣсняли! Каждый здѣсь — самъ хозяинъ. Объ одномъ только буду просить васъ, любезный Зольбергъ... только объ одномъ!

Онъ оглядѣлся съ нѣкоторымъ безпокойствомъ и продолжалъ:

— Будьте снисходительны...

— Къ чему, любезный баронъ?

— Моя бѣдная жена! произнесъ Шаллеръ, наклоня слегка впередъ свою длинную фигуру.

— Ваша супруга?.. повторилъ съ изумленіемъ Гансъ.

Шаллеръ не отвѣтилъ ему прямо, но значительно провѣлъ мальцемъ по лбу.

— Я васъ не понимаю, баронъ.

— Любезный другъ, продолжалъ Шаллеръ доврчивымъ голосомъ—мы здѣсь свои... я говорю съ вами какъ съ близкимъ человѣкомъ... Вы меня понимаете, я увѣренъ... она, т. е. моя жена... какъ бы сказать?.. немножко оригинальна, странна... ну, я не нахожу лучшаго слова: какъ-бы тронута... Но она смирна и никому не вредитъ, любезнѣйшій другъ! На все это можно даже не обращать и вниманія, и если я говорю вамъ, то лишь для того, чтобы васъ предупредить: не взвѣшивайте слишкомъ ея слова. Что-же дѣлать! пара гаечекъ развинтилась, вотъ и все... Но, приготовленія начинаются! Нашъ гофратъ, умнѣйшій чело-вѣкъ, припасъ сюрпризець...

— Я думалъ, будутъ танцы?

— Потому; сначала надо проглотить приѣмъ эстетики! Но если не втерпѣжь станеть, вы знаете, у насъ есть уголокъ. Извините, я васъ на минуту оставлю.

Оставшись снова одинъ, Гансъ сталъ наблюдать за фон-Мерценомъ. Все не выпуская изъ рукъ своего цилиндра, онъ собственноручно тащилъ на середину комнаты маленькій столикъ. Уставивъ его, онъ отправился за парой подсвѣчниковъ съ зажженными свѣчами и потомъ шепнулъ что-то лакею. Тотъ исчезъ и вернулся черезъ минуту съ большимъ ставаномъ воды, и поставилъ его, по указанію гофрата, между подсвѣчниками.

Гости повидимому, уже знали родъ предстоявшаго имъ удовольствія, потому-что пожилыя дамы усаживались съ благосклонною улыбкою на ближайшія кресла; молодныя-же съ досадою перебирали ножками. Надежда ихъ на открытіе вечера прямо танцами рушилась! Вдобавокъ, нѣкоторыя изъ нихъ знали по опыту, что гофрату стоило только открыть ротъ, чтобы не умолкать въ продолженіе полувечера, а сколько черезъ это терялось драгоценнаго времени!

Гофратъ старался, между тѣмъ, вытащить изъ кармана своего фрака довольно объемистую книгу, но съ шляпою въ рукахъ, это было дѣломъ не легкимъ. Онъ рѣшился, наконецъ, хотя съ видимымъ отчаяніемъ, разстаться съ своимъ драгоценнымъ цилиндромъ и поставилъ его подъ стулъ. Нельзя было тоже держать долго въ томленіи слушателей!

Все это чрезвычайно забавляло Ганса, и онъ съ большимъ любопытствомъ ожидалъ начала чтенія, какъ вдругъ къ нему подошла сама баронесса.

— Что это вы такъ удивились, любезный г. Зольбергъ? сказала она, кокетливо прижимая свой вѣеръ къ правой щекѣ. — Зачѣмъ удаляетесь вы отъ молодежи и лишаете ее своего драгоценнаго общества?

— Любезная баронесса... началъ Гансъ, припоминая слова барона и потому не зная хорошенько, какъ надо говорить съ странной хозяйкой дома.

— Прошу васъ, впрочемъ, не стѣсняться и считать себя здѣсь какъ дома! продолжала г-жа фонъ-Шаллеръ. — Я надѣюсь, что вамъ у насъ понравится и что вы сойдетесь и съ моимъ мужемъ, только прошу васъ, будьте немножко снисходительны...

— Снисходителенъ?

— Ахъ, вздохнула баронесса, кидая взглядъ назадъ, черезъ себе обнаженное плечо,—онъ такъ добръ и даже такъ пріятенъ въ обществѣ, но...

— Но?..

— Но, видите-ли, у него,—она нагнулась при этомъ ближе къ мелодому человѣку и прижимая вѣеръ къ губамъ, проговорила съ умоляющимъ видомъ — у него бываютъ иногда такія... какъ бы сказать... ну, сумасбродствованія, чтобы употребить самое мягкое слово! знаете-ли, вотъ тутъ...

Она многозначительно дотронулась вѣеромъ до своего лба.

— Тутъ у него не совсѣмъ ладно. Пока, оно неопасно, конечно, но я такъ боюсь, чтобы не развилось...

— Но, баронесса, возразилъ Гансъ, едва удерживаясь отъ смѣха при такой взаимной рекомендаціи супруговъ, — я не замѣчалъ ничего подобнаго и считаю барона, напротивъ того, весьма здравомыслящимъ и притомъ остроумнымъ человѣкомъ.

— Это въ немъ очень обманчиво, такъ обманчиво, что я даже сама удивляюсь. Впрочемъ, какъ я вамъ говорю, онъ отличнѣйшій человѣкъ и съ нимъ надо только умѣть обращаться. Добромъ съ нимъ все подѣлаешь; вы сами увидите, что любовью да кротостью я веду его, какъ овцу на веревочкѣ...

— Кажется, г. гофратъ намѣревается начать, перебилъ Гансъ. — Какъ вы думаете, долго протянется его чтеніе? прибавилъ онъ изъ предосторожности.

— Ахъ, онъ читаетъ божественно! воскликнула баронесса, закатывая глаза къ потолку. — Сколько души! Какіе отгѣнки! это перлъ между людьми! Какъ слышно, его высочество намѣревается даже пожаловать ему дворянское достоинство!

— Въ самомъ дѣлѣ? А славно звучить: гофратъ фон-Мерценъ!

— Ахъ, онъ заслуживаетъ еще болѣе! воскликнула восторженно баронесса. — Онъ заслуживаетъ лавроваго вѣнка! это натура поэтическая, мягкосердная, мечтательная, можетъ быть, только слишкомъ меланхолическая. Увѣряю васъ, что когда слушаешь его, такъ и хочется зарыдать!

— Пріятная перспектива! сказалъ про себя Гансъ; отъ отвѣта баронессѣ судьба его избавила, потому-что гофратъ въ эту минуту началъ свое чтеніе. Г-жа фон-Шаллеръ едѣлала своему собесѣднику знакъ быть внимательнымъ, а сама тихо скользнула на свое мѣсто.

Говоря: гофратъ началъ, мы разумѣемъ сигналъ, поданный имъ своимъ слушателямъ и заключавшійся въ томъ, что онъ громко продышался, — сигналъ подобный звонку президента, водворяющему молчаніе между присутствующими. Потомъ гофратъ высморкался въ бѣлестовый вышитый платокъ, протеръ имъ-же свои очки, передвинулъ немного подсвѣчники, выпилъ глотокъ воды, обтеръ послѣ этого ротъ, заглянулъ подъ стулъ, съ цѣлью удо-

стовѣриться, тамъ-ли цилиндръ и только послѣ всѣхъ этихъ приготовительныхъ дѣйствій, гробовымъ голосомъ началъ читать главу изъ Рейтерова „Ut nun Stromid“, написаннаго на отвратительнѣйшемъ нижнегерманскомъ нарѣчїи.

Гансъ не вѣрилъ сначала своимъ глазамъ; но нѣтъ, слушатели сидѣли смиренно, какъ овцы, и допускали надъ собою безпрекословно такое общественное закланіе.

Прошло, такимъ образомъ, съ четверть часа. Гансъ начиналъ уже чувствовать, что у него пробѣгаетъ какая-то дрожь по спинѣ, когда замѣтилъ, что Шаллеръ дѣлаетъ ему знаки. Осторожно, на ципочкахъ пробрался онъ въ его сторону и, къ великой своей радости, услышалъ отъ него утѣшительное приглашеніе:

— Махнемъ-ка въ курительный вагонъ!

— Какъ я вамъ благодаренъ, что вамъ пришла эта счастливая идея! сказалъ Гансъ, придя въ маленькую комнату, гдѣ на столѣ стояли ящики съ сигарами и бутылки пива.

— Довольны, я полагаю? отвѣтилъ баронъ со смѣхомъ. — Это мое убѣжище. Я спасаюсь сюда, когда меня тамъ уже слишкомъ донимаютъ. Садитесь, любезный Зольбергъ, и угощайтесь. Гофратъ теперь заведенъ и не скоро еще остановится. Я пойду, спасу еще нѣсколькихъ несчастныхъ отъ гибели.

Онъ вышелъ и воротился скоро опять въ сопровожденіи Дюрбека, своего домашняго врача, Поттера, и еще двухъ гостей. Вскорѣ устроилась веселая партія виста, но Гансъ отказался играть: ему хотѣлось заглянуть еще въ залу, чтобы полюбоваться, съ начала до конца, на истое нѣмецкое собраніе.

XII.

Продолженіе предыдущей.

Возвратясь въ залу, Гансъ нашелъ все въ прежнемъ положеніи: гофратъ читалъ, хотя съ него лился потъ и онъ безпрестанно утиралъ себѣ платкомъ лобъ. Докончивъ *Штромада*, онъ не далъ слушателямъ даже вздохнуть и, какъ выразилась бы баронесса, осѣдлалъ своего собственнаго Пегаса. Содержаніе стиховъ заключалось въ разсужденіяхъ о смерти, причемъ, съ

поразительной точностью описывались всё видоизмѣненія, которымъ подвергается трутъ.

Слушатели были объаты такимъ ужасомъ, что даже не замѣчали спавшаго между ними безмятежнымъ сномъ подполковника Клингенбруха; одинъ Гансъ, пробравшійся къ графу Раутену, обратилъ вниманіе на несвоевременный сонъ подполковника и на то еще обстоятельство, что подъ стуломъ слегка всхрапывавшаго старика стояла вышитая скамеечка, весьма похожая на известную „съ музыкой“. Въ припадкѣ ребяческой шаловливости, Гансъ вытянулъ осторожно свою ногу, придавилъ скамейку и, вслѣдъ затѣмъ удалился такъ быстро и ловко, что былъ уже въ пяти или шести шагахъ отъ подполковника, когда гробовые звуки гофрата прервались болѣе веселыми изъ рыбацкаго хора Фенеллы:

„Друзья! какъ радостно сіяеть...“

Гофратъ читалъ въ это время:

„Мнѣ дикій ужасъ сердце жметъ:

„Видъ отвратительный открылся...“

Тралра-рара! Тралра-рара! заливалась скамейка.

„Червь жадный это тѣло жретъ,

„Въ которое недавно я влюбился!“

Тралра-рара! бумъ-бумъ! тралра! бумъ-бумъ!

Молодежь, тоскливо выжидавшая конца ужасныхъ стиховъ гофрата, не могла выдержать при такомъ неожиданномъ перерывѣ и разразилась громкимъ хохотомъ. Комичность увеличивалась еще тѣмъ, что несчастный Клингенбрухъ, проснувшись отъ толчка сосѣда своего, Вэфена, озирался съ испугомъ кругомъ, видя отовсюду устремленные на себя взоры, и сразу не понимая, почему именно у него подъ стуломъ продолжало раздаваться: тралрала! бумъ-бумъ! Гофратъ же стоялъ, между своими подсвѣчниками, подобно разгнѣванному богу на altarѣ.

Шаллеръ, привлеченный звукомъ хохота въ залу изъ своего кабинета, сообразилъ вмгъ, въ чемъ было дѣло, кинулся къ Клингенбруху и вынесъ изъ комнаты злополучную скамейку; звуки: тралра-бумъ-бумъ! замерли, такимъ образомъ, въ отдаленіи. Баронесса стремительно подлетѣла къ Мерцену, умоляя его не обращать вниманія на такой „несчастнй случай“ и продолжать чте-

ніе своихъ прекрасныхъ стиховъ. Гофратъ былъ и не прочь отъ этого, но нельзя уже было сладить съ „общественнымъ движеніемъ“. Всѣ встали съ своихъ мѣстъ, разговаривали, смѣялись и попытки баронессы водворить прежнее спокойствіе оказались совершенно тщетными: поэту не осталось болѣе ничего, какъ сложить свою рукопись, вынуть свой цилиндръ изъ подъ стула, вооружиться имъ и сойти съ арены публичной дѣятельности въ частную жизнь.

— Ну, достанется теперь Клингенбруху отъ его супруги! сказалъ Шаллеръ Гансу, возвращаясь снова въ залу. — Вонъ, она уже читаетъ ему воскресное поученіе! А между-тѣмъ, чѣмъ виновать бѣдника? Нечаянно ногою задѣлъ.

— По всей вѣроятности, отвѣчалъ Гансъ, нежелавшій еще выдать себя. — Но куда-же дѣвались всѣ дамы?

Шаллеръ вздохнулъ, посмотрѣлъ на верхъ, запустилъ указательный палецъ лѣвой руки себѣ за галстухъ и провелъ имъ вокругъ шеи.

— Музыкаю займутся, сказалъ онъ. — Безъ этого нельзя.

— А танцы?

— Сперва пѣніе. Вы музыкантъ?

— Очень плохой, но охотно слушаю хорошую музыку.

— Такъ пойдемъ-же опять въ курительное отдѣленіе!

— Что-же это значить? спросилъ Гансъ, смѣясь. — Или вы ждете мало хорошаго?

— Жена поетъ! произнесъ баронъ съ такимъ комическимъ видомъ, что Гансъ невольно расхохотался. Онъ не последовалъ, однако, за Шаллеромъ, желая прослушать хотя начало концерта.

Ему пришлось ждать недолго. Баронесса стояла уже у рояля; молодой человѣкъ, офицеръ, сѣлъ чтобы аккомпанировать ей. Пѣвица отбросила назадъ свои локоны и зала огласилась пронзительными звуками дѣйствительно громаднаго голоса, — онъ хваталъ даже иногда нотами двумя, тремя выше, чѣмъ слѣдовало.

По окончаніи сентиментальнаго романса, сибѣтаго баронессой, всѣ дамы окружили ее и старались наперерывъ осыпать ее искренними похвалами. Гансъ взглянулъ при этомъ на Катеньку, стоявшую въ сторонѣ, и замѣтилъ, что ей было больно видѣть эту лесть послѣ подобнаго жалкаго исполненія. Потомъ стали пѣть

другія дамы, и Гансъ, продолжая свои наблюденія, подмѣтилъ также, какъ подполковница Клингенбрухъ толкала впередъ свою дочь Генриетту, заставляя и ее спѣть что-нибудь.

Одна изъ дѣвицъ, фрейленъ фон-Нольтке, спѣла очень искусно и съ большою задушевностью „Лѣснаго царя“ Шуберта; у Генриетты оказался также очень пріятный голосокъ. Наконецъ, уступая общимъ просьбамъ, спѣла за рояль и Катенька. Она сама акомпанировала себѣ и ея чудный контральтовый голосъ произвелъ такое впечатлѣніе на Ганса, что на глазахъ его даже выступили слезы.

Послѣ пѣнія начались давно желанныя танцы. Музыка, скрытая за занавѣсью, грянула маршъ изъ Тангейзера, какъ сигналъ къ началу танцевъ. Гансъ подошелъ къ Катенькѣ, все еще стоявшей возлѣ рояля, и произнесъ обычную формулу приглашенія. Ему показалось, что въ ту минуту, когда онъ говорилъ, Катенька посмотрѣла не прямо на него, а немного лѣвѣе, какъ-бы навстрѣчу другому молодому человѣку, приближавшемуся съ той-же цѣлью къ ней. Гансъ взглянулъ мелькомъ по тому-же направленію и увидѣлъ доктора Поттера, который, однако, въ ту же минуту пошелъ въ другую сторону. Катенька отвѣчала, между тѣмъ, на приглашеніе Ганса милой улыбкою, которая очень красила ее, и немедленно приняла его руку.

Гансъ снова взглянулъ мимоходомъ на доктора и ему почудилось, что на лицѣ Поттера явилось какое-то мучительное выраженіе. Но все это были впечатлѣнія мгновенныя, потому-что не было и времени для продолжительныхъ наблюденій: пары спѣшили уже въ залу. Всюду раздавался веселый говоръ и смѣхъ, какъ реакція послѣ томительнаго кошмара, произведеннаго стихами гофрата. Общее передвиженіе спасло и бѣднаго подполковника, которому супруга все еще читала шопотомъ мораль за его непростительно-безтактное поведеніе въ обществѣ, сопровождая свои слова самыми молніеносными взглядами. Спѣшившія закусь сначала, передъ танцами, пары разрознили ихъ, и обрадовавшійся подполковникъ успѣшилъ предложить свою руку почтенной г-жѣ Нольтке, которую довель только до слѣдующей комнаты и тамъ бросилъ на произволь судьбы. Гансъ усадилъ, между тѣмъ, свою даму за одинъ изъ маленькихъ столиковъ, разставленныхъ въ залѣ, и успѣлъ заставить ее разговариваться: онъ за-

мѣтилъ, что Дюрбекъ былъ правъ, называя ее очень своеобразной дѣвушкой. Ей было всего восемнадцать лѣтъ, но она держала себя совершенно иначе, чѣмъ ея сверстницы. Одинъ молодой офицеръ, сидѣвшій за тѣмъ-же столикомъ, за которымъ сидѣли она и Гансъ, попытался было сказать ей нѣсколько пошленькихъ комплиментовъ; она такъ обрѣзала его сразу, что онъ совершенно смутился и обратилъ свою рѣчь уже не къ ней, а къ другой своей сосѣдкѣ.

Поттеръ сидѣлъ далѣе, за противоположнымъ столомъ, но все поглядывалъ на Катеньку и Ганса и разсѣянно отвѣчалъ своей дамѣ, г-жѣ фонъ-Клингенбрухъ. Но какъ ни наблюдалъ Гансъ, онъ не могъ замѣтить въ Катенькѣ никакой солидарности съ этой разсѣянностью доктора. Она не посмотрѣла ни разу въ его сторону и продолжала разговаривать съ Гансомъ совершенно весело и развязно.

Ужинъ продолжался, впрочемъ, не долго. Молодежь горѣла желаніемъ поразмять ноги и когда музыка, игравшая все время подъ сурдиной,—какъ и слѣдовало музыкѣ, игравшей во-время ужина,—перешла въ веселый галопъ, жаждавшія танцевъ пары не могли болѣе противостоятъ искушенію. Болѣе положительные люди увидали съ отчаяніемъ, что имъ не докончить своего ужина въ мирѣ. Столы быстро выносились; вставшій съ своего стула для того, чтобы отправиться за новой провизіей, не находилъ уже и слѣдовъ его при своемъ возвращеніи; однимъ словомъ, въ залѣ наступила полная революція и любители закуски и тишины были вынуждены искать спасенія въ буфетной.

Черезъ десять минутъ все было въ полномъ движеніи. Поручикъ Вефенъ дирижировалъ танцами и одушевленные пары летали изъ конца въ конецъ залы, повинувшись его командѣ. Среди этого моря веселыхъ, блестящихъ радостью лицъ, возвышалась только одна мрачная физиономія; она принадлежала гофрату Мерцену. Съ ѣдкою, презрительною улыбкою стоялъ онъ, въ фатальной позѣ, у окна, поглядывая съ высоты своего величія на глупое человѣчество, неспособное находить наслажденіе въ истинно эстетическихъ удовольствіяхъ.

— Нѣтъ болѣе въ мирѣ сочувствія къ прекрасному! шепталъ онъ.— Нѣтъ ничего у этихъ людей ни въ сердцѣ, ни въ головѣ: все перешло въ одни ноги. Грустно за человѣка!

И онъ пошелъ утолить свою грусть въ буфетъ.

Гансъ танцоваль съ Катенькой; она продолжала охотно свой разговоръ съ нимъ и часто даже удивляла его своими отвѣтами, но ему какъ-то сдавалось, что она танцевъ не любитъ. На вопросъ его, она прямо сказала, что дѣйствительно не любитъ.

— Танцы нисколько меня не развлекають, сказала она,—и я рѣшительно не понимаю, какъ могутъ другіе увлекаться ими до страсти.

— Не въ оживленномъ обществѣ, въ кругу веселыхъ, счастливыхъ людей, возбуждаешься и самъ невольно....

— Да, произнесла она тихо и въ голосъ ея какъ будто прозвучала болѣзненная нота, — въ кругу счастливыхъ людей...

Гансу защемило сердце; онъ чуть было не спросилъ: развѣ вы несчастливы, Катенька? Но онъ остановился во-время: какое право имѣлъ онъ, совершенно чужой здѣсь въ домѣ, задавать этой дѣвушкѣ подобныя вопросы?

Танецъ кончился; другіе ангажировали Катеньку. Гансъ уступилъ имъ мѣсто, но продолжалъ наблюдать за нею: она начала его занимать. Не смотря, однако, на все свое вниманіе, онъ не могъ подмѣтить ничего особеннаго: Катенька казалась одинаковою со всѣми, и даже танцую съ Поттеромъ, не измѣнилась нисколько, развѣ-что стала немного молчаливѣе и ограничивалась, хотя привѣтливыми, но самыми короткими отвѣтами на его рѣчи.

— Какъ тебѣ нравится Катенька? спросилъ Ганса графъ Раутенъ.

— Очень! выразительно произнесъ Гансъ.—Дюрбекъ вполне правъ: это своеобразная дѣвушка.

— Ты съ дѣтства дружишь съ Дюрбекомъ?

— Да. Онъ отличнѣйшій человекъ!

Раутенъ промолчалъ на это замѣчаніе и стоялъ, опустя голову внизъ. Гансъ подождаль нѣсколько минутъ, потомъ посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Между вами произошло что-нибудь?

— Ничего, возразилъ графъ, качая отрицательно головой.— И чему быть-то?

— Я не знаю, но мнѣ показалось, что его присутствіе тебѣ непріятно. Можетъ быть, я и ошибаюсь, но, по крайней мѣрѣ,

я вынесъ такое впечатлѣніе въ послѣдній разъ, когда вы встрѣтились.

— Любезный другъ, возразилъ Раутенъ, — на свѣтъ существуютъ, какъ ты самъ знаешь, симпатіи и антипатіи. Это чувство невольное, часто совершенно безпричинное, но котораго нельзя побѣдить. Ну, сознаюсь, одну изъ такихъ антипатій я чувствую къ капитану, хотя мы съ нимъ никогда не сказали другъ другу непривѣтливаго слова и хотя наши дороги такъ параллельны, что не сталкивались никогда, да и не столкнутся, судя по всѣмъ людскимъ соображеніямъ, если-бъ даже имъ пришлось бѣжать и вокругъ всего земнаго шара!

— Ты, однако, несправедливъ къ капитану, хотя и бессознательно...

— Я угадываю тѣмъ, что и онъ платитъ мнѣ той-же монетою. Чувство, о которомъ я говорю, почти всегда бываетъ взаимно.

— Онъ никогда не говоритъ о тебѣ дурно.

— Я тоже никогда, да и не за что порицать его. Онъ держитъ себя въ высшей степени прилично и по джентльменски.

— Въ такомъ случаѣ, твое предубѣжденіе удивительно и не оправдывается ничѣмъ.

— Любезный другъ, сказалъ Раутенъ, — кто-же властенъ въ своихъ чувствахъ? Возьмемъ въ примѣръ любовь. Какъ часто она бываетъ незаслуженна! Какъ часто выборъ мужчины или дѣвушки заставляетъ дивиться тому, что онъ палъ именно на это лицо, а не на сотню другихъ! И является эта любовь иной разъ вдругъ, такъ-что мы сознаемъ ее лишь въ то время, когда уже нѣтъ возможности вырвать ее изъ своего сердца.

— Въ этомъ ты правъ, замѣтилъ Гансъ, — и я самъ, напримѣръ, не понимаю, почему я до сихъ поръ не влюбился. Случаевъ къ тому было вдоволь.

— Видишь-ли, мое мнѣніе подтверждается, сказалъ, съ улыбкою, Раутенъ. — Ты не встрѣтилъ еще родного твоей душѣ существа, но лишь только оно появится передъ тобой, въ тебѣ возгорится страшное пламя!

— Очень можетъ быть, подтвердилъ Гансъ, — будемъ ждать у моря погоды. Кстати, неужели такая милая, развитая и талантливая дѣвушка, какъ фрейленъ Шаллеръ, не нашла еще себѣ ниша? Или, можетъ быть, она уже помолвлена?

— Нѣтъ; но, хотя Шаллеры живутъ всего только годъ въ Роденбургѣ, ей представлялось уже много выгодныхъ партій, но она отстраняла отъ себя всѣхъ своихъ поклонниковъ съ такою страшною холодною, что никто не рѣшился на формальное предложеніе. Это до крайности бѣситъ ея родителей.

— Въ самомъ дѣлѣ, удивительно! Но что-же мы стоимъ въ дверяхъ? Войдемъ въ кабинетъ.

— Пройдемъ черезъ него разъ, другой, сказалъ Раутенъ, — но долго оставаться въ этомъ табачномъ дыму невозможно.

Въ курительномъ вагонѣ дѣйствительно страшно дымили, а также играли, и не только въ вистъ, но и въ банкъ, впрочемъ умѣренный. Раутенъ поставилъ карты двѣ; выигралъ, проигралъ, и воротился опять въ залу: ему не хотѣлось оставлять на долго свою невѣсту, къ тому-же онъ, дѣйствительно, съ трудомъ переносилъ густую табачную атмосферу.

— Раутену не до картъ сегодня! замѣтилъ, смѣясь, одинъ старичекъ, — а то, обыкновенно, его не приходится упрашивать, да и играетъ онъ дьявольски счастливо...

Но игроки были слишкомъ заняты своими картами и обращали вниманіе только на нихъ, поэтому никто не отвѣтилъ на это замѣчаніе.

Гансъ воротился также въ залу и танцевалъ до упаду; всѣ дамы, за исключеніемъ Катеньки, то и дѣло выбирали его въ котильонѣ.

Послѣднюю кадрили Катенька танцевала съ докторомъ Поттеромъ и отъ Ганса не укрылось, что физіономія молодого доктора сіяла блаженствомъ. Но на лицѣ Катеньки, по прежнему, не было примѣтно ничего особеннаго. По окончаніи вечера, она простилась съ Гансомъ очень привѣтливо. Онъ хотѣлъ было сказать ей также что-нибудь, но не могъ, — хотя не имѣлъ привычки затрудняться отвѣтомъ. Гансъ ограничился тѣмъ, что молча пожалъ протянутую ему руку и вышелъ изъ дома съ цѣлымъ вихремъ смутныхъ мыслей въ головѣ.

XIII.

На слѣдующее утро.

По заведенному обычаю, Гансъ намѣревался сдѣлать на другой день, вмѣстѣ съ Раутеномъ, послѣбальные визиты, цѣль которыхъ состоятъ въ томъ, чтобы освѣдомиться у дамъ, танцовавшихъ наканунѣ, какъ онѣ почивали, а главное, какъ нашли вчерашній вечеръ, на что впередъ предвидится стереотипный отвѣтъ: восхитительно!

Раутенъ казался не въ духѣ.

— Что съ тобою, Леопольдъ, спросилъ его Гансъ, когда онъ вошелъ въ его комнату. — Ты такой мрачный, какимъ я тебя никогда еще не видѣлъ.

— Ничего особеннаго, отвѣчалъ графъ, — я получилъ не со всѣми пріятныя вѣсти изъ имѣнія.

— Случилось что-нибудь?

— Управляющій свалился съ лошади и нѣсколько времени — какъ нарочно теперь, весной! — не будетъ въ состояніи чѣмъ-либо заняться, а помощникъ его, совершенный юноша, не понимаетъ дѣла толкомъ и путаетъ.

— Чѣмъ-же помочь?..

— Помочь можно-бы, отвѣчалъ графъ, нахмуривъ брови, — если-бы твоя матушка не настаивала такъ упорно на томъ, чтобы свадьба ея дочери совершилась именно въ число ея собственнаго бракосочетанія.

— Ну, знаешь, это такая простительная слабость...

— Да я и не говорилъ ничего противъ нея, пока не случилось ничего особеннаго. Я жертвовалъ въ этомъ случаѣ даже весьма понятнымъ своимъ нетерпѣніемъ, но теперь дѣла требуютъ моего безотлагательнаго присутствія; повѣдка-же въ имѣніе и обратно, до свадьбы, потребуетъ слишкомъ долгаго времени и я едва-ли успѣю вернуться къ назначенному дню.

— Говорилъ ты съ матушкою?

— Да, сегодня-же утромъ. Это прекраснѣйшая женщина, но до того упрямая въ своемъ сантиментальничаньи, что ничего съ

ней не подѣлаешь. Я ей говорю дѣло, а она мнѣ о предзнаменованіяхъ, предчувствіяхъ и тому подобномъ толкуетъ. Отецъ гораздо податливѣе, потому-что понимаетъ, какое зло можетъ произойти, если предоставить такое значительное имѣніе, въ это время года, въ неопытныя руки. Матушка же твоя думаетъ, кажется, что рожь вырастетъ, хоть сѣй ее весной, хоть нѣтъ, и отъ всякаго немного оживленнаго разговора чувствуетъ себя крайне разстроенною. Разумѣется, мы не договорились ни до чего.

— Хочешь, я попытаюсь ее убѣдить?

— Ты сдѣлаешь мнѣ этимъ величайшее одолженіе! Но карета ждетъ насъ; отбудемъ сперва нашу барщину!

Они отправились изъ одного дома въ другой и вездѣ находили гостей. У Клингенбруховъ сидѣла цѣлая дюжина поручиковъ; Шаллеръ приглашалъ ихъ на свои вечера всѣхъ заурядъ, боясь, что танцоровъ не хватить.

Послѣдній визитъ Ганса и Раутена назначался семейству барона. Они не хотѣли тревожить хозяевъ слишкомъ рано, понимая, что не шутка приводить все въ обычное положеніе послѣ „восхитительныхъ“ вечеровъ.

Когда они подѣхали къ дому Шаллеровъ, изъ подѣзда вышелъ докторъ Поттеръ. Онъ казался очень серьезнымъ, не взглянулъ даже на карету и пошелъ вдоль по улицѣ.

— Ты знаешь доктора? спросилъ Гансъ у своего спутника, входя съ нимъ въ сѣни.

— Еще-бы! отвѣчалъ Раутенъ.—Поттеръ домашнимъ врачомъ у Клингенбруховъ и Шаллеровъ. Очень порядочный человѣкъ и славный медикъ, только голъ, какъ соколъ. Какъ говорятъ, онъ употребилъ все свое маленькое состояніе на свое образованіе, да и теперь еще корпится цѣлыя ночи за книгами.

— Онъ не женатъ?

— Куда ему! Было-бы чѣмъ себя прокормить. Но зачѣмъ ты меня спрашиваешь?

— Такъ, на умъ пришло. Онъ былъ вчера также на вечерѣ, отвѣчалъ Гансъ, прерывая разговоръ.

Когда молодые люди вошли, Шаллеръ принялъ ихъ съ своими обыкновенными шуточками.

— Свѣжи, годитесь въ дѣло и сегодня, господа, сказала онъ.—На васъ, Раутенъ, я въ особенности дивился вчера!

— Почему-же, любезный баронъ?

— Помолвленъ и порхаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, отъ одной дамы къ другой, точно вѣтренный мотылекъ съ одного цвѣтка на другой! О, повѣса!

— Развѣ лучше изображать изъ себя томнаго вздыхателя и не сводить глазъ съ своей нареченной, внушая такимъ видомъ тоску всему обществу? возразилъ графъ, смѣясь. Его обычное веселое расположеніе духа къ нему воротилось.

— О, нѣтъ! Но вы знаете, нынѣшніе молодые люди стали какъ-то слишкомъ солидны или, лучше сказать, пресмыченны. Ихъ къ танцамъ и не вызовешь. Вчера было здѣсь трое или четверо такихъ, которые просидѣли весь вечеръ въ курительной комнатѣ. Я-бы ихъ повѣсилъ! Хорошо еще, что я догадался пригласить цѣлый взводъ юныхъ офицериковъ; а то, правдо, не достало-бы кавалеровъ въ танцахъ! А что, были вы у Клингенбруховъ?

— Мы сейчасъ оттуда.

— Подполковникъ былъ великолѣпенъ съ своею скамейкой! расхохотался Шаллеръ.

— Онъ неповиненъ, сказалъ Гансъ. — Пустилъ въ ходъ инструментъ — я.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ха, ха, ха! Превосходно! Такъ мы вамъ обязаны прекращеніемъ чтенія?

— Но, скажите на милость, баронъ, зачѣмъ приглашаете вы этого людоеда—гофрата? спросилъ Раутенъ.

— Нельзя, любезный графъ, нельзя, отвѣчалъ Шаллеръ. — Искусство царствуетъ въ свѣтѣ. Если люди порядкомъ не поскучили среди какого-нибудь эстетическаго препровожденія времени, вечеръ считается незаконно устроеннымъ, неприличнымъ. Классицизмъ насъ одолеваетъ. Вы посмотрите: дается музыкальный вечеръ, на которомъ тянуть скучнѣйшія симфоніи и лишъ изрѣдка взрывъ мѣдныхъ трубъ будить слушателей. Всѣ Бога благодарятъ, когда вечеръ кончается; но во время вечера всѣ выказываютъ величайшее восхищеніе. То-же самое на чтеніяхъ: скука непроходимая у каждого на сердцѣ, а нельзя-же не слушать: сочтутъ за человека непросвѣщеннаго. Гофратъ исправляетъ роль палача въ городѣ, но его всѣ приглашаютъ. Моя жена выдрала-бы себѣ послѣдніе локоны, если-бы нашъ вечеръ не былъ

украшенъ присутствіемъ гофрата. Что дѣлать, господа! вѣтъ розы безъ шиповъ; гофратъ приглашается нами въ качествѣ именно шиповъ. Но вотъ и дамы! Супруга моя покончила, какъ видно, съ своимъ туалетомъ.

Онъ былъ правъ; баронесса успѣла даже, хотя было еще утро, нацѣпить на свои жидкіе локоны вѣнокъ изъ незабудокъ.

— О, какъ это любезно съ вашей стороны, сказала она граціозно, — какъ это любезно посѣтить насъ такъ рано, можно сказать, съ разсвѣтомъ дня! (Слѣдуетъ замѣтить, что пробило уже половина перваго и ремесленникъ считалъ время послѣобѣденнымъ). Но что-же вы стоите?.. Графъ, Зольбергъ, прошу васъ, садитесь... Я полагаю вы чувствуете усталость послѣ вчерашняго!

— Но вы, баронесса, цвѣтете, какъ роза! возразилъ Раутенъ.

— Лъстець! сказала развалина, стыдливо отворачивая голову.

Гансъ разговаривалъ, между тѣмъ, съ Катенькой и любовался ея стройной фигурой въ простенькомъ домашнемъ платьѣ и ея роскошной каштановой косой, просто свитой на затылкѣ. Ему приходилось сознаться, что онъ уже давно не встрѣчалъ подобной красивой дѣвушки. Онъ невольнo задержалъ ея руку въ своей долѣ, чѣмъ то слѣдовало по правиламъ общечитія, и лишь почувствовавъ, что она хочетъ ее освободить, съ испугомъ разжалъ свои пальцы.

Всѣ сѣли; Гансъ посмотрѣлъ, при этомъ, съ недоумѣніемъ на свой стулъ. Баронъ, замѣтивъ его недоумѣніе, громко расхохотался.

— Не бойтесь, сказалъ онъ, — злодѣй стоитъ дальше, тамъ, въ углу!

— И я давно-бы уже бросила его въ печку! произнесла баронесса. — Но у этого ужаснаго человѣка, моего муженька, такіа сумазбродныя идеи...

— Эта идея, однакожь, была одною изъ самыхъ лучшихъ посѣтившихъ меня въ моей жизни! перебилъ съ хохотомъ Шаллеръ. — Скажите сами, какое самое чинное общество устоитъ, если стулъ заиграетъ свой маршъ? Да и вчера, развѣ скамейка насъ не избавила?..

— Ты несносенъ! воскликнула баронесса.—Лучше и не говорить о такой безтактности этого добряка подполковника.

Шаллеръ взглянулъ лукаво на Ганса, но тотъ не слышалъ словъ баронессы, до того былъ онъ погруженъ въ свой разговоръ съ Катенькой.

— Былъ у васъ кто-нибудь съ визитомъ сегодня? спросилъ ее Гансъ.

— Должно быть; видите,—множество визитныхъ карточекъ. Но я была занята и не выходила; папа принималъ всѣхъ.

— Мы встрѣтили у васъ на крыльцѣ доктора Поттера, продолжалъ Гансъ, наблюдая за молодой дѣвушкой. Но она отвѣчала совершенно ровнымъ и спокойнымъ голосомъ:

— Можетъ быть; я никого не видала. Что-же дѣлать! послѣ такой суетни, надо много времени, чтобы все снова привести въ порядокъ.

Для Ганса стало очевидно, что эта дѣвушка совершенна равнодушна къ Поттеру. Между тѣмъ, Раутенъ всталъ, — подобныя визиты не должны быть слишкомъ продолжительными, — и молодые люди стали прощаться.

— Кстати, Зольбергъ, сказалъ баронъ,—вы охотникъ?

— Отвѣкъ немного, отвѣчалъ Гансъ.—Въ Перу нечего стрѣлять, по крайней мѣрѣ, въ окрестностяхъ Лимы.

— Не хотите-ли завтра со мною на утокъ? Теперь большой перелетъ.

— У меня даже и ружья нѣтъ.

— Я ссужу васъ великолѣпной игольчаткой! Но намъ придется переночевать въ полѣ; засядемъ вечеромъ и потомъ утромъ начнемъ охоту; можетъ быть, мнѣ дадутъ знать и о тетеревахъ.

— Было-бы не дурно!

— Значитъ, рѣшенное дѣло! Заѣзжайте за мною завтра, въ четыре часа по полудни; все необходимое для нашей охоты будетъ уже готово. А вы, Раутенъ, съ нами?

— Нѣтъ, благодарю, отвѣчалъ графъ со смѣхомъ.—Я страстный охотникъ, но только при условіи комфорта; тетеривинный-же токъ меня вовсе не прельщаетъ. Встать во второмъ часу ночи, карабкаться въ темнотѣ на высокую, моврую гору, услаждая себя только надеждою на возможность сшибить одну изъ этихъ

глухихъ птицъ съ ея вѣтви... Удивительно, какъ пріятно! Если-бы мнѣ, на охотѣ, и попадались иногда тетерева, я всегда доставлялъ-бы ихъ моему егерю.

— Не настоящій-же вы охотникъ послѣ этого! вскричалъ Шаллеръ.—Если-бы вы были имъ, вы не пугались-бы маленькихъ неудобствъ! Но мы-то съ вами ѣдемъ, Зольбергъ, не такъ-ли?

— Въ такую погоду, однако! замѣтила баронесса.

— Что погода, ничего! Къ тому-же, вѣтеръ переимѣнился; завтра будетъ ясно.

Поворотась, въ эту минуту, къ Катенькѣ, Гансъ примѣтилъ на себѣ ея упорный, серьезный взглядъ, но она тотчасъ-же спокойно отворотилась и, при прощаньи, обнялась съ Гансомъ такъ-же привѣтливо, какъ и прежде.

Въ то время, какъ Гансъ Зольбергъ и графъ Раутенъ, окончивъ свои визиты, ѣхали домой, веселые и повидимому совершенно беззаботные, въ домѣ старика Гандорфа, у окна, сидѣлъ его больной сынъ и задумчиво смотрѣлъ на улицу сквозь кисейную занавѣску.

Онъ казался еще очень слабымъ. Нѣкогда сильнаго, здороваго человѣка сразила не одна горячка, но и страшныя, мучительныя, не давашія покою, мысли. Его темныя, густыя, слегка вьющіеся волоса висѣли прядями на его блѣдномъ лбу, глаза смотрѣли изъ глубокихъ, темно-сѣдыхъ впадинъ, и самая рука, которою онъ подпиралъ свою голову, казалась такою бѣлою и прозрачною, что будто никогда не была знакома съ тяжелой работою.

Карлъ всталъ въ первый разъ съ постели въ этотъ день и захотѣлъ подышать воздухомъ другой комнаты; но ненастная погода не была способна разогнать его печальныя мысли. Правда, слезъ болѣе не было въ его глазахъ, но не было и улыбки на губахъ. Въ сердцѣ его стихла буря, подобная той, которая крутила теперь запоздалыя снѣжинки въ воздухѣ и билъ дождемъ объ оконныя стекла, но послѣдствія этой бури остались въ его душѣ, подобно тому, какъ они остаются на полѣ, побитомъ градомъ и усѣянномъ помертвѣлыми колосьями. Да, такъ были убиты его молодость, его будущность, и если онъ былъ благодаренъ своему врачу, то за его заботу и усердіе, но никакъ не за свое исцѣленіе. Не покойнѣе-ли было-бы ему въ могилѣ?

— Какъ ты себя чувствуешь, Карлъ? сказала ему сестра, обвивая своей рукой его шею.

— Милая моя! отвѣчалъ онъ, не поднимая головы и только прижимаясь къ ея рукѣ.—Какъ мнѣ благодарить тебя?

— Не говори такъ, Карлъ! Развѣ ты не ухаживаль-бы за мною, если-бы я заболѣла?

— И ты не считаешь меня преступникомъ?

— Родители также не считаютъ тебя такимъ, Карлъ!

— Мать, можетъ быть, но отецъ иногда смотритъ на меня, съ сомнѣніемъ и страхомъ...

— Ты ошибаешься, Карлъ? воскликнула Маргарита. — Твое недоверіе къ людямъ простирается слишкомъ далеко и дѣлаетъ тебя несправедливымъ. Нашъ докторъ также очень расположенъ къ тебѣ.

— Да, это правда, прошептала Карлъ.—Онъ не далъ мнѣ еще ни разу почувствовать, что я сидѣлъ въ исправительномъ домѣ...

— Карлъ! сказала умоляющимъ голосомъ сестра.

— Что-же мнѣ дѣлать? отвѣчалъ онъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ отецъ переговорилъ съ нотаріусомъ и я лишился послѣдней надежды доказать свою невинность, я утратилъ всякую любовь къ жизни. Мнѣ уйти некуда! Въ самыхъ пустынныхъ дебряхъ Америки, мнѣ все будетъ чудиться, что, вотъ, встрѣчу я человѣка, которому извѣстенъ мой позоръ. Я никогда не найду въ себѣ смѣлости смотрѣть другимъ прямо въ глаза, садиться съ честными людьми за одинъ столъ...

— Карлъ, Карлъ, ты мучишь и себя, и меня! простонала молодая дѣвушка.—Совѣсть твоя чиста, а если мы не боимся лика Божія, то можемъ глядѣть и въ будущность съ спокойствіемъ и радостію!

— Спокойствіе! радость! проговорилъ онъ тихо, покачивая головой.—Нѣтъ, Гретхенъ, для меня уже не можетъ быть ни спокойствія, ни радости. Меня Богъ оставилъ: онъ отстранилъ свою руку отъ меня; иначе онъ не попустилъ-бы мнѣ вынести весь этотъ ужасъ. Но я не хочу болѣе жаловаться, не хочу болѣе мучить тебя, моя милая! Лишь только я буду въ силахъ, я уйду отсюда. Не хочу я, чтобы люди указывали на этотъ домъ пальцами, говоря: тутъ живетъ убійца... тутъ живетъ каторжникъ...

— Что ты обѣщаль мнѣ, Карль? сказала она опять умоляющимъ голосомъ.

Онъ закрылъ лицо руками и какъ-бы овладѣвъ собою, спросилъ:

— Гдѣ-же отецъ?

— Ушелъ на работу.

— А мать?

— Занята въ кухнѣ. Мнѣ слѣдовало-бы помогать ей, но я не утерпѣла: захотѣлось на тебя посмотреть. Да и докторъ долженъ скоро придти; развѣ его задержать эта страшная погода. Вѣтеръ такъ и завываетъ, точно трубы съ крыши сорвать хочется.

— Да, сказалъ больной, глядя на улицу, — а какъ-бы мнѣ хотѣлось, Гретхенъ, чтобы этотъ снѣгъ и дождь билъ мнѣ въ лицо!

— Что ты, Карль, зачѣмъ? Ты могъ-бы до смерти простудиться.

— Да, но подумай, Гретхенъ, что я уже цѣлыя семь лѣтъ ни одной капли дождя не чувствовалъ на своемъ лицѣ.

Маргарита отвернулась, чтобы скрыть выступавшія у нея слезы. Въ эту минуту раздался звонокъ и, вслѣдъ за тѣмъ, въ комнату вошелъ докторъ Поттеръ.

Докторъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати осьми или девяти. Онъ пріѣхалъ въ Роденбургъ не болѣе какъ за три года передъ тѣмъ, но успѣлъ уже приобрести себѣ хорошую практику. Въ обществѣ его любили и охотно принимали къ себѣ, но онъ избѣгалъ приглашеній, ограничиваясь болѣе одними медицинскими визитами. Зато больные не могли на него жаловаться: онъ посвящалъ имъ свое время съ полнымъ самоотверженіемъ. Постоянно тихій и задумчивый, онъ не сближался ни съ кѣмъ и ходили даже слухи, что онъ намѣревается вовсе уѣхать изъ Роденбурга, — хотя, повидимому, не было къ тому ни малѣйшаго повода. Для врача труднѣе всего прокладывать себѣ дорогу въ незнакомомъ городѣ, между тѣмъ, какъ однажды приобрѣта практику, онъ можетъ уже считать свое положеніе обеспеченнымъ.

Поттеръ нашелъ больного въ лучшемъ состояніи, чѣмъ наканунѣ, но подтвердилъ ему строгое предписаніе — не волноваться.

Судя по покрасившимся глазамъ Маргариты, онъ угадывалъ, что больной вель снова запрещенный разговоръ. Карлъ обѣщалъ быть послушнѣе и только спросилъ у доктора, скоро-ли ему можно будетъ отправиться въ путь. Тамъ, среди чужихъ, ему будетъ, можетъ быть, не такъ тяжело...

— Вашъ отъѣздъ зависитъ отъ васъ самихъ, то-есть, отъ того, какъ вы будете себя вести, отвѣчалъ Поттеръ.— Думайте только о предстоящей поѣздкѣ; читайте все то, что относится къ странамъ, которыя вы намѣреваетесь посѣтить. Это и научитъ васъ, и развлечетъ. Недѣли черезъ четыре вы, можетъ быть, и будете въ состояніи поѣхать. А тамъ, на морѣ, вы совершенно поправитесь... О, какъ я желалъ-бы сопутствовать вамъ! произнесъ онъ вдругъ съ едва подавленнымъ вздохомъ и послѣшнѣе прибавить:

— Мнѣ всегда такъ хотѣлось полюбоваться на синее, безконечное море.

— Да, я самъ думаю, что поправлюсь тамъ, проговорилъ Карлъ. — Но я ни за что не поѣду на *нѣмецкомъ* кораблѣ! быстро прибавилъ онъ.

— Я уже сказалъ вамъ, Гандорфъ, ласково возразилъ докторъ,—что я дамъ вамъ письмо къ одному знакомому мнѣ врачу въ Бордо. Тамъ вы найдете случай отправиться. Будьте покойны на этотъ счетъ.

— И тамъ вовсе нѣтъ нѣмцевъ?

— Есть, конечно, но вы можете прожить цѣлый годъ, не встрѣтивъ ни одного роденбургца, и десять лѣтъ, прежде чѣмъ попадете на знакомаго.

Молодой человѣкъ поникъ головою, онъ чувствовалъ себя еще очень слабымъ. Поттеръ ушелъ, давъ нѣсколько наставленій Маргаритѣ относительно ухода за больнымъ, и Карлъ остался одинъ въ своей комнатѣ. О, если-бы умереть! шепталъ онъ, но вскорѣ впалъ въ слабый, тревожный сонъ.

ГЛАВА XIV.

ПЕЧАЛЬНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Вечеромъ того-же дня, семейство Клингенбрухъ сидѣло у себя дома. День былъ у подполковника свободный и онъ проводилъ его между своими. Но свои были не всѣ на лицо: не доставало Генриетты. Старикъ не обратилъ сначала вниманія на ея отсутствіе, полагая, что она въ кухнѣ, но наконецъ спросилъ у жены:

— Гдѣ-же Гетти, Вероника?

— Она побѣжала къ теткѣ, отвѣтила та, — перчатку тамъ свою позабыла, но ей давно-бы уже пора воротиться. Никогда она такъ долго тамъ не засиживалась. Или она хотѣла еще куда-нибудь зайти, Флора? Кстати, отчего ты съ нею не пошла?

Флора немного покраснѣла при вопросѣ матери, но такъ-какъ она низко нагнула свою головку надъ шитьемъ, то никто и не замѣтилъ ея румянца. Отвѣтила она голосомъ очень спокойнымъ, только все не поднимая глазъ отъ работы.

— Но, мама, неужели я нужна въ провозаття Гетти на эти десять шаговъ? Она постарше меня... Она хотѣла еще зайти и къ портнихѣ. Вѣрно она у нея.

Это послѣднее замѣчаніе успокоило мать, но время проходило, а Гетти все не являлась и г-жа фон-Клингенбрухъ начала серьезно тревожиться. Она позвонила служанку и когда та просунула въ дверь свою толстую голову, сказала ей:

— Сходи къ этой швейкѣ... какъ ее тамъ?

— Мамзель Петерсъ.

— Ну, да. Посмотри, тамъ-ли барышня.

— Нужно что-нибудь?

— Дѣлай только то, что тебѣ говорятъ. Узнай, тамъ-ли барышня и приди тотчасъ съ отвѣтомъ.

— Извѣстно, сидѣть тамъ не останусь, проворчала угрюмая горничная, скрываясь за дверью.

Черезъ нѣсколько минутъ голова ея снова высунулась съ крикомъ: нѣту барышни! и спряталась окончательно.

— Это удивительно, однако! проговорила мать, смотря съ не-

доумѣніемъ на Флору. — Она никогда еще не пропадала такъ долго у тетки!

— Тетушка. вѣрно читаетъ ей проповѣдь, отвѣчала Флора, разбирая шерсти и сличая ихъ съ узоромъ. — Я рада, что на сегодня избавилась отъ нихъ.

Подполковникъ взглянулъ на нее черезъ свои очки.

— Знаешь-ли, милая, началъ онъ, — тетка ваша права во многихъ отношеніяхъ...

— Ну, если ты намѣреваешься ее защищать, то лучше и не вести разговора, перебила его жена, вступая въ обыкновенный бой. — Молодымъ дѣвушкамъ, полагаю, не легко слушать только нотации да нотации; да что и до насъ касается, то вѣдь въ концѣ концовъ выходитъ, что мы нашихъ дѣтей воспитывать не умѣемъ и должны поучаться тому у твоей сестрицы.

— Что-же, душа моя, возразилъ подполковникъ, который безъ того былъ встревоженъ и вовсе не желалъ заводить сцены съ супругою, — я сознаюсь, что распустилъ дѣтокъ немного болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и если сестра исправляетъ этотъ недостатокъ, то только восстанавливаетъ равновѣсіе. Къ тому-же ты знаешь, что она очень любитъ своихъ племянницъ и давала уже не разъ доказательства этой любви.

— Любить! проворчала жена, неохотно покидавшая однажды поднятое оружіе, — любить! Это еще неизвѣстно. По крайней мѣрѣ мнѣ не видно твоихъ доказательствъ. А пока ихъ нѣтъ, позволь мнѣ оставаться при своемъ мнѣніи. Во всякомъ случаѣ нельзя винить дочекъ за то, что у нихъ терпѣнья не хватаетъ иной разъ. Мы, женщины, не святые...

— Это безспорно! готовъ былъ сказать подполковникъ, но удержался, потому-что тогда, по всей вѣроятности, разразилась-бы буря. Подполковница, встаетъ, также замолчала и, придвинувъ къ себѣ ближе лампу, снова погрузилась въ чтеніе романа; Флора усердно выводила стежки по канвѣ, а самъ подполковникъ занялся разборомъ статьи о новыхъ орудіяхъ, специально рекомендованной ему его начальникомъ и приводившей Глингенбуха въ немалое замѣшательство, относительно ожидаемаго отъ него критическаго приговора, такъ-какъ онъ подозрѣвалъ, что статья написана самимъ начальникомъ. Всѣ какъ-будто забыли на минуту о Гетти. А гдѣ-же была она въ это время?

Аптека, то-есть, придворная аптека, какъ ее слѣдовало теперь называть, помѣщалась въ одномъ изъ самыхъ старинныхъ роденбургскихъ домовъ; въ силу-же того, что въ прежнія времена земля не имѣла большой цѣнности, всѣ подобныя древніе дома были окружены большими или меньшими садами. Нѣкоторые новѣйшіе владѣльцы изъ прогрессистовъ извлекали выгоды изъ этихъ участковъ, но Землейнъ предпочелъ оставить при своемъ домѣ садъ, такъ-какъ самъ былъ большимъ охотникомъ до цвѣтовъ и всякихъ растений. Отъ своего сада онъ отгородилъ небольшое пространство для жильцовъ перваго и втораго этажей, чтобы доставить и имъ удовольствіе попить иногда кофе на чистомъ воздухѣ, — хотя такое выраженіе не совсѣмъ шло къ пространству, изъ котораго не было видно ничего, кромѣ околывавшихъ его высокихъ каменныхъ стѣнъ, что уподобляло его какой-то трубѣ, но какъ-будто съ противоположнымъ назначеніемъ, потому-что въ обыкновенныхъ трубахъ дымъ стремится вверхъ, а здѣсь, напротивъ того, онъ осѣдалъ внизъ, вслѣдствіе чего счастливые обладатели садиковъ могли спокойно глотать свой кофе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда благосклонный вѣтеръ загонялъ дымъ въ другую сторону.

По вечерамъ, въ раннюю весну, да вдобавокъ еще послѣ такой страшно-ненастной погоды, которая господствовала цѣлый день въ Роденбургѣ, никому не приходило, конечно, на мысль сидѣть „на свѣжемъ воздухѣ“, и, однакожь, въ садикѣ подполковника, погруженномъ въ слякоть и мракъ, раздавались чьи-то сдержанные голоса.

— Генриетта, жизнь моя! шепталъ мужской голосъ,—какъ я счастливъ, что могу наконецъ говорить съ тобой безъ свидѣтелей, держать тебя въ своихъ объятіяхъ, прижимать къ сердцу...

— О, Юліусъ! отвѣчалъ такимъ-же шопотомъ женскій голосъ,—я тоже такъ счастлива! Но мнѣ все страшно... Что, если кто нибудь застанетъ насъ?..

— Полно! кто можетъ зайти сюда теперь, душа моя? Не бойся, не порти этихъ короткихъ минутъ блаженства совершенно напраснымъ страхомъ!

Горячій поцѣлуй заключилъ эту убѣдительную рѣчь, и счастливицы, стоя обнявшись,—сѣсть было не на чѣмъ,—не видали какъ пролетали минуты.

Собственно говоря, это свиданіе въ саду было первымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ, и устроилось оно подѣ предложенью необходимости переговорить о томъ, что именно дѣлать: то есть, ждать-ли смерти тетки, или-же поручику Вефену явиться не позже завтрашняго утра къ родителямъ своей избранницы и смѣло объявить себя претендентомъ на ея руку? Таковы были, по крайней мѣрѣ, искреннія намѣренія Генриетты, молодой, неопытной еще въ практической жизни, дѣвушки. Но поручику Вефену слѣдовало лучше понимать дѣло. Могъ-ли онъ, бѣдный офицеръ, жениться на бѣдной-же дѣвушкѣ? Какимъ образомъ, съ чьего позволенія и съ чьей помощью? И онъ понималъ очень хорошо всѣ препятствія, предстоявшія ему на этомъ пути, но развѣ можно было сказать что-нибудь подобное Генриеттѣ,—въ особенности сегодня, когда можно было провести время гораздо пріятнѣе? Вслѣдствіе этого, бесѣда молодыхъ людей не коснулась ни наслѣдства, ни офицерскаго жалованья,—последнее было такъ ничтожно, что не стоило тратить о немъ словъ. То-ли дѣло сладкія рѣчи и поцѣлуи! Они превращали намокшую древесную бесѣдку безъ скамьи въ земной рай для влюбленныхъ.

Но на сосѣдней городской башнѣ начали бить часы. Генриетта стала прислушиваться, насчитала восемь и вскрикнула отъ испуга.

— Господи!.. это не можетъ быть!.. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, восемь?

— Я пришелъ сюда въ началѣ восьмого; неужели время пролетѣло такъ скоро? восклицалъ, въ свою очередь, поручику.

— Что скажетъ маменька! Прощай, Юліусъ! Надо поскорѣе домой!

— О, зачѣмъ время летитъ такъ быстро, продолжалъ жаловаться юный сынъ Марса.—Когда-же мы увидимся снова, моя дорогая?

Она не могла тотчасъ отвѣтить, потому-что онъ залѣпилъ ея ротъ поцѣлуемъ.

— Я боюсь приходить, Юліусъ! Кто-нибудь узнаетъ о нашихъ свиданіяхъ!

— Пустяки! Я-то съумѣю всегда незамѣтно пробраться, а тебѣ не трудно найти предлогъ выдти изъ дома.

— Ну, прощай! произнесла Генриетта, цѣлуя его еще разъ и порываясь изъ его объятій.

— Жду тебя завтра вечеромъ! прошепталъ онъ. — Жду непременно!

Съ послѣднимъ: прощай! Генриетта выпорхнула изъ его рукъ, пронеслась стрѣлой до выхода изъ сада, счастливо добѣжала до лѣстницы и черезъ мгновеніе, правда немного запыхавшись, очутилась у своей двери.

— Помилуй, Гетти! воскликнула подполковница, прежде чѣмъ она успѣла переступить черезъ порогъ, — что это значить? Гдѣ ты шатаешься до поздней ночи?

— Я была у тетушки, отвѣчала молодая дѣвица самымъ развязнымъ голосомъ. — Гдѣ же мнѣ быть?

— Такъ долго? Обыкновенно, ты норовишь, какъ-бы поскорѣе оттуда уйти. А сегодня такъ засидѣлась. Дѣвушкѣ опасно ходить одной въ такой темный вечеръ.

— Но, милая мама, всего нѣсколько шаговъ, я еще заходила къ швеѣ, сейчасъ отъ нея.

— Ну, что тетва? спросилъ подполковникъ, желая скорѣе замять ссору.

— Такъ себѣ, ничего, отвѣчала Генриетта. — Только что-то особенно молчалива была. Заставила меня, впрочемъ, рассказывать обо всемъ, что было у Шаллеровъ, кто именно былъ, въ чемъ одѣты, что подавали.

— Совершенно на нее похоже, замѣтила фонъ-Клингенбрухъ.

— Но она не злилась, мама; все молчала, только головой иной разъ покачивала.

— И зачѣмъ-же ей злиться, душа моя? сказалъ отецъ. — Неужели вы думаете, что она желаетъ, чтобы вы вовсе не веселились? Будьте къ ней справедливѣе; она добрая женщина и если только можетъ доставить вамъ удовольствіе, то всегда доставляетъ.

Молодые дѣвушки переглянулись. Онѣ вспомнили о платкахъ, полученныхъ въ подарокъ отъ тетки, и о томъ, что Генриетта пошла къ ней въ сумерки именно подъ тѣмъ предлогомъ, что не смѣетъ показаться ей иначе, какъ въ старой шляпкѣ, которую днемъ-то и надѣвать уже совѣстно. Но онѣ не сказали ни-

чего, не желая сердить отца; къ тому-же, наступало время ужинать и разговоръ принялъ другое направленіе.

Семья просидѣла вмѣстѣ до половины одиннадцатаго; подполковница раскладывала пасьянсъ, супругъ ея сидѣлъ въ углу дивана молча, какъ будто задумавшись; Генриетта и Флора, работая, болтали о разныхъ вещахъ. Наконецъ, подполковникъ сталъ дремать и слегка всхрапывать; супруга бросила на него сердитый взглядъ,—такъ случилось, по заведенному порядку, каждый вечеръ,—и видя притомъ, что пасьянсъ опять не выходитъ, оттолкнула отъ себя карты и двинула громко стуломъ. Подполковникъ проснулся на стукъ и, озираясь съ удивленнымъ видомъ, спросилъ:

— Не пора-ли и спать, душенька? Я начинаю что-то чувствовать себя утомленнымъ.

— Начинаешь? повторила супруга. — Начало у тебя очень ясно выходить. Ты храпѣлъ, какъ медвѣдь.

— Я, сокровище мое?

— А можетъ быть и не ты, а дворовая собака, возразила вѣжкая жена.—Ты неисправимъ: Счастье еще, что у тебя подъ ногами музыки не было. Ну, спокойной ночи! Пора спать, дѣти!

Всѣ встали. Проходя съ лампою мимо шляпы, положенной Генриеттой на столъ, Флора взяла ее въ руки, покачала головой и сказала:

— На что похожа твоя шляпа, Гетти! Даже фасона не разберешь!

— Что такое? возразила Гетти (хорошо было, что она стояла въ тѣни). Вѣрно ее вѣтромъ помяло.

— Она совершенно раздавлена!

— Такъ вѣрно эта противная тетушкина собака улеглась на мою бѣдную шляпу! Прошлый разъ она то-же сдѣлала и тетушка отъ души хохотала надъ этимъ.

— Должно быть, въ самомъ дѣлѣ, собака! произнесла съ злою усмѣшкою Флора.—Вѣтеръ не можетъ такъ исковеркать.

Всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Одна служанка только копошилась еще въ кухнѣ, перебивая посуду и жуя свой скудный ужинъ. Она получала его отдѣльно, такъ-же какъ свою полштучку масла на недѣлю и по два кусочка сахара на день. Прошло съ четверть часа въ тишинѣ; но едва пробило на ра-

тушкой башнѣ одинадцать, на лѣстницѣ, которая вела къ Клингенбрухамъ, раздались чьи-то тяжелые шаги и остановились они у дверей подполковника. Затѣмъ раздался звонокъ, и такой громкій, что Генриетта и Флора, спавшія въ одной комнатѣ, поднялись въ испугъ на своихъ постеляхъ.

Кто могъ-бы это быть? Зачѣмъ? И какимъ образомъ удалось этому человѣку пробраться въ домъ, когда подъѣздъ запирался, каждый день, аккуратно въ десять часовъ, однимъ изъ аптекарскихъ учениковъ? Во всякомъ случаѣ, посѣтитель вѣрно ошибся этажемъ? Но нѣтъ раздался второй звонокъ, еще оглушительнѣе перваго, такой, что самъ подполковникъ, разбуженный женою еще при первомъ звонкѣ, выскочилъ, на этотъ разъ, изъ постели безъ дальнѣйшаго понужденія.

— О, Господи, сказалъ онъ,—если кому-нибудь нужно въ аптеку, то зачѣмъ-же у насъ-то колокольчики обрывать!

— Что ты за вздоръ мелешь! нетерпѣливо возразила супруга.—Какъ-же можно попасть теперь къ намъ на лѣстницу, какъ не черезъ аптеку? Это кто-нибудь къ намъ.

— Телеграмма развѣ? продолжалъ подполковникъ, наплевывая на себя необходимѣйшія принадлежности одежды, такъ-какъ, разумѣется, ему одному, а не кому другому, можно было идти отворять дверь подобному нежданному, ночному посѣтителю.—Телеграмма? Откуда только? Не понимаю!

Но посѣтитель былъ одержимъ большимъ нетерпѣніемъ, какъ оказывалось. Онъ дернулъ еще разъ за колокольчикъ съ такою силою, что было чудомъ, какъ могла уцѣлѣть проволока, и вывелъ изъ себя даже самого подполковника, который, отворивъ дверь спальни, закричалъ сердито: Идутъ! идутъ! и прибавилъ, ворча: Не колдунъ-же я!—Ужь не объявлена-ли война, почему потребовалось наипослѣднѣйшимъ образомъ вызвать подполковника фонъ-Клингенбруха въ военное министерство? А если не это, такъ что-же?

Подполковникъ кончилъ, между-тѣмъ, одѣваться, но безъ оружія ему также не годилось идти: если это были мошенники, употреблявшіе хитрость, для того, чтобы заставить отворить себѣ дверь, они должны были увидать его, по крайней мѣрѣ, въ офицерскомъ вооруженіи! И съ обнаженною шпагою въ правой

рукъ, со свѣчей въ лѣвой, твердо и смѣло промаршировалъ онъ черезъ переднюю къ наружной двери...

— Кто тамъ?

— Я, г. подполковникъ, открывайте скорѣе!

— Я? кто я? Вѣдь теперь полночь!

— Я, Рези отъ г-жи Мейзбродъ. Открывайте, ради Христа, у насъ несчастіе случилось!

— Рези?.. проговорилъ подполковникъ въ недоумѣніи.—Отъ сестры?.. случилось несчастіе?..

Онъ сунулъ шпагу подъ лѣвую мышцу, чтобы имѣть ее, на всякій случай, на готовъ, снялъ цѣпь и отомкнулъ дверь.

— Господи Боже! воскликнула старая служанка, завидя передъ собой Клингенбруха,—Господи Боже! Вы не пугайтесь, г. подполковникъ... моя добрая барыня померла!

— Померла?.. повторилъ старикъ, смотря на Рези вытаращенными глазами и точно не понимая смысла ея рѣчи.

Они простояли такъ другъ передъ другомъ нѣсколько минутъ молча, наконецъ подполковникъ воскликнулъ задыхающимся голосомъ:

— Что ты болтаешь, Рези? Къ чему ты явилась сюда среди ночи? Что съ сестрою?

— Нѣтъ ея въ живыхъ! простонала старуха.—О, Господи Боже! пришлось-же мнѣ дожить до такого несчастія! И разомъ-то это случилось... Вдругъ, и духъ вонъ... О, горюшко-горе!

— Да быть-же не можетъ! воскликнулъ подполковникъ видя себя, дѣйствительно не вѣря тому, что слышалъ. Дочь моя привела у нея вечеръ...

— На минуточку забѣгала къ намъ ваша барышня въ сумерки, это правда, но тотчасъ-же ушла, продолжала старая Рези. — На это-ли осердилась голубушка покойница, или уже, и то сказать, все-то послѣ обѣда она была страсть какъ тиха, и даже со мною ни разу не побранилась... Да мнѣ-то и не въ домекъ... а тутъ вдругъ...

— Кто-же это тамъ? произнесла, въ эту минуту, подполковница, выставляя изъ дверей свою голову въ большомъ ночномъ бѣломъ чепцѣ. Слыша говоръ, она не могла воздержатъ болѣе своего любопытства и выскочила изъ постели.—Кто тамъ и что такое случилось?

— Это Рези, Вероника, отвѣчалъ ей мужъ, оцѣпенѣлый еще отъ неожиданности и испуга.—Подумай, Сибилла внезапно скончалась!

— Святъ, святъ, святъ, Господь Богъ Саваофъ! воскликнула подполковница и выскочила, какъ была, въ ночномъ одѣяніи, на лѣстницу.—Умерла Мейзбродша? проговорила она, наступая на старуху служанку.

— Горюшко мое горе! повторила со стономъ бѣдная Рези.— Умерла... и такъ разомъ, такъ скорешенько, ну, вотъ какъ рукою повернуть, либо кофе сварить!

— Но отчего-же?.. Какъ это такъ? продолжалъ подполковникъ, все еще неприходившій въ себя, болѣе отъ изумленія, впрочемъ, потому-что особеннаго горя и онъ, повидимому, не испытывалъ.—Войдите, однако, въ комнату, Рези, а то мы весь домъ всполошимъ.

Подполковницы, между-тѣмъ, уже не было. Она кинулась въ спальню дочерей, чтобы сообщить имъ о важномъ событіи. Дѣвушки, заслышавъ шумъ, сидѣли въ своихъ постеляхъ, не успѣвъ рѣшить вопроса, одѣваться-ли имъ и идти узнать, что случилось, или спокойно обождать конца происшествію. Но раздался стукъ у ихъ дверей и вопросъ:

— Вы не спите, дѣти?

— Нѣтъ, мама. Ради самого Господа, что тамъ такое случилось?

— Отворите-ка дверь и впустите меня.

Флора выскочила босыми ножками на полъ, до того нетерпѣніе одолевало ее, отодвинула дверную задвижку и потомъ снова юркнула подъ свое одѣяло. Подполковница заперла за собою дверь на замокъ и потомъ, вытянувшись впередъ всѣмъ туловищемъ и наклонивъ голову, произнесла шопотомъ:

— Тетка приказала долго жить!

— Тетка? воскликнули обѣ молодыя дѣвушки въ одинъ голосъ.

— Тихе что вы! Весь домъ разбудите. Рези здѣсь. Только-что скончалась... Но чего вы новскакали? что вы намѣрены дѣлать?

Что намѣревались дѣлать молодыя особы, этого онѣ еще сами не знали; одно было только ясно имъ,— это необходимость

услышать изъ устъ самой Рези всѣ подробности происшествія, и потому онѣ стали наскоро набрасывать на себя необходимѣйшую одежду.

— Но ты пробыла у нея цѣлый вечеръ, Гетти! сказала Флора, среди поспѣшнаго одѣванья. — Что-же, занемогла она при тебѣ? Ты ни слова о томъ не говорила.

— Напротивъ, она была здоровехонька, когда я ушла и котъ сидѣлъ у нея, по обменовенію, на колѣняхъ. Провожать— она меня не провожала, но вѣдь она и никогда намъ подобной чести не оказывала.

— И долго ты у нея оставалась?

— Право, не знаю... но гораздо болѣе часа, мнѣ кажется.

— Удивительно! Знаешь, мнѣ скорѣе чудилось, что она никогда не умретъ.

— Мнѣ тоже, проговорила Генриетта, у которой мысли такъ и роились въ головѣ.

Старая Рези рассказала уже давно все событіе въ главныхъ чертахъ, но съ прибѣтіемъ молодыхъ дѣвушекъ, ей пришлось повторить все съизнова и съ мельчайшими подробностями, такъ что, наконецъ, дѣло обрисовалось вѣрно и точно слѣдующимъ образомъ:

Втеченіе всего дня, Рези не замѣчала въ своей барынѣ ничего особеннаго, развѣ только то, что она была тише и молчаливѣе обыкновеннаго. Къ ночи она поужинала, какъ всегда, почитала съ часокъ свою библію, потомъ подогрѣла себѣ сама воды на спиртовой лампѣ, какъ дѣлывала это также всегда, для стакана грога, который выпивала ежедневно передъ сномъ. Она пріучила себя къ этому напитку и увѣряла, что безъ него никакъ не уснетъ. Наконецъ, она легла въ постель и позвонила, за тѣмъ, чтобы Рези вошла и убрала лампу, да поставила бы къ кровати стаканъ свѣжей воды. Едва Рези успѣла исполнить приказаніе, фрау Мейзебродъ проговорила: О, Господи Боже! и вытянулась на своей постели. „Худо вамъ, фрау“? спросила ее Рези, но не получивъ отвѣта, подумала, что барыня хочетъ спать, и потому не стала болѣе спрашивать ее и вышла изъ комнаты. Однако, странный голосъ фрау Мейзебродъ не выходилъ у нея изъ головы. Это былъ вовсе не ея обычный тонъ и звучалъ какъ-то необыкновенно. Сначала, Рези не осмѣ-

ливалась войти снова къ ней въ спальню, но наконецъ, мысль о томъ, что барыня могла възвравду занемочь, одержала верхъ. Рези взяла свѣчу, отворила потихоньку дверь и подкралась къ постели. Фрау Мейзебродъ не шевелилась. Рези нагнулась къ ней, но не разслышала и дыханія! Тогда ей стало страшно. Она схватила свою барыню за руку... и чуть не уронила под-свѣчника на полъ: барыня была мертвая! Не потерявъ еще совершенно присутствія духа, Рези сдѣлала самое умнѣйшее, что могла сдѣлать: она заперла квартиру и побѣжала прямо за докторомъ. Поттеръ послѣдовалъ за ней тотчасъ-же, но дѣлать было уже нечего. По его мнѣнію, у старухи произошелъ ударъ въ сердцѣ. Докторъ отправилъ Рези тотчасъ за Клингенбрухомъ, а самъ остался пока при покойницѣ.

— Надо вамъ поторопиться одѣться, г. подполковникъ! добавила Рези.—Страшно, ахъ, какъ страшно смотрѣть на бѣдную барыню: лежитъ это она холодная и вытянувшись на своей постелькѣ...

При словѣ Рези „одѣться“, подполковникъ оглянулъ нижнюю половину своей особы и нѣсколько смутился. Рези была права, ему надо было докончить свой туалетъ: въ попыхахъ, онъ напялил на себя только мундиръ, не позаботясь объ остальномъ. Онъ послѣшилъ въ свою спальню, чтобы привести все въ исправность, находя, что докторъ Поттеръ поступилъ очень разумно, приславъ Рези за нимъ.

Г-жа фонъ-Клингенбрухъ смотрѣла на дѣло нѣсколько иначе.

— Дура эта Рези! сказала она, послѣдовавъ въ спальню за мужемъ.—Какъ можно было оставлять его тамъ одного! Развѣ нельзя было занереть квартиру?.. Торопись, сдѣлай милость! Подумай, что и бумаги, и цѣнныя вещи, все это тамъ открыто и чужой человѣкъ одинъ одинешенекъ въ квартирѣ!

— Но, душечка, возразилъ подполковникъ, быстро натягивая брюки,—докторъ Поттеръ честный малый! Неужели ты думаешь, что онъ серебряныя ложки стянеть?

— Чужая душа потемки! возразила ему супруга,— и лишняя осторожность никогда не мѣшаетъ. Тебѣ непремѣнно слѣдуетъ идти туда! Это твой долгъ, твоя прямая обязанность, какъ брата покойницы и отца твоихъ дѣтей!

— Да развѣ я не иду, милочка? но надо-же мнѣ прежде

надѣть эти... эти про... провля... провлятые сапоги! Чтобъ этого сапожника чортъ побралъ! Этакое мученье каждый разъ! Ну, а гдѣ теперь мой носовой платокъ запропастился?

Прошло еще нѣсколько времени прежде чѣмъ подполковникъ собралъ все ему нужное и окончательно снарядился въ путь. Генриетта и Флора продолжали, между-тѣмъ, осаждать старую Рези вопросами и разспросами. Выпытавъ отъ нея все, что только могли, онѣ стали еще умолять отца, чтобы онъ прислалъ имъ утромъ поранѣе—какъ можно ранѣе!—въсточку обо всемъ, а еще лучше, пришель-бы самъ къ завтраку.

Подполковникъ обѣщала исполнить ихъ просьбу и отправилась, — воротился онъ, правда, еще съ дороги за ключомъ отъ подвѣзда и за своими очками,—но наконецъ все въ домѣ стихло и мать осталась одна съ своими дочерями.

— Грустное происшествіе! произнесла она, беря снова свѣчу, чтобы идти въ свою комнату, — во всемъ семействѣ не было, впрочемъ, проронено и слезинки,—очень грустное происшествіе!

Флора посмотрѣла на свою мать съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Такъ неожиданно! произнесла Генриетта.—Помнишь мама, мы недавно еще говорили, что тетюшка переживетъ всѣхъ насъ, до того она казалась здоровой и крѣпкой. А тутъ, вдругъ... Просто страхъ беретъ, когда подумаешь, что можно умереть такъ внезапно!

— Ну, царствіе ей небесное! сказала подполковница, вздыхая.—Она никогда не была слишкомъ любезна со мной, но я прощаю ей отъ всего сердца! Никакой злобы къ ней не питаю! Да и не слѣдуетъ питать — будетъ тогда не по христіански. Пора, однако, вамъ и въ постель, дѣти... Кстати, что я хотѣла тебѣ сказать еще, Генриетта... вамъ надо пойти завтра пораньше, заказать себѣ траурныя платья; такъ не забудьте тутъ же купить почтовой бумаги съ черными каемками, такихъ-же конвертовъ и черного сургуча.

— Хорошо, мама, отвѣчала Флора,—только знаешь, мы уже купимъ также кстати себѣ маленькія шляпки, такія, что свади поля отогнуты... Онѣ прелесть какъ хороши...

— Тамъ, какъ знаете, сказала мать,—но теперь поздно, ложитесь спать. Завтра переговоримъ обо всемъ хорошенько; можетъ быть и я пойду покупать съ вами.

— Спокойной ночи, мама!

— Спокойной ночи, дѣти!

Подполковница удалилась, однако, дѣвцы не думали заснать. До сна-ли имъ было въ эту минуту!

— Слушай, Гетти, начала Флора, лишь только онѣ потушили свѣчу,—купишь также приборы изъ каменнаго угля. Вѣдь надобно-же что-нибудь и для наряда имѣть!

— А наши черные кораллы? возразила Гетти. — Они еще очень хороши.

— Надоѣли уже! Да и нѣтъ у насъ къ нимъ ни серегъ, ни браслетовъ. Ахъ, кабы поскорѣе утро! Такъ хочется за покупками идти!

— А какъ ты думаешь, что лучше для шляпокъ: страусовыя перья или черныя цвѣты? Я траурныхъ цвѣтовъ не люблю.

— Отчего-же? возразила ей сестра. — Луиза фонъ-Гербернъ носила цвѣты, когда была въ траурѣ. И что за прелесть были эти цвѣты! Бархатные съ стеклярусомъ и бусами. Просто чудо!

— Ну, посмотримъ тамъ въ магазинахъ; что понравится, то и возьмемъ.

— Наступило непродолжительное молчаніе; потомъ Флора сказала:

— А бѣдному папѣ придется просидѣть цѣлую ночь съ покойницей. Мнѣ отъ одной такой мысли дѣлается страшно!

— Да вѣдь Поттеръ-же съ нимъ; одного не оставить.

— Поскорѣе узнать-бы о завѣщаніи! сказала опять Флора. — По настоящему, слѣдовало-бы тотчасъ-же объявлять о немъ наследникамъ.

— Узнаемъ завтра поутру. Мнѣ самой такъ нетерпится...

— А что, если завѣщанія нѣтъ?

— Что ты! Вѣдь отецъ говорилъ столько разъ! Да если-бы и не было? Мы ближайшіе родственники.

— А набѣгутъ разные Мейзеброды?

— Такъ чтоже? Тетушка владѣтельница всего состоянія; оно и должно пойти въ ея родню.

— Пора, однако, и заснуть, Гетти.

— Заснуть! Мудрено. У меня столько мыслей въ головѣ...

— А у меня-то? Но все-же надо постараться поспать до утра. Прощай, Гетти!

— Прощай, Флора! Слушай: если проснешься завтра раньше меня, разбуди меня тотчас-же!

— Хорошо, но и ты меня тоже!

Тихо стало въ маленькой спальнѣ. Скоро на городскихъ часахъ пробило два. Прошло еще нѣсколько времени; вдругъ раздался шопоть Флоры:

— Гетти, ты спишь?

— Нѣтъ, куда спать! А что?

— Гетти, душечка, мнѣ такъ весело, что я просто плясать готова!

— Полно дурачиться!

Флора хихивнула и завернулась въ одѣяло. Въ спальнѣ воцарилась, наконецъ, полная тишина.

ГЛАВА XV.

СТАРИКЪ КЛАУСЪ.

Баронъ фон-Шаллеръ не ошибся, предсказавъ на утро хорошую погоду. Вѣтеръ перемѣнился и разогналъ облака, такъ-что стало совершенно ясно и Гансу захотѣлось еще заглянуть въ садъ до своего отправленія на охоту.

Онъ засталъ въ немъ стараго садовника Клауса, котораго зналъ съ самого своего младенчества и могъ называть товарищемъ своихъ дѣтскихъ игръ. Сколько разъ возилъ его этотъ Клаусъ на спинѣ, бѣгалъ съ нимъ, придумывалъ ему разныя увеселенія! Клаусъ былъ дорогъ Гансу, какъ памятникъ прежнихъ веселыхъ, беззаботныхъ дней, какъ существенная часть прежняго; молодой человекъ не могъ даже представить себѣ своего родного дома безъ Клауса.

— Хорошо-ли выходятъ тѣ сѣмяна, что я привезъ съ собой, Клаусъ? спросилъ онъ у садовника.

— Превосходно! отвѣчалъ старикъ.— За всходами я слѣжу старательно и исполняю всѣ ваши наставленія.

— За то вы послѣ порадуетесь, глядя на нихъ, сказалъ Гансъ. Это рѣдкія здѣсь растенія.

— О, г. Гансъ, возразилъ Клаусъ,—кто порадуется, кромѣ

меня? И господа, и гости, что къ нимъ прѣзжаютъ, любятъ только одно крупное, да пестрое! Иной разъ, изъ кожи вопъ лѣзешь, воспитываешь какое-нибудь рѣдкостное растеньице, вырастишь его, принесешь въ комнаты,—а тебѣ на другой день говорятъ: Клаусъ, убери этотъ горшокъ... даже названіе-то цвѣтку не скажутъ, а просто: горшокъ!.. онъ только мѣшаетъ. Ну, и понесешь его въ теплицу назадъ.

— За это нечего сердиться, Клаусъ, отвѣчалъ Гансъ. — Люди вообще любятъ болѣе то, что въ глаза бросается; отъ этого нечего приходитъ въ отчаяніе. Все-таки отрадно утѣшаться плодами своихъ трудовъ.

— И какъ еще я утѣшаюсь, г. Гансъ, какъ утѣшаюсь! Недавно зашелъ ко мнѣ въ теплицу вашъ батюшка съ какимъ-то ученымъ гостемъ. Тотъ всѣ цвѣточки полатыни наизусть называлъ. Очень ученый господинъ былъ! Такъ онъ даже изумился, видя у насъ столько рѣдкихъ растений, расхвалилъ меня и сказалъ г. барону, что я отлично знаю свое дѣло. Г. баронъ былъ очень доволенъ и, уходя, сунулъ мнѣ въ руку два новенькихъ талера. Я готовъ былъ отдать одинъ изъ нихъ тому господину; только не шло, слишкомъ ужъ нарядно былъ одѣтъ.

Гансъ засмѣялся.

— Вы сами вполне заслужили ихъ, Клаусъ, сказалъ онъ. — Вы всегда намъ вѣрно служили.

— Да, началъ старшій садовникъ задумчиво, — привыкъ я къ вашему дому, г. Гансъ! Часто вспоминаю прежнее времячко, какъ бывало всѣ вы, дѣти, вокругъ меня собираетесь, со стола лакомства мнѣ приносите, то и се рассказываете. Золотое, золотое то время было! Потомъ все измѣнилось... Ушли вы... Ушла... Кѣтхенъ... Теперь вотъ и барышня скоро уйдетъ. Правду сказать, она для меня все равно, что уже и нѣтъ ея... Рѣдко въ садъ заходить... Кромѣ: здравствуйте, Клаусъ! я отъ нея во весь этотъ годъ врядъ-ли еще слово слыжалъ...

Гансъ молчалъ, а старикъ продолжалъ, какъ-бы спохватившись:

— Конечно, она теперь уже взрослая дѣвица, такая ученая; не слушать-же ей, по прежнему, побасенки стараго Клауса!.. И всему конецъ бываетъ. Вотъ, лѣтомъ, старые господа всегда куда-нибудь уѣзжаютъ, и въ то время, когда мой садъ въ пол-

номъ цвѣту, только-бы на него и любоваться, хожу я въ немъ по дорожкамъ одинъ-одиношенекъ... Скучно, точно отшельникъ въ своемъ скиту... Ну, ничегъ не подѣлаешь, надо переносить, что Богъ посылаетъ!

— А отчего уѣхала Кэтхенъ? спросилъ вдругъ Гансъ, который все время не прерывалъ старика и стоялъ погруженный въ свои мысли.

— Гмъ! промывчалъ Клаусъ, начиная усерднѣе прежняго работать лопатой.

— Случилось что-нибудь, Клаусъ? продолжалъ Гансъ, дѣлаясь внимательнѣе.

— Не знаю, проворчалъ старикъ, — я никогда не мѣшался въ господскія дѣла; даже о своихъ собственныхъ мало забочусь!

— Клаусъ, я спрашиваю васъ не изъ пустого любопытства — вы это знаете. Я всегда любилъ Кэтхенъ, какъ родную сестру, и мнѣ было очень больно не видѣть ее больше въ нашемъ домѣ.

Клаусъ продолжалъ работать съ особой торопливостью: казалось, онъ хотѣлъ перекопать въ этотъ день весь садъ. Въ душѣ его, очевидно, происходила борьба: не хотѣлось ему говорить и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не былъ увѣренъ, слѣдуетъ-ли ему утаивать отъ своего молодого господина подробности дѣла, которое его интересовало не изъ пустого любопытства.

— Съ которыхъ поръ уѣхала Кэтхенъ? спросилъ Гансъ, понимая, что ему надо повести атаку иначе.

— Уѣхала? повторилъ Клаусъ. — То есть, вы хотите сказать, домъ этотъ покинула? Это я могу опредѣлить вамъ довольно точно. Завтра будетъ ровно восемь мѣсяцевъ тому, какъ она, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, просталась со мною; я еще будетъ готовить для вашей матушки. Кэтхенъ попросила у меня розу, и я далъ ей самую красивую, которую только могъ найти.

— Премилое было дитя! сказалъ Гансъ.

— Дитя? повторилъ Клаусъ съ изумленіемъ; — была когда-то, а теперь красавица дѣвушка.

— Маленькая-то Кэтхенъ?

— Маленькая! Ростомъ съ вашу сестрицу, можетъ быть, даже чуточку еще повыше, и именно потому что она была такая красавица... Но все это не мое дѣло! прервалъ себя старикъ,

принимаясь съ новымъ усердіемъ за лопату. — Моего мнѣнія не спрашивали... И куда соваться старому Клаусу! Знай онъ свой садъ, да теплицы, вотъ и все!

Гансъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Было ясно, что въ домѣ произошло что-то такое, о чемъ старику не хотѣлось говорить, и Гансъ вспомнилъ при этомъ, что и мать его поспѣшила также замять рѣчь, когда онъ вдумалъ разспрашивать ее о Кэтхенъ. Но зачѣмъ-же скрывали эту тайну отъ Ганса? Развѣ онъ не принадлежалъ также къ семьѣ?

— Утѣшительно хотя то, что она на хорошемъ мѣстѣ, проговорилъ онъ:—свѣтъ посмотреть, а тамъ, воротясь изъ Италіи, вѣрно побываетъ снова у насъ...

Старый садовникъ поднялъ голову, выпрямился, посмотрѣлъ во всѣ глаза на Ганса и произнесъ съ удивленіемъ:

— Изъ Италіи?..

— Ну, да, вѣдь она поѣхала туда компаньонкою при какомъ-то семействѣ?

— Кэтхенъ-то?

— Конечно.

— Кто это вамъ сказалъ?

— Если не ошибаюсь, сама матушка... или же отецъ... а можетъ быть и графъ Раутенъ. Право, не помню хорошенько.

— Ему и говорить! произнесъ сердито старикъ. — Если кто былъ причиною ея ухода изъ дома, такъ онъ одинъ!

— Графъ Раутенъ, Клаусъ? Что вы?

— О, онъ не выгналъ-бы ее, это вѣрно, продолжалъ старикъ,—но другіе нашли это не лишнимъ... Въ Италію поѣхала!.. Вотъ-на!.. Бѣдняжка искалываетъ себѣ пальцы иглою до крови, да глаза портить при дрянненькой лампѣ, чтобы хлѣбъ себѣ насущный добыть честнымъ образомъ...

— Кэтхенъ? воскликнулъ Гансъ въ величайшемъ изумленіи.

— Ну, конечно, воскликнулъ Клаусъ въ свою очередь,—намъ не слѣдуетъ совать носъ туда, куда насъ не спрашиваютъ, даже и пословица такая есть, но я также не понимаю, зачѣмъ мнѣ скрывать то, что я знаю! Мнѣ никто рта не зашилъ и не вижу я бѣды въ томъ, если вамъ станетъ извѣстно, что бѣдняжка мучитъ себя работой, чтобы выработать какихъ-нибудь десять

копѣекъ въ день, подобно многимъ другимъ бѣднымъ существамъ, которыя не хотятъ сворачивать съ хорошей дороги!

— Такъ она не въ Италіи!

— Здѣсь она, въ городѣ, живетъ на чердакѣ и пьетъ на людей... Могла-бы и уроки давать, но напугана уже она, боится связываться... И когда я, иной разъ, въ воскресенье, пойду ее навѣстить, сердце у меня поворачивается, когда я вижу, какъ она бѣдно живетъ, и какъ умѣетъ оставаться спокойною и довольною при этомъ. Вы думаете, она жалуется? Никогда! Меня даже старалась увѣрить, что ей удивительно какъ хорошо; ну, да стараго воробья не надуешь!

— Но что-же случилось? воскликнулъ Гансъ.—Чтонибудь да было... не могли же мой отецъ и мать оттолкнуть ее такъ, безъ причины!

— Что-нибудь было, конечно, отвѣчалъ Клаусъ, мрачно насунивъ брови,—но ничего такого, за что Кэтхенъ должна была-бы отвѣчать... Я теперь мало толкую съ прислугой; это все модницы, горничная ходитъ по воскресеньямъ въ шляпѣ съ перьями, а кухарка напяливаетъ себѣ перчатки и зонтикъ распускаетъ, чтобы своей рожи кострюлечной не испортить, но при старой Доротей я хаживалъ на кухню и слышалъ... конечно, не знаю навѣрное, сущую-ли правду тамъ говорили: Доротей любила языку волю давать, но все же, когда прислуга говорить о какомъ-нибудь дѣлѣ, значить, что-нибудь да есть: съ вѣтру не выдумаютъ! Такъ вотъ, тогда поговаривали, что ннѣшній женишокъ вашей сестрицы,—женихомъ онъ въ тѣ поры еще не былъ но захаживалъ сюда частенько,—поговаривали, что онъ за Кэтхенъ болѣе ухаживаетъ, чѣмъ то нравится нашей старой барынѣ. Онъ-то ничего не добился, но вышло все-таки худо: Кэтхенъ ходила два дня съ заплаканными глазами, а потомъ сама объявила барынѣ, что графъ негоднй и что его слѣдуетъ остерегаться, иначе Френцхень... Прошу извиненія! я хотѣлъ сказать, фрейленъ Франциска... будетъ несчастлива съ нимъ во всю жизнь. Тутъ барыня и разразилась. Она всплила, а Кэтхенъ объявила, что болѣе не останется въ домѣ. Френцхень... фрейленъ Франциска не знала сначала ничего и не хотѣла отпускать Кэтхенъ, но потомъ,—не знаю уже, рассказали-ли ей чего,—только и она повернула въ ту сторону... Больно было видѣть мнѣ это!.. И от-

правилась тогда Кэтхенъ изъ дома, какъ служанка, которой отказали отъ мѣста... Вещи всѣ свои хорошенькiя, что ей прежде надавали, здѣсь оставила. Матушка ваша, конечно, не требовала этого и даже настаивала, чтобы Кэтхенъ взяла, но та ни за что не согласилась; откуда тутъ и упрямство взялось! Такъ уложили все въ сундукъ и отнесли на чердакъ... я самъ выносилъ.

— Гдѣ-же теперь живетъ Кэтхенъ, Клаусъ?

— Гм... не знаю уже, хорошо-ли будетъ, если я укажу вамъ ея квартиру.

— Отчего же не хорошо, Клаусъ? Почему-же не повидать мнѣ той дѣвушки, которую я ребенкомъ нашивалъ на рукахъ?

— Ребенкомъ! повторилъ Клаусъ, покачивая головой.— Вы все о прежнемъ думаете. Впрочемъ, можетъ быть оно и справедливо будетъ, если вы навѣстите бѣдняжку. Она увидитъ по крайней мѣрѣ, что не всѣ еще ее позабыли, а то, изъ всего дома, одинъ я ее навѣщаю.

— Гдѣ-же она живетъ?

— Въ томъ домѣ, гдѣ придворная аптека, на Бринкѣ... Въ верхнемъ этажѣ, подъ самою крышей.

— Въ томъ самомъ домѣ, гдѣ Клингенбрухи?

— Въ томъ самомъ.

— Боже мой, я бывалъ уже въ немъ и не подозрѣвалъ, что Кэтхенъ живетъ тутъ-же! Сегодня-же пойду къ ней.

— А знаете, какъ звать-то ее?

— Кэтхенъ... Какъ-же иначе? Ахъ, да... фамилiю надо... Я до сихъ поръ и не думалъ объ этомъ! Ее звали у насъ просто Кэтхенъ, да Кэтхенъ.

— Такъ вы увидите на ея дверяхъ лоскуточекъ бумаги съ надписью: *Катерина Петерсъ, швея*. Тутъ и постучите.

— Катерина Петерсъ!... какъ странно звучитъ это! проговорилъ Гансъ.— Точно она замужъ вышла... Въ первый разъ узнаю я ея фамилiю; прежде и въ голову не приходило о ней спрашивать. Я даже и не знаю хорошенько, какъ попала къ намъ Кэтхенъ; я былъ въ то время въ пансионѣ; придя, однажды, домой, я нашелъ ее у насъ и пошло все такъ хорошо, весело... Какъ попала она въ нашъ домъ, Клаусъ?

— Короткая, но грустная исторiя! сказалъ Клаусъ.— Какъ-то разъ ваша матушка поѣхала гулять; лошади испугались чего-то,

понесли и чуть было не опрокинули экипажа у Йогансских воротъ, но какой-то молодой человѣкъ смѣло бросился къ нимъ и успѣлъ заворотить ихъ въ кусты, такъ-что онѣ остановились и барыня могла выскочить цѣла и невредима изъ коляски. Но самому-то спасителю ея не посчастливилось: нога оказалась у него переломленной, и въ такомъ видѣ отнесли его домой. Жена его, уже больная, умерла съ испуга; самъ онъ прожилъ еще кое-какъ три года, а тамъ горе-ли, болѣзнь-ли, только тоже Богу душу отдалъ... Пока могъ, все къ намъ ходилъ, картины рисовалъ; г. баронъ ему много заказывалъ. Почти каждый день у насъ бывалъ...

— Помню, помню! вослѣдненьку Гансъ. — Онъ приносилъ съ собою всегда такой высокій мольбертъ, къ которому намъ, дѣтямъ, не позволялось подходить! Онъ приводилъ иной разъ и Кэтхенъ, не правда-ли? Она была тогда еще такимъ маленькимъ, толстенькимъ созданыщемъ...

— Да, сказалъ Клаусъ,—но умеръ этотъ живописецъ и осталась она круглою сиротою.

— И родители мои приняли ее? радостно спросилъ Гансъ.

— Да, отвѣтилъ старикъ,—они приняли участіе въ ребенкѣ, потому что только благодаря мужеству его отца, спокойствіе и счастье вашей семьи не разстроилось...

— А теперь?... проговорилъ уже тихо Гансъ.

— Ну, теперь... много лѣтъ уже прошло послѣ этого событія. Время все сглаживаетъ... Съ ребенкомъ, однако, хорошо поступили: дали ему такое воспитаніе, что изъ него вышла славная, дѣльная дѣвушка. Она обучена, трудится теперь честно;—въ будущемъ что Богъ дастъ!

Гансъ призадумался. Разсказъ старика его тронулъ и многое, на что онъ, юношею, обращалъ мало вниманія, представилось ему теперь въ другомъ свѣтѣ. Родители его, принявъ Кэтхенъ въ домъ, исполнили не болѣе какъ свою обязанность; что дѣвушка не должна была, или не могла-бы оставаться у нихъ до конца дней своихъ, это также было понятно; но отпустить молодое, совершенно неопытное существо въ свѣтъ безъ всякой поддержки, безъ всякаго надзора и съ единственною надеждою на свой заработокъ, это было какъ-то не такъ...

И разстались они, вѣроятно, непривѣтливо, иначе Кэтхенъ

не отказалась-бы взять съ собою вещи, разъ уже ей подаренныя... Эта черта, вообще, не понравилась Гансу въ Кэтхенъ: что-бы ни произошло, все же дѣвушка была обязана многимъ своимъ воспитателямъ и должна была-бы разстаться съ ними безъ выраженія неприязни. Неудивительно, что мать Ганса сердится теперь на нее... Но къ чему сказала она, что Кэтхенъ уѣхала въ Италию? Или она сама въ томъ увѣрена?.. Можетъ быть, дѣло было устроено сначала и потомъ разошлось, уже безъ вѣдома г-жи фон-Зольбергъ; Кэтхенъ болѣе въ домъ не являлась, какъ то подтверждалъ самъ Клаусъ... Многое казалось Гансу непонятнымъ; старшій садовникъ основывался, можетъ быть, на однихъ кухонныхъ сплетняхъ... Разспросить мать! Но она такъ быстро прервала тогда разговоръ...

Съ этими мыслями воротился Гансъ въ домъ, но засталъ тамъ одну Фрэнцхенъ, окруженную толпой швей и модистокъ, придававшихъ такъ называемой „рабочей комнатѣ“ видъ пчелинаго улья. Гансъ прошелъ къ себѣ, бросился на свой перуанскій гамакъ, закурилъ сигару и погрузился въ тысячу мыслей. Свадьба сестры, графъ Раутенъ, Катенька, фон-Шаллеръ,—все это проносилось у него въ головѣ и скоро онъ почти позабылъ о Кэтхенъ.

— Удивительно! сказалъ, наконецъ, Гансъ про себя, усмѣхаясь,—удивительно, что здѣсь ведется за жизнь! Тамъ, въ Перу, какое спокойствіе! Бывали у меня, конечно, разные планы и замислы, но касались они только моей головы, да кошелекъ, а нисколько не затрогивали сердца и расположенія духа! Здѣсь-же, не успѣлъ я еще оглядѣться, и уже, чортъ знаетъ, что за смятеніе! Впрочемъ, что-же? пусть себѣ творится, я буду только поглядывать, да выжидать. Жизнь складывается сама собою, а тамъ, гдѣ мы сами захотимъ смастерить что-нибудь получше и заторопимся, тамъ-то именно и сочиняемъ величайшія глупости... Ну, есператос! прибавилъ онъ съ усмѣшкой,—время заставляетъ дозрѣвать и кислыя яблоки, мнѣ-же некуда спѣшить; обождемъ! Дверь отворилась въ эту минуту и на порогѣ ея показалась г-жа фон-Зольбергъ.

— Гансъ! воскликнула она, дѣлая шагъ назадъ и раскрывая дверь настежь,—какъ ты здѣсь не задохнешься? Можетъ-ли человекъ переносить подобную атмосферу?

— Можеть, какъ видишь, мама, очень можеть! сказалъ Гансъ, выпрыгивая изъ своего гамака.—Мнѣ очень удобно въ этой атмосферѣ, точно морской рыбѣ въ соленой водѣ или сардинкѣ въ маслѣ!

— Ты совершенно испортился! Право, не слѣдуетъ отпускатъ отъ себя дѣтей далѣе, какъ на два шага; иначе они возвращаются домой никуда уже негодными!

— Скоро мы будемъ обѣдать, мама? Ты знаешь, я обѣщаль заѣхать за Шаллеромъ въ четыре часа.

— Скоро, столъ уже накрытъ. Кстати, какъ тебѣ нравятся Шаллеры?

— Я мало еще знаю ихъ, мама...

— Однакожь?... Ты говорилъ недавно, что можно судить вѣрно о людяхъ и съ перваго взгляда.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Гансъ, смѣясь,—по первому взгляду, г-жа фон-Шаллеръ мнѣ вовсе не нравится. Если она еще не совершенно помѣшана, то имѣеть къ тому склонность.

— Гансъ!

— Да какъ-же, мама? Посмотри на ея туалетъ.—Женщина, которой за сорокъ лѣтъ, никогда не должна одѣваться дѣвочкой. Провести она никого не можеть: старое лицо выдаетъ ее; одѣвайся-же она сообразно своимъ лѣтамъ, и тѣмъ женщина можеть быть еще очень красивою, я готовъ въ этомъ согласиться. Вся эта пестрота, яркіе цвѣта и разныя побрякушки доказываютъ только дурной вкусъ или весьма глупое стремленіе нравиться, рѣшительно недостигающее, притомъ, своей цѣли. Г-жа фон-Шаллеръ поступаетъ еще хуже; съ своими сантиментальными локонами и вѣточками она обращаетъ себя въ совершенную каррикатуру, надъ которою рѣшительно всѣ въ городѣ смѣются.

— Небольшія слабости... кто имъ не подверженъ! сказала въ отвѣтъ г-жа фон-Зольбергъ, покачивая головой. — Если она этия дѣлаеть кому-нибудь зло, такъ только себѣ одной. Но зато Катенька премоное созданіе!

— Это правда, подтвердилъ Гансъ,—но и ее я разобрать хорошенько не могъ.

— Какъ такъ?

— Въ ней что-такое заменутое... можно сказать холодное, даже отталкивающее иной разъ; въ другія-же минуты, личико ея просвѣтляется самымъ привлекательнымъ выраженіемъ...

— И какая талантливая дѣвушка!

— Я знаю: у неѣ великолѣпный голосъ, да говорить, она и рисуется прекрасно.

— И играетъ на фортепіано такъ, что могла-бы концерты давать!

— Какъ жаль, что она такъ скупа на всѣ эти таланты!

— Не выставлѣть-же ей себя публично?

— Нѣтъ, не лучше-бы пѣть каждый разъ вмѣсто матери. Однако, что-же на счетъ обѣда, мама?

— Сейчасъ подаютъ. Ты поддерживай знакомство съ Шаллерами, Гансъ. Это была-бы прекрасная тебѣ невѣста.

— Но, мама! воскликнулъ молодой человѣкъ, вспыхнувъ, однако, немного,—что это тебѣ вдругъ вздумалось?

— Вдругъ? Я давно уже о томъ думаю, потому-что Катенька именно такая невѣстка, какую я желаю имѣть. Ею можно гордиться.

— Не въ этомъ счастье!

— Разумѣется, не въ одномъ этомъ, но частью и въ томъ.

— А ты осуждала такъ Дюрбека за его выборъ?

— Какое сравненіе, Гансъ! Актриса изъ мѣщанскаго сословія!

— Мамаша, сказалъ Гансъ, — ты не должна сердиться на меня за то, что я на чужбинѣ нѣсколько измѣнилъ свои взгляды на такъ называемое „мѣщанское“ сословіе. Ты знаешь, что все мое благосостояніе пріобрѣтено мною, лишь благодаря этому, важно уважаемому, классу.

— Прекрасно, но здѣсь ты вступилъ на прежнюю почву.

— Только одною еще ногою, мама, и притомъ осторожно, чтобы испытать напередъ, тверда-ли она, и удобна-ли эта почва! Окажется не совсѣмъ удобною, я отдерну ногу назадъ и прыгну снова на прежнія, знакомыя мнѣ дорожки.

— Надѣюсь, что этого не придется; я буду сама твоимъ вожатимъ...

— Видишь-ли, мама, сказалъ Гансъ съ нѣсколькими смущенною улыбкою, — не знаю, удобно-ли мнѣ совершенно уступать тебѣ руль моей жизненной ладьи! Ты попадешь, пожалуй, въ водовороты и теченія, тебѣ неизвѣстныя, и противъ которыхъ будетъ трудно бороться. Впрочемъ, весело прибавилъ онъ,—до сихъ поръ

мы беззаботно плывемъ по вѣтру и имѣемъ впереди себя много времени для спокойнаго выжиданія событій. Но вотъ и обѣденный звонокъ! Кстати, куда дѣлся Раутенъ? Я его сегодня вовсе не видалъ.

— Онъ въ саду, вѣроятно.

— Кажется нѣтъ. Ты замѣчаешь, какой онъ сталъ разсѣянный, безпокойный? Отвѣчаетъ совершенно не впопадъ. Дѣла въ имѣннн тревожатъ его такъ сильно.

— И онъ все торопитъ насъ со свадьбой, сказала мать. — А мнѣ не хочется измѣнять нашего рѣшенія! Моею всегдашнею задушевною мыслію было обвинять дочь въ завѣтный день моей свадьбы. И что значить какая-нибудь двухнедѣльная отсрочка!

— Для сельскаго хозяйства много значить, и я думаю, не лучше-ли тебѣ согласиться...

— Не раздражай меня, Гансъ! воскликнула г-жа фон-Зольбергъ.— Мои нервы уже такъ разстроены, что одного слова объ этомъ дѣлѣ достаточно для возбужденія у меня сильнѣйшей головной боли. Что это, право? Раутенъ зналъ напередъ о моемъ желаніи и нисколько не противорѣчилъ ему. И съ приданнымъ невозможно такъ скоро справиться! Нѣтъ, прошу тебя, ни слова болѣе! Я полагаю, что воля матери священна въ такихъ случаяхъ. Мнѣ и безъ того нелегко разставаться съ моимъ ребенкомъ. Идемъ обѣдать, Гансъ, и если ты меня любишь, не возобновляй этого разговора.

(Продолженіе будетъ.)

* * *

(Подражаніе Гейне.)

Надъ люлькой мать сидитъ,
А въ люлькѣ той ребенокъ;
Младенецъ спитъ, не спитъ,
Свернувшись, какъ котенокъ.

Она ему поетъ,
Поетъ—хотя сквозь слезы,
И мыслено зоветъ
Несбыточные грезы...

Поетъ она, поетъ...
О чемъ—одинъ Богъ знаетъ!
А время все идетъ...
А мать не засыпаетъ...

Вотъ утро наконецъ—
Вздремнулось ей невольно...
Ей сонъ послалъ Творецъ,
Ему страдать довольно!

Сушковъ.

ЛЪСЪ РУБЯТЪ — ЩЕПКИ ЛЕТАЮТЪ.

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

VI.

Новыя событія.

Флегонтъ Матвѣевичъ не ушелъ размыкать свое горе за чаркою вина, онъ остался дома по просьбѣ Катерины Александровны, но легче ему не стало. Его тянуло изъ дома, ему хотѣлось забыться, заснуть. Онъ бродилъ, какъ тѣнь, изъ угла въ уголъ, не находя нигдѣ мѣста. Страхъ за тѣхъ, чья жизнь была для него дороже его собственной жизни, томилъ старика. Онъ считалъ дни и часы, ожидая извѣстій; онъ дрожащими руками развертывалъ газетные листы и искалъ въ нихъ испуганными, измѣнявшими ему глазами дорогихъ ему именъ. На него было тяжело смотрѣть. Не менѣе тревожно было состояніе Катерины Александровны: она ходила въ какой-то тягостной полудремотѣ въ эти роковые дни ожиданія, хотя и старалась утѣшать старика, старалась казаться бодрою. Въ ея головѣ пробуждались вопросы, за что люди губятъ другъ друга, неужели народажъ мало мѣста, что они идутъ войною одинъ на другого, за что они воюютъ, могутъ-ли они желать войны. Въ молодой душѣ начало закипать чувство негодованія, чувство злобы. Тщетно искала теперь эта дѣвушка успокоенія: кругомъ неа были только сумрачныя и печальныя лица. Марья Дмитриевна, менѣе дочери

и штабсъ-капитана тревожившаяся объ участи молодыхъ воиновъ, тоже тосковала по сынѣ, котораго пришлось, наконецъ, отправить въ училище.

— Вотъ и я простилась съ своимъ голубчикомъ, также сиротой осталась, причитала она. — Куда поплютъ, что велать дѣлать, то и будетъ: подневольнымъ сталъ человекомъ. И спи, и ѣшь, и гуляй, когда другіе велать, а не тогда, когда самому хочется... Ужъ въ бѣдности мы жили, голодали, да командовать нами никто не могъ, а тутъ и сытъ будетъ, да волюшки не найдеть...

Эти рѣчи тяжелымъ гнетомъ давили сердце Катерины Александровны. Она была отчасти согласна съ матерью. Она сама уже испытала, что значить неволя, что значить жизнь, сложившаяся по чужой волѣ, по чужому уставу. Порою, въ тѣ недолгія минуты, когда въ ея головѣ снова воскресали надежды на будущее, — ей казалось, что нужно устроить свою жизнь именно такъ, чтобы ничья чужая воля не могла сказать: иди туда, поступай такъ, дѣлай то-то, — чтобы только свой умъ и своя воля рѣшали, куда идти, какъ поступать и что дѣлать. „И кто имѣеть право командовать нашею волею? думалось молодой дѣвушкѣ. Если приказываешь, такъ нужно и заботиться о тѣхъ, кому приказываешь, кто страдаетъ по нашей волѣ. А развѣ о насъ кто-нибудь заботится?“

Среди этихъ волненій и думъ проходили дни за днями — газеты не приносили извѣстій о дорогихъ личностяхъ, почта не приносила писемъ о нихъ. Ожиданіе дѣлалось все болѣе и болѣе напряженнымъ. Въ семьѣ шли безконечныя толки и предположенія насчетъ молодыхъ воиновъ. Спрашивалось: почему они не пишутъ? Не взяты-ли они въ плѣнъ? Не ранены-ли? Или, быть можетъ, письма не доходятъ, затерались на почтѣ? Однажды, въ минуту этихъ толковъ, изъ лавочнаго клуба послышался стукъ въ комнатѣ штабсъ-капитана. Всѣ уже давно привыкли къ этому условному сигналу, но въ послѣднее время онъ постоянно заставлялъ всѣхъ вздрагивать въ испугѣ.

— Газету принесли, промолвила Катерина Александровна, подавляя невольное волненіе.

— Не могу я, маточка, идти, — силъ нѣтъ. Пусть Антонъ за немъ сходить, промолвилъ штабсъ-капитанъ.

— Антоша, батюшка, въ сараѣ дрова колетъ, отозвалась изъ кухни Марья Дмитріевна. — Я сама сейчасъ сбѣгаю.

— Ну, ужь побезпокойтесь, замѣните мою старость...

— Сейчасъ, сейчасъ. Миѣ встати и мучки прихватить надо.

Марья Дмитріевна вышла изъ квартиры; штабсъ-капитанъ подъялся съ мѣста, прошелся по комнатѣ и снова сѣлъ къ столу.

— Да вы не волнуйтесь! Авось все обойдется счастливо, замѣтила Катерина Александровна, видя тревогу старика.

— Не могу, не могу, маточка, вздохнулъ старикъ. — Вотъ такъ-то каждый день духъ захватываетъ, когда получается газета... Вѣдь это, можетъ быть, мой смертный приговоръ несутъ... Все: и радость, и счастье, и жизнь, и надежды, все для меня только въ нихъ... Безъ нихъ давно лежалъ-бы я въ могилѣ, умеръ-бы гдѣ-нибудь подъ заборомъ, у дверей кабака... Моя жизнь не дорога: оторвали ногу, отняли возможность жить своимъ трудомъ, — вотъ вся моя жизнь. Что-же миѣ было дорожить ею? Для нихъ я жилъ, для ихъ счастья гнулъ я старую военную спину, для нихъ таскался по переднимъ тѣхъ, кого не уважалъ, кого ненавидѣлъ... Вы видѣли меня балагуромъ, веселымъ нищимъ, вы думали, что миѣ легко живется, что я не понимаю своего положенія... Нѣтъ, маточка, нѣтъ, въ этомъ сердцѣ кошки скребли, въ этомъ умѣ мрачныя мысли шевелились...

Старикъ всталъ и въ волненьи прошелся по комнатѣ.

— Все перенесъ, все перенесъ, заговорилъ онъ снова. — Перенесъ для нихъ, для ихъ счастья... Хотѣлось, чтобы они были честиѣе, лучше другихъ, чтобы имъ досталась на долю лучшая судьба... А теперь, можетъ быть... И за что? За что?

Старикъ опустилъ голову. Катерина Александровна задумчиво молчала. Прошло нѣсколько минутъ.

— Эхъ, что это Марья Дмитріевна не идетъ! воскликнулъ Флегонтъ Матвѣевичъ. — Съ мучкой со своей замѣшкалась...

Прошла еще минута.

— А знаете, снова заговорилъ старикъ, — я-бы радъ теперь совсѣмъ не видать этихъ проклятыхъ газетныхъ листовъ, не видать ихъ до тѣхъ поръ, покуда не получится писемъ отъ нихъ...

Въ это мгновеніе послышались шаги Марьи Дмитріевны.

— Давайте, давайте газету, матушка! кривнулъ штабсъ-капитанъ. — Ну, что новаго, что новаго?

Онъ трепещущими руками торопливо сталъ развертывать газетный листъ. Всѣ смолкли и ожидали новостей. Марья Дмитріевна присѣла на диванъ со сверткомъ муки въ рукахъ и въ платкѣ, накинутомъ на голову. Катерина Александровна стояла у стола. Старикъ пробѣгалъ слабыми глазами страницу.

— Ничего новаго, говорилъ онъ, просматривая военныя извѣстія. — Повидимому, тише стало...

Онъ уже готовился сложить листъ, когда его глаза обратились на первую страницу листа. Его руки дрогнули, глаза остановились, газетный листъ заколебался и медленно опустился на столъ. Вслѣдъ за листомъ опустилась и голова штабсъ-капитана.

— Убить! невнятно прошепталъ онъ, теряя сознание.

— Саша!? вырвался изъ груди Катерины Александровны пронзительный крикъ и она схватилась рукою за столъ.

Однимъ быстрымъ движеніемъ она рванула къ себѣ газету и впилась въ нее глазами. Буквы и строки, казалось, прыгали передъ нею, она искала большой буквы П. Наконецъ, ей бросилось въ глаза лаконическое извѣстіе: „убитый подпоручикъ Прохоровъ 2-й исключается изъ списковъ“. Она читала и перечитывала эту строку и мало-по-малу ея грудь начинала дышать свободно. Изъ ея похолодѣвшихъ рукъ выпала газета.

— Не онъ! радостно мелькало въ ея головѣ, а изъ глазъ катились крупныя, неудержимыя слезы.

Марья Дмитріевна между тѣмъ совалась изъ угла въ уголъ, не зная, что дѣлать. Наконецъ, она бросилась на галерею и крикнула, выглянувъ на дворъ:

— Антоша, голубчикъ Антоша, Флегонтъ Матвѣвичъ умираетъ! Иди сюда!

Антонъ быстро выбѣжалъ изъ сарая, вбѣжалъ въ комнату и притащилъ воды. Съ помощью матери и нѣсколько оправившейся Катерины Александровны онъ уложилъ старика на диванъ и поспѣшилъ за докторомъ. Старикъ лежалъ безъ чувствъ.

— Да кто убить-то, Катюша, кто? допрашивала Марья Дмитріевна дочь, суясь изъ угла въ уголъ.

— Ваня, несчастный Ваня! тихо и сквозь слезы отвѣтила Катерина Александровна.

Антонъ между тѣмъ возвратился съ докторомъ. У штабсъ-капитана сдѣлался параличъ. Докторъ сомнѣвался, что старикъ встанетъ съ постели. Семья Прилежаевыхъ не отходила отъ Прохорова; тяжелое предчувствіе чего-то недобраго смѣнилось теперь не менѣе тяжелою дѣйствительностью. Ни у кого почти не было денегъ, а онѣ были теперь нужнѣе, чѣмъ когда-нибудь.

— На что мы лечить-то его, бѣднаго, будемъ? плакала Марья Дмитріевна. — И на свою семью не хватаетъ, а тутъ еще онъ, горемычный, у насъ на рукахъ остался. Въ больницу-бы его, что-ли, пристроить...

— Что вы! воскликнула Катерина Александровна. — Пусть лежитъ здѣсь, въ своей семьѣ... Не весело лежать въ больницѣ...

— Знаю, Катюша, знаю! Да гдѣ денегъ-то взять, охала Марья Дмитріевна.

— Для него я добуду денегъ, рѣшила Катерина Александровна.

Въ выраженіи ея лица, въ ея голосѣ появилась какая-то особенная энергія—это была энергія озлобленія. Молодая дѣвушка негодовала на войну, на тѣхъ, которые холодно смотрятъ на гибнущихъ братьевъ. Впервые это чувство злобы и негодованія охватило ее всецѣло, и въ этомъ чувствѣ было что-то безпощадное, жесткое. Въ памяти молодой дѣвушки навсегда сохранилось воспоминаніе о той минутѣ, когда ей показалось, что у нея отняли *его*, ея Сашу, — о той минутѣ, когда она поняла, что значитъ потерять на вѣкъ любимаго человѣка. Въ эту минуту въ ея душѣ впервые шевельнулись, тѣ чувства, которыя и теперь волновали ея кровь. Она необычайно мужественно, безъ всякаго раздумья, отправилась къ княгинѣ Гиреевой и объявила старухѣ, что въ квартирѣ ея матеря лежитъ человѣкъ, у котораго убили сына.

— Онъ и самъ искалеченъ на войнѣ, теперь у него убили сына, а между тѣмъ у него нѣтъ куска хлѣба, говорила она съ хмурымъ выраженіемъ лица.

— Я похлопочу, отозвалась болѣзненнымъ голосомъ княгиня, примачивая голову какимъ-то спиртомъ. — Пусть Глафира запомнитъ... память у меня ослабѣла... Надо въ богадѣльню его...

— Помилуите, княгиня, воскликнула съ негодованіемъ Катерина Александровна. — Тутъ идетъ рѣчь не о богадѣльнѣ. Развѣ

тамъ стануть ходить за нимъ? Я думаю, за то, что человекъ жертвовалъ своею жизнью и жизнью своихъ дѣтей,—ему можно дать болѣе спокойный уголь, чѣмъ постель въ богадѣльнѣ... Я прошу васъ о деньгахъ для старика... У васъ есть связи...

— Да, я постараюсь... похлопочу, проговорила Гирева. — Вотъ повуда...

Она дала Катеринѣ Александровнѣ двадцать пять рублей. Отъ княгини Катерина Александровна отправилась къ генералу Свищову. Она не замѣтила двусмысленной улыбки генеральскаго лакея при входѣ въ кабинетъ старика и очень смѣло, очень бойко объяснилась съ старымъ волокитой на счетъ штабсъ-капитана. Александръ Николаевичъ Свищовъ совершенно растаялъ, видя предъ собою, въ своемъ кабинетѣ это оживленное, бойкое и рѣзко говорящее молодое существо; онъ разсыпался передъ молодою дѣвушкою въ любезностяхъ, пожималъ ей руки и даже сказалъ ей: „приказывайте, ваша воля будетъ для меня закономъ“.

Ей были гадки эти заигрыванія, но она смѣло и безъ смущенія шла къ своей цѣли. Въ этой дѣвушкѣ было трудно узнать прежнюю робкую и застѣнчивую Катерину Александровну.

Заручившись деньгами и обѣщаніями Свищова, она вернулась домой съ веселымъ лицомъ.

— Ну что, Катюша? робко спросила Марья Дмитріевна.

— Ничего, все хорошо... Надо купить кровать, перину и подушки для Флегонта Матвѣевича. У него все жесткое. Довольно ему на диванѣ валяться. Ему надо теперь поудобнѣ лежать.

— Дали, значить, благодѣтели?

— Еще-бы! Съ лихой собаки хоть шерсти клокъ, отвѣтила Катерина Александровна. — Доктора надо получше пригласить. Нашъ частный—кововаль какой-то, для бѣдныхъ...

Катерина Александровна быстро и дѣятельно принялась за устройство комнаты штабсъ-капитана.

— Въ богадѣльню хотѣли упрятать! съ раздраженіемъ говорила она за вечернимъ чаемъ.—Самихъ-бы въ сумасшедшій домъ засадить! Потеряютъ сами какого-нибудь шалопая, такъ потомъ цѣлый вѣкъ посятся со своимъ горемъ, докторами себя окру-

жать, на воды ѣздить, а тутъ человѣкъ, умирающій съ голоду, пожертвовавшій всѣмъ, лишился своей единственной опоры — въ богадѣльню его! Нѣтъ, увидимъ, удастся-ли имъ его въ богадѣльню упрятать! Я все сдѣлаю, а по моему будетъ...

— Охъ, Катюша, не слягъ ты у меня сама! Хлопочешь ты все да тревожишься, съ опасеніемъ замѣтила Марья Дмитріевна.—Вонъ лицо-то какъ горитъ у тебя...

— А вы много добыли безъ хлопотъ-то, сидя дома? рѣзко спросила Катерина Александровна. — Нѣтъ, къ нимъ стучаться надо, имъ надобѣдать нужно, пороги у нихъ обить нужно, — тогда только что-нибудь и сдѣлаешь... Вы подумайте, что стало-сь-бы со старикомъ, если-бы не хлопотать за него? Умеръ-бы съ голоду, умеръ-бы, какъ собака. А за что? Преступникъ онъ, что-ли? Негодяй какой-нибудь? А сколько такихъ-то найдется въ разныхъ подвалахъ, на разныхъ чердакахъ...

— Что и говорить, голубка! Да ты себя-то береги!

— Молода еще, вынесу!

Прошло дня два. Къ дому, гдѣ жили Прилежаевы, подъѣхала карета. Изъ нея вышелъ генераль Свищовъ. Катерина Александровна была дома и встрѣтила старика.

— А я заѣзжалъ въ пріютъ, думалъ васъ найти тамъ, заговорилъ онъ, пожимая ей руку.—Я къ вамъ съ радостною вѣстью... Не хотѣлъ никому поручить... Самъ хотѣлъ васъ обрадовать, видѣть вашу улыбку... Вашему старику назначено триста рублей.

— Благодарю васъ, проговорила обрадованная Катерина Александровна, пожимая руку Свищова. — Я думаю, у него втеченіе всей жизни не было въ рукахъ такой суммы...

— Ну, это малость, небрежно произнесъ Свищовъ.—Теперь, знаете, наши финансы хромаютъ. Для такой милой просительницы я радъ-бы гораздо, гораздо болѣе сдѣлать...

— Грустно, что онъ даже не можетъ поблагодарить васъ. Если-бы я знала васъ прежде, то, вѣроятно, вы раньше помогли-бы ему.

— Что дѣлать, что дѣлать! пожалъ плечами Свищовъ. — Въ свѣтъ не ищите справедливости. Люди забывчивы... Все дѣло случая. Если-бы мы не встрѣтились, то, можетъ быть, ему и теперь не дали-бы ничего... Но какъ вы далеко живете!..

Вы, кажется, — извините за нескромность — и сами нуждаетесь?

— Какъ вамъ сказать? улыбнулась Катерина Александровна. — Мы не богаты, но нуждаться — я не нуждаюсь. На мои потребности мнѣ хватаетъ моихъ денегъ... Большаго мнѣ не нужно...

— А! не говорите такъ, не говорите! загорячился Свищовъ. — Вы молоды, вамъ надо болѣе удобствъ... болѣе, знаете, этого... Свищовъ повертѣлъ рукою въ воздухъ, не находя словъ для выраженія своей мысли. — Какъ это вашъ дядя не позаботится о васъ...

— Я не просила ни у него, ни у кого другого. Я живу работой и хочу жить работой, а не подаваніями.

— Но все-же эта обстановка...

— Не будемте говорить о ней... Впрочемъ, улыбнулась Катерина Александровна, — къ вамъ у меня есть еще просьба. Мнѣ хотѣлось-бы получить мѣсто наставницы въ пріютѣ. Я уже говорила объ этомъ княгинѣ Гиреевой, но она такъ больна, что едва-ли сдѣлаетъ что-нибудь... Вотъ вы, Александръ Николаевичъ, принимаете во мнѣ горячее участіе, — сдѣлайте, чтобы меня назначили учительницей въ пріютѣ.

— А да, это можно... да, это можно... Я все готовъ, все готовъ для васъ сдѣлать!

— У васъ доброе сердце! Катерина Александровна протянула генералу руку, онъ ее радостно пожалъ своими старческими руками и просіялъ. — Постарайтесь улучшить положеніе пріюта... Вѣдь тамъ все идетъ такъ дурно, потому-что никто туда не заглядываетъ... Заѣзжайте почаще...

— Да, да... О, теперь я буду заѣзжать... это необходимо... Я сознаю, что это необходимо...

— Только тогда можно будетъ откровенно переговорить съ вами, высказать нужды дѣтей... я была-бы очень, очень рада видѣть васъ часто...

Свищовъ сіялъ.

— Я всякую недѣлю буду ѣздить, заговорилъ онъ. — Наблюденіе — это, знаете, необходимо... Вы мнѣ говорите все откровенно... Вы ко мнѣ заѣзжайте... да, да, непременно заѣзжайте...

— Зачѣмъ-же беспокоить васъ...

— Да развѣ вы можете обезбеспокоить меня? Я буду радъ, очень радъ сдѣлать для васъ все... И какъ это вашъ дядя не сказалъ мнѣ о васъ!..

Катерина Александровна еще разъ пожала руку старика и онъ совершенно неожиданно напечатлѣлъ поцѣлуй на эту руку. Катерина Александровна незамѣтно усмѣхнулась, провожая старика, съ трудомъ переставлявшаго вышедшія изъ повиновенія ноги.

— Какой добрѣйшій человѣкъ, чисто ангельская душа! воскликнула Марья Дмитриевна по отъѣздѣ генерала.

— Да, эту старую обезьяну можно приручить, насмѣшливо сказала Катерина Александровна, подавляя свое волненіе.

— Ай, Катюша, какъ тебѣ не грѣхъ такъ отзываться о немъ, упрекнула мать.

— А знаете, мама, если-бы я теперь захотѣла, я могла-бы въ каретахъ ѣздить.

— Ну-у, что ты, Катюша! изумилась Марья Дмитриевна.

— А вы думаете, нѣтъ? Вы думаете, что этотъ ходячій трущъ пожалѣлъ-бы чего-нибудь для меня?.. Поглядите, вонъ я какая хорошенькая!.. Да, онъ купилъ-бы меня на вѣсь золота, у ногъ-бы моихъ ползалъ за то, что обезчестилъ-бы меня, за то, что купилъ-бы меня... Вонъ по одному моему слову триста рублей выхлопоталъ человѣку, которому не давали ни гроша. Вонъ Скворцову купили и меня также купили-бы... Всѣ они такіе. Какъ вы его назвали? Добрѣйшимъ человѣкомъ, ангельскою душою? Да, да, добрѣйшій человѣкъ, ангельская душа!

Катерина Александровна нервно засмѣялась.

— Ахъ, какая вы неопытная, мама! воскликнула она съ горечью.—Сдѣлали-ли эти добрѣйшіе люди что-нибудь для васъ?.. Для меня они сдѣлаютъ, потому-что молода я, потому-что на мое лицо они заглядываются... Дай Богъ, чтобы эти добрѣйшіе люди не смѣли на порогъ къ намъ являться...

— Да вѣдь ты-же сама, Катюша, пригласила его, растерянно проговорила Марья Дмитриевна.

— И буду приглашать, твердо произнесла Катерина Александровна.—Онъ нуженъ намъ... Прямой дорогой ни до чего не дойдешь... Пусть ѣздить, пусть хлопочетъ...

Марья Дмитриевна струсила.

— Охъ, Катя, не загуби ты себя...

— Что? рѣзко отозвалась Катерина Александровна и взглянула на мать такими глазами, что та умолкла и тихо вышла изъ комнаты.

„Но что-же не пишеть онъ? Почему онъ не постѣшилъ предупредить семью о смерти брата? Очевидно, что и онъ болѣнъ, раненъ или находится въ плѣну. Боже мой, когда же кончатся эти муки неизвѣстности, эти муки ожиданія?“ Эти мысли ежедневно томили молодую дѣвушку. Чтобы разсѣять ихъ, она усиленно работала, хлопотала около старика, не давала себѣ отдыха, старалась въ трудѣ забыть свое горе, старалась утомить себя настолько, чтобы засыпать поскорѣе и въ ночномъ затишьѣ не томиться мрачными думами. Однажды газеты принесли извѣстіе о полученіи чина и ордена Александромъ Прохоровымъ. „Живъ!“ радостно воскликнула Катерина Александровна и нѣсколько успокоилась. Ея работа пошла еще быстрѣе. Дни неслись стрѣлою. Наконецъ, въ эту хлопотливую и тревожную пору Катерина Александровна была обрадована письмомъ отъ Александра Прохорова. Съ сильнымъ волненіемъ распечатывала она это давно ожидаемое письмо.

„Горькимъ извѣстіемъ долженъ я начать свое письмо, писалъ Александръ. Болѣе всего меня пугаетъ мысль, что это извѣстіе уже дойдетъ до отца прежде, чѣмъ получитъ тобою мое письмо. Ваня убитъ, убитъ при моихъ глазахъ. Бѣдный мальчикъ, какъ онъ былъ храбръ, какъ онъ былъ хорошъ въ послѣднее время! Переноса всѣ невзгоды бивуачной жизни, онъ съ какою-то наввною стыдливостью заботился только обо мнѣ, говоря, что я только изъ-за него вышелъ въ дѣйствующую армію, что я не испытывалъ-бы всѣхъ непріятностей военнаго положенія, если-бы не онъ. Дитя! Я никакъ не могъ убѣдить его, что и безъ него я не могъ-бы отказаться отъ вступленія въ дѣйствующую армію. Съ каждымъ днемъ онъ становился мнѣ все дороже и дороже и вдругъ этого мальчишка не стало! Трудно описать тебѣ весь ужасъ этой минуты, всѣ чувства, охватившія меня въ это мгновеніе. Я видѣлъ, какъ запнулся, какъ упалъ на землю мой братъ, и не могъ сдѣлать шагу для спасенія его. Мнѣ пришлось самому отбиваться отъ толпы враговъ. Впервые въ моемъ сердцѣ пробудилась какая-то дикая, яростная злоба, я дрался

чисто по звѣрски, съ ожесточеніемъ, я хотѣлъ пробиться къ нему. Я понялъ въ эту минуту чувство мести, которое можетъ заставить насъ безопадно терзать всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ въ рядахъ убійцъ близкаго намъ существа. И теперь, когда въ моей памяти ослабѣло первое горькое впечатлѣніе, когда этотъ роковой день значительно отдалился отъ меня и представляется мнѣ какъ-бы подернутый туманомъ, — я еще ощущаю это чувство мести, я понимаю эту огульную ненависть ко всѣмъ близкимъ, ко всѣмъ единомышленникамъ того врага, который былъ причиною нашего горя. Порою мнѣ снится братъ; эти дѣтски откровенные, большіе синіе глаза смотрятъ на меня такъ грустно, такъ задушевно и я вижу въ нихъ крупныя слезы. Мнѣ становится больно и обидно за эту загубленную жизнь. Какимъ прекраснымъ человѣкомъ могъ-бы быть этотъ отважный мальчикъ! Мнѣ мучительно больно, что я не имѣлъ даже силъ предупредить отца, подготовить его къ тяжелой вѣсти. Я пролежалъ въ лазаретѣ и только теперь началъ поправляться. Не бойся, мой другъ, за меня. Теперь я почти здоровъ, я могу писать, могу читать, скоро я выйду изъ лазарета и снова дохну свѣжимъ воздухомъ. Грустная драма приходитъ къ концу и благо тѣмъ, кому судьба дала силы, кому случай помогъ пережить эту драму. Но слѣды ея останутся на долго, они уцѣлѣютъ на насъ и отзовутся на дѣтяхъ нашихъ. У насъ здѣсь считался мѣсяцъ за годъ—да это справедливо. мы здѣсь уяснили себѣ въ мѣсяцы то чего не уяснили-бы, быть можетъ, въ цѣлыя годы, вращаясь на полированныхъ паркетахъ пышныхъ залъ, маршируя на утрамбованныхъ равнинахъ плацъ-парадовъ, Какъ страстно, какъ нетерпѣливо жду я конца этихъ тяжелыхъ дней, какъ стремлюсь я въ Петербургъ, къ ученью, къ университету. Теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, намъ нужно учиться, учиться и учиться. Наука—это именно то оружіе, котораго не доставало у насъ. Теперь мы должны взять свое оружіе и приняться за дѣло. И я, и ты, мой другъ, мы шли опущью къ знанію, теперь мы пойдемъ къ нему прямо, въ немъ будетъ наша жизнь. Принесемъ для него всѣ жертвы, но завоюемъ его. Впрочемъ, что я говорю о жертвахъ? Развѣ для того, чтобы идти по дорогѣ къ знанію, нужны жертвы? Что намъ придется дѣлать? Отказаться отъ удовольствій? Но мы къ нимъ и безъ того не привыкли, а теперь мнѣ

кажутся гнусными эти удовольствія, потому-что я знаю, какою цѣною покупаются они. Намъ придется не обращать вниманія на свое платье, быть можетъ, ходить въ плохой одеждѣ, чтобы имѣть возможность больше тратить на книги, на уроки. Да, мы поидемъ безъ сожалѣнія и стыда мимо театровъ и собраній, мимо разнаряженныхъ куколъ и будемъ знать, чего стоятъ эти пиры во-время чумы, эта арлекинада, — мы поидемъ въ своемъ плохомъ платьѣ, поидемъ въ храмъ науки. Будь, мой другъ, бодрѣе, не унывай. Скоро настанетъ день, когда ты поидешь въ путь уже не одна, а опираясь на мою руку. Эта рука тверда. Ты прошла ту тяжелую школу, изъ которой выходятъ люди, неболящіеся никакихъ новыхъ мученій и бѣдъ; ты первая не побояшья стать рядомъ съ нами, потому-то я и люблю тебя такъ горячо, такъ страстно. Было время, когда я смотрѣлъ на тебя съ благоговѣннѣею мальчишка, выдающаго передъ собою добрую фею, царичу и владычицу семьи; ты управляла всѣмъ домою, ты работала на всѣхъ, ты подталкивала къ труду другихъ и все это дѣлалось съ свойственною тебѣ простотою, съ твоей обычною веселостью, почти съ безпечностью. Въ эти дни, — ты ихъ вѣрно поминишь, — я, стоя на колѣняхъ, помогаль тебѣ разматывать нитки, гордился тѣмъ, что держу край твоей работы, радовался возможности принести стаканъ воды тебѣ, утомившейся владычицѣ семьи, въ эти дни я былъ твоимъ нажомъ. Теперь ты встрѣтишь во мнѣ друга-помощника. Я прошелъ черезъ то горнило, въ которомъ закаляются люди, я приобрѣлъ тотъ горькій опытъ, котораго мнѣ недоставало въ моей теплично-казарменной жизни. Ты не гонялась за жалкими удовольствіями и ничтожнымъ блескомъ, потому-что выросла въ той средѣ, гдѣ дорожать только кускомъ насущнаго хлѣба, теплымъ угломъ и заработанною копѣйкою; я тоже не погонюсь теперь за удовольствіями и мишурою свѣта, потому-что я узналъ, какою цѣною покупается весь этотъ мишурный блескъ, этотъ источникъ зависти для глупцовъ и мерзавцевъ. Скорѣй-бы прошло время нашей разлуки, скорѣй-бы прошло время моей невольной праздности. Жму горячо твою руку, еще разъ прошу: береги отца. Обними Мишу, Марью Дмитріевну, пожелай имъ всего хорошаго. Антону пишу отдѣльно.

Твой Александръ“.

Катерина Александровна читала и перечитывала это письмо. Эти строки ярко воскресили передъ нею любимый образъ; ей показалось, что Александръ Прохоровъ сталъ выше ростомъ и загорѣлъ. Она даже разсмѣялась при этой мысли и подумала: „съ чего это я взяла, что онъ непременно выросъ и загорѣлъ“. Ее не удивило, что Александръ писалъ ей: *ты*, но ее странно поразило совпаденіе ея чувствъ съ его чувствами. Она сознавала, что у нея слишкомъ мало силы для пересозданія того маленькаго міра, въ которомъ ей приходилось вести мелкую борьбу, она чувствовала, что ей возможно только при помощи хитрости, при помощи обмана завоевать себѣ черезъ разныхъ Свищовыхъ и Гиреевыхъ болѣе прочное, болѣе значительное положеніе, чѣмъ ея настоящая роль въ пріютѣ. Отъ ея вниманія не ускользнуло и то обстоятельство, что ея завоеванія могутъ на первыхъ-же порахъ кончиться ничѣмъ, если, напримѣръ, Свищовъ предъявитъ требованія на награду за свою протекцію. Но, несмотря на это, она рѣшилась идти по избранной дорогѣ до послѣдней возможности и сдѣлать хоть что-нибудь.

„Что будетъ, то будетъ“, рѣшила она и дала себѣ слово продолжать покуда начатое ею дѣло: хлопотать о мѣстѣ наставницы и учиться. Со всею энергією, свойственною молодымъ, здоровымъ натурамъ, продолжала она дѣло самообразованія. Требовало оно и бессонныхъ ночей, и сильнаго умственнаго напряженія, но Катерина Александровна не унывала. Она не отставала отъ Антона, выучивая его уроки, хотя ей и приходилось въ одинъ день дѣлать то, что дѣлалось имъ въ два дня. Въ пріютѣ между-тѣмъ насталъ торжественный день: тамъ вступила новая начальница и вскорѣ пріѣхало все высшее начальство подъ предводительствомъ графини Бѣлокопытовой и Свищова. Графиня, по своему обыкновенію, обошла бѣглымъ шагомъ ряды воспитанницъ, подставляя имъ свою руку и цѣлуя ихъ на ходу въ лобъ; Свищовъ отыскалъ глазами Катерину Александровну и дружески кивнулъ ей головою.

— Вы, кажется, согласны принять мѣсто учительницы? спросила графиня, поравнявшись съ Катериной Александровной.

— Да, я очень рада принять на себя эту обязанность, отвѣтила Катерина Александровна.

— Это, это необходимо, произнесъ Свищовъ.—Надо непре-

мѣнно... реорганизовать... Знаете, эти упущенія, эти злоупотребленія...

— Ахъ да, Александръ Николаевичъ, перебила его графиня.—Хорошо, что вы напомнили! Прежде всего нужно осмотрѣть мѣсто. Я рѣшилась; правда, это мнѣ будетъ трудно, но я рѣшилась! Помогите мнѣ Господи!

Графиня вздохнула.

— Мы должны, должны приносить эти жертвы, прошептала она и обратилась къ Катеринѣ Александровнѣ: — Проводите насъ въ садъ.

Катерина Александровна мелькомъ взглянула на Свищова. Онъ пожалъ плечами и какъ-то особенно повертѣлъ пальцемъ около лба. Все общество тронулось по направленію къ саду.

— Здѣсь, кажется, довольно мѣста? спросила графиня, обращаясь къ пріютскому архитектору.

— Немного тѣсно будетъ, отвѣтилъ онъ.—Садъ придется почти весь уничтожить.

— Ну да, ну да, нетерпѣливо отвѣтила графиня.—Оставить только клумбочку, помните, какъ вы говорили. Это будетъ такъ хорошо... Благолѣпіе...

— Но какъ-же безъ сада, нерѣшительно возразилъ архитекторъ.

— На что намъ сады? Не они намъ нужны. Намъ вертоградъ Господни нужны, а не эти земные сады... Спаси насъ грѣшныхъ, Господи!

Графиня, по обыкновенію громко бесѣдуя съ Богомъ, перекрестилась и быстро зашагала въ пріютскія комнаты.

— Генераль, вы говорили о прибавкѣ на пищу? тихо спросила Катерина Александровна.

— Копѣйку прибавили на человѣка въ день, такъ-же тихо отвѣтилъ Свищовъ.—Что дѣлать, что дѣлать, мы не въ своемъ умѣ...

Онъ опять повертѣлъ пальцами около лба и, присоединившись къ графинѣ, сказалъ ей что-то на ухо.

— Ахъ, да, обернулась она къ Катеринѣ Александровнѣ,—вамъ прибавляется восемь рублей жалованья за уроки.

Катерина Александровна молча поклонилась.

— Пожалуйста, только русскій языкъ, законъ Божій, боль-

ше ничего, никакихъ астрономій не надо! отрывисто проговорила графиня. — Закладка когда? обернулась она къ архитектору.

— Я думаю, весной, отвѣтилъ онъ.

— Ахъ, нѣтъ! Я слаба, я могу умереть, отрывисто произнесла она.—Безъ меня ничего не сдѣлаютъ... Заложите теперь, строить начнете весной... Въ будущее воскресенье закладка... Ну, прощайте, дѣти. Богъ дастъ, черезъ годъ у васъ будетъ своя церковь... Господи, пошли намъ силы... сподоби насъ...

Сгорбившись и переплетая ногами, графиня, въ сопровожденіи своей свиты, направилась къ экипажу. Катерина Александровна съ поникшей головой осталась въ толпѣ дѣтей и грустно смотрѣла въ окно на небольшой садикъ.

— Душечка Катерина Александровна, вы всѣхъ насъ учить будете? приставали къ ней воспитанницы, окруживъ ее.

— Нѣтъ, только младшихъ, отвѣтила она, встряхнувъ головой и какъ-бы отгоняя печальныя думы.

— Отчего-же не насъ? заговорили старшія воспитанницы. — Учите и насъ. У новаго учителя ничего не поймешь, такой бука. Вы лучше скажите, чтобы вамъ позволили и насъ учить...

— Погодите, погодите, все сдѣлается, промолвила Катерина Александровна.

— А садъ-то нашъ вырубать будутъ, печально замѣтила одна изъ дѣвочекъ, глядя въ окно.

— Да, жаль, вздохнула Катерина Александровна.

Въ эту минуту въ комнату вошли Зубова и Постникова.

— Поздравляю васъ, Катерина Александровна, проговорила Зубова.—Прибавку жалованья получили.

— Вы меня лучше съ тѣмъ поздравьте, что я дѣтей учить буду, усмѣхнулась Катерина Александровна.

— Ахъ, вы вѣрно такъ богаты, что ни за что считаете деньги, ядовито произнесла Зубова.

— Нѣтъ, деньги мнѣ очень дороги, но мѣсто учительницы еще дороже: онѣ радуютъ только меня, а данное мнѣ право учить дѣтей обрадовало, какъ видите, и меня и всѣхъ дѣтей. А я цѣню выше всего именно то, что приноситъ радость и пользу не только мнѣ, но и другимъ.

VII.

КАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ИДЕТЬ КЪ СВОЕЙ ЦѢЛИ.

Новая начальница, Софья Андреевна Вуичъ, сдѣлала обѣдъ, чтобы познакомиться покороче съ помощниками. На этотъ обѣдъ были приглашены родственники и знакомые начальницы и онъ долженъ былъ принять не официальный, а чисто семейный характеръ.

Софья Андреевна была, подобно Зориной, вдовою какого-то гвардейца. Она получила институтское образованіе, бывала за границу, любила читать французскіе романы, восхищалась произведеніями Жоржъ-Занда, курила пахитосы и толковала, выпуская струйки дыма, о женской „эмансипаціи“. Высокая ростомъ, стройная, еще сохранившая остатки свѣжести и даже красоты, эта тридцати-пятилѣтняя женщина, казалось, была создана для гостини, для свѣтской болтовни. Съ нею можно было проболтать втеченіе цѣлаго вечера о самыхъ высокихъ, о самыхъ современныхъ предметахъ, не скучая и не замѣчая, что эта женщина схватила только кончики и отрывочки всѣхъ этихъ вопросовъ, что они для нея имѣютъ теперь такое-же значеніе, какое прежде, въ годы ея молодости, имѣли для нея открытыя плечи, обнаженные руки, распущенные локоны, — т. е. значеніе приманки. Ее рекомендовалъ на мѣсто Свищовъ, повидимому, поддавшійся обаянію ея прелестей съ свойственною ему податливостью любвеобильнаго сердца. Графиня Бѣлокопытова взглянула подозрительными глазами на неувядшую красоту, на бойкость, на щеголеватость этой женщины и уже готова была отказать ей въ просьбѣ о поступленіи на мѣсто начальницы и опредѣлить въ пріютъ старуху, но Свищовъ, всегда оживлявшійся, когда дѣло шло о защитѣ хорошенькой женщины, отстоялъ свою кандидатку, настроилъ княгиню Гирееву на свой ладъ, подзадорилъ графа Бѣлокопытова, однимъ словомъ, произвелъ такую агитацію, вслѣдствіе которой въ общемъ собраніи комитета благотворительныхъ учрежденій графовъ Бѣлокопытовыхъ большинство членовъ согласилось съ его мнѣніемъ. Онъ даже произнесъ

нѣчто въ родѣ рѣчи. Въ это время рѣчи уже начинали произноситься всѣми.

— Многоуважаемая Дарья Федоровна, говорилъ онъ въ заведеніи комитета, — полагаетъ, что Софья Андреевна Вуичъ слишкомъ молода для такой обязанности, какъ обязанность начальницы пріюта... Но это... это, можно сказать, находка. Да, именно, находка!.. У насъ была уже пожилая начальница и что же вышло? Спрашиваю васъ, господа: что вышло?.. Упущенія, злоупотребленія, беспорядки, распушенность дѣтей... Помилуйте, могло-ли иначе быть?.. Она была стара, слаба: она не могла усмотрѣть за всѣмъ, у нея не было этой... этой расторопности... да, да, именно расторопности... А между тѣмъ дѣвочки — это огоньки, огоньки!.. Нужны глаза да и глаза за ними, нужны крѣпкія руки, чтобы удержать ихъ въ уздѣ...

— Ахъ, ихъ нравственность въ ужасномъ положеніи! вздохнула Дарья Федоровна и обратилась къ Богу:— Господи сохрани ихъ!..

— Совершенно справедливо, совершенно справедливо! Нравственность въ ужасномъ положеніи! оживился Свищовъ. — Но отъ чего? Оттого, что слѣпые глаза не могли услѣдить за нею, дряблыя... да, именно дряблыя руки не могли сдерживать ихъ... Конечно, Софья Андреевна можно отказать въ ея просьбѣ, можно найти другую... какую-нибудь старуху, но въ такомъ случаѣ, говорю вамъ, мы снова оставимъ пріютъ при старыхъ порядкахъ... Намъ нужно обновить его... прогрессировать... Этого требуетъ духъ времени...

— Я рѣшила въ церковь построить, произнесла графиня. — Пусть ежедневно, ежечасно видъ храма божія напоминаетъ дѣтямъ о ихъ отцѣ небесномъ...

— Ну, матушка, теперь не изъ чего намъ храмовъ строить, произнесъ съ раздраженіемъ мужъ Дарьи Федоровны. — Это опять новыя выдумки!

— Я ни у кого не прошу, я изъ своихъ суммъ строю церковь, отвѣтила Дарья Федоровна. — Это не касается комитета...

— Но это *меня* касается! Я не желалъ-бы этого, горячо и строго промолвилъ графъ, сильно напирая на слова *меня* и *я*. Свищовъ посиѣшилъ прервать начинающуюся ссору супруговъ.

— Мы однако уклонились, началъ онъ,—уклонились отъ вопроса о начальницѣ.

— Да, но вы понимаете, что вопросъ о постройкѣ храма очень важенъ, загорячился графъ Бѣлокопытовъ.

— Позвольте собрать голоса, произнесъ съ секретарскою вѣжливостью и скромностью Ермолинскій, приподнимаясь на четверть отъ стула и выставляя туловище впередъ.

Свищовъ бросилъ ему одобрительный взглядъ.

— Кажется, почтенный Александръ Николаевичъ достаточно сильно разъяснилъ вопросъ, скромно и мягко продолжалъ Ермолинскій, выдвинувъ еще немного свое туловище надъ столомъ,—и господа члены комитета могутъ приступить къ рѣшенію вопроса, тѣмъ болѣе, что комитету придется нынче рассмотреть еще множество поступившихъ на имя предсѣдательницы просьбъ.

— Да, да, этотъ вопросъ нужно рѣшить, заговорили члены, испуганные множествомъ просьбъ, ожидающихъ рѣшенія и готовящихся затянуть и безъ того скучное собраніе.

Началась подача голосовъ; оказалось, что за Софью Андреевну были всѣ, за исключеніемъ предсѣдательницы и самого Ермолинскаго.

— Мы съ вами проиграли, вздохнула Дарья Федоровна, печально кивнувъ головою секретарю. — Если что случится, ты видишь, Господи, я противилась... противилась!.. оправдывалась она передъ Богомъ.

Секретарь грустно пожалъ плечами, какъ будто скорбя, что ему не удалось осуществить желанія предсѣдательницы. Софья Андреевна была назначена начальницей.

— А вы молодецъ, молодецъ! проговорилъ послѣ засѣданія Свищовъ, сжимая руку Ермолинскаго.

— Извините, я долженъ былъ подать голосъ заодно съ графиней... смиренно оправдывался Ермолинскій.—Неловко какъ-то было, что она одна...

— Ну, конечно, конечно... Я понялъ... Я сейчасъ понялъ... Отчего не потѣшить старуху, одобрительно промолвилъ Свищовъ.

Ермолинскій съ чувствомъ сжалъ протянутую ему руку Свищова.

— Благодарю васъ, что хоть вы меня поддерживаете, пе-

чально произнесла графиня, прощаясь съ Ерголинскимъ. — Я одна, одна противъ всѣхъ...

Онъ почтительно поцѣловаль ея руку и вздохнулъ.

Такимъ образомъ попала на мѣсто начальницы пріюта Софья Андреевна Вунчъ. Въ первый-же день вступленія въ свою должность она какъ-бы случайно сказала горничной, что сейчасъ пойдетъ въ рабочую комнату знакомиться съ дѣтми.

Горничная поспѣшила предупредить кого слѣдуетъ.

Помощницы поспѣшили выстроить воспитанницъ въ ряды, команда, чтобы дѣти стояли смирно. Послѣ четверти часа ожиданія послышалась легкая поступь новой начальницы; Постникова поспѣшила отпереть дверь.

— Ахъ, зачѣмъ вы беспокоитесь, у меня руки есть, замѣтила съ разбитной улыбкою Софья Андреевна и обратилась къ дѣтямъ: здравствуйте, малютки...

Дѣти разомъ проговорили: здравствуйте.

— Что это онѣ у васъ въ военную службу готовятъ? Точно солдаты выстроены, засмѣялась Софья Андреевна. — Зачѣмъ? Дѣтямъ нужна свобода... Подите ко мнѣ, поздоровайтесь по-человѣчески.

Дѣти бросились къ начальницѣ и подобострастно стали ловить ея руки или приглядываться къ ея плечу.

— Ради Бога, ради Бога безъ цѣлованія рукъ, торопливо и весело произнесла она. — Развѣ вы крѣпостныя, что цѣлуете рукава моего платья? Не надо! Какъ твоя фамилія, кубышка? засмѣялась начальница, захвативъ пальцами розовыя щечки одной воспитанницы.

Та сказала свою фамилію. Начальница поцѣловала еѣ въ лобъ. Дѣвочки засмѣялись, что ихъ подругу назвали „кубышкой“.

— Но большинство изъ нихъ такъ блѣдно, произнесла Софья Андреевна. — Имъ воздуху больше нужно, моціону, нужно здоровую пищу...

— Да, пища здѣсь очень плоха, замѣтила Катерина Александровна. — Впрочемъ, на дѣтей такъ мало отпускается денегъ, что трудно что-нибудь сдѣлать...

— Надо изобрѣсти средства, рѣшительно отвѣтила началь-

ница, взглянувъ на Катерину Александровну пристальнымъ взглядомъ.—Ваша фамилія Прилежаева?

— Да. Развѣ вы меня знаете?

— Миѣ говорили о васъ, отвѣтила Софья Андреевна и протянула Катеринѣ Александровнѣ свою изыѣженную ручку. — Мы все повернемъ здѣсь по новому. Это какія-то казармы...

— Почти тюрьма, улыбнулась Катерина Александровна.

— Еще-бы: назначали столѣтнихъ старухъ въ начальницы и хотѣли, чтобы дѣло шло впередъ... Намъ теперь молодежь нужна... Впрочемъ, я надѣюсь поговорить обо всемъ подробно на дняхъ, въ дружескомъ кружкѣ.

Начальница кивнула головой присутствующимъ и скрылась въ свои комнаты.

Она произвела довольно благопріятное впечатлѣніе на дѣтей и подала кое-какія надежды Катеринѣ Александровнѣ. Зубова и Постникова назвали ее „франтихой“ и рѣшили, что она „поскачетъ, поскачетъ да и присядеть“.

— Анна Васильевна такую-же была, замѣтила Постникова.

— Новая метла всегда чисто мететъ, засмѣялась Зубова.

Въ торжественный день закладки храма у Софьи Андреевны былъ тотъ обѣдъ, на которомъ она хотѣла короче познакомиться съ помощницами. Когда кончилось молебствіе, когда былъ положенъ первый камень будущей церкви въ срубленномъ саду, когда уѣхали всѣ попечители пріюта,—начальница пригласила помощницъ на свою половину. Въ числѣ гостей Софьи Андреевны было нѣсколько ея молодыхъ кузинъ и кузеновъ, племянниковъ и племянницъ; вообще все общество было молодое и веселое. Катерина Александровна съ любопытствомъ всматривалась въ гостей и прислушивалась къ ихъ рѣчамъ. Толки шли о своихъ семейныхъ дѣлахъ, о какихъ-то извѣстныхъ только собесѣдникамъ личностяхъ. Одни толковали о происшедшей уже перемѣнѣ нѣкоторыхъ высшихъ начальствующихъ лицъ; другіе обсуждали вопросъ о воспитаніи; третьи вспоминали свои школьные годы; четвертые просто жаловались на отсутствіе удовольствій, на скуку и тоску. Направленіе разговора было безхарактерно и неудовимо, какъ это всегда бываетъ, когда въ обществѣ есть еще незнакомыя личности и когда оно дѣлится на отдѣльные кружки, неимѣющіе никакихъ общихъ интересовъ, никакихъ опредѣленныхъ

стремленій и цѣлей. Наконецъ общество дождалось обѣда и соединилось въ одну группу.

— Я сегодня хочу отпировать послѣдній день свободы, проговорила Софья Андреевна.

— И перейти къ великой административной дѣятельности, шутливо замѣтилъ одинъ изъ ея кузеновъ.

— А, вы не смѣйтесь! Задача дѣйствительно не легкая. Здѣсь нужно перестроить все, отвѣтила Софья Андреевна.

— И потому на первыхъ порахъ вы приступаете къ постройкѣ храма, опять замѣтилъ тотъ-же шутливый голосъ.

— Развѣ это я? воскликнула Софья Андреевна, пожимая плечами.— А какъ жаль мнѣ этого садика, обратилась она къ Катеринѣ Александровнѣ.— Онъ, кажется, былъ такой миленькій. И для дѣтей это полезно.

— Къ сожалѣнію, имъ почти не пользовались дѣти, отвѣчала съ улыбкой Катерина Александровна.— Онъ былъ просто однимъ украшеніемъ. Они продолжали шить въ душныхъ комнатахъ, хотя въ саду было и свѣжѣе и лучше.

— Идиотизмъ! пожала плечами Софья Андреевна.

— Не самый крупный, насмѣшливо усмѣхнулась Катерина Александровна.— У насъ, напримѣръ, учили до сихъ поръ дѣтей такъ, что они, при выходѣ изъ пріюта, не умѣли правильно написать двухъ строкъ и не знали порядочно первыхъ правилъ арифметики... Зато они отлично пѣли...

Въ комнатахъ послышался смѣхъ.

— Это, вѣроятно для смягченія нравовъ, засмѣялась Софья Андреевна.

— Но чтобы нравы не смягчились черезъ мѣру, взрослыхъ воспитанницъ сѣкли публично, окончила Катерина Александровна.

По лицамъ присутствующихъ пробѣжали неприятныя гримасы.

— Здѣсь что шагъ, то противорѣчіе и нелѣпость. Дѣтей учатъ настолько, чтобы они ничему не научились. Заботятся о смягченіи нравовъ и обращаются съ дѣтьми хуже, чѣмъ съ прислугою. Хотятъ приготовить ихъ къ работѣ и учатъ только шитью бѣлья, то-есть самой невыгодной работѣ, хотя такъ-же легко было-бы научить дѣтей шить платья, что гораздо при-

быльиѣ. Спасаютъ дѣтей отъ нищеты и кормятъ ихъ хуже, чѣмъ кормятъ нищихъ, проговорила Катерина Александровна.

— Ну, кузень, обратилась Софья Андреевна къ молодому человѣку, дѣлавшему шутивыя замѣчанія въ началѣ разговора,—будете вы утверждать, что мнѣ нечего дѣлать, что на мнѣ не лежитъ множества тяжелыхъ обязанностей?

— Ихъ, впрочемъ, облегчатъ ваши помощницы, улыбнулся кузень.

— Да, да, на васъ я полагаюсь, какъ на каменную гору, весело обратилась Софья Андреевна къ помощницамъ.

— Это нашъ долгъ, чопорно вставила свое слово Постникова, потупивъ глазки.

— Только-бы свыше не помѣшали, замѣтила Катерина Александровна.

— А хитрость? Это женская сила.

За столомъ посыпались перекрестныя остроты и шутки. Къ Катеринѣ Александровнѣ обратилась сидѣвшая рядомъ съ ней дѣвушка съ бойкими глазами и вздернутымъ носикомъ.

— Вы думаете, что можно что-нибудь сдѣлать? спросила она.

— Конечно, можно, отвѣтила Катерина Александровна. — Вотъ я сдѣлала хоть то, что буду учить дѣтей сама.

— Но вы однѣ не успѣете научить ихъ всему.

— Тѣмъ болѣе, что я сама знаю очень не много, досказала Катерина Александровна.

Молоденькая дѣвушка взглянула на нее съ удивленіемъ: ее поразила простота этого признанія.

— Ну, мы всѣ, конечно, не много знаемъ, замѣтила она, какъ-бы поясняя мысль Катерины Александровны.

— А я менѣе другихъ, сказала Катерина Александровна.— Я сама еще учусь, учусь урывками, безъ учителей... Впрочемъ, я знаю на столько, что могу учить этихъ дѣтей... Мнѣ кажется, что прежде всего пушно-бы обновить весь составъ пріютскихъ властей; нужно ввести учительницъ и кромѣ того нанять модистку, чтобы дѣти научились шить платья... На это нужны средства—и вотъ здѣсь-то будетъ камень преткновенія для Софьи Андреевны.

Обѣдъ кончился, всѣ встали.

«Дѣло», № 8.

— Софи, обратилась бойкая дѣвушка къ Софѣ Андреевнѣ, — mademoiselle Прилежасва думаетъ, что ты не сдѣлаешь ничего не по своей волѣ, а по недостатку средствъ.

— Кстати, поговоримъ объ этомъ, произнесла Софья Андреевна, закуривая пахитосу и увлекая дѣвусекъ въ уголокъ гостиной на маленькій диванъ. — Вы мнѣ уже замѣтили объ этомъ при нашемъ первомъ свиданіи, обратилась она къ Катеринѣ Александровнѣ. — Нужно изобрѣсти средства.

Катерина Александровна посмотрѣла на нее недоумѣвающими глазами.

— Дѣти дѣлаютъ заказную работу? спросила Софья Андреевна.

— Да.

— Эти деньги всѣ сдаются въ комитетъ?

— Да.

— Ну, вотъ мы и нашли первый источникъ.

Катерина Александровна улыбнулась.

— То-есть вы хотите сказать, что не слѣдуютъ всего сдавать въ комитетъ?

— Конечно!.. Богъ мой, развѣ мы учитанныхъ тельцовъ должны еще болѣе откармливать? Нужно давать имъ какъ можно меньше и оставлять для дѣтей какъ можно больше.

— И вы думаете, что это не сдѣлается извѣстнымъ на другой-же день комитету? горячо спросила Катерина Александровна. — Здѣсь у стѣнъ уши, здѣсь у каждой замочной скважины глаза! Вы думаете, что завтра уже не будетъ извѣстно, что говорила я за столомъ, что отвѣчали вы, какъ размѣстились мы теперь за кофе, какъ вы шептались со мною?

Лицо Катерины Александровны разгорѣлось и воодушевилось.

— Здѣсь все гадко, начиная съ комитета и кончая судомойкой...

— Ну, и долой ихъ всѣхъ, рѣшила Софья Андреевна.

— Членовъ-то комитета?

— Нѣтъ, я о судомойкахъ говорю... Неопасные враги не страшны!.. Мы только пріютъ обновимъ...

Катерина Александровна разсмѣялась.

— Значитъ, и мнѣ придется выйти, съ улыбкой замѣтила она

— Фи! сдѣлала гримаску Софья Андреевна и покачала головой. — Я людей узнаю съ первой встрѣчи. Мы женщины, по недостатку опытности, по недостатку серьезныхъ знаній, должны вѣрить первымъ впечатлѣніямъ. Съ вами я какъ будто вѣкъ жила... Скажите пожалуйста, этотъ скелетъ всегда такъ взбиваетъ свои три волоса? засмѣялась Софья Андреевна, указавъ глазами на Марью Николаевну.

— Она еще переживаетъ годы сентиментальности, разсмѣялась Катерина Александровна.

— Софи, ты не находишь сходства въ этой толстой съ старою ключницею бабушки? спросила бойкая дѣвушка, указывая на Зубову.

— Я, душа моя, чуть-чуть не спросила ее: какъ ты сюда попала, Авдотья? разсмѣялась Софья Андреевна.—Нѣтъ, нѣтъ, мы все это очистимъ, серьезно проговорила она и вдругъ обратилась къ Катеринѣ Александровнѣ съ совершенно неожиданнымъ вопросомъ: кажется, Александръ Николаевичъ Свищовъ засматривается на ваши глазки?

Катерина Александровна вспыхнула до ушей и растерялась.

— Право, не знаю, засматривается-ли онъ на мои глаза, проговорила она въ смущеніи.—Но я ему очень благодарна за то, что онъ доставилъ мнѣ мѣсто учительницы...

— Ну, даромъ онъ не сталь-бы хлопотать, рѣшительно произнесла Софья Андреевна.

Катерина Александровна окончательно растерялась. У нея захватило дыханіе.

— Кажется, я ничѣмъ не могла заплатить за его хлопоты, начала она въ волненіи.—Я...

— Что это вы? весело воскликнула Софья Андреевна, замѣтивъ смущеніе молодой дѣвушки.—Я и не думала, что вы чѣмънибудь заплатили за его хлопоты. Но онъ-то хлопоталъ ради вашихъ глазъ... Еще разъ говорю, что даромъ онъ ничего не сдѣлаетъ и никогда не похлопочетъ,—ну хоть-бы объ этомъ скелетѣ, Софья Андреевна указала глазами на Постникову. — Его нужно въ рукахъ держать.

— Къ сожалѣнію, я не стану играть въ эту опасную игру, холодно замѣтила Катерина Александровна.

— Опасную? Съ нимъ-то? Богъ мой, какое вы дитя! восклик-

нула Софья Андреевна. — Вѣдь ояъ и за мною ухаживаетъ, ухаживаетъ за каждою не совсѣмъ дурною лицомъ женщиною. Это одинъ изъ рыцарей хорошенькихъ женщинъ.

Катерину Александровну смущалъ тонъ рѣчей Софьи Андреевны. Молодая дѣвушка не привыкла еще къ подобнымъ разговорамъ и въ ней былъ еще большой запасъ того чувства, которое называется женщинами, подобными Софьѣ Андреевнѣ, „мѣщанскою чопорностью“, „мѣщанскимъ жеманствомъ“. Катерина Александровна поспѣшила пережѣнить разговоръ и перешла къ толкамъ о необходимости научить дѣтей шить платья, о возможности устроить при пріютѣ кухню, изъ которой отпускалось-бы на сторону за деньги кушанье.

— Дѣтей готовятъ въ горничныя, въ кухарки, въ жены небогатыхъ мужчинъ, но въ то-же время ихъ учатъ только шитью бѣлья и заставляютъ дежурить на кухнѣ, гдѣ готовятъ только горохъ, кашу и щи, горячо говорила она.—Этого слишкомъ мало. Горничная должна умѣть шить платья, кухарка должна умѣть готовить кушанье. Наконецъ, въ небогатомъ семейномъ быту безъ этихъ знаній нельзя обойтись...

— Да, да, это все надо обсудить, отвѣтила Софья Андреевна, вставая и присоединяясь къ остальнымъ гостямъ; черезъ минуту въ комнатѣ слышался ея звонкій смѣхъ.

— Кузень, неправдали, что въ эту миленькую мѣщаночку можно влюбиться? приставала она къ своему кузену, тихонько указывая на Катерину Александровну.

— А вы ужъ ей и кличку дали? пошутилъ кузень.

— Не могу! Миѣ какъ-то противно называть людей общими ничего не характеризующими именами...

— Какъ ничего не характеризующими? Вотъ ваше имя, напримеръ, означаетъ: мудрость, засмѣялся кузень.

— Ну, скажите пожалуйста, какая-же я мудрость? засмѣялась Софья Андреевна.—Постное выраженіе лица, чепецъ на головѣ, очки на носу, табакерка въ рукахъ,—вотъ атрибуты мудрости... Я просто баловень судьбы.

— Ну, кузина, вы, повидимому, плохо знаете греческую мифологію. Богиня мудрости не носила чепца, шутилъ кузень.

— Ну, положимъ. А признайтесь, у нея было постное выраженіе лица? Да?..

— Софи точно мотылекъ, замѣтила молоденькая кузина Софьи Андреевны.

На Катерину Александровну Софья Андреевна произвела хорошее, хотя немного странное впечатлѣніе. Необыкновенная бойкость, подвижность, умѣнье легко и быстро перескакивать въ разговорахъ отъ предмета къ предмету, нѣкоторая фривольность рѣчей, безпрестанное куренье пахитось, слѣды какого-то ребячества въ тридцать слишкомъ лѣтъ, все это было совершенно ново для Катерины Александровны. До сихъ поръ она не встрѣчала подобнаго типа. И не мудрено. Ей не приходилось вращаться въ тѣхъ сферахъ, гдѣ можно было встрѣтить множество подобныхъ женщинъ. Эти женщины, получившія чисто французское образованіе, прожившія въ довольствѣ, никогда не знавшія, что значить зарабатывать кусокъ хлѣба, вертѣвшіяся въ высшемъ кругу, порхавшія по баламъ и отъ нечего дѣлать почитывавшія всѣ новыя романы и даже серьезныя статьи въ „Revue des deux mondes“, были солью нашего такъ называемаго образованнаго общества. Свобода обращенія, бойкость, умѣнье болтать, даже нѣкоторое стремленіе къ независимости—хотя въ отношеніи любви—все это дѣлало ихъ любимицами тѣхъ образованныхъ мужчинъ, которые бредили Франціей и жаловались на азіатскую сонливость и на неподвижность ума русскихъ женщинъ.

Иногда двусмысленныя рѣчи Софьи Андреевны заставляли „милую мѣщаночку“ Прилежаеву краснѣть, но прежде чѣмъ съ ея лица сбѣгала краска стыдливости, Софья Андреевна уже перескакивала къ серьезному предмету и не давала времени своей собесѣдницѣ одуматься. Во весь этотъ день и при первомъ знакомствѣ съ пріютомъ Софья Андреевна ни разу не приняла на себя вида строгой, безконтрольной начальницы, не выглядѣла такой неприступной и нетерпящей возраженій правительницей пріюта, какъ это дѣлала Анна Васильевна; но все-таки въ ея рѣчахъ, въ ея обхожденіи сразу можно было подмѣтить что-то говорившее, что она съумѣетъ, пожалуй, лучше Анны Васильевны прибрать все къ рукамъ, у нея были тѣ мягкія кошачьи лапки, которыя, играя, умѣютъ придушить мышенка. Катерина Александровна смотрѣла на эти кошачьи лапки безъ страха, сразу понявъ, что онѣ задумать не ее, что онѣ будутъ

боротся не съ дѣтьми, а съ Зубовой, Постниковой, Вѣлокоптовой и тому подобными личностями. Катерина Александровна съ нетерпѣніемъ ждала первыхъ дней этой борьбы. Они не заставили себя ждать. На слѣдующій-же день Софья Андреевна явилась въ столовую комнату и съ удивленіемъ спросила у помощницъ:

— Отчего это на столахъ нѣтъ скатертей?

— У насъ клеенки употребляются, отвѣтила Зубова.—А то дѣти неряшливы, пачкають скатерти.

— Такъ вы думаете, что ихъ нужно дѣлать еще болѣе неряшливыми, приучая пить и ѣсть безъ скатертей? засмѣялась Софья Андреевна. — Теперь они привыкнуть пить и ѣсть на клеенкѣ, спокойно разливая по ней чай, а потомъ, когда имъ придется въ жизни ѣсть и пить за столами, накрытыми скатертями, онѣ окажутся неряхами.

— Это вѣдь не отъ насъ распоряженіе, ѣдко замѣтила Зубова.—Это попечители пріюта такъ желаютъ.

— Ахъ, богъ мой! Попечители не педагоги, а мы не машины! воскликнула Софья Андреевна.—Вы практически узнаете здѣсь нужды дѣтей и должны заявлять, что требуетъ измѣненія... Что это? обернулась Софья Андреевна въ уголъ, замѣтивъ стоявшую на колѣняхъ воспитанницу.

— Она не хотѣла вставать, она нагрубила мнѣ, вмѣшалась въ разговоръ Постникова, на лицѣ которой выступили пятна.

— Не хотѣ-ла вст-авать? медленно повторила Софья Андреевна.—Отчего это?

— У меня... начала изъ угла дѣвочка.

— Она притворяется, быстро перебила ее Постникова.—Она увѣряетъ, что у нея голова болитъ... Эта дѣвочка...

— Что-же вы посмотрѣли ей языкъ и пощупали голову и пульсъ? спросила Софья Андреевна.

— Я не докторъ, обидчиво возразила Постникова, точно ее оскорбили, предположивъ въ ней медицинскія познанія.

— Ахъ, мы должны быть и докторами, и духовниками и всѣмъ, чѣмъ угодно, для дѣтей, отвѣтила Софья Андреевна.—Это такъ легко: пощупать пульсъ, узнать, нѣтъ-ли жару, посмотреть языкъ... По крайней-мѣрѣ велѣли-ли вы поставить ей горчичникъ къ затылку?

Постникова недоумѣвающими глазами посмотрѣла на Софью Андреевну и неясно отвѣтила:

— Нѣ-ѣ-ть!

— Ну, вы дѣйствительно не доктор! пронически засмѣялась Софья Андреевна.—Сколько-бы времени она ни стояла на колѣняхъ, головная боль у нея не пройдетъ, а если-бы вы поставили ей горчичникъ къ затылку и наполнили бы ее чаемъ, то, вѣроятно, она перестала-бы жаловаться на головную боль...

— Да эта дѣвчонка лжетъ...

— Почему-же вы знаете, если вы не убѣдились въ этомъ? А если и лжетъ, то горчичникъ былъ-бы не лекарствомъ, а наказаніемъ и, конечно, болѣе благоразумнымъ, чѣмъ стоянье на колѣняхъ... Кстати! Прошу васъ, не называйте дѣтей дѣвчонками. Это унижаетъ не только ихъ, но и насъ. Мы имъ служимъ и если онѣ—дѣвчонки, то, значить, мы еще хуже...

Весь этотъ разговоръ происходилъ шопотомъ; Софья Андреевна говорила ласковымъ мягкимъ тономъ, но Постникова стояла передъ нею, какъ передъ самой строгой начальницей. Никогда крики Анны Васильевны не поражали такъ старую дѣвственницу, какъ эти ласковыя наставленія. Въ десятомъ часу того-же дня Софья Андреевна уже осматривала бѣлье, зашла въ кухню осмотрѣть посуду, пересмотрѣла провизію и терпѣливо выслушала всѣ сплетни прислуги.

— Надо будетъ всю прислугу пережѣнить, произнесла она, входя въ рабочую комнату, гдѣ уже сидѣли за работою помощницы и дѣти. Я не терплю сплетень, а здѣсь, кажется, каждый считаетъ своею обязанностью сплетничать и подсматривать за другими. Дѣти, помните и вы, что лучше сознаться въ самой крупной своей ошибкѣ, чѣмъ рассказать хоть про самую мелкую шалость другихъ. Кто будетъ сознаваться, тѣхъ буду прощать; кто будетъ про другихъ говорить, тѣхъ буду наказывать. У меня судъ короткій—исключать изъ пріюта буду, потому-что если человекъ жалуется на другихъ, значить онъ недоволенъ ими, ну значить его и надо удалить отъ нихъ: не выгонять-же многихъ изъ-за одного.

Софья Андреевна приласкала двухъ-трехъ дѣвочекъ и прошла въ классъ, гдѣ начался первый урокъ Катерины Александровны. Дѣти хотѣли встать, но Софья Андреевна сказала имъ: „сидите,

сидите!“ и присѣла на одно изъ пустыхъ мѣсть. Черезъ четверть часа урокъ долженъ былъ кончиться и Софья Андреевна, повидимому, ждала именно его окончанія. Когда послышался звонокъ, призывавшій къ обѣду, Софья Андреевна остановила Катерину Александровну.

— Мнѣ нужно будетъ поговорить съ вами, промолвила она.— Скажите мнѣ откровенно, есть-ли въ пріютѣ хоть одинъ хорошій человѣкъ!

— Вы о дѣтяхъ спрашиваете? спросила Катерина Александровна.

— Нѣтъ, о прислугѣ, о служащихъ...

— Ни одного, рѣзко отвѣтила Катерина Александровна.

Софья Андреевна поднялась съ мѣста.

— Значить, стѣсняться нечего, произнесла она.— Знаете-ли, какое впечатлѣніе произвелъ на меня сегодняшній осмотръ всего? спросила она серьезно.

— Очень дурное...

— Да, мнѣ показалось, что я стою среди помойной ямы, въ которую силою согнали несчастныхъ дѣтей и заставляютъ ихъ купаться въ этой грязи... Я ничего еще не говорила, но меня ужаснула грязь кухни, грязь посуды, грязь кухоннаго бѣлья... И что имъ готовятъ? Я видѣла, сколько гороху положили въ котель, я видѣла этотъ кисель, которымъ ихъ будутъ кормить сегодня... А капуста—это рублепное солдатское сукно, а не капуста... И ради экономіи имъ даютъ два раза въ недѣлю постное. Морять людей ради экономіи!.. Всѣхъ вонь, всѣхъ, покуда не поздно...

Софья Андреевна пожала руку Катерины Александровны и пошла въ столовую, пережѣвивъ разговоръ. Въ столовой новая начальница попробовала кушанья и посмотрѣла подавныя дѣтямъ тарелки. Кушанья оказались скверными, посуда грязною. Софья Андреевна приказала позвать прислугу и напустилась на нее. Катерина Александровна впервые увидала передъ собою Софью Андреевну въ такомъ раздраженіи.

— Какъ вы служите? горячилась она.— Вы думаете, что если эти дѣти небогаты, то имъ можно подавать грязныя тарелки? Да знаете-ли вы, что вы получаете жалованье только ради этихъ дѣтей, что не будь ихъ, такъ и васъ не было-бы здѣсь?

Не они для васъ сюда собраны, а вы наняты въ услуженіе для нихъ. Вы не мои слуги, а слуги этихъ дѣтей. Они ваши господа. Мы всѣ наняты для нихъ.

Софья Андреевна выслала прислугу и обратилась къ помощницамъ.

— Я васъ попрошу каждый разъ говорить мнѣ, когда гдѣ нибудь найдется хотя одна грязная тарелка. Дѣти не могутъ быть здоровыми, если ихъ кормятъ не кушаньемъ, а грязью... Вѣдь вотъ отъ этой тарелки воняетъ... Попробуйте поѣсть съ нее... Не угодно-ли?

Софья Андреевна строптиво поднесла грязную тарелку къ лицу Постниковой, такъ что та немного отодвинулась назадъ.

— Вамъ противно, а имъ не противно? горячо произнесла начальница.—А кто-же долженъ смотрѣть за этимъ? За что мы жалованье беремъ? Если бы я одна могла усмотрѣть за всѣмъ, то мнѣ были-бы ненужны помощницы, но если помощницы ничего не дѣлаютъ, то онѣ мнѣ не нужны. Кто не хочетъ служить, тотъ можетъ идти на всѣ четыре стороны. Мнѣ лишннихъ украшеній въ пріютѣ ненужно.

Софья Андреевна удалилась изъ столовой. По ея лицу выступили красныя пятна. Она взволновалась не на шутку и горячилась черезчуръ. Видно было, что распекать людей и браниться было не въ ея характерѣ. Она въ эти минуты теряла свой обычный тактъ и свою свѣтскую сдержанность.

— Я говорила, что новая метла будетъ чисто мести, проворчала сквозь зубы Ольга Никифоровна послѣ обѣда.

— Я не могу, не могу выносить такихъ обидъ, захныкала Постникова.— Я не служанка дѣтей, я не имъ служу...

— А кому-же? разсмѣялась Катерина Александровна, стоявшая недалеко отъ помощницъ.— Неужели вы и теперь не догадались, что вы дѣтямъ служите?

Постникова молча отвернулась въ сторону.

— Ахъ, наша офицерша дружбу свела съ этою табачницею? злобно проговорила Зубова про Катерину Александровну, отходя съ Постниковою. — Повѣрьте, что не на долго. Сами слетать прежде другихъ...

Но Софья Андреевна была не изъ такихъ, которыхъ легко сжить. Подъ безпечною и веселою вѣтшностью въ ней таилось

много настойчивости и даже деспотизма. Когда-то она, въ качествѣ избалованной красавицы-дѣвочки, командовала своею бабушкою и ея крѣпостными людьми; потомъ, въ роли обожаемой подругами за красоту дѣвушки, она командовала своими сверстницами; наконецъ она взяла въ свои руки влюбленнаго мужа и командовала имъ. Правда, что люди, находившіеся подъ ея командою, большею частію и не жаловались на деспотизмъ этого хорошенькаго, веселаго и беззаботнаго существа, но тѣмъ не менѣе они не могли освободиться отъ власти этихъ маленькихъ руекъ, своевольно управлявшихъ всѣми и всѣмъ окружающимъ. „Хитрость наша сила“, „мы, женщины, должны или всѣхъ въ рукахъ держать или нами самими будутъ командовать“, „если-бы я замѣтила въ самомъ дорогомъ мнѣ человѣкѣ стремленіе взять надо мною верхъ, я разошлась бы съ нимъ“,—это были любимыя фразы Софьи Андреевны. Когда ей говорили, что съ любимыми людьми совсѣмъ не такъ легко разставаться, какъ она думаетъ,—она возражала:

— Нужно всѣхъ любить шутя, а свою свободу любить серьезно... Впрочемъ, надо мной никто не пробовалъ взять верхъ, смѣялась она.

И дѣйствительно трудно было взять верхъ надъ этимъ ускользающимъ отъ всякой узды существомъ и еще труднѣе было избѣжать ея разнообразныхъ сѣтей. Тонкое кокетство, женственная мягкость, серьезность мыслящаго существа, шаловливость избалованнаго ребенка, непоколебимая настойчивость, маска безпомощной рабы-женщины, все это пускалось при случаѣ въ ходъ, пускалось какъ-бы бессознательно, но чутью, по тому инстинкту, который помогаетъ необразованному дикарю обмануть образованнаго европейца. Одни называли ее „кошачьей натурой“, другіе говорили, что это „женщина-мотылекъ“, третьи называли ее „эманципированной барыней“,—последнюю кличку она сама оставяла за собой и любила говорить: „мы, эманципированныя женщины“.

Она очень ловко и быстро прибрала къ рукамъ пріютъ, смѣнила всю прислугу, опредѣливъ на ея мѣста людей изъ „бабушкиной дворни“, и начала осаждать Свищова проектами преобразованій въ пріютѣ. Образцовая кухня, наемъ куафера для обученія воспитанницъ чесать голову, наемъ модистки для нау-

ченія дѣтей шитью платьевъ, уничтоженіе уроковъ пѣнія, всѣ эти проекты нововведеній сыпались, какъ снѣгъ, на головы Свищова и Ермолинскаго. Но комитетъ благотворительныхъ заведеній сдался не сразу и сначала согласился только на наемъ модистки.

— Какъ-бы только этихъ дѣвственницъ намъ сбыть съ рукъ, говорила Софья Андреевна Катеринѣ Александровнѣ про двухъ помощницъ.—При нихъ ничего нельзя сдѣлать для улучшенія пріюта.

И она стала хлопотать о томъ, чтобы всѣ помощницы давали уроки дѣтямъ, обходясь безъ помощи учителя. Свищову удалось провести эту реформу въ собраніи комитета. Комитетъ разрѣшилъ отставить учителя и возложить на помощницъ обязанность учить дѣтей. Софья Андреевна тотчасъ-же доложила комитету, что двѣ находящіяся въ пріютѣ помощницы почти безграмотны и потому ихъ нужно смѣнить, „тѣмъ болѣе что онѣ не имѣютъ никакихъ педагогическихъ способностей и ведутъ дѣтей въ бездну безнравственности, дѣлаютъ грубыми ихъ молодыя сердца и вселяютъ въ нихъ пагубное раздраженіе и непокорность“. Послѣднія фразы докладной записки, предназначавшіяся исключительно для графини Вѣлокопытовой, показались до того удачными Софьѣ Андреевнѣ, что она съ громкимъ хохотомъ читала и перечитывала ихъ въ кружкѣ своихъ кузеновъ, кузинъ и Катерины Александровны.

— Каковъ мой вѣрноподданнической докладъ ея сіятельству? хохотала она, держа въ рукахъ дымящуюся пахитосу. — „Вселяютъ въ нихъ пагубное раздраженіе и непокорность“! Краснорѣчиво и убѣдительно! Зубова и Постникова—пропагандистки бунта!.. Если-бы Александръ Николаевичъ не былъ такъ тупъ, онъ вѣрно прыснулъ-бы отъ смѣха при чтеніи этихъ строкъ въ комитетѣ...

— Однако вы круто повернули дѣло, замѣтилъ ей тотъ кузень, который подшучивалъ надъ нею за обѣдомъ.—Вы просто безбожный деспотъ.

— Напротивъ того. Чего женщина хочетъ, того Богъ хочетъ, отвѣтила она французской пословицей. Вы видите, что мои желанія святы.!

— Но вѣдь и онѣ хотѣли-бы остаться, замѣтилъ кузень,

— Да развѣ это женщины? засмѣялась она. — Попробуйте предложить имъ руку и сердце.

Послѣднія строки докладной записки дѣйствительно произвели на членовъ комитета сильное вліяніе, тѣмъ болѣе что Софья Андреевна объявила въ своей запискѣ, что помощницы сознательно прикрывали всѣ упущенія; открытыя ревизіонною комиссією и вызвавшія удаленіе прежней начальницы. Однако Софья Андреевна гораздо усиленнѣе составляла проекты нововведеній, чѣмъ дѣйствовалъ комитетъ. Только къ марту мѣсяцу ей удалось „очистить“ пріютъ и ввести въ него двухъ новыхъ помощницъ-учительницъ. Одна изъ этихъ дѣвушекъ, Аделаида Николаевна Сочнева, была кузина Софьи Андреевны, познакомившаяся съ Катериной Александровной еще на первомъ обѣдѣ Софьи Андреевны; другая, Марья Петровна Иванова, была изъ числа знакомыхъ Софьи Андреевны.

— Ну, теперь я покойна, теперь мы въ своей семьѣ, говорила Софья Андреевна послѣ изгнанія Постниковой и Зубовой. — Соглядатаевъ больше нѣтъ. Теперь нужно изобрѣтать средства.

Изобрѣсти средства было очень трудно, покуда дѣти еще не научились шить и покуда комитетъ не разрѣшилъ основаніе образцовой кухни. Но Софья Андреевна рѣшилась дѣйствовать помимо комитета и открыла кухню безъ его разрѣшенія на свои средства. Хотя доходъ съ этой кухни былъ не особенно великъ, но все-таки при помощи его можно было хотя немного улучшить пищу дѣтей. У Софьи Андреевны кромѣ того вертѣлся въ головѣ планъ образцовой прачешной для стирки и глаженья тонкаго бѣлья.

Среди этой неусидчивой дѣятельности Катерина Александровна играла далеко не послѣднюю роль и помогала Софьѣ Андреевнѣ во всемъ. Онѣ какъ будто вѣкъ жили вмѣстѣ, несмотря на то, что Катеринѣ Александровнѣ на первыхъ порахъ казалось неловко въ шумномъ и веселомъ кружкѣ, который постоянно вертѣлся около Софьи Андреевны и который сама Софья Андреевна называла своимъ „хвостомъ“. На половинѣ начальницы теперь звались вечера, на которые собиралась молодежь, — нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, нѣсколько офицеровъ и студентовъ. Тамъ слышались вѣчные споры, раздавался смѣхъ,

сыпались шутки, порой высказывались довольно смѣлыя мысли и желанія. Прислушиваясь къ шуму этихъ рѣчей, было трудно уловить какой-нибудь опредѣленный характеръ этого кружка: серьезная мысль уживалась здѣсь рядомъ съ свѣтскою пустотою; толки объ общественныхъ событіяхъ шли рядомъ съ мелкими разсказами про семейныя интриги; критическія замѣтки на литературныя произведенія смѣнялись вопросами о балахъ и модахъ. Это былъ кружокъ либеральной молодежи, вышедшей изъ школы разныхъ Левашовыхъ, Мѣдниковыхъ, Старцовыхъ и тому подобныхъ отживавшихъ свое время недовольныхъ гражданъ. Трудно сказать, чего хотѣли эти люди: оперы, баловъ, каретъ и пикниковъ или крестьянской и судебной реформъ, разрѣшенія женскаго вопроса и преобразованія по части воспитанія и образованія. На всѣхъ этихъ людяхъ лежала печать барства: они были бѣлоручки, они не могли-бы приняться за черной трудъ, они схватили только верхушки образованія, они не могли-бы отказаться отъ свѣтскихъ удовольствій, отъ блестящихъ нарядовъ, они были довольны, что у нихъ есть наследственное и благопріобрѣтенное имущество; но въ то-же время имъ уже успѣли опротивѣть семейныя дразги, разбитыя скулы вѣрнопостныхъ, деспотизмъ старшихъ; они стыдились вѣточничества, они брали неполноту образованія, они почитывали книжки, искали въ книжкахъ чего-то. Еще года два застоя въ обществѣ, еще года два старыхъ порядковъ и эти люди точно такъ-же помирились-бы съ прежними порядками, какъ помирились ихъ предшественники, тоже на двадцатомъ году жизни волновавшіеся по своему какими-то смутными стремленіями, какими-то внутренними призывами *dahin, dahin*,—въ эту „свѣтлую даль“, которая въ концѣ концовъ могла оказаться на дѣлѣ или маниловскою семейною жизнью, или теплымъ мѣстечкомъ при откупныхъ, или праздншатаніемъ на водахъ за границею. Но теперь была не такая пора: представлялся случай осуществить эту „свѣтлую даль“ у себя, внести ее во всѣ изгибы частной и общественной жизни. Однако куда стремленія къ лучшему еще не получили опредѣленнаго характера; даже въ самой литературѣ, гдѣ сосредоточивается выраженіе этихъ стремленій, не было высказано ничего особенно яснаго, особенно тенденціознаго; въ ней отрицалась чичиковщина, осмѣивались Коробочки, Мани-

ловы, Плюшкины, описывался жалкій бытъ мужика въ „Запискахъ охотника“ и слышалось сильное вѣяніе жоржъ-зандизма. Послѣдній, эманципировавшій женщинъ со стороны чувства, усваивался молодыми барынями и барышнями не столько при помощи русской литературы, сколько при помощи французскихъ романовъ. Болѣе широкіе по задачѣ романы Жоржъ-Занда не имѣли доступа къ русской публикѣ. Присматривался къ кружку Софьи Андреевны, можно было сразу уловить вліяніе этой ложно понятой жоржъ-зандовской эманципаціи въ довольно свободныхъ отношеніяхъ молодежи, въ нѣкоторой бойкости барышень, въ куреніи пахитосъ и папиросъ не ради удовольствія, какъ курили у насъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ совѣтъ неэманципированныя провинціалки, курили не папиросы, а просто трубки, — но ради желанія показать, что „и мы имѣемъ право курить, какъ мужчины“. Катерина Александровна сразу выдалась въ этомъ кружкѣ своимъ характеромъ и своими стремленіями. Она равнодушно молчала, когда шли толки о балахъ и театрахъ, о поэзіи и концертахъ: всего этого не существовало въ ея голодномъ прошломъ и она не чувствовала никакой притягательной силы во всемъ этомъ. Наговорившись досыта объ этихъ предметахъ, собесѣдники замѣчали ея холодное и равнодушное молчаніе и старались заговаривать съ ней; но разговаривать съ ней значило говорить объ образованіи вообще и объ образованіи бѣдныхъ дѣвушекъ въ особенности. Касаясь этой темы, она дѣлалась краснорѣчивою, свѣдущею, разумною. Она сама еще не выбилась изъ тѣни невѣжества, она знала, какъ трудно необразованной дѣвушкѣ добыть кусокъ хлѣба, она поняла, что дѣлаютъ разные попечители голодныхъ сиротъ, она могла опредѣлить значеніе женскаго труда, состоящаго въ умѣньи шить бѣлье. Говоря обо всемъ этомъ, она дѣлалась краснорѣчивою, иногда страшною, порою въ ея рѣчахъ слышалось негодованіе, подчасъ онѣ сверкали остроуміемъ. Она краснѣла, когда Софья Андреевна дѣлала фривольные двусмысленные намеки, но она нисколько не стѣснялась рѣзко и громко произносить слово „развратъ“, горячо описывая, до чего довели, напримѣръ, Скворцову, сначала бѣжавшую къ учителю, потомъ попавшую, повидимому, „на содержаніе“ къ какому-то молодому богачу. Ея собесѣдницы, говоря о женскомъ незнаніи, о женской необразованности, старались дѣ-

лать видѣ, что сами-то онѣ обладаютъ знаніями, и вкривь и вкосѣ судили о серьезныхъ вещахъ; она тоже говорила о женской неразвитости и первымъ примѣромъ ставила себя, говоря, что она только въ послѣднее время научилась правильно писать. Эта отервенность смущала барышень и онѣ удивлялись, какъ можно такъ спокойно при всѣхъ сознаваться въ своемъ невѣжествѣ. Еще болѣе рѣзко высказались тѣ характерныя черты, которыми она отличалась отъ прочихъ членовъ кружка Софьи Андреевны, въ одномъ изъ разговоровъ объ участи помощницъ, классныхъ дамъ и тому подобныхъ личностей.

— Въ сущности вѣдь это ужасно, замѣтила подвижная Аделаида Николаевна,—весь вѣкъ возиться съ чужими дѣтьми...

— Это просто невозможно, отвѣтила Катерина Александровна.—Помощницей или классной дамой можно быть только въ молодости, когда наши ноги бѣгаютъ такъ-же хорошо, какъ дѣтскія, когда можно одной усмотрѣть за десятками дѣтей. Съ разбитыми ногами, съ подслѣповатыми глазами, съ постоянными недугами, съ ослабѣвшей памятью невозможно идти впереди дѣтей.

— Это правда, это правда, согласилась Аделаида Николаевна.—Вотъ почему меня и ужасаетъ вообще участь помощницъ и классныхъ дамъ. Имъ приходится учить, учить дѣтей, возиться съ ними долгіе годы, а потомъ остаться безъ куска хлѣба, если не удастся выйдти замужъ или если нѣтъ капитала. Я думаю, эта мысль не разъ беспокоила и васъ.

— Да, я думала объ этомъ, отвѣтила Катерина Александровна.—Мнѣ вѣдь могла встрѣтиться необходимость выйдти изъ пріюта за непокорность гораздо раньше, чѣмъ наступитъ моя старость... Я для того и учусь, чтобы не быть пойманною врасплохъ.

— Что-же вы хотите учительницей быть? Вѣдь это...

— Это то-же самое, что быть помощницей или классной дамой, досказала Катерина Александровна. — Я думаю сдѣлаться акушеркой. При моемъ умѣньи шить и вышивать, при возможности давать два, три урока дѣтямъ, трудъ акушерки будетъ мнѣ большимъ подспорьемъ. Не удастся одно,—удастся другое; не удастся другое,—удастся третье. Мнѣ кажется, что бѣдный человѣкъ тогда только будетъ застрахованъ отъ нужды, когда

онъ будетъ въ состояніи взяться за каждый трудъ... Вотъ у меня братъ растетъ, онъ въ гимназіи учится, отлично учится, но меня радуютъ не столько его успѣхи въ наукахъ, сколько его привычка дѣлать все безъ помощи другихъ: онъ рубитъ дрова, онъ умѣетъ починить сломавшійся стулъ, онъ въ послѣднее время сталъ учиться сапоги шить и уже умѣетъ подкидывать подметки. Къ лѣту я непременно подарю ему верстакъ, пусть столярничаетъ,..

— Ну, вамъ-то, душа моя, нечего думать о будущемъ, промолвила Софья Андреевна. — Вы замужъ выйдете; съ такими черненькими глазами не сидятъ долго въ дѣвушкахъ.

— Да вѣдь придется выйти замужъ за бѣдняка, такъ легко не станеть, отвѣтила Катерина Александровна.

— Почему-же непременно за бѣдняка? Можетъ быть, и богатый женихъ найдется...

Катерина Александровна разсмѣялась.

— Да о чемъ-же мы съ нимъ говорить будемъ? весело промолвила она.

— Какъ о чемъ? изумилась Софья Андреевна.

— Онъ мнѣ будетъ говорить о музыкѣ и объ иностранныхъ литературахъ, о балахъ и театрахъ, а я буду только глазами хлопать; я ему буду говорить о своемъ прошломъ, о прошломъ своей семьи, а онъ будетъ зѣвать отъ скуки... Совсѣмъ не поймемъ другъ друга...

— Такъ вы, значить, не признаете такъ называемыхъ неровныхъ браковъ? горячо воскликнула Софья Андреевна. — Вы думаете, что мы, женщины образованнаго общества, не имѣемъ права влюбиться въ плебея, что наши братья не имѣютъ права очароваться простой дочерью природы? Это отсталость, душа моя! это проповѣдовали наши бабушки.

— Я съ ними не была знакома, съ улыбкой отвѣтила Катерина Александровна. — Я говорю только за себя и про себя. Я, можетъ-быть, и влюбилась-бы въ богача, въ аристократа, но замужъ-бы вышла только за того, кто вѣлъ тѣ-же щи и ту-же кашу, которыми питалась я. А-то вѣдь вкусы были-бы разные съ мужемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это все предрасудки! горячилась Софья

Андреевна.—Любовь не знаетъ сословныхъ и имущественныхъ различій!

— Можетъ быть, согласилась Катерина Александровна.—А я все-таки не могу понять, о чемъ вы говорили-бы втеченіе всей своей жизни съ мужемъ, если-бы влюбились и вышли замужъ за нашего дворника. Право, вы соскучились-бы съ нимъ на другой-же день, а онъ соскучился-бы съ вами наканунѣ. Да вотъ, напримѣръ, я: я такъ привыкла къ своему простому супу и куску говядины, что мнѣ пришлось-бы держать отдѣльный столъ, если-бы я вышла замужъ за барина, привыкшаго ѣсть...

Катерина Александровна расхохоталась веселымъ смѣхомъ.

— Ну вотъ, я не знаю даже и названія тѣхъ блюдъ, которыя привыкъ ѣсть мой аристократическій женихъ, промолвила она.

Собесѣдники засмѣялись.

— О, да вы серьезно обдумали этотъ вопросъ, замѣтилъ кузень Софьи Андреевны.—Это не даромъ. Вѣроятно, вамъ уже представлялась необходимость рѣшить его.

Катерина Александровна пожала плечами.

— Не представлялась и не представится, отвѣтила она.

— Ну, за будущее не ручайтесь!

— Я могу за него ручаться, потому-что оно мнѣ извѣстно, отвѣтила она, слегка покраснѣвъ, и поспѣшила перемѣнить разговоръ.

Эти споры, эти толки, не смотря на всю свою банальность и поверхность, заставляли умъ молодой дѣвушки работать и дѣлали ее все болѣе и болѣе бойкою. Нерѣдко она выходила побѣдительницею изъ споровъ, нерѣдко она замѣчала, что большинство окружающихъ ее людей, стоявшихъ выше ея по образованію, далеко уступаетъ ей въ здоровомъ смыслѣ, въ знаніи жизни, въ опредѣленности стремленій. Это сознаніе не только льстило ея самолюбію, но и придавало ей энергію, заставляло ее усиленнѣе и отчетливѣе опредѣлять всѣ свои стремленія и цѣли. Она теперь уже ясно видѣла, что ея задача заключается въ принесеніи возможно большей пользы воспитанницамъ пріюта и въ самообразованіи, при помощи котораго она можетъ обезпе-

чить свою будущность. Весною она передала свои планы въ одномъ изъ писемъ Александру Прохорову. Эти планы привели его въ восторгъ.

„Я зналъ, что ты выбьешься на прямую дорогу, моя умная, отвѣчала онъ ей. — Я радъ, что ты безъ моей помощи, безъ моихъ совѣтовъ выработала эти планы. Ты можешь гордиться теперь уже однимъ тѣмъ, что ты самостоятельно додумалась до того, до чего не додумывается большинство нашихъ барышень, окруженныхъ учителями и книгами, богатыхъ свободнымъ временемъ и деньгами. Тебя тревожитъ только то, что тебѣ придется долго копить деньги для того, чтобы имѣть возможность прослушать курсъ акушерства. Но въ этомъ случаѣ ты не должна забывать обо-мнѣ. Я скоро приду къ тебѣ на помощь и ты, не кланяясь никому, не занимая ни у кого, пойдешь къ осуществленію своихъ плановъ. Я думаю поступить въ академію и моихъ средствъ достанетъ тогда для всѣхъ насъ. Широко жить мы не привыкли, а голодать не придется“.

Катерина Александровна весело и съ свѣтлыми надеждами смотрѣла на будущее.

VIII.

ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ СУДЬБѢ НѢКОТОРЫХЪ ИЗЪ ДѢЙСТВУЮЩИХЪ
ЛИЦЪ РОМАНА.

Покуда Софья Андреевна осаждала комитетъ своими проектами, онъ самъ началъ принимать довольно странное направленіе. Все чаще и чаще слышались въ немъ среди людей, одѣтыхъ въ бархатъ и украшенныхъ брилліантами, толки о недостаткѣ средствъ, все чаще и чаще графъ Дмитрій Васильевичъ высказывалъ членамъ, что у него на шеѣ сидятъ всѣ эти благотворительныя затѣи, что теперь не такія времена, чтобы бросать тысячи на нищихъ. Но помимо этихъ разсужденій въ комитетѣ, у графа происходили долгія интимныя совѣщанія съ сыномъ о филантропическихъ затѣяхъ Дарьи Федоровны.

— Мы раззорены, мы перебиваемся только при помощи займовъ, а она все больше и больше тратитъ на всѣхъ этихъ

нищихъ, говорилъ однажды отецъ, сидя со своимъ сыномъ поутру въ кабинетѣ. — Этому надо положить конецъ. Мы стоимъ надъ пропастью. Ты знаешь, Алексѣй, что тебя ждетъ нищета.

— Ну, я-то женюсь, отвѣтилъ Алексѣй Дмитріевичъ. — Но твое положеніе, кажется, непоправимо.

— Непоправимо! непоправимо! загорячился отецъ. — Что ты мнѣ объ этомъ говоришь? Нужно, чтобы оно было поправимо; нужно остановить во время мать... Ты слышалъ насчетъ постройки церкви?

— Слышалъ, пожалъ плечами сынъ.

— Что-же это будетъ? При пріютѣ выстроить церковь, потомъ, пожалуй, при богадѣльнѣ вздумаютъ строить, далѣе какой-нибудь новый монастырь рѣшатся основать... Ты вспомни, что все это изъ нашихъ денегъ. Мы занимаемъ, мы бьемся съ гроша на грошъ, а она строить храмы... Она просто сумасшедшая!..

Сынъ пристально взглянулъ на отца испытующимъ взглядомъ.

— Скажи, пожалуйста, отецъ, началъ онъ, небрежно играя одноглазкою, — неужели ты это замѣтилъ только теперь? Неужели тебѣ никогда не приходила эта разумная идея прежде?

Дмитрій Васильевичъ нѣсколько смутился и вопросительно взглянулъ на сына.

— Какая идея?

— Идея о томъ, что ее слѣдуетъ признать сумасшедшей, холодно промолвилъ сынъ.

Дмитрій Васильевичъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Онъ съ нѣкотораго времени уже и самъ думалъ о томъ, что не худо-бы наложить опеку на Дарью Федоровну, но его смущало теперь хладнокровіе, съ которымъ сынъ говорилъ о сумасшествіи матери.

— Признаюсь тебѣ откровенно, началъ Алексѣй Дмитріевичъ, откидывая кудрявую голову на спинку кресла и протянувъ ноги, — меня давно удивляло, что ты смотришь на все сквозь пальцы и бездѣйствуешь. Я не хотѣлъ начинать этого разговора; собственно мое положеніе еще не такъ дурно: я молодъ, здоровъ, говорить, недурень собою...

Алексѣй Дмитріевичъ усмѣхнулся и мелькомъ бросилъ взглядъ на зеркало, гдѣ отражалось его нѣжно-розовое, выхолощенное и замѣчательно правильное лицо.

- Я могу жениться и женюсь, продолжалъ онъ.
 — Уже рѣшился? сквозь зубы спросилъ отецъ.
 — Да... Денисова убили кстати, усмѣхнулся сынъ.
 — Но вѣдь она годится тебѣ въ матери, замѣтилъ отецъ.
 — Я о лѣтахъ не справлялся, холодно отвѣтилъ сынъ, — я справлялся о деньгахъ... Теперь не время сантиментальничать...
 — У нея, кажется, дѣти?
 — У нихъ имѣніе отдѣльное... Впрочемъ, я буду опекуномъ...

Дмитрій Васильевичъ зорко взглянулъ на сына; хорошенькое личико послѣдняго было по-прежнему невозмутимо спокойно.

— Но мы уклонились отъ главнаго вопроса, лѣниво началъ сынъ. — Я говорю, что я не виѣшивался въ семейныя дѣла, потому-что за себя мнѣ нечего было опасаться, учить-же другихъ и въ особенности тебя не въ моемъ характерѣ. *Chacun chez soi, chacun pour soi.* Но теперь, когда ты самъ началъ этотъ разговоръ, я не могу не замѣтить, что меня изумляла твоя безпечность: передъ тобою бросалось на вѣтеръ твое послѣднее состояніе, передъ тобою проходили цѣлыя стаи грабителей-нищихъ, уносившія по лоскутку твое имущество, ты долженъ былъ входить въ долги, а между тѣмъ ты молчалъ...

— Ты очень хорошо знаешь, что я не молчалъ, угрюмо отвѣтилъ Дмитрій Васильевичъ. — Я говорилъ, говорилъ иногда слишкомъ рѣзко, но ты, я думаю, знаешь, какъ тяжелы эти семейныя сцены. Я бѣжалъ отъ нихъ...

Сынъ усмѣхнулся.

— Бѣжать отъ враговъ не значитъ выиграть дѣло, замѣтилъ онъ. — Впрочемъ, если ты считаешь этотъ образъ дѣйствій вполне хорошимъ и выгоднымъ, то, конечно, не я стану оспаривать тебя...

Алексѣй Дмитріевичъ потянулся, зѣвнулъ, взглянулъ на часы и, повидимому, хотѣлъ встать, чтобы выйти изъ кабинета. Дмитрій Васильевичъ торопливо произнесъ:

— Постой!

Алексѣй Дмитріевичъ принялъ снова прежнюю удобную позу.

— Мы еще не рѣшили, началъ отецъ.

— Чего? спросилъ сынъ.

— Мы... то есть ты не досказалъ своей мысли.

— Я, кажется, ее досказалъ... Мнѣ кажется, что она сумасшедшая, то есть не моя мысль сумасшедшая, а мать, пошутить Алексѣй Дмитріевичъ.

— Она была всегда такою, началъ Дмитрій Васильевичъ.

— Сумасшедшею? О, да! окончилъ Алексѣй Дмитріевичъ.— Вѣдь это только всѣ наши смотрѣли на нее съ какимъ-то фарисейскимъ благоговѣніемъ. Впрочемъ, они не умѣютъ не лгать. Пора-бы хоть тебѣ начать дѣйствовать прямо. Вѣдь ты еще не старъ, ты еще крѣпокъ и здоровъ, — можетъ быть, тебѣ еще пригодится лишній десятокъ тысячъ. Спасай его, куда можно.

Алексѣй Дмитріевичъ всталъ, еще разъ потянулся и протянулъ руку отцу.

— А вѣдь ты замѣтно упалъ духомъ, постарѣлъ, проговорилъ онъ тономъ участія.

— Какія глупости! пожалъ плечами Дмитрій Васильевичъ.

— Нѣтъ, не глупости! Ты не задумывался въ былыя времена, когда хотѣлъ объявить объ сумасшествіи Маевского...

— Маевскій былъ мнѣ чужой, а она мнѣ жена, внушительно произнесъ Дмитрій Васильевичъ.

Алексѣй Дмитріевичъ вопросительно посмотрѣлъ на отца.

— Ну, это такъ давно было, усмѣхнулся онъ.— Ты могъ объ этомъ и забыть. У тебя послѣ того было уже столько женъ...

Дмитрій Васильевичъ нахмурился.

— Ты циникъ, рѣзко проговорилъ онъ.

— У меня есть характеръ и убѣжденія; я этого не скрываю, пожалъ плечами Алексѣй Дмитріевичъ,—а это въ нашемъ кругу привыкли называть цинизмомъ. Думать и молчать, дѣлать и скрывать—это нравственность; думать и говорить то, что думаешь, дѣлать и не скрывать своихъ дѣйствій—это цинизмъ. Я выбралъ послѣднее,—вотъ и все.

Онъ тихо вышелъ изъ кабинета, напѣвая какую-то французскую пѣсенку. Въ тотъ-же день вечеромъ въ кругу своихъ знакомыхъ, собравшихся въ бѣлокопытовскихъ гостинныхъ, Алексѣй Дмитріевичъ очень горячо распространялся о филантропіи.

— Это одна изъ страшныхъ язвъ, противъ которыхъ мы должны бороться, говорилъ онъ. — Древній міръ погибъ именно потому, что онъ состоялъ изъ кліентовъ и патроновъ. Нищія думали, что они имѣютъ право жить безъ труда и кормиться

насчетъ богатыхъ; богачи воображали, что ихъ имущество неистощимо и что они дѣлаютъ благое дѣло, кормя туеядцевъ. Съ одной стороны, не было производительности, съ другой, происходило истребленіе произведеннаго: очевидно, что въ концѣ концовъ должно было произойти полное разрушеніе всего накопленнаго, всего произведеннаго.

— Ты говоришь, какъ вѣтренный мальчишкѣ, незнающій, сколько бѣдныхъ голодаетъ, со вздохомъ произнесла Дарья Федоровна. — Обогрѣть, одѣть, накормить ихъ нужно...

— Вы, шатап, очень чувствительны, но народами управлять нужно не чувствами, а здравымъ смысломъ. Я знаю, можетъ быть, лучше васъ, какъ много на свѣтѣ бѣдныхъ, но я знаю и то, что если вы отдадите имъ все, то бѣдныхъ будетъ завтра столько-же, сколько ихъ было вчера, только къ ихъ числу прибавитесь еще вы. Чувства вещь очень хорошая, но для домашняго обихода, а не для общественной дѣятельности. Вы помогаете бѣднымъ и думаете, что вы приносите имъ пользу, а между тѣмъ вы въ сущности губите ихъ, приучаете къ туеядству, къ пьянству, къ разврату. Общественную дѣятельность, заботы о бѣдныхъ нужно оставить государству и намъ, мужчинамъ, знающимъ механизмъ государственнаго устройства.

— Мы должны, должны заботиться о нашихъ братьяхъ, вздохнула Дарья Федоровна.

— Должны? Каждый долженъ заботиться о себѣ. Прежде всего мы должны обезпечить себя и не раздавать того, что у насъ есть, чтобы послѣ наши дѣти, наши внучата не нуждались въ чужой помощи. О бѣдныхъ же должно заботиться государство, правительство. Мы не должны мѣшать ему, распложал туеядство.

— Господи, какое у тебя жесткое сердце! упрекнула Дарья Федоровна сына.

— Сердце у всѣхъ одинаково жестко и одинаково мягко, усмѣхнулся Алексѣй Дмитриевичъ. — Дѣло не въ немъ. Дѣло въ умственномъ развитіи, въ трезвыхъ взглядахъ. Я желаю истиннаго блага и достоинства человѣчеству; вы желаете сдѣлать изъ человѣчества толпу слабыхъ и погибшихъ созданій, не имѣющихъ силы идти безъ чужой помощи. Я откровенно говорю, что я не отступилъ-бы ни передъ чѣмъ, чтобы уничтожить частную филантропію.

— Вотъ мило! И сами состоите членомъ нашихъ благотворительныхъ учрежденій, замѣтила одна изъ дамъ.

— По неволѣ! Нельзя-же уничтожить эти учрежденія, если они завѣщаны предками. Но ужь, конечно, я буду всегда бороться противъ расширенія этихъ учрежденій и противъ всякихъ подачекъ попрошайкамъ. Я увѣренъ, что и многіе согласны со мною, но нерѣшительность, безхарактерность мѣшаетъ имъ сознаться откровенно, что имъ надоѣло отрывать отъ себя гроши и бросать ихъ безъ пользы.

— Нѣтъ, вы не говорите этого, замѣтилъ какой-то старичокъ.—Я къ Свѣтлomu Христову воскресенью всегда радъ дать бѣдняку... Разговѣтается... Радость у него въ семьѣ...

— А къ вечеру драка, послѣ того какъ на ваши три рубля онъ купитъ водки...

— Ну, зачѣмъ-же такъ думать, зачѣмъ такъ думать! покачалъ головой старичокъ.—Можетъ-быть, и не на вино пойдутъ деньги...

— А! тутъ не должно быть никакихъ *можетъ-быть!* Нужно говорить прямо: *да* или *нѣтъ*. Я утверждаю, что часть, большая часть денегъ, полученныхъ отъ благотворителей, идетъ въ кабаки, и вы мнѣ не докажете противнаго. У меня факты, цифры, точныя свѣденія, а у васъ ваши *можетъ-быть!*...

Старичокъ сострадательно покачалъ головой и скромно прошепталъ:

— Мы по заповѣдямъ божіимъ живемъ, а не по моднымъ наукамъ... Мы старые христіане, а не новые люди.

— И хороши иногда благодѣтели, проницески продолжалъ Алексѣй Дмитріевичъ. — Одинъ влѣзъ по уши въ долги, не имѣетъ средствъ отдать деньги за взятія у честныхъ труженниковъ вещи, обманываетъ довѣріе своихъ кредиторовъ, разоряетъ семью, а помогаетъ бѣднымъ. Другой вкрадетъ у казны, беретъ взятки, а помогаетъ бѣднымъ. Да вотъ, наприимѣръ, нашъ почтеннѣйшій Данило Захаровичъ Боголюбовъ...

— Что съ тобою? строго произнесъ Дмитрій Васильевичъ.

— Что? усмѣхнулся Алексѣй Дмитріевичъ.—Развѣ вы еще не знаете? Этотъ почтенный членъ нашего комитета, этотъ любвеобильный помощникъ страждущихъ и голодныхъ оказался—воромъ.

Все общество взволновалось. Графиня начала торопливо креститься.

— Да, воромъ, повторилъ Алексѣй Дмитріевичъ. — И у кого воровалъ? У нашего войска, переносившаго такіе тяжелые дни,—у раненныхъ, нуждавшихся въ помощи. Воровалъ провіантъ, корпію, бинты. Это позоръ, позоръ для тѣхъ, кто пожималъ руку этого казнокрада.

Алексѣй Дмитріевичъ иронически смотрѣлъ на своихъ собесѣдниковъ.

— Да этого не можетъ-быть, выразилъ кто-то сомнѣніе.

— Помилюйте, сегодня получены въ министерствѣ достовѣрныя извѣстія. Правительство напало на слѣдъ.

— Это ужасно!

— Господи, настави на путь истинный совращенныхъ демономъ, прошептала Дарья Федоровна.

— Теперь молитвы не помогутъ. Теперь строгій судъ нуженъ! примѣрное наказаніе нужно! рѣзко произнесъ Алексѣй Дмитріевичъ.

Въ обществѣ начались толки и предположенія. Алексѣй Дмитріевичъ сообщилъ все, что зналъ объ открытыхъ злоупотребленіяхъ.

— Нѣтъ, теперь новые люди нужны для новыхъ порядковъ, закончилъ Алексѣй Дмитріевичъ.—Теперь нужно повернуть круто, или мы свалимся въ бездну. Я знаю, что многіе боятся крутыхъ мѣръ, но они увидятъ, что правы тѣ, которые стоятъ теперь за крутыя мѣры.

— Молодость, молодость, горячность! пробормоталъ старичокъ, отстаивавшій подачку нищимъ грошей на праздники.—Люди не щепки, что ихъ бросать можно.

— Вотъ отецъ тоже воображаетъ, что люди не щепки, отвѣтилъ Алексѣй Дмитріевичъ.—Онъ тоже высказалъ мнѣ еще сегодня утромъ подобную-же мысль.

Дмитрій Васильевичъ нахмурилъ брови, вспомнивъ, о чемъ они говорили утромъ.

— А мнѣ кажется, что съ людьми въ крайнемъ случаѣ надо поступать, какъ со щепками, продолжалъ Алексѣй Дмитріевичъ.—Гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ. Если мы хотимъ вырубить старый лѣсъ злоупотребленій, то мы не должны

заботиться о представителяхъ этихъ злоупотребленій. Пусть они летятъ, какъ щепки. Я знаю, что вотъ, напримѣръ, отецъ готовъ назвать подобныя идеи цинизмомъ... Ты, кажется, такъ назвалъ ихъ утромъ? небрежно обратился онъ къ отцу.—Но я все-таки стою за необходимость крутыхъ мѣръ. Нужно спастись себя. Впрочемъ, кому хочется гибнуть, тотъ гибни.

Дмитрій Васильевичъ очень хорошо понималъ, что камни летѣли въ его огородъ, что гибель пророчилась ему за непринятіе крутыхъ мѣръ. Не смотря на жесткость его характера, несмотря на его нелюбовь къ женѣ, не смотря на сознаніе того, что недурно-бы взять подъ опеку Дарью Федоровну, его бѣсила рѣзкость и беззащитная откровенность сына. Дмитрій Васильевичъ въ душѣ, быть можетъ, желалъ достигнуть совершенно тѣхъ-же цѣлей, которыхъ хотѣлъ достигнуть его сынъ, но въ старикѣ шевелилось что-то въ родѣ стыда; онъ готовъ былъ дѣйствовать, но дѣйствовать подъ сурдинкой, тайкомъ. Алексѣй Дмитриевичъ очень хорошо зналъ своего отца и свою среду со всѣми ея приличіями и обычаями и потому онъ очень ясно видѣлъ, что отецъ думаетъ одинаково съ нимъ, хотя и желаетъ дѣйствовать иначе. Все дѣло было въ томъ, что отецъ сросся со своею средою и прежде всего думалъ о томъ, „что скажетъ свѣтъ“,—сынъ же еще не успѣлъ по молодости лѣтъ прирости къ своей средѣ и прежде всего говорилъ: „было-бы мнѣ хорошо, а на толки я плюю“! Въ то-же время Алексѣй Дмитриевичъ сознавалъ, что нерѣшительныя мѣры не поведутъ ни къ чему, что надо работать смѣлѣе и, главное, скорѣе.

— Мнѣ кажется, что именно теперь настала пора дѣйствовать, продолжалъ онъ,—теперь или никогда. Дѣла до того запутаны, до того плохи, что еще шагъ, еще недѣля, мѣсяцъ—и все погибнетъ или по крайней мѣрѣ запутается до того, что уже нельзя будетъ распутать. Если-бы люди, смотрящіе на дѣло иначе, потрудились попристальнѣе взглянуть во все, то они убѣдились-бы, что я правъ.

— Новаторомъ какииъ-то сдѣлался, прошепталъ старичокъ своему сосѣду.—Заграничныхъ изданій вѣрно начитался... Вотъ и дай волю подобной молодежи!.. Господи, Господи!

Дмитрій Васильевичъ одинокъ понималъ, что сынъ говоритъ не для общества. а исключительно для него самого. и созна-

валъ все болѣе и болѣе, что его дѣла дѣйствительно плохи и требуютъ немедленнаго исправленія. Далеко за полночь проходилъ онъ по своему кабинету и даже не поѣхалъ къ Матильдѣ Францовнѣ Герингъ. Нѣсколько разъ останавливаясь передъ окномъ, барабанилъ онъ по стеклу, какъ-бы желая заглушить свои думы. Подъ утро, ложась въ постель, онъ рѣшился дѣйствовать прямо.

— Сумасшедшая, сумасшедшая, легко сказать! мысленно говорилъ онъ, засыпая.—Но когда-же она не была такою, когда поступала иначе?.. Что-жъ? можетъ быть, это у нихъ въ крови, наследственное... Всѣ знали, что старикъ Маевскій былъ не въ своемъ умѣ... Всѣ помнятъ... Марипа Осиповна помнитъ... Да, наследственное... Что-же раньше думалъ, чего глядѣлъ? Половина состоянія ушла изъ рукъ... А Алексѣй далеко пойдетъ... дальше меня... Кутила, волокита, игрокъ, а какая выдержка... Характеръ, говорить... Да-а, ха-ра-ктеръ...

Дмитрій Васильевичъ забылся тѣмъ тяжелымъ сномъ, который прерывается отъ каждаго звука. Онъ видѣлъ страшные сны. Вотъ Дарья Федоровна, слабая, едва дышащая, съ потускнѣвшимъ взглядомъ упала безъ силъ къ его ногамъ и ловить со слезами его руки, торопливо бормоча: „на бѣдныхъ, ради Христа, на бѣдныхъ... грошикъ каждый имъ дорогъ... Господи, умягчи сердца позабывшихъ тебя!“ Она словила его руку и онъ чувствуетъ, что эта рука холодѣетъ, мертвѣетъ въ мертвенно холодной, заостенѣвшей рукѣ Дарьи Федоровны. Онъ глядитъ на Дарью Федоровну и видитъ, что это уже не живое существо, а бездушный желтый трупъ, сжавшій въ предсмертныхъ мукахъ его руку. Ему становится страшно больно — онъ просыпается и видитъ, что его рука свѣсилась съ постели и затекла. Онъ поворачивается на лѣвый бокъ и снова засыпаетъ. Вдругъ къ нему въ кабинетъ совершенно неожиданно входитъ Матильда Герингъ.

— Какъ ты сюда пришла? Ночью? восклицаетъ онъ въ волненіи.

— Да ты пропадь совсѣмъ: тебя нигдѣ не встрѣтишь! Я съ пивника... Ужъ ты не измѣнилъ-ли? говорить она и слегка касается вѣромъ его лица.—Смотри у меня! Я ревнива!

— У меня дѣла... начинается онъ.

— У тебя? дѣла? восклицаетъ она въ удивленіи и хохочетъ звонкимъ смѣхомъ.— По клубу? По балету?

— Полно, полно! говоритъ онъ хмуро.— Ты видишь, я измученъ, я похудѣлъ. Миѣ тяжело эти хлопоты, я не привыкъ къ нимъ, миѣ гадка эта возня.

— Да ужь ты не хочешь-ли спасти отечество? хохочетъ Матильда Герингъ.— О, старый шутникъ, старый шутникъ!

— Да хорошо тебѣ шутить, а миѣ надо поправить дѣла, нужно устроить такъ, чтобы жена не мѣшала миѣ...

Матильда вдругъ дѣлается серьезною и говоритъ ему шопотомъ, внятнымъ, отчетливымъ шопотомъ:

— Убей ее!

Онъ дрожить и быстро зажимаетъ ей ротъ.

— Ты съ ума сошла! въ ужасѣ говоритъ онъ.

— А, такъ ты ее любишь, такъ ты ей жертвуешь мною, ты хочешь, чтобы я погибла въ нищетѣ, забыта...

Матильда падаетъ въ истерикѣ на грудь Дмитрія Васильевича и ему такъ тяжело, тяжело; онъ едва дышетъ, кажется сердце готово лопнуть отъ прилива крови. Онъ собирается съ силами и старается крикнуть: „Человѣкъ!.. Владиміръ!.. Кто тамъ“? Онъ снова просыпается и быстро поворачивается на спину: передъ нимъ стоитъ его старый камердинеръ и докладываетъ, что пора вставать.

— Да, я отвыкъ отъ хлопотъ, обрюзгъ, думалъ Дмитрій Васильевичъ, одѣваясь.— Алексѣй правъ, что я старѣю...

Онъ одѣлся и рано выѣхалъ изъ дому. На лѣстницѣ онъ встрѣтился съ сыномъ, возвращавшимся откуда-то домой.

— А ты уже всталъ? удивился Алексѣй Дмитриевичъ.— А я еще не ложился!.. Куда?

— По дѣламъ...

— Значить, рѣшился?

— Ну, объ этомъ послѣ. Ты, кажется, еще не спалъ...

— Ты знаешь, что я умѣю говорить о дѣлѣ даже въ объятяхъ женщины.

Дмитрій Васильевичъ молча сошелъ съ лѣстницы и направился къ одному изъ дѣльцовъ, съ давнихъ поръ обдѣлывавшему все его интимныя дѣла, начиная съ покушки лошадей для Матильды и кончая займами подъ векселя.

Въ это-же время происходили волненія совершенно иного рода въ семьѣ Боголюбова.

Павла Абрамовна провела очень весело и пріятно почти годъ, наслаждалась преданностью Карла Карловича. Юноша катался, какъ сыръ въ маслѣ, и за это позволялъ себя любить. Онъ даже немного потолстѣлъ; его глазки сдѣлались еще болѣе масляными; его улыбочка расплывалась еще шире по его херувимскому личику. Всѣ мысли Павлы Абрамовны были направлены къ одной цѣли—къ улагодворенію предупредительнаго юноши.

У него появились шелковый халатъ и бархатная ермолка съ золотою кистью; онъ спалъ до полудня, вечеромъ онъ собиралъ кружокъ молодежи, которую кормила и угощала Павла Абрамовна. Праздные шалопаи чувствовали себя какъ дома у радушной и веселой хозяйки. Она привыкла къ этимъ пирушкамъ, курила папиросы, звонко смѣялась, допускала разныя вольности и мало по малу совершенно превратилась въ даму вольнаго поведенія. Въ ней трудно было узнать прежнюю сентиментальную и вздыхающую „купеческую дочь“, получившую образованіе въ „благородномъ пансіонѣ“; еще труднѣе было узнать въ ней сонливую и лѣнливую супругу дѣйствительнаго статскаго совѣтника Боголюбова, вѣчно томившуюся отъ скуки и бездѣлья. Это былъ повидимому, другой человѣкъ, но въ сущности только теперь Павла Абрамовна попала въ свою сферу и беззавѣтно отдалась своимъ влеченіямъ. Теперь она уже не мечтала объ „офицерахъ“, не зачитывалась романами Поль-де-Кока, не жаловалась на то, что въ ея домѣ появляются только „старые старики“, не зѣвала отъ бездѣлья и не сердилась на возню съ дѣтьми. Въ ея беззаботной веселости, въ откровенности ея недвусмысленнаго поведенія сказалась вся животность ея натуры. Семья отца научила ее праздности и показала ей всю сладость широкихъ, беззащитивныхъ русскихъ кутежей съ цыганками и цыганами; благородный пансіонъ научилъ ее только танцамъ, французскому языку, закатыванію глазъ и перепискѣ съ разными офицерами; двоюродныя сестрицы и молоденькія купеческія вдовы сообщили ей разные сальные секреты изъ своей сердечной жизни; вотъ все, что вліяло на эту личность, мечтавшую только о наслажденіяхъ и видѣвшую наслажденія только въ одной игрѣ въ любовь. Долго неудовлетворенныя стремленія проснулись въ ней теперь со всею своею силою и заста-

вили ее забыть все. Забыть все было тѣмъ легче, что, напримеръ, понятія о приличіяхъ для Павлы Абрамовны не существовало: „были-бы деньги, такъ уважать насъ будутъ; къ намъ-же придутъ съ поклономъ“, говорила она; сознание о честныхъ супружескихъ отношеніяхъ было у Павлы Абрамовны также очень своеобразное; „вольнo-же ему было жениться на мнѣ, когда я его не любила“, говорила она про мужа, за котораго впрочемъ вышла безъ всякихъ возраженій по первому приказанію отца; дѣти—про нихъ она давно говорила, что они ей надоѣли, что они у нея на шеѣ сидятъ, что изъ-за нихъ она въ четырехъ стѣнахъ весь вѣкъ просидѣла. Трудно было-бы встрѣтить хотя одну французенку-кокотку, которая-бы смотрѣла такъ-же беззащитно, такъ-же нагло, такъ-же нахально на всѣхъ окружающихъ, сидя рядомъ съ любовникомъ. Это не было бравадою, это не было бросаніемъ перчатки въ глаза всему обществу, это было просто бессознательный животный развратъ. Конечно, при такомъ положеніи дѣлъ въ домѣ все пошло вверхъ дномъ. Прислуга не стѣснялась и вела себя не лучше барыни, дѣти были забыты и жили безъ всякаго присмотра. Двое младшихъ дѣтей не понимали всего происходившаго въ домѣ и, можетъ быть, даже радовались, что на нихъ никто не кричитъ, когда они сидятъ въ дѣтской. Но Леонидъ, уже вступившій вольноприходящимъ ученикомъ въ пансіонъ Добровольскаго, началъ хмуриться не на шутку. Карлъ Карловичъ не хотѣлъ съ нимъ заниматься приготовленіемъ уроковъ, грубо обращался съ нимъ и иногда выводилъ его изъ терпѣнія своею наглостью. Мальчикъ началъ замѣтно худѣть и блѣднѣть. Его хорошенькое личико стало необычайно серьезно и угрюмо. Глупая горячность отца и еще болѣе глупыя придирки матери давно уже научили этого ребенка быть скрытнымъ и сдержаннымъ; въ то-же время полная свобода, наставлявшая для него въ промежутки времени между періодически повторяющимися взрывами брани, давала ему возможность дѣлать, что угодно. Онъ пристрастился къ книгамъ, такъ-какъ мать не позволяла ему заводить товарищей, говоря, что „ей и свои ребята надоѣли“. Выборомъ книгъ, конечно, не руководилъ никто: мальчикъ читалъ и старую „Библіотеку для чтенія“, и старыя „Отечественныя записки“, и романы Диккенса, и романы Лажечникова. Но нѣсколько рѣзкихъ рецензій Сепковского и Бѣлинскаго, подвер-

нувшихъ ему подъ руку, особенно прилились по вкусу мальчугану: ему понравился этотъ способъ „критиковать“ поступки людей, онъ увлекся тѣмъ, что критики такъ ловко умѣютъ подмѣтить чужіе недостатки. Съ этой поры онъ сталъ всюду искать критическихъ замѣтокъ и, перечитавъ ихъ много множество, началъ самъ вдумываться въ прочитанные романы. Большинство изъ этихъ романовъ ему не нравилась и мало по малу его любимыми книгами сдѣлались романы Диккенса. Онъ здѣсь видѣлъ ту-же „критику“, какъ онъ выражался самъ. Было-ли это исканіе критическаго отношенія къ людямъ и ихъ поступкамъ прямымъ слѣдствіемъ личнаго недовольства поступками своихъ ближнихъ—не знаю, но, вѣроятно, это недовольство играло значительную роль въ развитіи вкусовъ ребенка. Но одно недовольство ближними, одна злоба на нихъ не могутъ завладѣть всецѣло молодою натурою, — это еще мягкое и доброе существо не можетъ такъ рано извѣряться въ людей, такъ возненавидѣть ихъ, чтобы не вѣрить въ существованіе лучшихъ личностей. Эта вѣра въ лучшихъ людей или, вѣрнѣе сказать, это инстинктивное стремленіе къ лучшимъ людямъ было также одною изъ главныхъ причинъ, по которымъ Леонидъ полюбилъ Диккенса. Онъ плакалъ надъ этими романами, гдѣ страдаютъ дѣти, плакалъ такъ, какъ будто тутъ описывалось его собственное дѣтство. Онъ любилъ добрыхъ героевъ романиста тою любовью, которою можно любить только самыхъ близкихъ намъ людей. Иногда долгое время послѣ чтенія любимыхъ романовъ мальчуганъ находился какъ-бы въ чаду и раздумывалъ о томъ, что будетъ дальше съ героями, почему имъ пришлось столько страдать, почему нельзя людямъ быть вполне счастливыми... Думы становились все шире и шире, а спросить отвѣта на „проклятые вопросы“ было не у кого: отецъ „оборветъ“, мать „придерется“. Мальчику приходилось добираться до иныхъ истинъ такимъ-же труднымъ путемъ, какииъ шель къ нимъ первый человѣкъ, открывшій ихъ. Постоянное одиночество, постоянное чтеніе книгъ значительно развили молодое воображеніе и пріучили мальчика мечтать. Иногда онъ представлялъ себя героемъ, которому сама судьба назначила спасти себя и своихъ брата и сестру. Порой онъ думалъ, что онъ убѣжитъ съ ними, подобно Давиду Копперфильду, изъ дома отца и матери. Но куда бѣжать? Не къ этой-ли злой, глупой бабкѣ,

которая нисколько не походила на тетку Копперфильда? Нѣтъ, у нея будетъ еще хуже. Ему вспоминались добрыя лица Марьи Дмитріевны, Антона и Катерины Александровны. Но эти люди очень бѣдны, они не примуть его, у нихъ у самихъ недостаетъ хлѣба. Куда-же бѣжать? Или нужно жить здѣсь и терпѣть?

Послѣ отъѣзда отца мальчику стало еще тяжелѣе, хотя свобода его сдѣлалась еще полнѣе: мать не обращала на него вниманія и не вѣшивалась въ его дѣла, — онъ могъ спать, могъ лѣниться, могъ ходить куда угодно. Но онъ уже началъ понимать, какую роль играетъ въ домѣ его отца Габлицъ, его начало возмущать дерзкое обращеніе этого человѣка. Въ душѣ мальчика шевелилось какое-то чувство обиды,—обиды за отца, въ домѣ котораго распорядится „чужой человѣкъ“. „Отецъ работаетъ, трудится для насъ, а его дѣтьми, его деньгами распорядится этотъ нахаль“, думалось Леониду и въ немъ пробуждалась злоба къ Габлицу, къ матери. Онъ сталъ рѣзокъ и дерзокъ съ матерью и съ Габлицомъ.

Въ началѣ весны случилось совершенно неожиданное событіе, заставившее Леонида высказаться вполнѣ. Его маленькій братишка простудился и захворалъ. Павла Абрамовна отнеслась къ этой болѣзни очень равнодушно и велѣла нянкѣ позвать доктора, если ребенку станетъ хуже, а сама уѣхала куда-то съ Карломъ Карловичемъ на весь вечеръ. Ребенку стало дѣйствительно хуже, Леонидъ сходилъ за докторомъ и весь вечеръ провозился съ ребенкомъ. Посторонній человѣкъ изумился-бы, видя этого мальчугана, серьезно сидящаго у постели больного малютки и наблюдающаго по часамъ, когда нужно давать больному лекарство. Но Леонидъ принялъ на себя эту роль съ полнымъ сознаніемъ всей ея важности. Онъ впервые видѣлъ, что его мечты о роли спасителя брата и сестры начинаютъ осуществляться, что онъ одинъ остается естественнымъ защитникомъ этихъ малютокъ.

— Ты долго будешь сидѣть у насъ? спрашивала его сестренка.

— Да, я всю ночь здѣсь останусь. Ты не шуми. Видишь, братъ боленъ. Ложись спать, шопотомъ отвѣтилъ ей Леонидъ.— Няня, вы постлали ей постель? обратился онъ къ нянкѣ съ серьезнымъ видомъ заботливаго семьянина.

— Постлана, отвѣтила нянька.

— Ну, ложись-же, обратился мальчикъ къ сестрѣ и отвелъ ее къ постели, поцѣловавъ ее въ лобъ.

— А вы-то развѣ не пойдете спать? спросила нянька, смотря съ удивленіемъ на Леонида, усѣвшася снова къ постели больного.

— Нѣтъ. Вы можете идти. Я просажу у него ночь.

— Заснете!

— Ну, ужъ я-то не засну! Отворите только двери, когда прійдетъ докторъ.

— Да развѣ онъ еще прійдетъ?

— Еще-бы. Братъ очень боленъ.

— Хотъ-бы маменька пріѣхала поскорѣй.

— Что-же ей здѣсь дѣлать? Довольно и того, что я здѣсь.

Леонидъ раскрылъ книгу и сталъ читать. Нянька, качая головой, вышла изъ дѣтской. Среди этой тишины, въ полумракѣ большой комнаты, было какъ-то странно видѣть этихъ брошенныхъ матерью дѣтей. Что-то глубоко грустное было въ этой картинѣ. Воображеніе Леонида работало и онъ не могъ читать. Отложивъ книгу, онъ предался своимъ завѣтнымъ думамъ. Ему было и сладко и грустно сознаніе, что онъ занялъ теперь мѣсто защитника дорогихъ ему дѣтей. Порой онъ прислушивался къ дыханію больного ребенка, порой подходилъ къ постели сестренки и любовался ея хорошенькимъ личикомъ.

— Спать дитя! тихо прошепталъ онъ и наклонился поцѣловать рученку сестры.— Совсѣмъ брошенныя... Если-бы зналъ отецъ! Онъ насъ все-таки любить...

Въ эту минуту послышался рѣзкій звонокъ и черезъ минуту въ дѣтскую шумно вошла Павла Абрамовна.

— Ты здѣсь? съ удивленіемъ спросила она и направилась къ постели больного.

— Не подходите съ холода, рѣзко произнесъ Леонидъ, загородивъ ей дорогу.

— Дуракъ! Кого ты учить вздумалъ, сердито воскликнула она и толкнула его съ дороги. — Цыпочка, что съ тобой? Гдѣ пиши у моего сыночка? сладко закартавила она, наклонясь къ кровати больного ребенка.

— Онъ забылся, зачѣмъ вы его будите? Какъ вамъ не стыд-

но? Въздите богъ знаетъ гдѣ, а потомъ тревожите больныхъ! грубо заговорилъ Леонидъ, покраснѣвшійся до ушей.

— Да ты что это? Съ ума сошелъ, мальчишка! гнѣвно крикнула Павла Абрамовна.— Шарль, велите не грубить этому негодяю, обратилась она къ Габлицу, вошедшему въ дѣтскую.

Больной ребенокъ между тѣмъ, пробужденный внезапнымъ шумомъ, началъ стонать.

Габлицъ былъ, повидимому, въ очень веселомъ настроеніи духа и ощущалъ нѣкоторое неповиновеніе въ ногахъ. Онъ подошелъ къ Павлу Абрамовну, все еще стоявшей надъ дѣтской кроваткой и старавшейся успокоить встревоженнаго больного ребенка.

— Что случилось, ma chère Pauline? спросилъ онъ съ глупой улыбочкой.

— Грубить! Учить меня! За уши-бы отодрать надо! отвѣтила она.

— А! Пожалуйте-ка сюда, милостивый государь, на расправу, произнесъ Габлицъ и протянулъ руку, чтобы взять за ухо Леонида.

— Убирайтесь вонъ! пробормоталъ Леонидъ. — Ваша комната не здѣсь... Вы въ комнатѣ моихъ брата и сестры... Идите!

— Ого, какой пѣтухъ! глупо засмѣялся Габлицъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого спускать нельзя! гнѣвно произнесла Павла Абрамовна, поднимаясь отъ кровати Аркадія.—Иди сюда, сейчасъ иди сюда, мерзавецъ!

— Матушка, братъ болѣнъ, а вы кричите! тихо произнесъ Леонидъ почти со слезами въ голосъ.

— Говорю тебѣ: иди сейчасъ къ Карлу Карловичу. Я хочу, чтобы онъ наказалъ тебя!

Карлъ Карловичъ сдѣлалъ шагъ къ Леониду.

— Если ты меня только тронешь, такъ я тебѣ шею сломаю, проговорилъ Леонидъ и толкнулъ его отъ себя.

Въ эту минуту послышался звонокъ и въ комнату вошелъ докторъ. Его появленіе прервало тяжелую сцену, которая могла кончиться довольно печально. Павла Абрамовна сдѣлала печальную мину и слезливо начала разспрашивать доктора о положеніи больного Аркадія. Докторъ сказалъ, что болѣзнь очень опасна.

— О, я не отойду отъ него, не отойду! Бѣдный Аркаша! восклицала Павла Абрамовна, изображая убитую горемъ мать.— Ступай спать, приказала она Леониду.

— Зачѣмъ-же? Я просижу у брата, отвѣтилъ онъ.

— Если тебѣ велятъ, то ты долженъ слушаться! Иди! Докторъ, побудьте немного здѣсь, мнѣ самой такъ дурно... Вы не можете себѣ представить, какъ трудно справиться одной съ дѣтьми!..

Докторъ присѣлъ. Леониду пришлось уйти. Онъ не спалъ всю ночь и плакалъ отъ горя, видя, что его первая попытка быть защитникомъ брата кончилась ничѣмъ. На слѣдующій день, по возвращеніи изъ пансіона Добровольскаго, онъ засталъ весь домъ въ смятеніи. Маленькій Аркадій лежалъ уже на столѣ. Леонидъ бросился къ тѣлу малютки и залился слезами. Плача у этого маленькаго трупа, онъ мысленно давалъ страстные обѣты спасти хотя сестру и передать отцу все, что дѣлалось дома.

Съ этого дня онъ пересталъ обращать вниманіе на мать и Габлица, онъ сидѣлъ или за уроками или въ дѣтской съ сестрою. Дни шли за днями, а отецъ все не ѣхалъ. Наконецъ, получилось извѣстіе, что его „везутъ“. Въ домъ явились какія-то неизвѣстныя личности, чтобы наложить арестъ на имущество Боголюбова. Павла Абрамовна была внѣ себя.

— Онъ погубилъ меня! Онъ меня нищею сдѣлалъ! Онъ раззорилъ меня! кричала она.—Теперь еще васъ кормить надо, обращалась она къ дѣтямъ.—Я развода буду требовать! Недостаетъ еще, чтобы его разжаловали въ солдаты! Развѣ я для этого шла за него замужъ? Быть солдаткою—никогда, никогда! Воръ, грабитель!

Ея брани, ея слезамъ, ея истерикамъ не было конца. Она давала тычки и толчки дѣтямъ, корила ихъ за дармоѣдство и немного успокоилась только тогда, когда явилась ея мать и предложила ей переѣхать къ нимъ въ домъ и „плюнуть на этого, прости Господи“... Матушка Павлы Абрамовны прибавила такое словцо, которое едва-ли есть въ лексиконахъ. Павла Абрамовна съ дѣтьми перебралась въ отдѣльный флигель просторныхъ родительскихъ хоромъ и повеселѣла, хотя и говорила съ негодованіемъ про дѣтей: „вотъ связали по рукамъ и по ногамъ! Въ наслѣдство отъ милаго муженька остались! Что я теперь? Хуже вдовы!“

Она даже не подумала о томъ, что ей все-таки не худо-бы заглянуть къ мужу, сидѣвшему за рѣпотчатыми окнами. Леонидъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ сценъ и его сердце ныло за отца. Онъ разузналъ, гдѣ содержится отецъ, и пошелъ къ нему. Встрѣча Даниила Захаровича съ сыномъ была необычайно нѣжная и скорбная.

— А мать такъ и бросила меня, такъ и забыла, говорилъ Боголюбовъ, цѣлуя сына. — Ну, Богъ ей судья... Она столько-же виновата, какъ и я... Приведи ко мнѣ сестру... Авось отпустятъ...

— Да какъ-же не отпустить, проговорилъ Леонидъ.—Развѣ за нами смотрятъ? Мы тоже брошены, какъ собаченки.. Кормятъ насъ, одѣваютъ, вотъ и все... Тебѣ скучно здѣсь?

— Больно мнѣ, тяжело сидѣть здѣсь, проговорилъ Данило Захаровичъ со вздохомъ.—Я не виноватъ, я покрывалъ только другихъ, я не могъ не повиноваться...

Данило Захаровичъ былъ неузнаваемъ для тѣхъ, кто не зналъ его въ юности, кто зналъ его только зоркимъ и строгимъ начальникомъ и главой семейства. Но въ сущности онъ теперь сбросилъ только свою маску и явился тѣмъ, чѣмъ онъ былъ съ колѣбели — ласковымъ теленкомъ. Да, онъ родился для того, чтобы быть ласковымъ теленкомъ. Жалкая обстановка его дѣтства и слабое здоровье въ первые годы жизни приучили его быть ласковымъ теленкомъ; онъ рано понялъ, что подобный теленокъ двухъ матокъ сосеть, и сталъ подлаживаться ко всѣмъ кормилицамъ и поильцамъ. Возмужавъ и поступивъ на службу, онъ, не обладавшій никакими талантами и знаніями, видѣлъ, что отъ чиновниковъ требуется рачительность, строгость и зоркость, что съ этими качествами можно далеко уйти, даже и не имѣя никакихъ другихъ способностей, и сталъ дѣлать видъ, что онъ обладаетъ именно этими качествами. При помощи ихъ, онъ началъ сколачивать копейку, не задавая себѣ вопросовъ, всегда-ли честно пріобрѣтается эта копейка, честно-ли быть простымъ безсмысленнымъ эхомъ начальства, идетъ-ли наконецъ къ нему принятая имъ на себя роль строгаго и зоркаго начальника, роль, для которой въ немъ не было способностей, такъ-какъ его могъ провести за носъ и обмануть каждый. Онъ получалъ чины и это служило для него достаточнымъ доказательствомъ того, что все обстоятъ благополучно.

Теперь, подобно всѣмъ выскочкамъ, подѣ первымъ ударомъ судьбы, онъ вдругъ съежился, ушалъ духомъ и плачевно жаловался на свою судьбу. Теперь онъ чувствовалъ, что ему уже нечего хвалиться своими зоркостью и строгостью, а что лучше опять литься ласковымъ теленкомъ и вымаливать себѣ у людей прощеніе. „По невѣденію согрѣшилъ“, вертѣлось на его языкѣ; „снисхожденія прошу“, поминутно приходило ему въ голову, когда онъ помышлялъ о допросѣ. Начальство повышающее, начальство благосклонное, начальство, дающее чины и ордена, представлялось ему теперь начальствомъ карающимъ, безопаснымъ и имѣющимъ власть отнимать и чины и ордена, и онъ готовъ былъ ползать на колѣняхъ передъ этимъ начальствомъ. Онъ даже не ропталъ на Павлу Абрамовну и готовъ былъ только слезно молить ее, чтобы она не покидала его, такъ-какъ силою теперь онъ ничего не могъ съ нею сдѣлать. Человѣкъ-тряпка сказался вполне.

Леонидъ не узнавалъ характера своего отца. Отецъ казался ему такимъ жалкимъ, такимъ слабымъ, такимъ безпомощнымъ.

— Хоть-бы кто-нибудь посѣтилъ, говорилъ Данило Захаровичъ.—Одинъ сижу, думы такія черныя лѣзутъ въ голову... И сны такіе снятся нехорошіе...хлопотать-бы надо, а не черезъ кого просьбу или письмо переслать...

— Хочешь, я попрошу къ тебѣ Катерину Александровну зайдти? спросилъ Леонидъ.

— Хорошо, Леня, хорошо, обрадовался старикъ.—Вѣдь все-же мы родные... Дядя я ей... Можетъ быть, и придетъ... Она тамъ знаетъ Бѣлокопытовыхъ, Гирееву... Пусть попроситъ ихъ... Они сильные люди... Связи у нихъ...

Леонидъ обѣщалъ сходить къ Катеринѣ Александровнѣ и на слѣдующій-же день исполнилъ свое обѣщаніе. Молодую дѣвушку удивило его появленіе и еще болѣе удивила принесенная имъ новость. Леонидъ съ недѣтскою серьезностью рассказалъ двоюродной сестрѣ всю печальную исторію своей семьи и положенія отца. Его откровенный и простой рассказъ подкупилъ молодую дѣвушку въ пользу мальчика. Она увидала, что и здѣсь, подѣ этой хорошенькой курточкой, подѣ этой нарядной одеждой, мучительно бьется уже порядочно настрадавшееся сердце. Она, никогда несклавшая встрѣчь съ дядею прежде, теперь поспѣшила къ

нему,—поспѣшила не столько ради него самого, сколько ради его сына. Дорогой Леонидъ снова коснулся своего положенія въ семьѣ и рассказал со всеѣмъ жаромъ юнаго мечтателя о своихъ прежнихъ планахъ бѣжать изъ дому и о соображеніяхъ, удержавшихъ его отъ бѣгства къ Прилежаевымъ.

— Вамъ не потому нельзя было бѣжать къ намъ, что мы бѣдны, а потому, что васъ вернули-бы домой, улыбнулась Катерина Александровна и ласково взглянула на него.—Наша бѣдность не могла-бы помѣшать намъ принять васъ...

— Вы-бы приняли насъ? живо спросилъ Леонидъ.

— Конечно.

— Ну, значить, я буду спокоенъ. Если отца сошлютъ, если онъ не возьметъ насъ съ собою, я попрошу его отдать къ вамъ меня и сестру.

— Погодите; все еще, можетъ быть, обойдется благополучно. утѣшала его Катерина Александровна.—Главное, не думайте ни о чемъ постороннемъ и учитесь... Вамъ надо ловить время и учиться, покуда мать еще платитъ за васъ...

— Да, а чему научится въ ея домѣ сестра? серьезно спросилъ Леонидъ.—Я вѣдь не маленький, я все понимаю...

Катеринѣ Александровнѣ стало тяжело и больно за этого юношу, такъ рано понявшаго всю позорную исторію матери.

Они дошли до мѣста заключенія Данилы Захаровича и были встрѣчены старикомъ чуть не со слезами. Онъ поцѣловалъ Катерину Александровну, напомнивъ ей о своемъ близкомъ родствѣ съ нею; заговорилъ о христіанскомъ долгѣ посѣщать заключенныхъ; вдругъ началъ каяться въ томъ, что холодно относился къ ней прежде; заговорилъ о гордынѣ, помрачающей умъ человѣка въ богатствѣ, — все это дѣлало его въ глазахъ молодой дѣвушки еще болѣе жалкимъ. „Вотъ всѣ они такіе, эти гордые богачи, подумалось ей. Или стоять на недостигаемой высотѣ или падаютъ въ самую грязь, къ ногамъ своихъ ближнихъ“. Она обѣщала дядѣ написать за него письмо къ Гиреевой и лично повидаться съ нею и со Свицовымъ.

— Всѣ забыли, всѣ забыли, жаловался старикъ.—Имъ стыдно пріѣхать сюда... Имъ гадко смотрѣть на меня... А я виновать, я маленький человекъ, я исполнялъ волю другихъ...

Катерина Александровна вѣдохнула свободнѣе, когда вышла

изъ душевной, маленькой комнатки Даниила Захаровича. Она безъ смущенія принялась хлопотать за него и посѣтила княгиню Гирееву и Свицова. Княгиня больше охала и жалѣла, чѣмъ толковала о дѣлѣ; Свицовъ-же разсыпался въ любезностяхъ „передъ такой милой просительницей“, заявилъ, что онъ и безъ того помнить „старика“, помнить, что дѣти „старика“ его крестники, и утѣшилъ молодую дѣвушку надеждою, что все кончится пустяками во вниманіе прошлыхъ заслугъ и долговременной службы.

— Ну, посидить, посидить немного! говорилъ Свицовъ шутливымъ тономъ. — Это старику полезно... душевнеспасительно... Я еще вотъ его распеку за васъ, когда встрѣтися...

Свицовъ перешелъ къ любезностямъ и игривымъ словамъ, Катеринѣ Александровнѣ оставалось только удалиться.

IX.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПРЕДЫДУЩЕЙ.

Въ Петербургѣ, живущемъ новостями дня, по окончаніи войны начались толки не о битвахъ, а о другихъ событіяхъ, о различныхъ перемѣнахъ въ правительственныхъ сферахъ, о различныхъ приготовленіяхъ къ чему-то и о крупныхъ событіяхъ изъ частной жизни болѣе или менѣе видныхъ людей. Исторія Боголюбова и его товарищей облетала всѣ гостиныя и залы, возбуждала негодованіе и предположенія на счетъ ея развязки. Не менѣе этой исторіи интересовало нѣкоторые кружки извѣстіе о томъ, что надъ графиней Бѣлокопытовой назначаютъ опеку и что молодой графъ Бѣлокопытовъ женится на вдовѣ убитаго генерала Денисова, которая имѣетъ четверыхъ дѣтей и старше своего жениха лѣтъ на пятнадцать.

Одни рассказывали про графиню самыя ужасныя вещи, доказывавшія вполне ея сумасшествіе, и удивлялись, что ей столько лѣтъ позволяли куралесить и мотать имѣніе. Другіе увѣряли, что самъ Дмитрій Васильевичъ мотъ и кутила, что онъ не только содержитъ Матильду Герингъ, но и кормитъ трехъ танцовщицъ, проигрываетъ тысячи и влѣзъ () уши въ долги. Одни

жалѣли дѣтей Денисовой, которыхъ будетъ опекать и раззорить Алексѣй Дмитріевичъ, уже поставившій въ условіе женидѣбы на Денисовой уплату его двадцати-пяти тысячнаго долга. Другіе утверждали, что онъ обманется, что она объявитъ о неплатежѣ его долговъ и приберетъ его къ рукамъ. Гдѣ была ложь, гдѣ была правда — трудно сказать: быть можетъ, правы были и тѣ и другіе вѣстовщики блестящихъ салоновъ. Эти вѣсти дошли и до Софьи Андреевны и ея кружка и возбуждали различныя соображенія на счетъ будущности пріюта, гдѣ покуда шла постройка церкви и все еще оставалось по прежнему. Но признаки того, что дѣло Дмитрія Васильевича съ женою окончится въ его пользу, были очевидны. Во время экзаменовъ, впервые назначенныхъ въ пріютѣ, графиня не появилась въ пріютъ, а ея мѣсто заступилъ ея мужъ. Онъ остался вполнѣ доволенъ отвѣтами дѣвочекъ и серьезно завелъ рѣчь съ Софьей Андреевной на счетъ ея проектовъ.

— Мы не можемъ тратить лишняго на пріютъ, говорилъ онъ. — Средства пріюта скудны и нужно заботиться скорѣе о сокращеніи расходовъ, чѣмъ объ увеличеніи ихъ.

— Я думаю, графъ, вы могли-бы увеличить эти средства помимо выдачъ изъ комитета, отвѣтила Софья Андреевна.

— Какъ это?

— У насъ дѣти работаютъ, можно-бы сдѣлать выставку ихъ работъ съ платой за входъ. Можно устроить маскарадъ въ пользу пріюта или балъ. Лоттерей помогла-бы... Нужно побольше предпримчивости...

— Да, это надо обдумать, задумался Дмитрій Васильевичъ. — А это прекрасная мысль... Это не то, что кружка у дверей, гдѣ ежегодно набирается десять рублей.

— Нынче добровольныхъ жертвователей мало, надо брать силою, засмѣялась Софья Андреевна.

— Вы правы! Общество нужно принудить содѣйствовать намъ, отвѣтилъ Дмитрій Васильевичъ. — Не обязана-же одна фамилія нести на себѣ всю эту обузу.

— И для чего, если можно сдѣлать иначе?..

— Я очень, очень доволенъ вами, пожалъ ей графъ руку. — Графиня насадила вездѣ старухъ, — немудрено, что дѣло при-

шло въ упадокъ, не шло впередъ. Теперь не такое время! Нужно дѣйствовать, теперь нужны молодыя, свѣжія силы...

— Вотъ потому-то я и подобрала въ свои помощницы молодежь, кокетливо улыбнулась Софья Андреевна.

— Да, да, прелестный цвѣтникъ...

— Я надѣюсь, что вы хоть изрѣдка взгляните на него...

— О, непременно... Я васъ попрошу лично являться въ нашъ комитетъ. Тамъ вы хотя отчасти образумите разное старье своими практическими совѣтами.

Дмитрій Васильевичъ уѣхалъ изъ пріюта въ самоѣ отрадномъ настроеніи. „Эта барыня молодець, думалось ему. Изворотливая“! Софья Андреевна была также довольна и видѣла съ проворливостью пожившей обольстительницы мужскихъ сердець, что графъ не ускользнетъ отъ ея рукъ въ дѣлѣ управленія пріютомъ. Среди всѣхъ этихъ новыхъ тревогъ и событій новаго времени явился въ Петербургъ Александръ Прохоровъ.

У него замерло сердце, когда онъ снова увидалъ давно знакомый двухэтажный домикъ противъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, когда онъ поднялся по этой крутой деревянной лѣстницѣ на галерею, когда онъ вошелъ въ эти низенькія, чистенькія комнаты, гдѣ впервые пробудилась въ немъ его чистая любовь. Марья Дмитріевна по обыкновенію сначала растерялась при такомъ экстренномъ событіи, а потомъ обლობызала молодого человека, какъ сына, и захохотала; Антонъ горячо цѣловалъ своего друга; Флегонтъ Матвѣевичъ, уже переходившій, хотя и съ трудомъ, отъ стула къ стулу или изъ комнаты въ комнату и произносившій едва внятно нѣсколько словъ, также обрадовался сыну, улыбнулся какою-то полудѣтскою улыбкою, смотря на молодое похудѣвшее и загорѣлое лицо и, какъ ребенокъ, указалъ на орденъ сына.

— Крестъ! по дѣтски усмѣхаясь, невнятно произнесъ онъ и опустилъ на грудь голову.

Онъ былъ похожъ на больного ребенка, постоянно былъ задумчивъ и только изрѣдка къ нему возвращалось сознание. Въ эти свѣтлыя минуты онъ что-то говорилъ,— говорилъ много и торопливо, но, къ несчастью, почти никто за исключеніемъ Антонова, не понималъ его словъ. Когда старикъ замѣчалъ, что его не понимаютъ, онъ сердился и нетерпѣливо стучалъ въ полъ

костылемъ, неразлучившимся теперь съ нимъ. Окружающіе привыкли къ этому и потому старались внимательно слушать его по-прежнему длинныя, многословныя рѣчи, соглашались съ нимъ, поддакивали ему,—и онъ самодовольно улыбался и въ эти минуты снова напоминалъ прежняго добродушнаго говоруна Флегонта Матвѣевича. Онъ произвелъ грустное впечатлѣніе на сына. Посидѣвъ съ отцомъ, Александръ Прохоровъ началъ терпѣніе: онъ ждалъ, что вотъ, вотъ появится Катерина Александровна, но она не появлялась. Наконецъ, онъ не выдержалъ и спросилъ у Марьи Дмитриевны, хлопотавшей за самоваромъ, гдѣ ея дочь. Старикъ встрепенулся и быстро заговорилъ что-то. Сынъ его не понялъ.

— Она дежурная, батюшка, отвѣтила Марья Дмитриевна, сунувъ къ шкапу и комоду и хватая не то, что нужно.

— Какъ досадно! невольно воскликнулъ Александръ.

Старикъ улыбнулся и опять забормоталъ что-то. Собесѣдники могли разобрать только, что старикъ говоритъ объ Антонѣ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, куда-же онъ исчезъ? обернулся Александръ.

Старикъ опять усмѣхнулся и забормоталъ.

— Ужъ не за ней-ли онъ пошелъ, воскликнула Марья Дмитриевна. — Да не можетъ-быть... А вотъ и мнѣ его нужно: въ булочную нужно... Неужто къ ней побѣжалъ?..

Старикъ весело закивалъ головой.

— Я... я... я... у... у... чилъ, залпомъ произнесъ онъ и засмѣялся.

Александръ былъ тронутъ до слезъ и горячо обнялъ отца. Тотъ видимо находился въ томъ блаженномъ состояніи, въ которомъ находятся дѣти, когда имъ удастся неожиданно изумить старшихъ своею находчивостью и умомъ.

— То-то я все видѣла, что нашъ Флегонтъ Матвѣевичъ съ Антошей шепчутся, сообразила Марья Дмитриевна.— Они вѣдь, батюшка, совсѣмъ друзьями стали. Тайны у нихъ разныя, разговоры длинныя такіе заводутъ, что и не переслушаешь... Антоша-то его понимаетъ, шепнула она Александру Флегонтовичу.— Мы и не разберемъ, а Антоша все понимаетъ.

Александръ Прохоровъ не слушалъ болтовни Марьи Дмитриевны и нетерпѣливо ждалъ прихода Катерины Александровны.

Уже стемнѣло, когда послышались торопливые шаги Антона. Александръ вскочилъ и выбѣжалъ въ переднюю.

— Саша! слышался слабый крикъ.

— Милая! слышался мужской голосъ.

И затѣмъ все стихло. Потомъ послышалось, что кто-то плачетъ.

— О чемъ-же? вѣдь я здѣсь, съ тобою? шепталъ мужской голосъ.

Катерина Александровна и Александръ тихо вошли въ комнату Марьи Дмитріевны и сѣли. Они, казалось, забыли весь міръ и помнили только одно, что они вмѣстѣ, вмѣстѣ — навсегда.

Съ этого дня вся семья повеселѣла, какъ будто ожила. Впервые всѣ ея члены чувствовали себя вполнѣ счастливыми и только Марья Дмитріевна порою вздыхала, что одинъ ея ненаглядный Миша, пріѣхавшій къ ней, скоро опять уѣдетъ въ другой городъ по окончаніи вакацій. Александръ Прохоровъ хлопоталъ о переводѣ на службу въ Петербургъ. При помощи Левашова, радушно встрѣтившаго своего прежняго ученика, эти хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Затѣмъ начались заботы о наймѣ лучшей и болѣе удобной квартиры. Не безъ сожалѣнія покидала семья свой старый уголь, гдѣ переживались и радости и горе, гдѣ каждый уголокъ будилъ различныя воспоминанія. Софья Андреевна, замѣтивъ по сіяющему лицу Катерины Александровны, что съ послѣдней случилось что-то необыкновенное, допросила ее о случившемся. Молодая дѣвушка не сочла нужнымъ скрывать свою радость и сказала, что къ ней пріѣхалъ ея лучший другъ, ея женихъ.

— Вы познакомьте насъ съ нимъ, попросила Софья Андреевна.

— Онъ будетъ очень радъ познакомиться съ вами, отвѣтила Катерина Александровна. — У него почти нѣтъ никого знакомыхъ, вась-же онъ знаетъ по моимъ рассказамъ.

— Но, право, жаль, что онъ пріѣхалъ, ласково произнесла Софья Андреевна. — Я вѣдь большая эгоистка и мнѣ досадно, что онъ похититъ вась у меня.

— Похититъ? разсмѣялась Катерина Александровна. — Зачѣмъ? Я останусь здѣсь по прежнему.

— Но вѣдь замужнія не могутъ быть помощницами.

— Я не тороплюсь свадьбой.

— Какъ? Не торопитесь свадьбой? изумилась Софья Андреевна.—И вы говорите, что вы его страстно любите!

Катерина Александровна улыбнулась.

— Да, страстно люблю и не тороплюсь свадьбой. Я буду служить, покуда можно служить... Теперь мнѣ еще неудобно выйти изъ пріюта. Я могу еще принести здѣсь пользу и сверхъ того я еще не настолько приготовилась, чтобы приняться за другое дѣло... Досадно, право, что глупыя пріютскія правила не позволяютъ служить здѣсь замужнимъ...

— Ну, я на вашемъ мѣстѣ позабыла-бы всё расчеты и вышла-бы поторопѣе замужъ, замѣтила Софья Андреевна. — Я не понимаю любви, которая можетъ подчиняться требованіямъ разсудка...

Катерина Александровна усмѣхнулась и промолчала. Ей казалось, что Софья Андреевна не права. Выраженіе ея лица было на столько свѣтло и ясно, что нельзя было сомнѣваться въ томъ, что она не чувствуетъ особенной грусти по случаю необходимости отложить свадьбу. Подобно Софьѣ Андреевнѣ, Марья Дмитриевна также обратилась къ дочери съ подобнымъ-же вопросомъ.

— Какъ-же, Катюша, со свадьбою-то? спросила она.—Скоро думаете повѣнчаться?

— Нѣтъ, мама, мы еще объ этомъ не думали, отвѣтила Катерина Александровна.—Саша покуда будетъ приготовляться къ Академіи и ему нельзя жениться. Мнѣ также нельзя выйти замужъ, покуда я въ пріютѣ...

— Такъ-какъ-же, голубка? изумилась и опечалилась Марья Дмитриевна.—Вѣдь теперь онъ не ребенокъ, неловко жить намъ вмѣстѣ, люди станутъ пересуживать...

— Мама, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до толковъ...

— Это такъ, маточка! На всякое чиханье не наздравствуешься... Была-бы своя совѣсть чиста... А все-же и болтать не запретишь... Ославятъ честную дѣвушку, глаза будетъ стыдно показать на улицу...

— Не бойтесь, мама! Пусть говорятъ, что хотятъ. Я дѣлаю такъ, какъ можно, какъ позволяютъ обстоятельства, а до празд-

ныхъ толковъ, до людскихъ соображеній мнѣ нѣтъ дѣла. Не училъ меня никто прежде, а теперь уже поздно учить...

— И сама-то ты истомисься! Годы-то уходятъ. Теперь-бы и пожить въ семейныхъ радостяхъ...

— О, что касается до меня, до моего счастья, — то я вполне счастлива и не тороплюсь выйти замужъ...

— Ну, дай Богъ, дай Богъ! перекрестилась Марья Дмитриевна со вздохомъ. — Конечно, онъ хорошій человекъ, не погубить тебя... А все-же страшно. Онъ моложе тебя, здѣсь народу-то много, влюбиться можетъ въ другую...

Катерина Александровна засмѣялась веселымъ, безпечнымъ смѣхомъ.

— Пусть влюбляется, мама! Лучше пусть теперь влюбится, чѣмъ послѣ свадьбы!

— Ну, ты этого не говори! Женится, такъ ужъ тогда — конецъ!

Катерина Александровна усмѣхнулась и не отвѣтила ничего. Она ясно видѣла, что ей будетъ трудно объяснить матери свои мысли. Она просто поспѣшила успокоить Марью Дмитриевну на счетъ того, что Александръ ни въ кого не влюбится, не броситъ ее до свадьбы, не погубитъ ее. Старуха повздыхала и согласилась съ дочерью, говоря, что „одна надежда на Защитника сиротъ, что онъ не оставитъ бѣдныхъ“. Этимъ объясненіемъ прекратились дальнѣйшіе распросы Марьи Дмитриевны и она снова занялась своимъ хозяйствомъ, питьемъ и мелочными заботами, не обращая вниманія на отношенія дочери и молодого Прохорова. Иногда она даже съ умиленіемъ говорила, что они „ровно братъ и сестра“, что они „какъ голубки, воркуютъ“, что они „какъ дѣти малыя, дружны“. Дѣйствительно, дружба молодыхъ людей была искренняя и прочная. Не было ни одного плана, ни одной надежды, ни одного желанія, которые не обсуждались-бы ими вмѣстѣ. Мелкія различія во взглядахъ на вещи мало-по-малу сглаживались; свѣденія, недостающія одной единицы этой пары, пополнялись другою единицею; нерѣшенные однимъ умомъ вопросы рѣшались общими силами. Никакіе уроки не могли быть такъ полезны этимъ молодымъ людямъ, какъ ихъ дружба, и они имѣли право сказать, что они узнали по опыту, что умъ — хорошо, а два — лучше того. Иногда Катерина Александровна шутилъ говорила Александру:

— Знаешь-ли, мнѣ кажется, что мы теперь только знакомимся другъ съ другомъ. Прежде ты поклонялся мнѣ, я позволяла обожать себя, а теперь мы начинаемъ всматриваться другъ въ друга.

— Смотри, не найди какихъ-нибудь недостатковъ во мнѣ и не отвернись, шутилъ онъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ кажешься еще лучше, когда я подошла къ тебѣ поближе.

Порою онъ дѣлалъ серьезное лицо и говорилъ ей:

— Ну, неудобно-ли приниматься за уроки, время уходить, а вамъ пора доучиться.

— Ты, пожалуйста, не важничай, я и безъ тебя могу учиться, не даромъ-же я сама наставница дѣтей, смѣялась она, принимаясь за книгу.

Бывали дни, когда молодые люди вмѣстѣ съ Антономъ, Леонидомъ и Лидіей дурачились, какъ дѣти, бѣгали по комнатамъ, играли въ жмурки. Эта смѣсь шутокъ и искренней веселости съ серьезнымъ трудомъ и нешуточными заботами имѣла много очаровательной прелести. Молодымъ здоровьемъ и бодростью вѣяло отъ этихъ свѣжихъ и веселыхъ лицъ. Они не дѣлались безнадежно унылыми и апатичными даже въ тѣ минуты, когда молодымъ людямъ вспоминалась грустная исторія убитаго брата Ивана, когда они толковали о медленно сходящемъ въ могилу отцѣ. Въ эти минуты выраженіе серьезности, легкой слѣдъ задумчивости дѣлалъ только еще прекраснѣе эти юношескія лица. Задумываясь о смерти, эти люди сознавали еще яснѣе, что нужно ловить минуты жизни, что нужно скорѣе и скорѣе стремиться къ достиженію своихъ цѣлей. И дѣйствительно, они быстро шли впередъ и не замѣчали, какъ летятъ дни.

— Что это васъ совсѣмъ не видать, говорила Софья Андреевна, пожимая руку Александра Прохорова, который уже вошелъ въ ея кружокъ.

— Да развѣ мы такъ давно не видались? изумлялся онъ.

— Вотъ вѣжливо! Вы должны были томиться въ разлукѣ со мною, а вы говорите, что вы не видали, какъ пролетѣло это время, шутила она,

— Я постоянно справлялся о васъ въ разлукѣ и это сокращало время, смѣялся Александръ Прохоровъ.

Онъ очень скоро и очень близко сошелся съ кружкомъ Софьи Андреевны. Молодежь сразу полюбила его. Сначала онъ заинтересовалъ всѣхъ, какъ свидѣтель минувшей войны, принесшій съ собою множество разсказовъ; потомъ онъ сдѣлался душою кружка, какъ умный и серьезный собесѣдникъ, умѣвшій дать живое направленіе разговору. Онъ слѣдилъ за газетами и журналами, онъ интересовался каждою общественною новостью и потому постоянно направлялъ разговоры кружка къ болѣе серьезнымъ темамъ, чѣмъ толки о семейныхъ исторіяхъ и мелкихъ увеселеніяхъ. Его загорѣлое, значительно похудѣвшее лицо оживлялось во время толковъ и споровъ; его здоровый и звучный голосъ принималъ какой-то глубокой грудной, металлическій, если можно такъ выразиться, тонъ и слышался среди десятка другихъ голосовъ. Слушая его, можно было сразу сказать, что это говорить здоровый и сильный человѣкъ съ широкою грудью. Катерина Александровна особенно любила его въ эти минуты оживленныхъ споровъ. Подобно ей, онъ умолкалъ, когда въ кружкѣ начинались толки объ оперѣ, о балахъ, собраніяхъ и тому подобнымъ удовольствіяхъ, доступнымъ богатымъ людямъ. Это дѣлалось неумышленно, не вслѣдствіе желанія показать, что онъ не интересуется пустыми свѣтскими удовольствіями, но просто вслѣдствіе того, что эти удовольствія были незнакомы и чужды ему. Это не могло ускользнуть отъ зоркой Софьи Андреевны. Она не могла понять, какъ могутъ такіе молодые люди, какъ Катерина Александровна и Александръ Прохоровъ, не интересоваться удовольствіями, и ей казалось, что ихъ молчаніе во время толковъ объ этихъ удовольствіяхъ искусственное, напускное. Однажды въ кружкѣ шелъ шумный разговоръ о старой оперѣ, которою наслаждались члены кружка еще въ дѣтствѣ, потомъ общество начало вспоминать о разныхъ балахъ и пирахъ, происходившихъ въ помѣстьяхъ ихъ отцовъ и дѣдовъ. Катерина Александровна и Александръ Прохоровъ по обыкновенію слушали молча эти оживленные воспоминанія. Софья Андреевна не выдержала и замѣтила, обращаясь къ своимъ молчаливымъ слушателямъ:

— А знаете, меня удивляетъ, что у васъ совсѣмъ нѣтъ прошлаго.

— Какъ нѣтъ прошлаго? разсмѣялась Катерина Александровна. — Неужели вы думаете, что мы сейчасъ только явились на свѣтъ?

— Не то, отвѣтила Софья Андреевна. — Но вотъ мы всѣ цѣлый часъ толкуемъ о Вьрдо, о Маріо, о балахъ у бабушки, объ имениннхъ пирахъ у дѣдушки. а вы молчите, точно вся прошлая жизнь не существуетъ для васъ.

— Она и не существуетъ для насъ, отвѣтила Катерина Александровна.—Всѣ эти Маріо и бабушкины именины неизвѣстны намъ даже по слухамъ.

— Ну да, значить я права, что у васъ нѣтъ того прошлаго, которое есть у общества.

— У общества? вмѣшался въ разговоръ Александръ Прохоровъ и въ его глазахъ блеснулъ огонекъ.—Вы ошибаетесь. У насъ есть прошлое, мы пережили голодъ и холодъ, мы толкались по чердакамъ и подваламъ, мы работали изо всѣхъ силъ, чтобы выбиться изъ нужды, мы пережили все. А то прошлое, о которомъ говорите вы—эти Вьрдо, эти Маріо, эти Марлинскіе, эти петергофскія гулянья и бабушкины именинные пиры, — дѣйствительно чуждо намъ. Иногда мы даже не знаемъ тѣхъ именъ, которыя будять сладкія воспоминанія въ васъ. Но развѣ это прошлое принадлежитъ русскому обществу? Развѣ оно не принадлежитъ просто маленькой кучкѣ людей, наслаждавшейся разными пирами при помощи наслѣдственнаго и благопріобрѣтеннаго богатства?

— Не отзывайтесь съ такимъ пренебреженіемъ объ этой кучкѣ людей, она все-таки гораздо важнѣе массы. Дѣло не въ количествѣ людей, а въ силѣ ихъ развитія. Ведутъ общество не массы дикарей, а развитыя единицы, загорячилась Софья Андреевна.

— Я и не отзываюсь съ пренебреженіемъ о развитыхъ единицахъ, я только говорю, что то прошлое, о которомъ вы говорите, не есть прошлое русскаго общества, серьезно отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.—Это часть прошлаго богатаго меньшинства,—но, замѣьте, только часть, самая ничтожная, самая жалкая часть. Если это меньшинство можетъ хранить и лелѣять память о своемъ прошломъ, то ужъ никакъ не объ этомъ безумномъ прошломъ. Пусть гордится оно тѣмъ, что и оно работало вмѣстѣ съ народомъ, что и оно несло разныя тяготы вмѣстѣ съ народомъ, но пусть оно изгладитъ навсегда изъ своей памяти воспоминаніе о томъ, что оно порою скакало по баламъ, обѣдалось на бабушкиныхъ пирахъ, раззорялось въ балетъ и италіанской

оперѣ, зачитывалось Марлинскими и Жуковскими. Это именно та часть вашего прошлаго, которой нужно стыдиться и у которой, въ счастію, нѣтъ будущаго.

— Какъ? Не думаете-ли вы, что наслажденія развитаго меньшинства должны погибнуть, что искусство должно пасть? съ изумленіемъ воскликнула Софья Андреевна.

— Думаю, спокойно отвѣтилъ Александръ Прохоровъ. — Я думаю, что бессмысленные пиры сдѣлаются со временемъ принадлежностью самой плохой части развитаго меньшинства, что будутъ вутить только выскочки, награбившіе капиталъ и одурѣвшіе отъ богатства, что человѣчество перестанетъ бессмысленно сжигать тысячи на фейерверки, что искусство съ одной стороны перейдетъ окончательно въ омерзительный развратъ въ родѣ такого балета, гдѣ будутъ привлекать уже не коротенькія юбочки, а просто совсѣмъ обнаженныя женщины, а съ другой стороны оно превратится въ помощника науки, будетъ однимъ изъ средствъ для развитія и образованія массъ...

— Богъ мой, я и не знала, что вы такой противникъ искусства и наслаженій! воскликнула Софья Андреевна.— Это немножко фатство!

— Напротивъ того, я благоговѣю передъ искусствомъ больше васъ и люблю наслаженія уже просто потому, что иногда слишкомъ много работаю. Только вамъ кажется, что искусство должно быть безцѣльной потѣхой, должно работать для украшенія будуаровъ хорошенькими картинками и статуэтками, а мнѣ кажется, что оно должно служить на пользу человѣчества и быть такою-же святынею, какъ наука,—святынею, которую нельзя-было смѣшать съ площаднымъ паясничествомъ или такою язвою-раззорительницею, какъ пьянство... Я думаю, что искусство будетъ имѣть серьезное значеніе только тогда, когда оно будетъ приносить пользу человѣчеству и не будетъ раззорять человѣчества. Если-же оно будетъ только предметомъ роскоши и прихоти, если на него будутъ затрачиваться сотни тысячъ, то не надо его! Въ этомъ случаѣ противъ него надо воевать, какъ противъ всякой роскоши, какъ противъ пьянства. То-же самое я скажу объ удовольствіяхъ: они необходимы для трудящагося человѣка, но покуда удовольствія будутъ являться въ видѣ тысячныхъ фейерверковъ, въ видѣ ослѣпительныхъ выставокъ безумно роскошныхъ наря-

довъ на балахъ, въ видѣ развращающихъ и дорогихъ балетовъ,—я буду возставать противъ нихъ.

Александръ Прохоровъ на минуту замолчалъ и, кажется, ждалъ возраженій, но ихъ никто не дѣлалъ.

— Вы, кажется, соглашаетесь со мною? спросилъ онъ задумавшуюся Софью Андреевну.

— Я? Нѣтъ! быстро отвѣтила она, встряхнувъ головой.— Вамъ легко все это говорить, потому-что у васъ не было этого прошлаго, а мнѣ и всѣмъ другимъ, у кого оно было, не легко разстаться съ нимъ.

— А все-таки разстанутся, отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.— Обстоятельства заставятъ разстаться.

— Ну, это еще не скоро случится!

— Очень жаль, но все-же можно твердо вѣрить, что это кончится когда-нибудь. Въ противномъ случаѣ не стоило-бы честно жить, честно работать.

Въ комнатѣ на нѣсколько минутъ настало молчаніе. Вдругъ Софья Андреевна подняла голову и обратилась къ Александру Прохорову.

— А знаете-ли, какія мысли бродили въ моей головѣ теперь? проговорила она.

— Вамъ хотѣлось-бы теперь потанцовать на какомъ-нибудь шумномъ балу? улыбнулся Александръ Прохоровъ.

— Ну, вотъ выдумали! засмѣялась она.— Будто ужъ я только о балахъ и думаю!.. Нѣтъ! Мнѣ пришла въ голову странная мысль: мнѣ показалось, что если-бы въ нашихъ рукахъ была власть, если-бы мы были общественными дѣятелями, то вы и Катерина Александровна прежде всего истребили-бы все то, чѣмъ жили, чѣмъ дорожимъ мы. Вы разбили-бы нашихъ кумировъ, вы сорвали-бы наши дорогія украшенія, вы обратили-бы наши залы въ рабочія комнаты, въ лазареты, въ пріюты, въ школы и засадили-бы насъ за какіе-нибудь ткацкіе станки.— Мою бабушку сдѣлали-бы надзирательницею въ мастерской, а меня ткачихой...

— О, да у васъ очень живая фантазія! засмѣялся Александръ Прохоровъ.

— Вы похожи на пришельцевъ въ цвѣтушій уголокъ земли изъ другого конца свѣта, продолжала Софья Андреевна,—при-

шельцевъ, которые не знаютъ ни радостей, ни священныхъ преданій, ни теплыхъ воспоминаній этой страны.

— Картина красивая, усмѣхнулся Александръ Прохоровъ, — только, къ сожалѣнію, невѣрная. Мы дѣйствительно должны казаться вамъ какими-то выходцами изъ другого міра. Но это только потому такъ кажется вамъ, что вы за шумомъ баловъ, за рукоплесканіями театровъ, за цвѣтами своихъ наслѣдственныхъ гостиныхъ не замѣчали, что мы живемъ рядомъ съ вами, что мы, пожалуй, даже прежде васъ поселились въ этой-же странѣ, бросивъ въ нее первое хлѣбное зерно. Мы только жили различною жизнью, не похожею на вашу жизнь. Теперь мы, среди чернаго труда, успѣли кое-какъ образовать себя, поднялись до васъ и столкнулись вмѣстѣ; мы отрицаемъ часть того, чѣмъ дорожите вы, и вамъ кажется, что мы ваши враги, что мы хотимъ разрушить все дорогое вамъ. Вы ошибаетесь: мы просто хотимъ указать вамъ, что въ вашемъ прошломъ есть много дурныхъ привычекъ, опасныхъ стремленій, которыми вы дорожите, какъ дѣти иногда дорожатъ какимъ-нибудь красивымъ, но ядовитымъ цвѣткомъ; мы предлагаемъ вамъ бросить этотъ цвѣтокъ и въ то-же время указываемъ вамъ, что и въ вашемъ прошломъ есть прекрасныя стороны жизни, общія съ нашею жизнью, и что именно этимъ сторонамъ принадлежитъ будущее.

— Однако вы порядочный идеалистъ, шутливо замѣтилъ кто-то изъ мужчинъ.—Вы все заботитесь о будущемъ, о потомствѣ...

— Ну, въ идеализмѣ-то я не грѣшенъ, отвѣтилъ Александръ Прохоровъ, взглянувъ на вмѣшавшагося въ разговоръ господина.—Развѣ это идеализмъ, если я считаю нелѣпнымъ заниматься раздуваніемъ мыльнаго пузыря, который при всѣхъ моихъ усиліяхъ лопнетъ, и считаю разумнымъ уходъ за растеніемъ, которое въ концѣ концовъ дастъ хорошіе плоды?

— Которыхъ вы не будете кушать? вставилъ собесѣдникъ.

— Ну, этого я не знаю. Даромъ пророчества не обладаю. Я знаю только одно, что мыльный пузырь не дастъ ни при какихъ условіяхъ никакихъ плодовъ и лопнетъ непременно, а относительно растенія я знаю, что оно дастъ плоды.

— А теперь не худо-бы насладиться чуждыми вамъ наслажденіями нашихъ предковъ, промолвила Софья Андреевна и обратилась къ Аделаидѣ Николаевнѣ:—спой, Адель, что нибудь.

Аделаида Николаевна встала и направилась къ роялю.

— Это будетъ наказаніе вамъ, сказала Софья Андреевна.

— Я очень люблю музыку и пѣніе, отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.

— Любите? изумилась Софья Андреевна.

— Очень.

Аделаида Николаевна заплѣла какой-то романсъ. Всѣ замолчали. Потомъ пѣвицу смѣнилъ кто-то изъ мужчинъ. Софья Андреевна сама сѣла за фортепьяно и заиграла увертюру изъ „Вильгельма Телла“.

— Это для васъ, весело крикнула она черезъ залу Александру Прохорову.

Едва замолели звуки россиніевской музыки, какъ въ гостиной загремѣлъ какой-то бравурный, увлекательный вальсъ.

— Танцуйте-же, дѣти! крикнула Софья Андреевна.

По гостиной понеслись двѣ пары и гдѣ-то опрокинулся стулъ, задѣтый развѣвающимся платьемъ одной изъ танцующихъ.

— А вы что-же не танцуете? звонко спросила Софья Андреевна у Александра Прохорова.

— Хотите узнать мои способности по этой части? засмѣялся онъ.—Извольте.

Онъ сдѣлалъ два тура вальса.

— А вы, милочка? обратилась Софья Андреевна къ Катеринѣ Александровнѣ.

— А меня даже и танцовать не учили, отвѣтила Катерина Александровна.—Я буду воевать даже и противъ танцевъ, а то, пожалуй, кто-нибудь похититъ Александра на моей собственной свадьбѣ.

Общество оживилось и отдалось совершенно безопасно молодому веселью. Софья Андреевна, за недостаткомъ танцующихъ дамъ, позвала танцовать трехъ старшихъ изъ оставшихся въ пріютѣ на лѣто воспитанницъ, а остальнымъ позволила смотрѣть на танцы.

— Ну-съ, не привлекательны наслажденія нашего прошлаго? спросила хозяйка на прощаньи у Александра Прохорова.—Не вправъ мы стоять за нихъ?

— Да развѣ ваши предки такъ веселились? засмѣялся Александръ Прохоровъ.—Это слишкомъ дешевый пиръ. Такими пирами наслаждается и масса.

Подобные споры и неожиданныя пирушки стали повторяться въ лѣтнее время все чаще и чаще въ квартирѣ Софьи Андреевны и молодежь незамѣтно сближалась между собою. У Александра Прохорова тоже началъ расширяться кругъ знакомыхъ офицеровъ и студентовъ.

Поселившись въ Петербургѣ, Александръ Прохоровъ ясно видѣлъ, что ему не достанетъ одного жалованья для содержанія отца и для поддержки Прилежаевыхъ. Для увеличенія своихъ матеріальныхъ средствъ онъ рѣшился заняться приготовленіемъ дѣтей къ поступленію въ военно-учебныя заведенія. Осенью онъ публиковалъ въ газетахъ, что онъ беретса обучать дѣтей, желающихъ поступить въ корпуса, и при помощи Левашова получилъ мѣсто учителя математики въ одномъ изъ приготовительныхъ пансіоновъ. Кромѣ того онъ помѣстилъ нѣсколько небольшихъ специальныхъ замѣтокъ въ „Военный Сборникъ“ и сразу обзавелся довольно широкимъ кружкомъ знакомыхъ, большею частью изъ артиллеристовъ, прежнихъ его товарищей или знакомыхъ Левашова. Рядомъ съ этими стремленіями увеличить свои доходы, у Прохорова шли заботы о расширеніи своихъ познаній. Всматривался въ его будничную жизнь, можно было удивиться его практическому смыслу и его энергичной дѣятельности. Съ семи часовъ утра и до семи, до восьми часовъ вечера этотъ человекъ то работалъ лично для своего образованія, то исполнялъ принятыя на себя обязанности для добыванія хлѣба. И послѣ рабочаго дня онъ снова готовъ былъ работать или являлся въ кругу своихъ разнообразныхъ знакомыхъ говорливымъ и оживленнымъ собесѣдникомъ. Казалось, эта натура не знаетъ усталости, не знаетъ покоя. Можно-бы было бояться за его здоровье, если-бы его лице не выглядѣло такъ бодро, такъ свѣжо и если-бы онъ самъ не говорилъ, что онъ никогда не чувствуетъ усталости. Всматривался поближе въ образъ его жизни, можно было замѣтить, что его бодрость и выносливость не были слѣдствіемъ одной молодости и здоровой природы. Нѣтъ, онъ самъ говорилъ, что нужны только умѣнье и средства и человекъ можетъ поддержать себя и увеличить свои силы. Это умѣнье поддержать себя было у Прохорова. Онъ постоянно смѣнялъ свои занятія; послѣ долгаго сидѣнья ходилъ пѣшкомъ на уроки; обѣдалъ въ определенное время; вставалъ рано; ложился не очень поздно; по непривычкѣ

въ кутежамъ велъ довольно трезвую жизнь и самъ со смѣхомъ говорилъ, что „онъ спитъ въ сущности за троихъ, такъ какъ онъ спитъ мертвымъ сномъ, тогда какъ другіе только дремлютъ“. Онъ иногда замѣчалъ, что „корпусъ имѣлъ то благодѣтельное значеніе для него, что приучилъ его дѣлать все въ опредѣленное время и не валяться на постелѣ“. Военное время, по его мнѣнію, также имѣло для него отчасти хорошее значеніе, приучивъ его къ выносливости и хотя нѣсколько познакомивъ съ образомъ жизни европейцевъ. „Они дѣйствительно живутъ всѣмъ организмомъ и являются членами своей родины, говаривалъ онъ. Мы же или ходимъ въ дремотѣ или лежимъ на постели тоже въ дремотѣ и иногда не только не интересуемся, что дѣлается въ глубинѣ Россіи, но не знаемъ, что происходитъ въ нашемъ родномъ городѣ“.

Если-бы можно было судить о человѣкѣ по одной сторонѣ его жизни, то можно-бы было подумать, что изъ Прохорова выработается аккуратный и расчетливый нѣмецъ или стремящійся превратиться въ машину англичанинъ. Но рядомъ съ этою аккуратностью и расчетливостью появлялись и другія черты, быть можетъ, менѣе полезныя въ грубомъ, чисто-матеріальномъ значеніи для самого Прохорова, но за то болѣе привлекательныя для близкихъ къ нему лицъ,—черты, чисто русскія, дышавшія первобытною наивностью и добродушіемъ, за которыя мы такъ часто привязываемся всею душою къ человѣку даже въ томъ случаѣ, когда видимъ въ немъ множество ошибокъ: Прохоровъ былъ добрякомъ, подобно своему отцу, и отличнымъ товарищемъ. У него всегда могъ перепочевать безпріютный; его кошелекъ былъ открытъ для тѣхъ, у кого не было денегъ; онъ готовъ былъ бѣжать ночью въ аптеку или за докторомъ для больного; онъ въ пріятельскомъ кружкѣ забывалъ за спорами и живыми бесѣдами свои урочные часы сна и обѣда и съ наслажденіемъ выпивалъ стабанъ, другой вина. Желѣзная кровать съ бѣлымъ одѣяломъ; турецкій диванъ, обитый клеенкою; ломберный столъ, игравшій роль письменнаго стола и заваленный книгами, бумагами и папиросами; нѣсколько легкихъ стульевъ; шкафъ съ небогатымъ гардеробомъ, — вотъ почти все, что имѣлъ Прохоровъ, хотя въ его старомъ замшевомъ кошелькѣ иногда водились не малыя деньги. Онъ почти постоянно ходилъ въ потертомъ паль-

то, которое носилось весной, зимой и осенью; онъ мало обращалъ вниманія на тонкость сукна на своихъ сюртукахъ и если чѣмъ-нибудь могъ щегольнуть, такъ развѣ только тонкостью и чистотою бѣлья. Этого аккуратнаго, расчетливаго и неимѣвшаго никакихъ претензій человѣка нерѣдко обирали и надували приятели; иногда это вызывало довольно комичныя сцены, но онъ очень добродушно выносилъ пріятельскія продѣлки и говорилъ, что „нужно-же платить за уроки“.

— Нужно узнать какъ можно больше людей, чтобы выбрать себѣ дѣйствительно хорошихъ друзей.

— Да зачѣмъ-же, голубчикъ вы мой, всякую-то дрянъ — прости господи! — къ себѣ въ домъ впускаль, говорила ему Марья Дмитриевна.

— Да какъ-же узнать-то: дрянъ это или нѣтъ, если не впустишь ее къ себѣ въ домъ?

— Да вѣдь этакъ васъ и оберутъ совсѣмъ...

— Ну, тогда и узнаю, что они дрянъ. Попробуйте-ка замки вездѣ навѣшать да стражу приставить, такъ, пожалуй, вы и весь вѣкъ не узнаете, есть-ли на свѣтѣ воры...

— А! пусто-бы имъ было!.. Дай богъ и весь вѣкъ про нихъ не знать, открещивалась Марья Дмитриевна.

— Ну, а вотъ меня интересуешь, какіе такіе бываютъ воры, смѣялся Александръ Прохоровъ.

— А вотъ погодите, какъ оберутъ васъ до гола, тогда и узнаете. По міру пустятъ!

— Не пустятъ, Марья Дмитриевна. У меня вѣдь свои крестьяне есть: сегодня меня обокрадутъ, завтра они оброкъ принесутъ, добродушно шутил Александръ Прохоровъ, показывая на своихъ крестьянъ—на свои руки и голову.

Марья Дмитриевна только головой покачивала.

— Самъ не кутить, въ карты не играетъ, такъ другіе шаромыжники изъ него деньги вытягиваютъ, жаловалась она на Прохорова Катеринѣ Александровнѣ.

— Ну, мама, всего онъ не отдасть, а если что пропадетъ, такъ стоитъ-ли объ этомъ говорить, — вѣдь ему не для дѣтей копить.

— Какъ не для дѣтей? Ты думаешь, что такъ вы и весь вѣкъ проживете? Выйдешь, голубка, замужъ, — будутъ и дѣти.

— Ну, когда еще будутъ, а теперь будемъ жить, какъ хочется...

Съ каждымъ днемъ Катерина Александровна все болѣе и болѣе сближалась съ Александромъ Прохоровымъ и все сильнѣе и сильнѣе любила его. Мирныя бесѣды молодыхъ людей въ обществѣ Антона и Леонида; веселыя вечеринки въ кружкѣ Софьи Андреевны; уроки въ пріютѣ и подготовека къ слушанію лекцій акушерства; посѣщеніе дяди и заботы о его судьбѣ; хлопоты съ Софьей Андреевной объ улучшеніи положенія пріюта, все это отходило на задній планъ, все это на время забывалось въ тѣ минуты, когда молодые люди оставались одни.

— Иногда мнѣ дѣлается досадно и больно, что до нашей свадьбы еще нужно такъ долго ждать, говорилъ Александръ Прохоровъ.

Катерина Александровна молча и задумчиво склонялась ему на плечо.

— Ты знаешь, что теперь мнѣ еще нельзя оставить пріютъ, тихо говорила она.— Тамъ еще не все устроено по моему и сама я еще не вполне приготовилась къ новому труду...

— Знаю, знаю... причинъ-то много, но вѣдь это тяжело...

Александръ тихо цѣловалъ ея руки. Катерина Александровна молчаливо любовалась его молодымъ, энергичнымъ и страстнымъ лицомъ. Съ нѣкоторыхъ поръ она начала замѣчать, что на это лице набѣгаютъ какія-то тучки, что Александръ Прохоровъ какъ будто избѣгаетъ оставаться съ нею наединѣ. Порою, оставшись съ нею вдвоемъ, онъ слѣпшитъ приняться за чтеніе какой-нибудь книги... Въ его ласкахъ явилось что-то порывистое... Катерина Александровна стала серьезно задумываться о своемъ положеніи и о положеніи своего друга. Ей и самой становилось тяжело. Иногда она долго ходила по комнатѣ, не принимаясь ни за что; иногда она не слышала, что ей говорятъ. Выраженіе ея лица было то разсѣяннымъ, то какимъ-то сосредоточеннымъ. Она замѣтно поблѣднѣла, хотя порой ея щеки вспыхивали яркимъ румянцемъ. Видно было, что въ ея душѣ происходитъ какая-то новая, тяжелая борьба. Черезъ нѣсколько времени она сама какъ будто стала сторониться отъ Александра Прохорова. Это въ свою очередь не ускользнуло отъ его вниманія.

— Я, кажется, слишкомъ поторопился пріѣхать, замѣтилъ онъ однажды какимъ-то нервнымъ раздражительнымъ тономъ.

— Ты раскаиваешься? спросила Катерина Александровна, прямо взглянувъ ему въ глаза.

— Нѣтъ, нѣтъ! быстро произнесъ онъ и горячо прижался губами къ ея рукѣ.

А потомъ опять на его лице набѣжали тучки...

Однажды въ обществѣ Софьи Андреевны, среди множества другихъ споровъ, зашелъ споръ о любви.

— Не понимаю я этихъ платоническихъ вздыхателей и вздыхательницъ, которые описываются въ романахъ, горячо замѣтилъ Александръ Прохоровъ.—Это или идиоты, или лжецы, или просто куклы, созданныя разстроеннымъ воображеніемъ.

Софья Андреевна мелькомъ вопросительно взглянула на Александра Прохорова и на Катерицу Александровну. Этотъ взглядъ не ускользнулъ отъ Катерины Александровны и она покраснѣла. Александръ Прохоровъ ничего не замѣтилъ въ пылу спора.

— Впрочемъ, въ жизни, къ счастью, платоническая любовь оканчивается законнымъ бракомъ или приводитъ вздыхателей къ тому сознанію, что они никогда не любили другъ друга. Люди по большей части все-таки обладаютъ на столько здравымъ смысломъ, что не могутъ довольствоваться вздохами.

— Можетъ быть, нынче, возразилъ кто-то,—но вѣдь были-же вѣка романтизма, когда иной рыцарь былъ счастливъ однимъ благосклоннымъ взглядомъ обожаемой женщины.

— Во-первыхъ, тутъ многое присочинено пылкими возсоздателями среднихъ вѣковъ, а во вторыхъ, господа рыцари были на столько развращенный, пресытившійся въ развратѣ со своими крѣпостными народъ, что у нихъ могла явиться потребность платонической любви и обожанія. Ненормальныя отношенія къ одѣмъ женщинамъ вызвали такія-же ненормальныя отношенія къ другимъ женщинамъ. Съ одной стороны былъ развратъ, съ другой игра въ сентиментальные вздохи.

Катеринѣ Александровнѣ было тяжело. Она видѣла по волненію Александра Прохорова, что онъ говорилъ о чемъ-то близкомъ для него. Ей было неловко выносить испытующіе взгляды Софьи Андреевны и она послѣшила тихо шепнуть Софьѣ Андреевнѣ:

— Я согласна съ Александромъ, я не могу себя представить, чтобы можно было любить и вѣчно жить, напримѣръ, такъ, какъ

мы. Конечно, мы разошлись-бы, если-бы мы не знали, что через годъ намъ можно будетъ отпировать свадьбу.

Она говорила это тихо, въ волненіи и въ душѣ сознавала, что и ей, и Александру покажется очень долгимъ этотъ годъ.

Наступила весна. У Катерины Александровны прошли экзамены въ пріютъ и настало свободное время. Она бывала чаще дома, чаще видѣлась съ Александромъ Прохоровымъ, у котораго также кончилась большая часть уроковъ. Иногда молодые люди, въ сопровожденіи Лидіи, Леонида и Антона, предпринимали дальнія прогулки, иногда они просиживали вечера гдѣ-нибудь за городомъ въ саду. Почти всегда Лидія, Леонидъ и Антонъ являлись ихъ неизмѣнными собесѣдниками.

— У насъ нынче свои адъютанты завелись, замѣтилъ какъ-то Прохоровъ насмѣшливымъ тономъ.

Катерина Александровна промолчала.

— А ты, Катя, не думаешь и теперь проститься съ пріютомъ?

— Нѣтъ, ты знаешь, что многое тамъ еще требуетъ измѣненія, отвѣтила она.—Софья Андреевна отличная женщина, но мотылекъ... Она способна перестраивать все, повкуда ее подталкиваютъ, а перестанутъ подталкивать—она и помирится на своихъ вечеринкахъ...

— Да, это правда! вздохнулъ Александръ Прохоровъ.

— Притомъ-же окружающіе ее люди еще менѣе серьезны, чѣмъ она... Миѣ нуженъ еще годъ...

Александръ Прохоровъ промолчалъ и переѣмилъ разговоръ. Но по его лицу было видно, что ему тяжело. Не легче было и молодой дѣвушкѣ, знавшей, что съ ея свадьбою должна кончиться ея пріютская дѣятельность. Прошло еще нѣсколько дней. Онъ между разговоромъ сказалъ Катеринѣ Александровнѣ, что онъ хочетъ взять отпускъ на двадцать восемь дней.

— Отдохнуть хочется, закончилъ онъ.—Поѣду куда нибудь провѣтриться.

— Уѣдешь?! почти воскликнула Катерина Александровна и поблѣднѣла.

— Да, не на долго, недѣли на двѣ, отвѣтилъ онъ.—Тяжело какъ-то, приросъ я къ мѣсту...

Катерина Александровна задумалась. „Нѣтъ, онъ не уѣдетъ,

мелькало въ ея головѣ. Я не хочу быть причиной его бѣгства изъ родного дома“. Она вся раскраснѣлась и взволновалась. Черезъ минуту она встала и положила руку на плечо Александра Прохорова.

— Милый, не лучше-ли взять небольшую дачу... Это было-бы полезно и твоему отцу, и Антону...

— А ты здѣсь останешься? спросилъ онъ, поднявъ къ ней глаза.

— Я возьму отпускъ на мѣсяцъ, тихо отвѣтила она.

Онъ не спускалъ глазъ съ ея раскраснѣвшагося прекраснаго лица; она смотрѣла въ окно на заходящее солнце и избѣгала встрѣтиться глазами съ взглядомъ Александра Прохорова.

— Смотрите, смотрите, она точно золотая вся! крикнулъ Антонъ, вбѣжавъ въ комнату и взглянувъ на сестру, облитую съ головы до ногъ лучами заходящаго солнца.

— Да, да, золотая! задумчиво произнесъ Александръ Прохоровъ, горячо прижимая къ губамъ ея руку.

Она ласково гладила его волосы и задумчиво улыбалась.

Черезъ три дня семья переехала на небольшую дачу въ Лѣсной. Катерина Александровна должна была прѣхать туда черезъ недѣлю.

А. Михайловъ.

(Продолженіе будетъ.)

* * *

Въ окна застывшія смотреть угрюмая
Темно-морозная ночь;
Боли глубокой, навѣянной думами,
Я не могу превозмочь...

Пала на долю мѣ жлзнь одинокая,
Грусти тяжелое бремя..
Вспомнилъ, невольно, и время далекое,
Въ вѣчность ушедшее время....
Призраки свѣтлые, рѣчи веселыя,
Юности милыя грезы!
Скоро смѣнили васъ думы тяжелыя,
Залили горькыя слезы...

Утро поднимется ярко-отрадное,
Сумракъ прогонитъ ночной;
Въ сумрака царство, о, ночь непроглядная,
Я улетѣлъ-бы съ тобой!

Н. Иванцкій.

ПЕРВАЯ МОЛОДОСТЬ ЧЕБАТОВА.

ПОВѢСТЬ.

Чебатовъ уже не заглядывалъ къ Александрѣ Даниловнѣ: онъ понималъ, что ему встрѣтилось въ лицѣ этой дѣвушки нѣчто въ родѣ неприступной крѣпости, куда ему никакъ нельзя было проникнуть съ своей горячей, молодой мыслью, гдѣ онъ могъ видѣть одну только скучную официальную, показную сторону. Другой, быть можетъ, продолжалъ-бы знакомство съ Александрой Даниловной, твердо, какъ говорится, вѣря въ человѣка. Но у всякаго — своя натура. Иной до тѣхъ поръ не убѣдится, что нельзя прошибить извѣстной стѣны, пока раза два-три, безъ всякаго состраданья къ себѣ, крѣпко не ударится объ нее своимъ собственнымъ лбомъ: можетъ быть — дескать, и удастся сдѣлать брешь—бывали-же случаи! Другой, при тѣхъ-же самыхъ обстоятельствахъ, сейчасъ благоразумно убѣждается въ своемъ безсиліи и — опускаетъ руки. Дурно-ли, хорошо-ли такъ дѣлаютъ эти послѣдніе—вопросъ другой; для насъ важно, что къ нимъ принадлежалъ и Чебатовъ.—Онъ пересталъ думать объ Александрѣ Даниловнѣ, а затѣмъ... судьба столкнула его съ женщинами, имя которыхъ никогда не произносится въ семьѣ, и о которыхъ съ ужасомъ и отвращеніемъ вспоминаютъ матери... Только сыновья обыкновенно сладко мечтаютъ о тайнахъ того міра, въ которомъ царятъ эти отверженницы общества. Случается такъ вотъ: сидитъ—сидитъ сынъ около какой-нибудь чинной дѣвицы, скучно ему, скучно имъ обоимъ—и разгорается сыновнее сердце, и ду-

масть онъ: „то-ли дѣло тамъ-то!“ Не знаемъ, что думаетъ въ это время дѣвица; впрочемъ, она такъ туго перетянута, что ей, можетъ быть, не до того, ей трудно и больно дышать прежде всего... Какъ-же случилось, что Чебатовъ съ своимъ свѣжимъ, молодымъ чувствомъ попалъ туда, гдѣ, положимъ, и растутъ, по цвѣтистому выраженію господъ извѣстнаго сорта, мирты и киннамоны, но—такіе поблекшіе?

Однажды, поздно вечеромъ, шелъ онъ къ себѣ домой. Дорога ему лежала черезъ Страстной бульваръ. Идетъ онъ — и видитъ: на встрѣчу къ нему съ шумомъ и безъ толку стремится компанія. Компанія оказалась знакомою.

— А, Чебатовъ!

— Откуда, братъ?

— Поворачивай-ка, поворачивай!

— Съ нами, съ нами!.. На-шего полку при-было, прибыло...

— Стойте, братцы, стойте! Я ничего не понимаю. Куда вы? успѣлъ проговорить, наконецъ, Чебатовъ.

— Туда, гдѣ роза безъ шиповъ растетъ...

— Ну, идемъ, что-ли?

— Чего толковать тутъ! Поворачивайте его...

— Я, господа, тамъ никогда не бывалъ, отговаривался Чебатовъ.

— Тѣмъ лучше... Мы познакомимъ тебя.

— А ты межъ тѣмъ собой насъ скрасишь...

Чебатовъ отнесся крайне неравнодушно къ такому неожиданному приглашенію. У него даже отчасти духъ захватило. Онъ давно ужъ собирался посмотреть, что это за вещь такая, слышущая подъ такимъ страннымъ для уха официальнымъ названіемъ „домовъ терпимости“. Нѣсколько минутъ онъ былъ въ раздумьи, потомъ согласился.

— Ну молодецъ! Еашис, значить.

— Братцы, постойте: я думаю, его подкрѣпить надо.

— Чѣмъ?

— Чѣмъ?.. не догадываетесь?

— А!.. Чебатовъ, ты выпьешь? Надо, милнй ты человекъ, выпить.

— Пожалуй, согласился Павелъ Антоновичъ.—Только, чуръ, немного. Я вѣдь не пью.

— Ну, да ладно... А мы вотъ—ужъ извини—пьемъ. Пьемъ господа?

— Пьемъ, пьемъ!..

Посыпались шутки и остроты. Кто-то подхватилъ:

— Вѣрно... потому сказано: *in vino veritas*. А я прибавлю: *in vino rectificatissimo veritas*...

— Заврался, братъ, заврался съ своей *veritas*. *Vino rectificatissimo*... да это почти чистый спиртъ! Или ужъ тебѣ жизнь не мила стала?

— А это ты, братъ, того... вѣрно замѣтилъ. На сей разъ измѣнила, каналья. Н...ну, да что толковать еще: я ее знаю, и она меня знаетъ; сочтемся, значить.

— Свои люди—сочтется!

— И сочтемся, братъ. Помяни мое слово—сочтемся.

Компанія снова отправилась своей дорогой. Что-же это были за лица? То былъ Харизоменовъ съ товарищами: Растегаевымъ, Собакинымъ и Грудининымъ. Чебатовъ познакомился съ Харизоменовымъ еще въ родномъ городѣ, когда тотъ былъ въ семинаріи, а онъ ходилъ въ гимназію. Харизоменовъ считался между ду своими „башкой“ — и притомъ безшабашной, непокорной башкой. Онъ еще при поступленіи въ философію рѣшилъ покончить съ семинарской наукой и отправиться въ столицу. У него не было ни кола, ни двора, никто его не связывалъ, никто не держалъ—и онъ сдѣлалъ по своему. Силъ у него было много, а мысли его вовсе не влекли къ своему родному городу и своей родной наукѣ: куда-жъ было идти? Оставалось въ Москву. Прибывши въ нее, онъ на первыхъ порахъ еле-еле перебивался со дня на день, потомъ успѣлъ устроиться и даже порядочно. Только и Москва, при болѣе короткомъ знакомствѣ съ ней, не очень-то полюбилась ему. „Толку, какъ онъ выражался, и въ ней, со всей ея плѣшивой ученостью, было мало“. И вотъ жизнь его снова потекла такъ-же размашисто, какъ въ бывшее время въ семинаріи: онъ сталъ по прежнему душою всякой компаніи, слылъ острякомъ, забубенной головой, славнымъ товарищемъ. Такіе не совсѣмъ казистые концы широкихъ мечтаній въ старыя годы сплошь-да рядомъ являлись... По временамъ однако на Харизоменова точно хандра нападала; запрется дома, и никого не пускаетъ къ себѣ. Богъ знаетъ, что творилось съ

нимъ въ это время... Потомъ—ничего, все проходило и становилось по прежнему. Особенныхъ пріятелей, впрочемъ, у него въ Москвѣ никогда не бывало, а отъ скуки, благодаря отчасти своему добродушію, отчасти беспорядочному образу жизни, сходился онъ со всякимъ, лишь-бы этотъ всякій могъ выдержать кое-какую легонькую критику; изъ старыхъ-же, семинарскихъ товарищей былъ съ нимъ въ Москвѣ одинъ Растегаевъ... Такъ и теперь Харизоменовъ далеко не былъ въ періодѣ скорби и покаянія; получивъ порядочную сумму за труды свои на педагогическомъ поприщѣ, онъ счелъ за благо отвести душу...

Компанія „подкрѣпилась“ и продолжала путь. Дрожь пронимала Чебатова. Куда онъ идетъ? Кого тамъ встрѣтитъ?.. Онъ идетъ такъ-таки прямо въ царство женщинъ—однѣхъ, при всей своей многочисленности, исключительно однѣхъ женщинъ! И встрѣтитъ тамъ... что встрѣтитъ?.. Столько разъ онъ лишь въ мысли, въ мечтѣ порывался сойтись съ женщиной — и вотъ теперь это такъ легко дается ему на самомъ дѣлѣ!.. Но Боже мой, Боже мой, что тамъ за женщины! объ нихъ-ли онъ мечталъ? Думалъ-ли онъ, что его первая, еще ничѣмъ некончившаяся, святая, высокая любовь приведется и станетъ въ обстановку, которая прячется и хоронится отъ всѣхъ, точно стыдась и совѣстясь за себя?.. Застигнутый врасплохъ приглашеніемъ, Чебатовъ машинально подставилъ подъ него свою самую чувствительную струну. Она, также помимо его воли, сейчасъ издала очень рѣзкій звукъ, сообщила колебаніе другимъ стрункамъ, настроеннымъ въ одинъ тонъ съ ней,—и все перемѣшалось и закружилось въ его головѣ. Не было никакой возможности сладить со всѣмъ тѣмъ, что творилось въ этой послѣдней. Отъ всевластныхъ темныхъ инстинктовъ до самыхъ интимныхъ желаній и задушевиѣйшихъ мыслей,—все было задѣто за живое, закопошилось и завозилось въ Чебатовѣ. Другой, быть можетъ, на его мѣстѣ поблагодумствовалъ-бы еще въ роли безучастнаго наблюдателя; но онъ, уподобившись пороку, на который попала искра, быстро вообразилъ себя въ роли самаго горячаго дѣятеля... Онъ шелъ и чувствовалъ, какъ сердце его усиленно билось, какъ, нѣтъ-нѣтъ, да и вздрогнетъ онъ всѣмъ тѣломъ. Легкій хмѣль, который было ударилъ ему въ голову, пропалъ совсѣмъ...

— Что, душа моя, присмирѣлъ? обратился къ нему дорогой Харизоменовъ.

Чебатовъ бессознательно, совсѣмъ не кстати глубоко вздохнулъ.

— Ничего, братъ, ничего... Вольнымъ духомъ...

— Да я и ничего... Не ободрай, пожалуйста.

Чебатовъ слегка обидѣлся.

— Ну, ну... какъ тамъ хочешь.

Чебатова однако тянуло говорить. Онъ чувствовалъ потребность хоть на минуту забыться, отвлечься отъ сильныхъ ощущеній.

— Чего тутъ хотѣть? проговорилъ онъ. — Мысли вотъ разныя...

— Мысли разныя... Поди-ты!.. А хочешь — скажу, какія у тебя мысли?

— Какія?

— Чай — думаешь, почто и камо идемъ? Такъ, что-ли?

— Ну, хоть-бы и такъ.

По лицу Чебатова неволью скользнула улыбка, при такой проникательности товарища.

— Вотъ ты и смотри, каковы мы! Какъ, то-есть, человекъ пасековъ можемъ видѣть!..

— Согласись однако, отгадать такъ не трудно было...

— Ну-да, ладно! Я не спорю. Мудрый самъ гладитъ свою мудрую голову...

— Понимать слѣдовательно нужно, что ты въ мудрецы зачислился?..

— Непремѣнно... А для поддержанія своей репутаціи, я дамъ тебѣ и мудрый отвѣтъ на твои вопросы, мною такъ блистательно угаданные.

— Интересно послушать.

Чебатову, въ глубинѣ души, и въ самомъ дѣлѣ было интересно. Душа его жаждала опоры, успокоенія.

— А вотъ слушай... Впрочемъ, нѣтъ: чортъ вѣдь тебя знаетъ... у тебя на лбу не написано. Про себя одного буду говорить.

— Для поддержанія своей репутаціи?

— А ты какъ думаешь? Харизоменовъ даже остановился.

— Эхъ, глупый ты человѣкъ! Харизоменовъ завачалъ головой.—Вдумайся и сообрази: кому надо видѣть предѣлъ человѣческой мудрости? Не мудрому-ли прозорливцу?.. Ну такъ слушай-же!..

— Весь обращаюсь въ вниманіе.

Чебатовъ какъ будто развеселился и съ удовольствіемъ вторилъ шуткамъ пріятеля.

— Прекрасно. Внимай и поучайся: глубокъ смыслъ моихъ словъ!.. Я человѣкъ не отъ міра сего. Мысли міра сего чужды мнѣ. Я—самъ по себѣ, особый человѣкъ: въ дѣла смотрю. Они—тоже. Уразумѣваешь?..

— Чтожь въ результатѣ-то?

— И это въ ротъ положить нужно!.. Милый ты человѣкъ! И выходитъ, что... два сапога пара!

Харизоменовъ разсмѣялся. Но Чебатову куда-какъ было не по сердцу такъ открыто-рѣшительное и такое грубо-безжалостное пониманье своихъ отношеній къ окружающему. Его-же такъ пугало одиночество. Онъ видимо опечалился.

— Не смущайся, братъ, не смущайся! Это я про себя только, да и указалъ лишь на одну сторону дѣла. А вотъ тебѣ и другая: я—славный человѣкъ. Ну, и тамъ есть славныя женщины!.. Вѣрно тебѣ говорю. Умѣй только быть всѣмъ вся: съ грекомъ будь еврей... то-бишь! совсѣмъ заврался... съ грекомъ будь грекъ, ну, и такъ далѣе.

Чебатову показалось, что онъ, при этой вѣрной оказіи, въ отместку за себя, можетъ уязвить своего жестокаго товарища.

— А знаешь что? Твои слова очень легко перетолковать въ дурную сторону...

— Что мои слова можно перетолковать, быстро заговорилъ въ отвѣтъ, нисколько не смутившись, Харизоменовъ,—въ какую угодно сторону, это... вѣрно! Ибо ни одинъ мудрецъ не сказалъ еще ни одной истины, которую-бы кто нибудь не разъяснилъ себѣ по своему...

Чебатовъ только покачалъ головой.

— Ужь очень ты нынче афористиченъ и загадоченъ.

— Что дѣлать, братъ? Всякому свое. Положимъ, мудрость подразумеваетъ скромность. Но она-же знаетъ и цѣну себѣ. Мудрый—опять повторяю—самъ гладитъ свою мудрую голову.

Прибавить слѣдуетъ: на то онъ и мудрый, чтобы въ своей головѣ примирять непримиримое... Ну, да не объ этомъ рѣчь. Такъ вотъ и говорю: какъ ужъ тамъ хочешь, а... одному — талантъ, другому — два...

— Но при этомъ, кажется, говорится: а иному и нѣтъ ничего.

— Вѣрно, братъ, вѣрно. И это такъ... Напрасно только ты сіе прибавляешь... Бойся!.. Ну, да я добрѣйшей души человекъ!.. Такъ вотъ, душа моя! Понимаешь-ли теперь, куда мы идемъ?..

Чебатовъ, на нѣсколько минутъ забывшій про свое недалекое будущее, слова перенесся къ нему и опять невольно вздохнулъ. Харизоменовъ посмотрѣлъ на него и только покачалъ головой...

— Дамъ честное слово, что если тебѣ придетъ когда въ голову глупая мысль позаняться философіей, то ты въ ней ни черта не сдѣлаешь... Ибо ясно: не въ твоей натурѣ имѣть философскій взглядъ на вещи, не тебѣ, то-есть, быть прямикомъ, завядшимъ философомъ.

— Ну хорошо!..

Чебатовъ, неуспокоенный ничуть бесѣдой Харизоменова, былъ опять весь занятъ мыслью о томъ, что его сейчасъ ожидаетъ.

— Эхъ, братецъ ты мой!.. Что-бы это мнѣ сказать тебѣ такъ-таки прямо утѣшительное, чтобы, то-есть, такъ-вотъ тебѣ наскомъ по сердцу?..

— Скажи-ка вотъ!

— Постой!.. Не портыся-ли мнѣ въ этикихъ, знаешь, сокровенныхъ рудникахъ души человѣческой? Быть можетъ, какъ разъ и на алмазъ наткнешься!

Харизоменовъ коварно улыбнулся... Потомъ началъ съ разстановкой и внушительно:

— Такъ, такъ-то вотъ!.. Что мужчинѣ до какихъ-то тамъ славныхъ женщинъ?.. Тамъ есть... просто женщины!

Харизоменовъ, чтобы довершить побѣианіе товарища, предательски потрясалъ его по плечу. Чебатову куда-какъ сдѣлалось не по себѣ отъ великой выходки Харизоменова. Полный разладъ и дисгармонія обнаружилась въ душѣ его. Все тамъ точно въ туманѣ было. Онъ чувствовалъ, что сердце его ноетъ, ноетъ, — какъ будто и сладко и въ то-же время сиверно ноетъ. Но сказать „пасъ“ правдѣ товарищамъ — нѣтъ, зачѣмъ-же? Гордость-то въ немъ все-таки осталась...

— Ну, а ты самъ-то какъ? торопился онъ вывести на свѣжую воду и товарища.—Ты вотъ опять о себѣ скажи—ужь коли у тебя есть такая добродѣтельная привычка...

— Чтожь? Я, братъ, не скроюсь... врать не стану.

— Ну, вотъ и позволь послушать, какую ты правду о себѣ вымолвишь.

Чебатовъ почему-то усиленно потянулъ въ себя воздухъ и, кажется, по счету въ третій разъ вздохнулъ. Должно быть, потому что невыходившихъ наружу ощущеній катился, шума и волнунясь, своимъ чередомъ.

— Слушай, милѣйшій мой, слушай, ужь коли тебѣ съ своей стороны такая охота припала слушать меня. Только я братовъ! Я вотъ что скажу: человекъ есмь! существо слѣдовательно немощное и грѣхомъ зараженное! Но... дѣло-то вотъ въ чемъ: во мнѣ, братъ, преобладаютъ больше грубые, неотесанные инстинкты—куда ужь намъ по сердечной, конфетной-то части!.. Ну, а ты-то вотъ, душа моя, какъ разъ напротивъ: она у тебя, какъ есть, самый казовый конецъ!.. Вѣрно, братъ, вѣрно: ты ужь извини меня! Ты вѣдь у насъ нѣженка: вонъ и водку глоточкомъ пьешь!..

Харизоменовъ возобновилъ трепанье по плечу. На сей разъ впрочемъ, оно было больше просто-пріятельское...

— Ну будетъ ужь!.. Такъ и запишемъ...

Чебатовъ былъ нѣсколько удовлетворенъ, даже какъ будто въ глубинѣ души, слегка польщенъ словами Харизоменова. У него процала охота говорить. Но Харизоменовъ не преминулъ добавить:

— И запиши, братъ, запиши... и ежечасно вдавай во очію свою!..

Товарищи замолчали.

— А вѣдь вотъ — поди ты, право! И не замѣтили, какъ договорились до настоящаго, самого настоящаго утѣшенія тебѣ... Харизоменовъ, усмѣхаясь, посмотрѣлъ на Чебатова.

— Какого-же это?

— Да ужь тебѣ не постигнуть, предоставь намъ... Эхъ, жалко, право! Слога-то у меня по этой части никакого не выработалось: боюсь, противъ желанья, пошло выйдеть...

— Ну да, я не взыщу. Свой человекъ.

— Такъ-то такъ! Ну, а оно все-таки лучше-бы... Да авось поймешь меня!.. Такъ вотъ—ты, чай, и не замѣчаешь, а ты вѣдь золотой человѣкъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ?

— Въ какихъ-же это!..

— Да какъ-же?.. У тебя всѣ данныя нравятся женщинамъ. Ты вѣдь, какъ есть, подѣ-стать имъ. Значить, хоть бейся объ закладъ, между ними успѣхомъ будешь пользоваться.

— Чтожь изъ этого-то? Я еще тутъ ничего не вижу... золотого-то, какъ ты говоришь.

— Эхъ, милый ты человѣкъ! Пойми ты.. ну какъ-бы это... тебѣ и книги въ руки, тебѣ значить прямо и быть въ средѣ ихъ,—Харизоменовъ поднялъ указательный палецъ правой руки и придавъ патетическое выраженіе голосу, — носителемъ великихъ идей нашихъ учителей!.. Тебя будутъ слушать. Мы вотъ нѣтъ— не можемъ, талану этого нѣтъ, огня-то священнаго—понимаешь? Ни одна женщина въ тебя не увѣруетъ. Что молъ, за неприличная фигура? Ужь не доморощенный-ли, мѣфистофель молъ?... Такова ужъ судьбина наша: на минуту словно и путный человѣкъ, а тамъ глядь и занесешь околесицу... То-есть, это—понимай ты—на свѣжаго человѣка околесица. А для насъ—нѣтъ, для насъ, братъ, тутъ-то и глубина разума... Ну вотъ, и приходится такъ себѣ, по мелочамъ: зубы заговаривать, да баласы разные разводять. Въ минуты, то-есть, женской горести милой и забавной души шута или собутыльника играть,—горе, видишь-ли ты, пополамъ, сообща размыкивать!.. Ну, а ты нѣтъ—ты, братъ, въ этомъ дѣлѣ по поднебесью летаешь. Ты тутъ высокій и великій человѣкъ!

Харизоменовъ посмотрѣлъ на Чебатова. Тотъ молчалъ. „Хорошо молъ поднебесье“? При гордости у Чебатова была на лицо и совѣсть.

— Экой ты черстваго сердца человѣкъ! Долженъ-бы кланяться, да благодарить за ласковое и хорошее слово, а онъ...

— Скоро-ли же это наконецъ?

— Гдѣ мы идемъ?

— Фу, грязь какая! громко негодовала остальная компанія, ушедшая впередъ отъ своихъ заговорившихся товарищей.

Можно было разобрать въ темнотѣ, что она остановилась ждать ихъ. Чебатовъ и Харизоменовъ быстро примкнули къ опередившимъ и прекратили бесѣду.

Дѣйствительно на улицѣ было темно и грязно. Но компанія была ужь тамъ, гдѣ ей надлежало быть. Пошли мелкіе переулки и закоулки. Вдали гдѣ-то слышалась шарманка, гдѣ-то поближе ругаются. Почти въ каждомъ домѣ свѣтъ, и окна занавѣшены.

— Сюда! крикнулъ Харизоменовъ.

— Насилу-то!

— И такъ—конченъ, конченъ дальній путь.

Чебатовъ осмотрѣлся. Прямо около него совершенно отворенное крыльцо съ лѣстницей на верхъ. Надъ крыльцомъ висѣлъ разноцвѣтный фонарь. Компанія тронулась внутрь. У Чебатова замерло дыханіе.

— Ну, господа, разомъ на ура!

И всѣ ввалили во внутренніе покои. Чебатовъ сразу и не разглядѣлъ хорошо, что было кругомъ его. Онъ замѣтилъ только, что въ комнатѣ было очень свѣтло, а около стѣнъ на стульяхъ, на диванѣ сидѣли дамы. Дамы эти были въ очень открытыхъ, почти бальныхъ, костюмахъ, съ выблѣнными, лоснящимися фізіономіями. Сидѣли онѣ всѣ въ разныхъ живописныхъ и неживописныхъ позахъ. Только и увидалъ съ перваго раза Чебатовъ. Всѣ лица съ своими особенностями, самая комната съ подробностями въ обстановкѣ лишь смутно мелькнули предъ его глазами.

Между тѣмъ, предъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ войти нашей компаніи, какой-то мужчина въ сильно поношенномъ драповомъ пальто, съ очень измятой фізіономіей, съ раскраснѣвшимися, масляными глазками, стоялъ посреди комнаты, изрѣдка покачивался изъ стороны въ сторону и ораторствовалъ. Дамы слушали его и хохотали.

— Я... я вотъ какой человѣкъ. Скажи мнѣ теперь какая изъ васъ: Сидоровъ, хочу ударить тебя по рожѣ—и я... я сейчасъ подставлю, то-есть рожу-то, ей-ей подставлю. Потому мнѣ пріятно, а не то чтобы что...

— Ну, тебѣ, должно быть, все пріятно, кто-бы тебя ни билъ.

— Мнѣ?... Ну, вѣтъ, врешь: и мы за себя постоять сумѣемъ. А вотъ для васъ, что... Ну, что хотите, готовъ сдѣлать... Братцы, то бишь, душечки, ударьте меня кто-нибудь! Я... я васъ всѣхъ о-чень люблю... Оттаскайте меня. Я на колѣнкахъ стану передъ вами...

Хи́зьль видимо бралъ перевѣсъ надъ ораторомъ; онъ-бы, можетъ быть, и сталъ на колѣни, можетъ быть, кто и оттрепалъ-бы его. Но въ это самое время дверь отворилась и въ комнату вошла наша компанія.

— Господамъ! произнесъ онъ и низко, низко поклонился всѣмъ. Потомъ, шатаясь, молча пошелъ въ уголъ, тяжело опустился на стулъ, всѣмъ корпусомъ навалился на спинку его, какъ плети повѣсилъ свои руки, понурилъ голову и точно застылъ въ такомъ положеніи. Изрѣдка только добродушная улыбка пробѣгала по его осовѣвшему, безсмысленному лицу. Онъ, должно быть, былъ тутъ почти своимъ человѣкомъ и состоялъ въ качествѣ придвернаго шута.

Наступило молчаніе. Дамы были неподвижны и разсматривали пришедшихъ. Но это были почти все знакомыя лица. Недоумѣнія между обоими лагерями не могло быть, и разговоръ завязался. Чебатовъ машинально сѣлъ на какой-то одинокій стулъ и въ оба глаза и оба уха смотрѣлъ и слушалъ.

— Маша, а ты вѣдь перемѣнилась! заговорилъ первый Харизоменовъ.

— Съ чего это?

— Да такъ, похудѣла что-то...

— Ужь не по тебѣ-ли стосковалась? Маша засмѣялась.

— Чтожь? Отчегожь бы и не такъ? Я такъ вотъ въ послѣднее время просто по тебѣ съ тоски умиралъ.

— Ну и умиралъ бы. Намъ отъ этого ни легче, ни тяжелѣй.

— Полно, такъ-ли? Все, чай, погоревала-бы немножко.

— Такъ и есть: обо всѣхъ жалѣть — много чести будетъ.

— Не обо всѣхъ, говорю я, а обо мнѣ одномъ, Маша.

— Да чѣмъ ты-то лучше другихъ?

— Чѣмъ?.. Да ты посмотри на меня: я-ли не хорошъ?

Та въ самое дѣлѣ посмотрѣла. Посмотрѣли и всѣ остальные. Лицо Харизоменова, открытое, съ довольно правильными, симпатичными чертами, дѣйствительно не могло не понравиться.

— Хорошъ, хорошъ!.. Маша и всѣ подруги ея расхохотались.

— Ну, вотъ, то-то же!.. А заглянула-бы въ мою душеньку, такъ еще не то увидала-бы!.. Харизоменовъ придвинулся ближе къ Машѣ.

— Ну, не следится такъ-то. Маша, очевидно, разъяснила себѣ его движеніе по своему.

Изъ остальной компаніи Собакинъ и Грудининъ сидѣли молча. Бываютъ такіе господа: нѣтъ въ нихъ на столько находчивости, чтобы сразу-же опознаться во всякомъ положеніи и умѣть сказать что-нибудь если и не очень умно, то вѣстакъ; нѣтъ и на столько развязности, чтобы никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняться и нести себѣ все, что только вздумается, всякій вздоръ и нелѣпицу. Не обладая этими драгоценными качествами, такіе господа совершенно теряютъ голову при всякой, непривычной для нихъ, обстановкѣ, цѣликомъ охватываются ею, смотреть во все глаза и едва-ли что въ это время думаютъ. Нельзя сказать, чтобы они ничего не видѣли и не слышали въ это время; нѣтъ, а просто они не могутъ видѣть себя изъ окружающаго, посмотреть на него со стороны. Попробуйте—подойдите къ нимъ въ это время и спросите ихъ мнѣнія о томъ, что предъ ихъ глазами, — они или понесутъ безсвязную дичь или просто сконфузятся. Такіе господа принуждены бываютъ играть въ обществѣ самую безцвѣтную роль, или, лучше сказать, не играть никакой роли. Объ нихъ что-нибудь опредѣленное только и могутъ сказать ихъ очень близкіе знакомые. Потому-что, извѣстно, человѣкъ привыкаетъ только къ тому, что очень часто, чуть не каждый день, видитъ предъ своими глазами; а такіе господа, не въ примѣръ другимъ, имѣютъ еще скверную привычку черезчуръ трудно привыкать къ чему-нибудь и напротивъ черезчуръ легко отвывать отъ чего-нибудь. Къ такому-то сорту людей принадлежали и Собакинъ съ Грудининымъ. Понятно, они не могли не молчать, хотя и не въ первый разъ были здѣсь. Что-же касается Растегаева, то это, какъ уже сказано, былъ старый однокашникъ Харизоменова, прошедшій съ нимъ лямку семинарской науки, дѣлившій въ былое время много разъ и радости и горе, и скуку и тоску невыносимую. Міросозерцаніе его и характеръ очень подходили подъ міросозерцаніе и характеръ Харизоменова. Только натура его была болѣе мелкаго калибра, а потому онъ охотно союзялъ подъ вѣдомствомъ послѣдняго. Это его обличилъ Харизоменовъ, по поводу неудачной вставки въ „in vino veritas“. Здѣсь, въ жилищѣ Машей и прочихъ,

онъ на первыхъ порахъ, отъ нечего дѣлать, счелъ нужнымъ от-рекомендовать Чебатова.

— Mesdames, вотъ рекомендую: нашъ общій другъ и отличный малый. Въ первый разъ здѣсь.

Чебатовъ сильно сконфузился. Mesdames молчали.

— Обратите ваше благосклонное вниманіе, продолжалъ Растегаевъ.

Чебатовъ послалъ его въ душѣ къ чорту.

— А, это ты Чебатова рекомендуешь, услыхалъ Харизоменовъ.—Рекомендуй, братецъ, рекомендуй. Знакомъ съ жѣсткостью.

Но Чебатовъ кое-съ чѣмъ и самъ уже ознакомился. Онъ разглядѣлъ, что комната была довольно недурно убрана; на окнахъ были цвѣты, въ простѣнкахъ между окнами зеркала; на стѣнахъ картины — все пейзажи больше. Разглядѣлъ онъ и присутствующихъ. Лицъ выразительныхъ было мало; больше преобладали кругляя, полныя фізіономіи съ заплавленными глазами. Маша ему не понравилась; она была недурна, и волосы на головѣ очень мило взбиты, да въ лицѣ ея было что-то не хорошее. Чебатову было непріятно смотрѣть на эти красныя вѣки и раздувавшіяся ноздри. Его больше поразила одна, у которой лицо было такъ строго, классически-правильно и такъ невозмутимо-покойно, что онъ совершенно недоумѣвалъ, какъ она попала сюда. Потомъ онъ остановился еще на одной, у которой во всей фигурѣ было что-то пугливое, точно она сейчасъ вздрогнуть хочетъ, и глаза смотрѣли такъ странно и задумчиво. Онъ расслышалъ даже, что ее называли Настей.

Между тѣмъ разговоръ не вязался. Только Харизоменовъ о чемъ-то перешептывался и шутилъ съ своими сосѣдками. Растегаева взбѣсило наконецъ.

— Госнода, что-же мы? возопилъ онъ.—Барышни, чтожь вы-то приуныли?

— Чтожь намъ-то?.. Вы-то что?

— Мы? Да я... да я, чортъ меня возьми, сейчасъ готовъ въ присядку идти, пѣтушился Растегаевъ. — Вы вонъ носы-то повѣсили... Ну, живо! Грудининъ, Собакинъ, шевелитесь!..

Спросили музыку. Явилось двое какихъ-то мрачныхъ господъ; одинъ сѣлъ къ фортепіано, другой взялъ въ руки скрипку—музыка заиграла. Но не успѣли еще кончить первой кадрили,

какъ въ комнату ввалило еще нѣсколько господъ—что-то среднее между прикащиками и чиновниками.

— А, да ужь тутъ играютъ...

— Никакъ ученое содружество?

— Bravo! Маньфикъ!

— Вина, вина! Музыка—шашъ, довольно!..

Музыка остановилась.

— Извините, господа! раскланивался одинъ изъ вошедшихъ съ ухорской развязностью.—Мы вамъ помѣшали. Но... мы сейчасъ ваши товарищи. Сначала выпьемъ.

— Пить, пить, прежде всего—пить!

— Къ чорту танцы!

— Какъ это?.. да бишь... Брудершафтъ, господа, брудершафтъ будемъ пить.

— Mesdames, возрадуйтесь и возвеселитесь!

Подали вина.

— Ну-съ, господа, пьемъ! Чокнемтесь! пригласялъ развязный господинъ.

Харизоменову куда-какъ не понравилось подобное хозяйничанье пришлыхъ господъ.

— Нѣтъ, господа, позвольте! мы вовсе не желаемъ пить на чужой счетъ, а тѣмъ болѣе на счетъ совершенно незнакомыхъ людей.

— Что за щепетильность, моншеръ!.. Господа, ради общаго удовольствія, ради... ради знакомства наконецъ, чортъ возьми, настаивалъ и горячился развязный господинъ.

— Вамъ сначала нужно было-бы спросить, хотимъ-ли мы знакомиться... Во всякомъ случаѣ мы будемъ пить сами по себѣ.

Развязный господинъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ Харизоменову, разставилъ ноги, фертонъ приложилъ руки къ бокамъ и грозно вытаращилъ глаза на противника.

— Что-же, чортъ возьми, ругаться намъ послѣ этого?..

— Хоть-бы и ругаться... Харизоменовъ остался спокоенъ.

Тотъ счелъ за нужное перемѣнить тонъ, ибо ради пушаго страху лишь напустилъ его на себя.

— Вотъ народъ! Люблю... Такъ вотъ что, господа: я буду у васъ пить. Соглашаетесь? Ужь очень мнѣ хочется пить съ вами...

— Если вы въ этомъ... ничего не находите, съ удовольствіемъ! кололъ своего антагониста Харизоменовъ, глядя уже больше съ веселой улыбкой на его крутые „salto mortale“.

— Ну полно, полно... Пью и баста! Потому хочу пить. Вотъ каковы мы!.. Пьемъ-же, господа!.. Позвольте ужъ миѣ распорядиться. Таеъ-какъ обладаю на этомъ поприщѣ великолѣпными распорядительными способностями...

Послѣдовалъ взрывъ хохота. Харизоменовъ только рукой махнулъ, и самъ разсмѣялся. Начали пить. И все заливалось. Даже герой Сидоровъ раскрылъ и протеръ глаза. Сдѣлалось что-то въ родѣ смѣшенія языковъ. Кто пилъ, кто разглагольствовалъ; слышался хохотъ, пискъ, лобзанья разныя.

Пріободрился и Чебатовъ. Онъ всталъ и пожелалъ сдѣлать нѣсколько шаговъ по комнатѣ, но заговорить съ какою-нибудь изъ дамъ еще не рѣшался. Онъ еще никакъ не могъ привыкнуть къ новымъ для него лицамъ; онъ все всматривался въ нихъ. Ему странны были нравы и обычаи, среди которыхъ онъ очутился: эти быстрыя знакомства, безцеремонное до дерзости, до нахальства обращеніе другъ съ другомъ, это точно на показъ выставленное живое тѣло,—все это непонятно, дико для него было... Онъ также выпилъ, должно быть, для большей храбрости, потомъ перешелъ въ другую комнату и сѣлъ тамъ. Около него никого не было. Онъ чувствовалъ легкій приступъ хмѣля въ головѣ, и ему немного легче стало. Внутри его шевельнулось даже сладкое желанье сидѣть и говорить съ какой-нибудь изъ женщинъ, шумѣвшихъ тамъ, въ другой комнатѣ, своими платьями...

Немного погодя, дѣйствительно одна изъ нихъ вбѣжала въ его комнату и сѣла на одинъ диванъ съ нимъ. Она, видимо, хотѣла отдохнуть. Чебатовъ посмотрѣлъ на нее. То была довольно полная дѣвушка съ круглымъ, еще очень свѣжимъ личикомъ, съ нѣсколько вздернутымъ носомъ и черными живыми глазками; темные волосы на ея головѣ очень просто, безъ всякаго эффекта, были зачесаны назадъ. Чебатову понравилась сосѣдка: ея лицо, вся фигура сіяли полнымъ добродушіемъ и искренностью. Ему захотѣлось заговорить съ ней.

— Васъ какъ зовутъ? спросилъ онъ, и при этомъ, какъ и ожидать слѣдовало, отъ волненія точно захлебнулся чѣмъ.

— Катей, отвѣтили ему. — А вы, такъ и вправду, въ первый разъ у насъ?

— Въ первый.

— Чтожъ вы не пьете?

— Не хочу. Я мало пью.

— Вотъ какъ! Какой скромный молодой человѣкъ! Катя улыбнулась.

— Да чтожъ въ этомъ худого?

— Ничего. Мнѣ даже нравится это. Ужъ надоѣли сорванцы-то!

У Чебатова отлегло на сердцѣ: такъ понравились ему слова сосѣдки. Его даже хватило на такую выходку:

— Ну вотъ и ошиблись: я самъ первый сорванецъ.

— Оно и видно...

„А вѣдь чтожъ?—думалось Чебатову—все это очень недурно... Въ ней нѣтъ ничего этого“... Онъ началъ было и совсѣмъ присосаниваться.

Но ихъ разговоръ не суждено было продолжаться. Катю звали въ другую комнату: тамъ собирались танцевать. Чебатовъ опять остался одинъ; его не беспокоили; пить, мужественно равняясь съ другими, онъ не могъ и не хотѣлъ, а отъ танцевъ рѣшительно и абсолютно отказался еще при самомъ началѣ, заматавши усиленно головой и заболтавши руками. Онъ былъ очень доволенъ своимъ одинокимъ положеніемъ; ему было пріятно остаться на полной свободѣ и наблюдать со стороны за всѣмъ происходящимъ. Какъ нарочно, матеріалъ для наблюденій не исощался. Въ комнату, гдѣ онъ еще сидѣлъ, вошла та самая дама, лицо которой такъ поразило Чебатова своей классичностью. Дама медленно заходила по комнатѣ. „Удивительная фигура!“ подумалъ Чебатовъ, и сталъ слѣдить за движеніями незнакомки. Но—на этотъ разъ его обследованія уже не были такъ поверхностны, какъ прежде, и онъ не безъ печали замѣтилъ, что дама чересчуръ высока ростомъ, полна и больше какъ будто походить... на мужчину, чѣмъ на женщину. „А нѣтъ, нѣтъ, заключилъ онъ,—все-таки можетъ нравиться... есть что-то-такое, что... ну, да, однимъ словомъ, что-то античное“.— „Что-бы такое сказать ей“? думалось Чебатову.

— Не угодно-ли присѣсть?... мѣста такъ много, заговорилъ

онъ, отодвигаясь къ самому концу дивана. „Глупо немножко, разсуждалъ онъ въ то-же время,— ну-да, ничего: сойдетъ. Здѣсь, кажется, не възыскательны“...

Дама молча сѣла.

„Хоть-бы отвѣтила что! А-то все съ тѣмъ-же... неземнымъ выраженьемъ въ лицѣ“! Чебатову приходилось начинать съизнова.

— Васъ, кажется, мало интересуешь...

Дама вопросительно посмотрѣла на него.

— Я говорю, поспѣшилъ Павелъ Антоновичъ, про то, что вонъ тамъ, въ этой комнатѣ.

Дама только ослабилась.

— Кажется, я не ошибся, добавилъ Чебатовъ.

— Сашка — ненасытная пропасть! съ разстановкой произнесла дама, очевидное дѣло, подъ вліяніемъ какихъ-то своихъ собственныхъ мыслей.

Широкими очами посмотрѣлъ на нее Чебатовъ.

— То есть, это кто-же такое— Сашка? произнесъ онъ.

— Да все я-же. Чего не понимаетъ?.. Это они говорятъ.

Павелъ Антоновичъ изобразилъ собой одинъ лишь знакъ вопрошенія. А дама между тѣмъ повторила — больше для себя впрочемъ:

— Сашка—ненасытная пропасть!

— То есть, это какъ-же? нашелся наконецъ Чебатовъ. немножко переиначить свою прежнюю фразу.

— Пью здорово, невозмутимо-равнодушно произнесла дама.

Чебатовъ, если передъ этимъ и не леталъ въ заоблачныхъ пространствахъ, то все-таки почувствовалъ, что опустился куда-то ниже.

Наступило молчаніе.

— Вамъ-бы это не въ лицу, кажется? въ раздумьи замѣтилъ наконецъ онъ, нѣсколько оправившись.

Дама ничего не отвѣтила, а только разразилась какими-то дурацкимъ, неудержимымъ хохотомъ.

„Ну, проняло наконецъ“! подумалъ Чебатовъ. „Глупа, или пьяна что-ли она очень“?—Чебатовъ пристально и очень близко взглянулъ въ лицо незнакомки: теперь увн!—ему вдругъ открылось, что черты этого прекраснаго, сурово-покойнаго лица были какъ-то... пошло-крупны, а въ большихъ неподвижныхъ

глазахъ не просвѣчивало никакого выраженія, только около нихъ напружинались на вниманье красныя, вспухшія вѣки, да надъ ними непріятно поражало наблюдателя почти полное отсутствіе бровей... По всему можно было замѣтить, что незнакомая дама была золотушнаго, лимфатическаго сложенія. У Чебатова пропала всякая охота продолжать разговоръ съ ней. Онъ былъ крайне смущенъ и точно чѣмъ обиженъ.

— Не будетъ-ли намъ здѣсь? проговорилъ онъ, какъ-будто въ нѣкоторое извиненіе предъ своей дамой, и перебрался опять въ людную комнату, и сталъ смотрѣть на танцующихъ.

Танцы шли еще вяло, официально; на фортепіано выбивались какіе-то тупые, деревянные звуки, только скрипка, то взвизгивая, то замирая, просила чего-то, ныла и рвалась куда-то. Чебатовъ ждалъ, что будетъ. Довольно уже раскраснѣвшіяся лица, вовсе не скромныя улыбки, странный блескъ глазъ, подчасъ черзчуръ свободныя движенія—все это не обѣщало ничего хорошаго, чиннаго. Въ воздухѣ было тихо, но уже чуялась гроза, буря.

Буря дѣйствительно не замедлила, только пришла она на первый разъ съ другой стороны, съ которой ея и не ожидалъ наблюдатель. Чебатовъ стоялъ и смотрѣлъ кругомъ себя. „Сашка—ненасытная пропасть!“ неотвязчиво вертѣлась у него въ головѣ. „Зачѣмъ она здѣсь? Какъ она здѣсь?.. Ея мѣсто гдѣ-нибудь тамъ, въ домѣ... неизлечимо-больныхъ“!.. Вдругъ свади его послышались чьи-то неясныя, прерывистыя всхлипыванья. Онъ быстро обернулся. Въ углу, у отвореннаго окна, облокотившись на столъ и закрывши лицо руками, сидѣла Настя: было видно, какъ она судорожно, неровно дышала. Чебатовъ никакъ не могъ объяснить такого явленія. „Съ чего это она?“ думалъ онъ и машинально подошелъ ближе... Вдругъ точно что подтолкнуло ее, она вскочила, стремительно оборотилась къ окну и всплеснула руками. Павлу Антоновичу уже явственно послышались рыданья...

— Ваня!.. Ваня!.. Голубчикъ мой!... Гдѣ ты? говорила она раздирающимъ душу голосомъ.

Чебатова обдало холодомъ.

— Что съ вами? Успокойтесь. Сядьте, началъ-было говорить онъ.

— Отстань!.. Прочь!..

Чебатовъ посмотрѣлъ на нее. „Она съума сошла“, мелькнуло въ его головѣ. И точно, глаза ея смотрѣли дико, бессмысленно; въ лицѣ ни кровинки.

— Ну, Настя опять куралесить! заговорили около Чебатова.

— Что съ ней? спрашивалъ онъ.

— Развѣ не видите? Пьяна... Оставьте ее: пройдетъ.

„Пьяна“? подумалъ Чебатовъ.

Между тѣмъ около Насти какимъ-то образомъ успѣлъ очутиться Харизоменовъ и, пополамъ съ шутной и ласковымъ добродушіемъ, съумѣлъ успокоить несчастную.

— Э-э-э! твердилъ онъ.—Настя, Настя! И это охота тебѣ... А ты-бы вотъ, какъ я, пѣла пѣсенку...

Харизоменовъ взялъ Настю за руку, нагнулся къ ней и тихо, съ особенной душой, пропѣлъ на ухо:

Ужь ты плачь-ли, не плачь—

Слезъ никто не видитъ...

Въ голосѣ его, наперекоръ пѣснѣ, слеза слышалась! Это растрогало Настю, и она также, на перекоръ чудной пѣсенкѣ, заплакала и зарыдала. Но теперь уже этотъ плачь и эти рыданья не были такъ буйны, какъ за нѣсколько минутъ до этого. Настя горько и тихо плакала. Пароксизмъ прошелъ съ ней; наплававшись, она сѣла на свое мѣсто, положила голову на столъ и такъ осталась въ этомъ положеніи: должно быть, заснула. Чебатовъ никакъ не могъ переварить въ своей головѣ этого факта: никогда еще во очію его не совершалось ничего подобнаго...

Уже послѣ онъ узналъ, что Валя, котораго кликала Настя, былъ нѣчто въ родѣ *idée fixe* ея. Она перваго полюбила этого Ваню и вполне, безвозвратно отдалась ему: разъ страстно полюбивши, она всѣ свои лучшія силы отдала первой любви! Отъ природы задумчивая, сосредоточенная въ себѣ, она слишкомъ глубоко принимала все къ сердцу; такою-же она была и въ своихъ привязанностяхъ. Но ея идолъ Валя, какъ оказалось, былъ пустой малый; клялся предъ нею, обѣщалъ горы золотыя—и ничего не сдѣлалъ, только въ концѣ концовъ бросилъ ее. Она не плакала, не ломала рукъ предъ нимъ, а только, качая головой, грустно говорила: что ты со мной дѣлаешь?... Что ты со мной дѣлаешь?..

Надъ ея положеніемъ дѣйствительно стояло задуматься; матери у нея не было, а отецъ (мѣщанинъ, имѣвшій табачную лавочку), узнавъ про ея пашни съ Ваней и ихъ плачевный исходъ, но обычая проклялъ ее, а потомъ на каждомъ шагѣ ѣлъ и сосалъ, билъ даже. Настя терпѣла—терпѣла, не выдержала наконецъ и пришла просить защиты къ покинувшему ее милому Ванѣ. Сердце у Вани было не каменное,—онъ тронулся страданіями своей несчастной Насти, попросилъ прощенія и предложилъ ей, подъ его покровительствою и надзоромъ, переселиться на отдѣльную квартиру. Ваня, нужно замѣтить, былъ сынъ одного очень зажиточнаго чиновника. Настя согласилась; по неопытности и довѣрчивости своей, она еще надѣялась, что любовь ея милого опять возвратится. Милый дѣйствительно нѣкоторое время былъ очень нѣженъ и внимателенъ къ ней, но потомъ вдругъ куда-то пропалъ. Прошелъ слухъ, что онъ за границу уѣхалъ. Настя была окончательно убита; денегъ у нея не оказалось, къ отцу возвращаться и думать нечего... Она, и сама хорошо не понимая того, очутилась подъ крыломъ одной попечительной дамы. Жутко и дико показалось Настѣ въ этомъ домѣ, да было поздно. Нѣсколько разъ въ отчаяніи она порывалась покончить съ собой—утопиться или изъ окна броситься. Но—или мѣшали все, или руки опускались, силъ не хватало. Страшно въ самомъ дѣлѣ! Образы дѣтскаго времени яркой и грозной картиной такъ и встанутъ въ душѣ и охватятъ ее ужасомъ вѣчной и безвозвратной гибели... Привыкнуть, да привыкнуть нужно къ страшной мысли! Потомъ явится храбрость, какая ни на есть, тупая, сама непонимающая, что творить и вершаетъ, а все-таки храбрость со всѣми ея, сердцу желанными, слѣдствіями... Съ горя Настя выучилась пить, но въ своей новой обстановкѣ привыкнуть не могла, а всегда выглядывала странно, чудачкой какой-то... Вдругъ, какъ снѣгъ на голову, является къ ней ея милый; оказывается, что вотъ уже очень долгое время, какъ онъ искалъ ее, и теперь ужасается ея положенію. Та вся встрепенулась: старая любовь проснулась въ ней. Она только и просила своего Ваню не забывать ее теперь. О старомъ и помину не было. Она вся разцвѣла; шутила, смѣялась до истерики, нѣла, цѣловала своихъ подругъ. Тѣ только дивились на нее. Ваня обѣщавъ ее выкупить, сталъ очень часто ходить къ ней... Но потомъ—уви! — снова исчезъ куда-то.

Долго ждала его Настя,—онъ не являлся. Вотъ въ это-то время и узналъ ее Чебатовъ. Дика была для него ея эксцентричная выходка... Дѣйствительно, такая беззавѣтная, слѣпая любовь, съ полнымъ принесеніемъ всей себя въ жертву ей, съ одной, всегдашней мыслью о ней — было очень странное, болѣзненное явленіе: въ здоровомъ обществѣ, при иномъ положеніи женщины и при иной, разумно организованной, системѣ воспитанія, такихъ явленій, конечно, не должно и не можетъ быть...

Между тѣмъ публика разгоралась и приходила въ азартъ. Достаточно было уже сыграно разныхъ танцевъ, достаточно выпито вина и водки въ антрактахъ. Дисциплина, которая еще нѣсколько держала все въ порядкѣ, была нарушена. Всякій, что только хотѣлъ, то и позволялъ дѣлать своей особѣ. Скрипка выходила изъ себя, стараясь превзойти всѣхъ и все своими безшабашными, крикливыми звуками. Она дразнила упившихся смертныхъ; задоръ бралъ слушателей отъ ея рѣзкихъ, душу рвущихъ выходокъ...

Чебатовъ былъ ошеломленъ и отуманенъ. Ему казалось, что онъ попалъ куда-то далеко, за тридевять земель — въ тридцатое царство, гдѣ говорятъ, ходятъ, чувствуютъ совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенные, до сихъ поръ имъ видѣнные, люди. — У него было даже поползновеніе уйти, убѣжать изъ душевныхъ комнатъ и вздохнуть полной грудью на свѣжемъ воздухѣ. Онъ, можетъ быть, и ушелъ-бы, несмотря на то, что подчасъ и его настроеніе какъ разъ попадало въ тонъ общей опьяняющей и одуряющей обстановки. Но ему какъ будто было жалко покинуть несчастныхъ обитательницъ заброшеннаго и всѣми отверженнаго міра... Да, онъ именно смотрѣлъ на всѣхъ ихъ, какъ на несчастныхъ, пораженныхъ безысходнымъ, никому ненужнымъ и ни для кого непонятымъ, глухимъ горемъ, — горемъ, отъ котораго одно спасеніе забыться, потерять сознаніе, оступѣть и обезсмыслѣть. Чебатовъ находилъ въ своемъ и ихъ положеніи нѣчто родственное, близкое. Ему казалось, что къ нѣкоторымъ изъ нихъ онъ уже чувствовалъ глубокую симпатію. Фантазія его была уже впереди, въ будущемъ, когда вся согрѣтая и обновленная его свѣжимъ, застѣчивымъ чувствомъ, падшая женщина принимаетъ лицомъ къ плечу его, а на глазахъ у ней слезы радости и поздняго счастья. Отуманенное сердце Чебатова таяло и расплывалось все.

— Что, братъ, осовѣлъ? говорилъ, трепля его по плечу, Харизоменовъ.

— Да осовѣешь. У меня голова трещить отъ всего, что дѣется здѣсь...

— Да ты пьянъ?

— И не думалъ...

— Ну глупъ, значить... Ты вотъ что— ты слушай:

Раздолье намъ,
Какъ дикарямъ,
Иль пяти-стамъ
Большимъ свиньямъ!

— Да вѣдь это гадко наконецъ...

— Конечно, гадко. Въ этомъ вся и суть. Харизоменовъ больше говорилъ теперь „съ толкомъ и разстановкой“.

— Ну, братъ, ты ерунду несешь.

— Въ ней-то, милый ты человѣкъ, и весь разумъ вещи.

— Это что-же! суета суетъ, что-ли? Чебатовъ почему-то выглядѣлъ теперь гораздо болѣе самоувѣренно, чѣмъ прежде на дорогѣ, въ интимной бесѣдѣ съ Харизоменовымъ. Но и тотъ не унимался.

— Хоть-бы и такъ? неторопясь спѣшилъ онъ въ долгій путь размышлений.—Хоть-бы и такъ? спрашиваю я... Ну, и тебѣ скажу: ты ужь не маленькій, ко всему привыкай, познай всю дрянъ и зри ей прямо въ глаза. Да, зри ей прямо въ глаза, ибо ты не маленькій!

— Да обниматься-то съ ней зачѣмъ?

Харизоменовъ, при сихъ укорительныхъ словахъ, уставилъ въ Чебатова указательный палецъ правой руки и возвелъ на него свои, далеко не свѣтлыя, очи... Потомъ началъ:

— Н... ну.. это ты не совѣмъ точно. Въ латинской грамматикѣ, помнится мнѣ, есть *verba activa* и *verba passiva*. Ихъ, дума моя, различать нужно... различать, непременно различать!.. Вонъ оный человѣкъ,—Харизоменовъ указалъ на развѣзнаго господина,—онъ, онъ вездѣ и всегда спрягаетъ *verbum activum*... А мы—нѣтъ: мы люди — незлобивые!.. Если ужь и продѣлываемъ гадости, такъ надъ собой лишь, надъ своей мокрой персоной... Понимаешь надъ своей мокрой персоной. И какія, братъ, гадости! Она-же тебя сейчасъ и укутаетъ, и... и...

— И что — и?

— „И ударить тебя въ тынь головою“.

Чебатовъ, при сей добродушной выходкѣ товарища, сопровождавшейся притомъ уморительными жестами, не могъ не разсмѣяться. Но потомъ, съ подобающей гордостью, все-таки замѣтилъ:

— Все это, братъ, ваши схоластическія тонкости! Плохо только ихъ понимаютъ нынче.

Харизоменовъ присанился.

— А коли ты понять этого не можешь, такъ мы, братъ, не струсимъ. Обнимаюсь? говоришь ты. Ну и ладно, и обнимаюсь... Да это и хорошо: ежели тебѣ послѣ отплюнуться захочется, такъ крѣпче гораздо отплюнешься.

— Ну это какъ кому.

— Точно-что: какъ кому. Это ты вѣрно говоришь. Я вотъ сейчасъ сказалъ тебѣ: познай, молъ, всю ложь и всякое лукавство. Такъ напримѣръ, тебя, душа моя, ты ужъ извини меня, нужно беречь отъ соблазновъ міра сего, т. е. драни-то. Потому ты хорошій человекъ, а сахарный: сейчасъ распустишься въ ней.

— Благодарю на добромъ словѣ.

— Нечего благодарить, душа моя. А ты кушай-ка все это, да гляди въ оба, чтобъ по губамъ не текло.

— Ну, да и ты хорошъ. Посмотри-ка на себя, что за рожа!

У Харизоменова, невольно перенесшагося къ представленію о пертурбаціяхъ на своей фізіономіи, непрочную бодрость какъ рукой сняло...

— Я?... я, братъ, себя знаю. Я себя знаю. Я отъ чрева матери моя повить разной грязью и коготью...

— Слѣдовательно, не замараешься ужъ, потому-что и такъ достаточно чистъ?..

— Да ужъ больше мараться нечего. Это точно, больше мараться нечего!.. Остается думать объ омовеніи.

— Это и видно, что ты думаешь. Чебатовъ улыбался.

— Ежечасно и ежеминутно — вотъ какъ!.. И омоюсь, дай срокъ. Омоюсь!

— Сомнительно, братъ!

— Разговаривать еще! Сразу только нельзя, работа трудная... Ты этого ничего не знаешь. Ничего ты этого не знаешь!

Дѣйствительно, Харизоменову предстояла работа трудная. Въ

семинариі, когда въ его головѣ все было еще не ясно, туманъ ходилъ, ему пришлось изрядно-таки напрактиковаться въ достаточномъ количествѣ рефлексовъ вовсе непріятнаго свойства. Впослѣдствіи, разладъ съ собой, досада на пустоту и безсодержательность своей и окружающей жизни, за неизмѣнимъ дѣльнаго протеста, выразились въ немъ уже въ готовой, заученой формѣ. Этой послѣдней данъ былъ такимъ образомъ прекрасный случай еще болѣе упрочиться...

Чебатовъ обидѣлся на слова товарища и бросилъ ему такую фразу:

— А ты былъ во мнѣ, должно быть?

Харизоменова, конечно, было трудно сконфузить такимъ храбримъ вопросомъ. Онъ зарубилъ свое, и разговоръ, такимъ образомъ могъ хоть сколько угодно продолжаться...

— Былъ-ли, не былъ-ли, а знаю... Харизоменовъ опять возвелъ свои пасмурныя очи на Чебатова.

— Что я не такъ замазанъ жизнью, какъ ты, это правда.

— Да, да, милый ты человекъ!.. Да! это ты все вѣрно. И потому тамъ, гдѣ ты дрожишь отъ стужи, я и ухомъ не веду... Чувствуешь, — и ухомъ не веду!.. Ну да что тутъ? Хочешь — выпьемъ?

— Не хочу.

— Ой, выпьемъ!.. Да ты что такъ-то сидишь, ты займись кѣмъ-нибудь. Пора, братецъ, нужно познакомиться. Пора!.. Пора!.. Ты говорилъ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ?

— Вонъ, съ Катей началъ-было...

— И отлично. Славная дѣвушка! Прекрасная дѣвушка!.. Какъ разъ по тебѣ. Катя! Катя! звалъ онъ. Катя подошла.

— Займи пожалуйста этого господина, видишь — скучаетъ... Займи ты его, займи. Сдѣлай милость. Пожалуйста!

Харизоменовъ оставилъ ихъ однихъ...

На другой день Чебатовъ писалъ въ своемъ дневникѣ (Чебатовъ въ особо-замѣчательныя минуты своей жизни велъ свой дневникъ):

„185* октября 5 дня.

„Я самъ не свой. Вчера мнѣ пришлось переиспытать такъ много новаго, такъ непохожаго на все, что я до сихъ поръ видѣлъ. Меня и теперь бросаетъ въ дрожь, какъ только я живо

представлю себѣ, гдѣ былъ вчера... Странно! Мнѣ-бы, кажется, слѣдовало быть теперь совершенно довольнымъ, нескончаемое счастье чувствовать въ себѣ... Порой, дѣйствительно, я какъ-будто дитя какое: мнѣ болтать, смѣяться, цѣловаться хотѣлось-бы. Я такъ близко былъ около женщины. Но нѣтъ — не могу совладать съ собой, — мнѣ плакать, да, плакать, рыдать хочется. Кажется, такъ-бы вотъ и побѣждалъ къ Катѣ, высказалъ ей всю свою любовь къ ней, рассказалъ, что тотъ мѣръ, въ которомъ она живетъ, душный, ужасный мѣръ... тогда-бы только, какъ она поняла меня и въ ней проявилось-бы страстное желаніе подышать чистымъ воздухомъ, тогда-бы только я сладко, съ свѣтлой улыбкой на лицѣ обнялъ-бы свою милую. Что это за мѣръ въ самомъ дѣлѣ? что за существа, которыя живутъ въ немъ?.. Я и представить себѣ не могу, какъ это женщина должна съ постоянной, неизмѣнной лаской смотрѣть на каждого мужчину, который придетъ къ ней. Скучно ей, но онъ смѣется — и она должна смѣяться. О, это ужасное положеніе!.. Я смотрю на дѣло серьезно. Не могу иначе смотрѣть... Да всѣ онѣ, кажется, почти никогда не слышать и не видятъ около себя ничего, кромѣ пьяныхъ, развратныхъ рвѣчей и пьяныхъ, тупыхъ и бессмысленныхъ лицъ. Всѣ интересы нашего міра, наши радости, наше горе, для нихъ невѣдомы и не существуютъ. Но вѣдь, можетъ быть, та, которая теперь обязана исполнять малѣйшее желаніе перваго встрѣчнаго мужчины, была прежде невинной, хорошенькой дѣвочкой, любимой дочерью своей матери... Что она теперь должна чувствовать, когда вспомнить обо всемъ этомъ?.. Да это мученичество какое-то! Неужели можно привыкнуть ко всему этому?.. А, должно быть, привыкаютъ, даже умѣютъ весело и беззаботно смѣяться... Но — эта Настя съ ея отчаяннымъ, дикимъ воплемъ, этотъ безшабашный, одурающій развратъ, это опьянѣніе — развѣ не говоритъ все это о глухихъ, задавленныхъ мукахъ, о горѣ, отъ котораго отвязаться, забыть которое хочется?.. Меня вчужѣ горе и зло разбираетъ... Катя! Катя! въ какой ты тяжелой, подавляющей атмосферѣ живешь! А вѣдь и у тебя такое доброе личико, такъ много искренности въ немъ, и ты, можетъ быть, могла-бы жить другою, настоящей жизнію... Попробовать развѣ? Попробую, непременно попробую... Какъ она, напимѣръ, вчера смѣялась хорошо! „Что вы все такой пасмурный“? говорила она

мнѣ, когда я рѣшительно не могъ проронить отъ смущенія и отъ думъ разныхъ ни одного слова... Я?... Вамъ, кажется? „Ну-да. Что носъ-то повѣсилъ? Эх-ма!.. А еще такой“.. Она не договорила. Что—такой? спрашивалъ я, и чувствовалъ, какъ у меня что-то ужъ очень нѣжно выходитъ. „А тебѣ хочется, чтобъ я сказала? Такой... такой хорошенькій, чтожь еще-то“? Она залилась смѣхомъ. А я хоть и не привыкъ къ такому беззащитному обращенію, мнѣ хоть и не совсѣмъ по себѣ было, но все-таки я улыбался, я былъ почти счастливъ. По крайней мѣрѣ, дѣло напрямикъ, откровенно ведется. Поди-ка, какал-нибудь высоко-нравственная дѣвица—добьешься отъ нея какого-нибудь искренняго живого слова.“

Но когда Чебатовъ увидалъ во второй разъ свою Катю, многое представилось ему въ другомъ свѣтѣ и ко многому онъ отнесся совершенно, не такъ, какъ въ первый разъ. Тогда онъ былъ весь охваченъ и подавленъ тѣмъ, что видѣлъ, и что кругомъ его дѣлалось; онъ былъ какъ въ чадѣ. Теперь-же разсудокъ взялъ перевѣсъ и вступилъ въ свои полныя права. Что Чебатову не нравилось въ первый разъ, то онъ называлъ тогда дурнымъ, глубоко-безнравственнымъ и скорбѣлъ въ душѣ; все-же, что ему не понравилось во второй разъ, казалось просто пошлымъ, мизернымъ, противнымъ даже—и къ чувству скорби примѣшивалась доза презрѣнья. Это чувство сказалось и въ его дневникѣ.

„185* года, октября 10 дня.

„Что это за нелѣпая и дикая часть города, которую такъ тщательно игнорируютъ во всякомъ приличномъ обществѣ, но которая невидимыми, но крѣпкими нитями связана чуть-ли не со всякимъ семействомъ? писалъ онъ. Ее хотѣть забыть, ее отвергать и она сама гордо отвертывается отъ всѣхъ, не идетъ, не врывается никуда съ мольбой и заискиваньемъ, а между тѣмъ каждый вечеръ, каждую ночь изъ разныхъ концовъ собирается въ нее гордость и надежда матерей — наше молодое и старое юношество. Ее терпятъ, какъ неизбѣжное зло, какъ помойную яму какую-то, куда-бы стекали и отвлекались всѣ дурные общественные соки; а она напротивъ втайнѣ является очень важнымъ, даже власть имѣющимъ, членомъ общества... Откуда-же такая сила ея? Гдѣ начало и конецъ этой силы? Неужели-же

при семействахъ непременно должно состоять такое позорное учрежденіе? Неужели безъ него семья падеть и рухнетъ? И неужели *онъ* дѣйствительно охрана и защита нашихъ сестеръ, женъ, дочерей?.. Вѣдь это значить публично признаться, что наша мысль и фантазія, при первой-же нашей встрѣчѣ съ женщиной, сейчасъ принимаютъ развратное направленіе!“..

Прочитавъ эти строки черезъ два дня, Чебатовъ натолкнулся на возраженіе, а потому счелъ нужнымъ и *постарался* сдѣлать къ нимъ приписку.

„13 октября.

„Скажутъ: пустое-моль! къ чему ненужные громы краснорѣчія и излишніе потоки желчи? При нынѣшнемъ общественномъ положеніи, въ мужчинѣ сравнительно рано развиваются различныя естественныя потребности, и сравнительно поздно ему приходится законнымъ образомъ удовлетворять ихъ. Слѣдовательно, очень полезно, если для него есть такой простой выходъ изъ двусмысленнаго и ненатуральнаго положенія; этотъ выходъ не сопровождается никакими семейными драмами и комедіями.—Но такъ ли это? Дѣйствительно-ли существованіемъ такого выхода устраняются семейныя драмы и комедіи? Развѣ слово „падшая“ означаетъ съ неба упавшую? Она для исполненія своей роли вырывается изъ тѣхъ-же самыхъ семействъ, которыхъ послѣ отстаетъ и прикрываетъ; кто-нибудь ее, неустоявшую на ногахъ, да роняетъ-же. Или, можетъ быть, скажутъ, что всѣ онѣ, скажу для сравненія, какъ будто въ солдаты охотой идутъ и этимъ избавляютъ отъ нежелательной участи цѣлыя семьи другихъ своихъ сестеръ. Но такъ—не слишкомъ-ли будетъ? Послѣ этого какой-же аттестатъ выдать мужчинамъ?“..

Чебатовъ такъ заинтересовался своими отвлеченными вопросами, что, прочитавши свою приписку на слѣдующій день, нашелъ нужнымъ прибавить еще нѣсколько строкъ:

„14 октября.

„Допустимъ даже, что *онъ* защита и охрана... Но въ такомъ случаѣ я соглашусь лучше назвать нынѣшній порядокъ вещей, нынѣшнее воспитаніе и положеніе мужчины неестественнымъ, дикимъ, требующимъ реформы и возрожденія, чѣмъ безжалостно, съ тупымъ равнодушіемъ пройду мимо падшей и униженной и скажу: такъ нужно, а твоя доля—покорное терпѣніе... И не стыдно и

не зазорно намъ свое спокойствіе и благоденствіе основывать на горѣ и несчастіи многихъ и многихъ другихъ? Развѣ онѣ особенныя существа—лошади, мулы, чтобы съ невинной совѣстью сложить на нихъ свою тяжесть, свое бремя? Хорошо однако спокойствіе! хорошо благоденствіе! Благо не мы, не онъ, не я— а кто-то другія страдают! Какъ хотите-моль, на себя пеняйте! А намъ можно опочить и перестать тревожиться: и волки сыты, и овцы какими-то чудомъ цѣлы, хотя и шерсть и шкура въ достаточномъ количествѣ сняты съ послѣднихъ“...

Чебатовъ не удовольствовался и этимъ: такъ мысль его занялась однимъ и тѣмъ-же вопросомъ...

„14 октября, поздно вечеромъ.

„И зачѣмъ громкія слова? защита, охрана... Они не идутъ къ намъ, сухимъ и черствымъ душою; они умѣстны и поразительны лишь на языкѣ поэта, вдохновеннаго чувствомъ глубокой скорби и мести. Я спрашиваю, какъ могло быть дѣло въ самомъ началѣ? Кажется, не будетъ ничего неестественнаго, если я такъ представляю его... Мнѣ-же лично самому думается, что иначе и не могло быть... Вотъ какъ я представляю начальный ходъ дѣла: непременно долженъ былъ прежде явиться соблазнитель; зачѣмъ оболоченная имъ женщина должна была быть обманута и брошена. Иная, конечно, не выносить такого позора и срама. Но отчего не быть женщинамъ съ очень различной нравственностью: не всѣхъ ихъ воспитываютъ одинаково хорошо и правильно. По моему мнѣнію, и нужно допустить, что въ данномъ случаѣ обманутая женщина была съ очень неразвитымъ нравственнымъ чувствомъ. Можетъ быть, случилось такъ, что она была брошена не только своимъ возлюбленнымъ, но въ то-же самое время и отвержена всѣми, такъ-что ей не оставалось никакихъ другихъ средствъ къ жизни, какъ войти въ сношеніе съ тремя-четырьмя ей подобными (а такія, конечно, могли легко отыскаться: дѣйствіе происходитъ не въ пустынѣ) и составить известнаго рода корпорацію. Или, можетъ быть, случилось нѣсколько инымъ образомъ: обманутая женщина, по одному легкомыслию и страсти къ широкой, ничѣмъ несвязанной жизни, подумала и нашла, что ей теперь вовсе не страшно снисходительно относиться и къ другимъ мужчинамъ, а напротивъ даже выгодно. Сначала она, конечно, старалась вести свои дѣла тай-

комъ, а потомъ привыкла; между тѣмъ оказалось, что въ сущности все равно, что общій приговоръ на счетъ ея какимъ-то образомъ давно уже составился, и она стала публичной женщиной... Уже послѣ тѣ, кому надлежало и кто считалъ своей прямой обязанностью, воспользовались готовыми общинами и формально закрѣпили ихъ организацію. Точно также, послѣ стали попадать въ нихъ различныя личности случайнымъ, а, можетъ быть, и совершенно неожиданнымъ образомъ: къ примѣру, такова должна быть Настя... Можетъ быть, тутъ и есть какія-нибудь ошибки въ подробностяхъ; но, кажется, онѣ не могутъ быть важны. Я пишу, хотя и наскоро, но подумавши и поразмысливши. Слѣдовательно, что-же оказывается?—первой причиной образования той нелѣпой части города былъ развратъ, а затѣмъ дикая суровость общественнаго мнѣнія... А отъ разврата можно-ли чего ожидать, кромѣ его-же самаго?—Нѣтъ я думаю такъ, что лучшей защитой и охраной нашихъ семействъ служить они-же сами: пусть только въ нихъ все больше и больше развиваются и крѣпнутъ добрыя воспитательныя начала! Такого рода защита и теперь есть: она всегда была.

Быть можетъ, нѣсколько смѣшно и странно, но вполне вѣрно дѣйствительности то, что мысль Чебатова на этотъ разъ оказалась очень тягучей и шла въ своемъ развитіи дальше и дальше. Черезъ нѣсколько времени онъ къ своимъ размышленіямъ сдѣлалъ еще приписку такого рода:

„17 октября.

„Да полно, и при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, неужели положеніе мужчины, съ различными развившимися въ немъ естественными потребностями, такъ невыносимо? Неужели для удовлетворенія этихъ потребностей и во избѣжаніе отъ нихъ зла нужны такія дурныя отвлекающія средства?.. Ну, а женщины-то какъ? Ихъ положеніе, стало быть, выносимѣ?“..

Въ концѣ концовъ однако, всѣ приписки, дополненія и поправки завершились слѣдующей финальной строчкой. Она была написана точно въ торопяхъ, безъ всякой заботы о четкомъ и красивомъ почеркѣ и притомъ совсѣмъ другими, какими-то рыжими, чернилами. Строчка была коротка, но, по всему замѣтно, рассчитана на особенную ѣдкость впечатлѣнія. Числа предъ ней не было означено... Вотъ эта строчка:

„Между тѣмъ—куда пойдешь“?..

Можно заключить изъ нея, что мысль Чебатова, такъ усердно ради чего-то работавшая на поприщѣ чистаго отвлеченія, пошла своимъ чередомъ, т. е. какъ слѣдуетъ и какъ-бы давно пора, въ конкретномъ и уже знакомомъ намъ направленіи... Тотъ міръ, въ который вошелъ Чебатовъ съ желаніями поднять падшую женщину, оказался столь-же негодной почвой для исполненія его гуманныхъ и цивилизаторскихъ плановъ, какъ и тотъ міръ, гдѣ вращалась Александра Даниловна.

Разница была въ томъ, что Александра Даниловна испугалась, когда Чебатовъ сдѣлалъ первый шагъ, чтобы приступить къ „развиванію“ ея; Катя-же и Маши просто осмѣяли его попытки, сначала поразивъ его своимъ „падениемъ“, своею „неразвитостію“, а потомъ вселивъ въ него своею „развращенностью“ равнодушіе къ ихъ участи.

Прошла, наконецъ, университетская жизнь Чебатова. Предъ нимъ раскрывалось широкое поле практической, самостоятельной дѣятельности. Давно уже съ замираніемъ сердца онъ воображалъ себя въ роли общественнаго дѣятеля; вотъ онъ пріѣдетъ въ какую-нибудь глушь, съ испугомъ и подозрѣніемъ встрѣтитъ его тамошніе аборигены, закоснѣвшіе въ грѣхахъ ябеды, казнокрадства и взяточничества, и станутъ на первыхъ порахъ приголубливать его и лебезить предъ нимъ: авось—дескать прыть-то уймется, и онъ вникнетъ въ смыслъ мудраго и многоопытнаго слова, а потомъ и за пультку вмѣстѣ съ нами сядетъ. Но Чебатовъ знаетъ свое дѣло, и дѣлаетъ его, не горячася; безъ всякаго театральнаго Эффекта онъ шагъ за шагомъ проводитъ въ жизнь свои принципы; всѣ узнаютъ, что онъ за птица, и видятъ, что шутить съ ней нельзя. Начинаются подкопы подъ его благосостояніе, на него клеветуютъ, чернятъ его чистую, неподкупную дѣятельность, отъ него наконецъ сторонятся, какъ отъ явобинца какаго. Чебатовъ борется съ темными силами, не разъ изнемогаетъ и падаетъ духомъ, но въ концѣ концовъ... побѣждаетъ и лавровымъ вѣнкомъ увѣнчивается. Ему видится, какъ волны общественнаго мнѣнія, обновленнаго и окрѣпшаго, все растутъ и

ростутъ, и наконецъ охватываютъ собой всѣхъ и все, до самыхъ темныхъ и неприступныхъ угловъ нашего обширнаго и великаго отечества. Нѣтъ болѣе ни хищниковъ, ни грабителей, ни униженныхъ и плачущихъ; всѣ только и думаютъ о взаимныхъ услугахъ; благодѣтели и благодѣтельствуемые лицомъ къ лицу встрѣчаются другъ съ другомъ, протягиваютъ одни другимъ руки и даютъ себѣ третье, общее названіе „братья“. Всѣмъ такъ хорошо, свѣтло кругомъ; темныя личности, скорбя и рыдая, прятались по щелямъ и норахъ и съ беззубой злостью выглядываютъ оттуда, но на нихъ уже никто не смотритъ, о нихъ забыли... Хорошо то было время, когда кончалъ курсъ Чебатовъ, — горячее время, полное святыхъ и смѣлыхъ порывовъ!.. У всѣхъ была одна мысль, быть можетъ, нѣсколько и общая, но живая, высокая: искорененіе зла и неправды. Послѣ энергическихъ сборовъ и приготовленій, отправился искоренять это зло и Чебатовъ; дѣйствовать ему пришлось въ одномъ губернскомъ городѣ К*. Онъ и началъ дѣйствовать — сначала храбро и настойчиво; потомъ... но не въ этомъ дѣло. Скажемъ только, что, если гражданская дѣятельность Чебатова и не увѣнчалась желаннымъ успѣхомъ, то все-таки осталась сама по себѣ безукоризненной. Ну, и пусть остается такою. Разсказъ идетъ совсѣмъ объ иныхъ сторонахъ жизни Чебатова.

Однажды, еще очень ранней весной 186* года, когда онъ уже три года числился на службѣ, случилось ему простудиться какимъ-то образомъ и захворать. Болѣзнь оказалась нешуточной, и Чебатовъ посвѣшилъ пригласить доктора. Докторъ, сѣденькій старичекъ, пристально осмотрѣлъ больного, пощупалъ пульсъ, грудь выслушалъ, сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, затѣмъ поправилъ свои очки и задумался.

— Такъ, такъ, по всѣмъ признакамъ pneumonia... Такъ вы говорите, — сильная одышка у васъ, ознобъ и жаръ по вечерамъ.

— Да. Вотъ еще, докторъ, аппетиту совсѣмъ нѣтъ.

— Такъ и должно быть, такъ и должно быть... Pneumonia, pneumonia...

— Что такое?

— Такъ-съ, маленькое воспаленіе въ легкихъ. Легкія воспалены.

— Легкія воспалины... повторилъ Павелъ Антоновичъ, и, какъ-бы для провѣрки словъ доктора, хотѣлъ было вздохнуть полной грудью, но лишь застоналъ и завозился въ постели.

— Ничего, ничего-съ, поспѣшилъ докторъ утѣшить больного.— Успокойтесь. Вамъ нужно успокоиться: все это пройдетъ... Да, такъ-съ! разсуждалъ потомъ онъ больше съ собой, — усиленный притокъ крови къ легкимъ, ну отсюда ужъ и другія явленія...

— Такъ вотъ, докторъ, лечите меня, тяжело вздохнувши, произнесъ Павелъ Антоновичъ.

— И будемъ-съ, будемъ, только не спѣша, безъ особеннаго усердія, такъ сказать. Хэ-хэ-хэ! Все само собой пройдетъ-съ, особенно ужъ у васъ-то!..

— То-есть, какъ-же это, докторъ?

— Да ужъ положитесь на меня: довольно таки на своемъ вѣку разныхъ болѣзней видѣлъ. Опытность немалую приобрѣлъ — да-съ! Другой-бы васъ кровопусканіями замучилъ, а я нѣтъ, я врагъ всѣхъ этихъ heroica. Предоставимъ теченіе вашей болѣзни самой природѣ.

— Но, докторъ...

— Будьте покойны, милостивый государь, будьте покойны. Natura все сдѣлаетъ за васъ. О, natura — это сила! она лечитъ человѣка, а не мы-съ, не мы. Мы что-съ? Все наше знаніе предъ ней ничтожно-съ. Medicus, сказано, non est impetrator, sed... sed... докторъ усиленно сталъ тереть лобъ, какъ-будто забывъ что-то. Ну-съ, да однимъ словомъ, мы, то-есть, служители природы — не болѣе. Это великая истина-съ. Часто вотъ только забываютъ ее...

— Такъ-какъ-же вы думаете, докторъ?

— А вотъ-съ мы и будемъ дѣйствовать на основаніи этого мудраго изреченія. Тутъ-съ, милостивый государь, главное дѣло — условія, т. е. благоприятныя условія, разумѣю я. Будь вы поставлены въ условія, усиливающія вашу болѣзнь — вліяніе природы ослабѣло; наоборотъ, будете вы поставлены въ условія, при которыхъ сила природы можетъ проявиться безъ затрудненій, вліяніе болѣзни ослабѣетъ. Вотъ въ чемъ штука-съ! Мы, такъ сказать, направляемъ дѣйствіе природы на вашъ организмъ, путь очищаемъ для нея. Поди молю сюда къ намъ, голубушка! Хэ-хэ-хэ!

Ну и идетъ-съ... Такъ вотъ я вамъ съ одной стороны отвлекающее, а съ другой успокоивающее пропишу, чтобы, то-есть, ничто не мѣшало натурѣ-то, понимаете? Ну, она и подниметъ голову. Хэ-хэ-хэ!

Павель Антоновичъ сладко улыбнулся въ ожиданіи высокаго посѣщенія *натуры*, а докторъ попросилъ пера, сѣлъ и сталъ писать рецептъ.

— А вы не безпокойтесь, милостивый государь! Нашъ методъ—самый надежный методъ-съ. Онъ только одинъ и дѣлаетъ чудеса—да-съ!.. Вотъ у меня... Докторъ замаялся было нѣсколько, какъ-будто соображая, ужъ не остановится-ли, не далеко-ли, моль махнулъ; но слово-то, на которое ему вдругъ пришлось наскочить въ своемъ разговорѣ, черезъ-чуръ задѣвало за живое, и онъ не выдержалъ и продолжалъ:—вотъ у меня дочь есть; жалко, вы не знаете ее, а то сами-бы увидали — прежде мы съ ней врозь жили, ну туда-сюда еще, а теперь, вѣрите-ли, только въ ней и нахожу утѣшеніе своей старости, только ею и дышу, можно сказать.

Голосъ доктора слегка задрожалъ; старикъ видимо умилился.

— Ну, да не въ этомъ дѣло-съ, продолжалъ онъ, добродушно улыбаясь.—Такъ говорю я, Анюта у меня... случается мнѣ иногда самому захворать—у меня, нужно вамъ замѣтить, еще со временъ студенчества застарѣлый bronchitis, и, какъ видите, самъ я—на дняхъ лишь съ постели. Такъ Анюта въ этихъ случаяхъ... да, право лучше нашего брата доктора! Рецепта она вамъ не пропишетъ, жу а успокоить, именно вотъ поставить въ хорошія условія больного,—духъ, такъ сказать, его поднять...

Докторъ развелъ руками.

— Вотъ я вамъ сейчасъ сказалъ: духъ поднять больного. Вы какъ думаете? Какую большую роль играетъ это обстоятельство въ теченіи болѣзни! Сила природы удеслтерляется, можно сказать, отъ него—да-съ!

Павла Антоновича началъ забавлять докторъ. Больной духъ его повеселѣлъ и оживился.

— Но, докторъ, сказалъ и онъ въ свою очередь, силась улыбнуться,—вы этимъ свою науку унижаете. Это, кажется, вовсе не ваше средство.

— Что наша наука? Наша наука пала-съ! Прежде врачъ-то

что такое былъ? Можно сказать, небесъ посланникъ для больного! А теперь-съ — въ медицинѣ давно ужъ нѣтъ этого цѣльнаго воззрѣнія, единства никакого нѣтъ. Нынче вонъ всякій съ своей теоріей лѣзетъ, міръ просвѣтить думаетъ своими умствованіями. Ну и односторонность, узкость взгляда отсюда. Послѣдніе-то вонъ изъ нашихъ, самые новые-то, такъ даже просто рукой махнули на все, въ отчаяніе пришли... А подумашь, что прежде-то было? Нашъ великій учитель, напимѣръ, *divinus doctor*, какъ прозванъ онъ, Зайденгаймъ, -- что сказалъ, когда его спросили о лучшемъ способѣ изученія медицины? „Читайте, говоритъ, Донъ-Бихота!“ Хэ-хэ-хэ! Донъ-Бихота. Вотъ вамъ всѣ и теоріи наши! Мыльный пузырь, значить, онѣ. Да-съ. Предметъ нашей науки человекъ, а его ни въ какую теорію не уложите. Опять вотъ Гиппократъ, *divinus rex medicinae*... да что тутъ?

Докторъ махнулъ рукой.

— Я, можетъ быть, надоѣлъ вамъ болтовней своей. Ужъ извините, батюшка, наше дѣло такое: все думаешь, какъ-бы это... на-счетъ, то есть, развлеченія больного... Такъ вотъ принимайте-ка, какъ тутъ прописано.

Докторъ далъ подробное наставленіе Чебатову, какъ вести себя, простился съ нимъ и ушелъ.

„Вотъ чудакъ-то!“ подумалъ Павелъ Антоновичъ по уходѣ его. Черезъ день докторъ опять навѣстилъ больного.

— Ну что, какъ? Поправляетесь?

— Плохо, докторъ.

— Гм! Плохо... Нельзя, милостивый государь, нельзя вдругъ. Терпѣніе нужно-съ! Болѣзнь-то ваша такая, съ цѣлебическимъ теченіемъ, изволите-ли видѣть, какъ мы выражаемся. Сначала это *stadium incrementi*, потомъ болѣзнь достигаетъ своей аспиае, потомъ *stadium decrementi*—все это по порядку. У васъ, впрочемъ, все это въ болѣе легкой формѣ.

Докторъ принялся осматривать больного, потомъ сѣлъ сочинять рецептъ.

— Да-съ, ужъ потерпѣть нужно. Теперь скоро, скоро пройдетъ... Жалко вотъ: вы все одни, да одни, кажется,—докторъ почему-то осмотрѣлся кругомъ, — утѣшенія-то никакого со стороны нѣтъ.

— Да что-же въ немъ докторъ? По моему, не поможетъ...

— Э, нѣтъ-съ! не говорите. На себѣ испыталъ, на себѣ испыталъ, милостивый государь. Какъ ужъ тамъ хотите, а уединеніе непременно омрачаетъ духъ человѣка. Вотъ я ужъ вамъ говорилъ о своей Аняутѣ: вѣрите-ли, такъ привыкъ къ ней за послѣднее время, что, кажется вотъ, не будь ея — отъ ничтожной болѣзни умру-съ, ей-ей, умру...

— Это вы про себя говорите, докторъ. Другому, можетъ быть, и ничего одному, можетъ быть, даже лучше.

— Не могу повѣрить этому, не могу повѣрить. Мы вѣдь медики, а слѣдовательно естествоиспытатели въ нѣкоторомъ смыслѣ, такъ знаемъ-съ, что законы природы вездѣ и для всѣхъ одинаковы. Да-съ! Вотъ оно что-съ!.. А вы вотъ выздоравливайте-ка, да за подругой жизни отправляйтесь на поиски. Хэ-хэ-хэ! Дѣло-то и лучше будетъ.

Павелъ Антоновичъ улыбнулся.

— Ну, докторъ, трудны эти поиски.

— Что вы, что вы-съ! Въ нашемъ городѣ да трудны...

Докторъ вдругъ остановился, какъ-бы спохватившись.

— Впрочемъ вы... изъ моего сопоставленія не думайте вывести чего. Я своей Аняуты никому не уступлю, никому, никому-съ! Ужъ вы меня извините, батюшка... самъ не знаю, какъ это вышло... Заболтался, что-ли...

Докторъ замѣтно растерялся.

— Будьте покойны, докторъ, я ничего не предполагаю.

— То-то, то-то! А то вѣдь, знаете, молодые люди... сейчасъ и на смѣхъ насъ, стариковъ. А вѣдь это вы только себѣ-наумъ, а у насъ все отъ простоты сердца... Хэ-хэ-хэ! Мы-съ — жрецы науки! Куда намъ до житейской политики!..

Павелъ Антоновичъ не могъ не улыбаться, глядя на старика.

— Такъ вотъ, говорю я: ужъ не скучайте — дней пять, шесть, а тамъ опять всѣ блага земныя передъ вами. Никакого доктора не нужно будетъ.

Докторъ простился съ больнымъ и ушелъ.

„А что это такое за дочь у него? Интересно было-бы посмотреть!“ подумалъ Чебатовъ по уходѣ доктора.

Здоровье больного дѣйствительно начало поправляться. Докторъ еще раза три-четыре побывалъ у него, а потомъ ужъ и не

зачѣмъ было. Чебатовъ видимо выздоравливалъ, а недѣли черезъ четыре, занятый дѣлами службы, совсѣмъ-было позабылъ и о докторѣ, и о его дочери, если-бы случай не столкнулъ его съ ними.

Однажды -- это было какъ разъ въ началѣ мая, когда зеленъ только-что начала распускаться — Павелъ Антоновичъ вышелъ прогуляться на бульваръ. Было еще довольно рано, и на бульварѣ почти никого не было. Прошелъ Павелъ Антоновичъ разъ во всю длину его, хотѣлъ-было повернуть и измѣрить ее еще въ другой разъ, — какъ увидалъ, что на бульваръ входитъ знакомый ему докторъ, но не одинъ, а съ дочерью. Павелъ Антоновичъ остановился и посмотрѣлъ сначала на доктора, потомъ на даму, которая шла подъ руку съ нимъ. Но на первый разъ ему удалось разглядѣть въ новой личности и запомнить лишь одни черные глаза, пристально взглянувшіе на него изъ-подъ черной круглой шляпы. Выраженіе ея лица, цвѣтъ платья, ростъ, другія особенности только мелькнули предъ нимъ и сейчасъ-же исчезли, не оставивъ въ душѣ никакого слѣда. Впрочемъ, эта новая личность и не могла ничѣмъ особеннымъ поразить зрителя: въ чертахъ ея лица не было и тѣни античной правильности; была она скорѣе худоцава, чѣмъ юлна, но при этомъ скорѣе высокаго роста, чѣмъ маленькаго; шла она, какъ обыкновенно ходятъ, впрочемъ не висѣла при этомъ на рукѣ у своего папаши, граціозно не сгибала своей спины, какъ тѣ — добровольно или пѣтъ, судить не намъ — дѣлаютъ нѣкоторыя, но, въ то-же время, и не шла, какъ говорится, грудью впередъ, а такъ просто шла, какъ обыкновенно ходятъ. Словомъ, на первый разъ — ничего особеннаго. Къ этому развѣ можно прибавить, что она очень старательно куталась въ свою мантилью, какъ-будто ей было холодно, но Чебатову рѣшительно некогда было разглядывать эту новую личность.

Онъ былъ закиданъ вопросами. Докторъ, по своему всегдашнему добродушію, очень обрадовался своему бывшему пациенту, точно передъ нимъ былъ отецъ родной, котораго онъ лѣтъ десять не видалъ и считалъ уже умершимъ. Но — мы сказали-бы: къ крайнему его огорченію, если-бы радушіе доктора не было неизмѣримо выше его проницательности — Павелъ Антоновичъ повелъ себя, какъ разъ напротивъ; онъ отвѣчалъ отрывочно, какъ-будто остерегался высказываться, таялъ слова, какъ будто былъ за-

нять чѣмъ-то еще стороннимъ и забывалъ, что ему дальше говорить. Замѣтно было, что онъ точно сердился даже. Ему было непріятно чувствовать, что вотъ это третье незнакомое лицо возьметъ да и воспользуется своимъ выгоднымъ безмолвно-наблюдательнымъ положеніемъ и скажетъ про себя: „ну-ка, ну-ка! поговорите-моль, а я послушаю, да посмотрю на васъ, какъ-то вы отличитесь“! Право, непріятно, точно экзаменъ сдаешь и въ положеніи школьника находишься, думалось Чебатову.

— Ну-съ вотъ, говорилъ докторъ съ добродушнѣйшей улыбкой заглядывая въ лицо Павла Антоновича, — и гуляете уже!

— Какъ видите, докторъ.

— Хорошо, хорошо, очень хорошо-съ... А насъ и забыли ужъ. Чай, и не вспомните никогда?

Павель Антоновичъ хотѣлъ-было разинуть ротъ съ цѣлью снять съ себя наговоръ, но докторъ перебилъ его.

— Не оправдывайтесь, не оправдывайтесь. Ужъ мы знаемъ-съ... Боленъ человекъ—ну и нужны мы. Спасите, говорятъ. А тамъ... тамъ насъ... И докторъ не договорилъ, а лишь жестомъ показалъ, какъ ихъ третируютъ и поспѣшилъ обѣими руками снова схватить руку Чебатова ижать ее. — Шучу-съ, шучу, мой любезнѣйшій! Обижаться не вздумайте. Докторъ улыбался и смотрѣлъ на Чебатова.

Богъ знаетъ, контрастъ что-ли былъ слишкомъ рѣзокъ между его фізіономіей и фізіономіей Чебатова, — только и докторъ замѣтилъ что-то, и не выдержалъ.

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ? Ужъ не случилось-ли послѣ болѣзни чего съ вами?

— Что такое?.. Ничего, вается.

— Да ничего, ничего-съ! Жизни-то вотъ только въ васъ нѣтъ, огня-то этого—понимаете? Хэ-хэ-хэ-съ! И докторъ засмѣялся.

Какъ-то принужденно улыбался и Павель Антоновичъ.

— Однако, что-жъ это мы стоимъ? спохватился вдругъ докторъ. — Проидетесь виѣстѣ. Аннушка ты не прочь? обратился онъ къ своей дочери.

Та во все это время, такъ-какъ дѣлать ей рѣшительно было нечего, хотъ и держалась за руку доктора, но стояла къ разговаривающимъ въ пол-оборота и смотрѣла куда-то вдаль, въ сто-

рону. Слова доктора заставили ее быстро обернуться и вопросительно посмотреть на него.

Теперь Павлу Антоновичу самому можно было помолчать нѣсколько и стать въ завидное для него наблюдательное положеніе и онъ во-второй разъ осмотрѣлъ новую для него личность. „А не дурна, подумалъ онъ, есть что-то такое, что“...онъ такъ и не кончилъ фразы. Подмѣченное *что-то* еще и не думало называть себя по имени.

— Это вы ко мнѣ, папаша?

— Да, да, Аннушка... Предлагаю вотъ тронуться съ мѣста. Не стоять-молъ пришли сюда, а гулять... отдать, такъ сказать, должное нашему общественному учрежденію. Хэ-хэ-хэ!

— Ну что-жь, папаша, тронемтесь.

Легкая улыбка скользнула при этихъ словахъ по ея лицу...

— Однако.... однако, засуетился докторъ, — что-же это я? Вотъ ужъ подлинно зарпортовался... Рекомендую-съ: дочь моя, Анна, обратился онъ къ Чебатову.—Мой недавній, но хорошій знакомый, заговорилъ-было онъ потомъ, обратясь къ дочери. — Павелъ... Павелъ... Но память его дальше никакъ не хотѣла идти, и докторъ еще болѣе засуетился.

— Павелъ Антоновичъ Чебатовъ, успѣвшиль подсказать ему, что слѣдуетъ.

— Ахъ, да, да! Павелъ Антоновичъ Чебатовъ, поправлялся докторъ. — Экая это память, кацалья! Помню это Павелъ, Павелъ... а дальше—хоть ты что хочешь! Что вы тутъ прикажете дѣлать?

Все это вышло очень смѣшно и новые знакомые, раскланявшись, не могли не разсмѣяться.

А докторъ между тѣмъ все продолжалъ вести перебранку съ своей злодѣйкой—памятью. Дочери наконецъ, должно быть, жалко стало отца...

— Да, папаша! заговорила она,—хороши вы у меня: нечего сказать! Сначала было совсѣмъ меня забыли, а потомъ оказалось, что вы и своего знакомаго-то плохо помните.

Старикъ понялъ шутку дочери и добродушнѣйшимъ образомъ расхохотался. Нѣтъ ничего отраднѣе для провинившагося, какъ передать скверную для него обязанность бранить себя изъ своихъ рукъ въ другія (конечно, надежныя).

— Да, да, дочка, твердилъ докторъ, — хорошъ, хорошъ! Брани меня, жури... Достоинъ этого!

— А вотъ и нѣтъ-съ! началъ вдругъ Павелъ Антоновичъ, внимательно прослѣдившій за каждымъ словомъ дочери доктора и быстро ухватившійся за мелькнувшую въ его головѣ мысль. (Слова дочери доктора такъ были хорошо сказаны, что невольно и ему захотѣлось попробовать что-нибудь въ этомъ-же родѣ: онъ точно спохватился и спѣшилъ поправить свою оплошность). — А вотъ, и нѣтъ-съ, докторъ! Послѣ сейчасть произнесеннаго надъ вами приговора, такъ мѣтко и точно резюмировавшаго ваше преступленіе и безвозвратно осудившаго васъ, ничего больше не остается, какъ счесть дѣло рѣшеннымъ и—это послѣднее ужъ по судейскому мягкосердечію—предать его волѣ Божіей.

Ясно, Чебатовъ обладалъ, въ существѣ дѣла, сердцемъ, открытымъ для всѣхъ высокихъ чувствованій и докторъ окончательно пришелъ въ восторгъ.

— Дѣльно, дѣльно-съ! твердилъ онъ.—Ничего не могу сказать... истинно предать волѣ Божіей. Такъ вѣдь Аннущка? Да?

— Вѣрно папаша. И дочь улыбнулась.

— Разговоръ перешелъ къ общественнымъ событіямъ и докторъ съ увлеченіемъ сталъ восхвалять разныя нововведенія. Павелъ Антоновичъ выразилъ при этомъ сильный скептицизмъ и поспорилъ съ докторомъ, говоря, что въ сущности все идетъ по старому.

Подъ конецъ прогулки докторъ уже такъ относился къ Чебатову, какъ будто тотъ былъ однимъ изъ заведенныхъ друзей его. Разставаясь, онъ настоятельнѣйшимъ образомъ просилъ Чебатова къ себѣ въ домъ. Уже пошли было новыя пріатели въ разныя стороны, а докторъ не вытерпѣлъ.

— Такъ не забудьте-же? Павелъ Антоновичъ! кричалъ онъ.— Тамъ-съ, на краю города: домъ доктора Григорья Андрееча Ведрова, еще съ такимъ садомъ большимъ! Знаете, чай!...

Крикъ доктора заставилъ обернуться Чебатова. Онъ съ улыбкой повторялъ.

— Приду-съ, приду... Долгомъ сочту...

При этомъ, конечно, онъ не упустилъ случая еще разъ взглянуть на дочь доктора. Взглянулъ—и ему вдругъ почему-то сильно захотѣлось сказать ей на прощаньи что-нибудь пріятное, что-

нибудь такое, что вызвало-бы улыбку на ея лицѣ, — точно она была его давнишняя знакомая, которую онъ очень хорошо понималъ и которая сама въ свою очередь очень хорошо его понимала. Но, конечно, Павелъ Антоновичъ былъ настолько благодаренъ, что изъявилъ лишь порываніе и сейчасъ-же удержалъ себя. Павелъ Антоновичъ распростился съ докторомъ въ наиприятнѣйшемъ настроеніи духа. Ему легко, весело было. Онъ шелъ и думалъ о докторѣ и о его дочери. „Отецъ и дочь — думалъ онъ — а какъ не похожи другъ на друга! Совершенно нѣтъ ничего сходнаго!“ Какъ будто онъ отлично зналъ ихъ обоихъ! „Непремѣнно пойду къ нему — повторялъ онъ про себя — непременно: нужно познакомиться!“.. И Чебатову вдругъ вспомнились почему-то слова доктора о садѣ. Въ его головѣ сталъ рисоваться садъ — большой, тѣнистый. „Хорошо въ немъ погулять, думалось Чебатову, такъ вечеромъ... теперь-же такіе славные вечера пойдутъ!“ И Чебатову думается уже, что онъ гуляетъ въ немъ, и не одинъ, а съ ней... говорятъ они о чемъ-то... „Э-э-э! да ужъ куда я хватилъ!“ уличаетъ при этомъ самого себя Чебатовъ и возвращается вспять своею мыслью... Но докторъ и его дочь все-таки сидятъ у него въ головѣ. „Да, думаетъ онъ, въ ней есть что-то такое... совсѣмъ, совсѣмъ непохожа на отца!“ „И какаѣ у ней славная улыбка!“ добавляетъ онъ — и мысль его останавливается на этой улыбкѣ. Хорошо Павлу Антоновичу: вѣдь эта улыбка, очень легко можетъ быть, къ нему относилась... „А вѣдь нѣтъ, впрочемъ, что-то вдругъ подсказываетъ ему, — такъ улыбаться и мужчины могутъ: хорошенькая женщина иначе улыбаться умѣетъ“. И хоть смутно, но мерещится Павлу Антоновичу какаѣ-то хорошенькая женщина съ своей особенной улыбкой на лицѣ... „А у этой и лицо-то какое серьезное!.. Молода что-ли она еще?“ „Впрочемъ, что-же это я? во второй разъ останавливаетъ свою мысль Чебатовъ. — Это и лучше... Знаемъ мы тоже эту хорошенькую женщину съ ея улыбкой!“ И ходъ мыслей его принимаетъ иное направленіе. Дочь доктора надѣляется и умомъ, и серьезнымъ взглядомъ на вещи, любовью къ дѣлу, къ простой, шумной жизни... Павелъ Антоновичъ такъ былъ увлеченъ своими мыслями, что и не замѣтилъ, какъ далъ еще лишнихъ тура два по бульвару. Стала наконецъ появляться публика. Это заставило Чебатова бросить свои

фантазіи. „И съ чего это я? подумалъ онъ. Вечоръ что-ли больно хорошъ“? Чебатовъ посмотрѣлъ кругомъ себя, на яркую, точно сейчасъ выстиранную, молодую зелень бульварной растительности, потомъ на чистое, также точно сейчасъ обмытое и вытертое, темно-лазуревое небо и жадно потянулъ въ себя воздухъ. Вечеръ дѣйствительно былъ хорошій... Начиналось лѣто— и душа Павла Антоновича просила отдыха, любви и счастья. Что-жь? добрый путь... Хорошее дѣло!

Къ сожалѣнію, на слѣдующій день Павла Антоновича начала мучить мысль, что онъ при молоденькой дочери доктора высказалъ свои сомнѣнія на счетъ прогресса. Онъ внутренно ругалъ себя и придумывалъ, какъ загладить свой промахъ.

Онъ не долго заставилъ доктора ждать себя. Дня черезъ четыре вечеркомъ онъ ужъ шелъ къ нему, безъ труда отыскавъ его домъ, бѣгло посмотрѣлъ на него—домъ былъ деревянный, небольшой, съ высокими окнами и оштукатуренными колоннами на лицевой сторонѣ—потомъ взошелъ на крыльцо, толкнулся въ дверь, разсчитывая, что она заперта, но обманулся и свободно проникъ до передней.

Въ просторной, но нельзя сказать, чтобы опрятной и чистой передней онъ встрѣтилъ какого-то очень неказистаго на взглядъ старикашку, который въ длиннополомъ сюртукѣ сидѣлъ предъ очень небольшимъ кусочкомъ разбитаго зеркала и тщательно скребъ бритвой по взмыленной фізіономіи. Завидѣвъ посторонняго, старикашка засуетился, привсталъ со стула и началъ оправляться. Павелъ Антоновичъ ждалъ, что будетъ; но тотъ во все, кажется, и не думалъ обратить на него достоюжнаго вниманія. Подивившись патріархальности нравовъ въ домѣ доктора, онъ началъ самъ:

— Послушайте-ка, любезный, вы, кажется... слуга здѣсь.

— Точно такъ-съ. Служу-съ. Слугой Семеновъ прозываюсь.

Павелъ Антоновичъ невольно улыбнулся, смотря, какъ представлялся его особѣ слуга Семень.

— Ну-у-у, а Григорій Андревичъ дома?

— А они только чай сейчасъ изволятъ кушать. Дома, сударь. На прахтику еще не скоро отправятся.

— Такъ, нельзя-ли сходить доложить обо мнѣ: Павелъ Антон...

— А пожалуйста-съ такъ. У насъ завсегда такъ, напосто-съ! Такъ прямо и пожалуйста. Тамъ ужъ Григорью Андреичу и скажете свой чинъ, званіе и фамилію. А намъ—не для чего-съ!

— У васъ, значить, безъ всякихъ ненужныхъ формальностей?..

— Такъ точно, сударь. Оно и лучше-съ. Не впримѣръ лучше-съ. И всѣ довольны-съ! Простота потому, ораторствовалъ Семень, а самъ межъ тѣмъ усиленно теръ себя по лицу какой-то тряпицей.

Но Павелъ Антоновичъ ужъ не слушалъ болтливаго старика и входилъ во внутренніе покои доктора. Комната, въ которую попалъ онъ, была, какъ и передняя, очень значительной вмѣстимости. Въ одномъ углу стоялъ массивный рояль; на крышкѣ его было разбросано множество нотъ, — порядка въ нихъ не было никакого: видимо, онѣ часто перебирались, но, должно быть, за спѣшностью дѣла, такъ и оставлялись въ томъ положеніи, въ которомъ ихъ бросили. Между нотами было много и книгъ. Книги видны были кое-гдѣ и по кресламъ. Этихъ послѣднихъ было также очень много въ комнатѣ. Можно было замѣтить, что когда-то, можетъ быть, очень недавно, всѣ они стояли чинно, одно бокомъ къ другому; но вотъ четыре кресла, видно, вѣрѣе еще держатся дисциплины, а пятое стало ужъ къ нимъ задомъ и нѣсколько выдвинулось изъ ряда; а вотъ еще другія кресла такъ совсѣмъ вышли изъ ранжира и помѣстились, которое у рояля, которое у стола, оставивъ послѣ себя лишь пустое мѣсто. Въ комнатѣ, видимо, очень часто, если не постоянно, кто-нибудь да былъ. Объ этомъ говорило и полное отсутствіе пыли: ея нигдѣ не было, а пыль, какъ извѣстно, любить, чтобъ ее не беспокоили... Рѣшить Павлу Антоновичу, для кого эта комната предназначалась, для постороннихъ, или для самого семейства доктора, было очень трудно. Съ одной стороны ее можно назвать и гостинной, потому-что была она слишкомъ открыта, и всякій съ улицы прямо и легко могъ попасть въ нее. А съ другой стороны, можетъ быть, это столовая, потому-что отчего-же ей не быть столовой? А можетъ быть, и кабинетъ доктора; потому-что вонъ и мягкое, глубокое кресло, въ которомъ именно только и дремать послѣ-обѣда, вонъ и столъ со всѣми письменными и неписьменными принадлежностями

и бездѣлушками, вонъ даже каминъ въ стѣнѣ.—Все это такъ, ну а вѣдь, можетъ быть, это и чайная: почему знать? Въ тому-же въ то время, какъ Павелъ Антоновичъ вошелъ въ нее, на одномъ изъ столовъ помѣщался цѣлый чайный приборъ... Павелъ Антоновичъ такъ и остался въ недоумѣннн.

Въ комнатѣ никого не было, кромѣ доктора, который сидѣлъ въ креслѣ около стола съ чайнымъ приборомъ и читалъ газету. Изъ нежеланія-ли быть застигнутымъ кѣмъ изъ постороннихъ врасплохъ въ неприличномъ видѣ, или такъ по привычкѣ, но одѣтъ онъ былъ не въ халатъ, а въ хорошенькое легкое пальтецо. Усмотрѣвъ Павла Антоновича, онъ, по обычаю, несказанно обрадовался.

— Вотъ утѣши.ч-то! твердилъ онъ, суетясь около Чебатова.—А я ужъ было... хэ-хэ-хэ-съ!.. Сюда, сюда, мой любезнѣйшій! Вотъ вамъ кресло. Чай съ нами... Да гдѣ-же Аннушка?

Старикъ осмотрѣлся кругомъ себя и потомъ взглянулъ въ другую комнату.

— А, да она на балконѣ!.. Ну, да пусть ее покажеться...

Взглянулъ туда-же и Павелъ Антоновичъ и замѣтилъ въ другой комнатѣ дверь со стеклами наверху. Сквозь эти стекла была видна терраса, а на ней, облокотясь на перила, стояла фигура дочери доктора и смотрѣла куда-то въ даль. А даль—это былъ садъ дождора, большой такой, какъ онъ выражался...

— Ну-съ вотъ! продолжалъ докторъ,—рекомендую-съ: логовище мое. Смирно-съ, тихо живемъ, въ простотѣ, такъ сказать, нравовъ...

Павелъ Антоновичъ слегка улыбнулся, вспомнивъ взмыленную физиономію слуги Семена.—А докторъ вдругъ забѣгалъ по угламъ, видимо, ища чего-то.

— Семень, что-ли, куда запропастилъ? удивлялся онъ, видимо, больше про себя, но вслухъ.—Ахъ, да вотъ она!

То была длинная черешневая трубка.

— Позвольте, впрочемъ!

И чубукъ былъ поставленъ опять на свое мѣсто.

— А васъ я сигарой...

— Да не безпокойтесь, докторъ! хотѣлъ было отказываться Павелъ Антоновичъ.—У меня всегда съ собой папиросы: я ихъ курю...

— Нѣтъ, ужъ позвольте! Ужъ у меня такія... что ваши панталоны! Да вотъ-съ, извольте-ка попробовать!.. Да вникните-съ, слышите—вникните-съ!

— А сами мы, говорилъ онъ потомъ, указывая на чубукъ,— вотъ-съ... по старинѣ-съ... хэ-хэ-хэ!

Хозяинъ и гость закурили и усѣлись въ кресла.

Въ это время дверь со стеклами слегка зазвенѣла, отворилась, въ комнату вошла дочь доктора.

У Павла Антоновича почему-то слегка дрогнуло сердце.

— А, вотъ и прекрасно! заговорилъ докторъ.—А мы... чего-чего это недостаетъ? а это—хозяйки!

Павель Антоновичъ поспѣшилъ поздороваться.

— Ахъ, это вы!.. Здравствуйте, отвѣтила дочь доктора.

Павель Антоновичъ посмотрѣлъ на нее и на этотъ разъ замѣтилъ въ ея лицѣ... что-то вялое, апатичное, точно ее сейчасъ подняли со-сна, и она, нехотя и не выспавшись, встала. „Что это съ ней?“ подумалъ Павель Антоновичъ и потомъ прибавилъ: „однако это хорошо, хоть и съ нѣкоторой... невнимательностью, но въ то-же время прямо и просто... Такъ и нужно, вѣдь мы, какъ ни-на-есть, а знакомы ужъ!“ Павель Антоновичъ почувствовалъ даже въ себѣ приливъ покойной бодрости и смѣлости.

— А я вотъ что, Аннушка! продолжалъ межъ тѣмъ свое докторъ.—Ужъ ты тамъ какъ хочешь, а на этотъ разъ—наша хозяйка... Вотъ, Павель Антоновичъ—какъ вамъ это нравится?—Не могу непослушницу приучить чай разливать... Вы какъ думаете? Это ея прямое дѣло. Согласитесь, вѣдь это срамъ; держу, можно сказать, единственно ради каприза ея, разныхъ экономокъ и ключницъ. Старая тетка-баловница, какъ на грѣхъ умерла-вотъ...

— Ну-съ, я въ этомъ дѣлѣ не судья! улыбаясь, отвѣчалъ Павель Антоновичъ.—Можетъ быть, на взглядъ Анны Григорьевны такъ и нужно.

— Да нѣтъ-съ, Павель Антоновичъ, мой любезнѣйшій! Какой-же это тамъ можетъ быть взглядъ? Вы смотрите на дѣло съ общей точки зрѣнія. Разсудите, вѣдь ужъ можно сказать, законъ, аксіома: мужчина пьетъ чай—и только, женщина-же пьетъ и въ то-же время разливаетъ его. Хэ-хэ-хэ-съ! Вѣрно-съ! Ужъ это аксіома, аксіома, вещь доказанная и рѣшенная.

— А для меня, папаша, значить нерѣшенная... Ну какъ же, въ самомъ дѣлѣ? обратилась она къ Чебатову,—вѣдь скучная вещь это: я одну чашку пью, а тутъ сиди и смотри, какъ другіе пьютъ, да подливай имъ чаю. Вѣдь это тоска.

— Вотъ-съ, какъ вамъ это нравится? И извольте соглашаться. И соглашаюсь вѣдь, Павелъ Антоновичъ, неубѣжденъ, а соглашаюсь. Что вы тутъ приважете дѣлать? Ужъ такъ мнѣ, должно быть, на роду написано... то-есть, соглашаться молъ. Хэ-хэ-хэ!

И докторъ добродушнѣйшимъ образомъ смѣялся.

— Но и нельзя въ этомъ случаѣ не согласиться, Григорій Андреечъ. Анна Григорьевна имѣетъ резонъ.

Дочь доктора такъ просто обратилась къ Чебатову и притомъ съ такими умными и такъ искренне сказанными словами, что ему даже пріятно стало быть на ея сторонѣ и раздѣлять ея мнѣнія. Въ скобкахъ сказать, Анна Григорьевна почти еще не говорила съ нимъ, а если что и сказала, такъ въ сущности по поводу пустяковъ какихъ-нибудь; но Павелъ Антоновичъ разъ заинтересовался ей—и она, съ каждымъ своимъ словомъ, все выростала и выростала въ его мнѣнія.

— Ну да, прекрасно-съ! отвѣчалъ докторъ.—Но на сей разъ оставимъ, такъ сказать, астрономамъ и прочее-съ... хэ-хэ-хэ... Знаете-съ! А ужъ Аннушка должна намъ разлить чай. Потому, сами вы можете рассуждать, Павелъ Антонычъ, и по латинской грамматикѣ полагаются исключенія изъ правилъ. Такъ вѣдь, Аннушка?

Всѣ засмѣялись.

— Ну, да я на этотъ разъ буду разливать. Дочь доктора сѣла къ столу.—Вотъ видите папаша. Не все, значить, вы только соглашаетесь, съ легкой улыбкой замѣтила она.

— Да ужъ ты у меня... И старикъ не кончилъ. Должно быть, отъ полноты чувствъ уста его закрылись и онъ только по-смотрѣлъ на дочь, любясь ею.

Стали пить чай. Разговоръ продолжался, конечно, и за чаемъ. Говорили о разныхъ постороннихъ и непостороннихъ, интересныхъ и неинтересныхъ предметахъ. Но Анна Григорьевна изрѣдка лишь вставляла свое словечко, а больше сидѣла молча. Въ задумчивости, облокотясь на столъ, она то покачивалась виѣсть

съ своимъ стуломъ взадъ и впередъ, то слегка приподнимала и опускала крышку у чайника. Иногда, впрочемъ, взглядывала или на своего папашу, или на Павла Антоновича. На послѣдняго раза два взглянула даже очень пристально, точно съ цѣлью изученія. Чебатову, конечно, хотѣлось, чтобы она говорила; но вопросъ,— какъ заставить ее говорить, когда она видимо не расположена?

Кончили наконецъ чай. У Чебатова мелькнула мысль въ шутку поблагодарить Анну Григорьевну за разливанье чая, не выйдетъ-ли моль чего отсюда?

— Благодарю васъ, Анна Григорьевна, за... началъ было онъ, поднимаясь съ кресла.

— За что такое?

— Да вотъ-съ... И Чебатовъ съ улыбкой указалъ на чайникъ.

— Такъ-съ, такъ! перебилъ докторъ; онъ въ это время вошелъ съ своимъ чубукомъ.— Это вы, Павелъ Антоновичъ, вѣрно-съ. Вотъ и я сейчасъ по вашимъ-же слѣдамъ.

— Ну-съ... Дочь доктора хотѣла было что-то замѣтить, но почему-то понизила голосъ и быстро произнесла:— не на чемъ...

Такъ изъ попытки Чебатова и не вышло ничего. Но докторъ свое сдѣлалъ: подошелъ къ дочери и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Ужь какъ хочешь, Аннушка!

Дочь на это ничего не сказала, подошла къ роялю и стала перебирать ноты. Потомъ закурила папиросу, тихо прошлась по комнатѣ и хотѣла было выйти.

— Ты куда это, Аннушка?

— Въ садъ, папаша.

— Кажется, пошелъ дождикъ...

— Ну, такъ я на балконъ постою.

— Да посиди съ нами. Намъ безъ тебя, право, будетъ скучно.

— Ну вотъ... Что это вы, папаша?

— Ну-ну-ну... Ужь ты у меня... И докторъ, смѣясь, замалчалъ рукою.

— Я вѣдь ворочусь, папаша. Дочь съ легкой улыбкой взглянула на отца и вышла.

Докторъ и Чебатовъ опять остались одни, и разговоръ потянулся только между ними двумя.

Такъ продолжалось довольно долго.

Павлу Антоновичу стало надоѣдать говорить все съ докторомъ и съ докторомъ. Мысль его была занята вовсе не имъ.

Наконецъ Анна Григорьевна пришла назадъ, сѣла въ кресло, прислушалась было къ тому, о чемъ говорилось, но потомъ взяла книгу и стала ее перелистывать.

Она, должно быть, и не подозрѣвала, что за каждымъ ея шагомъ очень внимательно слѣдятъ.

— А ты, Аннушка, обратился наконецъ къ ней отецъ, нынче что-то особенно скучна.

— Я?.. Анна Григорьевна положила въ сторону книгу.

— Да, Аннушка. Что это ты въ самомъ дѣлѣ кака?

— Ничего, папаша! медленно, растягивая слова, отвѣчала дочь и покачала головой.— Это вамъ такъ показалось, должно быть.

— Да ужъ ты не увѣрай меня. Со стороны-то мнѣ лучше видно.

— Нѣтъ, папаша. Это вы особенно веселы, контрасть и выходить. Вамъ онъ и бросился въ глаза.

Старикъ разсмѣялся. Должно быть, у него мелькнула мысль развеселить и свою дочку...

— Вотъ-съ, прошу покорно! Я говорю: ты, Аннушка, скучна. А она — нѣтъ, говорить, это вы, папаша, веселы. Какъ вамъ нравится-съ!.. И всегда такъ-съ, съ самого-съ пріѣзда изъ института, постоянная это у насъ распря идетъ. Я говорю: вотъ такъ; а она непремѣнно: вотъ этакъ. Чуть-чуть не ругаемся, а, должно быть, начнемъ и ругаться: терпѣнія лихусь-съ. Иной-бы разъ, знаете, оно и пріятно-съ, когда съ тобой спорять, особенно когда это умно, настойчиво... люблю-съ! Докторъ взглянулъ на дочь. — А то постоянно-съ, при малѣйшей, можно сказать, возможности, при самомъ слабомъ дуновеніи вѣтереа. Право-съ!

— Ужъ вы что-то, папаша... даже никакого снисхожденія. И дочь съ легкой усмѣшкой покачала головой.

— Не могу, Аннушка. Какъ хочешь, не могу. Потому люблю истину... Развѣ я преувеличиваю?.. Да вотъ, напримѣръ, спорный пунктигъ, самый, можно сказать, фундаментальный. Объ немъ у насъ постоянно рѣчь—и никакъ не можемъ сойтись... Говорить, Аннушка? Ты позволяешь?

— Ну, что-жь? говорите. Дочь улыбалась.

— Вотъ и прекрасно-сь! Объ немъ даже у насъ съ Павломъ Антоничемъ преннтересный разговоръ можетъ составиться. Старикъ, видимое дѣло, и самъ, ради себя, былъ радъ поговорить по поводу своей дочки.—Такъ вотъ-сь, продолжалъ докторъ, — будьте, такъ сказать, третейскимъ судьей между нами. Я говорю, что человекъ, волей-неволей, а долженъ приравниваться къ тому, какъ другіе живутъ. А Аннушка: нѣтъ, говорить, можно и по своему жить, не какъ другіе. Равница въ мнѣніяхъ, какъ замѣчаете, самая коренная-сь. Вотъ и споримъ-сь. Я и на свою опытность ссылаюсь: видаль-моль видн. Нѣтъ-сь, стоитъ на своемъ. Это, говорить, значить—человекъ слабъ былъ, ну, и не выдержалъ. Что вы будете дѣлать? Я ужъ и въ исторію пустился. Право-сь! такъ-таки въ самую, можно сказать... хэ, хэ, хэ... глубь ея проникъ. Пойми, говорю, мы всѣ и одѣваемся такъ, какъ теперь одѣваются, ѣдимъ то, что теперь ѣдятъ... Такъ вѣдь-сь? Вѣдь никому изъ насъ и въ голову не придетъ одѣться, напримѣръ такъ, какъ при Алкивиадѣ одѣвались. А если-бы и пришло, такъ вѣдь осмѣютъ, грязью забросаютъ. Вотъ, напримѣръ, я, докторъ,—ну чтобы да взбрела мнѣ въ голову мысль облачиться въ тогу Гипократа? Вѣдь мальчишки на улицѣ пальцами стали-бы указывать; шуткомъ гороховымъ прослылъ-бы!.. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, потому-сь сила историческихъ обстоятельствъ, судьба, рокъ, такъ сказать. Согласитесь, Павелъ Антоновичъ! Вѣдь правда моя? Вы же сами помните? на бульварѣ...

— Что такое?

— Да на счетъ нашихъ успѣховъ-то большое невѣріе оказали...

Павла Антоновича нѣсколько покорибило. Грѣхъ его, за который онъ уже достаточно показился наединѣ съ самимъ собою, и съ которымъ онъ покончилъ-было счеты, нечаяннымъ образомъ всплывалъ наружу. Но Павелъ Антоновичъ отчасти утѣшился, усмотрѣвъ изъ словъ доктора, что Анна Григорьевна была не похожа на какую-нибудь Александру Даниловну. Онъ порывался показать Аннѣ Григорьевнѣ, что онъ понимаетъ ее, сочувствуетъ ей... Можетъ быть, нужно даже, чтобы онъ со всей доказательностью мужской логики отстоялъ ея мысль и

этимъ... этимъ поддержаль ее и придаль ей новыя силы. Понятное дѣло, полусутильныя слова доктора приняты были очень серьезно Павломъ Антоновичемъ. Молча, до конца выслушалъ онъ ихъ, и задумалъ выдвинуть противъ доктора всю свою тяжелую артиллерію...

— Ну-съ, то другое дѣло! отвѣчалъ онъ съ нѣкоторой досадой доктору.—На сколько помню, я тогда старался доказать, что другимъ очень трудно сдѣлать что-нибудь для насъ... Причину только не поставилъ на видъ... Поняли-съ? Ну-съ, а эта мысль вовсе не исключаетъ той мысли, что изъ насъ каждый можетъ устроиться посвоему, или, какъ вотъ выражается Анна Григорьевна, жить, не какъ люди живутъ.

— Такъ вы, Павелъ Антонычъ, значить, несогласны со мной?

— Не согласенъ-съ! точно отрѣзалъ Павелъ Антоновичъ. — И прямо называю все, что вы говорили, софизмомъ.

— Софизмомъ-съ?.. Да гдѣ-же онъ, батюшка вы мой, Павелъ Антонычъ? Докторъ былъ озадаченъ такимъ рѣшительнымъ отпоромъ со стороны Чебатова. Онъ никакъ не ожидалъ его.

— А вотъ извольте. Вы говорите, что воля каждого изъ насъ совершенно безсильна предъ волей массы, а потому всѣ мы и должны идти туда, куда она идетъ, слушаться ея голоса. Такъ я понимаю вашу мысль?

— Такъ-съ, такъ! совершенно такъ! Это моя мысль, только выраженная этакъ, знаете...

— Такъ вотъ-съ прекрасно. Изъ вашей мысли и слѣдуетъ, что какъ сложилась жизнь этой массы въ первыя минуты ея существованія, такъ на всегда и должна остаться. А на самомъ дѣлѣ развѣ такъ? Вы сами говорите, что мы вотъ уже одѣваемся напримѣръ совсѣмъ не такъ, какъ прежде. Это что значить?

Павелъ Антоновичъ посмотрѣлъ на доктора. Но тотъ, выбитый изъ своей позиціи, никакъ еще не могъ собраться съ мыслями и выкинуть хорошенько, что хочетъ сказать Чебатовъ. А между тѣмъ этотъ послѣдній такъ и лѣзъ на него съ своей фразой.

— А то-съ, внушительно продолжалъ нападавшій, недождавшій отвѣта,—что каждую минуту, гдѣ-нибудь, въ какомъ-нибудь самомъ микроскопическомъ уголку нашей планеты, но уже готовится и растетъ гибель частичкѣ изъ того, чѣмъ мы теперь

живемъ, чему вѣримъ и поклоняемъ. Масса, конечно, на первыхъ порахъ отвернется отъ новой мысли,—но отвернется масса, то-есть, громадное большинство, а не всѣ. Масса вѣдь не есть нѣчто плотное и непроницаемое. Найдется одинъ, два, три человѣка, которые выслушаютъ новую мысль и прижмутъ ее къ свѣденію. Эти три человѣка въ свою очередь повліяютъ еще на кого и т. д. И придетъ, наконецъ, время, когда эта новая мысль незамѣтно разойдется по всей массѣ и сдѣлается ея кровнымъ достояніемъ. Масса, не смотря на свою видимую неподвижность, вѣчно колеблется, вѣчно переживаетъ переходъ отъ одного къ другому. Толчокъ, гдѣ-нибудь сообщенный малѣйшей частичкѣ ея, отразится на другихъ частичкахъ, а эти другія въ свою очередь толкнутъ новыхъ другихъ. И такъ— всегда, вѣчное движеніе. Въ этомъ тайна прогресса.

Павель Антоновичъ остановился и снова посмотрѣлъ на доктора и потомъ вскользь на Анну Григорьевну. Та смиренно сидѣла въ креслѣ и въ свою очередь пристально глядѣла на Чебатова, изрѣдка мигая своими большими, черными глазами и—послѣднее совѣмъ ужъ не изящно, даже, пожалуй, неприлично—грызя ногти. Должно быть, она что-нибудь соображала въ это время... А докторъ между тѣмъ, слушая Чебатова, собрался наконецъ съ мыслями и ломалъ голову надъ тѣмъ, какъ-бы возразить своему оппоненту. Серьезность Чебатова отчасти отразилась и на немъ. Можетъ быть, ему и не такъ-бы слѣдовало отнестись къ вопросу, имъ-же самимъ поднятому: вѣдь онъ заговорилъ объ немъ шутя, даже съ легкой ироніей надъ своими-же аргументами. Но подъ вліяніемъ горячихъ словъ Чебатова, онъ забылъ объ этомъ...

— Такъ-съ, Павель Антоновичъ, такъ! проговорилъ онъ наконецъ.— Убѣдительно, очень убѣдительно-съ... Но вотъ въ чемъ, такъ сказать, камень преткновенія для меня. Вы вѣдь говорите, что все это незамѣтно, по маленечку. Видите-съ! Вотъ оно куда пошло! Конечно-съ... конечно, спору въ томъ нѣтъ, все мѣняется, и мы мѣняемся. Но вѣдь все это, такъ сказать, въ пространствѣ времени... Хэ-хэ-хэ! Да-съ! А на самомъ-то дѣлѣ всякій изъ насъ какъ-будто идетъ себѣ туда, куда и всѣ идутъ. Вотъ вѣдь въ чемъ задача-съ!

Павель Антоновичъ пожалъ плечами.

— Какъ хотите, а я не вижу тутъ никакой задачи. Вы говорите то-же, что и я. И по моему мнѣнью, конечно, не много такихъ, которые-бы не захотѣли, безъ всякаго разсужденія, идти вслѣдъ за массою. Большинство и есть большинство, масса. Понимаете меня?

— Понимаю-сь, Павелъ Антоновичъ, понимаю! началъ было докторъ и остановился. Потомъ, какъ будто поймавши наконецъ мысль, которая совсѣмъ было ушла изъ его головы, заговорилъ дальше:—только вотъ что мнѣ сдается, что и эти немногіе въ большинствѣ-то случаевъ своей жизни будутъ приноравливаться въ тому, какъ другіе ведутъ себя. Право, такъ-сь!.. Непремѣнно!

Павелъ Антоновичъ улыбнулся.

— То есть, напримѣръ, будутъ ѣсть то-же, что и другіе ѣдятъ?

— Да хоть-бы и такъ-сь! Хоть-бы, скажемъ-сь, и это!

— Въ такомъ случаѣ я вотъ что вамъ скажу. Вы давеча упоминали о судьбѣ... Вѣрю и я въ нее. Или нѣтъ, такъ точнѣе будетъ, знаю и я, что она есть. Только я понимаю ее по своему. Всякій изъ насъ родится въ той или другой сословной обстановкѣ и притомъ въ минуту того или другого социальнаго положенія общества. Вотъ это—прямая судьба: Объ этомъ и говорить нечего. Но пусть такъ. Все-таки на долю каждаго изъ насъ еще остается многое, въ чемъ онъ распоряжается такъ или иначе, но по своему...

Павелъ Антоновичъ обратился къ доктору, тотъ смотрѣлъ на него такъ, какъ будто понималъ и не понималъ его слова, вѣрилъ и не вѣрилъ имъ. Павелъ Антоновичъ замѣтилъ это.

— Вы не вѣрите, продолжалъ онъ.—Но вотъ вамъ примѣры. Я нахожусь въ извѣстныхъ обстоятельствахъ и дѣйствую въ нихъ по крайнему своему разумѣнью. Поставьте другого на мое мѣсто, въ тѣ-же самыя обстоятельства и онъ непременно распорядится и устроится въ нихъ иначе. Отчего это?.. Значить, есть многое въ моей жизни, что прямо опредѣляется моей индивидуальностью... Вы скажете, что и индивидуальность также въ своемъ родѣ фатумъ, роковой результатъ той-же самой обстановки и того-же самого положенія общества. Я нисколько не буду противъ этого. Но фактъ все-таки остается, будете-ли вы говорить, что индивидуальность моя сама себя опредѣляетъ, или, напротивъ, ее опре-

дѣлають разныя тамъ условія. Пусть мнѣ такъ на роду написано дѣлать это вотъ, а не другое; — но я дѣлаю это, другой на моемъ мѣстѣ сталь-бы дѣлать совсѣмъ не то. При всемъ общемъ сходствѣ между собою, каждый изъ насъ чѣмъ нибудь да разнится отъ другого. Чтобы быть понятнѣе... сущность дѣла тутъ въ слѣдующемъ: есть общественныя условія крупнаго калибра, которыя даютъ себя чувствовать всѣмъ намъ, и есть такія, которыя дѣйствуютъ на каждыя изъ насъ по одиночкѣ. Напримеръ... ну, напримеръ, отецъ у одного былъ пьяница, у другого — трезвой жизни; вотъ вамъ двое даже, у которыхъ отецъ пьяница, но... отецъ одного во хмѣлю бывалъ смиренъ, а отецъ другого буянилъ и ругался; вотъ вамъ, пожалуй, еще двое, у которыхъ обоихъ отецъ во хмѣлю бывалъ смиренъ, но... отецъ одного, какъ только бывало — напьется, такъ сейчасъ спать ложился, а отецъ другого сидѣлъ и хныкалъ про свою судьбу жалкую; вотъ вамъ наконецъ...

— Довольно-съ, довольно...

Старику такъ понравились примѣры Чебатова, что онъ не выдержалъ и прервалъ его. „Дескать ужъ понимаю я, живо понимаю — продолжайте, о чемъ слѣдуетъ дальше“...

— Ну-съ... да однимъ словомъ, и такъ въ безконечность. А отсюда-то вотъ и слѣдуетъ, что на личности каждаго изъ насъ, на его мысли, поступкахъ лежитъ свой оттѣнокъ. Можетъ быть, очень малъ, незамѣтенъ этотъ оттѣнокъ, — такъ незамѣтенъ, что большинство издали, à vol d'oiseau, кажется чѣтъ-то совершенно однороднымъ... Но это ничего. Довольно и того, если у кого-нибудь, двухъ-трехъ изъ насъ, этотъ оттѣнокъ, благодаря какимъ нибудь счастливымъ обстоятельствамъ, будетъ рѣзче и оригинальнѣе. Если предположить теперь, что эта оригинальность будетъ въ хорошую сторону, и будетъ понята и развита своимъ обладателемъ дальше, то вотъ вамъ и толчокъ, который отразится на другихъ и т. д. А спрашивается: кто кому запретить воображать себя именно изъ числа этихъ немногихъ избранныхъ?..

— Да-съ — вонъ вы куда! замѣтилъ наконецъ докторъ. — Ну-съ, тутъ я не могу, ничего не могу-съ! Вы ужъ слишкомъ, такъ сказать, пронигли глубоко, до самаго-съ корня дошли... Съ этой точки зрѣнія, конечно-съ, каждый изъ насъ самъ по себѣ; вотъ-съ напримеръ у меня и походка своя, и говорю я по своему,

ну словомъ все-съ, все... Докторъ, какъ и всѣ неопиты въ каждомъ ученѣи, сейчасъ-же и черезъ край хватилъ.

— Такъ вотъ видите! продолжалъ Павелъ Антоновичъ, улыбувшись на столь послѣдовательное и образное развитіе своей мысли въ устахъ доктора. — А между тѣмъ всѣ мы говоримъ другому: дѣлай вотъ такъ, какъ и мы дѣлаемъ. А сами вотъ что-нибудь да дѣлаемъ по своему. Вѣдь это противорѣчіе... Нѣтъ, по моему мнѣнію, мы ничего не можемъ возразить и тому, кто скажетъ: дай я и совѣмъ устройсь такъ, какъ думаю, какъ хочу. Если возможно *что-нибудь*, то въ тѣхъ предѣлахъ, на которые я указывалъ—разумѣю нашу судьбу—возможно и *болше*. Я, конечно, не говорю здѣсь о какихъ-нибудь фантастическихъ, болѣзненныхъ желаніяхъ; точно также, какъ и вы, вѣроятно, нисколько не имѣли въ виду какихъ-нибудь невозможныхъ и ненатуральныхъ уклоненій въ своей организаціи, когда говорили: все, все...

— Конечно-съ, конечно!..

Мысль доктора, послѣ разныхъ напряженій и рѣзкихъ переходовъ отъ одного къ другому, видимо, притупилась и, за усталостью, перешла въ восклицательныя поддакиванья...

Чебатову, впрочемъ, было мало до этого дѣла. Онъ еще разъ, и уже не вскользь, взглянулъ на Анну Григорьевну. Та, казалось, еще пристальнѣе смотрѣла на него. У Павла Антоновича явилось непреодолимое желаніе сказать нѣчто такое, что-бы прямо было отвѣтомъ на ея мысль, которую, казалось ему, онъ угадывалъ.

— Что-же оказывается у насъ въ окончательномъ выводѣ?.. А вотъ что, продолжалъ Павелъ Антоновичъ, не дожидаясь отвѣта со стороны доктора: — каждый изъ насъ, у кого только хоть разъ явилась увѣренность, что онъ можетъ вотъ это сдѣлать, долженъ непремѣнно пробовать и пробовать. Можетъ быть, онъ и сѣмѣетъ; можетъ быть, и удастся ему?... И тотъ будетъ неправъ, кто въ одну изъ несчастныхъ минутъ возьметъ да и скажетъ себѣ: не могу молъ; что хотите, не могу: такова, должно быть, судьба моя. Можетъ быть, въ эту минуту онъ говоритъ такъ подъ вліяніемъ какого-нибудь совершенно отдѣльнаго впечатлѣнія, которое вотъ только теперь сильно даетъ себя чувствовать, а вообще, можетъ быть, слабо и скоро затеряется въ массѣ другихъ впечатлѣній... Тѣхъ обстоятельствъ, подъ которыми сла-

гается моя личность,—обстоятельствъ самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ другъ другу,—такое множество, и такъ неуловимы они, что, право, трудно рѣшить, какое изъ нихъ вліятельнѣе. Нѣтъ, пусть будетъ такъ—пусть малѣйшій мой шагъ стоитъ подѣ вліаніемъ судьбы,—но она, эта моя судьба лишь отчасти похожа на другія судьбы. Значить, у меня нѣтъ полныхъ данныхъ угадать ее, я очень легко могу ошибиться,—ну такъ я и долженъ въ своемъ маленькомъ кругу дѣйствовать, какъ будто ея нѣтъ, какъ будто... да ужъ позвольте, Григорій Андреичъ, обратился вдругъ Чебатовъ къ доктору,—миѣ по латини: вы-же ищѣте, кажется, влеченіе къ ней... право, чѣмъ дурна пословица: *quis que suae fortunae faber est*—всякій молъ самъ мастеръ своего счастья...

Старикъ расхохотался.

— Побѣжденъ-сь, побѣжденъ. Вижу-сь, вижу: діалектика—не мое поприще... Вотъ, Аннушка, поздравь меня; вмѣсто одного врага—тебя, разумѣю—нажилъ цѣлыхъ двухъ. Какъ-же миѣ теперь справляться-то съ вами? А? Хэ-хэ-хэ-сь! Вѣдь это задача для старика... Не ожидалъ я отъ васъ, Павелъ Антонычъ, не ожидалъ. Измѣнили старику.

А Павелъ Антоновичъ, разбивши непрітеля, перевелъ духъ и остановился. Онъ точно совершилъ какой подвигъ... И дѣйствительно, только въ нашу раннюю молодость говорится легко въ такомъ тонѣ. А чѣмъ дальше отъ этого счастливаго времени, тѣмъ больше усилій нужно и тѣмъ необходимѣе возбужденіе со стороны...

— А скажите, Павелъ Антонычъ, вдругъ заговорила дочь доктора:—вотъ вы доказывали, что можно устроиться по своему. Но вѣдь трудно это? Легко не дается никому?

— Да, трудно, Анна Григорьевна! Не даромъ мы съ Григорьемъ Андреичемъ упирали на то, что немногіе такъ дѣлаютъ.

— Ну, хорошо. Это вы, конечно, о мужчинахъ говорите. Мужчины всегда о себѣ. А нашъ теперь—еще труднѣе это?

Павлу Антоновичу послышались въ словахъ Анны Григорьевны какъ будто грусть и жалоба на что-то; ему хотѣлось сказать ей нѣчто такое, что-бы лишь порадовало и ободрило ее... Но...

— Да, Анна Григорьевна, еще труднѣй! отвѣчалъ онъ.—И языкъ даже помимо его воли прибавилъ:—и на много труднѣй.

Анна Григорьевна задумалась.

— Сами разсудите, Анна Григорьевна, пустился-было убѣждать расходившійся Чебатовъ:—насколько хорошо у насъ обставлена женщина. Сами-же женщины осмѣютъ и въ грязь втопнуть...

— Знаю, знаю. Не говорите мнѣ объ этомъ! перебила Анна Григорьевна, но потомъ, какъ-бы въ утѣшеніе Чебатова, добавила:—это вѣдь наше дѣло.

Павелъ Антоновичъ замолчалъ.

— Но все-таки можемъ и мы?..

Павелъ Антоновичъ взглянулъ на дочь доктора, и этого было достаточно ему, чтобы почувствовать въ себѣ новый приливъ волненія.

— О, конечно, можете! съ сильнымъ удареніемъ произнесъ онъ.—Одно только условіе.

— Какое? Анна Григорьевна, видимо, была не изъ такихъ, чтобы давать другому время распространяться.

— Серьезное отношеніе къ этому вопросу и...

Павелъ Антоновичъ остановился. Есть предубѣжденіе, что женщины, при всемъ ея добромъ желаніи, еще многого не достаетъ и ее поэтому на нѣкоторыхъ словахъ щадить нужно. Вотъ это-то предубѣжденіе—богъ вѣсть, какимъ образомъ—вдругъ явилось въ головѣ Чебатова, и ему стало жаль Анны Григорьевны... А можетъ быть, и то слово, на которомъ онъ загнулся, не такъ—чтобы было привычно ему... Бываютъ такія хорошія слова, которыя человѣкъ желалъ-бы всегда имѣть на языкѣ, а между тѣмъ какъ-то совѣстится произносить.

— И... и... еще что? приставала между тѣмъ Анна Григорьевна.

— Нѣкоторая доля... энергія.

На секунду воцарилось молчаніе.

— Да, да, это такъ... энергія, энергія...

И съ этими словами Анна Григорьевна не выдержала, встала со стула, быстро подошла къ рояли, сѣла за нее и заиграла... И было въ ея игрѣ что-то страстно-порывистое, бурное... Подивился Чебатовъ такому странному поведенію Анны Григорьевны, потомъ пристально сталъ слушать музыку. Много разныхъ мислей пробѣжало въ это время въ его головѣ. Онъ былъ теперь,

можно сказать, совсѣмъ увѣренъ, что понимаетъ Анну Григорьевну. „Да, думалъ онъ,—это не то, что другія!“—и чувство глубокой преданности, готовности служить ей росло и наполняло всю его душу. Онъ слушалъ музыку, смотрѣлъ на Анну Григорьевну—и казалась она ему чѣмъ-то высшимъ и несравненно прекраснѣйшимъ всего того, что онъ видѣлъ до сихъ поръ. Онъ ужъ силится разгадать, чѣмъ разрѣшится ихъ начинающееся знакомство и сердце его, въ темномъ предчувствіи чего-то хорошаго, сладко ныло и рвалось куда-то... А Анна Григорьевна все играла, и все оживленнѣй и энергичнѣй становилась ея игра. Смолекъ, слушая свою дочку, и старикъ докторъ...

Но вотъ вдругъ звуки рояли точно оборвались; гармонія ихъ нарушилась и они стали безсвязными, отрывочными, все въ нихъ перепуталось и замѣшалось. Вотъ наконецъ они, точно усталие, и совсѣмъ ослабли—и смолкли. Анна Григорьевна гнѣвно поднялась со стула и вышла изъ-за рояли.

— Что-же это ты, Аннушка? спросилъ докторъ.

— Такъ, будетъ... И что это я? съ чего? тихо, какъ-будто про себя, добавила она.

Потомъ она сѣла въ кресло, взяла книгу и больше ни слова...

Съ своей стороны и Павелъ Антоновичъ хотѣлъ было что-нибудь сказать ей, но у него теперь не хватало смѣлости помѣшать ея настроенію; онъ какъ-будто боялся потревожить Анну Григорьевну—и только взглядомъ поглядывалъ, какъ много чувствуетъ въ отношеніи къ ней.

На первый разъ для него было премного довольно и этого. Въ серединѣ своего визита, врядъ-ли онъ даже рассчитывалъ и на половину того, что случилось на самомъ дѣлѣ...

Андреевъ.

(Продолженіе будетъ.)

* * *

Я всю ночь просижу у окна —
Въ эти свѣтлыя ночи не спится!
День тревожный прошелъ... Тишина,
И душа моя меньше томится.....

Паркъ густой предо мной зеленѣеть,
Улеглась безпокойная пыль;
То блеститъ въ небесахъ, то блѣднѣетъ
Золотой Петропавловскій шпиль.

Я унесся далеко, мечтая —
Хорошо въ царствѣ радужныхъ сновъ!
Но меня, каждый разъ отрезвляя,
Будитъ звонъ заунывный часовъ.....

Щ.

ВПЕРЕДЪ.

РОМАНЪ

Фр. ШПИЛЬГАГЕНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

— Если есть свободныхъ четверть часика, говорила г-жа Целлеръ, — то нигдѣ не отведешь такъ души, какъ у васъ, милая Гиппе, подъ тѣнью вашей прелестной бесѣдки, которая день ото дня разрастается все гуще и гуще, и гдѣ сидишь какъ въ комнатѣ, и видишь все, что кругомъ дѣлается. У меня сегодня пюре изъ овсяныхъ крупъ; знаете, милая Гиппе, это любимое кушанье моего мужа и я должна готовить его, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю; ну а оно варится очень медленно, да и глядѣть за нимъ не нужно, вотъ я и могу доставить себѣ удовольствіе поболтать съ вами четверть часика, если только у васъ есть свободное...

— У такой бездѣтной старухи, какъ я... перебила ее Гиппе, — да садитесь-же, дорогая сосѣдка... всегда есть свободное время.

— Вы-то старуха? удивилась г-жа Целлеръ, поспѣшно усаживаясь:— вы свѣжѣе и бодрѣе всѣхъ насъ; ну а что касается свободного времени, то у меня только двое дѣтей, да и тѣ уже почти взрослые, а вотъ у Финдельманъ, такъ у той ихъ шесть, и двое изъ нихъ еще не говорятъ, да и то, глядите-ка, она идетъ сюда. И какъ это она находитъ свободное время?

— Какъ живете, дорогая сосѣдка, раскланялась г-жа Финдельманъ,— какъ можете? Право, у меня нѣтъ ни минуточки свободной, но поглядѣла я сюда, вижу такъ это у васъ хорошо, меня и

«Дѣло», № 8.

забрала зависть, и думаю я: и тутъ почини, и тамъ заштопай, всего не передѣлаешь; ну, большіе въ школѣ, маленькіе спать, вотъ я и прибѣжала къ вамъ на четверть часика.

— Садитесь, пожалуйста, дорогая сосѣдка, пригласила Гиппе;— кто такъ много работаетъ, какъ вы, тому не грѣхъ минуточку и отдохнуть.

— Поневоля устанешь работать въ нашихъ маленькихъ комнатахъ въ нынѣшнюю жару! Вотъ нашей милой Кернике несравненно лучше на большой, прохладной фабрикѣ. Однакожъ, какъ легка она на поминѣ; глядите, вѣдь это она идетъ сюда.

— Да, да, правда, она, она! вскричала г-жа Целлеръ. — Бѣгаетъ по такой жарѣ, по солнцу! И чего это ей понадобилось выйти въ такую жару изъ дому?

— Какъ у васъ здѣсь хорошо, сказала Кернике, входя въ бесѣдку съ корзинкой въ рукѣ, едва переводя духъ и совсѣмъ красная отъ жары.

— Не хотите-ли присѣсть, милая г-жа инспекторша, предложила Гиппе.

— Развѣ на одну минуточку, согласилась инспекторша; — благодарю васъ, благодарю васъ, мнѣ такъ очень удобно. Да, у васъ здѣсь прекрасно, вы можете видѣться, поговорить другъ съ другомъ, лишь только вамъ захочется, а я на нашей фабрикѣ успѣю и умереть, и сгнить, пока кто изъ васъ обо мнѣ вспомнить. Слава богу еще, когда нужно за какими-нибудь покупками сходить въ городъ,—вѣдь дорога мнѣ на рынокъ идетъ какъ разъ мимо васъ.

— Это и прекрасно, восхитилась Гиппе.—А не хотите-ли, мои милыя гости, вишневой воды?

— Ахъ, пожалуйста, не безпокойтесь, пожалуйста, безъ церемоній! затараторили гости.

— У меня вѣдь все подъ рукою, отвѣчала добрѣйшая аптекарша.—Въ аптекѣ, знаете...

Содовую воду и вишневый сиропъ принесли изъ аптеки, стаканы налили и выпили, а дамы все сидѣли молча, что было въ особенноти неловко послѣ казенныхъ замѣчаній о жаркой погодѣ, которая такъ неожиданно настала.

— А что никто не выдалъ въ послѣднее время нашей г-жи совѣтницы? спросила вдругъ инспекторша Кернике.

Остальныя дамы навострили уши.

— А что? спросила Фидельманъ съ присутвіемъ духа, равнымъ, по мнѣнію Целлерши, по крайней мѣрѣ, мужеству, съ которымъ инспекторша Кернике вызвала чорта.

— Да я только такъ, заговорила Кернике. — Я живу совѣтъмъ вдали отъ свѣта, никого не вижу и ни о чемъ-бы не знала, если-бы вчера не зашла ко мнѣ Визебрехтенъ. И ужь чего, чего я не наслушалась отъ нея, — вѣдь она цѣлый день ни за минутку рта не закроетъ. Конечно, ей нельзя вполнѣ вѣрять: если-бы и половина того, что она мнѣ вчера наговорила, была правда, то про совѣтницу пришлось-бы сказать, что она скоро и въ самомъ дѣлѣ рехнется.

— Ахъ, г-жа Кернике, г-жа Кернике! замѣтила Гиппе съ вѣжливимъ упрекомъ.

— Это было-бы ужасно! воскликнула г-жа Целлеръ, взглянувъ на Финдельманшу.

— Но что же случилось? спросила г-жа Финдельманъ, мѣшая ложкой въ стаканъ.

— Ахъ, зачѣмъ же вы представляетесь, будто ничего не знаете, отвѣчала Кернике. — Визебрехтенъ шила у васъ третьяго дня, милая г-жа Финдельманъ, а четвертаго дня у васъ, милая г-жа Целлеръ, а суббота — вашъ день, милая г-жа Гиппе. Въ послѣдній разъ у совѣтницы, Визебрехтенъ была въ пятницу, значитъ вы обо всемъ уже давно слышали, давно все знаете, только я, несчастная, живя на своей одинокой фабриктѣ, должна или ничего не слышать, ничего не знать, или узнавать всегда послѣдней.

— Ну, сказала Гиппе, — будемъ откровенны, не станемъ сердить вашу милую Кернике, притворяясь, что будто мы ничего не слышали. Но вѣдь Визебрехтенъ такая ужасная сплетница, что всегда одному одно расскажетъ, а другому другое, кто-же можетъ знать, кому она рассказывала правду.

— Да, конечно, кто-же можетъ знать это? поддакнула Целлерша.

— Поэтому-то я и молчу, подхватила Финдельманша.

— Такъ я вамъ скажу, сказала Кернике, — что около чужого горшка ситъ не будешь и что если вы бонтесъ обжечь себѣ крылышки на свѣчкѣ, такъ за мной этой трусости не водится.

— Да, такъ расскажите-же намъ все, милая г-жа Кернике.

— Ну-съ, начала Кернике, — итакъ, Визебрехтенъ пришла къ совѣтницѣ въ обыкновенный часъ въ пятницу, какъ вдругъ на встрѣчу ей выходитъ совѣтница въ черномъ шелковомъ платьѣ и въ высокомъ чепчикѣ съ пунцовыми лентами — утромъ въ 8 часовъ, моя милыя! — говоритъ ей: „милая Визебрехтенъ“, и заводитъ такія рѣчи, что та и не знала, — не то ей разсмѣяться до упаду, не то бѣжать за докторомъ Струппомъ. Вся комната была заставлена шкатулками, да картонками съ лентами и всякой всячиной,

и все это штука за штукой она стала показывать Визебрехтенъ и все спрашивала, не правда-ли какъ это будетъ идти ея Лизъ: Визебрехтенъ говоритъ, что покупокъ тутъ было, по крайней мѣрѣ, на двѣсти талеровъ и всѣ онѣ какъ-будто для какой принцессы. „Когда-же свадьба?“ спросила Визебрехтенъ.— „Все это въ рукахъ божихъ“, отвѣчала совѣтница, складывая руки.— „О, разумѣется, отвѣчала Визебрехтенъ,—но смѣю-ли я спросить, кто этотъ счастливецъ: г. фон-Цейзель или г. докторъ?“ Совѣтница оглядѣла Визебрехтенъ съ головы до ногъ и съ ногъ до головы и сказала: „Я думаю, милая, пора приняться и за работу“. Съ этими словами она вынула изъ зеленой картонки огромный кусокъ зеленого бархату и сказала: „Видѣли ли вы когда-нибудь что-либо подобное?“— „Да вѣдь это точь въ точь какъ амазонка принцессы“, воскликнула Визебрехтенъ.— „Не правда-ли, сказала совѣтница,—что матерія такой доброты нѣтъ ни у одной изъ нашихъ барынь? Этотъ бархатъ привезенъ изъ Берлина“.

— Вотъ глупости! вскричала Целлеръ со всѣми признаками негодованія.— Бархатъ, который мы выписываемъ...

— Я рассказываю, что знаю, милая г-жа Целлеръ, замѣтила Кернике;—если вы лучше меня это знаете, такъ рассказывайте-же сами.

— Ахъ, пусть сначала одна расскажетъ, а потомъ другая, мерила Гиппе.

— Продолжайте, продолжайте, вмѣшалась Фидельманъ.

— „Для кого это?“ спросила Визебрехтенъ, продолжала Кернике, бросая на Целлершу торжествующій взглядъ;— вамъ вѣроятно поручили выписать это для г-жи Гедвиги? „Не будешь-ли ты такъ добра, милое дитя мое“, сказала Иффлеръ, и изъ комнаты, гдѣ она играла на фортепьяно и пѣла, вышла Элиза въ новомъ съ иголочки голубомъ шелковомъ утреннемъ капотѣ, отдѣланномъ желтыми лентами и говоритъ: „Что прикажетъ моя уважаемая мама?“ Слушая ихъ рѣчи, Визебрехтенъ говоритъ, что она боялась, какъ-бы съ ней не сдѣлалось удара. Но это еще цвѣточки, дальше будутъ ягоды. Дѣйствительно, предполагаемую амазонку слѣдовало шить для Элизы, и Визебрехтенъ, хотя ей не приходилось никогда работать амазонокъ, скроила имъ и всѣ онѣ вмѣстѣ цѣлый день шили ее; совѣтникъ приходилъ къ нимъ раза два и всякій разъ уходя цѣловалъ Элизѣ руку; а разъ Визебрехтенъ слышала, какъ онъ сказалъ: не позабудь только своего старца отца! А къ обѣду...

— Да, да, вмѣшалась г-жа Целлеръ,—это истинное сумасшествіе. Добрая, старая Визебрехтенъ вотъ уже двадцать лѣтъ работаетъ

у совѣтницы, всякую пятницу обѣдаетъ съ ними за однимъ столомъ, и не одинъ пудъ соли съ ними съѣла,—и этой доброй Визебрехтенъ вдругъ говорятъ: „Моя милая, вы поймете, что обстоятельства измѣняютъ положеніе людей, я пришлю вамъ сюда обѣдъ съ Кристель“.

— Вамъ подастъ обѣдъ дѣвушка, рассказывала мнѣ Визебрехтенъ, поправила Финдельманша.—Я знаю это очень хорошо, потому что я два раза заставила ее рассказывать объ этомъ.

— Ну да, сказала Кернике,—все одно къ одному. Ну скажите же мнѣ, мой дорогія, что все это значитъ? Я увѣрена, что бѣдная совѣтница совсѣмъ рехнулась.

— Значить у нихъ вся семья рехнувшись, пояснила Целлерша.

— Не можетъ-же все семейство такъ ни съ того, ни съ сего сойти съ ума, замѣтила Финдельманша.—На все должна быть своя причина.

— Не будемъ слишкомъ строги, вмѣшалась Гиппе; — будемъ благодарны Богу, что онъ не вводитъ насъ въ искушеніе и избавляетъ отъ грѣха высокомерія. Кто знаетъ, что-бы было съ нами, если-бы мы были окружены такими почестями, какъ семейство совѣтника.

— Ну что касается до этого, возстала Целлерша,—то имъ нечего много воображать о себѣ: онѣ всего только одинъ разъ по пріѣздѣ гостей и были въ замѣ...

— А затѣмъ и баста! добавила Финдельманша.

— По моему хоть-бы онѣ бывали тамъ всякій день, вставила Кернике, — только сама-то я вовсе не нуждаюсь въ томъ, чтобы бывать въ этомъ Содомѣ и Гоморрѣ.

— Вы никогда ничего хорошаго не скажете о нашемъ государѣ и его супругѣ, замѣтила Целлерша.

— А что намъ до нашего государя съ его супругой! отвѣчала Кернике.

— Но, милая г-жа Кернике! сказала Гиппе, грозя ей съ упрямомъ указательнымъ пальцемъ.

— Ну да развѣ это не правда? отвѣчала Кернике. — Здѣсь, какъ и всегда и вездѣ, мнѣ приходится говорить только то, что всѣ вы сами думаете. И если я говорю, что не все то золото, что блеститъ, то вѣдь вы очень хорошо меня понимаете.

— А какой лгунишка Этотъ Дитрихъ, замѣтила вдругъ Финдельманша.

— И рассказываетъ теперь совершенно противное тому, что рассказывалъ прежде, продолжала Целлерша.—Тогда это былъ графъ, а теперь докторъ...

— А завтра ужъ будетъ парижанинъ, добавила Кернике.—Ну, для меня это рѣшительно все равно: моей ноги тамъ не было и не будетъ.

— Даже въ день рожденья его свѣтлости, 16-го числа? спросила Гиппе.

— Задалъ-бы мнѣ гонку мой мужъ! воскликнула Кернике.

— Нѣтъ ужъ вамъ нельзя нейдти, замѣтила Финдельманша.

— Да, разумѣется, нельзя, подтвердила Целлерша.—Вы знаете, что всѣ мы далеко не такіе сторонники принца, чтобы..

— Мужъ мой и я — мы сами себѣ принцы, оборвала ее Кернике, скалпивъ свои бѣлые зубы.

— Милая г-жа Кернике, начала Гиппе съ нѣкоторой торжественностью,—не примите моихъ словъ въ дурную сторону, но вы еще женщина молодая и здѣсь не прожили даже и цѣлаго года, а я уже старуха и родилась здѣсь, въ Ротебулѣ, вотъ въ этомъ самомъ домѣ, что налѣво. Сколько я только себя помню, его свѣтлость каждый годъ въ день своего рожденія даетъ въ замкѣ балъ, который мы называемъ почетнымъ баломъ, потому что на него приглашаютъ насъ всѣхъ, почетныхъ дамъ, безъ исключенія и всѣхъ нашихъ взрослыхъ дочерей; и, сколько я помню, — кто только отказывался отъ этого приглашенія и не хотѣлъ идти, не былъ на балу, непременно или умиралъ или серьезно заболѣвалъ между 12, когда разсылались приглашенія, и 16 числами.

— А если мужъ мой не захочетъ? спросила Кернике, на которую произвело свое дѣйствіе это предостереженіе.

— Онъ захочетъ, утѣшала ее Гиппе.

— Ну, мы увидимъ, рѣшила Кернике, и взяла со стола свою корзинку.—Но я теперь по крайней мѣрѣ понимаю, зачѣмъ для Элизы пьютъ амазонку.

— А зачѣмъ? воскликнули остальные дамы въ одинъ голосъ.

— Для почетнаго бала 16-го числа, а то зачѣмъ-же? отвѣчала Кернике, лукаво прищуривъ свои сѣрые глазки.

Остальные дамы съ изумленіемъ переглянулись.

— Развѣ-жъ это возможно? удивлялась Целлерша.

— У нѣкоторыхъ все возможно, замѣтила Финдельманша.

— Мое почтеніе, вдругъ раздался голосъ фон-Цейзеля.

Дамы были такъ погружены въ разговоръ, что и не слышали топота лошади, которая тихо поворотила съ тѣнистой эрихстальской дороги за уголь рыночной площади и подѣхала къ гостиницѣ „Золотая Курца“, гдѣ всадникъ соскочилъ съ лошади и, передавъ ее дворнику и не входя въ домъ, пошелъ черезъ пло-

падь къ колодцу передъ аптекой „Лебедь“, гдѣ его острые глаза разглядѣли въ бесѣдѣ женскія платья.

— Какъ все прекрасно устривается, заявилъ фон-Цейзель, раскланиваясь съ дамами и пожимая имъ руки;—лучшаго ничего нельзя было-бы и ожидать. Достойная г-жа Кернике, вы меня премного обяжете, если снова поставите на столъ вашу прелестнѣйшую корзиночку. Васъ никакъ невозможно отпустить, да и никого нельзя отпустить, иначе мнѣ придется ѣздить къ вамъ къ каждой порознь, а мнѣ необходимо переговорить со всѣми вами. Позвольте, почтеннѣйшая г-жа Гиппе, позвольте, дорогія дамы, позвольте мнѣ присѣсть къ вамъ на одну минуточку. Только ради бога безъ церемоній. Почтеннѣйшая г-жа Гиппе, умоляю васъ, не беспокойтесь обо мнѣ, я здѣсь сижу прекрасно, оставьте себѣ вашъ стулъ,—ахъ какъ приятно сѣсть, проскакавъ верхомъ такое большое разстояніе.

И кавалеръ сѣлъ на верхнюю ступеньку крылечка бесѣды и такъ добродушно взглянулъ своими голубыми глазами на дамъ, что Кернике сейчасъ-же снова положила на столъ свою корзинку, Финдельмапша и Целлерша совершенно забыли, что онѣ были безъ чепцовъ и neodѣты и даже сама скромная г-жа Гиппе возмѣла желаніе, чтобы весь Ротебуль продефилировалъ передъ аптекой „Лебедь“ и посмотрѣлъ, какъ на крылечкѣ ея бесѣдки сидитъ кавалеръ его свѣтлости.

— Итакъ, дорогія дамы, вы уже знаете, что я самый не дипломатическій человѣкъ въ свѣтѣ, а потому не осудите меня, если я обращусь къ вамъ съ моей просьбой прямо, безъ длинныхъ предисловій. 16-го день рожденія его свѣтлости; что балъ у насъ будетъ и что всѣ дамы будутъ на него приглашены—объ этомъ мнѣ нечего вамъ и говорить, это самою собою разумѣется, а что дамы, какъ и всегда, примутъ это любезное предложеніе, это я въ интересѣ его свѣтлости осмѣливаюсь предположить, потому-что если-бы хотя одна изъ дамъ не была на балу, то это-бы чрезвычайно огорчило его свѣтлость.

Взоры трехъ вѣрноподанныхъ дамъ обратились къ г-жѣ Кернике; та раскраснѣлась до самыхъ ушей.

— Его свѣтлость всегда такъ необыкновенно любезенъ, растаяла аптекарша.

— Благодарю васъ, почтеннѣйшая г-жа Гиппе, отвѣчалъ кавалеръ,—благодарю васъ, дорогія дамы. Но заручиться вашимъ любезнымъ согласіемъ не было единственною цѣлью моего прихода сюда. На этотъ разъ день рожденія принца мы будемъ праздновать при совершенно особенныхъ условіяхъ. Небольшой кружокъ лицъ, близ-

нихъ къ его свѣтлости, нынче значительно увеличился: у насъ теперь гостятъ берлинскіе господа, а вчера пріѣхали гости изъ Парижа, — кстати, они очень восхищались красотой нашего городка, дорогія дамы; а потому его свѣтлости желательно, чтобы празднествъ, такъ сказать, вполне соответствовалъ этимъ новымъ условіямъ и былъ-бы нѣсколько пороскошнѣе обыкновеннаго. Такимъ образомъ прежде всего намъ нужно разослать гораздо болѣе приглашеній на балъ, чѣмъ въ прежніе годы. Его свѣтлость въ этомъ отношеніи вполне положился на меня, но я не въ состояніи буду ступить шагу, если дамы не пойдутъ со мной рука объ руку. Итакъ моя просьба къ вамъ заключается вотъ въ чемъ: не потрудитесь-ли вы указать мнѣ тѣхъ дамъ въ Ротенбургъ, которымъ до сихъ поръ не посылали приглашеній, но которыхъ въ этотъ разъ, а, быть можетъ, и въ будущіе можно будетъ приглашать. При вашемъ близкомъ знакомствѣ съ ротенбургской жизнью, это, мнѣ кажется, не будетъ для васъ слишкомъ трудно. Смѣю-ли я надѣяться на вашу помощь, дорогія дамы?

Дорогія дамы переглянулись.

— Я думаю, можно пригласить г-жу Кернеръ, сказала Целлерша задумчиво.

— Помилуй Богъ, возстала Финдельманша, — чего вы не выдумаете.

— А отчего-же нѣтъ? спросилъ фон-Цейзель. — Это почтенная дама, — не надо быть черезъ-чуръ взыскательными. Итакъ, госпожу Кернеръ, супругу эконома.

И онъ записалъ ея фамилію въ памятную книжку.

— Ну послѣ этого конечно и г-жу Блуме, сказала Финдельманша.

— Боже милостивый, возопила Целлерша, — садовницу!

— Хорошо знакомую его свѣтлости, пояснилъ фон-Цейзель. — Зачѣмъ такая исключительность, дорогія дамы! Значитъ мы отмѣтимъ и г-жу Блуме, супругу ученаго садовника.

— Значитъ намъ нельзя обойти и добрую г-жу Гейнцъ, добавила добрѣйшая Гиппе.

— Милосердый Боже! воскликнули Целлерша и Финдельманша.

— Почтимъ и ремесленное сословіе, дорогія дамы! поддержалъ фонъ-Цейзель. — Итакъ: г-жа Гейнцъ, супруга придворнаго булочника; чтобъ никого не обидѣть, вы позволите мнѣ отмѣтить и г-жу Гуммель, супругу придворнаго мясника. Такимъ образомъ у насъ есть уже четыре дамы, что вмѣстѣ съ ихъ дочерьми составить десять дамъ: для начала этого достаточно. Быть можетъ, дамы согласятся между собою пригласить еще нѣкоторыхъ дамъ,

въ такомъ случаѣ я-бы попросилъ ихъ быть любезными до конца, т. е. составить мнѣ списокъ именъ ихъ къ завтрашнему утру, чтобы мнѣ успѣть приготовить пригласительные билеты къ 12 числу. Но, дорогія дамы, я позволю себѣ задержать васъ еще на нѣсколько времени; у меня еще къ вамъ цѣлый рядъ просьбъ. Итакъ, просьба номеръ второй: Балъ начнется по обыкновенію въ 6 часовъ, и кончится, какъ и всегда, въ 9. Послѣ бала будетъ зажжена большая иллюминація...

— Ахъ, ахъ! разахались дамы отъ радости.

— На терасѣ, въ саду и въ оленьемъ паркѣ, продолжалъ фон-Цейзель. — Я рассчитываю произвести этой иллюминаціей не малый эффектъ; для общества, которое выйдетъ изъ залы, чтобы прогуляться по аллеямъ, она будетъ весьма приятнымъ сюрпризомъ; поэтому я просилъ-бы васъ убѣдительнѣйшимъ образомъ держать эту часть программы до времени въ тайнѣ. Около половины восьмого будетъ маленькій спектакль, какой — я этого еще не рѣшилъ окончательно, а потому и умалчиваю пока о немъ, чтобы тѣмъ скорѣе перейти къ небольшому привѣтствію, которое должна сказать одна изъ дамъ самому принцу, когда онъ выйдетъ въ залу; я убѣдительнѣйше попросилъ бы принять на себя эту обязанность госпожу Кернике.

— Меня? вскричала Кернике, объятая ужасомъ.

— Васъ, многоуважаемая госпожа Кернике, подтвердилъ фон-Цейзель. — Небольшіе стишки, только въ нѣсколько строкъ; я напишу ихъ.

— Но почему-же именно меня? спрашивала Кернике въ неопысанномъ смятеніи. — Мужъ мой...

— Именно поэтому или, вѣрнѣе, отчасти поэтому, прервалъ ее фон-Цейзель. — Дѣло, видите, въ томъ, что это привѣтствіе должно быть данью уваженія особѣ его свѣтлости, вслѣдствіе личныхъ его достоинствъ, независимо отъ какихъ-либо постороннихъ интересовъ или соображеній; такого рода привѣтствіе умѣстише всего было-бы въ устахъ жены человѣка, который, какъ господинъ Кернике, извѣстенъ — извините меня за выраженіе — по своему крайнему политическому направленію; вотъ почему вамъ, многоуважаемая госпожа Кернике, болѣе чѣмъ кому-либо, прилично взять на себя эту роль, тѣмъ болѣе, что вы обладаете всѣмъ, что такъ необходимо для подобной роли: голосомъ, граціей, молодостью и привлекательной наружностью, — я боюсь употребить слово, «красота», чтобы слово это въ моихъ устахъ не оскорбило васъ. Скажу болѣе: его свѣтлости было-бы особенно лестно услышать привѣтствіе отъ супруги нашего перваго фабриканта: вѣдь онъ такъ за-

ботится о преуспѣяніи ротебульской промышленности; онъ даже высказывался мнѣ въ этомъ смыслѣ.

— Это большое отличіе, сказала Целлерша.

— Это высокая честь, добавила Финдельманша.

— Мнѣ, кажется, милая Кернике, вамъ нечего тутъ и задумываться, заявила Гиппе.

— Я-бы съ радостью согласилась, заговорила Кернике, чуть не плача;— добрый принцъ, онъ всегда такъ любезно раскланивается, да и въ школѣ я училась декламировать, но мой мужъ...

— Предоставьте это мнѣ, безцѣнная госпожа Кернике, сказалъ фонъ-Цейзель, поднимаясь съ своего неудобнаго сидѣнья.— Значить, какъ бы то ни было, я выполнилъ ту часть моей программы, которая относилась къ вѣдомству дамъ, теперь мнѣ надо спѣшить къ мужчинамъ.

— Они, вѣроятно, всѣ въ „Золотой Курицѣ“, сказала Гиппе.— Они всегда тамъ передъ обѣдомъ.

— Чувствительнѣйше благодаренъ вамъ, отвѣчалъ кавалеръ; тысяча благодарностей, дорогія дамы. Затѣмъ имѣю честь откланяться и просить у уважаемаго комитета — такъ слѣдуетъ мнѣ назвать васъ, почтенныя дамы, — прежде всего извиненія, если я еще разъ въ теченіи этихъ дней обезпокою васъ какой-нибудь просьбой.

Фон-Цейзель пожалъ руки дамамъ, поклонился, вышелъ изъ бесѣдки, снова оттуда поклонился, снявъ шляпу, потомъ надѣлъ ее, проговоривъ энергически: „Ну, слава богу, съ этимъ мы покончили“, и пошелъ мимо стараго колодца черезъ ярко облитую солнечнымъ свѣтомъ рыночную площадь къ гостинницѣ „Золотая Курица“.

Подходя къ гостинницѣ, фон-Цейзель увидалъ къ немалому своему удивленію Розеля, который выходилъ изъ раскрытой настежь двери. Розель не тотчасъ-же замѣтилъ кавалера, онъ съ особеннымъ вниманіемъ разглядывалъ небо, на которомъ не показывалось ни одного облачка, и какъ-бы нечаянно зашелъ за телѣги, стоявшія около гостинницы.

Фон-Цейзель очень хорошо видѣлъ этотъ маневръ, и потому обликнулъ:

— Bonjour, monsieur Rose!

— А, откликнулся тотъ, — monsieur de Zeisel, вы здѣсь и въ эту пору?

— Господинъ Розель, вы здѣсь, и въ эту пору? отвѣчалъ кавалеръ.

— Какой прелестный городокъ! заговорилъ Розель.— Церковь

пятнадцатаго столѣтія! Путешественнику и притомъ любителю архитектуры надо пользоваться временемъ.

— Въ такомъ случаѣ я не стану васъ долѣе задерживать, сказала Цейзель, съ утонченной вѣжливостью, приподнимая шляпу.

— Позвольте подѣлиться съ вами моими впечатлѣніями за обѣдомъ, отвѣчалъ Розель, раскланиваясь съ нимъ съ неменѣе утонченной вѣжливостью.

— Странно! пробормоталъ Цейзель, останавливаясь въ раздумьи передъ полуоткрытой дверью гостиницы, откуда раздавался такой шумъ, будто тамъ горячо о чемъ-то спорили.

И въ самомъ дѣлѣ, обычное засѣданіе, всегда продолжавшееся не болѣе получаса, сегодня тянулось вотъ уже цѣлый часъ. Вечернія вечернія и сегодняшнія утреннія газеты переходили изъ рукъ въ руки; статьи, которыя такъ заняли публику, были уже не одинъ разъ прочитаны въ слухъ и разобраны самымъ основательнѣйшимъ образомъ; тѣмъ не менѣе, публика никакъ не могла сойтись во мнѣніяхъ. Кернике утверждалъ, что если-бы и загорѣлась война между Франціей и Германіей, то это его, какъ республиканца, никакимъ образомъ не касалось бы; Целлеръ и Финдельманъ съ жаромъ возставали противъ такого отношенія къ политическому вопросу; хозяинъ, запустивъ пальцы въ карманы жилета, стоялъ около спорившихъ, не зная, къ какому мнѣнію ему пристать; добродѣтельный Гиппе напрасно выбивался изъ силъ, чтобы какъ-нибудь умиротворить расходившихся спорщиковъ.

Спорившіе разгорячались все болѣе и болѣе, кричали все громче и громче, не замѣчая, что они уже не одни въ комнатѣ, что секретарь французскаго маркиза вошелъ и сѣлъ за столъ неподалеку отъ двери, терпѣливо ожидая, пока хозяинъ будетъ настолько любезенъ, что обратится къ нему и принесетъ ему кружку великолѣпнаго ротебюльскаго пива.

— Извините меня, началъ иностранецъ, — мое имя дю-Розель, я секретарь маркиза де-Флорвилъ, который тецерь въ гостяхъ у его свѣтлости въ замкѣ, — извините меня, если я помѣшалъ вамъ, господа, моимъ приходомъ и, быть можетъ, нескромнымъ вниманіемъ, съ которымъ я слѣдилъ за вашимъ интереснымъ споромъ. Но мы, эльзасцы, далеко не такъ чужды нашему старому отечеству, чтобы разучиться его языку, а тѣмъ менѣе языку той сердечной симпатіи ко всему, что волнуетъ нѣмецкое сердце и занимаетъ нѣмецкій умъ. Поэтому я прошу васъ продолжать вѣрить, что все, здѣсь сказанное, не останется безъ отголоска въ моемъ сердцѣ.

Трое изъ сидѣвшихъ за столомъ нашли, что нельзя не отвѣчать на такую любезную рѣчь любезностью, и потому потѣснились около

стола, очистивъ мѣсто для иностранца и приглашая его принять участіе въ ихъ бесѣдѣ; одинъ только Кернике вскричалъ:

— Не примите этого въ дурную сторону, господинъ Розель, — кажется, такъ ваше имя—но я неохотно разговариваю объ этихъ вещахъ съ лицами не нашего кружка, и потому думаю, что мы можемъ оставить этотъ разговоръ и поболтать о чемъ-нибудь другомъ.

— Пожалуйста, не церемоньтесь со мною, отвѣчалъ Розель, — если я васъ стѣсняю, то лучше я удалюсь отсюда.

— Зачѣмъ, я могу также прекрасно и самъ уйти, возразилъ Кернике, поднимаясь съ мѣста.

— Въ такомъ случаѣ вы дѣйствительно заставляете меня удалиться отсюда, отвѣчалъ Розель и, едва отвѣдавъ пива, вышелъ изъ гостиницы, вѣжливо раскланявшись со всѣми.

— Это было очень скверно съ вашей стороны, замѣтилъ Финдельманъ.

— Что теперь онъ объ насъ подумаетъ? воскликнулъ Целлеръ.

— Слѣдуетъ свято соблюдать долгъ гостепріимства, объяснилъ Гиппе.

— И не отбивать у трактирщика его посѣтителей, добавилъ хозяинъ; — имъ и безъ того гораздо ближе „Три Форели“, но за-то тамъ имъ никогда не подадутъ настоящаго ротенбургскаго пива.

И всѣ четверо набросились на Кернике и подняли такой гвалтъ, стараясь перекричать другъ друга, что напрасно зывалъ Кернике „Господа! господа!“ ему никакъ не удавалось выговорить слова. Этотъ-то шумъ и встрѣтилъ Цейзеля, когда онъ входилъ въ полуоткрытую дверь гостиницы.

— Господа! крикнулъ Кернике еще разъ уже изо всей мочи.

— Слушайте, слушайте! отозвался Цейзель.

Кернике замолчалъ, а кавалеръ, усѣвшись верхомъ на стулѣ около стола, просилъ его продолжать.

— Для меня высочайшее удовольствіе послушать рѣчь, господинъ Кернике, пояснилъ онъ, — а кто не знаетъ васъ за знаменитаго оратора.

— Вы черзчуръ любезны, господинъ фон-Цейзель, отвѣчалъ Кернике, — но этихъ эфіоповъ трудно будетъ вымытъ до бѣла.

— Развѣ эти господа такъ черны? удивился фон-Цейзель, лукаво разглядывая эфіоповъ.

— Все-таки это лучше, чѣмъ быть краснымъ, отозвался насмѣшливо Финдельманъ.

— Который всегда говоритъ въ пользу французовъ, добавилъ Целлеръ.

— И француза выпроваживаетъ за дверь, ворчалъ хозяинъ.

— Я не выпроваживалъ его за дверь, вскричалъ Кернике;—напротивъ, я самъ хотѣлъ уйти, потому-что видѣлъ, какъ вамъ хотѣлось пооткровенничать своей грязью передъ французомъ.

— Я-бы очень попросилъ васъ, вступился Финдельманъ,—не говорить при господинѣ фон-Цейзелѣ такихъ оскорбительныхъ...

— А по мнѣ все равно, оборвалъ его Кернике,—хоть при самомъ старикѣ! Въ своемъ кружкѣ мы можемъ говорить, что хотимъ; я знаю, кто о комъ что думаетъ, знаю, что въ случаѣ нужды, всѣ мы всегда поможемъ другъ другу, что я побѣгу тушить къ Финдельману, коли у него загорится, и что Финдельманъ побѣжитъ тушить ко мнѣ, коли загорится у меня на фабрикѣ; и такъ сдѣлаетъ всякій изъ насъ, всякій въ Ротенбулѣ, всякій въ Германіи, какъ я полагаю. А французъ этого не знаетъ, онъ объ этомъ и не думаетъ. Онъ думаетъ, что если мы здѣсь и угощаемъ другъ друга не совсѣмъ лестными рѣчами и, такъ сказать, живого мѣста не оставляемъ другъ на другѣ, то все это надо принимать за чистую монету и значить, мы и въ самомъ дѣлѣ не хотимъ видѣть другъ въ другѣ ничего хорошаго. Но допускать не надо, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ такъ думалъ, а въ особенности теперь, когда они снова насъ начинаютъ такъ ругать, какъ въ той газетѣ, и какъ я самъ своими ушами слышалъ во-время моего путешествія по Франціи въ шесть-десять седьмомъ году, когда былъ поднятъ люксембургскій вопросъ, и когда они такъ мнѣ тамъ досадили, что я даже сталъ вмѣшиваться въ ихъ ругню, да раза два, вмѣшавшись и получилъ таки порядочную взбучку, ну а отъ стада волковъ одной собакѣ не отгрызться. Затѣмъ позвольте мнѣ пожелать вамъ всего хорошаго.

— Подождите, Кернике, заговорилъ фон-Цейзелъ, останавливая расходившагося Кернике.—Я не пушу васъ, пока вы не сдѣлаете мнѣ чести выпить со мной стаканъ вина. Да, г. Кернике, я считаю за честь выпить за здоровье человѣка вашего образа мыслей.

— Ну, ну, отвѣчалъ Кернике, чокаясь съ нимъ стаканомъ, — пусть все остается по старому.

— Конечно, конечно, подтвердилъ фон-Цейзелъ; — мы знаемъ только то, что у всѣхъ насъ одно отечество—Германія.

— Да, да, Германія, да здравствуетъ Германія! вскричалъ Кернике съ энтузіазмомъ.

— И его свѣтлость, нашъ дорогой принцъ! добавилъ фонъ-Цейзелъ.

— Пожалуй, отвѣчалъ Кернике послѣ минутнаго раздумья.

— Такъ-какъ, господа, началъ фон-Цейзелъ,—я вашелъ васъ

здѣсь всѣхъ въ сборѣ и въ такомъ пріятномъ настроеніи, то, пользуясь этой счастливой случайностью, я сообщу вамъ кое-что относительно дня рожденія его свѣтлости, что, я полагаю, будетъ интересно для всѣхъ васъ.

И фон-Цейзель познакомилъ ихъ съ своими планами. По искони-заведенному обычаю, утромъ въ этотъ день городская музыка будетъ привѣтствовать его свѣтлость серенадой; но такъ-какъ пол-дюжины инструментовъ, какъ бы ни старались музыканты, едва-ли могутъ произвести особенный эффектъ, то фон-Цейзель надѣется достигнуть его, если въ серенадѣ приметъ участіе ротенбургское мужское общество пѣнія, вполне заслуженно пользующееся громкой репутаціей, и исполнить піесы три, насчетъ выбора которыхъ было-бы легко согласиться. Что думаютъ объ этомъ господа? а въ особенности г. Кернике, голосъ котораго—здѣсь фон-Цейзель улыбулся—имѣетъ такое серьезное значеніе въ обществѣ пѣнія.

— Если старику... я хочу сказать, его свѣтлости это доставитъ удовольствіе, то я не прочь, отвѣчалъ Кернике.

— Значитъ слажено, обрадовался фон-Цейзель,—и я заранѣе благодарю васъ. Теперь номеръ второй.

Номеръ второй: Обыкновенно депутація, которая поздравляетъ его свѣтлость со днемъ его рожденія, всегда составлялась только изъ бургомистра и городского пастора, а теперь фон-Цейзель предложилъ присоединить къ ней членовъ городской распорядительной думы и, если это возможно, фабрикантовъ, но этотъ вопросъ не могъ быть рѣшенъ окончательно, такъ-какъ надо было переговорить объ этомъ съ лицами, отъ которыхъ это прямо зависѣло. Всѣ заявили однако готовность оказать помощь въ этомъ дѣлѣ и употребить все свое вліяніе, чтобы депутація состоялась именно въ томъ видѣ, какъ предлагалъ ее фон-Цейзель.

— Значитъ она состоится, вскричалъ фон-Цейзель.—Кто не знаетъ, что у васъ, господа, весь Ротенбургъ въ карманѣ? Все остальное, о чемъ слѣдовало бы сообщить вамъ, вы узнаете отъ вашихъ супруговъ, согласіемъ которыхъ я уже заручился. Что же касается до фейерверка послѣ бала,—да, господа, фейерверка, блестящаго фейерверка, для устройства котораго я убѣдительноше попросилъ-бы любезнаго содѣйствія нашего неоцѣненнаго господина Гиппе,—и такъ, фейерверка и маленькой серенады, которую, я полагаю, было-бы самое лучшее заключить нашъ праздникъ—конечно нашъ безцѣнный господинъ Кернике не откажетъ въ любезности устроить ее,—и такъ, обо всемъ этомъ и многомъ другомъ мы поговоримъ, какъ только мнѣ удастся выбрать свободный часокъ. А те-

перь мнѣ давно уже пора на лошадь; да вотъ и моего гяѣдка подвела.

Цейзель пожалъ всѣмъ руки, вскочилъ на лошадь, еще разъ поклонился компаніи, вышедшей проводить его на подѣздъ „Золотой Курицы“, и поскакалъ черезъ площадь, проѣзжая по которой, онъ раскланялся съ дамами, все еще сидѣвшими въ полномъ сборѣ въ бесѣдкѣ передъ аптекою, и скрылся въ узенькомъ переулкѣ, выходящемъ на шоссе, которое вело къ замку.

На выѣздѣ изъ Ротебуля шоссе круто поднималось въ гору; но не по одной этой причинѣ кавалеръ пустилъ такимъ медленнымъ шагомъ своего быстрого коня по тѣнистой дорогѣ, обсаженной сливовыми деревьями. До сихъ поръ все еще шло какъ по маслу, но на дорогѣ изъ Ротебуля въ замокъ стоялъ домъ совѣтника канцеляріи, а въ этомъ-то домѣ и должна была разрѣшиться самая трудная часть той задачи, кооторую онъ на себя принялъ; потому онъ и не могъ миновать его, какъ миновалъ, ѣдучи въ Ротебуль когда онъ далъ значительнаго крика, чтобы только не проѣхать мимо дома Иффлера.

Правда, въ сущности-то дѣло, изъ за котораго онъ хлопоталъ, и не было особенно трудно: онъ хотѣлъ только просить фрейленъ Элизу Иффлеръ, чтобы, когда принцъ со всѣмъ обществомъ выйдетъ вечеромъ гулять въ иллюминированный паркъ, она появилась въ извѣстный моментъ изъ лебединаго грота въ бѣломъ платьѣ, убранномъ зеленымъ тростникомъ и водяными лиліями, съ распущенными волосами и, въ роли нимфы рѣки Роды, привѣтствовала принца Роде небольшимъ стихотвореніемъ, которое авторъ его повторялъ въ эту минуту про себя и которое въ устахъ фрейленъ Элизы получить, безъ сомнѣнія, особую прелесть. Теперь дѣло было только въ томъ, согласится-ли фрейленъ Элиза произнести эти стихи.

Двѣ недѣли тому назадъ въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія: фрейленъ Элиза чувствовала себя созданной для такихъ ролей, госпожа Иффлеръ гордилась-бы тѣмъ, что ея дочь появится въ подобной роли, да и совѣтникъ, несмотря на всю свою сухость, съ удовольствіемъ-бы созерцалъ сквоѣ свои большіе круглые очки превращеніе своей дочери въ водяную нимфу. Но въ двѣ недѣли много воды можетъ утечь, а въ эти двѣ недѣли ничто такъ не измѣнилось, какъ отношенія Оскара фонъ-Цейзеля къ семейству Иффлеръ. Вины онъ никакой за собой не чувствовалъ; несмотря на то, что съ пріѣзда гостей въ замокъ у него хлопотъ былъ полонъ ротъ, онъ все-таки аккуратнѣйшимъ образомъ бывалъ въ домѣ Иффлеровъ, каждый день, аккуратнѣйшимъ обра-

зомъ всякій разъ привозилъ дамамъ букеты или вообще какимъ нибудь образомъ выказывалъ свою нѣжную внимательность до тѣхъ поръ, пока странное обращеніе отца, односложныя рѣчи матери и исчезаніе Элизы, какъ только онъ показывался въ домѣ, — все это показывало ему самымъ несомнѣннымъ образомъ, что его принимаютъ уже далеко не такъ радушно какъ прежде, даже пожалуй, и совсѣмъ не желаютъ его видѣть.

Онъ спросилъ было у совѣтника, въ чемъ онъ провинился; но совѣтникъ отвѣчалъ, что онъ не въ состояніи дать никакого отвѣта на вопросъ, причины котораго для него непонятны; онъ спрашивалъ о томъ-же совѣтницу, но получалъ тотъ-же отвѣтъ; наконецъ онъ умолялъ Элизу сказать ему откровенно, чѣмъ онъ ее оскорбилъ.

Элиза потупила свои голубые глазки и отвѣчала:

Вели молчать, не мучь допросомъ,
Миѣ тайну долгъ велить хранить.

Что же это все значить?

Тщетно фон-Цейзель ломалъ себѣ надъ этимъ голову. Не любила-ли Элиза доктора? Можетъ быть, рассчитывали на доктора, и хотѣли теперь выместить на немъ досаду за отъѣздъ доктора? Но вѣдь не онъ его отсюда выпроваживалъ, да и несчастная любовь и обманутыя надежды никогда не выражаются такимъ страннымъ образомъ, да вѣдь наконецъ-же фон-Цейзель всегда считалъ и имѣлъ полное основаніе считать, что предпочтеніе постоянно оказывалось именно ему.

— Чтожъ, пусть осыпаются эти цвѣты съ дерева моей жизни, повторялъ себѣ молодой человекъ сотни разъ въ послѣдніе дни; — если Оскаромъ фон-Цейзелемъ пренебрегаютъ, такъ онъ сдумаетъ утѣшиться. И онъ сталъ убѣждать себя, что голубые глазки графини Стефаніи гораздо прекраснѣе глазъ Элизы, и даже началъ сочинять сонетъ, въ которомъ

Сіянье матери и любящей, и нѣжной освѣщало ему путь
Среди безцѣльной жизни—тѣмы кромѣшной;

но голубые глазки графини Стефаніи такъ часто, минуя его, глядѣли на доктора, что сонетъ такъ и остался недоконченнымъ.

За то тѣмъ легче ему удалось теперь сочинить другой, сюжетъ для котораго онъ нашелъ вчера послѣ обѣда во время прогулки въ Эрнхсталь. Сонетъ этотъ назывался „Утѣшеніе въ несчастной любви“ и въ немъ шла рѣчь о молодомъ „рыбакѣ“: изъ глазъ его сыплется слезы и онъ стоитъ на берегу „ручейка“, въ свѣтлыхъ волвахъ котораго онъ найдетъ могилу своему невыносимому

горю; но пѣніе Филомелы, раздавшееся изъ кустовъ сирени возлѣ него, возвратило его къ надеждамъ на весну, на жизнь, на счастье. А какая прекрасная рѣма къ „Philomele“ — „Adele“.

— „Adele!“ повторилъ кавалеръ, поворачиваясь на сѣдлѣ и взглянувъ въ долину; онъ вздохнулъ и вздохъ его полетѣлъ по долинѣ къ Эрихсталю, туда дальше, за Эрихсталь, въ далекое помѣстье, на плодоносныхъ равнинахъ котораго рыбообильный ручей его сонета изливался въ воду въ рѣмѣ „Adele“!

— Но нѣтъ, продолжалъ онъ, — никто не долженъ говорить про Оскара фонъ-Цейзеля, что онъ не платитъ долговъ своего сердца, какъ можно было сказать про другіе его долги, для ликвидаціи которыхъ его фонды были не столь обильны. Ты зашелъ слишкомъ далеко, и потому обязанъ, если не ради нея, то ради себя сдѣлать попытку объясниться. Одну попытку, послѣднюю, и если она не удастся, тогда прощай все на вѣки.

Онъ прищипорилъ лошадь и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже у виллы совѣтника.

Окна въ комнатахъ были отворены; но въ нихъ никого не было видно. Вѣроятно, дамы были въ саду. Фон-Цейзель поворотилъ лошадь и поѣхалъ по узенькой тропинкѣ сначала вдоль дома, потомъ вдоль низенькой садовой изгороди. Въ саду никого не было.

Возлѣ сада стояло нѣсколько службъ, а за ними разстилался небольшой лужокъ, на которомъ обыкновенно сушилось бѣлье; онъ былъ обнесенъ для безопасности высокой стѣной, верхній край которой былъ усыпанъ битымъ стекломъ, долженствовавшимъ служить угрозой для дерзкаго. Вставъ на стремяна, можно было видѣть, что дѣлается за стѣною.

Фон-Цейзель зашелъ уже слишкомъ далеко, къ тому же за стѣной раздавались голоса, поэтому онъ поднялся на стремянахъ, взглянулъ черезъ ограду и... его изумленнымъ очамъ предстало самое необыкновенное зрѣлище, какое ему когда-либо случалось видѣть.

Въ тѣни стоявшей въ углу яблони на низенькой деревянной скамеечкѣ сидѣла госпожа Иффлеръ въ черномъ шелковомъ платьѣ и въ чепцѣ съ пунцовыми лентами и что-то вязала. Въ противоположномъ углу, подъ тѣнью грушеваго дерева, возсѣдалъ на стулѣ совѣтникъ въ лѣтнемъ костюмѣ и въ соломенной шляпѣ съ широкими полями. Между ними, посреди площадки стоялъ старикъ, садовникъ совѣтника, Габермусъ, съ бичемъ въ одной рукѣ и съ концомъ веревки въ другой; другого конца веревки фон-Цейзель не видѣлъ, такъ-какъ веревка уходила въ ту часть площадки,

которая была отъ него закрыта оградой, такъ-что назначеніе этой веревки должно было-бы остаться для него тайной.

Но вѣдь фон-Цейзель провелъ большую часть своей жизни въ манежѣ; нельзя-жъ ему было не догадаться, что эта веревка составляла часть корды, а площадка представляла собой ничто иное, какъ импровизированный манежъ.

— Дѣло идетъ превосходно; не правда-ли, Иффлеръ, вскричала совѣтница.

— Magnifiquement! отозвался совѣтникъ.

— Ну а конекъ-то, замѣтилъ Габермусъ,—это капитальный конь; онъ не позабылъ еще своей старой артиллерійской службы, какъ и старикъ Габермусъ, хоть много времени протекло съ тѣхъ поръ. Ну, да вы это сейчасъ увидите!

Габермусъ щелкнулъ бичемъ и вскричалъ протяжнымъ голосомъ:

— Батарейной рысью!

То, чего опасался фон-Цейзель, чего не считалъ возможнымъ, случилось: изъ-за стѣны появилась лошадь, дрявляя, тощая, разбитая на ноги кляча, всегда возбуждавшая въ фон-Цейзель неистовый хохотъ, когда ему случалось ее видѣть; она шла какимъ-то совершенно невѣроятнымъ аллюромъ, представлявшимъ какую-то середину между галопомъ, рысью, шагомъ и спотыканьемъ; на ея сухой спинѣ въ какомъ-то необычномъ коробѣ изъ ивовыхъ прутьевъ, долженствовавшемъ изображать дамское сѣдло, судорожно ухватившись за края этого короба и все-таки качаясь изъ стороны въ сторону, какъ несчастная тростинка на сильномъ вѣтрѣ, сидѣла Элиза, — его Элиза, такъ много воспѣтая имъ Элиза, въ зеленой бархатной амазонкѣ, безчисленныя складки которой были несчастную клячу по ея тощимъ ногамъ; на ея бѣлокурой головкѣ надѣта была мужская шляпа, около которой уныло болтался бѣлый вуаль. Невесело было выраженіе лица Элизы; жара, необычное напряженіе и, быть можетъ, не совсѣмъ неосновательный страхъ заставили ее страшно раскраснѣться; видно было, что она въ высшей степени измучилась и, казалось, каждую минуту готова была расплакаться.

— Ну развѣ это не ангелъ, Иффлеръ? восхищалась совѣтница изъ подъ яблони.

— Настоящій ангелъ! отзывался совѣтникъ изъ подъ груши.

— Батарейной рысью! оралъ Габермусъ, хлопая бичемъ.

— Довольно, довольно! стонала Элиза.

— Ну, ничего, привыкнешь, мой херувимчикъ, утѣшала совѣтница.

— Ты должна стоять на высотѣ своего положенія, увѣщевалъ совѣтникъ.

— Батарейной рысью! гремѣлъ Габермусъ.

— Я не могу больше! стонала въ отчаяніи Элиза.

Эта сцена привела фон-Цейзеля въ такое неописанное изумленіе, что онъ совершенно упустилъ изъ виду, что если онъ будетъ все выше и выше подниматься на стременахъ, то голова его выставится надъ оградой и ее увидятъ оттуда, а главнымъ образомъ увидитъ Элиза, которая, сидя на долговязой клячѣ, находилась почти на одинаковой высотѣ съ нимъ.

А вѣдь такъ и случилось.

Элиза подняла свои испуганные глаза какъ разъ въ ту минуту, когда ея клячу отдѣляла отъ гнѣдка фон-Цейзеля только одна ограда и увидѣла передъ собою голову кавалера; казалось, будто голова Оскара фон-Цейзеля была посажена на битое стекло ему въ наказаніе и другимъ въ примѣръ; она испустила отчаянный крикъ и, казалось, безъ чувствъ упала съ своей клячи на траву.

По крайней мѣрѣ, фон-Цейзель боялся, что это случилось, хотя онъ и не могъ видѣть, дѣйствительно-ли она упала или только наклонилась. Лошади фон-Цейзеля давно уже надоѣло ея положеніе и она воспользовалась отчаяннымъ воплемъ Элизы, чтобы отпрыгнуть, такъ что съ кавалеромъ случилось-бы то-же, что и съ Элизой, если-бы онъ не былъ такимъ отличнымъ наѣздникомъ. Прошло не мало времени, пока фон-Цейзелю удалось снова усмирить своего коня, продѣлывавшаго по полю всевозможные курбеты, и заставить его снова подѣхать къ оградѣ.

Но лужайка уже опустѣла.

Фон-Цейзель готовъ былъ принять все, что онъ видѣлъ, за сонъ, если-бы его только клонило ко сну, и если-бы на помятой травѣ лужайки не остались бичъ горластаго Габермуса рядомъ съ шляпкой и вуалью Элизы, а на скамеечкѣ подъ яблоней—вязанья г-жи Иффлеръ.

Кавалеръ съ минуту колебался, что ему предпринять.

Что въ высшей степени натянутыя отношенія его къ семейству Иффлеровъ не улучшатся отъ всего, что сейчасъ случилось, это было ясно; что сердце Элизы послѣ того, какъ онъ увидѣлъ ее въ такомъ уморительномъ положеніи, не станетъ биться для него горячѣе, это не оставляло никакого сомнѣнія; да и кромѣ того, фон-Цейзель былъ такъ чувствителенъ ко всему комическому, что ему приходилось бояться, какъ-бы обаяніе поэзіи, которою дышалъ этотъ полевой цвѣточекъ, не исчезло безвозвратно отъ дуновенія ласмѣшки. Но добродушіе побѣдило.

„Вѣдь, быть можетъ, бѣдная дѣвочка ни душой, ни тѣломъ не виновата въ томъ глупомъ положеніи, въ которомъ я накрылъ ее, а

во всемъ виноваты ея безумные родители; во всякомъ случаѣ ему слѣдуетъ узнать, не ушиблась-ли она“.

Итакъ, онъ повернулъ своего коня, поскакалъ по тропинкѣ назадъ къ дому и, соскочивъ съ лошади и привязавъ ее къ рѣшеткѣ, съ рѣшительнымъ видомъ вошелъ въ домъ.

Въ комнатѣ его встрѣтилъ совѣтникъ съ такимъ разстроеннымъ видомъ, что фон-Цейзель и въ самомъ дѣлѣ совершенно перепугался.

— Бога ради, господинъ совѣтникъ, вскричалъ онъ,—не случилось-ли чего-нибудь съ Элизой?

— Фрейленъ Элиза чувствуетъ себя прекрасно, отвѣчалъ совѣтникъ,—т. е. я хочу указать, такъ прекрасно, какъ только можетъ себя чувствовать молодая особа, которая развлекается невиннымъ удовольствіемъ подѣ бдительнымъ надзоромъ своихъ родителей и когда...

— За ней не подсматриваютъ посторонніе? досказалъ фон-Цейзель.—Увѣряю васъ, что я совершенно тутъ ни въ чемъ не виновать.

И онъ рассказалъ, какимъ образомъ онъ очутился у ограды.

— Спрашиваю я васъ, господинъ совѣтникъ, продолжалъ онъ,—какъ могъ я подозрѣвать, чтобы фрейленъ Элиза, которая никогда при мнѣ не выражала ни малѣйшаго желанія научиться этому искусству, и къ услугамъ которой, если-бы она пожелала учиться ѣздить верхомъ, всегда готовы лучшія лошади изъ конюшни принца, да и я самъ съ величайшимъ удовольствіемъ предложилъ-бы давать ей уроки верховой ѣзды,—могъ-ли я подозрѣвать, чтобы она...

— Господинъ фон-Цейзель, перебилъ совѣтникъ,—уважайте волю родителей, которые денно и ночью только и думаютъ, что о счастіи ихъ дитяти, да и лучше чѣмъ кто-либо знаютъ свои обязанности по отношенію къ своему дитяти и—осмѣлюсь сказать—въ такому дитяти.

— Я не позволю себѣ ни на минуту сомнѣваться, отвѣчалъ фон-Цейзель,—ни въ возвышенности вашихъ побужденій, ни въ высотѣ призванія вашей дочери.

Совѣтникъ поправилъ воротнички своей рубашки и пристально поглядѣлъ на кавалера сквозь свои большіе, круглые очки.

— Мы никогда не забудемъ расположенія, которое господинъ фон-Цейзель оказывалъ намъ въ дни нашего ничтожества, сказалъ онъ.

Кавалеръ не понялъ смысла этихъ словъ, связанныхъ самымъ торжественнымъ тономъ, и только молча поклонился.

— И не сомнѣваемся ни на одну минуту, продолжалъ совѣтникъ,—въ его скромности, этой высшей изъ обязанностей человѣка, возвращающагося на опасной высотѣ придворной жизни.

Кавалеръ снова поклонился.

— О, будьте въ этомъ увѣрены, господинъ совѣтникъ, сказалъ онъ.

— Мы увѣрены въ этомъ, господинъ фон-Цейзель, отвѣчалъ совѣтникъ.—Легкость, съ которою вы сдумѣли примѣниться къ обстоятельствамъ, измѣнившимся до такой степени, — хоть и не безъ нѣкоторой боли, смѣю сказать, но все-таки сдумѣли,—служить намъ порукой въ томъ.

— Безъ боли? повторилъ фон-Цейзель, — но вѣдь я уже давно былъ подготовленъ къ этому.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ совѣтникъ уже нѣсколько доврчивѣе.

— Его свѣтлость соблаговолилъ не оставить меня во тьмѣ, чтобы моя легко-извиняемая непривычка къ такого рода дѣламъ не слишкомъ шокировала.

— Да благословить Богъ его свѣтлость и васъ, мой молодой другъ, произнесъ совѣтникъ, взявъ руку кавалера и пожимая ее.—Какъ легко сглаживается маленькая, случайная неприятность, когда имѣешь дѣло съ преданнымъ и благородно-мыслящимъ человѣкомъ! Значить, я могу открыть передъ вами мое сердце, могу выразить вамъ всю гордость и все счастье, которое наполняетъ душу отца, когда онъ уже видитъ себя близко къ осуществленію своихъ желаній, которыя, конечно, превосходятъ все...

— Антонъ, Антонъ! раздался голосъ г-жи Иффлеръ, съ лихорадочнымъ напряженіемъ прислушивавшейся къ ихъ разговору за слегка притворенной дверью; она нашла, что уже очень и очень пора положить конецъ этой, быть можетъ, весьма несвоевременной откровенности.—Антонъ, не можешь-ли ты придти сюда на минутку?

Совѣтникъ исчезъ и фон-Цейзель услышалъ, что супруги тамъ о чемъ-то съ жаромъ стали перешептываться; одну минуту ему даже послышался голосъ Элизы.

Совѣтникъ снова вошелъ въ комнату.

— Надѣюсь, что состояніе здоровья фрейленъ Элизы не ухудшилось? спросилъ фон-Цейзель.

— О нѣтъ, отвѣчалъ совѣтникъ,—она чувствуетъ себя прекрасно. Дамы убѣдительнѣйше просятъ васъ извинить ихъ.

Совѣтникъ, если это только возможно, былъ теперь еще сдержаннѣе, чѣмъ при началѣ разговора. Фон-Цейзель уже рѣшительно не зналъ, что и подумать.

— Въ такомъ случаѣ я не осмѣливаюсь васъ болѣе беспокоить,

сказалъ онъ, взявшись за шляпу.—Я пришелъ по одному обстоятельству, касающемуся праздника 16-го числа, собственно съ специальной просьбой къ фрейленъ Элизѣ, полагая, что ея согласіе столько же обрадуетъ, сколько и изумитъ его свѣтлость. Но я лучше ужъ приду въ болѣе удобное время.

— Просьба... къ Элизѣ... которая столько-же обрадуетъ, сколько и изумитъ его свѣтлость... заговорилъ совѣтникъ, съ смущеніемъ поглядывая на дверь въ сосѣднюю комнату.—Не лучше-ли мнѣ... не лучше-ли вамъ...

— Я полагаю, что намъ лучше отложить до завтра, отвѣчалъ фон-Цейзель, терпѣніе котораго уже окончательно истощилось. — Имѣю честь, господинъ совѣтникъ...

— Не лучше-ли вамъ... не лучше-ли мнѣ... бормоталъ совѣтникъ.

Но фон-Цейзель былъ уже за дверями, на лошади, и скакалъ по шоссе, бормоча самыя нелюбезныя слова, которыя, къ счастью для Иффлеровъ, уносилъ вѣтеръ, качавшій вѣтви деревъ и освѣжавшій пылавшія отъ гнѣва щеки кавалера.

ГЛАВА II.

Въ то время, какъ кавалеръ скакалъ по залитому солнечнымъ свѣтомъ шоссе къ замку, Германъ медленнымъ шагомъ ѣхалъ по тѣнистому лѣсу къ фазаньему двору.

Это была та-же часть лѣса, по которой онъ возвращался третьяго дня вечеромъ; его сердце тогда было полно такой неизъяснимой тоски, что онъ совершенно не замѣчалъ свирѣпствовавшей вокругъ него бури, а сегодня?—Сегодня и волшебная красота мѣстности, и безоблачное небо, просвѣчивавшее сквозь маковки исполинскихъ елей, и золотистые солнечные лучи, скользившіе по изумруднымъ вѣтвямъ и игравшіе на мшистыхъ стволахъ елей, и мягкія тѣни отъ деревьевъ въ лѣсу, и пѣніе птицъ, и нѣжашій аромат теплаго лѣснаго воздуха,—все это не производило на него никакого впечатлѣнія, или производило такое впечатлѣніе, которое производитъ благонамѣренная болтовня благороднаго друга, весело рассказывающаго намъ забавныя анекдоты, въ то время какъ вы глубоко погружены въ мрачныя думы, которыя невыносимымъ гнетомъ лежатъ на вашей душѣ.

Такъ слушалъ онъ часа два тому назадъ болтовню фон-Цейзеля, рассказывавшаго ему о прелестяхъ праздника 16 числа.

— Мы обязаны развеселить его свѣтлость, говорилъ фон-Цей-

зель.—Когда я былъ у него, онъ снова былъ не въ хорошемъ расположеніи духа, но онъ, кажется, дѣйствительно желаетъ, чтобы вышло что-нибудь порядочное; всякому изъ насъ надо позаботиться объ этомъ; вамъ тоже, докторъ; вы непременно должны остаться здѣсь на этотъ день. Его свѣтлость приметъ, да и не можетъ не принять за оскорбленіе, если вы отсюда уѣдете. Кромѣ того ваша роль написана, такъ сказать, у васъ на лбу. Вамъ нечего надъ нею и раздумывать. Вамъ слѣдуетъ только по возможности быть попредставительнѣе, а вѣдь это не составитъ для васъ никакого труда. Безъ возраженій, сударь! Вы отослали карликовъ ждать ворона, и передъ вами встаетъ во-снѣ Германія и провозвѣщаетъ пророчество, что времена исполнились; тутъ возвращаются карлики, за ними тѣснится толпа рыцарей и всадниковъ, звеня щитами, и занавѣсъ падаетъ. Спектакль не слишкомъ оригинальный, хотите вы сказать; я согласенъ съ этимъ, но вѣдь всякой шельмѣ на грошъ пятаковъ купить любопытно; ну а самое-то лучшее—это стихи моей Германіи, а вѣдь моя Германія никто другой, какъ сама г-жа Гедвига. Еще разъ прошу васъ, сударь,—безъ возраженій! Директоръ театра двора его свѣтлости принца Роде не терпитъ возраженій даже отъ самого императора Барбароссы.

Но не о роли Барбароссы, которую ему навязывали, думалъ Германъ, ѣдучи теперь по лѣсу; въ это утро ему была предложена другая роль, и объ ней-то и надо было ему поговорить съ Гедвигой. Отъ прислуги онъ услышалъ, что она еще рано утромъ поѣхала на фазаній дворъ. Онъ также отправился туда, хотя и не безъ нѣкотораго раздумья.

Мысль говорить съ нею съ глазу на глазъ привела его сегодня утромъ въ сильное волненіе. Добровольно онъ не пошелъ-бы на это тяжелое свиданіе,—оно уже не сулило ему счастья, оно могло быть только пыткой для него и, если онъ не ошибался, то и для нея.

Но теперь дѣло шло не о немъ; въ его душѣ, какъ на безоблачномъ небѣ, не было и тѣни надежды, тѣни желанія, которое касалось-бы лично его; онъ зналъ это.

Конечно, только при такомъ настроеніи могло у него хватить мужества пустить лошадь въ гору, слѣзть съ нея, отворить ворота фазаньяго парка, взять лошадь подъ уздцы и повести ее по аллеѣ столѣтнихъ дубовъ къ домику Прахатица.

Онъ засталъ старика подъ большимъ, открытымъ навѣсомъ, за работой около деревяннаго курятника, въ который сажались на ночь индюки и фазаны съ ихъ цыплятами. Старикъ, котораго рѣдко можно было видѣть улыбающимся, былъ сегодня почти веселъ.

— Посмотрите-ка, господинъ докторъ, сказалъ онъ, — сегодня ночью забралась сюда кунница, вотъ въ эту дыру; я-то, сѣдая крыса, проглядѣлъ ее; а теперь взгляните вонъ туда, вонъ виситъ эта бестія, т. е. вѣрнѣе шкура, которую я содралъ съ нея. Нынче мнѣ посчастливилось съ моими фазанами; кромѣ тѣхъ пяти, которые пропали у меня въ самомъ началѣ, у меня болѣе не погибло ни одного; они теперь такіе сильные, что съ нимъ ничего не можетъ приключиться. Взгляните только.

Прахатицъ показалъ на цыплятъ, которыя весело пробирались черезъ кустарникъ, въ сопровожденіи насѣдки, пугливо ковылявшей за ними съ веревкой на ногѣ.

— Ну какъ не гордиться ими? сказалъ онъ, потирая свои загорѣлыя руки и, вдругъ, какъ-бы устыдившись своего лицемѣрія, прибавилъ скороговоркой:—они такъ потѣшили ее, и я такъ радъ, что наконецъ-то опять увидѣлъ, какъ она улыбается, и что она снова хочетъ приняться за рисованіе, какъ въ доброе старое время, когда у насъ еще не пошло все вверхъ дномъ съ прїѣздомъ берлинскихъ господъ. Она, конечно, будетъ очень рада васъ видѣть; пойдете-ка, господинъ докторъ, я сейчасъ доложу о васъ.

Германъ пошелъ за старикомъ, быстро зашагавшимъ впередъ. Какое-то особое очарованіе окружало эту чудную женщину; казалось, никто не могъ противустоять этому очарованію; онъ самъ, какъ ни боролся противъ него, въ настоящую минуту невольно снова поддался ему; онъ чувствовалъ это по ускоренному біенію сердца, которое билось тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе онъ подвигался къ павильону.

— Ну, сказалъ вдругъ старикъ, останавливаясь и понижая голосъ, — а все, что мнѣ приходило въ голову третьяго дня вечеромъ, все это было самый, что ни на есть, вздоръ, одно дьявольское навожденіе; я какъ поглядѣлъ сегодня въ ея ясныя очи, такъ отъ всего сердца попросилъ у нея прощенія. Ужь вы, господинъ докторъ, пожалуйста, не пеняйте на меня за это, постарайтесь позабыть, какой я бываю мерзавецъ, когда меня чортъ осѣдляетъ. Да пойдете-же наверхъ, господинъ докторъ, она навѣрно захочетъ поговорить съ вами.

И Прахатицъ сталъ подниматься по лѣстницѣ къ чайному домику; Германъ тихо шелъ сзади. Однако идти было нѣсколько труднѣе, чѣмъ онъ полагалъ; чтобы не упасть, ему пришлось даже разъ ухватиться за перила, такъ дрожали его колѣни.

Наконецъ, онъ поднялся и остановился передъ одной изъ стекляннхъ дверей, въ которую вошелъ Прахатицъ, распахнувъ ее за собою настежь.

„Теперь ты снова стойшь передъ порогомъ, котораго не должна-бы переступать твоя нога“, говорилъ онъ самъ себѣ; — „если-бы тебя привела сюда та себялюбивая слабость, которую люди называютъ любовью, — о, тогда ты былъ-бы для самого себя самымъ презрѣннымъ изъ людей. Благодареніе Богу! На этотъ разъ тутъ любовь не при чемъ“.

— Ея свѣтлость просить васъ подождать въ залѣ; она сейчасъ придетъ, сказалъ Прахатицъ. — Она занята своими рисунками, прибавилъ онъ, какъ-бы извиняясь.

Прежде Гедвига довольно часто принимала Германа въ своей мастерской.

Прахатицъ ушелъ.

Германъ стоялъ въ залѣ, машинально разглядывая старыя го-бленовыя обои, мраморныя вазы и статуэтки въ нишахъ, — всю эту поблекшую роскошь герцогской залы, — словно онъ видѣлъ ихъ въ первый разъ. На него нашель какой-то столбнякъ: онъ старался собраться съ мыслями, припомнить, что его привело сюда, что онъ хотѣлъ сказать, но напрасно; онъ помнилъ только, что онъ снова ее увидить, что вотъ въ эту дверь она войдетъ и что время тянется такъ медленно.

Небольшая обитая обоями дверь отворилась; вошла Гедвига въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ; она шла къ нему на встрѣчу, съ протянутой рукою, прекрасная, какъ всегда, но... очарованіе было разрушено: онъ вспомнилъ, зачѣмъ онъ пришелъ, что ему надо было сказать, — нѣтъ, онъ не поддастся обаянію дѣйствительности, какъ поддавался порой обаянію своихъ мечтаній.

— Вы пришли проститься, сказала Гедвига послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія.

Голосъ ея слегка задрожалъ, лицо ея покрылось блѣдностью; но какъ-бы желая возможно скорѣе побѣдить эту слабость, она снова заговорила, не дожидаясь отвѣта Германа.

— Вы не побоялись длиннаго пути, чтобы посѣтить меня въ моемъ уединеніи, куда я удалилась, чтобы хоть часа на два убѣжать отъ нашей суматохи.

По губамъ Германа скользнула горькая усмѣшка. Она одна не выказала вчера никакого участія къ постигнутому его несчастному случаю; сегодня она также не упомянула объ этомъ ни слова. Значить, онъ уже вовсе не существовалъ для нея. Да вѣдь онъ уже давно знаетъ, что это такъ; ну и пусть будетъ такъ.

— Я прошу васъ извинить меня, началъ онъ, — что рѣшился обезпокоить васъ своимъ приходомъ въ минуты вашего отдохновенія. Меня привело къ вамъ одно обстоятельство, которое, къ со-

жалѣнію, совершенно не соотвѣтствуетъ вашему желанію спокойствія; я предупреждаю васъ, что оно не касается меня лично.

— Ни меня также? спросила Гедвига; по лицу ея пробѣжало облако.

— И не васъ, отвѣчалъ Германъ,—по крайней мѣрѣ, прямо, хотя собственно ваше участіе здѣсь безусловно необходимо.

— Въ такомъ случаѣ я попрошу васъ теперь-же разсказать мнѣ, въ чемъ дѣло.

И она откинулась на спинку кресла; лѣвая рука ея лежала на груди, правою она играла шарфикомъ. Большіе глаза ея остановились на Германѣ съ какимъ-то суровымъ, почти угрожающимъ выраженіемъ, которое ясно говорило, что при первомъ неприємномъ ей словѣ она возьметъ назадъ свое позволеніе.

— Я употреблю всѣ усилія, чтобы быть по возможности краткимъ, началъ Германъ,—но если я принужденъ буду начать нѣсколько издалека, то, надѣюсь, меня извиняетъ въ этомъ трудность самаго предмета. Вотъ въ чемъ дѣло: принцъ находится на такомъ пути, на которомъ не могутъ его равнодушно видѣть расположенные къ нему люди: они должны предостеречь его, если смѣютъ,—отклонить его, если могутъ. Первое я сдѣлалъ; это было напрасно. Я не знаю никого, кромѣ васъ, кто-бы былъ въ состояніи сдѣлать второе; вотъ почему я и обратился къ вамъ.

— Мнѣ кажется, я понимаю, о чемъ вы говорите, замѣтила Гедвига,—но мнѣ кажется, что вы нѣсколько ошибаетесь; но, прошу васъ, продолжайте.

— Вамъ извѣстны политическія убѣжденія принца, продолжалъ Германъ,—вамъ они извѣстны, вѣроятно, лучше, чѣмъ мнѣ; хотя я хорошо зналъ, что онъ ненавидитъ Пруссію, но я не думалъ, чтобы эта ненависть была безгранична, чтобы она заходила даже за предѣлы, священные для патріота. Теперь я это знаю...

— Продолжайте, продолжайте, волновалась Гедвига.

Она выпустила изъ рукъ шарфикъ; лицо ея теперь выражало только одно напряженное вниманіе.

— Я знаю это съ сегодняшняго утра, продолжалъ Германъ.— Принцъ сегодня пригласилъ меня къ себѣ въ необычно-ранній часъ и принялъ у себя въ спальнѣ. Постель была нетронута. Впрочемъ лихорадочное возбужденіе, въ которомъ онъ находился и которое напрасно старался скрыть отъ меня, и безъ того показывало мнѣ ясно, что онъ не спалъ всю ночь напролетъ. Я не стану разсказывать вамъ подробно весь мой разговоръ съ нимъ,— быть можетъ, я не былъ-бы даже въ состояніи этого сдѣлать,— я скажу вамъ только, что планы принца показались мнѣ горячечнымъ бредомъ

больного, а не обдуманнѣми рѣшеніями государственнаго человѣка. Принцъ сказалъ мнѣ такъ положительно, что я убѣдился, что свѣденія его почерпнуты не изъ газетныхъ источниковъ, что война между Франціей и Пруссіей дѣло уже рѣшенное въ Парижѣ и, слѣдовательно, неизбежна, и что разрывъ послѣдуетъ въ самомъ скоромъ времени. Потомъ онъ повѣрилъ мнѣ сумасбродныя надежды, которыя онъ возлагаетъ на эту войну; говорилъ, что Данія и Италія присоединятся къ Франціи, что вся южная Германія, Ганноверъ, Гессенъ, Шлезвигъ-Голштинія возстанутъ и свергнутъ съ себя прусское иго, потомъ сообщилъ мнѣ, какія онъ принялъ рѣшенія на случай этихъ событій: сильный своимъ легитимнымъ правомъ, котораго у него не въ состояніи отнять никакое насиліе, онъ станетъ на ту сторону, на которой видитъ честь и право; что онъ надѣется, что его примѣръ будетъ сигналомъ къ возстанію всей нашей страны, а если онъ ошибется въ своихъ предположеніяхъ, то онъ одинъ возстанетъ противъ Пруссіи. Потомъ онъ, предполагая, что я безусловно раздѣляю его взгляды, его надежды, его рѣшенія, предложилъ мнѣ принять на себя порученіе, о которомъ я ради чести принца умолчу и о которомъ скажу только, что я отъ него отказался и отказался даже съ нѣкоторой рѣзкостью, въ которой теперь раскаиваюсь.

Германъ остановился.

— Продолжайте, продолжайте! требовала Гедвига.

— Раскаиваюсь не потому, продолжалъ Германъ, — чтобы я когда нибудь могъ переимѣнить свое мнѣніе, но потому, что этимъ я только увеличивалъ затруднительность своего положенія. Принцъ, понявъ, что онъ уже не можетъ на меня разчитывать, сказалъ мнѣ, что онъ раскаивается, что зашелъ такъ далеко, и что моя обязанность была остановить его ранѣе, чѣмъ онъ посвятилъ меня въ свою тайну. Я перенесъ эту обиду спокойно; въ эту минуту я совершенно забылъ о себѣ. Я думалъ только о томъ, что мой долгъ употребить всѣ свои силы для спасенія отъ очевидной гибели человѣка, котораго я люблю и уважаю. Я исполнилъ этотъ долгъ, какъ ни было это тяжело для меня, потому-что гнѣвъ принца все болѣе и болѣе возрасталъ. Говоря съ нимъ, я забылъ все, кромѣ уваженія, которымъ обязанъ молодой человѣкъ въ старика. Я пробовалъ доказать принцу, что теперь, если загорится война съ Франціей, дѣло будетъ уже совершенно не то, что въ шестьдесятъ шестомъ году; я говорилъ ему, что онъ дѣлается игрушкой въ рукахъ безсовѣстныхъ искателей приключеній; я привелъ ему въ доказательство, что, по крайней мѣрѣ, Розель, котораго я уже давно знаю и который, не смотря на то, имѣлъ дерзость во-

збювить со мной знаѡмство, что этотъ Розель авантюристъ и притомъ самаго сквернаго разбора; наконецъ, я не побоялся произнести слово, которое заклеимтъ такой поступокъ на всегда въ глазахъ патриѡтовъ, — слово: государственная измѣна. И все, все было напрасно.

— Какъ-же вы разстались? спросила Гедвига.

— Какъ я и не ожидалъ, отвѣчалъ Германъ,—но долженъ-бы былъ ожидать, зная добросердечіе и благородство души принца. Я былъ уже у дверей, какъ принцъ снова позвалъ меня, подаль мнѣ руку, почти обнялъ и сказалъ: „Вы все-таки, несмотря на все, желаете мнѣ добра“. На глазахъ у него дрожали слезы. Я не стыжусь сознаться, что я былъ въ такомъ-же сильномъ волненіи.

— На что-же вы теперь рѣшились? спросила Гедвига.

— Я рѣшился доказать принцу, что онъ не ошибся, полагая, что моя любовь къ нему не уменьшилась ни на волосъ противъ прежняго, хотя-бы мнѣ пришлось для этого принять на себя тяжелую роль незваннаго и непрошеннаго совѣтника.

— Въ такомъ случаѣ, я прямо попрошу у васъ совѣта, сказала Гедвига.—Что вы хотите, чтобы я сдѣлала?

— То-же, что сдѣлалъ и я, отвѣчалъ Германъ.—Я прошу васъ, чтобы вы поговорили съ принцемъ, какъ говорилъ съ нимъ я, или, лучше всего, какъ, я знаю, вы умѣете и будете говорить.

— А если я уже говорила, сказала Гедвига,—вчера вечеромъ сейчасъ-же послѣ полученія тѣхъ извѣстій, и если я не достигла лучшаго успѣха, чѣмъ вы?

— Въ такомъ случаѣ вы обязаны попробовать еще разъ! отвѣчалъ Германъ.

— Обязана? спросила Гедвига.

Она встала, прошла по комнатѣ къ окну и остановилась передъ нимъ. Потомъ, вдругъ оборотилась и вскричала почти запальчиво:

— Почему я обязана?

— Я не могу отвѣчать на вопросъ, на который вы одна только и можете дать отвѣтъ, сказала Германъ.

Онъ сидѣлъ неподвижно; Гедвига продолжала ходить взадъ и впередъ по залѣ; наконецъ, она снова обернулась къ нему, и сказала уже гораздо спокойнѣе:

— Положимъ, я обязана, и сдѣлаю то, что обязана; но кто-же мнѣ поручится, что мнѣ удастся то, что не удалось мужчинѣ, голосъ котораго въ такихъ дѣлахъ имѣетъ гораздо болѣе вѣсу, чѣмъ голосъ женщины?

— Извините, отвѣчалъ Германъ,—въ такую минуту на принца

никогда не можетъ повліять мужчина, какой-бы вѣсь ни придавали его словамъ въ другое время; женщина—это другое дѣло, она дѣйствуетъ не на умъ, а на сердце, она можетъ сдѣлать много, очень много, она можетъ сдѣлать все, когда ее любятъ такъ, какъ васъ любитъ принцъ.

Яркая краска выступила на красивомъ лицѣ Гедвиги, голосъ ея дрожалъ отъ волненія, когда она сказала послѣ минутнаго молчанія:

— Быть можетъ, для этого необходимо, чтобы и женщина любила такъ-же, какъ и ее любятъ или, что все равно, чтобы мужчина считалъ, что эта женщина его такъ-же любитъ, какъ онъ ее?

— Сударыня, отвѣчалъ Германъ,—я не знаю...

— Что вамъ, на это отвѣтить, перебила его Гедвига.—Почему-же не знаете? Мы уже договорились до того, когда уже нельзя останавливаться, нельзя играть въ прятки, не договаривать до конца. Ну, а что, если нѣтъ ни того, ни другого? Что, если ни я не люблю принца такъ, какъ вы эту любовь разумѣете, ни онъ не думаетъ, чтобы я его такъ любила? Что тогда? Не будетъ-ли напрасно все, что я скажу, что я могла-бы сказать? Неужто-же и должна, чтобы имѣть успѣхъ, возбудить въ немъ такія надежды, которыя на повѣрку окажутся голымъ обманомъ? Не введу-ли я его въ обманъ самими моими просьбами, самымъ задушевымъ тономъ, которымъ онъ будетъ высказаны? И вы можете этого отъ меня требовать? Вы!—Смотрите, вѣдь тутъ противорѣчіе, котораго вамъ не разрѣшить, несмотря на все ваше остроуміе; тутъ даже болѣе: тутъ приговоръ...

Гедвига остановилась, потомъ продолжала уже болѣе спокойнымъ тономъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, было-бы тяжелымъ преступленіемъ возбудить въ вашемъ добромъ сердцѣ неосуществимыя надежды, и тѣмъ помѣшать вамъ искать другого средства, которымъ-бы можно было спасти принца. Если его спасеніе зависить только отъ меня, то онъ погибъ.

„Потому-что ты не хочешь спасти его“, думалъ Германъ въ то время, какъ Гедвига снова заходила взадъ и впередъ по комнатѣ; но я, я не имѣю права допустить старика погибнуть за ничто; я долженъ все высказать, что хотѣлъ, что бы изъ этого ни вышло“.

— Сударыня, началъ онъ,—позвольте мнѣ сказать еще два слова. Вы знаете, что люди мягкосердечные, хотя, быть можетъ, и нѣсколько слабые не могутъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока люди такіе-же добрые, но съ болѣе твердымъ характеромъ не ска-

жуть своего послѣдняго слова. Я имѣлъ очень много случаевъ за эти три года изучить характеръ принца; поэтому я ничуть не преувеличу, если скажу, что знаю его хорошо. Принцъ, какъ онъ ни убѣжденъ въ противоположномъ, вовсе не государственный человѣкъ, даже не политикъ. Если-бы это еще нуждалось въ доказательствахъ, то достаточно было видѣть то полнѣйшее отсутствіе спокойствія, самообладанія, которое онъ обнаружилъ сегодня утромъ въ разговорѣ со мною, достаточно увидѣть ту безразсудную, лихорадочную торопливость, съ которою онъ бросается въ такое ужасное предпріятіе. Но вѣдь онъ, въ этомъ случаѣ, таковъ-же, какъ и всегда и во всемъ. При легкой воспламеняемости его фантазій, при невѣроятной впечатлительности его сердца, онъ всегда легко упускаетъ изъ виду дѣло, которое стоитъ на очереди. Никто болѣе его не подверженъ опасности смѣшивать дѣло съ личностью. Я искренно убѣжденъ въ томъ, что, какъ бы далеко онъ ни зашелъ съ французскими эмисарами, прирожденная щерѣшительность не допустить его до послѣдняго, рѣшительнаго шага, что даже самая война не въ состояніи пробудить его отъ его долгаго политическаго сна, какъ не пробудила и въ шестьдесятъ шестомъ году. Страсть его возбуждена теперь въ такой степени личнымъ вопросомъ, замѣшавшимся въ это дѣло, — глубокимъ личнымъ отвращеніемъ, — я скажу прямо — ненавистью къ графу. Присутствіе этого человѣка, которое какимъ-то роковымъ образомъ связалось еще съ нѣкоторыми вопросами, вотъ что кидаетъ его въ крайность, кидаетъ и будетъ подвигать все далѣе и далѣе, до тѣхъ поръ, пока возвратъ уже станетъ невозможнымъ.

Германъ не могъ видѣть выраженіе лица Гедвиги, когда говорилъ это. Она сидѣла, закрывъ лицо рукою, и не подняла головы, даже когда отвѣчала.

— Я уже думала объ этомъ, но что-же тутъ дѣлать? Принцъ самъ пригласилъ графа; онъ долженъ былъ знать, что дѣлаетъ.

— Видимо, онъ самъ не зналъ этого, сказалъ Германъ; — для меня это приглашеніе — до сихъ поръ не разрѣшенная загадка. Но все-же графъ здѣсь и, мнѣ кажется, каждый лишній часъ, который онъ здѣсь проведетъ, будетъ все болѣе и болѣе приближать принца къ пропасти.

— Графъ уѣзжаетъ 16-го, сказала Гедвига.

— До тѣхъ поръ все уже можетъ рѣшиться.

— Но, Богъ мой, вскричала Гедвига раздражительно, поднимал голову, — чего-же вы отъ меня требуете? Не могу-же я выгнать графа.

— Отчего же нѣтъ, сударыня? Я полагаю, что для этого будетъ достаточно одного вашего намека.

Гедвига взглянула на Германа, глаза ея вспыхнули огнемъ; онъ выдержалъ этотъ взглядъ и продолжалъ спокойно, хотя сердце его билось отъ гнѣва:

— Я полагаю, сударыня, что однако намека на приказаніе,—что вы съумѣете сдѣлать искусиѣ, чѣмъ я въ состояніи былъ бы вамъ посовѣтовать—было-бы для графа достаточно, да и будетъ достаточно.

— И вы дѣйствительно ожидаете многого отъ этого шага? спросила Гедвига.

— По крайней мѣрѣ, въ настоящее время я не знаю никакого другого, не только что лучшаго средства, отвѣчалъ Германъ.

— Хорошо, сказала Гедвига, —я могу это сдѣлать, а если я могу, то и сдѣлаю.

Германъ всталъ.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ,—отъ всего сердца благодарю васъ за благороднаго человѣка, который за эти три года сталъ мнѣ такъ дорогъ, даже дороже, чѣмъ я самъ думалъ, и который слишкомъ добръ, чтобы мы могли допустить его пасть жертвой какого-то фантастическаго каприза,—потому-что его политическія мечтанія едва-ли что-нибудь болѣе, чѣмъ простой капризъ. Итакъ, теперь я могу удалиться спокойно, вы хотите спасти его, а вы одна только и можете это; я полагаю, что я въ послѣдній разъ являюсь передъ вами безъ свидѣтелей, такъ позвольте мнѣ проститься съ вами, сударыня.

При этихъ словахъ голосъ его задрожалъ, какъ онъ ни старался овладѣть собою.

Гедвига отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала она,—не прощайтесь еще!

— Отчего-же, сударыня?

— Нѣтъ, не прощайтесь! повторила Гедвига.—Было-бы лучше, гораздо лучше для васъ, если-бы вы уѣхали и никогда болѣе не возвращались сюда, гдѣ васъ преслѣдуетъ одно только несчастіе; но какое-то предчувствіе говоритъ мнѣ, что вы не уѣдете, что вы не можете уѣхать, что не я, а вы можете спасти и спасете принца. Не глядите на меня такъ вопросительно, не глядите съ такимъ упрекомъ, я сдержу свое обѣщаніе, но... теперь идите, прошу васъ идите!

Германъ ушелъ.

Гедвига провела обѣими руками по пылающему лицу и обвела комнату блуждающимъ взглядомъ. Вдругъ она вскочила и бросилась къ двери; она должна воротить его, должна сказать ему, что она не любитъ графа, что она не можетъ перенести, чтобы онъ

ушелъ отъ нея съ этою мыслью, что она ни для кого имъ не пожертвуетъ. Площадка передъ павильономъ была пуста, даже не было слышно удалявшихся шаговъ, все было тихо, только чирканье птицъ раздавалось въ яркой зелени деревьевъ.

Она медленно вернулась назадъ и пошла въ свою мастерскую. Утромъ еще она велѣла принести туда всѣ принадлежности рисованья, чтобы хоть нѣсколько часовъ украсть у этого времени, которое давило ее тяжелымъ свинцомъ.

Прахатицъ привелъ мастерскую въ прежній порядокъ, какъ-будто ему хотѣлось возратить ее къ прежнимъ привычкамъ. У стѣны стоялъ натянутый холстъ; она машинально взяла его въ руки. Это былъ портретъ Германа. Холстъ выскользнулъ изъ ея рукъ и упалъ на полъ. Она снова подняла его.

— Да, да, сказала она,—ты не хочешь меня знать, ты не хочешь, чтобы я владѣла и этой добычей, чтобы я пробовала мое искусство на тебѣ, чтобы у меня оставалась эта тѣнь твоя!

Она поставила холстъ на мольбертъ и остановилась передъ нимъ, сложивъ на груди руки и пристально уставившись на картину.

— Ты заслуживаешь лучшей судьбы; зачѣмъ судьба бросила тебя на мою дорогу, а меня на твою? Тѣнь моя всегда будетъ мрачной тѣнью въ твоей жизни, а твоя тѣнь—въ моей. Быть можетъ, я никогда не умѣла понять тебя, какъ не умѣла удержать въ памяти твои черты. Это не твои ласковые, кроткіе глаза, это не твой ясный лобъ, это не твои добрые уста, которыя никогда не сказали мнѣ ни одного недружескаго слова, которыя не могутъ произнести ничего, кромѣ дружескаго слова. Добрый, благородный! слишкомъ добрый, слишкомъ благородный для этого міра лжи и обмана, несправедливости и насилія! Ты умѣешь только жертвовать собою; ты уже давно жертвуешь собою: прежде ты жертвовалъ собою для слѣпого короля, а теперь для старика, который не хочетъ видѣть. И всякій принимаетъ твою жертву; отчего-же и не принимать имъ? — вѣдь это такъ удобно! И ты никогда не негодовалъ! О, если-бъ ты умѣлъ негодовать, если-бъ ты умѣлъ понять, какъ ты силенъ, и оттолкнуть отъ себя тѣхъ, которые были-бы ничто безъ тебя и тебѣ подобныхъ! Но я, я негодую за тебя, негодую за то, что ты не умѣешь негодовать; я не хочу, чтобы ты глядѣлъ такъ добродушно; я не хочу, чтобы ты всегда жилъ только для другихъ! Кто знаетъ, если-бы ты умѣлъ жить для себя, быть можетъ, жить для тебя было-бы моей гордостью, моей отрадой; быть можетъ, твоя вина, что я еще ношу мою цѣпь. Ты научилъ меня терпѣнію; это былъ дурной урокъ.

Она отвернулась отъ портрета и подошла къ открытому окну,

въ которое глядѣли и лѣсъ, и луга, и теряющіяся на горизонтѣ далекія горы, и ясное чистое голубое небо. Она протянула руки.

— Я приду, я иду! вырвалось изъ груди ея.

Она бросилась изъ мастерской въ залу, оттуда черезъ маленькую, обитую обоими дверь въ небольшую заднюю комнату, оттуда на воздухъ и очутилась среди зелени, подъ тѣнью исполинскихъ деревь, возвышавшихся на холмѣ, къ которому примыкалъ павильонъ своимъ заднимъ фасадомъ.

Она шла подъ деревьями быстрыми шагами, почти летѣла; вдругъ она остановилась. Что онъ сказалъ ей, разставаясь? что онъ поручалъ ей? Да, она должна удалить отсюда графа, и она обѣщала это. Новая цѣпь наложена на ея свободу! Новая цѣпь, и наложилъ ее онъ, который не можетъ жить безъ цѣпей, и не можетъ видѣть равнодушно, чтобы другіе жили безъ нихъ.

Она истерически засмѣялась, но тутъ-же ея возбужденное состояніе разрѣшилось слезами; она стыдилась своихъ слезъ, но не могла удержаться.

— И я женщина, только женщина! вырвалось у нея изъ груди.

Она бросилась на скамейку подъ тѣнью высокихъ деревьевъ въ аллеѣ, куда она попала, сама не зная какъ. Вѣтеръ шелестилъ сучьями, птицы беззаботно распѣвали, пара фазановъ перебѣжала черезъ дорожку; она ничего не замѣчала, она ничего не слышала, погруженная въ свои мрачныя думы, пока ее не заставилъ очнуться какой-то шумъ, какъ-будто отъ топота копытъ.

Она испугалась и вскочила.

Шагахъ во ста отъ нея изъ узкой боковой дорожки выѣхалъ на аллею всадникъ. Это былъ графъ.

Первымъ движеніемъ Гедвиги было убѣжать, но она поняла, что было уже слишкомъ поздно, что графъ, безъ сомнѣнія, уже замѣтилъ ее, и что если онъ, дѣйствительно, любить ее, то для него теперь гораздо болѣе причинъ самому бѣжать отъ нея, чѣмъ ей отъ него.

Графъ прищипорилъ лошадь и черезъ минуту уже соскочилъ съ сѣдла возлѣ нея.

— Вотъ что называется счастіемъ, сударыня! сказалъ онъ.—Цѣлый часъ я ѣзжу во всѣ стороны; никто въ замкѣ не умѣлъ мнѣ сказать, куда вы поѣхали; наконецъ, мнѣ пришло въ голову, что вы могли поѣхать на фазаній дворъ... правда, это не совсѣмъ правдоподобно въ такой жаркій день, но... это дѣйствительно такъ и оказывается. Но, прежде всего, здравствуйте.

Онъ снялъ перчатку и протянулъ руку Гедвигѣ. Глаза его блестя, въ его сіяющихъ глазахъ и во всѣхъ чертахъ его краси-

ваго мужественнаго лица отражалась страстная любовь къ той, чью руку онъ держалъ теперь въ своей рукѣ и продержалъ-бы еще долго, если-бы Гедвига тотчасъ-же не отдернула ее.

— Зачѣмъ вы меня искали? спросила она.

Графъ отвѣчалъ не сразу.

Онъ чувствовалъ, какъ она отдернула свою руку, онъ слышалъ тотъ ледяной тонъ, которымъ она произнесла свой вопросъ; но это было для него только препятствіемъ, только порогомъ, налетая на который волны горнаго потока только выше вздымаются. Всякій разъ, когда онъ ее видѣлъ, ему казалось, что она еще никогда не была такъ прекрасна, какъ въ этотъ разъ, и теперь, когда онъ неожиданно встрѣтилъ ее здѣсь, въ тѣни деревь, въ уединеннн парка, онъ почувствовалъ то-же, но съ такой страшной силой, что все въ глазахъ его закружилось и онъ судорожно ухватился за гриву своей лошади.

— Зачѣмъ я искалъ васъ? — Простите меня, я увидѣлъ васъ и право теперь забылъ зачѣмъ.

Это не была фраза, и Гедвига поняла это.

Въ другое время это произвело-бы на нее, быть можетъ, впечатлѣніе, но темеръ душа ея, до боли переполненная мрачными, темными мыслями, была недоступна ни свѣту солнца, ни свѣту любви.

— Постарайтесь вспомнить, сказала она.

— Я ужъ вспомнилъ, отвѣчалъ графъ.

Опьянѣніе прошло. Въ послѣднихъ словахъ Гедвиги прозвучала насмѣшка, она возмутила гордаго графа. Чѣмъ неудержимѣе, чѣмъ самоотверженнѣе, по его понятіямъ, была страсть, которая его охватывала своимъ пламенемъ, тѣмъ сильнѣе была реакція. Онъ почувствовалъ теперь ясно то, что уже прежде не разъ смутно ощущалъ: ненависть, а не любовь, ненависть къ существу, которое заманивало его только для того, чтобы потомъ оттолкнуть отъ себя, чтобы потомъ унижить его передъ самимъ собою.

Лицо его, за минуту передъ тѣмъ отражавшее внутренній огонь его души, приняло мрачное, грозное выраженіе; мрачно и грозно звучалъ его голосъ, когда онъ сказалъ, тяжело переводя духъ:

— Вы помните, сударыня, что я передалъ вамъ вчера вечеромъ изъ письма ко мнѣ. Я говорилъ вамъ, что въ Берлинѣ считаютъ настоящее положеніе дѣлъ въ высшей степени критическимъ. Сегодня мой корреспондентъ—это никто другой, какъ баронъ Мальте, котораго вы знаете, и который, какъ вамъ извѣстно, по положенію своему въ состояніи получать свѣденія болѣе достовѣрныя, чѣмъ кто-либо,—прислалъ мнѣ съ нарочнымъ вырѣзку изъ теле-

граммы, полученной вчера послѣ обѣда въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; я долженъ обратить на нее ваше вниманіе.

Графъ вынулъ изъ бумажника листокъ.

— Это отвѣтъ Грамона, сказалъ онъ,—на предъявленный ему запросъ; первыя строки не такъ важны, но обратите вниманіе на слѣдующее: „Мы надѣемся, что дѣло не дойдетъ до этого; мы надѣемся на это, потому-что разсчитываемъ на мудрость нѣмецкаго и на дружбу испанскаго народа; но если будетъ иначе, то, сильныя вашей поддержкой и поддержкой націи, мы исполнимъ свой долгъ безъ колебанія и безъ слабости“.

Графъ снова сложилъ листокъ и ждалъ отвѣта Гедвиги. Но Гедвиги не тотчасъ отвѣтила. Все двигалось такъ быстро, минута, когда надо было уже дѣйствовать, наступила такъ неожиданно, и совершенно иначе, чѣмъ она ее ожидала.

Когда она давала Герману обѣщаніе, она разсчитывала, что будетъ говорить съ графомъ спокойно, что если даже, въ худшемъ случаѣ, разговоръ ихъ приметъ личный характеръ, она сумѣетъ дать нужный отпоръ. Она ошпблась. Разговоръ, начатый такимъ образомъ, не могъ добромъ кончиться. Она съ гнѣвомъ отвергла страсть графа. Какъ тутъ было уладить дѣло? Сердце ея билось такъ, что, казалось, вотъ, вотъ сейчасъ оно выскочитъ; съ трудомъ она произнесла слова:

— Почему-же вы сообщаете это мнѣ, графъ, именно мнѣ?

— Прежде вы были проникательнѣе въ подобныхъ вещахъ, отвѣчалъ графъ.—Еще вчера вечеромъ вы мнѣ дали обращеніе вашей проникательности. Вчера еще вы знали, не спрашивая меня, что полученныя извѣстія предвѣщаютъ войну между Франціей и Пруссіей. Сегодня, когда война уже почти объявлена, вы этого не знаете, или лучше не хотите знать. Но все равно; я въ такомъ-же положеніи, какъ и французскіе министры, я долженъ исполнить свой долгъ безъ колебанія и безъ слабости. Выполнить эту обязанность мнѣ было-бы сравнительно легко, если-бы вы были настолько благосклонны, что оказали-бы мнѣ свое содѣйствіе; я поставленъ теперь въ весьма тягостное положеніе, мнѣ приходится спросить васъ прямо: могу-ли я разсчитывать на вашу поддержку или нѣтъ?

— Въ какомъ-же отношеніи вы разсчитываете на мою поддержку? спросила Гедвиги.

— Какъ, и это я долженъ вамъ объяснять? вскричалъ графъ.—Ну хорошо, по крайней мѣрѣ, вамъ не придется жаловаться, что я что-нибудь отъ васъ утаилъ. Я-бы увидѣлъ поддержку моимъ намѣреніямъ съ вашей стороны и былъ-бы очень признателенъ

вамъ, если-бы вы обратили вниманіе принца на то, что при такой большой и, быть можетъ, очень рискованной игрѣ невозможно показывать карты такъ открыто, какъ онъ показывалъ ихъ вчера вечеромъ, да, если хотите, и всё послѣднее время, и нельзя...

— Я не могу говорить объ этомъ съ принцемъ, сказала Гедвига, — послѣ вчерашняго вечера, когда я сообщила ~~ему~~ о томъ, что вы мнѣ говорили, и получила отъ него строгое внушеніе, я не могу съ нимъ говорить объ этомъ.

— Въ настоящее время дѣло находится въ другомъ и гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ вчера, возразилъ графъ — можетъ быть, сегодня онъ васъ выслушаетъ благосклоннѣе.

— Извините меня, графъ, — я знаю принца лучше васъ и совершенно не думаю этого.

— Я полагалъ, что вы имѣете болѣе вліянія на него, сказала графъ, — но, конечно, вамъ это лучше знать; если вы говорите, что въ этомъ случаѣ вы не можете подѣйствовать на него, то я, конечно, не могу настаивать. Но въ качествѣ хозяйки дома вы можете обратить вниманіе хозяина дома на не совсѣмъ приличное — извините за выраженіе, но я не могу подыскать болѣе подходящаго — отношеніе его къ своимъ гостямъ.

— Графъ?

— Еще разъ прошу васъ извинить меня, но дѣло идетъ не о словахъ, а о фактахъ, т. е. собственно о фактѣ, бьющемъ въ глаза всякому, кто хочетъ видѣть, о томъ нарушеніи законовъ приличія, которое позволилъ себѣ принцъ, пригласивъ сюда вмѣстѣ со мною и маркиза де-Флорвиля, или, вѣрнѣе, оставляя меня въ обществѣ этого господина послѣ того, какъ положеніе вещей приняло такой оборотъ, что тотъ баринъ и я не должны-бы были и встрѣчаться. Конечно, вы избавите меня отъ необходимости доказывать такую простую вещь и дѣлать выводы изъ моихъ посылковъ.

Графъ остановился, низко поклонился, приложивъ руку къ фуражкѣ, и, отвернувшись отъ Гедвиги, взялся уже за поводья лошади.

Гедвига въ сильномъ смущеніи прошла нѣсколько шаговъ. Разговоръ принялъ направленіе, какъ разъ противоположное тому, какое она хотѣла ему придать, какое она должна была придать, чтобы исполнить свое обѣщаніе, мало того, чтобы измѣнить положеніе, всю опасность котораго она только теперь повяла совершенно ясно. Если она ступитъ графа такъ глубоко оскорбленнаго, кипящаго злобой, ясно звучавшей въ ироническомъ тонѣ послѣднихъ его словъ, то можно всего опасаться, можно опасаться катастрофы. А между тѣмъ, что было ей дѣлать? Обратиться къ

нему ласково, снизойти до просьбы, вымаливать того, что теперь могло показаться явной насмѣшкой? Но что-же, что-же иначе!

— Графъ, сказала она, обращиваясь къ нему, — одну минуту.

— Что прикажете, сударыня? спросилъ графъ, вынимая ногу, которую уже было занесъ въ стремя.

— У меня есть до васъ просьба, которая...

— Просьба... у васъ? признаюсь, это такая новость для меня, что я горю нетерпѣніемъ узнать, въ чемъ дѣло.

Губы его дрогнули, въ глазахъ сверкнулъ огонь.

Гедвига знала, что ей стоитъ сказать слово, и гордый человѣкъ падеть къ ея ногамъ; она могла отъ него потребовать, что хотѣла, но она не могла, она не хотѣла пропзнести слово, которое бы сдѣлало ее рабою, хотя-бы рабою только одной лжи.

— Графъ, сказала она, — и обращаюсь къ вашему благородству, къ великодушію, которое прилично сильному, которое сильный можетъ себѣ позволить, потому-что его за это не обвинять въ слабости. Вы требуете отъ меня невозможнаго. Сказать принцу, чтобы онъ выпроводилъ своихъ французскихъ гостей, значитъ дать ему понять, что онъ, какъ вы сами говорите, нарушилъ приличія, мало того, это значитъ заставить его сознаться, что полтика его — безуміе, а, можетъ быть, и того хуже. Этого вы не можете потребовать отъ принца, а если-бы и могли требовать отъ принца, то не можете отъ старика, который такъ много выстрадалъ на своемъ вѣку, котораго гнететь — заслуженно или незаслуженно, это другой вопросъ, но во всякомъ случаѣ гнететь — страшная судьба. У него не хватаетъ силы подняться. Онъ не можетъ стать другимъ, чѣмъ онъ есть. Да и отъ васъ самихъ я этого не требую. Оставайтесь тѣмъ, чѣмъ вы есть, но пощадите принца, сдѣлайте видъ, что вы не видите того, что происходитъ передъ вашими глазами. Вамъ это такъ легко, вамъ стоитъ только сократить посѣщеніе, которое при настоящемъ положеніи дѣлъ можетъ быть только пыткой для васъ, да врядъ-ли и вообще было вамъ когда-нибудь особенно пріятно. Графиня пріѣдетъ на дняхъ. Вы можете совершенно спокойно оставить Стефанію одну до ея пріѣзда, а для меня...

— Кончайте-же, сударыня... вы хотѣли сказать: а для меня будетъ такимъ счастьемъ отдѣлаться отъ васъ такъ легко.

— Я этого ожидала, пробормотала Гедвига.

— И должны были ожидать. Будемте совершенно откровенны; я не зналъ и до сихъ поръ не знаю, зачѣмъ принцъ меня пригласилъ. Тирклицкое наслѣдство очевидно было предлогомъ, это-то я очень хорошо понималъ, но настоящей причины все-таки не могъ

угадать. Въ недоумѣніи я на минуту осмѣлился заподозрить въ этомъ приглашеніи вліяніе женщины дорогой мнѣ, женщины, которую я любилъ въ молодости. Это была страшная глупость, но я вынужденъ къ этому унизительному признанію, потому-что иначе я не могъ себѣ объяснить, зачѣмъ я пріѣхалъ, не могу себѣ объяснить, почему теперь я не уѣзжаю. Да, сударыня, не уѣзжаю. Если-бы вы меня призвали, клянусь Богомъ, я покорно-бы уѣхалъ по первому вашему слову. Ваше сердце могло ошибаться; какъ ни была-бы горька, унизительна для меня эта ошибка, — я уважалъ-бы вашу волю. Но теперь объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Я не знаю, зачѣмъ меня призвали сюда, но я очень хорошо знаю, зачѣмъ я остаюсь. Не смотрите на меня такъ грозно: окружающіе избаловали васъ, меня не такъ легко запугать; мнѣ кажется, нечего говорить вамъ, что съ этой минуты между нами война; я васъ очень хорошо знаю въ этомъ отношеніи и вы меня знаете, что я не даю пощады и сломя сердце, которое не захочетъ покориться. Но, къ счастью, въ этой борьбѣ для васъ и для меня о сердцѣ не можетъ быть и рѣчи. Это будетъ, какъ я вижу, борьба интересовъ. Вы очень хорошо знаете, чего вы хотите, вѣдь вы такъ-же умны, какъ и прекрасны. Чего я хочу, я вамъ это также могу сказать и, можетъ быть, лучше, чтобы вы это знали напередъ: я хочу, чтобы принцъ, подъ вліяніемъ фантастическихъ причудъ не игралъ честию моего дома, какъ мячкомъ, я хочу, чтобы принцъ не запятналъ имени, которое нѣкогда буду носить я, клеймомъ государственной измѣны; я-бы этого никогда не потерпѣлъ, ни при какихъ условіяхъ, но, конечно, есть различныя средства для достиженія цѣли и, ради васъ, я выбралъ-бы самыя мягкія. Если въ настоящее время я не намѣренъ дѣйствовать такимъ образомъ, если я постараюсь достигнуть и, конечно, достигну своей цѣли кратчайшимъ путемъ, то въ этомъ виноваты вы, вы одни.

— О да, вѣдь я виновата такъ во многомъ въ вашей жизни, отвѣчала Гедвига съ горькою ироніею; — если вода мутна, то кто же нибудь да замутилъ ее. И наконецъ, вѣдь это только продолженіе исторіи, которую вы мнѣ рассказывали двѣ недѣли тому назадъ на этой самой дорогѣ, подъ этими самыми деревьями.

— Такъ бойтесь послѣднихъ главъ ея.

— Эта угроза вамъ какъ нельзя болѣе къ лицу, графъ, гораздо болѣе къ лицу, чѣмъ овечья шкура. Здѣсь наши дороги расходятся.

Она сдѣлала рукою движеніе и повернула назадъ.

— Гедвига, закричалъ графъ, — Гедвига!

Но она не слушала, не хотѣла слушать и быстро, не огляды-

ваясь шла по направленію къ павильону. Графъ стоялъ, протянувъ руку, потомъ гнѣвно топнулъ ногой, заскрежеталъ зубами, бросился на лошадь и помчался по аллеѣ съ быстротою вихря.

ГЛАВА III.

Едва успѣла уйти изъ павильона Гедвига, какъ къ нему подкатила коляска принца. Онъ ѣздилъ съ маркизомъ въ охотничій домъ и на возвратномъ пути заѣхалъ сюда—показать ему фазаній дворъ. Они подѣхали прямо къ чайному домику и хотѣли послать лакея за ключами къ Прахатицу.

Но парадная дверь, выходившая на терасу, была распахнута настежь: вѣроятно, Прахатицъ прибиралъ тамъ съ своими людьми. Во всякомъ случаѣ за ключами ходить было не нужно.

Принцъ и маркизъ остановились у лѣстницы. Маркизъ съ искусно сыграннымъ восхищеніемъ осматривалъ паркъ и чайный домикъ.

— Прелестно, восхитительно! восклицалъ онъ.— Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣю счастье находиться возлѣ васъ, monseigneur, мнѣ кажется, что я вдыхаю въ себя французскій воздухъ; но здѣсь я чувствую себя перенесеннымъ совершенно въ мою милую Францію: вся эта обстановка, дышащая граціею, весельемъ и изящнымъ вкусомъ, этотъ свѣтъ и эти тѣни, это солнце все это чисто-французское. Извините меня, ваша свѣтлость, за сравненіе, быть можетъ, не совсемъ ловкое, но когда намъ что-нибудь нравится, мы не можемъ подобрать лучшей похвалы, какъ сказать: это совершенно какъ у насъ! Французъ, въ особенности, не можетъ иначе выразить своего восторга.

— Въ настоящемъ случаѣ, такой отзывъ приходится какъ нельзя болѣе кстати, отвѣчалъ принцъ весело. — Если французъ этотъ паркъ представляетъ клочкомъ Франціи, то значитъ онъ вполне удовлетворяетъ идеѣ своего творца. Зайдемте на минуту въ этотъ домикъ.

Маркизъ повелъ принца подъ руку и они поднялись по каменной лѣстницѣ, остановились на нѣсколько минутъ на терасѣ и затѣмъ вошли въ залу, тѣнистая прохлада которой показалась имъ особенно пріятной послѣ продолжительной ѣзды по палацему зною.

Къ удивленію принца, въ домикѣ не оказалось ни Прахатица, ни

его рабочихъ, но маркизь не далъ ему времени задуматься надъ этимъ.

Онъ находилъ, что внутреннее убранство комнатъ превосходить, если это только возможно, своимъ изяществомъ внѣшній видъ дома; онъ восхищался гобленовыми обоями, съумѣлъ оцѣнить по достоинству севрскія вазы на каминахъ, потѣшался китайскими куколками, приходилъ въ восторгъ отъ мраморной группы, изображавшей освобожденіе Андромеды Персеемъ, снимка съ извѣстной группы въ Луврѣ, изваяннаго, по всей вѣроятности, рукою самого артиста, или кѣмъ-нибудь изъ учениковъ Пюже, подъ руководствомъ самого учителя.

Принць благосклонно выслушивалъ болтовню молодого человѣка, но не въ состояніи былъ вполне сосредоточить на ней свое вниманіе.

Серьезные разговоры, которые онъ велъ съ маркизомъ во время прогулокъ наканунѣ и въ этотъ день, постоянно занимали его умъ. Между этими двумя разговорами, утренній разговоръ съ Германомъ являлся мрачною горою между двумя цвѣтущими долинами. Въ устахъ маркиза вчера и сегодня все казалось такъ легко, такъ просто, все такъ естественно вытекало изъ самого свойства вещей—Германъ же утверждалъ противоположное; его доводы, его просьбы произвели на принца впечатлѣніе тѣмъ болѣе глубокое, что онъ ждалъ отъ молодого ганноверца, по крайней мѣрѣ, условнаго согласія и былъ вполне убѣжденъ въ чистотѣ его побужденій и безкорыстіи его совѣтовъ. Маркизь, съ своей стороны, замѣтилъ, какъ нельзя лучше, что сегодня принць уже относится къ его проектамъ гораздо холоднѣе, выражается гораздо сдержаннѣе, чѣмъ вчера; онъ заключилъ изъ этого, что въ промежутокъ между вчерашнимъ и сегодняшнимъ разговорами кто-нибудь повліялъ на принца, а кто-же могъ повліять, какъ не Гедвига. Ему очень хотѣлось удостовѣриться въ справедливости своихъ догадокъ, и онъ не разъ пытался дѣлать разныя намеки съ этою цѣлью.

Но принць постоянно уклонился отъ прямого отвѣта, а идти далѣе намековъ онъ не рѣшался.

— Я утомляю вашу свѣтлость своею болтовнею, сказалъ онъ наконецъ, замѣтивъ, что принць, задумчиво сидѣвшій въ креслѣ, опершись на руку, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ ничего ему не возражаетъ.

— Нисколько, нисколько, сказалъ принць, поднимая голову, — но вы понимаете, конечно, что человѣкъ моихъ лѣтъ не можетъ относиться такъ легко, какъ вы, люди молодые, къ тѣмъ серьезнымъ

вопросамъ, которыхъ мы коснулись въ нашихъ разговорахъ; къ тому-же, то, къ чему вы стремитесь, кажется вамъ въ сущности очень простымъ, очень логическимъ и потому вы можете быть совершенно спокойны; мои же стремленія, или вѣрнѣе, задача, которую вы мнѣ ставите, въ высшей степени затруднительна, темна и запутанна, потому я и не могу сохранять постоянно ровное, веселое расположеніе духа.

— Извините меня, monseigneur, возразилъ французъ,—я понимаю какъ нельзя лучше всю великость жертвы, которую вы приносите, всю громадность ставки, на которую вы рискуете, все мужество сердца, всю смѣлость духа, съ которыми вы отрѣшаетесь отъ извѣстныхъ ощущеній, признаваемыхъ священными толпою, выбрасываете за бортъ традиціи, получивши санкцію всего свѣта. Я не осмѣлюсь быть черезъ-чуръ навязчивымъ, я и безъ того уже слишкомъ испытываю вашу снисходительность моимъ рыцарскимъ патриотизмомъ. Но, monseigneur, позвольте мнѣ замѣтить, что мое положеніе, мое лично — если только возможно сравнивать малое съ великимъ — не менѣе затруднительно и запутанно. Вѣрьте мнѣ, что для потомка такого древняго рода какъ мой, не бездѣлица забыть исторію своихъ предковъ, забыть, что столько поколѣній маркизовъ Флорвилъ боролись и страдали съ домомъ Бурбоновъ и поступить на службу къ человѣку, который въ моихъ глазахъ и въ глазахъ всѣхъ, раздѣляющихъ мой образъ мыслей, не болѣе какъ счастливый авантюристъ, порожденіе одной изъ самыхъ проклятыхъ революцій, такъ сказать послѣднее слово этихъ революцій; вѣрьте, monseigneur, что это—тяжелое испытаніе, тернистая дорога,—одинъ Богъ знаетъ, что я переносу, принимая на себя этотъ крестъ, раздирая себѣ сердце этими терніями. Но, monseigneur, такъ должно быть!

„Въ настоящую минуту—я не говорю, что такъ будетъ вѣчно, потому-что это было-бы смертельнымъ ударомъ для меня, но въ настоящую минуту дѣло легитимистской партіи во Франціи безнадежно, кормило государственнаго судна, носимаго бурными волнами духа времени, выскользнуло изъ черезъ-чуръ слабыхъ рукъ.

„Пусть улягутся сперва измѣчивыя волны капризной народной любви и только тогда въ чистомъ зеркалѣ ихъ снова отразится священный образъ монархіи божіею милостью. Но до тѣхъ поръ, monseigneur, я точно также какъ и всякій здравомыслящій, благонамѣренный человѣкъ, вынужденъ выбирать изъ двухъ золъ меньшее—въ частной жизни можно пожалуй бороться противъ такого положенія, можно возмущаться имъ съ точки зрѣнія личной нравственности, но въ общественной жизни, съ точки зрѣнія полити-

ческой нравственности, оно должно быть принято безусловно, иначе и быть не можетъ. Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись. Зіяющая пасть революціи можетъ быть закрыта только тѣмъ, кого революція произвела, какъ свое воплощеніе, какъ свое любимое дѣтище свой конечный выводъ.

„Въ настоящую минуту императоръ и только одинъ императоръ въ состояніи обуздать революцію, бушующую у нашихъ ногъ, я хочу сказать у ногъ Европы. Если императоръ падетъ, то хаосъ неудержимо охватитъ насъ, а императоръ падетъ, если не рискнетъ на рѣшительный шагъ. Успѣхъ плебисцита — успѣхъ фиктивный; дерзкое *нѣтъ* большихъ городовъ, 60,000 *нѣтъ* арміи обращаютъ въ ничто всѣ 7 милліоновъ *да*.

„Республиканцы хотятъ войны, армія хочетъ ея и императоръ долженъ хотѣть противъ воли; въ интересахъ порядка, въ интересахъ всего, что свято для благомыслящаго человѣка, въ интересахъ мира онъ долженъ хотѣть войны. Въ этомъ отношеніи, *monseigneur*, мнѣ кажется, что наши интересы, интересы французскихъ и германскихъ легитимистовъ — если можно такъ выразиться — вполне тождественны. Вашъ проникательный глазъ не можетъ быть введенъ въ заблужденіе мнимыми различіями, тѣмъ что у насъ революція надѣваетъ красную шапку якобинца, а въ Германіи узурпированную корону. Какъ здѣсь такъ и тамъ вопросъ сводится въ концѣ концовъ къ тому, что одержитъ верхъ: варварство, наглость, грубая сила, грабежъ, или цивилизація, гуманность, мирное развитіе, собственность? И тамъ, какъ здѣсь на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ.“

Маркизь говорилъ съ жаромъ, но почтительно, какимъ-то полупопотомъ, какъ нельзя болѣе гармонировавшимъ съ тѣнистою прокладкою павильона.

Принцъ слушалъ разсѣянно. Воображеніе его рисовало ему картины прошлаго, рисовало образъ отца, котораго занимали тѣ-же самыя мысли, который думалъ надъ тѣми-же самыми планами и также не могъ придти ни къ какому рѣшенію и провелъ всю свою жизнь въ колебаніи, въ то время, когда нужно было дѣйствовать, въ раскаяніи за свою нерѣшительность, когда время дѣйствовать прошло, и сдѣлалъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ.

Потомъ ему пришло въ голову, какъ странно, что этотъ разговоръ происходитъ именно въ чайномъ домикѣ, что слова французскаго эмиссара раздаются въ тѣхъ самыхъ стѣнахъ, въ которыхъ нѣкогда отецъ его прислушивался къ словамъ Наполеона; онъ вспомнилъ, что отецъ его съ тѣхъ поръ ни разу не заходилъ сюда, что онъ самъ много, много лѣтъ обѣгалъ этотъ домъ и ему подума-

лось, не лучше-ли было-бы, если-бы онъ не побѣдилъ въ себѣ благоговѣйнаго трепета и никогда не заносилъ ногу на этотъ порогъ.

И для чего онъ переломилъ себя? Въ угоду ей, ей, которая и знать не хотѣла его любви; она будетъ виновата, если онъ на закатѣ дней, которые думалъ посвятить тихой семейной жизни, ринется въ тревоги и волненія политической жизни, чтобы забыться, забыть то горе, которое она ему причинила.

Принцъ вздохнулъ и провелъ рукою по лбу въ ту минуту, какъ маркизъ замолчалъ.

Онъ вовсе не слышалъ послѣднихъ словъ маркиза, и отвѣтилъ ему, что первое пришло ему въ голову; этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ и не могъ удовлетворить маркиза.

„Нужно однако-же знать, на что можно разсчитывать, порѣшилъ маркизъ самъ съ собою и продолжалъ громко:—Я виолнѣ понимаю, monseigneur, вашу сдержанность, какъ ни настоятельно необходимо ваше рѣшеніе,—и позвольте мнѣ быть съ вами вполне откровеннымъ—мнѣ тѣмъ болѣе хотѣлось-бы узнать поскорѣе ваше рѣшеніе, что мнѣ кажется, что впечатлѣніе, которое производитъ на васъ мое слабое краснорѣчіе, парализуется вліяніемъ, противъ котораго я, къ прискорбію своему, совершенно безсиленъ.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросилъ принцъ.

— Не знаю, можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что супруга ваша относится не совсѣмъ благосклонно къ моему пребиванію здѣсь.

— Изъ чего вы это заключаете? Я надѣялся, что вы убѣждены въ противоположномъ.

— О, прошу васъ, поймите меня хорошенько. Ваша супруга слишкомъ хорошо знаетъ свѣтъ, чтобы позволить себѣ выказать какую-нибудь личную антипатію къ своему гостю, и я льщу себя надеждой, что ваша супруга не питаетъ ко мнѣ никакой личной неприязни; напротивъ, я могу быть только признателемъ ей и дѣйствительно въ высшей степени признателемъ за неизмѣримую доброту, съ которой она вспомнила о нашихъ прежнихъ отношеніяхъ. Но здѣсь дѣло идетъ не о личностяхъ. Супруга ваша—сама привѣтливость и конечно ни мало не теряетъ отъ того, что интересуется всѣмъ, не исключая и политики. Я не могу поставить ей въ упрекъ того, что ея политическія воззрѣнія идутъ въ разрѣзъ съ моими стремленіями. Это уже мое несчастіе.

— Вы его ужъ черезъ-чуръ преувеличиваете, отвѣчалъ принцъ.— Могу васъ завѣрить, что жена моя ненавидитъ Пруссію такъ-же глубоко, какъ и я.

— Мнѣ показалось совершенно иначе вчера вечеромъ, когда

графъ такъ не кстати нарушилъ нашу воспитательную идиллію, сказалъ маркизъ.

Принцъ поднялъ на него глаза такъ быстро, съ такимъ гнѣвнымъ выраженіемъ, что маркизъ невольно понизилъ голосъ.

Онъ добивался только одного — узнать, чего можетъ опасаться или надѣяться со стороны Гедвиги и вдругъ неожиданно негаданно попалъ на открытіе, которое было для него не менѣе интересно; онъ рѣшилъ добраться и тутъ до чего-нибудь положительнаго и потому продолжалъ.

— По крайней мѣрѣ, приемъ, которымъ ваша супруга удостоила графа, показываетъ какъ нельзя лучше, что ея политическія убѣжденія ни мало не вліяютъ на ея личные отношенія.

Принцъ порывисто вскочилъ съ кресла.

— Пора домой! сказалъ онъ, но тотчасъ-же, какъ-бы раскаявшись въ своей минутной горячности, прибавилъ.— Дверь въ кабинетъ также, кажется, открыта; оттуда прекрасный видъ на горы.

— Какъ угодно вашей свѣтлости, произнесъ маркизъ покорно.

Они вошли въ мастерскую Гедвиги; вдругъ принцъ съ испугомъ остановился на порогѣ.

Онъ и не подозрѣвалъ, что Гедвига бывала здѣсь за послѣднее время, что она снова привела въ порядокъ свою мастерскую, а между-тѣмъ, судя по всей обстановкѣ, по открытому ящичку съ красками на столѣ, по палитрѣ на стулѣ, по мраморной палкѣ, прислоненной къ мольберту, можно было подумать, что она была здѣсь нынче утромъ, что она только-что ушла отсюда.

И какимъ образомъ эта картина очутилась на мольбертѣ?

— Какая великолѣпная картина! замѣтилъ маркизъ, вставляя свой монокль въ глазъ,— т. е. какъ картина, потому-что о сходствѣ я судить не могу. Но оригиналъ вправѣ гордиться собою, если портретъ не польщенъ. Какой красивый мужчина, замѣчательно красивый мужчина! Кто это, *monseigneur*?

— Одинъ изъ моихъ придворныхъ, вы еще не видали его, отвѣчалъ принцъ, который все еще не могъ придти въ себя отъ удивленія.

— А смѣю спросить, кто-же артистъ?

— Вѣроятно, жена моя, мы въ ея мастерской, отвѣчалъ принцъ, смущенно улыбаясь.

— А, произнесъ маркизъ снова вставляя монокль въ глазъ и еще съ большимъ интересомъ разсматривая картину,— изумительно, изумительно.

— Не относитесь слишкомъ строго къ этой картинѣ, просилъ принцъ:— жена моя рисуетъ обыкновенно только ландшафты; это

первая попытка ея въ портретной живописи, портретъ писанъ на память.

— На память! Изумительно! восхищался маркизь.

Принцъ отвернулся съ досадою. Восхищеніе маркиза казалось ему черезъ чуръ аффектированнымъ, въ словахъ его звучала какъ будто пронія, нагонявшая краску на лицо принца. Онъ отошелъ къ окну, чтобы нѣсколько овладѣть собою и скрыть свою досаду.

Въ какихъ-нибудь 200 шагахъ отъ павильона, въ аллеѣ, соединявшей павильонъ съ западною частью парка, онъ увидѣлъ Гедвигу и графа; графъ велъ лошадь подъ уздцы и говорилъ что-то съ жаромъ, Гедвига слушала его, повидному, опустивъ глаза, щеки ея пылали. И такъ его опасенія сбывались. Онъ увидѣлъ собственными глазами, при яркомъ, дерзкомъ свѣтѣ дня, страшный призракъ, такъ часто преслѣдовавшій его воображеніе! Что это такое? Свиданіе, для котораго достаточно было ему отлучиться на часъ, другой? Любовное свиданіе подъ прикрытіемъ ловко поддѣланной обстановки мастерской!

Принцъ отшатнулся отъ окна и чуть не упалъ на руки маркиза, который все еще стоялъ передъ мольбертомъ.

— Пойдемте, сказалъ онъ.

— Вашей свѣтлости дурно, вскричалъ маркизь, поспѣшно подхватывая подъ руку принца, который еле держался на ногахъ. — Это все надѣлала жара и разговоры, которыми я утруждалъ вашу свѣтлость; мнѣ это такъ прискорбно, такъ прискорбно.

— Это сейчасъ пройдетъ, отвѣчалъ принцъ, у котораго выступилъ на лбу холодный потъ, — я подверженъ такимъ припадкамъ. Здѣсь очень душно, вернемтесь домой.

Маркизь свелъ принца съ лѣстницы и замѣтилъ, что онъ съ трудомъ идетъ.

Но принцъ не хотѣлъ поддаваться слабости. Тѣло должно было повиноваться, когда душа вопіяла о мести. Онъ вздохнулъ свободнѣе, когда они очутились снова въ экипажѣ и поѣхали подъ тѣнью высокихъ деревьевъ фазаньяго двора по направленію къ парку. Ему казалось, что быстрота движенія исходитъ изъ него самого, что сила его рысаковъ — его собственная сила, что онъ тотъ-же, чѣмъ былъ много лѣтъ тому назадъ, когда ѣздилъ въ этомъ самомъ открытомъ легкомъ экипажѣ въ горы на охоту. Да на охоту онъ стремился и теперь, но на охоту болѣе серьезную, чѣмъ та, которой онъ забавлялся въ молодые годы. Тогда онъ велъ войну съ кабанами, опустошавшими поля его крестьянъ; теперь ему пришлось очистить домъ отъ дерзкихъ прищелковъ. Онъ долженъ сдѣлать это, хотя-бы самъ палъ жертвою своихъ усилій.

— Маркизь, сказалъ онъ, вдругъ оборачиваясь къ своему спутнику,—когда, вы говорили, вамъ нужно мое рѣшеніе?

— Я его уже получилъ, monseigneur, отвѣчалъ французъ.—Та-кими глазами смотреть только человѣкъ уже рѣшившійся.

Онъ взялъ руку принца и прижалъ ее къ своей груди.

— Благодарю васъ, monseigneur, сказалъ онъ,—благодарю, васъ именемъ Франціи, именемъ справедливости и гуманности.

ГЛАВА IV.

Никогда званое общество не являлось болѣе не встать, чѣмъ въ этотъ вечеръ. Послѣ страшнаго утренняго потрясенія, на принца напалъ какъ-будто столбнякъ. Не будучи въ силахъ ни думать, ни принять какое-нибудь рѣшеніе, отдаваясь безъ сопротивленія мучительнымъ чувствамъ, терзавшимъ его душу, онъ лежалъ въ спальнѣ на диванѣ, не шевелясь, не произнося ни слова, не замѣчая, что старый камердинеръ время отъ времени выходилъ на цыпочкахъ изъ передней, подходилъ къ дивану и шопотомъ спрашивалъ, не звалъ-ли его его свѣтлость, не нужно-ли чего-нибудь его свѣтлости.

Глейхъ былъ въ отчаяніи. Онъ зналъ, что принцъ ѣздилъ утромъ съ маркизомъ на фазаній дворъ, зналъ, что и Гедвига проводила тамъ утро; но лакей и вучеръ донесли ему, что Гедвига не заходила въ чайный домикъ, слѣдовательно принцъ не могъ съ нею встрѣтиться. Но что-нибудь да случилось-же! Глейхъ послалъ снова въ конюшню за Дитрихомъ, чтобы досконально разспросить его въ корридорѣ: выѣзжалъ кто изъ мужчинъ сегодня утромъ? — Конечно, выѣзжали и графъ, и докторъ; куда дѣвался графъ — онъ не знаетъ, докторъ-же проѣхалъ прямо на фазаній дворъ; это ему сказывала Мета, которая слыхала это отъ своего отца, проходившаго часъ тому назадъ въ Ротебюль черезъ замокъ.

Глейхъ не выругалъ Дитриха за то, что онъ ему не сразу сообщилъ такое важное извѣстіе. Онъ былъ внѣ себя отъ радости, что, наконецъ, нашелъ точку опоры, нашелъ предметъ, о которомъ можно будетъ побесѣдовать съ его свѣтлостью, одѣвая принца къ вечеру.

— Какъ вы меня перепугали сегодня, ваша свѣтлость, говорилъ онъ, часъ спустя, причесывая густые, вьющіеся, хотя мѣстами уже совершенно посѣдѣвшіе волосы принца, который сидѣлъ на креслѣ передъ нимъ блѣдный, совершенно опустившійся.—Я уже думалъ рискнуть опалой вашей свѣтлости и пригласить доктора безъ ва-

шего вѣдома, но потомъ раздумалъ, что ваша свѣтлость видѣлись съ г. докторомъ утромъ на фазаньемъ дворѣ и, вѣроятно, посовѣтовались съ нимъ насчетъ вашего здоровья.

— Я видѣлся съ докторомъ Горстомъ на фазаньемъ дворѣ? спросилъ принцъ.— Съ чего ты это взялъ? Когда онъ тамъ былъ?

— Да, мнѣ кажется, около того-же времени, какъ и ваша свѣтлость, отвѣчалъ Глейхъ.

— Отъ кого ты это узналъ?

— Прахатицъ недавно заходилъ сюда, отвѣчалъ Глейхъ уклончиво.

— На какой лошади онъ ѣздилъ?

— На бурой, если не ошибаюсь, отвѣчалъ Глейхъ на удачу.

Принцъ взглянулъ въ зеркало на свое блѣдное лицо.

Неужели онъ обознался? Графъ былъ въ статскомъ платьѣ, какъ уже не разъ прежде, но онъ его отлично разглядѣлъ. Нѣтъ, нѣтъ, онъ не обознался. Старая лиса Глейхъ опять напалъ на ложный слѣдъ. Правда, портретъ, который стоялъ на мольбертѣ... она работала надъ нимъ за нѣсколько секундъ до его прихода... и дверь въ паркъ была открыта... страшно, странно, въ высшей степени странно! Но его глаза никогда не обманывали его, они не могли обмануть его и на этотъ разъ.

— Мнѣ-бы хотѣлось остаться на нѣсколько минутъ одному, Андрей.

Принцъ зашагалъ по комнатѣ взадъ и впередъ.

— Странное совпаденіе обстоятельствъ! твердилъ онъ про себя;— а если это была не простая случайность, если онъ хотѣлъ поговорить съ нею обо мнѣ — это было не хорошо съ его стороны; я не требовалъ отъ него молчанія, но вѣдь это само собою разумѣлось; или, можетъ быть, онъ думалъ, что она составляетъ исключеніе? Онъ, добрый, и не подозреваетъ всей ихъ черноты и предаетъ меня злѣйшимъ врагамъ моимъ. И неужели-же мнѣ придется предостерегать его, предостерегать его отъ нея, погружаться все глубже и глубже въ это болото позора? Онъ облокотился на свой письменный столъ; на этомъ столѣ стоялъ ея портретъ; маленькій, необыкновенно изящный портретъ настелью, написанный на слоновой кости четыре года тому назадъ однимъ извѣстнымъ живописцемъ. Онъ убралъ его золотую рамку брилліантами, но брилліанты казались ему слишкомъ мизернымъ украшеніемъ; золотая рамка—недостойною вмѣщать въ себѣ столько прелести, столько красоты. Долго смотрѣлъ онъ на портретъ. Въ первый разъ онъ показался ему безжизненнымъ, мертвымъ кускомъ разрисованной слоновой кости — и только.

Вдругъ онъ вздрогнулъ. На маленькихъ губкахъ ея заиграла милая, грустная улыбка, каріе глаза засвѣтились знакомымъ ему блескомъ и легкая ткань, стыдливо прикрывавшая красную грудь, казалось, заколыхалась.

— Да, да, ты живешь, прелестный образъ! пробормоталъ онъ.— Ты живешь для меня, будешь вѣчно жить; если-бы я уничтожилъ тебя, я не въ силахъ былъ-бы уничтожить воспоминаніе; если-бы ты самъ меня покинулъ—ты все-таки вѣчно оставался-бы со мною.

Онъ бросился на кресло, передъ столомъ.

— И это все прошло, и не вернется! пробормоталъ онъ.

Глейхъ вошелъ доложить, что г. фон-Цейзель ожидаетъ въ передней. Гости уже собрались, нѣтъ одного только графа Пехтигеля; не сообразовалъ-ли его свѣтлость выйти?

— Принцессѣ доложено?

— Принцесса сейчасъ выйдетъ и встрѣтитъ вашу свѣтлость въ зеленой комнатѣ.

Принцъ вышелъ въ переднюю и взялъ г. фон-Цейзеля подъ руку. Фон-Цейзель замѣтилъ, что принцъ опирается что-то черезъ чуръ тяжело на его руку и что его обыкновенно эластическая походка какъ-то особенно неровна и не тверда; но онъ воздержался отъ всякаго замѣчанія, не смотря на то, что принцъ не выходилъ къ обѣду подъ предлогомъ усталости и что хочетъ побережеть себя къ вечеру. Онъ зналъ, что принцъ не любитъ, когда его разспрашиваютъ объ его здоровьѣ.

— Ну, какъ идутъ ваши приготовления? спросилъ принцъ, идя подъ руку съ кавалеромъ. — Были вы въ Ротенбургѣ?

— Какже, ваша свѣтлость, и всюду я встрѣчалъ готовность, свидѣтельствующую самымъ краснорѣчивымъ образомъ о той горячей любви, которую питаетъ населеніе къ вашей свѣтлости.

И фон-Цейзель, опасавшійся, не переступилъ-ли онъ своихъ полномочій черезъ-чуръ щедрыми приглашеніями, передалъ принцу вкратцѣ о переговорахъ своихъ съ ротенбургскими дамами. Но онъ замѣтилъ, что принцъ слушаетъ его разсѣянно. Глаза принца были неподвижно устремлены на дверь, въ которую должна была войти Гедвига.

— Какъ Гедвига заставляетъ себя ждать, сказалъ онъ.

— Ея свѣтлость сейчасъ будетъ здѣсь, отвѣчалъ фон-Цейзель, завидѣвшій Гедвигу въ сосѣдней комнатѣ.

Принцъ задрожалъ. Фон-Цейзель невольно крѣпче поддержалъ его за руку. Но принцъ судорожно вырвалъ ее и сдѣлалъ шагъ къ двери.

Гедвига вошла, вся въ бѣломъ, на ней не было ни малѣйшаго украшенія.

Такою, точно такую видѣлъ онъ ее на портретѣ; такую, точно такую рисовалась она въ его воображеніи.

— Кастрюкчіо, произнесъ онъ дрожащими губами.

Гедвига взглянула на него вопросительно. Она и забыла, что римскаго живописца, срисовавшаго ея портретъ, звали Кастрюкчіо и рѣшительно не понимала, къ чему принцъ произнесъ эту фамилію.

Но принцъ иначе понялъ этотъ вопросительный взглядъ: ему показалось, что она хотѣла оттолкнуть его отъ себя этимъ взглядомъ; и даже задушевный тонъ, съ которымъ обратилась къ нему Гедвига, когда онъ подаль ей руку и они пошли въ гостинную, предшествуемые г. Цейзелемъ, — задушевный тонъ, которымъ она спросила его: — Неправда-ли, тебѣ теперь лучше? — не въ состояніи былъ изгладить впечатлѣнія, которое произвелъ этотъ взглядъ на его разстроенное воображеніе.

— Благодарю тебя, отвѣчалъ онъ, — я теперь совершенно здоровъ.—И затѣмъ прибавилъ съ страшнымъ усиленіемъ надъ собою:— Ты была сегодня утромъ на фазаньемъ дворѣ?

— Я немножко порисовала тамъ, отвѣчала Гедвига.

Возвратившись послѣ разговора съ графомъ, она тотчасъ-же ушла изъ павильона и не замѣтила слѣдовъ колесъ около подъѣзда.

— Ты звала Стефанію съ собой? продолжалъ допрашивать принцъ.

— Стефанію? переспросила Гедвига. — Зачѣмъ?

— Такъ ты была одна все утро?

— Докторъ Горстъ заходилъ на минутку.

„Быль-же, значить“, подумалъ принцъ и продолжалъ:—А больше никто?

— Его свѣтлость и его супруга! провозгласилъ фон-Цейзель въ дверяхъ зеркальной залы, обѣ половинки которыхъ были раскрыты настезъ лакеями.

— Графъ еще, отвѣчала Гедвига.

Этикетъ требовалъ, чтобы принцъ обошелъ залу съ своей супругой, привѣтствуя гостей; при этомъ фон-Цейзель долженъ былъ представлять лицъ, ему неизвѣстныхъ. Каковъ-же былъ ужасъ кавалера, когда, отступя въ сторону, онъ увидѣлъ, что принцъ оставилъ уже руку своей супруги и пошелъ налѣво, а она направо.

Фон-Цейзелю приходилось разорваться на двое, чтобы удовлетворить своимъ обязанностямъ, и онъ этого искренно желалъ, такъ-какъ въ этотъ вечеръ набралось множество лицъ, правда, пригла-

шенныхъ, но незнакомыхъ лично ни принцу, ни Гедвигѣ: баронъ Мансбахъ съ супругою и двумя сыновьями, г. и г-жа Шмюгге съ сыномъ и двумя дочерьми, г. и г-жа Бухвальдъ съ сыномъ и дочерью; два молодые англичанина, мистеръ Альфредъ и Артуръ Симпльзонъ съ своимъ погонщикомъ мистеромъ Дуллемъ; съ этими англичанами молодые бароны Мансбахъ познакомились въ прошломъ году во время своей поѣздки въ Англію, а теперь они, принявъ путешествіе на континентъ, сочли долгомъ отплатить имъ визитъ и были привезены въ замокъ съ разрѣшенія принца барономъ Маусбахомъ. Наконецъ, еще съ полдюжины незнакомыхъ мужчинъ и дамъ—а его свѣтлость находился на одномъ концѣ залы, а супруга его на другомъ! Фон-Цейзель замѣтилъ мимоходомъ Герману, что тутъ, просто хоть изъ кожи лѣзь вонъ, хоть застрѣлись шареау слаке: отъ него требовали невозможнаго. Но фон-Цейзель совершилъ это невозможное, онъ оказался рѣшительно вездѣсущимъ и когда черезъ четверть часа, незамѣтно вытирая батистовымъ платкомъ капли пота со лба, онъ обвелъ глазами портретную залу, онъ въ правѣ былъ сказать себѣ, что выигралъ сраженіе. Самое трудное было сдѣлано.

Съ 10 до 11 часовъ были назначены танцы; въ 11 подадутъ ужинъ, въ 11½ гости разъѣдутся. Въ эту минуту лакеи обносили чаемъ оживившееся общество. Фон-Цейзель перевелъ духъ. Наконецъ, у него нашлась свободная минута и эту свободную минуту онъ обѣщалъ посвятить Адели фон-Фишбахъ еще вчера вечеромъ, когда они осматривали образцовую ферму и онъ не отходилъ ни на шагъ отъ красивой дѣвочки. Тутъ Оскаръ фон-Цейзель нашелъ то, чего тщетно искалъ съ тоскою и отчаяніемъ въ сердцѣ въ продолженіе всей своей долгой 24-лѣтней жизни: голубые глазки, которые не кокетничали, розовыя губки, которые не гримасничали,—здѣсь нашелъ онъ все, въ добавокъ весьма пріятное приданое и свободное отъ долговъ помѣстье въ туманномъ будущемъ, когда г. и г-жа фон-Фишбахъ — продлитъ Господь на долго дни ихъ—опочіють сномъ праведниковъ.

Оскаръ фон-Цейзель не былъ эгоистомъ; онъ былъ способенъ мечтать безъ всякихъ заднихъ мыслей, забывая даже о несчастной любви, надъ которою только-что закрылась свѣжая могила. Разъ только, во время одного упительнаго, хотя черезъ чуръ короткаго разговора съ Аделью въ оконной нишѣ, воспоминаніе объ этой свѣжей могилѣ омрачило его душу; лобъ его нахмурился и онъ ни къ селу ни къ городу спросилъ Адель, умѣетъ-ли она ѣздить верхомъ. Но лице его снова просіяло, когда дѣвушка отвѣчала съ живостью:

— Нѣтъ, маменька находить, что это неприлично для молодой дѣвушки.

— Да благословить Господь вашу матушку! вскричалъ кавалеръ съ умилениемъ, которое осталось совершенно непонятнымъ для дѣвушки, точно также какъ и торжественно серьезный тонъ, которымъ онъ тутъ-же пригласилъ ее на вальсъ и удалился съ низкимъ поклономъ, или какъ онъ самъ повѣдалъ Герману, котораго тотчасъ-же посвятилъ въ тайну своей новой любви—оторвался съ растерзаннымъ сердцемъ. Фон-Цейзелю необходимо было переговорить съ Германомъ, узнать отъ него навѣрно, принимаетъ-ли онъ на себя роль Барбароссы или нѣтъ. Въ то время какъ онъ стоялъ въ оконной нишѣ съ Аделью фон-Финбахъ, ему вдругъ пришла въ голову блестящая мысль пригласить ее къ участию въ живой картинѣ, въ которой онъ также, само-собою разумѣется, будетъ фигурировать и такимъ образомъ получить возможность еще до 16-го нѣсколько разъ видѣться и говорить съ предметомъ своего новаго поклоненія.

Но этотъ остроумный планъ обратился-бы въ мыльный пузырь, если-бы не устроилось нѣсколько картинъ, по крайней мѣрѣ, еще одна, и потому Германъ долженъ былъ непременно согласиться. Послушать фон-Цейзеля, такъ отъ этого зависѣли блескъ, поэзія, самое устройство всего праздника.

— Право, мнѣ теперь не до комедій, сказалъ Германъ.

— Ужъ вы лучше-бы сказали: мнѣ не до жизни, отвѣчалъ кавалеръ.—Вся жизнь одна комедія.

— И часто комедія очень пошлая.

— Сегодня она обворожительна.

— Комедія?

— Нѣтъ, супруга принца, восхитительнѣе и прекраснѣе чѣмъ когда-либо! Я долженъ ей это какъ-нибудь высказать, можетъ быть, можно будетъ воспѣть ее въ стихахъ къ Германіи или Германію въ стихахъ къ ней; ну, мы это увидимъ.

Фон-Цейзелъ подошелъ къ Гедвигѣ, которая въ эту минуту легкимъ поклономъ отпустила отъ себя двухъ молодыхъ англичанъ и стояла одна.

Разговаривая и улыбаясь изъ приличія, Гедвига провела тяжелые полчаса среди веселаго оживленнаго общества. Чувство, овладѣвшее ею, когда Мета хотѣла убрать ее брилліантами, чувство, что она не въ правѣ наряжаться для общества, которому не принадлежать ни одною мыслью, ни однимъ движеніемъ сердца—это чувство охватывало ее все сильнѣе и сильнѣе, такъ-что она представлялась самой себѣ какимъ-то призракомъ другого міра среди

всѣхъ этихъ людей, жившихъ ради какихъ-нибудь, дорогихъ имъ интересовъ. Она только мелькомъ остановилась на мысли, что значать вопросы принца? Развѣ онъ самъ былъ на фазаньемъ дворѣ? Или до него дошло какимъ-нибудь образомъ, что она тамъ разговаривала съ Германомъ и съ графомъ?

Вѣроятно.

И онъ хотѣлъ выразить ей свое неудовольствіе, когда такъ быстро оставилъ ея руку?

Вѣроятно.

Но что ей за дѣло до всего этого? Теперь она уже не чувствовала или почти не чувствовала той жалости, которую чувствовала сегодня утромъ, жалости къ старику, который, можетъ быть, ради нея рѣшался на такое страшное дѣло, портилъ себѣ жизнь на закатѣ дней, жалости, подъ вліяніемъ которой она унизилась передъ графомъ до просьбы. Пестрая сѣтъ интригъ, которая завязывалась передъ ея глазами и въ прежнее время зашла-бы ея дѣятельный умъ, теперь нисколько не интересовала ее, она ничего не боялась, ни на что не надѣялась, она только желала, чтобы все для нея поскорѣе кончилось, какъ усталый жаждетъ минуты усыпленія.

А въ эту минуту къ ней подошелъ захопотававшійся фон-Цейзель и сталъ заклинять ее—какъ будто отъ этого зависѣло спасеніе міра—быть настолько благосклонной, взять на себя роль Германіи. Это будетъ картина какъ нельзя болѣе соотвѣтствующая настоящему положенію дѣлъ: такая Германія,—тутъ фон-Цейзель любезно улыбнулся,—примиритъ всѣ партіи, такой Германіи всѣ партіи захотятъ служить, къ тому-же стихи его... г-жа Гедвига не желаетъ стиховъ. Ну такъ и не надо ихъ! Германіи съ такими выразительными чертами лица,—о! ей не надо и словъ.

Вы дѣлаете меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, сударыня. Фон-Цейзель низко поклонился, приложивъ руку къ сердцу.

„Добрый человекъ, подумала Гедвига,—онъ оказывалъ мнѣ столько услугъ, я никогда не сдѣлала ему никакого одолженія, а кто знаетъ, много-ли времени мнѣ еще остается для расплаты съ моими долгами.

Къ ней подошелъ маркизъ.

Онъ слыхалъ, что будутъ танцы. Г-жа Гедвига сдѣлаетъ его счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, если согласится протанцовать съ нимъ кадрили.

Гедвига невольно улыбнулась: маркизъ повторялъ ей по-французски ту-же фразу, которую она только-что слышала по-нѣмецки.

— Повсюду все та-же игра тѣми-же жетонами, подумалось ей.

Она собиралась уже отвѣтить маркизу: я не буду танцовать, но въ эту минуту увидала графа, который стоялъ неподалеку отъ нея и смотрѣлъ на нее не то съ улыбкой, не то съ угрозой.

Нѣтъ тебѣ меня не сломить, прошептала она и, обратившись къ маркизу, наклонила съ улыбкой голову въ знакъ согласія.

Маркизь разсыпался въ благодарностяхъ. Со вчерашняго вечера ему начали приходить въ голову сомнѣнія, не отрѣзаль-ли онъ себѣ путь къ сердцу красавицы.

Небольшой успѣхъ возвратилъ ему его самоувѣренность. Онъ ни словомъ не напомнилъ о сценѣ на фермѣ; но каждый жестъ его, каждый взглядъ, самый тонъ голоса молилъ о прощеніи за смѣлость, съ которою онъ увлекся страстью. Онъ разыгралъ свою пьесу какъ истинный виртуозъ съ приличными случаю варьяціями. Гедвига понимала это какъ нельзя лучше; но графъ не сводилъ съ нея глазъ и это заставило ее сдѣлать видъ, что она прислушивается къ пьесѣ, немѣвшей для нея ровно никакого интереса; вдругъ маркизь затронулъ тему, противъ воли приковавшую ея вниманіе.

Онъ сталъ говорить, въ какомъ онъ восторгѣ отъ чайнаго домика, онъ всплнѣ раздѣляетъ пристрастіе принцессы къ поэтическому уединенію этого мѣстечка, которое осбняютъ всѣ музы и всѣ граціи. И ему удалось поклониться богинѣ этого храма, если не лично, то въ одномъ изъ ея твореній; совершенство этого творенія онъ теперь только въ состояніи оцѣнить вполне, когда можетъ сравнить копию съ оригиналомъ. Monsieur Розель уже много рассказывалъ ему объ этомъ господинѣ, который занимаетъ привилегированное мѣсто при дворѣ его свѣлости. Онъ непремѣнно попросить г. фон-Цейзеля познакомить его съ этимъ господиномъ.

— Въ такомъ случаѣ я не стану васъ задерживать, сказала Гедвига,—вонъ г. фон-Цейзель стоитъ съ этимъ господиномъ.

Она постояла нѣсколько минутъ въ раздумьѣ, потомъ, какъ будто рѣшившись на что-то, пошла къ принцу, который разговаривалъ къ старымъ Фишбахомъ.

— Ваша дочь, кажется, ищетъ васъ, г. фон-Фишбахъ.

Фон-Фишбахъ отошелъ.

— Миѣ нужно съ тобой поговорить.

Принцъ бросилъ на нее суровый вопросительный взглядъ, но послѣдовалъ за нею.

— Ты не далъ миѣ досказать тебѣ, что привело сегодня утромъ доктора Горста и графа ко миѣ въ чайный домикъ. Ты не раз-

сердишься на доктора за-то, что онъ излилъ передо мною всю свою душу, всѣ свои тревоги о тебѣ, онъ думалъ, что я пользуюсь большимъ твоимъ довѣріемъ, чѣмъ это есть въ дѣйствительности. Онъ требовалъ, чтобы я употребила все свое вліяніе на то, чтобы побудить къ отъѣзду отсюда графа, такъ-какъ антипатичное тебѣ присутствіе его отзывается вредно на твоихъ рѣшеніяхъ. Графъ пришелъ черезъ нѣсколько минутъ и я рискнула попытаться удалить его. Но моя попытка оказалась совершенно неудачной. Графъ утверждаетъ, и не безъ основанія, что ты его пригласилъ, что слѣдовательно онъ здѣсь по праву и что если онъ и маркизь не могутъ быть теперь одновременно твоими гостями, безъ нарушенія приличій, то уѣхать долженъ маркизь. Я очень хорошо понимаю, что если маркизь самъ не сознаетъ неловкости своего присутствія здѣсь, ты не можешь объяснить ему этого, но я могу за тебя. Женщину всегда обвинять, если она станетъ мѣшаться въ ссору мужчинъ; но усилія женщины уладить эту ссору, удалить причины къ ней не заключаютъ въ себѣ ровно ничего неприличнаго, а если въ этомъ и есть что-нибудь неприличное, то я охотно беру все это неприличіе на себя, если только ты мнѣ дашь свое позволеніе.

— Я не могу тебѣ этого позволить, сказалъ принцъ.

— Пропу тебя.

— Ты ставишь меня въ непріятное положеніе отказать тебѣ въ твоей просьбѣ.

— Это, кажется, первая моя просьба.

— И все-таки я не могу исполнить ее.

— Даже и въ томъ случаѣ, если эта первая просьба будетъ въ то-же время и послѣдней?

Глаза принца обратились на графа, который разговаривалъ съ барономъ Нейгофомъ и разсмѣялся въ эту минуту, разсмѣялся не громко, но такъ, что смѣхъ его достигъ явственно до ушей принца. Ему показалось, что этотъ смѣхъ относится прямо къ нему, что графъ заранѣе уже ликуетъ, что его приказанія выполняются съ такою слѣпою покорностью.

— Даже и въ томъ случаѣ, отвѣчалъ онъ.

Онъ не замѣтилъ, что сказалъ это очень громко; онъ спохватился только тогда, когда Гедвига вдругъ вынула свою руку изъ его руки и отошла отъ него.

Онъ хотѣлъ окликнуть ее, побѣжать за ней, но увидалъ, или это ему такъ показалось, что всѣ замѣтили сцену, происшедшую между нимъ и его женою и недоумѣваютъ; къ тому-же фон-Цейзель подошелъ къ нему въ эту минуту и представилъ ему стараго

графа Пехтигеля, который громкимъ, крикливымъ голосомъ принялся извиняться въ томъ, что явился такъ поздно; но его свѣтлость знаетъ: старый капитанъ на половинной пенсіи не всегда можетъ имѣть экипажъ къ своимъ услугамъ, а у него и никогда не было своего экипажа, только въ 13-мъ году во Франціи и то отобранный у неприятеля, да и на парѣ его клячь вѣдь не скоро дотащешься по лѣсу по ухабамъ и пнямъ.

— Не могу-же я его ни съ того, ни съ сего поподчивать хлыстикомъ, говорилъ графъ барону Нейгофу.

— Онъ того стоитъ, отвѣчалъ баронъ.— Впрочемъ я съ тобою согласенъ: такъ, ни съ того, ни съ сего нельзя, нужно имѣть какой-нибудь поводъ. Что-же, ты можешь найти, что онъ говоритъ черезъ-чуръ въ носъ.

Графъ засмѣялся.

— Ты ничего въ этомъ не смыслишь, Куртъ; впрочемъ ты вѣдь всегда понтировалъ на нуль съ минусомъ у француза.

— За-то теперь научился великолѣпно понтировать на француза, сказалъ баронъ.

— Шутки въ сторону, Куртъ, мнѣ нуженъ предлогъ и предлогъ уважительный. Теща моя, которой Стефанія рапортуетъ, какъ кажется, досконально обо всемъ, что здѣсь происходитъ, заклинаетъ меня не затѣвать никакого скандала, въ особенности никакого скандала изъ-за политическихъ мнѣній. Я самъ очень хорошо понимаю, что этого не слѣдуетъ, хотя-бы съ моей стороны не было никакой вины. Все-таки на имя ляжетъ нѣкоторая тѣнь; а я бы не хотѣлъ, если только это зависить отъ меня, чтобы имя Роде было замѣшано въ какой-нибудь политической скандалъ или политической процессъ. Моя теща сообщала объ этомъ своему двору и тамъ то-же самое говорятъ: ради бога безъ скандала! Это все прекрасно; а послѣ заговорять: вы не должны были допустить до этого. Знаю я это, послышки-то они готовы допустить, но слѣловать изъ нихъ логическій выводъ, чуть-чуть этотъ выводъ имъ непріятенъ, они не захотятъ.

— Ну, хорошо, такъ ты можешь найти, что онъ самымъ наглымъ образомъ ухаживаетъ за прекрасною Гедвигою.

— Да онъ не ухаживаетъ.

— Ну, видно, что ты не влюбленъ, любезный Генрихъ, иначе обращеніе этого хлыща показалось-бы тебѣ возмутительнымъ.

— Ну, положимъ, оно мнѣ кажется возмутительнымъ.

— Въ такомъ случаѣ вотъ тебѣ и предлогъ къ войнѣ, котораго такъ жадно ищутъ его соотечественники. Въ качествѣ ближайшаго родственника дома ты не можешь этого потерпѣть; бу-

дучи моложе принца, ты обязанъ избавить старика отъ труда за- садить пулю въ правое или лѣвое плечо г. маркиза. Тутъ, впро- чемъ, потребуется значительная натяжка, потому-что маркизь, какъ кажется, не можетъ похвастать успѣхомъ и если прекрасная Гедвига вздумаетъ увѣрять, что сердце ея было уже отдано дру- гому, что она пожалуй это и докажетъ.

— Мои фонды съ сегодняшняго утра значительно пали, замѣ- тилъ Генрихъ.

— Твои фонды, любезный Генрихъ? Не обижайся на меня, но право, мнѣ кажется, что каковы-бы ни были ваши прежнія отно- шенія, но ты давно уже проигралъ ихъ!

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Неужели жена моя ничего тебѣ объ этомъ не говорила? У нея теперь только это и на языкѣ.

— Чего не говорила?

— Впрочемъ, вѣдь обыкновенно такія вещи узнаются позже всего тѣми, до кого ближе всего касаются. И баронъ передалъ графу въ короткихъ словахъ о слухахъ, которые стали ходить за послѣднее время объ отношеніяхъ Гедвиги къ доктору, слухахъ возникшихъ богъ-вѣсть откуда.

Графъ слушалъ его недовѣрчиво.

— Какъ это у тебя хватаетъ духа передавать такой пустой и — извини за выраженіе—такой нелѣпый слухъ.

— Почему пустой, почему нелѣпый! допытывался баронъ.

— Потому-что Гедвига слишкомъ горда, чтобы не-то что завязать, но даже помечтать о такой жалкой интригѣ; а если-бы въ этомъ отношеніи у нея не хватило гордости, что она настолько умна, что никогда не рѣшилась-бы пойти дорогою, которая можетъ завести ее такъ далеко отъ цѣли ея честолюбія. Что-бы и ни думалъ о ней прежде, но въ настоящую минуту я не сомнѣваюсь въ ея честолюбіи. Принцу она отдалась просто изъ мести, безъ размысленія, какъ отдалась-бы всякому другому. Но вскорѣ послѣ этого она поняла, что месть чувство не только очень сладкое, но и очень выгодное, что изъ него можно извлечь и гораздо большія выгоды, чѣмъ какія ей выпали. Словомъ...

— Словомъ?

— Она хочетъ быть женою принца не только съ лѣвой сторо- ны, она хочетъ забрать власть въ свои руки не de facto и въ потемкахъ, а гласно и законно, потому она укрѣпляетъ старика въ политическихъ сумасбродствахъ, которыя его все болѣе и болѣе изолируютъ, все болѣе и болѣе отчуждаютъ отъ свѣта и отъ которыхъ онъ въ одно прекрасное утро пробудится изгнанникомъ

и законнымъ мужемъ женщины, забравшей его безусловно въ свои руки.

— Ну, я думаю, она болѣе хлопочетъ объ его состояніи.

— Нашъ дворъ очень великодушень, какъ ты знаешь. Въ худшемъ случаѣ у него все-таки останется довольно.

— Ты такъ полагаешь?

— Я давно уже это подозрѣвалъ, съ сегодняшняго утра я въ этомъ убѣдился. Что касается до этого молодого ганноверца, то, можетъ быть, онъ ей нуженъ такъ или иначе для достиженія ея цѣлей, но ни для чего болѣе, вѣрь мнѣ.

Баронъ Нейгофъ пожалъ плечами.

— Конечно, тебѣ это лучше знать отвѣчалъ онъ. — Я съ своей стороны держусь того мнѣнія, весьма утѣшительнаго для меня, что женщины, слава богу, не понимаютъ нашего вкуса, но, къ сожалѣнію, и мы не понимаемъ ихъ; а о докторѣ ходитъ слухъ, что онъ вообще очень нравится женщинамъ.

Графъ бросилъ мрачный взглядъ на своего друга.

Баронъ расхохотался.

— Если ты вздумаешь прежде драться со мною, то ты не найдешь себѣ секунданта, когда чередъ дойдетъ до маркиза. Однако уже начинаются танцы, Генрихъ, надо и намъ съ тобою попрыгать. Жалко, что твоя жена теперь не танцуетъ, она вальсируетъ божественно.

Стефанія усѣлась въ уголку зеркальной залы, куда нахлынуло все общество и смотрѣла на танцы. Хорошее расположеніе духа ея пропало; она готова была каждую минуту расплакаться. На нее сегодня не обращали никакого вниманія, ею сегодня совершенно пренебрегали. Къ холодности мужа она уже привыкла, но и онъ рѣдко такъ игнорировалъ ее, какъ сегодня. Докторъ издали молча поклонился ей; даже баронъ Нейгофъ, бывшій прежде однимъ изъ ея обожателей, теперь почти не обращалъ на нее вниманія; самъ принцъ за послѣдніе дни совершенно измѣнился, онъ, должно быть, и забылъ про нее. Иначе онъ не устроилъ-бы танцевъ, когда она не можетъ танцовать! Если-бы скучная старуха фон-Фишбахъ не подсѣла къ ней, она-бы въ первый разъ въ своей жизни сидѣла во время танцевъ и, что всего хуже, сидѣла одна.

— Какъ мы рады, дорогая графиня, болтала добродушная старуха, — что вы наконецъ-то собрались къ намъ; вѣдь вы наша и по божескому, и по человѣческому закону. Вамъ у насъ понравится. вѣдь графъ конечно выйдетъ въ отставку и поселится здѣсь, когда его свѣтлость—продли Господи на долго жизнь его—скон-

чается. Мы люди прстые, люди отсталые, но все-же у насъ хорошо живется; васъ будутъ носить на рукахъ. Вамъ будетъ житься веселѣе и легче, чѣмъ той бѣдняжкѣ. Что толку, что она молода и хороша и держитъ себя такъ гордо—никто не уважаетъ ее, хотя въ лицо всѣ и льстятъ ей. Конечно, это очень скверно со стороны всѣхъ этихъ господъ, потому-что она въ эти четыре года сдѣлала много, говоря по совѣсти, невѣроятно много. Кому бы, гдѣ-бы ни нужна была помощь—она всюду помогала. Нынѣшнюю зиму, когда свирѣпствовалъ тифъ, она была вторымъ providѣніемъ для бѣдныхъ крестьянъ. Все это сушая правда, а все-таки,—видите-ли графиня, человекъ всегда останется человекомъ—мнѣ самой трудно повѣрить, что она дѣлаетъ все это изъ страха господня: такъ какъ-же послѣ того пенять на народъ, что онъ болтаетъ, будто она все это дѣлаетъ только для того, чтобы принцъ больше восхищался ею и сдѣлалъ ее на старости законною женою; это, говорить, можно, хотя я по правдѣ въ этомъ ничего не смыслю. Объ васъ-то этого не могутъ говорить, потому, повторяю, васъ здѣсь будутъ на рукахъ носить, когда вы сдѣлаетесь принцессой. Вы, конечно, будете очень милостивы и вамъ-то повѣрятъ, что вы все дѣлаете отъ чистаго сердца.

Стефанія и въ голову никогда не приходило, будетъ-ли она милостива или нѣтъ, когда сдѣлается принцессой Роде; точно также мало интересовалъ ее и вопросъ о томъ, что будетъ говорить о ней народъ; изъ всей болтовни старухи она схватила только одно, что, по общей молвѣ, Гедвигъ хочется сдѣлаться законной женой принца; она подняла глаза и увидѣла Гедвигу, граціозно танцовавшую кадрили съ маркизомъ; глаза почти всѣхъ мужчинъ слѣдили за стройной фигурой въ бѣломъ; а тутъ еще Нейгофъ, танцовавшая возлѣ Стефаніи, нагнулась къ ней и шепнула: Не грусти, милая, ты опять похорошѣешь; тутъ она не выдержала, горькія слезы смочили батистовый платокъ, между тѣмъ какъ губы привѣтливо улыбались Нейгофъ, а рука посылала воздушный поцѣлуй принцу.

— Вотъ и мой старикъ идетъ вести меня къ ужину, сказала добродушная фон-Фишбахъ. Ему кусокъ не лѣзетъ въ горло, если я не смотрю, какъ онъ ѣстъ. А вотъ и за вами, дорогая графиня, идетъ баронъ Нейгофъ. Вамъ къ лицу такой видный кавалеръ.

Танцы кончились, общество перешло въ раковинную залу ужинать.

Маркизъ, танцовавшій съ Гедвигою послѣдній танецъ, повелъ ее въ столовую. Типичная, южная фізіономія маркиза сіяла ожив-

леніемъ, жгучіе, темные глаза его сверкали огнемъ, когда онъ проходилъ съ Гедвигою мимо графа.

Графъ заскрежеталъ зубами.

— Что такъ сурово, любезный графъ? спросила баронесса Нейгофъ, которую онъ велъ подъ руку.—Я готова раздѣловать Гедвигу, она восхитительна. Она мститъ за нашъ бѣдный, беспомощный полъ вамъ, жестокосердымъ мужчинамъ. Вы смѣтаетесь,—отлично. Правда, смѣхъ вашъ нѣсколько принужденный; но все-таки вы вышли на настоящую дорогу; вы покоритесь своей судьбѣ. Сначала вы относились ко всему этому, уже черезъ-чуръ серьезно.

— Не вѣрите-ли будетъ сказать: недостаточно серьезно.

— Ну вы опять впадаете въ прежній тонъ! Увѣрю васъ, что смѣяться гораздо удобнѣе и умнѣе. Я сейчасъ совѣтовала это Стефаніи. Какая-бы изъ васъ вышла счастливая парочка, если-бы вы научились смѣяться.

Вокругъ роскошнаго буфета, устроеннаго посреди великолѣпной огромной залы, было разставлено множество столиковъ; общество усѣлось за нихъ самымъ непринужденнымъ образомъ, среди веселаго смѣха и говора.

— Ну, развѣ не восхитительный вечеръ? сказалъ фон-Цейзель, подойдя подъ конецъ ужина на минуту къ Герману.—Все идетъ, какъ заведенная машина, а вѣдь наша прислуга не привыкла къ такого рода вещамъ—нѣкоторые изъ лакеевъ сегодня всего второй или третій разъ, какъ во фракѣ! а между тѣмъ ни одинъ не ударилъ лицомъ въ грязь, ни одинъ не выронилъ изъ рукъ подноса съ чаемъ, не облилъ соусомъ дамъ, не оборвалъ имъ шлейфовъ! А самое общество! Я въ жизнь свою не думалъ, что намъ удастся собрать когда-нибудь такое общество: изящные кавалеры, обворожительныя дамы, божественныя дѣвицы! О, другъ мой, простите, я забылъ въ эту минуту о вашей несчастной любви. Счастливые глухи не только къ бою часовъ, но и къ голосу совѣсти. Все исполнено достоинства, прелести, граціи, гармоніи, въ которой не слышно никакого диссонанса, не смотря на то, что ужасный старый графъ Пехтигель—Господи, что это такое!

Фон-Цейзель направился бѣгомъ черезъ всю залу къ старому Пехтигелю, который со стаканомъ шампанскаго въ рукѣ остановился у стола, за которымъ сидѣлъ маркизъ рядомъ съ Гедвигою и еще нѣсколько мужчинъ и дамъ.

— Испанія, гогенцоллернская кандидатура! кричалъ старый рубака.—Все это вранье, предлоги. Они хотятъ добраться до нашей шкуры, они этого всегда хотѣли; но, желалъ-бы я знать, на

какой мы ногѣ съ французами; на какой я ногѣ съ ними, это я всегда зналъ!

— Этотъ господинъ, кажется, говорить со мною, обратился маркизь къ испуганному обществу.— Не будетъ-ли кто изъ васъ господа, настолько добръ, чтобы передать этому господину, что я не имѣю счастья понимать его.

— Да я-то васъ отлично понимаю, красавчикъ! кричалъ старикъ. Я...

— Позвольте мнѣ вашу руку, графъ, воскликнулъ фон-Цейзель, хватая за руку полушьянаго графа и уводя его, не смотря на его крики и сопротивленіе, въ дверь, которая на счастье находилась возлѣ и которую лакеи успѣшили открыть.

Принцъ всталъ, какъ только первые громкіе звуки голоса долетѣли до его ушей и этимъ подавъ знакъ встать и всѣмъ остальнымъ. Тѣмъ не менѣе неприятная сцена была замѣчена всѣми присутствовавшими въ залѣ, хотя каждый старался сдѣлать видъ, что ничего не видалъ и не слышалъ, слѣдуя примѣру принца, который продолжалъ спокойно разговаривать съ старымъ Фишбахомъ и нѣсколько смутился только тогда, когда графъ и Гедвига подошли къ нему съ разныхъ сторонъ.

— Ну, какъ тебѣ это понравилось? обратился онъ къ Гедвигѣ рѣзкимъ тономъ, отворачиваясь отъ графа.

Блѣдныя губы Гедвиги еще дрожали отъ негодованія.

Я возмущена, сказала она,—но...

Она вдругъ замолчала, замѣтивъ, что графъ стоитъ возлѣ нея.

— Тутъ, кажется, не можетъ быть никакихъ *мо*, отвѣчалъ принцъ.— Всякое *мо* превратитъ насъ въ варваровъ; впрочемъ, варвары и тѣ уважаютъ долгъ гостепримства.— А, маркизь, я очень радъ съ вами потолковать.

Принцъ дружески оперся на руку маркиза и пошелъ съ нимъ по залѣ; онъ видимо нарочно старался разговаривать съ нимъ какъ можно привѣтливѣе и благосклоннѣе.

Графъ и Гедвига пристально взглянули другъ на друга. Онъ не зналъ, какъ далеко она уже зашла и ему показалось, что она смотритъ на него съ дерзкимъ упорствомъ; она въ свою очередь прочла въ его глазахъ вызовъ и угрозу. Она не хотѣла предоставить ему перваго слова.

— Я сдѣлала все, что могла.

Графъ пожалъ плечами.

Гедвига отвернулась отъ него.

— Его свѣтлость желаетъ удалиться на покой, сударыня, обратился къ ней фон-Цейзель.— Смѣю я васъ просить?

Она пошла съ кавалеромъ къ принцу. Идя подь руку съ нею, принцъ обращался къ каждому изъ своихъ гостей съ какимъ-нибудь привѣтливымъ словомъ; но фон-Цейзель замѣтилъ, что принцъ замолкъ, какъ только они вышли изъ пріемныхъ покоевъ и вошли въ зеленую комнату, гдѣ принцъ раскланялся съ своей женой, и въ первый разъ, насколько могъ вспомнить фон-Цейзель, не поцѣловалъ у нея руки.

ГЛАВА V.

— Вотъ посмотри, что она не вернется, говорилъ Филиппъ.

— Да вѣдь онъ-то долженъ вернуться, сказалъ Дитрихъ.

— Ну, что-жь тебѣ отъ этого? сказала Филиппъ. — Тебѣ надо будетъ идти свѣтить секретарю въ мужской флигель, а въ это время мусью-то и махнуть внизъ по лѣстницѣ.

— А ты стереги здѣсь!

— А коли меня позвонитъ мой баринъ?

— Я всё кости переломаяю этому мазурику.

— Ну и я не отстану, заявилъ Филиппъ, — но намъ надо сначала поймать его. Слушай, Дитрихъ, вотъ какъ мы это устроимъ. Когда ты воротишься, иди прямо въ садъ; я уже тамъ буду. Я болѣе моему барину не нуженъ, ну а коли даже и нуженъ--чтожь, я все-таки это для тебя сдѣлаю. Мы сойдемся съ тобой у фонтана, знаешь, и когда поймемъ его...

— Ладно, согласился Дитрихъ.—Только приходи поскорѣе. Лучше, коли онъ тебя здѣсь не увидитъ и будетъ думать, что ему бояться нечего.

— Значить у фонтана!

Дитрихъ кивнулъ головой.

Филиппъ отправился въ садъ, а Дитрихъ остался одинъ за столомъ въ прихожей.

Дитрихъ съ Филиппомъ сдѣлались заклятыми врагами, съ тѣхъ поръ, какъ Филиппъ сталъ по цѣлымъ днямъ торчать въ корридорахъ, преходившихъ позади комнатъ гостей и сходящихся въ небольшой прихожей передъ красной башней. Дитриху очень рѣдко, да и то на какую-нибудь минутку, удавалось прибѣгать туда изъ своихъ конюшенъ; но за то Мета могла встрѣчаться съ Филиппомъ очень часто, такъ-какъ комнаты ея барыни выходили въ тотъ-же корридоръ, и Дитрихъ не безъ основанія полагалъ, что эти встрѣчи происходили чаще, чѣмъ-бы должны были происходить,

если-бы Мета выходила въ корридоръ только для исполненія своихъ обязанностей. Но со вчерашняго обѣда, когда Баптистъ, камердинеръ маркиза, также расположился въ прихожей передъ комнатою своего барина въ красной башнѣ, вражда его съ Филиппомъ превратилась въ самую закадышную дружбу.

Филиппъ подмѣтилъ, что Баптистъ и Мета всегда были очень раскраснѣвшися и весьма смущены, когда ему случалось проходить мимо нихъ. Изъ ревности онъ сообщилъ объ этомъ обстоятельстве Дитриху; тотъ началъ ругаться и увѣрять Филиппа, что лучше-бы ужъ уступилъ дѣвочку, если это неизбежно, ему, а ужъ никакъ не проклятому французу; онъ заклиналъ Филиппа подстеречь и, если можно, поймать этого мошенника.

Филиппъ въ личныхъ своихъ видахъ принялъ на себя съ большой готовностью роль шпиона, но до сихъ поръ ему ничего не удавалось сдѣлать, хотя онъ и притворился, что не понимаетъ по французски, не смотря на то, что понималъ отлично, потому-что пробылъ во-Франціи довольно долго. Но сегодня ему наконецъ по-счастливилось. Пока общество сидѣло въ залахъ, онъ, Баптистъ и Мета, не имѣя никакого дѣла, провалялись въ передней передъ красной башней за царой бутылокъ вина, которыя Мета счужѣла принадлежати для нихъ.

Вино придало Баптисту смѣлости, а Мету сдѣлало менѣе осторожной. Филиппъ искусно разыгралъ глухого и слѣплого и ловко подсмотрѣлъ, какъ они пожимали другъ другу руки подъ столомъ, и наконецъ подслушалъ, какъ Баптистъ сказалъ Метѣ:

— Итакъ, сегодня вечеромъ у фонтана на садовой тропинкѣ!

Мета подмигнула ему и убѣжала, такъ-какъ на дворѣ начали уже гремѣть экипажи и господа каждую минуту могли выйти. Едва Баптистъ и Филиппъ успѣли убрать бутылки и стаканы, какъ въ корридоръ вошли маркизъ и Розель. Баптистъ пошелъ за ними въ ихъ комнаты.

Вслѣдъ за ними вышелъ въ корридоръ графъ и Филиппъ пошелъ за своимъ баринкомъ.

Вернувшись отъ графа, онъ засталъ въ корридорѣ Дитриха, котораго прислали туда на подмогу вмѣсто лакея Августа, подававшего за столомъ; Филиппъ немедленно сообщилъ ему о своемъ открытіи.

И вотъ Дитрихъ остался одинъ, печально раздумывая о томъ, сколько горя и радости принесла ему его любовь; онъ ожидалъ выхода Розеля, то поглядывая на фонарь, которымъ онъ долженъ былъ свѣтить ему по дорогѣ черезъ дворъ въ мужской флигель, то на дверь, изъ которой Розель долженъ былъ выйти, то на часы,

которые, ему казалось, остановились, и клялся въ полъ-голоса, что онъ сегодня раздѣляется съ подлецомъ, даже если-бы ему изъ-за этого пришлось потерять и Мету, и мѣсто.

Въ это время Баптистъ, прибравъ спальню своего барина, съ такимъ-же нетерпѣнiемъ, какъ въ корридорѣ Дитрихъ, ожидать, когда маркизь отпуститъ Розеля и ляжетъ совсѣмъ спать.

Маркизь ничего не имѣлъ противъ того, чтобы Розель уходилъ, но тотъ сказалъ:

— Извините меня, маркизь, если я надоѣдаю вамъ, но я считаю своимъ долгомъ напомнить, что мы здѣсь уже покончили съ нашимъ дѣломъ и хорошо-бы сдѣлали, если-бы подумали объ остальныхъ частяхъ нашей задачи.

— Ну и думайте себѣ, отвѣчалъ маркизь—это уже ваша работа. Что-же касается до меня, то я еще здѣсь не совсѣмъ покончилъ.

— Какъ, маркизь, вскричалъ Розель,—да вѣдь сегодня утромъ принцъ вамъ далъ формальное обѣщанiе, которое онъ сдержитъ безусловно? Чего-же вамъ еще?

— Какъ вы стали вдругъ легко глядѣть на дѣло, замѣтилъ маркизь,—а еще вчера вечеромъ богъ знаетъ чего не наговорили о его важности. Теперь, когда я начинаю имъ заинтересовываться, для васъ уже пропалъ всякій интересъ въ немъ.

— Потому-что я право не вижу, что тутъ еще дѣлать, отвѣчалъ Розель. — Отъ принца мы добились уже всего, чего только можно было добиться. Что-же касается окружающихъ его, то всѣ мои усилiя приобрѣсти на нихъ влiянiе оказались совершенно напрасными.

— А вы такъ рассчитывали на это!

— Да, и также ошибся въ этомъ, какъ ошибся въ настроенiи здѣшнихъ жителей. Я протаскался все утро по городку и по окрестностямъ. Повѣрьте мнѣ, маркизь, что всѣ эти люди будутъ противъ насъ, какъ только начнется волна; да они и теперь уже противъ насъ.

— Прекрасно, сказалъ маркизь,—ну и приготовьте объ этомъ хорошенькое донесеньице, которое-бы мы могли отослать къ министру. Провозитесь надъ нимъ хоть всю ночь, коли вы еще не устали; но увольте меня, мнѣ хочется спать.

— А васъ не озадачила сцена за ужиномъ? спросилъ Розель.

— Га! вскричалъ маркизь.

— Я думаю, что тутъ не обошлось безъ влiянiя графа а, можетъ быть, и барона Нейгофа; пначе этотъ бездѣльникъ не зашелъ-бы такъ далеко.

— Быть можетъ, отвѣчалъ маркизь, дѣлая видъ, что зѣваетъ.

— Маркизь, снова заговорилъ Розель, беря шляпу въ руки, — мнѣ было-бы крайне тяжело, если-бы съ донесеніемъ къ герцогу Грамону мнѣ пришлось послать частное письмо къ monsieur Оливье, съ которымъ я, какъ вамъ извѣстно, въ очень хорошихъ отношеніяхъ, что оживленная переписка господина маркиза съ графомъ Шамборомъ отнимаетъ у маркиза слишкомъ много времени, такъ-что онъ не въ состояніи обратитъ должнаго вниманія на интересы настоящаго правительства въ нашемъ порученіи.

— Да, да, сказалъ маркизь, — что-же вы мнѣ прямо не сказали? Сколько-же вамъ нужно?

— Моя бѣдная мать въ Страсбургѣ... началъ было Розель.

— И еще болѣе бѣдный Интернаціональ въ Лондонѣ...

— Маркизь!

— Великій Боже! вскричалъ маркизь, — я не имѣю никакого желанія мѣшаться въ ваши политическія тайны, хорошо, если-бы вы обладали такой-же похвальной привычкой? А вѣдь вы, интернаціоналы, работаете въ сущности на насъ; однимъ словомъ...

Баптистъ, отъ скуки подслушивавшій этотъ разговоръ въ замочную скважину, не слышалъ отвѣта Розели; но слышалъ, какъ маркизь отперъ и потомъ снова заперъ свою шкатулку и наконецъ сказалъ, смѣясь:

— Смотрите, mon cher, пока вы не зайдете за предѣлы въ вашей требовательности, я готовъ платить за то, что имѣлъ глупость вамъ довѣряться; но, повторяю, не выходите за предѣлы.

— Благодарю васъ, маркизь, и позвольте мнѣ выразить вамъ свою благодарность въ видѣ добраго совѣта. Берегитесь, маркизь! Я убѣжденъ, что графъ только и ждетъ какого-либо предлога, чтобы затѣять съ вами ссору.

— Ну, врядъ-ли только онъ затѣетъ ее изъ-за политики, отвѣчалъ маркизь; — мы видѣли съ вами сегодня, что людей, которые держатся не тѣхъ политическихъ убѣжденій, которыхъ держится принцъ, просто на просто выпроваживаютъ за дверь.

— Графа нельзя выпроводить за дверь.

— Значитъ, нечего ему и ставить себя въ такое положеніе, когда другого непременно выпроводили-бы за дверь.

— Но не давайте ему, по крайней мѣрѣ, повода къ ссорѣ, потому-что, не говоря уже ни о чемъ другомъ, вы возстановите этимъ противъ себя принца и тѣмъ скомпрометтируете успѣхъ нашего порученія самымъ серьезнымъ образомъ.

— Милѣйшій мой господинъ Розель, сказалъ маркизь, — я вамъ

очень благодаренъ, но вы ничего въ этомъ не смыслите. А теперь, покойной ночи.

Маркизь нажалъ звонокъ.

— Посвѣти господину Розелю; ты мнѣ болѣе не нуженъ, я одинъ раздѣвусь.

Баптистъ довель Розеля до передней, гдѣ передалъ его Дитриху, который скорчилъ ему сердитую рожу, постоялъ съ минуту въ корридорѣ у окна, чтобы посмотреть, какъ Дитрихъ свѣтилъ Розелю на дворѣ и пустился внизъ по лѣстницѣ.

На серединѣ лѣстница раздѣлялась на двое; каждая изъ вѣтвей ея вела къ особому выходу. Баптистъ остановился на минуту въ нерѣшительности; наконецъ ему показалось, что если онъ пойдетъ налѣво, то это и будетъ такъ, какъ слѣдуетъ.

Какъ-только маркизь остался одинъ, онъ бросилъ свою папирску и забѣгалъ взадъ и впередъ по ковру, покрывавшему полъ его комнаты. Гедвига была такъ прекрасна въ этотъ вечеръ; красота ея зажгла его страсть; расположеніе, которое она выказала ему, принявъ его ангажированіе на танцы, любезность ея за ужиномъ, ея видимый испугъ во время сцены съ сумасшедшимъ старикомъ,—все это пріятно щекотало его самолюбіе.

— Она любитъ меня, она любитъ меня! вскричалъ маркизь,—а если она и не вѣритъ въ любовь, какъ не вѣрю я самъ, то во всякомъ случаѣ она сдумаетъ оцѣнить всю прелесть отношеній, которыя ни мало не станутъ менѣе прелестны отъ того, что установятся не надолго. Она нисколько не похожа на этихъ глупыхъ нѣмокъ, какъ эта бѣлокурая Стефанія, напримѣръ; она не только знаетъ, чего она хочетъ, но имѣетъ и мужество добиться исполненія своего желанія. Кто добился того, чего добилась она, тому не нужно доказывать свое мужество. О какой-нибудь щепетильности съ ея стороны не можетъ быть и рѣчи; и этотъ старый мужъ, который къ тому-же не того ревнуетъ, кого-бы слѣдовало,—ревнуетъ этого отвратительнаго прусскаго графа, Донъ-Кихота въ мундирѣ, которому такъ-бы хотѣлось позавтракать мною,—да это только облегчить дѣло, и ничего болѣе!

Въ воображеніи молодого человѣка проходили пестрымъ роемъ безумно дерзвія приключенія Фоблаза.

Онъ уже лѣзетъ по хрупкому шпалернику черезъ садовую ограду, нащупываетъ темный задній ходъ, ищетъ пружину къ потаенной двери; его встрѣчаютъ тысячи препятствій, но онъ ихъ всѣ преодолеваетъ, наконецъ онъ преодолеваетъ самое легкое препятствіе въ объятіяхъ обожаемой женщины.

А вѣдь онъ здѣсь почти рядомъ съ нею; въ этихъ двухъ комнатахъ, которыя онъ занимаетъ, еще недавно жила она.

Онъ узналъ это отъ своего Баптиста, который не даромъ такъ ухаживалъ за хорошенькой камеръ-юнгферой Гедвиги.

Вправо отъ башни идутъ ея комнаты. Эта дверь ведетъ въ комнату, которая стоитъ въ углу между башней и флигелемъ, а въ настоящее время никѣмъ не занята; къ ней навѣрно можно попасть изъ этой пустой комнаты.

Не попробовать-ли ему?

Вдоль стѣны тянулся карнизъ, который могъ служить отличной точкой опоры для ногъ, а за оконный карнизикъ такъ удобно уцѣпиться руками. Ему бывало-удавались и болѣе смѣлныя предпріятія, а въ комнатѣ передъ ея спальней дверь на балконъ всегда отворена цѣлую ночь.

Маркизъ высунулся изъ окна. Подъ окномъ, внизу, далеко внизу, какъ ему теперь казалось, разстился садъ, облитый волшебнымъ полумракомъ ночи; въ саду журчалъ фонтанъ. Свѣтъ изъ Гедвигиной комнаты освѣщалъ, черезъ открытую дверь балкона, верхушки отдаленныхъ деревьевъ. Но теперь было еще слишкомъ рано; въ замкѣ, который былъ ему весь очень хорошо виденъ изъ его выдающейся башни, всѣ окна были еще освѣщены, но скоро все погрузится въ тьму; и въ саду въ эту пору не бываетъ ни души, — онъ замѣтилъ это еще вчера, когда цѣлый часъ смотрѣлъ въ садъ изъ своего окна.

Но что это! Игра-ли это его возбужденнаго воображенія, или дѣйствительно въ кустахъ промелькнула легкая тѣнь женскаго платья? Сердце его забилось, зоркіе глаза его хотѣли пронзить мракъ, одѣвавшій паркъ, разстлавшійся у его ногъ.

Смѣшно! Кто-бы это могъ быть, если глаза его, дѣйствительно, не обманываютъ его: молодая графиня, — она помѣщалась также тутъ недалеко, да и кромѣ того въ нижнемъ этажѣ, и легко могла сойти въ садъ; — нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ: она не станетъ гулять въ такую позднюю пору; можетъ быть ктонибудь изъ горничныхъ... но отчего-же и не сама Гедвига?

Онъ снова увидѣлъ тѣнь.

Черезъ минуту онъ былъ уже у двери и осторожно отворилъ ее. Въ корридорѣ было свѣтло, но никого изъ слугъ не было. Тихонько, на цыпочкахъ маркизъ пошелъ по корридору, спустился по лѣстницѣ, но не ошибся, какъ его Баптистъ, по которой изъ двухъ вѣтвей ея надо было идти. Онъ зналъ, что ему надо повернуть на право, чтобы выйти на садовую террасу, гдѣ онъ видѣлъ бѣлос

платье какой-то женщины, которая въ его воображеніи не могла быть никѣмъ, кромѣ Гедвиги.

Въ это время Баптистъ, который вмѣсто того, чтобы выйти въ садъ съ правой стороны, между красной башней и замкомъ, вышелъ съ лѣвой, между замкомъ и мужскимъ флигелемъ, подъ окна графа, напрасно съ нетерпѣніемъ ожидалъ Мету, которая по условію давно уже должна была быть на мѣстѣ. Онъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы хорошенько осмотрѣться, гдѣ онъ находится; его взяло сомнѣніе, туда-ли онъ попалъ; и въ самомъ дѣлѣ было нѣсколько удивительно, что онъ никакъ не можетъ найти фонтана, да и деревья здѣсь были такія высокія (онъ этого прежде не замѣчалъ), и аллеи шли просто подъ гору, а не спускались террасами и на нихъ не было лѣсенокъ, а, какъ, кажется ему, онѣ были. Но вѣдь однако-жъ вотъ и башня, и освѣщенныя окна, и балконъ съ открытою дверью въ освѣщенную комнату,—да, это навѣрно комната Метвиной барыни. Ну да, навѣрно, вонъ тамъ видно и женское платье.

Баптистъ быстро сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и такъ сильно хватился о какое-то дерево, что не могъ удержаться, чтобы не вскрикнуть отъ испуга и боли; когда онъ поднялъ свою шляпу, которая въ эту минуту упала у него съ головы, женщина, вѣроятно, испуганная крикомъ, уже исчезла.

Баптисту показалось умѣстнымъ успокоить и приманить назадъ испуганную дѣвушку нѣжными звуками, и онъ затянулъ французскую пѣсенку, сначала тихо, потомъ,—когда увидѣлъ, что глупая дѣвочка все еще прячется и не хочетъ показаться,—погромче; наконецъ отъ нетерпѣнія онъ запѣлъ такъ громко, что графъ, безпокойно бродившій взадъ и впередъ по своей комнатѣ, совершенно ясно слышалъ его пѣніе.

„Французская пѣсня! Пріятный теноръ! Подъ его окномъ! Не маркизь-ли это насмѣхается надъ нимъ, — кто-жъ бы это могъ быть другой? Но, быть можетъ, эта пѣсня пѣлась совсѣмъ не для него? Но для кого-же? Комнаты Гедвиги находились на противоположной сторонѣ.“

Графъ не въ такомъ былъ настроеніи, чтобы слушать подъ своимъ окномъ французскія пѣсни, кто-бы и для кого-бы ни пѣлъ ихъ. Какъ былъ, въ халатѣ онъ бросился изъ своей комнаты, едва успѣвъ на ходу захватить шапку и хлыстъ, лежавшій на столѣ.

Маркизь былъ счастливѣе своего камердинера. Едва онъ успѣлъ сдѣлать шаговъ пятнадцать по саду, какъ увидѣлъ тотъ самый женскій образъ, который заставилъ такъ биться его сердце; онъ явился недалеко отъ фонтана между кустами, потомъ — видимо

съ намѣреніемъ— снова скрылся въ темную густую аллею, въ которой широкія каменныя лѣсенки вели изъ верхней части сада въ нижнюю.

Маркизь сломя-голову пустился бѣжать внизъ по темной лѣстницѣ, догнавъ женщину, которая, слышавъ шаги, остановилась въ ожиданіи внизу лѣстницы,— бросился къ ея ногамъ, сталъ покрывать ея руки, которыхъ отъ него не отдернули, жаркими поцѣлуями и сгоряча не замѣтилъ, что эти руки далеко не были такъ хороши, какъ тѣ, которыми онъ всегда такъ восхищался.

— О, madame, какъ вы добры, какъ вы милостивы! бормоталъ онъ.— У вашихъ ногъ счастливѣйшій изъ смертныхъ.

Madame стремительно отдернула отъ него свои руки. Маркизь принялъ это за вызовъ встать и заключить въ свои объятія жертву своей непреодолимой обворожительности. Поднимаясь, онъ нечаянно взглянулъ на входъ въ аллею и увидѣлъ тамъ двухъ человѣкъ, ясно выдѣлявшихся на свѣтломъ фонѣ входа.

Дама также замѣтила этихъ двухъ человѣкъ. Она быстро высвободилась изъ его объятій, стремительно сбѣжала съ послѣднихъ ступеней лѣстницы и въ мгновеніе ока исчезла.

Маркизь остановился на минуту въ нерѣшительности, что ему дѣлать.

Поспѣшить за дамой— значить безвозвратно ее скомпрометтировать; противъ этой мысли возставалъ въ немъ остатокъ чувства чести; идти на встрѣчу тѣмъ двумъ, которые спускались по лѣстницѣ, было неразсчитливо, пока была еще возможность уйдти отъ нихъ, сохранивъ свое инкогнито; бѣжать — для маркиза Флорвиля это было неприлично. Итакъ, ему не оставалось ничего другого, какъ выбрать середину, т. е. не слишкомъ спѣша, но и не медленно, пройти внизъ по террасѣ и выждать, будутъ-ли они имѣть безстыдство преслѣдовать его.

Маркизь скоро убѣдился, что безстыдство у нихъ было.

Оба человѣка пошли слѣдомъ за нимъ тѣмъ-же шагомъ, какимъ шелъ и онъ. Маркизу стало дѣлаться страшновато. До сихъ поръ онъ думалъ, что это были садовники, что ихъ привелъ сюда глупый случай и что они сейчасъ-же увидятъ, что имѣютъ дѣло не съ воромъ.

А что если это были не садовники? Если ихъ привелъ сюда не случай? Если онъ попалъ въ западню и за нимъ шли такъ тихо потому только, что у нихъ не хватало смѣлости подойти къ нему?

Такъ думалось маркизу, пока онъ спускался по лѣстницѣ; вдругъ скорѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, онъ вышелъ на узенькую дорожку, извивавшуюся между скалъ по направленію къ Родѣ. Здѣсь было

уже совершенно темно; у ногъ его какъ-то таинственно журчала Рода, рука его нащупывала скалы.

Маркизь гулялъ здѣсь сегодня утромъ и потому вспомнилъ, что недалеко отъ дорожки, на которую онъ вышелъ, находилась другая, которая вела назадъ въ садъ. Онъ надѣялся найти эту дорожку, пока преслѣдователи еще не настигли его, и потому побѣждалъ какъ только могъ скорѣе, чтобы и дѣйствительно уйти отъ нихъ.

Вдругъ онъ услыхалъ еще какіе-то шаги, — шаги, если его не обманывалъ его тонкій слухъ, передъ собою. И дѣйствительно, теперь за нимъ шелъ уже одинъ Дитрихъ, Филиппъ пошелъ другой дорогой ему на встрѣчу, чтобы ужъ ни коимъ образомъ не упустить изъ рукъ свою жертву и выполнить планъ, въ которомъ они тутъ-же наскоро согласились и который состоялъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, чтобы сбросить французяка въ Роду, гдѣ-бы онъ могъ великолѣпнѣйшимъ образомъ прохладиться отъ своихъ любовныхъ поползновеній.

— Теперь ужъ надо ждать врага и смѣло встрѣтить его, сказалъ маркизь про себя.

Онъ облокотился спиною на скалу и невольно сталъ искать, нѣтъ-ли при немъ какого-нибудь оружія, но не нашелъ ничего, кромѣ золотого портъ-сигара, въ которомъ оказалось нѣсколько спичекъ.

— И то хорошо, по крайней-мѣрѣ я могу посмотрѣть на моихъ враговъ при свѣтѣ.

Онъ подождалъ, пока раздававшіеся справа и слѣва отъ него шаги не приблизились къ нему и тогда онъ зажегъ спичку. Свѣтъ спички былъ едва замѣтенъ въ непроглядной черной тьмѣ, но былъ все-таки достаточенъ для того, чтобы маркизь могъ рассмотреть контуры своихъ преслѣдователей и даже узнать, какъ ему казалось, типичную фізіономію камердинера графа. Дитрихъ и Филиппъ еще лучше узнали маркиза, лицо котораго на одну минуту освѣтилось совершенно ясно. Узнавъ маркиза, повернуть назадъ и пуститься, что было мочи, бѣжать, было для перепугавшихся лакеевъ дѣломъ одной секунды.

— Трусъ! проговорилъ маркизь, закуривая папироску о почти догоравшую спичку. Жалкіе трусишки нѣмцы! Отъ искорки свѣту улепетывать какъ зайцы! И мы еще могли такъ долго колебаться, вышвырнуть-ли намъ этихъ скотовъ за Рейнъ, или нѣтъ!

Маркизь уже не сомнѣвался въ томъ, что такъ или иначе, провѣдали объ его импровизированномъ rendez-vous съ прекрасной Гедвигой, что его накрыли, что эти люди были подлыми bravi графа.

Что-же изъ всего этого выйдетъ? Донесутъ на него принцу? Но въ чемъ-же могутъ его обвинить? Въ томъ, что онъ вечеромъ отправился гулять въ садъ, случайно встрѣтился съ Гедвигой, пожелалъ ей доброй ночи и затѣмъ спокойно продолжалъ свою прогулку? Что-же тутъ дурного? Онъ совершенно чистъ. Но графъ! Графъ, который вмѣсто того, чтобъ лично потребовать у него объясненій, если имѣлъ какой-нибудь поводъ къ ссорѣ, выслалъ противъ него ночью своихъ *bravi*, которые пустились въ бѣгство въ рѣшительную минуту! Да, графъ долженъ благодарить свою судьбу, если онъ умолчить объ этомъ происшествіи. Но не слѣдуетъ-ли ему самому потребовать графа къ отвѣту? Впрочемъ, къ чему-же это послужить? Графъ просто на просто отъ всего отречется, отречется отъ своихъ подлыхъ слугъ; нѣтъ, самое лучшее молчать объ этомъ; наконецъ, если нужно, всегда будетъ время заговорить. А пока вѣрно только одно: красавица, такъ охотно предоставившая ему свои руки, зашла ужъ слишкомъ далеко, чтобы остановиться: она должна, во что-бы то ни стало, идти дальше.

Маркизь остался такъ доволенъ этимъ результатомъ своихъ размышленій, что закурилъ вторую папирску и въ отличнѣйшемъ расположеніи духа вернулся тою-же дорогою, по которой нѣсколько минутъ тому назадъ шелъ съ такимъ замираніемъ сердца.

Графъ, подъ тѣнью деревьевъ, крадся за пріятнымъ теноромъ, который все еще раздавался не тише прежняго, потомъ замолкъ и смѣнялся осторожнымъ покашливаніемъ. Очевидно, искавшій началъ терять терпѣніе.

Графъ догадался, что тутъ дѣло идетъ о какомъ-нибудь *rendez-vous*; но кто-же ждетъ, кто-же та, которая заставляетъ себя такъ долго ждать? Графу показалось, будто это голосъ маркиза. Но какъ могъ маркизь устроить *rendez-vous* такъ неделикатно? А если это не маркизь, такъ кто-же это? Не могъ-же это быть какой-нибудь лакей: со стороны лакея это была-бы, по мнѣнію графа, уже черезчуръ неслыханная дерзость; Розель, суди по наружности, не имѣлъ ни расположенія, ни досуга, заниматься такими лирическими *intermezzo*. А если это былъ маркизь, такъ кто-же была дама? Гедвига? Не можетъ быть; положительно невозможно: она никогда не согласилась-бы на такую пошлую интригу.

Но убѣждая себя, что это не можетъ быть Гедвига, а слѣдовательно не можетъ быть и маркизь, графъ видѣлъ уже въ своемъ воображеніи Гедвигу въ объятіяхъ маркиза и скрежеталъ зубами; вдругъ послѣ довольно продолжительнаго затишья, возлѣ него послышался какой-то шорохъ; онъ крѣпче сжалъ въ рукѣ хлысть.

На маленькой круглой площадкѣ, обсаженной деревьями, у ко-

торой онъ стоялъ, показалась женщина; она шла прямо на него. Два раза она останавливалась и затѣмъ осторожно шла далѣе. Въ ту-же самую минуту съ другой стороны показался пѣвецъ; онъ стремительно подбѣжалъ къ женщинѣ и со словами: *Enfin, enfin, Dieu merci!* хотѣлъ заключить ее въ свои объятія.

Женщина испустила крикъ. Въ ту-же секунду графъ выбѣжалъ изъ своей засады, схватилъ сильною рукою пѣвца за грудь и въ бѣшенствѣ стегнулъ его хлыстомъ по головѣ и плечамъ.

— Пощадите, пощадите, г. графъ! вопилъ пѣвникъ.

— Да кто это такой, чортъ возьми? вскричалъ графъ и, схвативъ его за шиворотъ, вытащилъ на свѣтъ.

— Это я, Баптистъ, милостивѣйшій графъ, произнесъ перепуганный на смерть камердинеръ и упалъ на колѣни.

— А это что за женщина?

— *Mademoiselle Meta*, отвѣчалъ лакей, все еще дрожа.

— Отлично; на будущій разъ я васъ попрошу выбрать себѣ другое мѣсто для вашихъ любовныхъ свиданій и не назначать ихъ у меня подъ окнами.

— Подъ окнами вашего сіятельства? Простите меня, графъ, какъ могъ я себѣ представить...

— Хорошо, проваливайтесь, сказалъ графъ...

Баптистъ не заставилъ повторить себѣ этого два раза и исчезъ съ быстротою молніи.

— Миѣ очень жалко, мое прекрасное дитя, сказалъ графъ, обратившись къ темной фигурѣ, которую страхъ повидимому приковалъ къ скамейкѣ,—что я вамъ помѣшалъ.

Темная фигура продолжала хранить молчаніе. Графъ счелъ долгомъ ободрить бѣдную, хорошенькую дѣвочку.

— На васъ я не сержусь, сказалъ онъ и хотѣлъ въ подтвержденіе своихъ словъ обнять ее талю рукою, какъ вдругъ почувствовалъ, что она обнимаетъ его обѣими руками.

— Генрихъ, Генрихъ! рыдала женщина, задыхающимся отъ слезъ голосомъ.

— Боже мой, Стефанія, какимъ образомъ ты очутилась здѣсь? изумился графъ.

— Ты самъ этого хотѣлъ; ты прогналъ меня отъ себя! рыдала Стефанія.

— Но, другъ мой, увѣщевалъ графъ. Онъ все понималъ. Любовь и ревность заставили Стефанію пойдти подъ его окно. Она старалась уйдти отъ *monsieur* Баптиста, который назначилъ здѣсь свиданіе своей возлюбленной и попала-бы прямо ему въ объятія, если-бы мужъ не спасъ ее въ критическую минуту.

— Но, мой другъ, повторилъ графъ, — ты видишь, къ чему можетъ повести такое сумасбродство. И еще въ твоемъ положеніи! Подумала-ли ты объ этомъ?

— А самъ ты много объ этомъ думаешь? пробормотала Стефанія.

— Графъ, вмѣсто отвѣта, привлекъ къ себѣ жену и сталъ цѣловать ее въ лобъ и глаза.

— Ахъ, Генрихъ, Генрихъ, какъ-бы мы могли быть счастливы! Графъ усумнился въ вѣроятности такого счастья даже въ эту минуту; но столь явное доказательство любви Стефаніи смутило и до известной степени даже тронуло его.

— Я-бы былъ въ отчаяніи, въ совершеннѣйшемъ отчаяніи, если бы ты повредила себѣ своею милою неосторожностью.

— Ну, что-же!.. ты будешь свободенъ и женишься на другой, которая не такъ долго заставитъ тебя прождать сына.

— Ну, вотъ, давно-ли же мы женаты, а уже черезъ мѣсяць...

— Ахъ Генрихъ, если-бы мальчикъ!

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, ну, а теперь укутайся-ка поплотнѣе въ шаль, глупенькая неосторожная женка!

Онъ взялъ ее подъ руку и заботливо повелъ по темнымъ аллеямъ.

Они шли почти молча; графъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко въ этой нѣжной сценѣ, въ которую попалъ неожиданно-негаданно; ему казалось, что, какъ человѣкъ ни въ чемъ неповинный, онъ уже сдѣлалъ достаточно. Стефанія съ своей стороны боялась произнести какое-нибудь неосторожное слово, чтобы не потерять того, что выиграла.

Такъ дошли они до ея комнаты; на порогѣ стояла камеръ-юнгфера Стефаніи Софья и недоумѣвала, куда дѣвалась ея барыня.

Стефанія хотѣла поцѣловать у мужа руку, но онъ сказалъ тихо:

— Прошу тебя, оставь!

И потомъ прибавилъ громко:

— Покойной ночи, милая Стефанія. Завтра вечеромъ я опять зайду за тобою, если прогулка окажетъ на тебя хорошее дѣйствіе, какъ я надѣюсь.

Графъ медленно пошелъ назадъ по саду. Нѣсколько разъ онъ останавливался и задумчиво щелкалъ по кустамъ своимъ хлыстомъ.

Бѣдная Стефанія! Конечно, съ ея стороны тутъ было не мало и эгоизма. Никогда она не чувствовала такъ сильно, какъ теперь, что она получила съ его рукой; но Нейгофъ правъ: онъ слишкомъ неглижировалъ ею за послѣднее время. А вѣдь сегодняшняя ея прогулка могла повести, можетъ быть и поведетъ еще къ очень

дурнымъ послѣдствіямъ. И ради чего все это? Ради любви, встрѣчающей взаимность, еще куда бы ни шло, но ради любви отвергнутой, любви, надъ которой глумятся, и вліяніе которой все еще такъ сильно, что оно способно каждую минуту побудить на какое-нибудь сумосбродство—вѣтъ это уже слишкомъ, слишкомъ!

Онъ взглянулъ на окна Гедвиги, мимо которыхъ проходилъ. Да, счеты ихъ еще не покончены, и теперь она въ долгу у него. Понятно, съ какою цѣлью она, умная, проникательная дѣлала видъ, что не видитъ того, что ясно какъ день! Иначе, какъ ей было не воспользоваться случаемъ сегодня вечеромъ и не растолковать принцу, что онъ самъ вызываетъ возмутительныя сцены, удерживая около себя этого француза? Будутъ-ли они вправѣ удивляться, если за этимъ грубымъ прологомъ послѣдуетъ кровавый эпилогъ? Что если-бы онъ вступился за стараго офицера, который въ сущности былъ правъ и въ свою очередь пожелалъ-бы узнать отъ маркиза, можетъ-ли въ настоящую минуту прусскій офицеръ встрѣчаться съ французскимъ эмиссаромъ иначе, какъ съ пистолетомъ въ рукѣ.

— Да, клянусь Богомъ, бормоталъ графъ,—я бы очень желалъ, чтобы они зашли сегодня вечеромъ,—онъ въ своей наглости, она въ своемъ кокетствѣ—еще на шагъ дальше и назначили себѣ дѣйствительно это невозможное *gandez-vous*. Но она черезъ-чуръ умна, чтобы пособить такимъ образомъ моей глупости.

Графъ шелъ вдоль забора, закрытый его тѣнью и такъ погружился въ свои размышленія, что фигура, вдругъ промелькнувшая передъ нимъ въ эту минуту, показалась ему выросшею изъ-подъ земли и снова провалившеюся сквозь землю. Онъ принялъ-бы эту фигуру за игру возбужденной фантазіи, если-бы на него не пахнуло ароматическимъ запахомъ турецкаго табаку, который курить обыкновенно маркизъ. Маркизъ-ли это былъ и откуда онъ шелъ? Также съ любовнаго свиданія, какъ и его Баптистъ. Ошибка, въ которую графъ впалъ уже разъ, парализовала его быструю рѣшимость. Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ опомниться и броситься вслѣдъ за промелькнувшей передъ нимъ фигурою, ея и слѣдъ простылъ. Вѣроятно, она вошла въ одну изъ дверей красной башни, возлѣ которой произошла встрѣча.

— Хорошо, подумалъ графъ, въ слѣдующій разъ мы встрѣтимся уже, конечно, днемъ и разглядимъ другъ друга.

ГЛАВА VI.

Баптистъ по зрѣломъ обсужденіи пришелъ къ тому рѣшенію, что до тѣхъ поръ, пока это будетъ можно, ему не слѣдуетъ самому разглашать о несчастномъ приключеніи съ нимъ, а молча перенести полученные имъ побои. Въ этомъ рѣшеніи, вызванномъ благоразуміемъ, онъ укрѣпился еще болѣе, когда на другое утро его встрѣтила въ коридорѣ Мета и, прошмыгнувъ мимо него, шепнула:

— Сегодня вечеромъ, вѣроятно, мы будемъ счастливѣе, чѣмъ вчера.

Онъ успѣлъ спросить ее:

— А если онъ донесетъ на насъ?

И Мета, кокетливо улыбнувшись, отвѣтила:

— Онъ побоятся, да вѣдь онъ и не узналъ меня.

Но Баптистъ не успѣлъ спросить, почему Мета думаетъ, что графъ побоятся рассказать объ этомъ. „Быть можетъ, чтобы маркизъ не потребовалъ у него отвѣта“? подумалъ Баптистъ. „Ну, понятно, мой баринъ не позволитъ сѣсть на себя верхомъ. А вѣдь дѣвочка-то такъ-же любезна со мной, какъ и вчера; ну доведись это съ французенкой, она никогда не простила-бы своему любовнику такой штуки; у этихъ нѣмочекъ нѣтъ ни капли чувства чести“.

„Да и у нѣмецкихъ лакеевъ тоже нѣтъ его“, подумалъ Баптистъ, встрѣтившись вскорѣ послѣ этого съ графскимъ Филиппомъ, который былъ съ нимъ въ это утро любезнѣе, чѣмъ когда-либо. „Если-бъ какой-нибудь нѣмчуря осмѣлился строить куры моей возлюбленной, какъ я Метѣ, и я былъ-бы головы на двѣ выше его, задалъ-бы я ему“!

Съ такими утѣшительными мыслями несъ Баптистъ шоколадъ своему барину; онъ не мало удивился, войдя въ его комнату, когда тотъ, едва успѣвъ открыть глаза, спросилъ его:

— Можешь ты мнѣ, Баптистъ, разузнать, была-ли madame Гедвига вчера вечеромъ послѣ ужина въ саду?

Маркизу пришло на умъ, какъ это ни было невѣроятно, что онъ, въ концѣ концовъ, обознался, что та дама не была Гедвига. Ему очень хотѣлось разсѣять всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ.

— Я полагаю, могу, отвѣчалъ Баптистъ, и потомъ прибавилъ:— Но я боюсь, что мнѣ не очень скоро удастся исполнить ваше порученіе,—вѣроятно, не ранѣе сегодняшняго вечера, но вечеромъ уже навѣрное.

— Отчего-же навѣрное? спросилъ маркизъ.

— Съ позволенія маркиза, у меня условлено сегодня вечеромъ маленькое rendez-vous съ горничной принцессы, отвѣчалъ Баптистъ, улыбаясь на манеръ влюбленнаго кота.

— Можетъ быть, и вчера вечеромъ у тебя было съ ней rendez-vous? спросилъ маркизъ.

У него блеснула мысль, не обнималъ-ли онъ, вмѣсто Гедвиги, ея горничную.

— Да, маркизъ, отвѣчалъ Баптистъ.

— Гдѣ?

— Въ саду.

— Гдѣ въ саду?

Баптистъ, какъ умѣлъ, описалъ мѣстность; это было совсѣмъ не тамъ, гдѣ маркизъ встрѣтилъ даму.

— А въ которомъ часу?

— Въ двѣнадцать.

— Навѣрно въ двѣнадцать?

— Навѣрно; я слышалъ, какъ били башенные часы.

Маркизъ тоже слышалъ, какъ били часы, когда входилъ въ аллею.

— И ты навѣрно знаешь, что это была дѣйствительно mademoiselle... какъ ея?..

— Помилуйте, господинъ маркизъ! отвѣчалъ Баптистъ тономъ оскорбленной невинности.

— Хорошо, хорошо, сказалъ маркизъ;—ты можешь идти.

— Хорошо, повторялъ молодой человѣкъ, потягиваясь на своей мягкой постелѣ;—это могла быть только она. Все говорить за это; и потомъ эта встрѣча съ этими подлецами! Если они подстерегали Баптиста, зачѣмъ-же имъ было такъ долго дожидаться! да и одинъ изъ нихъ былъ навѣрно камердинеръ графа. Быть можетъ, этимъ мазурикамъ дано было приказаніе убить меня, столкнуть въ рѣку... почему я знаю! Но я ихъ импонировалъ своимъ хладнокровіемъ! Если-бы я только зналъ, какимъ образомъ это такъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ. Они, должно быть, предчувствовали, должно быть, подстерегали. Вчера они спугнули ее, чтобы тѣмъ вѣрнѣе отдать ее мнѣ сегодня-же или завтра. Эти болваны-нѣмцы!

Еще вчера вечеромъ Дитрихъ и Филиппъ послѣ того, какъ они тягу дали отъ маркиза въ замокъ, — держали совѣтъ, что имъ предпринять въ такой странной оказіи. Оба они очень хорошо разглядѣли и узнали маркиза, но не знали навѣрно, такъ-же ли хорошо узналъ ихъ маркизъ. Ихъ поведеніе, относительно важнаго иностраннаго барина, ихъ подозрительное бѣгство — могли

имъ обойтись дорого, если маркизь расскажетъ обо всемъ. Но возможность этого была очень не велика, даже собственно говоря, чрезвычайно мала. Маркизу нельзя было рассказывать объ этомъ, неупомянувъ о томъ, что ночью въ двѣнадцать часовъ онъ обнималъ Мету на садовой террасѣ.

— Да въ самомъ-ли дѣлѣ это была Мета? спросилъ Филиппъ.

— Да кто-же иначе-то? отвѣчалъ Дитрихъ.

Парни переглянулись.

— Я не могу никакъ понять, сказалъ Филиппъ,—какимъ образомъ это могла быть Мета.

— Да, вѣдь они могли случайно встрѣтиться, сказалъ Дитрихъ.

Филиппъ согласился съ этимъ предположеніемъ, но противъ него говорило одно обстоятельство.

Кто-бы ни была эта женщина, которую они видѣли, она вышла изъ двери, ведущей изъ комнатъ Гедвиги, и пошла прямо къ мѣсту свиданія, къ фонтану у входа въ темную аллею, неподалеку отъ которой они стояли на караулѣ; да и господинъ-то, который ужъ навѣрное былъ маркизь, какъ-разъ въ это время вышелъ изъ красной башни и безъ малѣйшаго колебанія напрямикомъ направился туда, гдѣ они видѣли женщину. Если-же это была не Мета, то кто-жъ-бы это могъ быть?

Пріятели переглянулись еще въ большемъ смущеніи. Каждый предоставлялъ другъ другу рѣшительное слово.

— Да, да, вотъ они каковы, эти важные господа, проговорилъ наконецъ Дитрихъ.

— Не лучше насъ, сказалъ Филиппъ.

— И все, что ты подслушалъ, это для барина своего онъ хлопоталъ, сказалъ Дитрихъ.

Филиппъ думалъ, что если-бы Баптистъ устранивалъ съ Метой свиданіе не для себя, а для своего барина, то ему незачѣмъ было пожимать ей подъ столомъ руку; да ему казалось и невѣроятнымъ, чтобы г-жа Гедвига устранивала такое дѣло, черезъ свою горничную. Но ему пришло въ то-же время на память, что и ему случалось иногда служить своему барину въ подобныхъ обстоятельствахъ посредникомъ, хотя и не такъ прямо; да и въ этотъ разъ его баринъ, конечно, не безъ цѣли велѣлъ ему стать на хорошую ногу съ Метой.

Какъ-бы то ни было, пріятели, порѣшивъ не говорить ни о чемъ ни слова, разошлись.

Утромъ подозрѣнія Филиппа, что маркизь назначилъ свиданіе въ 12 часовъ ночи у фонтана въ саду не съ Метой, а съ кѣмъ-нибудь другимъ, превратились почти въ увѣренность.

Филиппъ встрѣтилъ въ корридорѣ Мету и, желая, какъ онъ послѣ рассказывалъ Дитриху, вывѣдать у нея что-нибудь, сказалъ ей, что вчера вечеромъ онъ съ Дитрихомъ встрѣтилъ въ саду маркиза съ одной дамой, назвать которую онъ ей не хочетъ.

Мета была совершенно увѣрена, что преслѣдователи ея, въ которыхъ она тотчасъ-же заподозрила Дитриха и Филиппа, не узнали ее, что маркизь, называвшій ее madame и цѣловавшій ей руки, также принялъ ее за другую, обдумала за ночь, что ей говорить, когда рѣчь зайдетъ объ этой встрѣчѣ, и потому отвѣчала съ презрительной усмѣшкой, что, коли Филиппъ знаетъ, что это былъ маркизь, то, разумѣется, онъ долженъ знать, что-за дама была съ нимъ.

Съ тѣмъ она и оставила Филиппа.

— Нѣтъ, ужъ эти баре! Право, они ничѣмъ не лучше нашего брата, снова подумалъ про себя Филиппъ и побѣждалъ на зовъ звонка своего барина.

Графъ провелъ почти всю ночь безъ сна. Страшная мысль, которую сперва онъ съ отвращеніемъ оттолкнулъ отъ себя, какъ прегрѣшеніе противъ Гедвиги или, по крайней мѣрѣ, противъ собственной гордости,—мысль, что Гедвига могла забыться до такой степени, могла назначить маркизу свиданіе, — мысль эта безотвязно возвращалась въ его раздраженный умъ и, наконецъ, крѣпко засѣла въ немъ.

Онъ вспомнилъ, что маркизь познакомился съ принцемъ и Гедвигой еще четыре года тому назадъ во время поѣздки ихъ въ Италію и проводилъ цѣлыя недѣли въ ихъ обществѣ. Онъ вспомнилъ, какія страсти бушевали тогда въ молодой 17-ти лѣтней дѣвушкѣ, какъ сердце ея наболѣло отъ обманутой любви, какъ невѣроятно было-бы, еслибъ это молодое наболѣвшее сердце нашло себѣ утѣшеніе въ любви старика; конечно, человѣкъ болѣе молодой, очень ловкій и замѣчательно красивый, каковъ былъ маркизь, скорѣе сьумѣлъ ее утѣшить.

Онъ вспомнилъ, что маркизь уже тогда обѣщалъ пріѣхать къ нимъ и если не пріѣзжалъ до сихъ поръ, то по совершенно постороннимъ причинамъ; во всякомъ случаѣ такое замѣчательное постоянство со стороны такого легкомысленнаго человѣка, какъ маркизь, было въ высшей степени характеристично и указывало на короткость ихъ прежнихъ отношеній.

Ясно было, что маркиза привело сюда не желаніе ознакомиться съ нѣмецкимъ сельскимъ хозяйствомъ: если онъ былъ, въ чемъ графъ почти не сомнѣвался, дѣйствительно однимъ изъ многочисленныхъ французскихъ эмиссаровъ, разѣзжавшихъ теперь по Гер-

маніи передъ началомъ войны, то это еще нисколько не противорѣчило его догадкѣ; у маркиза было достаточно ловкости, чтобы, преслѣдуя нѣсколько интересовъ разомъ, сдумѣть соединить пріятное съ полезнымъ.

Потомъ ему припомнилось, что рассказывалъ ему баронъ Нейгофъ объ отношеніяхъ Гедвига къ доктору, и онъ громк раскохотался надъ такой нелѣпой сплетней и тотчасъ-же снова вернулся къ прежнимъ мыслямъ; онъ опять сталъ раздумывать объ открытіи, сдѣланномъ имъ вечеромъ, и въ концѣ концовъ пришелъ къ тому убѣжденію, что и это въ сущности ничто иное, какъ нелѣпая сплетня, что онъ не повѣрилъ-бы никому, кто вздумалъ-бы ему передавать ее, и вызвалъ-бы на дуэль всякаго, кто осмѣлился-бы заикнуться о ней, но тутъ-же вспомнилъ, что въ такомъ случаѣ ему пришлось-бы себѣ первому пустить въ лобъ пулю. Такой нелѣпый выводъ заставилъ его раскохотаться еще громче прежняго.

Такимъ образомъ въ борьбѣ между любовью, которую онъ не въ силахъ былъ побѣдить въ себѣ, и ненавистью, которую напрасно гналъ отъ себя, короткая лѣтняя ночь показалась ему безконечной адской пыткой. Уже было совершенно свѣтло, когда онъ заснулъ на какой-нибудь часъ; первыя его слова при пробужденіи отъ чудовищныхъ сновъ были:

— Я долженъ узнать всю правду! я съ ума сойду, если не узнаю всей правды.

Онъ позвонилъ.

Вошелъ Филиппъ.

— Въ какихъ ты отношеніяхъ съ Метой? спросилъ онъ.

— Такъ себѣ, графъ, отвѣчалъ Филиппъ, сильно перетрусившій отъ этого вопроса. Онъ рѣшился подождать, пока баринъ не выскажется яснѣе.

— Вѣдь я тебѣ велѣлъ стать съ этой дѣвушкой въ самыя лучшія отношенія; почему-же ты этого не сдѣлалъ?

— Я сдѣлалъ все, что могъ, графъ, отвѣчалъ Филиппъ, — но вѣдь насильно милъ не будешь; дѣвушка пуглива, графъ; къ тому-же она давно уже якшается съ Дитрихомъ, хочетъ даже за него замужъ идти.

— И водить васъ обоихъ за носъ... Почему-жъ ты не умѣешь добиться того, чего добиваются другіе, хоть-бы камердинеръ маркиза? Онъ скрутилъ ее въ какіе-нибудь полтора дня, и вчера ужъ имѣлъ съ ней въ саду свиданіе: я самъ его накрылъ.

— Если ваше сіятельство его сами накрыли, такъ, конечно, я не смѣю возражать; только мнѣ казалось, что это былъ не Бантистъ, а самъ маркизъ.

Графъ насторожилъ уши; онъ хотѣлъ только выбрать Филиппа за то, что тотъ уступилъ Мету Баптисту и не можетъ узнать отъ нея то, что ему нужно; но теперь оказывалось, что Филиппъ и безъ того попалъ на настоящій слѣдъ.

— И чего ты тутъ приплелъ маркиза? спросилъ графъ.

Филиппъ, убѣжденный, что его баринъ развѣдалъ какимъ-то непонятнымъ для него образомъ о свиданіи маркиза съ женою принца, успѣвши снять съ себя упрекъ въ нерадѣніи и выложить все, что зналъ. Онъ разсказалъ за достовѣрное, что они съ Дитрихомъ вчера, дѣйствительно, хотѣли подстеречь Баптиста и Мету, но что вмѣсто Баптиста наткнулись на маркиза и чугъ не столкнули его въ Роду. Что-же касается до дамы, то они и ее узнали, а если-бы не узнали, то Мета разсказала-бы ему, кто она такая, потому-что она съ Баптистомъ совсѣмъ не въ такихъ хорошихъ отношеніяхъ, какъ полагаетъ графъ. Графъ навѣрно будетъ такъ милостивъ, что не станетъ его болѣе объ этомъ разспрашивать, потому-что для такого человѣка, какъ Филиппъ, вмѣшиваться въ подобныя вещи было-бы слишкомъ опасно; а графъ теперь уже самъ знаетъ, что ему дѣлать.

— Ты дуракъ, сказалъ графъ,—потому что даешь поймать себя дѣвчонкѣ на такую пустую удочку. Теперь ты можешь идти; и если ты кому-нибудь объ этомъ проболтаешься, я тебя сію-же минуту выгоню.

— Слушаю, ваше сіятельство! отвѣчалъ Филиппъ, замѣтившій, что графъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ во время его разсказа и наконецъ сталъ кусать свою нижнюю губу, что съ нимъ бывало всегда, когда онъ былъ чѣмъ-нибудь взбѣшенъ.—Ваше сіятельство можете положиться на меня. Принести вамъ кофе, ваше сіятельство?

Графъ не отвѣчалъ; какъ только лакей исчезъ за дверью, онъ вскочилъ со своей постели, какъ ужаленный, схватилъ ищникъ съ пистолетами, стоявшій на маленькомъ столикѣ рядомъ съ постелью, и отворилъ его.

Это были тѣ самые пистолеты, которые онъ купилъ въ первый день послѣ приѣзда сюда у Финдельмана въ Ротебуль, такъ-какъ свои онъ забылъ въ Берлинѣ, и изъ которыхъ графъ не сдѣлалъ еще ни одного выстрѣла, хотя Филиппъ и зарядилъ ихъ тотчасъ-же послѣ того, какъ они были куплены.

Онъ взялъ одинъ изъ нихъ и прицѣлился въ воробья, чиркавшаго на вѣткѣ ели передъ окномъ его комнаты, которое Филиппъ отворилъ передъ уходомъ.

Рука его такъ твердо держала пистолетъ, что блестящій стволъ его не дрогнулъ ни на волосъ.

Графъ спустилъ курокъ.

— Если-бъ мнѣ удалось такъ подцѣпить тебя, обезьяна, сказалъ графъ.

ГЛАВА VII.

Въ этотъ самый день послѣ обѣда длинный радъ экипажей принца тянулся по красивому шоссе, пролегавшему отъ Роды, мимо фазаньяго двора, черезъ лѣсъ къ охотничьему домику, а оттуда къ развалинамъ древняго Родабурга, возвышавшагося на одинокой скалѣ неподалеку отъ охотничьяго домика. Прямое разстояніе Родабурга отъ замка было не болѣе полумили; но, чтобы избѣжать крутого подъема на горы, шоссе извивалось безчисленными изгибамъ. Такимъ образомъ дорога выходила въ сущности вдвое длиннѣе, но все-таки это не избавляло отъ необходимости иногда тормозить экипажи и пускать лошадей шагомъ.

— Но все-таки никто, въ комъ есть вкусъ къ красотамъ лѣсной дороги и къ прелести чуднаго лѣтняго дня, не можетъ жаловаться на то, что мы ѣдемъ шагомъ, вскричалъ фон-Цейзель съ энтузіазмомъ. — Признайтесь, mesdames, что все это выше всякихъ описаній: эти мшистые стволы, эта земля какъ-бы изборожденная корнями... они, какъ золотомъ, облиты солнечнымъ свѣтомъ... эти мрачныя тѣни лѣса, и этотъ видъ на нѣжную синеву долины Роды! Ахъ, вотъ и исчезъ этотъ видъ, но черезъ нѣсколько шаговъ, когда мы поднимемся на вершину, онъ снова представится нашимъ глазамъ во всемъ своемъ великолѣвіи; но мы увидимъ оттуда даже болѣе; мы увидимъ тамъ большую часть долины Роды, — ту часть, гдѣ она уже, такъ сказать, прирученная тихо катить свои волны у подножья горы замка; я полагаю, что его свѣтлость остановится тамъ на нѣсколько минутъ: по крайней мѣрѣ, я просилъ его объ этомъ. Да вотъ экипажъ его свѣтлости уже и остановился; не хотите-ли, mesdames, выйти изъ экипажа? не хотите ли мистеръ Симильтонъ?

Фон-Цейзель былъ въ лихорадочномъ волненіи. Съ нимъ въ экипажѣ сидѣли предметы его послѣдней и предпослѣдней любви: фрейленъ Адель фон-Финбахъ и фрейленъ Элиза Иффлеръ.

Сегодня утромъ фон-Цейзель былъ сильно перепуганъ: когда онъ давалъ принцу отчетъ о своихъ распоряженіяхъ по поводу проулки, тотъ сказалъ ему:

— Да, чтобъ не позабыть, любезный Цейзель... намъ нужно бы

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОСНОВЫ РАЦІОНАЛЬНАГО ВОСПИТАНІЯ.

(Эмилъ ХІХ вѣка. Сочиненіе Альфонса Эскироса. Переводъ съ французскаго подъ редакціей М. Цебриковой. Санктъ-Петербургъ, 1871 г.)

IV.

Дережня конечно самая лучшая и удобная школа для первоначальнаго воспитанія. Лучшая она потому, что владѣеть такими богатыми естественными пособіями, какихъ ни дома, ни въ городской школѣ имѣть нельзя. Какія у васъ пособія въ городѣ? Модели, рисунки. Вы показываете ребенку нарисованныхъ боровъ, овецъ, воронъ, жуковъ и вводите его въ бумажный міръ, понять который онъ можетъ, работая воображеніемъ. Одно время были въ модѣ коллекціи животныхъ изъ бумажной массы; многія учебныя заведенія обзавелись такими коллекціями, стоившими порядочныхъ денегъ, чтобы показывать своимъ воспитанникамъ игрушечныхъ слоновъ, мышей, верблюдовъ, носороговъ. Чучелы животныхъ еще имѣютъ смыслъ. Но какой смыслъ въ этихъ бумажныхъ игрушкахъ, пригодныхъ только для дѣтей трехъ-четырехъ лѣтъ? Ребенка нужно вводить въ настоящій міръ, знакомить его съ живою дѣйствительностью. Ему нужно показывать не рисованныхъ животныхъ, а живыхъ, чтобы онъ почувствовалъ въ нихъ живыя существа. Его симпатіи къ жеребятѣмъ, къ котятѣмъ, къ щенкамъ и маленькимъ птичкамъ

должны перейти въ болѣе зрѣлое чувство, въ болѣе точное представленіе. Природа для ребенка не игрушка, а школа и онъ долженъ научиться чувствовать свою связь съ міромъ. Въ комнатномъ воспитаніи, даже съ самыми богатыми пособіями, ребенокъ видитъ природу или нарисованную или издали, какъ въ панорамѣ, и вырастаетъ тѣмъ одностороннимъ городскимъ продуктомъ, образчики котораго русское общество видѣло въ былыхъ институткахъ. А сколько еще и теперь людей,—женщинъ и мужчинъ,—которые бѣгутъ въ паническомъ страхѣ, отъ лягушки или мыши, которые не могутъ смотрѣть на слизняковъ, для которыхъ земляной червь—гадость. Если можно, обзаведитесь микроскопомъ или увеличительнымъ стекломъ. Покажите ребенку, ну хоть лягушечью лапу, кусокъ лягушечьей кожи, рассмотрите съ ребенкомъ земляного червя, плесень, грибокъ; показывайте все, что можно уложить подъ увеличительное стекло, не пренебрегая даже простымъ пескомъ. Приучите ребенка не верхоглядничать и скользить глазами по предметамъ, а глядѣть и замѣчать все, что попадаетъ ему на глаза. Идете-ли вы по дорожкѣ, останавливайтесь надъ каждымъ новымъ для ребенка предметомъ; попадется-ли маленькое едва замѣтное отверстіе, не обходите его, не изслѣдовавъ. Увеличительное стекло покажетъ ребенку, что это не простая случайная дырочка, а искусственный ходъ, подземелье, въ которомъ живетъ какая-нибудь личинка или насѣкомое. Устраивайте экскурсіи въ лѣсъ и въ поле, приучайте ребенка отличать цвѣты, травы, деревья; объясняйте ихъ значеніе и употребленіе, собирайте гербаріи, насѣкомыхъ, выкармливайте въ коробочкахъ червей, пусть они превращаются у васъ въ куколокъ и въ совершенныхъ насѣкомыхъ. Чѣмъ разнообразнѣ растительность вами наблюдаемая, тѣмъ разнообразнѣ миръ насѣкомыхъ. На огородныхъ овощахъ живутъ одни, на плодовыхъ деревьяхъ другіе, въ хвойныхъ лѣсахъ третьи, на разныхъ листовенныхъ породахъ четвертые. Одно знакомство съ насѣкомыми—цѣлая школа. А жизнь муравьевъ, или пчелъ? Ребенокъ проходитъ мимо муравейника и называетъ его кучей: покажите ему, что это не просто куча, а цѣлое государство съ трудолюбивымъ, промышленнымъ, умнымъ и храбрымъ населеніемъ. Вотъ поперекъ дорожки ползутъ муравьи. Вы предлагаете ребенку посмотрѣть, куда это они ползутъ. Оказывается, что одни муравьи ползутъ

въ одну сторону, другіе имъ навстрѣчу; одни ползутъ простне, другіе съ тяжестями. Очевидно, что это не безцѣльное движеніе. Встрѣчающіеся муравьи иногда останавливаются, дотрогиваются другъ до друга усиками; послѣ такого дотрогиванія одинъ изъ муравьевъ измѣняетъ первоначальное направленіе и ползетъ въ другую сторону, или, переговоривъ, муравьи отправляются вмѣстѣ. Вотъ нѣсколько муравьевъ тащатъ соломенку; поперегъ дороги лежитъ бревно. Какъ они преодолеваютъ это препятствіе? Муравьи съ необычайными усиліями начинаютъ втаскивать соломенку на бревно; работа такъ трудна, что имъ съ нею не справиться, но навстрѣчу попадаются свободные муравьи и съ этой новой помощью соломенка перетаскивается черезъ бревно. Помогшіе муравьи идутъ затѣмъ своей дорогой. Но куда-же муравьи тащатъ соломенки, песчинки, хвоинки и всякую другую дрянь? Мы идемъ за муравьями и доходимъ до муравейника. Мы снимаемъ верхнюю часть кучи и въ муравейникѣ обнаруживается сильное движеніе; муравьи озадачены неожиданной для нихъ катастрофой; они въ очевидномъ недоумѣніи и смущеніи; они суетятся, бѣгаютъ въ разныя стороны повидимому безъ цѣли и не зная что дѣлать. Но первое смущеніе проходитъ и муравьи принимаются за исправленіе муравейника; муравьи дѣйствуютъ по извѣстному плану и каждый знаетъ свое дѣло. Мы оставляемъ муравьевъ въ покоѣ, приходимъ на другой день и находимъ муравейникъ въ прежнемъ видѣ. Мы снова снимаемъ часть муравейника, на этотъ разъ уже большую, мы наблюдаемъ ходы, отыскиваемъ тѣ болѣе теплыя части муравейника, въ которыхъ муравьи держатъ свои вѣкны, мы добираемся до кладовыхъ, въ которыхъ муравьи хранятъ свои запасы. Муравейная куча получаетъ для ребенка смыслъ, а маленькій муравей является почетнымъ животнымъ съ общественными инстинктами и смысломъ, живущимъ стройно организованною жизнію. Конечно, вашъ сынъ никакъ не подозрѣвалъ, что въ муравьиной кучѣ онъ найдетъ такія диковинки. Мнѣ случилось разъ наблюдать муравейникъ съ однимъ десятилѣтнимъ мальчикомъ. До этихъ поръ ребенокъ не наблюдалъ муравьевъ; нашъ муравейникъ былъ садовый. Муравьи только закладывали муравейникъ и работали изъ песку. Въ разныхъ мѣстахъ были возведены уже неправильныя возвышенія—будущіе подвальные этажи и кладовыя. Мы разсмотрѣли

эти возвышенія въ луку и ребенокъ пришелъ въ восторгъ отъ красивой и правильной кладки песчинокъ. Каждый муравей былъ занятъ своимъ дѣломъ: одни строили, другіе удаляли изъ ходовъ постороннія тѣла. Во время разсматриванія ребенокъ сказалъ мнѣ съ сожалѣніемъ: „а я вчера раззорилъ все это!“ Потомъ, подумавъ немного, прибавилъ: „значить они живутъ обществомъ— вотъ какіе умные“. Когда же мы пришли домой, мальчикъ мнѣ сказалъ: „а вѣдь я глупѣе муравья!“ Я не спрашивалъ ребенка, какимъ умозаключеніемъ онъ пришелъ къ такому выводу.

Кромѣ животной и растительной жизни — деревня наиболѣе удобное мѣсто, чтобы познакомить ребенка съ жизнью земной коры. Вездѣ можно найти овраги, рѣки, ручьи, ключи. Если въ вашей мѣстности разрабатывается каменный уголь, то это еще лучше; но если разработки нѣтъ, не пренебрегайте оврагами, рѣками и ключами. Конечно, вы, можетъ быть, и не найдете ископаемыхъ и не покажете всей системы напластованія—ни эоцена, ни юры, ни вакки. Но это и неважно. За то вы найдете безъ сомнѣнія известковыя напластованія. Если же вы имѣете возможность показать ребенку наливчатыхъ, то владѣете превосходнѣйшимъ случаемъ познакомить ребенка съ однимъ изъ изумительнѣйшихъ явленій въ жизни земли и съ тою ролью, какую играетъ вода. Цѣлыя горы и пласты обширныхъ областей состоятъ преимущественно изъ остатковъ труповъ и скелетовъ микроскопическихъ животныхъ, билліоны которыхъ нужны, чтобы образовывать кубическій дюймъ какой-нибудь мѣловой породы. При благоприятныхъ условіяхъ животныя эти размножаются съ такой быстротой, что если-бъ имъ достало пищи, то, по словамъ Эренберга, потомство одного микроскопическаго животнаго могло-бы въ восемь дней наполнить пространство равное объѣму земнаго шара, а въ слѣдующій часъ—вдвое большее. И этотъ погребенный или живой міръ вездѣ— въ водѣ морей и во льду, въ болотахъ и на высочайшихъ горахъ, въ пыли воздуха и въ водѣ, которую мы пьемъ. Маменьки, одѣвающія своихъ дѣтей въ щегольскія платья, очень огорчаются, когда мальчикъ напихиваютъ полные карманы камней. Конечно, это бываетъ иногда убыточно. Но въ такомъ случаѣ ужъ лучше шейте дѣтямъ простое платье, а собирать камней не запрещайте: пусть собираютъ все и приучаются замѣчать, сравнивать и наблюдать; пусть научаются от-

личать песчаникъ отъ известняка, известнякъ отъ кварца, гранитъ отъ сіенита и гнейса. И тутъ прибѣгайте къ увеличительному стеклу, чтобы ребенокъ усвоивалъ различіе не поверхностно, не по одному цвѣту, а чтобы, напр., въ гранитѣ онъ ясно различалъ слюду, кварцъ, полевой шпатъ и замѣтилъ ихъ строеніе.

Учить ребенка геологіи конечно рано и я говорю не о ней. Заставлять ребенка недоумѣвать надъ пространствомъ и постигать безконечное — глупо, ибо ребенокъ не знаетъ еще, что значить верста. Ребенку нужно давать факты и именно тѣ, которые у него передъ глазами. Прохожу я на дняхъ мимо одной дачи, сидитъ молодой человекъ лѣтъ 20 и читаетъ дѣвочкѣ лѣтъ 7 какую-то книгу большую и толстую. Я слышу слова: „Поганель“, „Робертъ“. Значитъ, читаются „Дѣти капитана Гранта“. Неужели это лѣтнее занятіе? Молодой человекъ конечно изъ развивателей и думаетъ, что приноситъ дѣвочкѣ пользу, тогда-какъ онъ положительно ее портитъ. Вокругъ живалъ природа, нужно показать ее, а развиватель тащитъ дѣвочку за воображеніе на южный полюсъ. И съ этого-то ранняго возраста мы уже портимъ дѣтей! Ошибка развивателя въ томъ, что онъ не самъ опускается до ребенка, а ребенка хочетъ поднять до себя. вмѣсто того, чтобы показывать предметы, заставлятъ ребенка сравнивать и думать своимъ умомъ, развиватели приучаютъ его къ чужимъ словамъ и къ фразамъ. „Не говорите ребенку рѣчей, которыхъ онъ не можетъ понять; прочь описанія, прочь краснорѣчіе, прочь образы, прочь поэзію“, говоритъ Руссо. И кто не повторяетъ этой мысли? Всѣ противъ словъ, всѣ хотятъ фактовъ и дѣла; но только одинъ изъ тысячи понимаетъ, что онъ говоритъ, потому-что всѣ мы уже съ молодю испорчены книжками и раннимъ многоченіемъ. Въ большинствѣ случаевъ намъ только кажется, что мы понимаемъ, когда произносимъ извѣстныя слова и извѣстныя фразы, въ сущности-же мы ихъ повторяемъ на память, какъ попугай. Я знаю одного очень способнаго мальчика, къ сожалѣнію уже очень давно испорченнаго книжками. Это ребенокъ съ сильнымъ воображеніемъ, съ стремленіемъ къ образности. Читаетъ онъ, напр., „Дѣтей капитана Гранта: его поражаетъ фраза „Аэртонъ неподвижно стоялъ на скалѣ“; и онъ заучиваетъ эту фразу. Затѣмъ найдя въ какой-нибудь водомойнѣ выдающееся сухое мѣсто, онъ становится на него, вытягивается какъ статуя, склады-

ваетъ крестомъ руки и произноситъ торжественнымъ тономъ: „Аэртонъ неподвижно стоялъ на скалѣ“. Въ „Мамаевомъ побоищѣ“ (Петрушевскаго) его плѣнила фраза: „скоро показались татары, какъ туча двигались ихъ полки“. И онъ твердилъ эту фразу нѣсколько дней сряду. Во всемъ, что-бы онъ ни читалъ, онъ выщелъ непремѣнно какую-либо громкую фразу. Если не задержать эту привычку, изъ мальчика вырастетъ человѣкъ красивыхъ словъ, будетъ онъ говорить умно, складно, повидимому логично, но во всемъ, что онъ будетъ говорить, половина будетъ готовныя заученныя фразы. Красивыхъ болтуновъ развелось у насъ такъ много, что нужно противодѣйствовать всѣми силами этому несчастному направленію. А противодѣйствовать ему можно только однимъ — инымъ воспитаніемъ дѣтей, — воспитаніемъ ихъ на фактахъ, подалеже отъ книгъ. Книги, превышающія дѣтскія понятія, всегда пріучаютъ дѣтей къ готовымъ фразамъ, пріучаютъ ихъ еще и воспитатели и развиватели, желающіе говорить дѣтямъ умныя вещи. Умной вещи ребенокъ не пойметъ, а фразу заучить. Если вы хотите, чтобы вашъ ребенокъ былъ уменъ, прежде всего уберегите его отъ книгъ. Не учите его читать по крайней мѣрѣ до 8 лѣтъ, а пожалуй и того дольше. Руссо справедливо замѣчаетъ, что злоупотребленіе книгами убиваетъ науку и усиленное чтеніе образуетъ лишь самодовольныхъ невѣждъ. Когда дѣло касается наблюденій всякаго рода, нужно не читать, а видѣть. „И такъ предоставимъ довольствоваться книгами тѣмъ, которыхъ это удовлетворяетъ. Онѣ годны лишь на то, чтобы научить болтать, о томъ, чего не знаешь; онѣ годны лишь на то, чтобы образовывать пятнадцатилѣтнихъ Платоновъ, философствующихъ въ гостиныхъ“. Пусть вашъ ребенокъ живетъ безъ вычуръ на лонѣ природы, пріучается всматриваться и наблюдать, крѣпнетъ физически, привыкаетъ чувствовать природу.

Научить чувствовать природу весьма важно, но, уча ее чувствовать, пожалуйста не резонерствуйте. Не говорите ребенку: „посмотри, какъ величествененъ этотъ закатъ солнца“. Если ребенокъ не восхищается самъ, не говоритъ вамъ: „папа, какъ это хорошо“, вы никакъ не научите его восхищаться величіемъ природы, а заставите только заучивать фразы. Будетъ дѣйствительнѣе, если ребенокъ самъ увидитъ и восходъ и закатъ солнца, а это сдѣлать не трудно. У cadaго изъ насъ есть свои воспо-

миванія о какомъ-либо свѣтломъ днѣ или о поразившей насъ картинѣ природы. Отчего свѣтлое весеннее утро, въ какой-нибудь вологодской или архангельской трущобѣ, переноситъ васъ иногда лѣтъ за десять назадъ, совсѣмъ въ другую страну, въ другую природу, въ другой бытъ. И знаешь, что идешь по вологодской трущобѣ, но чувствуешь другое чувство—свободное, легкое, отрадное, молодое. Вотъ именно это-то чувство природы и нужно поселять въ дѣтяхъ. Ваше дѣло умѣть выбрать мѣсто и время, хорошій видъ, веселую прогулку. Хорошо устроить ночную поѣздку, такъ чтобы ребенокъ увидѣлъ восходъ солнца на дальнемъ горизонтѣ. Не бойтесь утомить ребенка. Какъ только начнетъ свѣтать, онъ и самъ не станетъ спать. Для ребенка тутъ все ново—и постепенное появленіе свѣта и яркое солнце и игра свѣта на зелени деревьевъ; а колокольчикъ звенитъ, ящичикъ ѣдетъ бойко и близко ужъ станція, а тамъ—чай, булки, ягоды съ молокомъ—ну какъ-же не весело! Восходъ и закатъ солнца важно видѣть еще и потому, чтобы дать ребенку урокъ космографіи. Въ какомъ-нибудь Петербургѣ такой урокъ невозможенъ; тамъ, я думаю, дѣти и не воображаютъ, что солнце восходитъ и заходитъ и узнаютъ объ этомъ только изъ книгъ. Я знаю одну подобную поѣздку, въ которую шестилѣтній мальчикъ отлично понималъ, что земля ходитъ вокругъ солнца, что она стоитъ не на подпоркахъ, а такая-же круглая какъ солнце, и также безъ подпорокъ, какъ оно; что земля вертится очень скоро, такъ скоро, такъ скоро, что пока мы произносимъ: „земля вертится вокругъ солнца“ она пробѣжала такое разстояніе, которое намъ на почтовыхъ не пробѣхать и въ два часа.

Научить чувствовать природу нужно, конечно, не для того, чтобы вспоминалось весело о ягодахъ съ молокомъ, а для того, чтобы испытанное чувство свѣжести и простора научило впоследствии лучше понимать весь вредъ тѣсноты. Запереть ребенка въ городъ, не показывая ему природы, значитъ совершать надъ нимъ не процессъ воспитанія, а процессъ нравственнаго калеченія. Не научившись чувствовать природы, никогда не поймешь жизни. Эскиросъ приводитъ слѣдующія слова Вашингтона Ирвинга. „Я могу, говорилъ онъ, приписать все, что есть лучшаго въ разнообразныхъ свойствахъ моей природы, дѣтской любви моей къ Гудзоновой рѣкѣ. Въ пылу моего молодого восторга, я придавалъ

ей нравственныя свойства, душу; я удивлялся ея смѣлому открытому прямому теченію. Поверхность Гудзона не походила на обманчивую и свѣтлую поверхность другихъ водъ, которыя скрываютъ коварныя отмели, безчувственныя скалы. Нѣтъ, это былъ прекрасный водяной путь, такъ-же глубокій, какъ и широкій и который вѣрно несъ суда, довѣряшіяся его волнамъ; я гордился этимъ величественнымъ спокойствіемъ, силой и прямой его теченія. „Я глубоко убѣжденъ, говоритъ дальше Эскиросъ, что впечатлѣнія мѣстности, среди которой растетъ ребенокъ, имѣютъ большее или меньшее вліяніе на складъ его ума и на его дальнѣйшее развитіе. То, что мы видѣли въ дѣтствѣ, растетъ съ нами и становится частью насъ самихъ. Виды и творенія природы, которые были спутниками нашего дѣтства, не могутъ не вліять на складъ нашего характера и на развитіе нашихъ понятій. Далекое не каждая мѣстность можетъ способствовать развитію здороваго духа. Рассказываютъ, что Мильтонъ, во время своего ученія въ кембриджскомъ университетѣ, горько жаловался, что окрестностямъ города не доставало плѣнительной тѣни роцъ, „которая привлекла-бы музъ“. Полтора вѣка послѣ Мильтона, Робертъ Галль, извѣстный англійскій писатель, приписалъ свой первый припадокъ сумашествія отсутствію живописныхъ холмовъ, покрытыхъ рощами, въ томъ-же уныломъ и плоскомъ графствѣ Кембриджшейрѣ. Положимъ, это поэты и писатели, которымъ нужна природа, какъ вдохновляющая сила; но мы знаемъ и обыкновенныхъ людей, которыхъ первыя впечатлѣнія природы научили понимать социальную тѣсноту такъ хорошо, какъ-бы ихъ никогда не научили понимать ее никакія книжки. Что не воспринято чувствами, то всегда сухое и мертвое слово, какъ-бы оно ни было красиво.

Мать Эмиля XIX вѣка пользуется какъ воспитательнымъ средствомъ волшебнымъ фонаремъ; она рассуждаетъ такъ: „Китайскій фонарь не виноватъ, если его до сихъ поръ употребляли только на то, чтобы показывать въ свѣтломъ кругѣ грубыя и каррикатурныя фигуры. Фонарь этотъ могъ-бы быть весьма полезенъ въ рукахъ лица, умѣвшаго припоровить его къ серьезнымъ цѣлямъ. Я думаю, что если-бы ученые удостоили дать нѣсколько совѣтовъ артистамъ въ выборѣ сюжетовъ и рисунковъ на стеклышкахъ, то тѣ и другіе оказали-бы дѣтству истинную услугу. Я слышала,

что въ нѣкоторыхъ школахъ въ Англіи уже обращались къ этому средству, чтобы дать молодымъ ученикамъ первоначальныя понятія объ астрономіи, географіи и исторіи“. Слѣдовательно, и сама мать Эмиля признаетъ, что ея мысль не новая. Дѣтъ 20 назадъ въ Германіи и въ Англіи волшебнымъ фонаремъ уже пользовались съ воспитательною цѣлію. Думаю, что и Петербургъ не забылъ еще представленій Роде. Но мать Эмиля хочетъ сдѣлать изъ волшебнаго фонаря средство домашняго воспитанія. Едва-ли это возможно такъ легко, особенно для насъ, русскихъ, и еще особенно для нашихъ провинціальныхъ маменекъ. Во-первыхъ, мать Эмиля совѣтуется съ англійскими геологами, а во-вторыхъ—рисуетъ сама. У насъ въ провинціи геологовъ нѣтъ, а чтобы рисовать на стеклахъ и особенно для волшебнаго фонаря нужно спеціально знать это дѣло. Рисовать на стеклѣ совсѣмъ не то, что рисовать на бумагѣ. Во-первыхъ, требуется необычайная точность микроскопическаго рисунка, потому что волшебный фонарь увеличиваетъ всякую ошибку, а во-вторыхъ обыкновенными водяными красками на стеклѣ рисовать нельзя. Поэтому проще всего купить фонарь со всѣми тѣми рисунками, о которыхъ говоритъ мать Эмиля. Но увы! — фонарь съ коллекціею стеколъ геологическаго или космографическаго содержанія стоитъ въ Петербургѣ не меньше 50 руб. Кромѣ того я полагаю, что мать Эмиля, несмотря на свое искусство въ рисованіи, все-таки была не въ состояніи сдѣлать тѣхъ механическихъ приспособленій, которыми показывается затмѣніе луны, движеніе планетъ и т. д. Слѣдовательно, волшебный фонарь является не больше какъ счастливою случайностію, доступной людямъ со средствами или же людямъ спеціально знакомымъ съ тѣми искусствами и приемами, безъ которыхъ нельзя приготовить стеколъ. Не отрицая образовательной пользы волшебнаго фонаря, мы думаемъ, что нашему русскому горю можно помочь нѣсколько иначе. Въ прошедшую зиму, напр., разъѣзжалъ по Россіи съ волшебнымъ фонаремъ какой-то нѣмецъ. Нѣмецъ показывалъ астрономическія картинны, объяснялъ движеніе планетъ, показывалъ путешествіе къ сѣверному полюсу Мекклинтона, виды живописныхъ мѣстностей и зданій, комическія сцены и т. д. Публика оставалась очень довольна и взрослые чуть-ли не больше дѣтей. У насъ теперь явилось немало людей вполне отдавшихъ дѣлу воспитанія и спеціальныхъ педаго-

говъ. Я предполагаю, что такой человекъ обзаводится хорошимъ волшебнымъ фонаремъ, богатой коллекціей рисунковъ по геологіи, космографіи, зоологіи, этнографіи, землевѣденію, конечно, въ совершенно полномъ и систематическомъ порядкѣ и затѣмъ развѣзываетъ по русскимъ уѣзднымъ и губерньскимъ городамъ и показываетъ картины, сопровождая ихъ толковыми объясненіями. Тотъ нѣмецъ, о которомъ я упоминалъ, для объясненій бралъ чтеца. Чтець стоялъ за полотномъ и зачастую случалось, что ошибившись въ номерѣ, читалъ не то. Напр., на полотнѣ являлись земля и луна, а онъ читаетъ о Марсѣ; часто ошибался, перевиралъ слова, читалъ канцелярскимъ пріемомъ, точно онъ свѣряетъ казенную бумагу и вообще напоминалъ чревоушателя. Изображенія на полотнѣ были превосходны, картины безукоризненны и вообще нѣмецъ владѣлъ механизмомъ въ совершенствѣ. Но по милости приказнаго, котораго онъ наваялъ читать, изображенія потеряли свое образовательное значеніе и приняли характеръ чисто-увеселительный. Нѣтъ, не такъ слѣдуетъ показывать китайскія тѣни! За это дѣло должны браться не фокусники, а педагоги. Пусть педагогъ располагаетъ свои картины въ строгомъ систематическомъ научномъ порядкѣ, отдѣльно по предметамъ; пусть онъ изъ этого показыванія сдѣлаетъ рядъ публичныхъ лекцій; пусть онъ стоитъ не за полотномъ, а впереди его и читаетъ свои лекціи толково, вразумительно и интересно, какъ профессоръ знающій свое дѣло. Послѣ перваго вечера или даже послѣ первой картины пусть онъ объяснитъ механизмъ фонаря, средства, употребляемыя для его освѣщенія, механизмъ непостижимыхъ для дѣтей перемѣнъ въ картинахъ, постепенность перехода ихъ изъ однихъ въ другіе, однимъ словомъ, пусть познакомитъ съ теоріей и практикой фонаря, такъ чтобы онъ представлялся не волшебной штукой, а очень простою вещью, результатомъ простыхъ и доступныхъ каждому знаній.

Но и въ такомъ видѣ мы посмотримъ на волшебный фонарь все-таки какъ на подспорье, какъ на комнатное средство. Пора фонаря наступаетъ тогда, когда ребенокъ получилъ уже предварительныя знанія и ознакомился достаточно съ природой его окружающей. Въ фонарѣ показывается уже не то, что можетъ ребенокъ видѣть и наблюдать непосредственно, а то, что далеко отъ него и ему недоступно, съ чѣмъ можно познакомиться или изъ путешествій или изъ книгъ. Конечно, фонарь лучше книгъ.

V.

Я знаю, что найдутся читательницы, которыя въ томъ, что я говорилъ въ предыдущей главѣ, усмотрятъ непреодолимья для себя воспитательныя трудности. Но это трудности воображаемыя, а не дѣйствительныя. Конечно, если читать ребенку систематически курсъ ботаники, энтомологіи, геологіи, минералогіи и физики, то это было-бы непреодолимой трудностію и не для однѣхъ маменькъ-институтокъ. Для ребенка такой курсъ вовсе и не требуется. Ребенокъ еще не въ состояніи объять однимъ взоромъ всей природы, онъ видитъ только то, что у него подъ ногами, ближайшее предпочитаетъ отдаленному и не всегда даже способенъ замѣчать факты и явленія, если его на нихъ не наводятъ. Поэтому главнѣйшая обязанность воспитателя наводить ребенка на наблюденія, приучить его видѣть и замѣчать и поселить въ немъ желаніе знать. А это сдѣлать вовсе не такъ трудно. Почему-бы маменькамъ не собирать съ дѣтьми цвѣтотъ, бабочекъ, букашекъ, жуковъ, червей? Почему-бы имъ не застѣсь увеличительнымъ стекломъ и не разсматривать съ дѣтьми всего того, что ни соберется. Предположите, что мы выбрали такое мѣсто, гдѣ крапива и дѣти обожглись. Прекрасно. Мы беремъ тотчасъ-же крапиву и желаемъ знать, отчего она жжется. Разсмотрѣвъ въ стекло стебли и листья, мы видимъ, что они покрыты волосками, между которыми расположены неправильно твердыя, короткія и острыя колючки. Если маменька въ состояніи объяснить, что жгучая боль происходитъ отъ заключающейся въ волоскахъ и колючкахъ муравьиной кислоты—хорошо, если-жъ маменька этого не знаетъ и если вопросъ дѣтей: отчего-же уколъ иголки не производитъ жгучей боли, ставить ее въ неисходное затрудненіе, пусть она и скажетъ прямо дѣтямъ, что не знаетъ. Или предъ нами едва возникающій муравейникъ. Почему-бы маменькѣ не усѣться съ своими дѣтьми вокругъ этого муравейника и не наблюдать вмѣстѣ съ дѣтьми за муравьями, а наблюдать такъ просто и легко. Вотъ одинъ муравей выползаетъ изъ входа и несетъ въ челюстяхъ что-то. Мы слѣдимъ за нимъ. Отойдя отъ муравейника, муравей выбрасываетъ ношу изъ челюстей и бѣжитъ назадъ къ входу. Мы приставляемъ стекло къ выброшенному пред-

мету и оказывается, что это шелуха, которая устранилась какъ предметъ посторонній, мѣшающій постройкѣ. Мы устанавливаемъ стекло надъ отверстіемъ хода и то, что казалось намъ простой дырочкой, представляется теперь изумительной постройкой. Прозрачныя песчинки кварцоваго песку блестятъ разнообразными цвѣтами, а ходы и своды точно волшебныя гроты, о которыхъ разсказывается въ сказкахъ. Если маменька разскажетъ при этомъ, какъ живутъ муравьи, какіе изъ нихъ работаютъ, какіе не работаютъ, какъ муравьи ведутъ свое хозяйство, какъ выводятъ дѣтей, то конечно, это будетъ еще полезнѣе простаго наблюденія того, что видитъ глазъ. Къ сожалѣнію, и такое простое дѣло кажется нашимъ русскимъ маменькамъ очень труднымъ и онѣ думаютъ, что свято исполняютъ свой долгъ, если ограничиваютъ свою дѣятельность однимъ надзоромъ и нравственнымъ воспитаніемъ, т. е. смотрятъ, чтобы дѣти не шалили, не дрались, не пачкались. Отвлекайте вниманіе дѣтей отъ грубыхъ игръ къ наблюденію—никакихъ дракъ не будетъ. Правда, многія матери говорятъ съ тоской—„какъ-же мнѣ учить и разсказывать, когда я сама ничего не знаю“. Вотъ противъ этого-то незнаія вамъ и предлагается средство. Вы думаете, что дѣлаете все, покупая дѣтямъ книжки съ картинками и читая имъ всякій вздоръ. Нѣтъ, читайте только сами, а дѣтямъ разсказывайте. Первоначальное воспитаніе должно быть исключительно устное и это—лѣтъ до 8.

Родители, сокрушающіеся, что они не могутъ нанять гувернаптокъ и считающіе себя на столько невѣждами, что даже не рѣшаются говорить съ дѣтьми о природѣ, ограничиваютъ, какъ я уже сказалъ, всѣ свои отношенія къ дѣтямъ родительскими нѣжностями, надзоромъ за благопристойностію и устройствомъ дѣтскихъ игръ. Говорятъ, что игра есть дѣло ребенка, что игры воспитываютъ дѣтей. Теоретически это вѣрно, но въ русской практикѣ это вовсе не такъ. Въ русской практикѣ игры въ большинствѣ случаевъ—порча, потому-что онѣ утратили свой первоначальный смыслъ и превратились въ простое шаловство. „Чтобы укрѣпить душу ребенка, нужно, говоритъ Монтань, слова котораго цитируетъ Руссо,—укрѣпить его мускулы. Приучая его къ труду, его приучаютъ къ боли; нужно приучить его къ трудности упражненій, чтобы облегчить ему чувствительность вывиха, колики и всѣхъ другихъ страданій. Мудрый Локкъ, добрый

Ролленъ, ученый Флери, педантъ де-Круза, столь отличающіеся другъ отъ друга во всемъ остальномъ, всѣ сходятся на томъ пунктѣ, что нужно много упражнять тѣло ребенка“. Но къ сожалѣнію, это разумное правило находилось и находится въ полнѣйшемъ пренебреженіи. Въмѣсто того, чтобы укрѣплять ребенка играми, сдѣлать его отважнымъ, смѣлымъ, ловкимъ, у насъ на-противъ играми воспитываютъ дѣтей въ слабодушіи и въ безцѣльномъ легкомысленномъ препровожденіи времени. „Чѣмъ меньше необыкновенныхъ вещей будетъ для человѣка въ жизни, тѣмъ суровѣе и неуязвимѣе сдѣлается его душа. Тѣло его будетъ броней, которая оградитъ отъ ударовъ, могущихъ больно поранить его. Приближеніе смерти, не будучи еще самою смертію, едва почувствуется имъ; онъ, такъ сказать, не будетъ умирать; онъ будетъ или живъ или мертвъ—ничего больше. Монтень могъ-бы сказать о такомъ человѣкѣ то, что онъ сказалъ объ одномъ мароккскомъ королѣ, что никто не захватилъ такъ много жизни у смерти. Постоянство и твердость, также какъ и другія добродѣтели, должны изучаться въ дѣтствѣ. Но дѣтей научаютъ имъ не тогда, когда знакомятъ съ ихъ именами, а когда заставляють испытывать ихъ, не называя ихъ“. Вотъ въ чемъ величайшій реализмъ практическаго воспитанія. Наши книжные изнѣженные дѣти знакомятся со всѣми доблестями человѣческими только на словахъ и, произнося названіе добродѣтелей, они не пріучаются чувствовать ни одной изъ нихъ. Всякій ребенокъ преувеличенно смотритъ на свои силы и считаетъ себя героемъ, потому-что живетъ воображеніемъ и не учится жить дѣломъ. Отъ этого они растутъ хвастунами и въ то-же время изнѣженными трусами. Хвастовство—обыкновенный недостатокъ дѣтей нашего воспитанія. На дняхъ я слышалъ хвастовство трехъ дѣтей, плѣннвшихся деревенскимъ быкомъ. За день передъ тѣмъ они слышали рассказъ объ испанскихъ бояхъ быковъ и каждый ребенокъ вообразилъ себя матадоромъ. Хвастунишки до того увлеклись воображеніемъ, что деревенскій быкъ казался имъ такъ-же ничтожнымъ, какъ мышь. Читайте нашимъ дѣтямъ о Муціѣ Сцеволѣ и каждый изъ нихъ въ восторгѣ и каждый считаетъ себя Муціемъ. И въ то-же время они режутъ, если имъ брызнетъ на руку капля кипятку! Вотъ въ какомъ смыслѣ игра должна имѣть воспитательное значеніе. Она должна пріучать ребенка къ трудности, къ

боли, къ ловкости, смѣлости и отвагѣ. Въ этомъ смыслѣ никакая гимнастика не въ состояніи замѣнить игрѣ. Посмотрите на народныя игры; развѣ это то, во что играютъ наши дѣти? Нѣтъ, это игры въ томъ первоначальномъ смыслѣ, которыми воспитывали нѣкогда спартанцевъ и римлянъ. Если-бы вмѣсто мужичицъ намъ были нужны барышни, — противъ игрѣ съ первоначальнымъ смысломъ слѣдовало-бы конечно возставать. Но нѣтъ, намъ и нынче также нужны люди сильные, ловкіе, терпѣливые, выносливые въ страданіяхъ, отважные и смѣлые, какіе были нужны и прежде. Деревенскій мальчикъ выносить затрещину непоморщившись, въ лаптѣ его пятаютъ таеъ, что мячикъ отскакиваетъ отъ него на пять сажень. Онъ можетъ спать одинаково хорошо на голой землѣ и на перинѣ, ѣсть черный хлѣбъ онъ не считаетъ несчастіемъ и не выдастъ своего товарища, какъ-бы вы его ни били.

Дѣтъ десять назадъ у насъ вошло въ моду преслѣдовать общественное кадетское воспитаніе. Я знаю, что въ немъ было много дурного, но и было въ немъ много хорошаго, чего теперь рѣшительно недостаетъ ни въ открытыхъ общественныхъ заведеніяхъ, ни въ домашнемъ воспитаніи. Теперь пошли какіе-то кисло-сладкіе дѣти, воспитываемые въ панталончикахъ и на сахарныхъ булочкахъ. Возставалъ противъ прежней грубости, кинулись въ противоположную крайность; возставая противъ закрытаго воспитанія, стали создавать индивидуалистовъ, слабыхъ изнѣженныхъ дѣтей, совершенно незнакомыхъ съ духомъ товарищества. Если вы не воспитываете своихъ дѣтей въ былыхъ лишенияхъ, создающихъ малокровіе, вы поступаете хорошо. Но если питая тѣло, вы не укрѣпляете и не развиваете его — вы поступаете худо. Отстранившись отъ общественнаго воспитанія и отъ того хорошаго, что оно въ себѣ заключаетъ, вы стали учить своихъ дѣтей гимнастикѣ и превратили ее въ лекціи и въ науку. Дѣтямъ же нужно, чтобы игра была дѣломъ, а во-вторыхъ ваша гимнастика слишкомъ односторонняя, потому-что готовитъ акробатовъ, а вовсе не мужественныхъ и отважныхъ людей. Что-же касается до теперешнихъ игръ нѣжныхъ и деликатныхъ, то онѣ заключаютъ въ себѣ всѣ тѣ недостатки, противъ которыхъ говорилъ еще Руссо. Изъ такихъ деликатныхъ игръ ни къ чему не ведущихъ, Руссо говорить, напримѣръ, противъ волана вотъ

что: „Вы предпочитаете волянь, потому-что онъ менѣе утомляетъ и совершенно безопасенъ. Вы не правы и по той и по другой причинѣ. Волянь—женская игра; но нѣтъ ни одной женщины, которая-бы не обратилась въ бѣгство при видѣ летящаго мяча; ихъ бѣлая кожа не можетъ подвергаться закручиванію отъ ушибовъ, и не ушибовъ ждутъ ихъ лица. Но мы, созданные для того, чтобы быть сильными, ужь не воображаемъ-ли, что сдѣлаемся сильными безъ труда? И на какую защиту мы будемъ способны, если никогда не будемъ подвергаться нападенію? Въ тѣ игры, гдѣ можно съ безопасностію быть неловкими—играють всегда вяло: падающій волянь никого не ушибетъ. Но ничто такъ не развиваетъ рукъ, какъ необходимость защищать голову; ничто такъ не изошряетъ глазъ, какъ необходимость защищать глаза. Бросаться съ одного конца залы на другой, расчитать скачокъ мячика, когда онъ еще въ воздухѣ, отбросить его сильною и мѣткою рукою—вотъ въ чемъ польза подобныхъ игръ для дѣтей... У дѣтей нѣтъ никакой ловкости въ рукахъ, потому-то и нужно, чтобы они ее приобрѣли. Человѣкъ, который такъ-же-бы мало упражнялся, какъ они, не имѣлъ-бы больше ихъ силы. Мы не можемъ знать, на что годны наши органы, не употребивъ ихъ въ дѣло. Только долгій опытъ научаетъ насъ извлекать пользу изъ самихъ себя и опытъ этотъ долженъ составлять настоящую науку, заняться которой никогда не рано“. Ребенку для упражненія его органовъ нѣтъ другого средства, какъ упражнять ихъ разнообразными играми. Въ этомъ смыслѣ такъ распространенная игра въ лошадки одна изъ глупыхъ игръ. Конечно, она упражняетъ нѣсколько ноги и приучаетъ бѣгать, но въ этой игрѣ недостаетъ во-первыхъ элемента соревнованія, а во-вторыхъ она приучаетъ дѣтей ломаться и гнуть тѣло. Въ деревняхъ въ лошадки играють только самыя маленькія дѣти, да дѣвочки-подростки; у насъ-же, напротивъ, въ лошадки играють даже двѣнадцати и четырнадцатилѣтніе дѣти. А почему? Только потому, что лошадки—игра довольно безопасная и деликатная и мненьки вполне покойны за своихъ дѣтей. Другая игра, въ обручъ—тоже изящная игра: въ ней не запачкаешься, не ризшибешься, но за то не приобрѣтешь ни ловкости, ни смѣлости, ни вѣрной руки, ни вѣрнаго глаза. Серсо—игра совсѣмъ женская, и даже не просто женская, а игра барышень и кавалеровъ. Игра эта такъ

размѣренна и порядочна, что дѣти въ ней положительно скучаютъ. Мячъ, — но теперь игры въ мячъ не существуетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ явились мягкіе мячи изъ вулканизированнаго каучука, игра эта потеряла весь свой прежній геройскій характеръ. Веревочка, — игры этой не видно, или-же она такая нѣжная игра, что для мальчика не представляетъ никакого интереса: въ кресты уже не скачутъ, сдваиванья, т. е. когда на два поворота веревки прыгаютъ одинъ разъ — нѣтъ, и вообще героическій элементъ отъ веревочки отлетѣлъ. Кошка и мышка, — но позвольте спросить, развитію какихъ органовъ способствуетъ эта игра? Не знаю, какъ въ Петербургѣ и на петербургскихъ дачахъ, но въ провинціи тоска и скука смотрѣтъ на дѣтей: они или сидятъ съ родителями, или гуляютъ съ ними степенно, какъ большіе, или бѣгаютъ, гоняся другъ за другомъ съ салонной благопристойностью. Десятилѣтній мальчикъ — теперь уже гимназистъ, онъ носитъ мундиръ и читаетъ чуть-ли не Цицерона, готовится въ адвокаты. Но десятилѣтній мужъ вовсе и не подозреваетъ, что Цицеронъ въ его лѣта еще не сочинялъ своихъ рѣчей, а укрѣплялъ свое тѣло играми, какъ пристойно молодому римлянину. Въ степенности провинціальныхъ дѣтей виною всего, конечно, чопорность родителей. Провинція и до сихъ поръ больна барскими привычками и помѣщичьимъ аристократизмомъ. Поэтому родители неохотно позволяютъ своимъ дѣтямъ играть съ другими дѣтьми, если неизвѣстенъ чинъ и социальное положеніе ихъ отца. И аристократизмъ песеть самъ въ себѣ наказаніе за предразсудокъ. Въ большинствѣ случаевъ дѣти играютъ въ одиночку, но развѣ игры въ одиночку имѣютъ смыслъ? Ребенокъ, играя одинъ, всегда скучаетъ: ему нужны товарищи, ему нужна игра бойкая; чѣмъ больше кутерьмы, тѣмъ веселѣе; чѣмъ больше ребенокъ преодолеваетъ опасностей и трудностей, тѣмъ онъ довольнѣе.

Со времени послѣдней реформы мы точно вколотили клинъ между своимъ прошлымъ и настоящимъ. Клинъ этотъ замѣтенъ и въ играхъ нашихъ дѣтей, потому-что въ дѣтскихъ играхъ всегда отражается жизнь взрослыхъ. Русское общество до реформъ, можетъ быть, менѣе было гражданскимъ, чѣмъ теперь; его общественные идеалы были, быть можетъ, ниже и ближе подходили къ идеаламъ древняго Рима, зато и игры были больше римскія, больше пригодныя для дѣтскаго возраста и для развитія физи-

ческихъ силъ. Теперь-же, превратившись въ цивилизованныхъ гражданъ, мы изъ шестилѣтнихъ мальчиковъ стали готовить будущихъ членовъ суда, солидныхъ, самоувѣренныхъ, преждевременно-зрѣлыхъ и затупленныхъ книжками. Сдѣлавшись сами очень умны, мы стали готовить умниковъ и изъ своихъ дѣтей, но зато у насъ нѣтъ дѣтей. Какъ умные люди, отрехшіеся отъ своихъ прошлыхъ заблужденій и дикой грубости, мы стали культивировать головной элементъ. Этотъ-же головной элементъ ввели мы и въ дѣтскія игры фребелевской системой. Фребелевская система въ своихъ основаніяхъ совершенно вѣрна. Исходя изъ Песталоцци, Фребель начинаетъ воспитаніе ребенка играми съ колбѣли. Его воспитаніе расположено въ систематическомъ порядкѣ и заключается въ стройномъ развитіи всѣхъ врожденныхъ силъ человѣка. Это возбужденіе впечатлѣній онъ производитъ постепенно, такъ, чтобы не подавлять насильственно природы ребенка, а напротивъ развивать дитя иснодволь, соотвѣтственно его личнымъ свойствамъ. Такъ-какъ личность ребенка можетъ знать лучше всего сама мать, то она и должна быть его воспитательницей. Игры и игрушки являются при этомъ не больше, какъ средствомъ для опредѣленія личныхъ свойствъ ребенка, его наклонностей и способностей. Въ этомъ-то и заключается ихъ воспитательное значеніе. Но какъ изъ ребенка долженъ быть воспитанъ человѣкъ, т. е. существо общественное и разумное, слѣдовательно и игры должны являться не случайностью, а стройнымъ, систематическимъ цѣлымъ. Воспитаніе играми должно имѣть чисто наглядный характеръ. Ребенокъ воспитывается на природѣ и чтобы возбуждать его внимательность, его приучаютъ копать землю, рыть гряды, сажать цвѣты, растенія, овощи. Возбуждая постепенно способности ребенка, мы пробуждаемъ въ немъ и большую дѣятельность. Эта расширяющаяся дѣятельность должна быть удовлетворена нагляднымъ знакомствомъ съ послѣдующими предметами и постепеннымъ переходомъ чрезъ рисованіе, письмо, чтеніе и поэзію родного языка къ научному образованію. Многие-ли, однако, изъ нашихъ родителей въ состояніи понять Фребеля такимъ образомъ и понимаютъ его систему такъ, какъ понималъ ее онъ самъ? У насъ извѣстны больше фребелевскія игрушки, чѣмъ фребелевская система. Изъ чистаго подражанія, какъ-бы отвѣчая запросу моды, мы выписываемъ изъ Москвы дорогія фребелевскія

игрушки и самодовольно хвастаемся ими передъ своими знакомыми, которые ихъ купить не могутъ. Это не система, а злоупотребленіе. Возьмемъ хотя *стереометрію*. Игрушка эта стоитъ 2 р. 50 к., что очень дорого; ее покупаютъ и даютъ ребенку пяти лѣтъ, точно онъ понимаетъ, какое умственное сокровище ему ввѣряется! Ребенокъ немедленно распоряжается стереометріей по своему, вовсе не подозрѣвая, что это не простые кусочки дерева, а *тѣла*. Послѣ стереометріи даютъ ребенку *пробки*, и послѣ пробокъ составляютъ съ нимъ *цвѣтныя фигуры*. Развѣ есть въ этомъ хоть какой-нибудь смыслъ и развѣ такая чепуха — система Фребеля? Я попросилъ-бы провинціальныхъ маманекъ объяснить мнѣ, чего думаютъ достигнуть онѣ своими случайными урывчатыми покупками дорогихъ фребелевскихъ игрушекъ, или — чѣмъ-бы дитя ни тѣшилось, лишь-бы не плакало? И выходитъ, что, отставъ отъ стараго, мы не пристали къ новому, переставъ воспитывать спартанцевъ, мы не научились воспитывать европейцевъ. Я думаю, русскимъ дѣтямъ никогда не жило такъ скучно, какъ нынче.

Но если-бы фребелевская система прилагалась и правильно, не слѣдуетъ пренебрегать тѣми играми, которыя развиваютъ смѣлость, ловкость, вѣрность руки, глазомѣръ, самообладаніе; не слѣдуетъ пренебрегать этими играми потому, что въ нихъ есть *жизнейскій* смыслъ, потому, что онѣ учатъ практичности и находчивости, приучаютъ тѣло ко всякимъ движеніямъ. По фребелевой методѣ вы не научите ребенка смѣло идти по краю обрыва или перейти по жерди черезъ глубокой ручей, или перескочить черезъ широкую канаву. Кстати расскажу такой случай. Идутъ два мастеровыхъ — одинъ помоложе, другой постарше. Мастеровой постарше пьянъ и едва идетъ: голова качается изъ стороны въ сторону, ноги путаются. Впереди мельничная плотина, еще не совсемъ готовая, и для перехода положены сходни. „Смотри, вѣдь онъ пьянъ, чтобы не упалъ“, говорятъ трезвому. — „А можетъ и перейдетъ“, отвѣчаетъ онъ. И дѣйствительно, когда пьяный вступилъ на доску и увидѣлъ подъ ногами чуть не пропасть, онъ подобрался, пересталъ шататься и прошелъ такъ-же твердо и увѣренно, какъ и его трезвый товарищъ. Для такой штуки нужна большая привычка управлять своимъ тѣломъ. По той-же доскѣ не отваживаются проходить цивилизованные граж-

дане, живущіе на дачахъ близъ мельницы, и не позволяютъ ходить никому изъ своихъ дѣтей. И маменьки правы, потому-что онѣ не приучили своихъ дѣтей ни къ ловкости, ни къ смѣлости.

Только еще въ деревнѣ сохранились тѣ русскія народныя игры, въ которыя нѣкогда играли въ нашихъ закрытыхъ заведеніяхъ, и которыя теперь, къ сожалѣнію, вытѣснены изъ городовъ. Я напомню читателю объ этихъ играхъ, если онѣ въ нихъ игралъ въ молодости; если-же онѣ не игралъ, то пусть подберетъ компанію своимъ дѣтямъ изъ мальчиковъ и убѣдится, что игры эти дѣйствительно превосходное воспитательное средство для развитія физическихъ силъ ребенка. Играя въ деревенскія игры, ваши дѣти будутъ неизмѣримо счастливѣе, чѣмъ играя въ благовоспитанныя лошадки, кошку и мышку, и вы черезъ три мѣсяца не узнаете своихъ дѣтей — такъ они разовьются и такими они станутъ молодцами. Не забудьте, что учить гимнастикѣ шести—осьми-лѣтняго мальчика рано, а играть въ ярку, въ лапту, въ шляки онѣ можетъ. Всѣ народныя игры основаны на ловкости, смѣлости, силѣ и самообладаніи; другой неизбѣжный элементъ ихъ — наказаніе за неловкость.

Бабки—очень хорошая игра, приучающая согласовать движенія руки съ угломъ зрѣнія. Есть нѣсколько способовъ игры въ бабки (мѣстами эту игру зовутъ шляки, козны). Напр., при игрѣ въ конъ бабки ставятся въ гнѣзды вдоль и попарно, потомъ съ извѣстнаго мѣста, отступя нѣсколько, бьютъ поставленныя на конъ бабки и сбившій беретъ сбитыя имъ козны. Въ какомъ порядкѣ бить и какой рукою опредѣляется тѣмъ, на которую сторону передъ игрою упадутъ брошенныя бабки. Если бабка упадетъ правой стороною, это называется плочка, и у кого плочка, тотъ бьетъ раньше другихъ; если бабка упадетъ къ верху спинкой,—это жохъ; жохи бьютъ послѣ плочокъ. Ничка или противоположная сторона жоха должна бить лѣвой рукою; тѣ-же кто не доброситъ своей бабки до кона, играютъ слѣпышами, т. е. зажуривъ глаза.

Въ игрѣ въ мячъ то-же начало. Но въ этой игрѣ кромѣ рукъ упражняются еще и ноги и приобрѣтается смѣлость и ловкость. Мячъ, можетъ быть, одна изъ лучшихъ игръ. Сначала ребенокъ бѣжитъ въ паническомъ страхѣ, боясь, чтобы его не запятнали; онѣ не наблюдаетъ за своимъ противникомъ, не умѣетъ слѣдить

за его движеніями, не умѣть увернуться отъ удара, подскочить или прилечь во время и вообще обмануть своего противника. Но стыдъ быть запятаннымъ, общія насмѣшки надъ неуклюжестью и надъ ловко полученнымъ ударомъ, а иногда и боль, заставляютъ ребенка понять наконецъ, въ чемъ сущность дѣла и усвоить необходимыя тѣлодвиженія. Игра въ мячъ бываетъ разныхъ сортовъ, напр., въ лапту играющіе дѣлятся на двѣ партіи; роль одной партіи пассивная или подчиненная, другой—активная или торжествующая. Партія болѣе ловкая болѣе и первенствуетъ. Игроки размѣщаются по партіямъ не по предварительному уговору, а жребіемъ. Болѣе сильные и проворные игроки, въ числѣ двухъ, управляющіе ходомъ игры выбираются въ представители той и другой партіи. Такіе игроки зовутся матками. Къ маткѣ подходятъ попарно играющіе, назвавшись предварительно какимъ-нибудь названіемъ, напр., подходятъ двое и спрашиваютъ: „дуба или липы“? Матка говоритъ „дуба“ и „липа“ отходитъ къ другой маткѣ. Когда образовались партіи, рѣшаютъ, которой партіи играть. Вопросъ рѣшается такъ: приставляется лапта къ пальцамъ ноги и отталкивается; также кидаетъ лапту и другая матка и у которой лапта улетитъ дальше, та партія играетъ прежде. Я не стану вдаваться въ подробности этой игры, но скажу, что все въ ней рѣшается ловкостью и силой. Чтобы попасть палкой по мячику, который поддають и чтобы сдѣлать такой ударъ, который-бы далъ партіи возможность сбѣгать назадъ и впередъ и воротиться на сало, нужно имѣть и силу, и большую ловкость. Чтобы дать хорошую *свѣчку*, иногда такую, что мячъ совершенно исчезаетъ изъ виду, требуется еще большій навыкъ. А поймать свѣчку, приучиться ловить ее съ оттяжкой, чтобы ослабить силу падающаго мяча! Но больше всего ловкости требуется при пятнаніи и въ умѣньи ускользнуть или увернуться. Есть смѣльчаки, которые даже и при неудачномъ ударѣ лаптой сбѣгутъ съ сала, рассчитывая на свою ловкость. Ни въ одной игрѣ не развивается такъ ловкость и самообладаніе, какъ въ лаптѣ, и почему эта игра вышла изъ употребленія, понять рѣшительно нельзя, если причины этого не заключаются въ недостаткѣ мѣста. Дѣйствительно экстернамъ, приходящимъ на лекціи, и послѣ уроковъ торопящимся домой, играть въ лапту не приходится. Но оттого-то и нужно стараться, чтобы въ эту игр

играли дѣти еще до гимназіи и до гимназіи пріобрѣли-бы ту ловкость и смѣлость, какую имъ въ гимназіи пріобрѣсти уже не удастся. Въ прежнихъ закрытыхъ заведеніяхъ и особенно въ кадетскихъ корпусахъ, играли въ лапту всѣ—отъ десятилѣтнихъ мальчиковъ до двадцатилѣтнихъ. Иногда играло въ лапту чловѣкъ до ста и вмѣстѣ съ воспитанниками ихъ гувернеры. Послѣ четырехъ-часового сидѣнья въ классахъ это была превосходнѣйшая рекреация, лучше которой нельзя ничего и придумать. Ну а чѣмъ расправляютъ свои члены нынѣшніе экстерны, возвратившись домой и сидя въ четырехъ стѣнахъ своей квартиры?

При игрѣ въ ярки копаютъ по прямой линіи недалеко одна отъ другой столько ямокъ, сколько играющихъ. Кому принадлежатъ крайнія ямки, тѣ катаютъ вдоль ярокъ мячъ и въ чьей яркѣ или лункѣ остается мячикъ, тотъ пятнаетъ разбѣгающихся игроковъ; если пятнающій не попадетъ ни въ кого, то въ его ярку кладутъ камушекъ, а если попадетъ, то камушекъ кладется въ ярку запятнаннаго. У кого накопится пять или десять камушковъ—смотря по уговору—того наказываютъ. Наказываемый садится на мячъ и ему ерошатъ волосы съ извѣстнымъ приговоромъ. Послѣ этого всѣ разбѣгаются въ разныя стороны, а наказываемый долженъ вскочить, схватить мячикъ и запятнать кого-нибудь. Ярку наказываютъ и другимъ образомъ:—ставятъ его лицомъ къ стѣнѣ, подкладываютъ подъ ногу мячикъ и онъ долженъ оттолкнуть мячикъ ногой назадъ. Гдѣ мячикъ остановится, съ того мѣста пятнаютъ. Промахнувшійся становится на мѣсто ярки и служитъ мишенью для новаго пятнанія.

При игрѣ въ кругъ играющіе становятся большимъ кругомъ и выдаютъ другъ другу мячъ. Непоймавшій уходитъ въ середину круга; перекидываніе мяча продолжается, и всякій кто поймаетъ мячъ, можетъ его пятнать.

При игрѣ въ чухки ставятся деревянные цилиндры, вышпленные изъ жердей и ихъ выбиваютъ изъ черты палками. Играютъ обыкновенно въ двѣ партіи. Если одна партія обыграла другую, т. е. выбила всѣ чухки, это называется сдѣлать *пэду*. Проигравшіе собираютъ разбросанныя чухки и ставятъ ихъ на мѣсто и игра продолжается. Когда одна партія выиграла три игры или три ѣвды, выигравшіе садятся на спины проигравшихъ и тѣ

должны провезти отъ одного города до другого. Чехарда читателю конечно извѣстна. Противъ нея, а также противъ обычая возить побѣдителя въ чупкахъ дѣлаются возраженія. Въ такомъ случаѣ я напомню читателю о глупѣйшей игрѣ, явившейся нынче въ петербургскихъ пансіонахъ. Игра эта называется *слонъ*. Становятся положимъ четыре взрослыхъ ученика одинъ за другимъ и каждый, сзади стоящій, кладетъ руки на плечи впереди стоящаго. На протянутыя руки садятся въ видѣ второго этажа три нѣсколько меньшихъ мальчика и точно также владутъ руки на плечи другъ друга. На второй этажъ садятся два мальчика, изображающіе третій этажъ и на нихъ одинъ. Такимъ образомъ образуется четырех-этажная башня, въ которой ужь и не разберешь, кому хуже—самому верхнему или самымъ нижнимъ. Если игра въ чехарду считается неудобной потому, что мальчику приходится иногда выносить на своей спинѣ 4 пуда, то слонъ неизмѣримо неудобнѣе, ибо четыре пуда приходится держать на однихъ рукахъ, да и не четыре пуда, а много больше. Этого неудобства чехарда не имѣетъ. Кто игралъ въ чехарду, тѣ знаютъ, что вся тяжесть прыгающихъ ложится не на спину, а на лопатки, что сколько-бы играющихъ ни принимало участіе—тяжесть ихъ не составляетъ вопроса и опасность игры заключается въ томъ, чтобы прыгающій не ударилъ каблучкомъ въ голову. Выводъ изъ сравненія тотъ, что забракованная чехарда, сущность которой въ томъ, что приучаетъ къ высокому прыганью, гораздо умнѣе моднаго „слона“, ровно ни къ чему неприучающаго и только лишь растягивающаго ручныя связки.

Разберите народныя игры и вы увидите, что каждая изъ нихъ имѣетъ свою спеціальную воспитательную особенность: одна игра учитъ прыгать, другая бѣгать, третья приучаетъ къ смѣлости и къ хладнокровію, четвертая къ проворству, пятая къ самохраненію и находчивости, шестая упражняетъ руки и т. д.

Чтобы деревня принесла всю ожидаемую отъ нея пользу, нужны два условія:—умѣть расположить занятія и самимъ большимъ, т. е. родителямъ принимать во всемъ непремѣнное участіе. Утро удобнѣе всего посвящать плаванію, экскурсіямъ въ полѣ и въ лѣсу и наблюденіямъ. Это будутъ часы уроковъ, но не тѣхъ скучныхъ и монотонныхъ книжныхъ уроковъ, которые наводятъ свотворную тоску на дѣтей, а уроковъ живыхъ, приучающихъ

ребенка читать книгу природы непосредственно. Послѣ обѣда — игры. Но ни утромъ, ни послѣ обѣда не оставляйте дѣтей однихъ и это вотъ почему. Дѣти, при всей своей кажущейся остротѣ и находчивости, вовсе не такъ изобрѣтательны, какъ кажется. Предоставленные себѣ, особенно въ сообществѣ съ деревенскими мальчиками, они легко отдаются своимъ дурнымъ инстинктамъ и даютъ поводъ къ такимъ столкновеніямъ, которыя не должны быть допускаемы. Въ присутствіи большихъ игры идутъ стройнѣе, не переходятъ въ бессмысленную кутерьму, въ запальчивые споры о мелочахъ и всѣ недоразумѣнія рѣшаются гораздо скорѣе и спокойнѣе; дѣти лучше владѣютъ собою и приучаются къ сдержанности и уступчивости. Наконецъ, дѣти въ присутствіи большихъ играютъ охотнѣе.

VI.

Неясность понятій современнаго русскаго общества наблюдается удобнѣе всего на воспитаніи дѣтей. Новое время началось съ отрицанія всего стараго. Было рѣшено, что все старое никуда не годится и только то хорошо и безошибочно, что диаметрально ему противоположно. Крѣпостное право есть рабство — и вотъ мы явились проповѣдниками свободы. Грубость и сѣченіе признаки варварства — и вотъ мы захотѣли быть гуманными. Авторитетъ подавляетъ мысль и развитіе — и вотъ мы отвернулись отъ авторитета. Отсутствие руководящаго социальнаго принципа заставляетъ насъ играть въ жмурки — и вотъ мы провозгласили утилитаризмъ. Все это очень хорошо, но все это къ сожалѣнію не больше какъ слова. Мы провозгласили право лица и непонятый утилитаризмъ привелъ насъ къ самому узкому и черствому индивидуализму. Недовольные своимъ воспитаніемъ и всѣмъ своимъ прошлымъ, мы захотѣли вести своихъ дѣтей новой свѣтлой дорогой и приложили къ ихъ воспитанію свои смутныя непереваренные понятія. Многимъ показалось, что это значитъ воспитывать дѣтей по американски. Русскіе американцы забыли только одно, что настоящихъ американцевъ воспитываетъ и выдѣлываетъ иная общественная жизнь и иныя учрежденія. Свобода — великое дѣло, а самодѣтельность — основной принципъ реальнаго воспи-

танія. Но если то, что мы стали понимать подъ свободой и самодѣятельностію, должно создавать черствыхъ самодуровъ и холодныхъ, резонерствующихъ эгоистовъ, — лучше отказаться отъ такой свободы. Намъ показалось, что прежде воспитывались только наковальни, и вотъ мы стали воспитывать молотковъ.

Ошибка шла и со стороны матерей, и со стороны отцовъ; кто больше ошибался и вредилъ, сказать трудно. Новыя матери прониклись сознаниемъ своихъ священныхъ обязанностей и захотѣли быть воспитательницами. Онѣ слышали, что у великихъ людей первыми ихъ воспитателями были матери и каждая русская мать вообразила, что ея сынъ—будущій великій человекъ. Я нисколько не отрицаю великаго значенія матери въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія, но думаю, что Вашингтонъ, Гете, Наполеонъ I-й выросли-бы гениальными людьми и совсѣмъ безъ матерей. Вліаніе матерей отражается скорѣе на людяхъ посредственныхъ, изъ которыхъ легче выходятъ дурные или хорошіе люди, чѣмъ на дѣтяхъ исключительной способности и исключительной силы. Сила всегда проложитъ себѣ дорогу и дастъ себя чувствовать. Возьмите Ломоносова, возьмите міровыхъ гениевъ среднихъ вѣковъ—Галилея, Гусса, Джіордано Бруно, Мюнцера, Ньютона. Тогда даже и не существовало понятія о гуманномъ воспитаніи, не явились еще ни Руссо, ни Песталоцци, ни Фребель; воспитаніе было скорѣе порчею, чѣмъ развитіемъ; матери не сознавали своихъ священныхъ обязанностей—и все-таки гениальныхъ людей являлось больше, чѣмъ нынче. Матери, воображающія себя воспитательницами будущихъ гениевъ, больше портятъ своихъ дѣтей, чѣмъ ихъ воспитываютъ. Чадолубіе — вещь превосходная, гуманность еще лучше. Но если чадолубіе переходитъ въ обезьянью любовь, а гуманность въ баловство, то въ результатѣ вмѣсто гениальныхъ людей получаютъ дрянные и самолюбивые эгоисты.

Послѣ того, что уже писалось по этому предмету, я думаю не зачѣмъ доказывать, что главная хранительница тридиціи и семейнаго особнячества есть женщина. Женщина неразвита общественно отдается всѣми силами своихъ чувствъ семьѣ и если она еще не совсѣмъ счастлива въ бракѣ, уходитъ вся въ любовь къ дѣтямъ. Это значитъ, надѣтъ на себя очки своекорыстія и черезъ нихъ смотрѣтъ на міръ божій и на людей. Такая мать на все смотритъ черезъ головы своихъ дѣтей и цѣнитъ все

по отношенію къ дѣтямъ. Вы можете быть человѣкомъ превосходныхъ принциповъ, твердымъ, честнымъ, благороднымъ. Но если чадолюбивая мать не видитъ въ васъ ласки къ ея дѣтямъ, она предпочтетъ вамъ внимательнаго плута. Она цѣнитъ всѣхъ людей по отношенію ихъ къ ея дѣтямъ. Та прислуга хороша, которая любитъ ея ребенка и которая видитъ въ немъ лишь достоинства. Но горе горничной, нянѣ или кухаркѣ, если онѣ въ будущемъ генія находятъ недостатки, а тѣмъ болѣе противъ нихъ протестуютъ!

Дѣти, какъ ни глупы, но они отлично понимаютъ свои выгоды и скоро приучаются опредѣлять свои отношенія къ окружающимъ; они скоро понимаютъ, что окружающіе—ихъ оружіе, пользоваться которымъ въ ихъ власти. „Не нужно долгаго опыта, чтобы почувствовать, какъ пріятно дѣйствовать чужими руками и пошевеливъ языкомъ, приводить въ движеніе всю вселенную“, говоритъ Руссо. Ребенокъ, окруженный внимательностію, скоро привыкаетъ къ требовательности; онъ хочетъ, чтобы его выслушивали, предупреждали его желанія, — чѣмъ уже почувствовалъ свою власть, когда еще у него нѣтъ никакой силы.

Какъ только человѣкъ приучился къ тому, чтобы повиновались мановенію его глазъ и рукъ — это человѣкъ несвободный. Онъ зависитъ отъ другихъ; у него явились желанія раньше, чѣмъ онъ имъ въ состояніи удовлетворять. А имѣя возможность заставить за себя работать другихъ и дѣлая другихъ орудіемъ своихъ желаній, ребенокъ растетъ уже въ ложныхъ потребностяхъ и утрачиваетъ свое мѣсто въ природѣ. „Разумный человѣкъ умѣетъ оставаться на своемъ мѣстѣ“, говоритъ Руссо, но ребенокъ, незнающій своего мѣста, не можетъ на немъ удержаться. Онъ находитъ тысячу лазеекъ, чтобы выдти изъ него. Руководитель ребенка долженъ удерживать его на мѣстѣ, а это не легкое дѣло. Ребенокъ не долженъ быть ни животнымъ, ни человѣкомъ, — онъ долженъ быть ребенкомъ; нужно, чтобы онъ чувствовалъ свою слабость, а не страдалъ отъ нея; нужно, чтобы онъ находился въ зависимости, а не въ повиновеніи; нужно, чтобы онъ просилъ, а не приказывалъ. Онъ подчиняется другимъ только вслѣдствіе своихъ нуждъ, и потому, что взрослые лучше его видятъ, что для него полезно, что лучше можетъ обезпечить его или повредить ему. Но никто, даже и самъ отецъ, не имѣетъ права при-

казывать ребенку того, что ему ни на что не нужно. Пока предразсудки и человеческія учрежденія не измѣнили еще нашихъ природныхъ стремленій, счастье дѣтей, также какъ и взрослыхъ, заключается въ пользованіи свободою. Но у первыхъ свобода эта ограничивается ихъ слабостію. Даже въ естественномъ состояніи дѣти пользуются свободою неполною, на подобіе той, какою пользуется человѣкъ въ гражданскомъ быту. Каждый изъ насъ, не будучи въ состояніи обойтись безъ другихъ, становится слабымъ и несчастнымъ. Мы созданы, чтобы быть взрослыми, законы и общества снова превращаютъ насъ въ дѣтей. Богачи, это — дѣти, которые, видя, какъ спѣшать помочь ихъ слабости, тщеславятся этимъ и гордятся попеченіями, которыхъ-бы имъ не оказывали, если-бы они были взрослыми людьми“. Такимъ образомъ, ребенка съ самаго начала ставятъ въ зависимость, но не въ зависимость отъ внѣшнихъ вліяній, не только не мѣшающую свободѣ, а напротивъ, создающую ее, а въ деморализирующую зависимость отъ людей. Если человѣкъ зависитъ отъ предметовъ, у которыхъ нѣтъ ни ушей, ни рукъ, онъ остается господиномъ самого себя и направляетъ свои силы на борьбу съ этими предметами — только потому человѣкъ и царь природы. Если окружающая природа сильнѣе человѣка, это его не раздражаетъ и не унижаетъ. Мнѣ мѣшаетъ гора, но я не могу ни сдвинуть ее съ мѣста, ни проковырять насквозь; я только понимаю, что мои силы слабѣе силъ природы. Но если я ставлю себя въ зависимость отъ силъ людей, если я хочу пользоваться людьми, какъ своими орудіями, я расту эксплуататоромъ, я завишу не отъ себя, а отъ другихъ, и я раздражаюсь на этихъ другихъ, когда они не хотятъ быть моими орудіями.

Вкусивъ власти, ребенокъ хочетъ повелѣвать; онъ уже понялъ, что есть люди повинующіеся; тогда гуманная маменька начинаетъ учить ребенка вѣжливому обращенію съ людьми ему подчиненными. Но къ чему ведетъ, что вашъ сынъ не иначе говоритъ горничной или кухаркѣ, какъ „пожалуйста“, если это „пожалуйста“ больше ничего какъ мягкая форма грубаго чувства? Конечно, прежняя прислуга, воспитанная въ крѣпостномъ правѣ, много помогала воспитанію маленькихъ деспотовъ. Но нужно думать, что этотъ сортъ унижающей прислуги скоро исчезнетъ и во второмъ поколѣніи его уже не будетъ. Съ этой точки зрѣнія

можно оправдывать нѣсколько матерей, отыскивающихъ такую прислугу, на какую дѣти не жалуются. Такъ-какъ у дѣтей голова относительно больше чѣмъ у взрослыхъ, органы чувствъ и нервная система воспримчивѣе, то они гораздо легче раздражаются. Поэтому все то, что сердитъ и раздражаетъ дѣтей, должно быть тщательно удаляемо; въ няни нужно брать женщинъ спокойныхъ, хорошаго, вроткаго характера, чтобы дѣтей ничто не поддразнивало и не злило. Но поставить въ замѣнъ раздражающей прислуги, прислугу унижающуюся и рабски покорную, значить не воспитывать ребенка, а развращать его.

Излишняя заботливость о здоровьѣ идетъ рядомъ съ слѣпымъ чадолюбиемъ. Желая охранить отъ опасностей здоровье ребенка, создаютъ извѣженныхъ людей. Боясь малокровія, приучаютъ къ обжорству, къ чувству насыщенія. Всѣ эти односторонности являются въ чадолюбивыхъ маменькахъ отъ отрывочнаго чтенія и отъ поверхностныхъ безсвязныхъ знаній. Совершенно справедливо, что малокровіе ведетъ къ многимъ печальнымъ послѣдствіямъ, къ разнымъ опаснымъ болѣзнямъ, создаетъ хилые, преждевременно умирающіе организмы. Но малокровіе не нынѣшняя болѣзнь—ее только нынче замѣтили. Желая предупредить малокровіе, чадолюбивая мать поощряетъ ребенка къ неумѣренной ѣдѣ, заставляетъ его ѣсть какъ можно больше говядины и какъ можно меньше хлѣба и ребенокъ приучается къ скверной привычкѣ ощущенія сытости. Этими чадолюбивымъ матерямъ я напомню слѣдующія слова Вирхова: „чувство голода происходитъ весьма разнообразно; не всегда оно бываетъ однимъ лишь выраженіемъ инстинктивныхъ потребностей въ пищу: оно довольно часто происходитъ отъ привычки набивать желудокъ, отъ чувства *относительной пустоты* въ немъ... Нѣчто подобное обыкновенію дикихъ народовъ замѣчается и у нашихъ работниковъ, которые предпочтительно питаются чернымъ хлѣбомъ и другими объемистыми яствами, затѣмъ начинается та пищеварительная и испражнительная работа, которая нѣкоторыми же-физиологами—принимается за весьма существенный мотивъ здоровья и которая однакожь есть ничто иное какъ *дурная привычка*“. Эта привычка имѣетъ вліяніе и на умственное развитіе ребенка. Вотъ примѣръ. Я знаю одну компанію, которая каждый день ходитъ купаться. Отправляется компанія въ восемь часовъ утра, приходитъ въ 9

и садится за кофе. Въ этой компаніи есть мальчикъ систематически приученный къ многоядѣнію. Однажды, по особому случаю, купающейся компаніи пришлось кончить свое дѣло въ полчаса вмѣсто часа. На возвратномъ пути компанія встрѣчаетъ нѣсколько крестьянъ съ лѣстницами, веревками и съ какими-то странными снарядами. Оказывается, что крестьяне идутъ вынимать изъ бортеваго дерева дикій рой. Дѣти заинтересованы новой невиданной для нихъ штукой, общество останавливается, но не прошло и десяти минутъ, какъ мальчикъ, привыкшій къ многоядѣнію, почувствовалъ пустоту въ желудкѣ, онъ сказалъ, что очень голоденъ и пошелъ домой. А между тѣмъ этотъ мальчикъ вовсе не глупый, а способный и даровитый.

Баловство является очень часто отъ того, что матери и сами не знаютъ, что можно позволить и что слѣдуетъ запретить. Съ одной стороны жаль лишить ребенка той небольшой доли свободы, какой онъ пользуется, а съ другой боязно злоупотреблять своимъ родительскимъ правомъ и заставить ребенка почувствовать, что все зависитъ отъ каприза родителей. Родителямъ приходится колебаться между двумя крайностями—или создать робкаго, жалкаго, какъ-бы загнаннаго ребенка или воспитать высокоумнаго деспота, незнающаго ничего выше своего каприза и прихоти. Стѣсненный ребенокъ легко видитъ во-всемъ недоброжелательность, онъ начинаетъ бояться людей и растетъ преждевременнымъ мизантропомъ. Но и ребенокъ не знающій отказа вырастаетъ не лучшимъ. Избалованный исполненіемъ всѣхъ его желаній, онъ не переноситъ ни малѣйшаго отказа и если необходимость принуждаетъ повторять подобныя отказы, ребенокъ видитъ въ этомъ простое упрямое сопротивленіе, несправедливость и также ожесточается. Такимъ образомъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ мы будемъ вмѣсто добрыхъ растить дѣтей злыхъ. Злыми-же мы ихъ сдѣлали потому, что не приучили соразмѣрять свои желанія съ своими собственными силами, а напротивъ того приучили пользоваться чужими руками. Бесильные люди, привыкшіе къ угодливости, всегда будутъ недовольны; имъ всегда кажется, что для нихъ сдѣлано мало. Отъ этого въ большинствѣ случаевъ они злы, завистливы, раздражительны. Если хотите, чтобы вашъ ребенокъ былъ добръ, сдѣлайте его сильнымъ, сдѣлайте его господиномъ самого себя и приучите его къ страданіямъ, ибо въ умѣнны переносить ихъ —

начало нравственной силы и мужества. Когда ребенок упалъ, разбилъ себѣ носъ или обрѣзалъ себѣ палецъ—не пугайтесь, не суетитесь, не бѣгите къ нему съ пластырями и примочками. Ребенку конечно больно, но онъ больше страдаетъ отъ страха, который вы своею суетливостью только въ немъ усиливаете и укореждаете. Пусть потерпитъ, пусть учится безъ страха переносить боль, чтобы потомъ имѣть силу переносить страданія. Справедливо говорилъ Руссо: „Не вѣдно-ли вокругъ ребенка устраивать цѣлый арсеналъ разныхъ орудій съ цѣлью оградить его съ головы до ногъ отъ боли, такъ-что, сдѣлавшись взрослымъ и не имѣя ни мужества, ни опытности, онъ при первой царапинѣ считаетъ себя умирающимъ и падаетъ въ обморокъ при видѣ первой капли своей крови“.

Но если мы не мастера воспитывать своихъ дѣтей въ физической и нравственной силѣ, за то мы великіе мастера заставлять дѣтскій мозгъ работать преждевременно. Мы, реалисты, воображая, что даемъ дѣтямъ реальное воспитаніе, въ сущности уже шестилѣтнихъ дѣтей растимъ классиками. Что такое классицизмъ? Классицизмъ есть преждевременное головное развитіе, при которомъ ребенокъ заучиваетъ слова и понятія, не воспринимая ихъ смысломъ. Такое воспитаніе есть обыкновенная слабость родителей, желающихъ сдѣлать своихъ дѣтей гениями. Я припоминаю одного либеральнаго литератора, въ послѣдствіи однако вовсе неоказавшагося твердымъ въ либеральныхъ принципахъ, пятилѣтній сынъ котораго отпускалъ заученныя фразы о свободѣ, говорилъ, что онъ ненавидитъ деспотизмъ, рабство. Этотъ будущій Бругъ рѣшительно отвергалъ всякую власть и практическое примѣненіе либеральныхъ принциповъ началъ съ отрицанія власти своихъ родителей. Здѣсь порча въ томъ, что ребенку говорятъ о такихъ вещахъ, которыхъ онъ понять не въ состояніи. И десятилѣтній мальчикъ не скажетъ вамъ, что значить свобода, деспотизмъ, рабство. А между тѣмъ, заставляя заучивать ребенка то, чего онъ не понимаетъ, этимъ самымъ предполагаютъ въ немъ понятія выше действительныхъ, льстятъ его самолюбію и заставляютъ его сравнивать себя не съ самимъ собою, а съ другими. Въ глазахъ и одобряющихъ улыбкахъ своихъ родителей, ребенокъ постоянно чувствуетъ похвалу, читаетъ постоянно, что онъ умнѣе и лучше другихъ. Въ ребенкѣ зарождается само-

любіе со всѣми его дурными послѣдствіями. Примѣръ либеральнаго литератора не единственный примѣръ. Вы ихъ встрѣтите на каждомъ шагу, на каждомъ шагу вы натолкнетесь на дѣтей, заучившихъ слова и готовые фразы, смысла которыхъ они не понимаютъ. Такой ребенокъ уже потерялъ свое мѣсто въ природѣ, онъ выдѣлился изъ другихъ людей, онъ—первый человекъ; онъ первый всегда и во-всемъ, точно на свѣтѣ и нѣтъ другихъ дѣтей. Идетъ-ли онъ по улицѣ — онъ ни передъ кѣмъ не сторонится. За чаемъ, за обѣдомъ, онъ беретъ себѣ самое лучшее и самое большое, вовсе и не задумываясь надъ тѣмъ, что и другіе могутъ также хотѣть ѣсть. Съ прислугой онъ невысокоумѣренъ потому, что его учили вѣжливому обращенію, но онъ смотритъ на нее какъ на людей изъ другой глины. Въ играхъ онъ хочетъ управлять всѣми и чтобы исполнялась только его воля; онъ не выноситъ никакого превосходства, онъ краснѣетъ, если хвалятъ другого, для него не существуетъ равенства и подъ равенствомъ онъ понимаетъ только то, что выгодно ему. Онъ, можетъ быть, и не лгунъ, но на каждомъ шагу дѣлаетъ подлоги, чтобы настоять на своемъ и быть правымъ. Когда у него нѣтъ силы дѣйствовать прямо, онъ прибѣгаетъ къ интригамъ и лукавству, лишь бы сдѣлалось то, что онъ хочетъ. Товарищи его понимаютъ и не любятъ. Избѣгалъ ссоры, они отъ него отстраняются и не хотятъ съ нимъ играть.

Плоды такого воспитанія вкушаютъ прежде всего сами родители. Вотъ мальчикъ, воспитанный одиночкой, непріученный согласовать свои интересы съ интересами другихъ, — мальчикъ, воспитанный на похвалахъ и считающій себя первымъ человекомъ. Уже 10 лѣтъ онъ сталъ заноситься сначала надъ своею матерью, а потомъ и надъ отцомъ. Когда онъ началъ готовиться въ гимназію и заучилъ кое-что изъ географіи и изъ грамматики, онъ сталъ пріурочивать себя не къ дѣтямъ, а къ большимъ, и первый опытъ борьбы совершилъ надъ своими родителями. Съ сардоническими, а иногда и съ добродушными улыбками онъ предлагалъ имъ вопросы изъ географіи и латинской грамматики, чтобы убѣдиться, могутъ-ли его родители знать то, что знаетъ онъ. Мать долго переносила эти экзамены, не противоудѣйствуя и даже не дѣлая сыну замѣчаній, но отецъ видѣлъ, что этой заносчивости нужно, наконецъ, положить предѣлъ. Разъ за обѣдомъ маль-

чикъ предлагаетъ своему отцу вопросъ: — „Нашъ домъ издаетъ звуки отъ ужаснаго грома“; какой падежъ „ужаснаго грома“ — родительный или дательный?“ Отець, вмѣсто отвѣта, сказалъ сыну такую рѣчь: „Ты, вѣрно, замѣтилъ, что когда дѣти подрастаютъ и станутъ умны, они живутъ отдѣльно отъ родителей; я нахожу, что ты знаешь больше, чѣмъ мы съ мамой, и потому ты можешь уже жить одинъ. Послѣ обѣда найми себѣ квартиру и переѣзжай“. Все это было сказано такимъ тономъ, что мальчикъ видѣлъ, что съ нимъ не шутятъ; онъ затихъ и не вѣлъ ничего до конца обѣда. Послѣ обѣда отецъ сказалъ прислугѣ, чтобы помогли мальчику найти квартиру и переѣхать, а самъ ушелъ изъ дому. Все время, пока отца не было дома, ребенокъ сидѣлъ мрачный и задумчивый; онъ не плакалъ; было очевидно, что онъ подавленъ и раздумываетъ. Онъ понялъ свое относительное безсиліе. Подтруниваніе надъ родителями и экзамены кончились.

Подобная порча происходитъ только отъ того, что дѣтей поощряютъ похвалами и заставляютъ ихъ сравнивать себя не съ самими собой, а съ другими. Нужно, чтобы для ребенка мѣриломъ его силъ служило сравненіе его прошлаго съ его настоящимъ. Онъ не долженъ учиться ничему изъ зависти и тщеславія; онъ долженъ приучиться оцѣнять вѣрно только свои собственные силы. Пятилѣтнимъ мальчикомъ, напр., онъ не умѣлъ еще прыгать, шестилѣтнимъ онъ перепрыгиваетъ узенькую канавку. Обратите вниманіе его на этотъ успѣхъ, пусть онъ знаетъ, насколько прибавилось у него силъ, и что ему нужно упражнять свои силы еще энергичнѣе, чтобы достигнуть еще большаго успѣха. Пятилѣтнимъ мальчикомъ онъ еще не умѣлъ лѣзть на дерево, а шестилѣтнимъ онъ влѣзаетъ на первые сучья яблони, растущей въ вашемъ саду. Обратите его вниманіе и на это. Пятилѣтнимъ мальчикомъ онъ поднимаетъ 10 фунтовъ, шестилѣтнимъ — уже 20, и опять пусть ребенокъ знаетъ, какой онъ сдѣлалъ успѣхъ. Придерживаясь этой системы во всемъ, вы заставите ребенка вѣрно относиться къ своимъ силамъ и если онъ въ игрѣ или въ ученѣи будетъ встрѣчать соперниковъ болѣе сильныхъ, онъ будетъ смотрѣть на нихъ не съ той безсильной завистью, которая портитъ чувство, а понимая, что эти мальчики сильнѣе потому, что они больше. Совсѣмъ другое, если ребенокъ

сравниваетъ себя не съ самимъ собою, а съ другими: онъ всегда ухитрится дѣлать сравненіе въ свою пользу и выискать свое превосходство по отношенію къ чужой слабости. Какъ только разъ ребенокъ сдѣлалъ подобное выгодное для себя сравненіе, онъ уже заразился неизлечимымъ самолюбіемъ. Ребенокъ, сравнивающій себя съ другими, никогда не удовлетворенъ; онъ считаетъ себя лучше другихъ и хочетъ, чтобы такимъ-же признавали его и другіе, а это невозможно. Тогда въ ребенкѣ начинается появляться неудовлетворенное злое чувство, жестокія страсти, зависть, злорадство, своекорыстіе. Если всѣмъ этимъ дурнымъ страстямъ не будетъ положено предѣла, если горькими испытаніями ребенокъ не найдетъ своего истиннаго мѣста въ природѣ, онъ вырастетъ окончательно испорченнымъ и негоднымъ человѣкомъ.

Человѣкъ, испорченный самолюбіемъ, не можетъ быть добръ, или, вѣрнѣе, онъ на столько добръ, на сколько доброта не дѣлаетъ его вторымъ человѣкомъ. Человѣкъ завистливый, тщеславный и славолюбивый никогда не переноситъ никакого превосходства. Всякій, кто лучше — его врагъ. Конечно, отъ дурныхъ страстей нельзя уберечь, потому-что вся социальная жизнь построена на конкуренціи, на борьбѣ, на своекорыстной погонѣ за лучшимъ. Пусть пороки неизбѣжны при такихъ отношеніяхъ, но пусть ихъ создаетъ сама жизнь, а не домашнее воспитаніе. Воспитывая ребенка въ вѣрной оцѣнкѣ своихъ собственныхъ силъ и вслѣдствіе того въ хорошихъ чувствахъ, вы заложите въ немъ начало совѣсти и не подавите социальныхъ инстинктовъ.

Рядомъ съ самолюбіемъ неизбѣжно злорадство. Человѣкъ, воспитанный на похвалахъ, на вѣчномъ сравненіи себя съ другими, теряетъ всякую мѣрку и приходитъ къ результатамъ, совершенно противоположнымъ тѣмъ, къ какимъ хотѣло вести его воспитаніе. Въместо того, чтобы отыскивать въ людяхъ хорошее и расти въ соревнованіи съ этимъ хорошимъ, ребенокъ, напротивъ, привыкаетъ замѣчать недостатки, изучать ихъ въ другихъ и радоваться, если онъ ихъ открываетъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ первою жертвою становятся сами родители; они — тотъ пробный камень, на которомъ ребенокъ дѣлаетъ свои социальные опыты, и сами родители кладутъ своимъ ошибочнымъ воспитаніемъ начало тому семейному разрыву, который потомъ переходитъ въ антагонизмъ отцовъ и дѣтей.

Самолюбивый человекъ не можетъ быть правдивъ; онъ, можетъ быть, не сдѣлается грубымъ лжецомъ, но незамѣтно для себя онъ будетъ прибѣгать къ подлогамъ, чтобы быть всегда правымъ и сохранить за собою свое первое мѣсто. Вотъ дѣти играютъ; явилось какое-то недоразумѣніе, а затѣмъ и ссора. Попробуйте распросить самолюбиваго ребенка, какъ это случилось. Онъ, конечно, не признаетъ вины за собою, онъ о нѣкоторыхъ фактахъ умолчитъ, другіе изобразитъ въ иномъ свѣтѣ, свое поведеніе смягчитъ, ошибки товарищей представить въ болѣе рѣзкомъ видѣ и въ концѣ концовъ окажется, что виноваты все, кромѣ него. Въ своихъ показаніяхъ ребенокъ, можетъ быть, вполне искрененъ и не говоритъ преднамѣренной лжи; но онъ уже привыкъ смотрѣть на себя всегда мягкимъ, оправдывающимъ образомъ, а на другихъ жесткимъ, обвинительнымъ окомъ, нисколько не предполагая, что его подлоги — ложь. Это вѣчное выгораживаніе себя убиваетъ, наконецъ, всякую правдивость и пріучаетъ человека къ той мелочной недобросовѣстности, которая мѣшаетъ ему быть вполне честнымъ. Ложь въ маленькихъ дѣтяхъ не такъ опасна, какъ подлоги. Дѣти 3, 4 и даже 5 лѣтъ лгутъ очень часто, но это еще не лживость. Ребенокъ, положимъ, съѣлъ кусокъ пирога и на вопросъ матери: кто съѣлъ — отвѣчаетъ: „не знаю, не я“. Или онъ сломалъ игрушку, разбилъ стаканъ и тоже говоритъ — „не я“. Это ложь неопасная — она пройдетъ. Самый откровенный и прямой ребенокъ можетъ сказать иногда неправду. Кромѣ того, маленькіе дѣти очень часто выдумываютъ то, чего не бывало. Все это не лживость — это дѣтское непониманіе. Чаще всего, конечно, дѣти говорятъ неправду отъ страха, потому-что какъ-бы ни были родители добры и ласковы, они все-таки власть, внушающая страхъ. Подобная лживость проходитъ обыкновенно безъ слѣда, тогда какъ привычка къ подлогамъ, чтобы выгородить себя и сохранить свое вѣншее достоинство, усиливается вмѣстѣ съ растущимъ самолюбіемъ.

Самолюбивый человекъ всегда эксплуататоръ, но его эксплуатация не экономическая, а нравственная. Весьма вѣроятно, что онъ не станетъ употреблять грубыхъ средствъ, чтобы пользоваться плодами чужой экономической дѣятельности, но онъ пользуется чужими силами, чтобы сохранить свое первое мѣсто. Вотъ нѣсколько дѣтей играютъ вмѣстѣ, и между ними ребенокъ, вы-

росшіи первымъ человѣкомъ. Посмотрите, къ какимъ ловеимъ и изворотливымъ средствамъ прибѣгаетъ онъ, чтобы заставить всѣхъ дѣлать то, что ему хочется. Онъ предлагаетъ свое мнѣніе, но большинство не соглашается; тогда онъ начинаетъ уговаривать по одиночкѣ, ластится къ менѣе согласнымъ, катитъ мячекъ по лункамъ, чтобы плѣнить этой игрой, въ которую играть хочется ему одному, и вообще прибѣгаетъ ко всякому лукавству, чтобы переманить всѣхъ на свою сторону. Я зналъ чадолюбивую мать, которая въ подобной лукавой изворотливости своего сына видѣла доказательство его ума. Не стану отрицать, что тутъ дѣйствуетъ умъ, но это умъ не социальный, а своекорыстный, умъ мелочный и лукавый, доказывающій не нравственную силу, а напротивъ — безсиліе. Привычка всегда быть первымъ, привычка заставлять дѣлать все то, что хочется самому, а не другимъ — ведетъ къ неуступчивости даже въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ, къ вѣчному желанію упрямо настаивать только на своемъ. Можетъ-ли подобный самолюбиво-неуступчивый ребенокъ вырасти хорошимъ гражданиномъ, когда для него нѣтъ другихъ людей, кромѣ него и не существуетъ другихъ соображеній, кромѣ его личныхъ соображеній. Говорятъ, что самолюбіе является иногда могучимъ рычагомъ общественной дѣятельности. Едва-ли это такъ, ибо то искалеченное самолюбіе, о которомъ здѣсь говорится, не совмѣщается съ сильнымъ умомъ. Это самолюбіе маленькихъ, средненькихъ людей, образующихъ обыкновенную цивилизованную чернь, ни къ какимъ общественнымъ подвигамъ неспособную. Настойчивость выдающихся умныхъ людей, желающихъ заставить поступать толпу по-своему, происходитъ не изъ преувеличенной оцѣнки своихъ собственныхъ силъ, а вытекаетъ изъ твердо-выработаннаго убѣжденія. Корень этого самолюбія кроется не въ исканіи похвалы и поощренія, а въ стремленіи быть полезнымъ и въ убѣжденіи, что общей пользы можно достигнуть лишь тѣмъ, если заставить всѣхъ поступать по-своему. Это самолюбіе можно назвать историческимъ, самолюбіемъ общественнаго дѣятеля, тогда какъ самолюбіе людей образованной толпы есть простая погоня за популярностію въ своемъ кружкѣ, погоня за мелочною похвалою.

Самолюбіе ведетъ къ ложному достоинству, къ болзни казаться хуже чѣмъ есть, къ вѣчной игрѣ въ нравственный маскарадъ.

Чтобы казаться лучше, человекъ прибѣгаетъ къ нравственнымъ подлогамъ; онъ сдерживаетъ и затаиваетъ свои чувства, онъ молчитъ съ ложной скромностію; онъ возмущается искусственно противъ всего дурного; онъ напускаетъ на себя и честность, и гуманность, и состраданіе. Есть люди стремительные отъ природы, которые изъ чувства ложнаго достоинства воспитали въ себѣ сосредоточенность. Это худшій недостатокъ, который только можно вообразить въ людяхъ. Въ такомъ человекѣ все искусственно и нѣтъ ни гнѣни искренности и правдивости. Владѣя собою, онъ хлопочетъ о томъ, чтобы его не прочитали, а самъ постоянно наблюдаетъ за другими. Подобное вѣчное шпионство за другими, засматриваніе въ чужую душу, холодное выгораживаніе себя изъ людей, съ которыми онъ живетъ, и вѣчное держаніе себя на веревочкѣ вносить въ общественную жизнь такой развѣдающій элементъ, такое обоюдное недовѣріе и подтачиваніе другъ подъ друга, что если это несчастное направленіе является господствующимъ, общество очевидно вступаетъ въ моментъ социальнаго регресса. Мнѣ случилось видѣть одного восьмилѣтняго мальчика, который владѣлъ собою такъ хорошо, шпионилъ за другими съ такимъ совершенствомъ, не показывая никогда своей собственной души, точно онъ вполне зрѣлый дипломатъ школы Талейрана или воспитанникъ Фуше. Мать его говорила, что это оттого, что онъ родился слабымъ и хилымъ, и что его нужно было удерживать и предохранять отъ всякихъ случайностей, но едва-ли это такъ. Скорѣе это противоположная воспитательная крайность, въ которую винулись нѣкоторыя новыя матери. Самодурство Кить-Китычей неоспоримое общественное зло, а ноздревская распущенность ведетъ ко многимъ социальнымъ неудобствамъ. Но уже лучше имѣть дѣло съ распущеннымъ самодуромъ, котораго все-таки видишь и знаешь, и противъ котораго можно принять свои мѣры, чѣмъ съ человекомъ, выросшимъ на нравственныхъ подлогахъ, на двуличныхъ чувствахъ и на вѣчномъ подсматриваніи за другими. Такому человекѣ не только нельзя довѣрять—его слѣдуетъ бояться.

Неосторожное развитіе самолюбія приноситъ иногда огромное семейное зло. Есть такіе факты. У женщины родится первый ребенокъ, поглощающій все ея вниманіе; онъ ея радость въ настоящемъ, онъ ея будущая надежда. Неумѣлостію превращаютъ

его въ перваго человѣка, и затѣмъ онъ растетъ семейнымъ бичемъ для всѣхъ своихъ послѣдующихъ братьевъ и сестеръ. Онъ рѣшительный тиранъ всѣхъ тѣхъ, кто его меньше; онъ заставляетъ ихъ дѣлать все по-своему. Играютъ-ли дѣти вмѣстѣ, онъ заставляетъ другихъ служить себѣ, подавать ему что нужно, посылаетъ ихъ подавать то или другое, и вообще держитъ себя полнымъ повелителемъ. У подобныхъ деспотовъ бываетъ иногда привычка поддразниванія. Я знаю случай, гдѣ старшій братъ вѣчными поддразниваніями совершенно испортилъ характеръ младшаго брата и сдѣлалъ его нервнымъ, раздражительнымъ и слабымъ. Я знаю другой случай, когда старшій братъ, избалованный похвалами, возненавидѣлъ своего младшаго брата, когда младшій оказался добрымъ, кроткимъ, славнымъ мальчикомъ, и на него перешли симпатіи родителей. Избалованный старшій не могъ перенести этого предпочтенія, и не только сталъ обижать всѣми средствами, всѣми способами младшаго, но втихомолку его колотилъ—и постоянно въ грудь. Разъ онъ ударилъ младшаго брата такъ сильно, что у того пошла горломъ кровь. Младшій хирѣетъ, постоянно подавленъ чувствомъ страха и пересталъ расти. Мать не знаетъ, что и дѣлать, потому-что всякая строгость, всякое высканіе озлобляетъ старшаго еще болѣе.

Ссоры между братьями очень обыкновенное явленіе, и балующія матери обыкновенно говорятъ: „выростутъ, станутъ умнѣе и пройдетъ“. И дѣйствительно проходитъ. Но, во-первыхъ, не всегда безъ слѣдовъ, а иногда слѣдовъ непоправимыхъ, такъ-что сама семья культивируетъ въ себѣ развѣдающій ее элементъ, а во-вторыхъ, дурныя, грубыя, эгоистическія привычки проходятъ только въ такихъ дѣтяхъ, въ которыхъ есть хорошія наслѣдственныя качества и только тогда, когда школой становится сама жизнь. Если жизнь должна поправлять воспитаніе, то ясно, что вмѣсто воспитыванія дѣтей, мы ведемъ ихъ путемъ порчи.

Въ человѣкѣ замѣчаются два параллельные ряда инстинктовъ: одни социальныя, другіе антисоціальныя или животно-эгоистическія. Социальныя инстинкты выработались путемъ постепенныхъ общежительныхъ привычекъ и общимъ сознаніемъ ихъ социальной выгоды. Антисоціальныя, напротивъ, составляютъ наслѣдственный остатокъ тѣхъ эгоистическихъ свойствъ, которыми отличался первобытный человѣкъ. Они больше ничего, какъ регрес-

сивное наслѣдство, несмотря на культуру, упорно сохраняющіеся до-сихъ-поръ и проявляющіеся не только въ частномъ поведеніи отдѣльныхъ людей, но и въ общественномъ поведеніи цѣлыхъ народовъ. Сущность воспитанія заключается въ томъ, чтобы подавить въ дѣтяхъ импульсы эгоистическихъ инстинктовъ и создать привычку импульсовъ социальныхъ.

Извѣстно, что дѣти воспитываются подражаніемъ взрослымъ и у дѣтей есть множество такихъ особенныхъ инстинктивныхъ движеній, причина происхожденія которыхъ объяснима лишь тогда, если мы обратимся къ сферѣ низшихъ животныхъ. Въ этомъ отношеніи дѣти во многомъ напоминаютъ обезьянъ и, можетъ быть, къ обезьянамъ они гораздо ближе, чѣмъ къ взрослымъ и вполне развитымъ людямъ. Обезьяны отличаются подвижностію, живостію, быстрой перемѣной настроеній. Отъ этого онѣ безпрестанно ссорятся и дерутся и также скоро мирятся, чтобы отъ ласки снова перейти къ ссорѣ. Обезьямы любятъ лазить по деревьямъ, у нихъ страсть кидать другъ въ друга орѣхами, отломками вѣтвей и вообще всѣмъ тѣмъ, что попадаетъ имъ подъ руку. Подобныя-же свойства замѣчаются и въ маленькихъ дѣтяхъ. Мальчики съ особеннымъ наслажденіемъ кидаютъ камнями и вы видите, что они дѣлаютъ это безъ всякой цѣли, безъ всякаго размышленія, повинуваясь чисто-инстинктивному импульсу. Съ такимъ-же удовольствіемъ мальчики лезутъ на деревья, даже никогда не видѣвъ, чтобы другіе лазили. Я знаю одного мальчика очень выдержаннаго, котораго систематически удаляли отъ всего того, что можетъ вызывать грубые рефлексы. И несмотря на то, онъ приучился кидать камнями, пескомъ и его невозможно отучить отъ этой привычки. Если онъ идетъ съ отцемъ и разговариваетъ и повидимому поглощенъ разговоромъ, но на глаза его попадаетъ камень, онъ совершенно инстинктивно, внезапно, безъ всякой предварительной мысли беретъ этотъ камень и бросаетъ его. Этого-же мальчикъ вышелъ драчуномъ. Надобно сказать, что онъ отличается кровавымъ сложеніемъ и легко горячится. Какъ только кровь ударила ему въ голову, глаза его дѣлаются неподвижными, тусклыми и онъ идетъ въ драку. На эти свойства дѣтей Дарвинъ указываетъ какъ на наслѣдственные грубые инстинкты, доставшіеся намъ отъ нашихъ первыхъ грубыхъ родичей. Если не принять этого объясненія, то конечно подражательность и грубые

инстинкты дѣтей останутся непонятными. А чѣмъ вы объясните, что изъ всѣхъ игръ прививается скорѣе всего игра въ солдатики? Оттого-то такъ и часто, что дѣти понимаютъ и замѣчаютъ въ книгахъ совсѣмъ не то, что хотѣли-бы заставить ихъ замѣчать ихъ родители. Въ родителяхъ развитіе уже подавило тѣ инстинкты, которые еще сильны въ дѣтяхъ. Родители нерѣдко удивляются, откуда дѣти узнаютъ разныя бранныя слова и недоумѣваютъ, изъ какого источника они почерпаютъ свою виновность. Да изъ тѣхъ-же самыхъ книгъ, которыми вы думаете воспитывать ихъ въ гражданскихъ чувствахъ. Ваши дѣти, положимъ выдумали игру въ „казаки и поляки“, въ концѣ концовъ передрались и пришли къ вамъ съ жалобой. Вы не понимаете, кто научилъ ихъ этому, но подумавъ немного, вы припомнили, что наканунѣ читали имъ о подвигахъ Богдана Хмельницкаго. А всѣ наши сказки — о разныхъ Полканахъ богатыряхъ, Добрыняхъ Никитичахъ и т. д. — развѣ дѣти замѣчаютъ въ нихъ что-либо другое, кромѣ процесса дракъ, да побойщъ? Первобытный человѣкъ всегда поклонялся физической силѣ, всегда проникался инстинктивнымъ уваженіемъ къ храбрости и героизму. Поэтому-же и ребенокъ приходитъ въ восторгъ отъ подвиговъ Ильи Муромца и въ немъ возбуждается естественный инстинктъ, по которому онъ такъ легко воображаетъ себя богатыремъ и готовъ немедленно примѣнить свою богатырскую силу, чтобы поколотить своего младшаго брата. Или вы слышите, что ваши дѣти употребляютъ бранныя слова. Я думаю, вы замѣчали, что бранныя слова легче обращаютъ на себя вниманіе дѣтей, чѣмъ ласковыя. Это оттого, что ласковое слово не шевелитъ въ ребенкѣ его воинственнаго инстинкта. Оттого и въ вашихъ книжкахъ, которыя вы ему читаете для просвѣщенія его понятій, онъ легче всего высккиваетъ слова подобнаго рода. Мы удивляемся иногда, что дѣти въ ссорѣ начинаютъ бранить другъ друга: „мѣдный лобъ“, „пустая голова“. Откуда они могли узнать эти бранныя выраженія? И оказывается, что или изъ „Роднаго слова“ или изъ „басенъ Крылова“.

Рядомъ съ этими первобытными инстинктами живутъ въ дѣтяхъ инстинкты социальныя, выходящіе изъ симпатическихъ чувствъ. Эти послѣдніе выработались путемъ прогрессивной наследственности въ противоположность первымъ, которые сохрани-

лись въ насъ путемъ наслѣдственности регрессивной. Задача воспитанія заключается въ томъ, чтобы задержать первые и постояннымъ рядомъ упражненій воспитать привычку ко вторымъ. Какъ человѣкъ отдается совершенно бессознательно импульсу эгоистическаго инстинкта, — напр: ребенокъ, кидающій бессознательно камень или бросающійся съ сжатыми кулаками на своего противника, — такъ симпатическое чувство побуждаетъ человѣка совершенно инстинктивно, безъ размысленій, помогать своему ближнему. Вотъ пожаръ и люди бѣгутъ со всѣхъ концовъ, чтобы тушить его. Вы думаете, они дѣйствуютъ изъ эгоизма, желая этимъ не допустить огня до своихъ домовъ? Нѣтъ. Спросите ихъ и вы узнаете, что они о себѣ думали меньше всего. Отчего человѣкъ, неумѣющій плавать, бросается въ воду, чтобы спасти утопающаго? Онъ пренебрегаетъ даже самымъ сильнымъ, основнымъ инстинктомъ — чувствомъ самосохраненія. Изъ этого-же источника вытекаетъ наша радость при видѣ чужого счастья и соболезнованіе къ чужому страданію. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ людьми управляетъ импульсъ взаимной помощи. Тѣ-же самые симпатическіе инстинкты заставляютъ насъ дорожить одобреніемъ себѣ подобныхъ и бояться порицанія и презрѣнія.

Получая въ свое распоряженіе ребенка съ подобными противоположными инстинктивными побужденіями, воспитатель долженъ умѣть пользоваться ими такъ, чтобы не сдѣлать ихъ источникомъ нравственной порчи. Мы знаемъ, что человѣкъ нуждается въ одобреніи и боится порицанія; мы знаемъ, что это чисто-соціальнй инстинктъ, вытекающій изъ симпатіи человѣка къ себѣ подобнымъ. Но какъ-же мы пользуемся этимъ превосходнымъ средствомъ для соціальнаго воспитанія ребенка? Въмѣсто того, чтобы сдѣлать его средствомъ для развитія гуманныхъ чувствъ, мы, напротивъ, его дѣлаемъ орудіемъ для развитія антисоціальныхъ эгоистическихъ инстинктовъ. Одобреніе становится источникомъ порчи вслѣдствіе нашей неумѣлости и если оно не навсегда портитъ человѣка, то только потому, что соціальные инстинкты въ немъ прочнѣе и дѣйствуютъ постояннѣе, чѣмъ инстинкты антисоціальные. Только поэтому ребенокъ, испорченный воспитаніемъ, можетъ впослѣдствіи выработаться въ хорошаго человека. Предположите, что ребенокъ обиженъ другимъ ребенкомъ и въ обиженномъ является чувство мести. Это чувство не можетъ

быть продолжительно; оно или успокаивается немедленнымъ удовлетвореніемъ или, въ случаѣ невозможности скорого удовлетворенія, смѣняется болѣе прочнымъ и постояннымъ инстинктомъ, заставляющимъ человѣка искать расположенія и симпатіи себѣ подобныя. Или чувство голода и воровство? Ребенокъ съ голода укралъ булку. На первое время инстинктъ самосохраненія взять въ немъ верхъ, но какъ только онъ удовлетворился, — вступаютъ въ свои права другіе инстинкты — социальныя. Эта смѣна ощущеній, при которой человѣкъ, отдаваясь болѣе сильному импульсу, можетъ дѣйствовать во вредъ ближнему, не составляетъ безслѣднаго процесса. Ребенокъ, какъ и большой, сравниваетъ свои ощущенія, сравниваетъ слабое ощущеніе съ болѣе сильнымъ и отдаетъ предпочтеніе ощущенію болѣе продолжительному и слѣдовательно болѣе пріятному. Онъ чувствуетъ довольство или недовольство и путемъ подобныхъ сравненій выработываетъ себѣ рѣшеніе, какъ поступать на будущее время. Чтобы рѣшеніе поступать выгодно и пріятно для себя выработалось у ребенка въ твердое поведеніе, нуженъ продолжительный рядъ повторительныхъ процессовъ. Вотъ почему дѣти миллионъ разъ повторяютъ одинъ и тотъ-же поступокъ, вѣчно ссылаясь на то, что они забыли. Чтобы явилась возможность сравненія, нужно, чтобы повторился поступокъ; а чтобы явилась привычка изъ двухъ параллельныхъ импульсовъ подчиняться одному наиболѣе выгодному, нуженъ длинный рядъ опытовъ въ одномъ направленіи. Какъ только явилась эта привычка, ребенокъ дѣйствуетъ уже совершенно инстинктивнымъ образомъ, и также какъ прежде онъ поступалъ инстинктивно худо, теперь онъ будетъ поступать инстинктивно-хорошо. Вотъ почему хорошій воспитатель долженъ быть терпѣливъ и вотъ почему онъ долженъ быть непремѣнно послѣдовательно настойчивъ. Въ борьбѣ между двумя противоположными импульсами, о которой сейчасъ говорилось, — импульсомъ личнымъ, эгоистическимъ, по которому ребенокъ отъ голода стянетъ булку и импульсомъ симпатическаго тяготѣнія къ людямъ, лежитъ начало общественнаго мнѣнія, которымъ дорожить всякій человѣкъ и которое поэтому имѣетъ важное воспитательное значеніе.

Но общественное мнѣніе и само идетъ путемъ той-же борьбы эгоистическихъ и социальныхъ инстинктовъ. Оно слагается путемъ

грубаго опыта и рядомъ ошибокъ. Общественное мнѣніе не есть нѣчто безошибочное, правильно руководящее и чуждое невѣжества. Можно безошибочно сказать, что въ большинствѣ случаевъ оно само руководится дурными, а не хорошими инстинктами. Поэтому-то оно еще и до сихъ поръ идетъ въ разрѣзъ съ истиннымъ благосостояніемъ большинства и такъ легко помогаетъ развитію дурныхъ наклонностей. Противодѣйствовать вредному воспитательному вліянію общественнаго мнѣнія можетъ только благотворное вліяніе домашняго воспитанія и благотворныя примѣры умныхъ и добрыхъ матерей. Въ этомъ причина, что вліяніе хорошей матери такъ сильно способствуетъ воспитанію хорошихъ людей и поселяетъ въ чловѣкѣ благотворныя чувства на всю жизнь. Ребенокъ—существо подражательное; онъ поступаетъ такъ, какъ поступаютъ другіе. Вы, зрѣлый, установившійся чловѣкъ, ведите себя такъ, чтобы путемъ простаго инстинктивнаго подражанія ребенокъ усвоилъ себѣ привычку поступать по хорошимъ импульсамъ. Благотворное вліяніе хорошей доброй матери еще и въ томъ, что она постоянной лаской и кротостію дѣйствуетъ на симпатическіе инстинкты ребенка и онъ, не раздражаемый ничѣмъ, привыкая упражнять преимущественно ихъ, усваиваетъ чисто-практическимъ путемъ доброжелательство и перевѣсъ импульсовъ симпатическихъ надъ эгоистическими. Рѣшительно всѣ хорошія чувства, умѣренность, гуманность, самообладаніе, самоотверженіе, настойчивость можно укрѣпить въ ребенкѣ путемъ чистаго навыка. А когда явился въ ребенкѣ этотъ навыкъ—въ немъ уже укоренилась совѣсть—этотъ высшій критерій, который всегда укажетъ чловѣку его ошибку, если онъ будетъ увлеченъ въ своемъ поведеніи инстинктомъ антисоціальнымъ. Совѣсть есть то чувство недовольства или сожалѣнія, которое является въ чловѣкѣ вслѣдствіе сравненія своихъ собственныхъ поступковъ. Уклонившись отъ усвоенной привычки, т. е. поступивъ противъ соціальнаго инстинкта, отдавшись эгоистическому, чловѣкъ испытываетъ чувство недовольства или страданія, а чтобы подобное страданіе не повторялось, ему нужно будетъ пробудить въ себѣ новую вспомогательную силу—самообладаніе. Итакъ самообладаніе есть совсѣмъ не то ложное чувство, вытекающее изъ мелочнаго самолюбія, о которомъ я говорилъ раньше. То самообладаніе есть ложь, результатъ эгоисти-

ческаго регрессивнаго инстинкта, а самообладаніе, вытекающее изъ соціальнаго инстинкта, есть симпатическое чувство, недопускающее человѣка дѣлать другимъ зло и вредъ. Человѣкъ подавляетъ себя не для того, чтобы только казаться лучше, а для того, чтобы не дать перевѣса дурнымъ инстинктамъ и побѣдить въ себѣ импульсъ соціально-вредныхъ душевныхъ движеній.

Воспитывался существомъ соціальнымъ, человѣкъ долженъ получить привычку служить интересамъ общаго блага, а для этого онъ кромѣ самообладанія долженъ владѣть еще самоотверженіемъ и настойчивостію, т. е. воспитать въ себѣ неуклонный характеръ. Почему во всѣ времена и у всѣхъ народовъ пользовались уваженіемъ люди энергическіе, настойчивые, сильные и смѣлые? Только потому, что именно эти люди и могли успѣшнѣе другихъ дѣйствовать въ направленіи общаго блага. Вотъ почему воспитаніе дѣтей въ нѣжныхъ привычкахъ, расслабляющихъ тѣло, и всякое баловство—не воспитаніе, а порча. Воспитать самоотверженіе и настойчивость вовсе не такъ трудно, потому-что въ каждомъ ребенкѣ эти инстинкты довольно уже сильны. Еслибы этихъ инстинктовъ не было въ дѣтяхъ, они не воображали бы себя такъ легко героями. Но чтобы изъ ребенка вышелъ не теоретическій герой, онъ долженъ познакомиться съ героизмомъ и страданіями практически, потому-что только тотъ, кто самъ страдалъ, въ состояніи понимать страданія другихъ. Надъ однимъ графомъ литераторомъ подсмѣивались у насъ нѣкогда, что онъ, желая изобразить положеніе бѣднаго человѣка, не нашель ничего сказать, какъ то, что у него въ квартирѣ нѣтъ ковра, а за обѣдомъ бутылки хереса. Состраданіе есть процессъ перенесенія на себя чужого страданія, а для этого нужно пострадать хотя немножко и самому. Какъ вы хотите, чтобы человѣкъ никогда не голодавшій, понималъ, что такое голодъ; человѣкъ, никогда не испытавшій боли—понималъ, что такое боль; человѣкъ не испытавшій бѣдности—понималъ, что такое бѣдность. Кто не терпѣлъ самъ нужды — тотъ не пойметъ чужой нужды. Вотъ почему простые люди не только сострадательнѣе насъ, образованныхъ, головныхъ людей, но и далеко способнѣе насъ на самоотверженіе. Сравните крестьянина, испытывающаго нужду, и барина, невидѣвшаго ее никогда. Первый всегда добрѣе и меньше эгоистъ, мы же, образованные—всегда

черствѣе. Секретъ этой разницы въ томъ, что симпатическія чувства простыхъ людей развиваются на фактахъ ихъ собственной жизни, тогда-какъ наши чувства воспитываются преимущественно на идеальныхъ представленіяхъ о людскихъ страданіяхъ, которыхъ мы сами никогда не испытывали. Поэтому акты самоотверженія очень обыкновенное явленіе въ жизни простыхъ людей, которымъ не придается даже никакого значенія. Въ деревнѣ, гдѣ мы воспитываемъ своихъ дѣтей, случился пожаръ. Всѣ бросились тушить его. Трое крестьянъ дѣлаютъ чудеса и, только благодаря имъ, пожаръ не распространился. Мы тоже на пожарѣ. Намъ залили наши триковые пальто, мы серьезно воображаемъ, что мы свершили подвигъ, что мы общественные дѣятели, достойные національной награды. Три-же крестьянина, сдѣлавшіе все и дѣйствительно спасшіе деревню, измокли и оборвались, какъ нищія; одному раздавили колесомъ пальцы ноги, другому обожгли руку—и посмотрите, какъ эти дѣйствительно пострадавшіе люди относятся къ своему поведенію—точно они ничего и не сдѣлали, да никто изъ крестьянъ и не думаетъ ихъ благодарить или считать ихъ героями,—такъ просто кажется имъ поведеніе этихъ людей. Я знаю одного кучера—на видъ онъ какъ всѣ, но онъ вовсе не какъ всѣ. Онъ пробылъ 10 мѣсяцевъ въ Севастополѣ и хоть-бы когда-нибудь обронилъ слово тщеславія. Начните его спрашивать объ осадѣ, онъ такъ просто рассказываетъ объ ней, точно французы стрѣляли горохомъ, а война такое повседневное, будничное и всѣмъ извѣстное дѣло, о которомъ и говорить-то не стоять. Вотъ при какомъ воспитаніи возможны люди дѣйствительнаго самоотверженія.

VII.

Слово наказаніе нужно совершенно изгнать изъ воспитательнаго словаря, потому-что наказаніе предполагаетъ возмездіе. Въ той системѣ наказаній, какая существуетъ, неизбѣженъ произволъ и онъ всегда въ ней замѣчается въ большей или меньшей степени. Въ кодексѣ домашнихъ наказаній практика и обычай установили:—розги, лишеніе обѣда, чая или ужина, вообще ѣды; запираніе въ чуланъ или въ темную комнату, ставленіе въ уголь

и на колѣни. Кодексъ существующихъ дѣтскихъ наказаній есть уменьшенная копія наказаній уголовныхъ и основанъ на томъ-же принципѣ. Степень и размѣръ наказанія зависятъ отъ воспитателя и отъ личнаго состоянія его духа—слѣдовательно отъ произвола. Послѣдовательные педагоги, желая устранить произволъ, думали привести наказанія въ строгую, полную систему. Но они забыли только то, что ребенокъ легко сносить, когда его потреплютъ сгоряча и озлобляется, подвергаясь хладнокровнымъ истязаніямъ.

Новыя матери отвернулись отъ этой системы, онѣ забраковали ее всю огуломъ и единственнымъ средствомъ воспитанія признали ласку, просьбу, внушеніе. вмѣсто запрещеній и строгихъ приказаній, чадолюбивая мать говоритъ ребенку: „если ты меня любишь, ты этого не сдѣлаешь“. Ребенку хочется большой кусокъ жирнаго слоенаго пирога съ вареньемъ, а ему даютъ маленький и прибавляютъ: „если ты меня любишь, то просить больше не станешь“. Такая логика ребенку совершенно непонятна. Въ томъ, что его заставляютъ не ѣсть, онъ усматриваетъ произволъ и больше ничего. Чѣмъ этотъ произволъ лучше того произвола, при которомъ ребенку говорили: „если ты съѣшь, я тебя выпорю“. Или ребенку говорятъ: если ты меня любишь, ты не станешь обижать Сашу“. Но ребенокъ и любить мать, и въ то-же время колотить Сашу, потому-что дѣйствуетъ подъ вліяніемъ болѣе сильнаго импульса. Если ему не напомнить, что ради любви къ матери онъ не долженъ бить Сашу, то онъ объ этомъ никогда и не подумаетъ, потому что въ немъ самою не возбуждается никакихъ внутреннихъ причинъ, которыя-бы его воздерживали.

Въ прежней системѣ было больше смысла. Во-первыхъ въ ней былъ элементъ страданія, а во-вторыхъ ребенку приходилось выбирать между извѣстнымъ поступкомъ и возмездіемъ. Теперь-же вмѣсто такой осязаемой вещи, какъ лишеніе обѣда или розги, ему предлагаютъ абстракцію и ради абстракціи хотятъ, чтобы онъ жертвовалъ тѣмъ, что кажется ему выгоднѣе. Значитъ-ли это дать ребенку хотя какой-нибудь руководящій принципъ? И какой социальный смыслъ заключается въ этой исправительной формулѣ: „если ты меня любишь“? Это принципъ эгоистическій, выдѣляющій ребенка изъ общества и указывающій ему связь только

съ однимъ лицомъ, ради произвола котораго онъ долженъ дѣйствовать. Если мать говоритъ ребенку: „я больна; если ты меня любишь, не шуми“, онъ это понимаетъ. Но когда ему хочется съѣсть кусокъ сладкаго пирога и мать ему говоритъ: „не ѣшь, если ты меня любишь“, онъ этого не понимаетъ. Чадолюбивыя матери забываютъ еще, что любовь ребенка къ матери вовсе не такое всепоглощающее чувство, какъ любовь матери къ ребенку. Слѣдовательно, ошибочно приписываютъ дѣтской любви такую силу, какой въ ней нѣтъ. Наконецъ, если мать кромѣ своей формулы не прибѣгаетъ больше ни къ какимъ средствамъ, дѣло кончается тѣмъ, что ребенокъ разнудывается и мать теряетъ въ его глазахъ всякое авторитетное значеніе. Что дѣлать въ этомъ случаѣ? Мать въ отчаяніи прибѣгаетъ къ угрозамъ. Она говоритъ своему непослушному сыну: „я съ вами не знакома“, или: „ты скверный мальчишка“, или: „я васъ посажу на стулъ“, или: „я вамъ запрещаю играть“. Что же это такое какъ не обращеніе къ тому-же самому началу, отъ котораго мы только-что отвернулись? Развѣ это не смятченныя розги, темный чуланъ и т. д.? Принципъ тотъ-же, но лишь въ болѣе слабомъ примѣненіи. И вотъ мы опять на порогъ старины.

Но съ другой стороны чадолюбивыя матери и правы; онѣ не нашли себѣ только точки опоры. Наказаніе, какъ возмездіе, не должно существовать, но это вовсе не исключаетъ ряда причинъ и ихъ послѣдствій. А этого принципа и не заключается въ формулѣ: „если ты меня любишь“. Еще Руссо рѣшилъ настоящій вопросъ, сказавъ: „Держите ребенка въ зависимости отъ однихъ только внѣшнихъ явленій и вы будете идти естественнымъ путемъ въ дѣлѣ его воспитанія. Противопоставляйте его неразумнымъ желаніямъ только физическія препятствія или наказанія, вытекающія изъ самихъ поступковъ. Нѣтъ надобности запрещать ему дурной поступокъ, достаточно помѣшать совершенію такого поступка. Опытъ или безсиліе одни должны служить ему закономъ. Уступайте его желаніямъ, соображаясь не съ требованіями его, а съ нуждами. Когда онъ дѣйствуетъ, ему должно быть незнакомо послушаніе, когда за него дѣйствуютъ другіе, ему не должна быть знакома власть. Пусть онъ равно чувствуетъ свободу какъ въ своихъ такъ и въ вашихъ дѣйствіяхъ. Вознаграждайте въ немъ недостатокъ силы именно настолько, насколько это нужно

ему, чтобы быть свободнымъ, а не повелительнымъ. Пусть пользуясь вашими услугами съ нѣкотораго рода уничиженіемъ, онъ стремится къ той минутѣ, когда онъ можетъ обойтись безъ нихъ, когда онъ будетъ имѣть честь самъ служить себѣ“. Ребенокъ именно долженъ подчиняться закону необходимости и этотъ законъ долженъ олицетворяться въ его воспитателѣ. Не личный капризъ, а сила вещей воспитываетъ человѣка и эту силу вещей ребенокъ долженъ постоянно чувствовать надъ собою. Зависимость отъ вѣншихъ явленій не портитъ ребенка и не порождаетъ въ немъ злыхъ чувствъ, тогда-какъ зависимость отъ произвола и личной воли воспитателя—развращаетъ. Не всѣ дѣти наследуютъ кроткіе инстинкты; есть дѣти очень злые, упрямые и хитрые. Употреблять съ ними личный произволъ, значить растить изъ нихъ озлобленныхъ эгоистовъ. Быть съ ними слабыми—значить дѣлать изъ нихъ разнузданныхъ самодуровъ. Дѣти отлично подмѣчаютъ слабости своихъ воспитателей, отлично умѣютъ пользоваться обстоятельствами для своей выгоды, а если ребенокъ подмѣтилъ вашу слабость, онъ уже взялъ верхъ надъ вами и ваша воспитательная роль кончена. Я беру у Руссо одинъ примѣръ, который достаточно объяснить всю систему практическаго воспитанія безъ наказанія возмездіемъ, но заставляя только ребенка понимать связь причинъ съ ихъ невыгодными послѣдствіями. Обыкновенный камень преткновенія для родителей составляютъ дѣтскіе капризы. Есть матери, которыя рѣшительно впадаютъ въ отчаяніе, не зная, какъ отучить дѣтей отъ капризовъ—сердятся, выходятъ изъ себя, разстраиваютъ себѣ нервы—дѣти же не становятся лучше. Капризы, это — слѣдствіе дурнаго воспитанія. Они всегда слѣдствіе неудовлетвореннаго дѣтскаго властолюбія и неизбежны при той системѣ воспитанія, при которой приказываютъ или повинуются. Мы сами учимъ дѣтей капризамъ и затѣмъ сердимся на нихъ, а не на себѣ. „Однажды, говоритъ Руссо, я взялъ на себя заботы на нѣсколько недѣль объ одномъ ребенкѣ, который привыкъ не только всегда исполнять свою волю, но въ добавокъ заставлялъ всѣхъ повиноваться ей и который слѣдовательно былъ преисполненъ прихотей. Въ первый же день, чтобы испытать мою снисходительность, онъ захотѣлъ встать въ полночь. Во время самаго крѣпкаго моего сна, онъ соскакиваетъ съ постели, надѣваетъ халатъ и зоветъ меня. Я встаю, зажигаю

свѣчу; ему только это и было нужно; черезъ четверть часа сонъ началъ его клонить и онъ улегся, весьма довольный своимъ испытаніемъ. Два дня спустя, онъ возобновилъ его съ такимъ же успѣхомъ, но не увидѣлъ съ моей стороны никакого знака нетерпѣнія. Въ то время, какъ онъ, ложась, цѣловалъ меня, я сказалъ ему весьма спокойно: мой маленькій другъ, все это прекрасно, но не возобновляйте этого больше. Эти слова подстрекнули его любопытство, и на слѣдующій же день, желая поглядѣть, какъ я посмѣю не послушаться его, онъ не преминулъ встать въ томъ же самомъ часу и позвать меня. Я спросилъ у него, что ему нужно? Онъ сказалъ мнѣ, что не можетъ спать. *Тѣмъ хуже*, отвѣтилъ я и замолчалъ. Онъ попросилъ меня зажечь свѣчу. *Зачѣмъ?* сказалъ я и замолчалъ. Лакопическій тонъ началъ приводить его въ смущеніе. Онъ оцущью принялся отыскивать огниво, дѣлая видъ, что выбиваетъ огонь, и я не могъ не смѣяться, слыша, какъ онъ бьетъ себя по пальцамъ. Наконецъ, убѣдившись, что это ему не удастся, онъ поднесъ огниво къ моей кровати; я сказалъ, что оно мнѣ не нужно и повернулся на другой бокъ. Тогда онъ принялся бѣгать по комнатѣ съ крикомъ и пѣніемъ, шумѣть на пропалую, ударяясь о столы и стулья, однако очень старательно умѣряя удары; при каждомъ изъ нихъ онъ громко кричалъ, надѣясь возбудить во мнѣ безпокойство. Все это не имѣло никакого дѣйствія, и я видѣлъ, что рассчитывая на краснорѣчивыя увѣщанія или глѣвъ, онъ совсѣмъ не приготовился къ такому хладнокровію. Однако, рѣшившись побѣдить мое терпѣніе своимъ упрямствомъ, онъ продолжалъ гвалтъ съ такимъ успѣхомъ, что я наконецъ разгорячился и предчувствуя, что испорчу все дѣло неумѣстною вспыльчивостью, принялъ новое рѣшеніе. Я всталъ, не говоря ни слова, и отправился за огнивомъ, котораго не нашель. Я спросилъ его у ребенка, который подалъ его съ радостнымъ трепетомъ, ибо думалъ, что восторжествовалъ надо мной. Я высѣкъ огонь, зажегъ свѣчу, взялъ за руку моего молодчика и спокойно отвелъ его въ сосѣдную комнату, гдѣ ставни были плотно закрыты и гдѣ нечего было ломать. Я оставилъ его тамъ въ потьмахъ, потомъ заперъ дверь на ключъ и легъ, не промолвивъ съ нимъ ни словечка. Нечего и говорить, что сначала поднялся крикъ, но я этого ожидалъ и нимало не смутился. Наконецъ шумъ утихъ. Я

сталъ прислушиваться и убѣдившись, что ребенокъ укладывается, успокоился. На слѣдующій день я вхожу съ разсвѣтомъ въ комнату и нахожу моего маленькаго упряма лежащимъ на диванѣ и спящимъ крѣпкимъ сномъ, въ которомъ онъ очень нуждался послѣ такой усталости“. Ребенокъ послѣ этого было вздумалъ притвориться больнымъ и приглашенный докторъ, понявъ въ чемъ дѣло, посадилъ его на діету и продержалъ его въ постелѣ. Послѣ этого капризный ребенокъ пересталъ мѣшать Руссо спать и уже не притворялся больнымъ. Съ капризными дѣтьми лучшее средство — заставить ихъ раздѣться и лечь въ постель, чтобы ребенокъ понялъ, что капризничанье—болѣзнь. Еще не было случаевъ, чтобы капризные дѣти не вылечивались отъ этого средства. Конечно, его приходится повторить нѣсколько разъ.

Чадолубивныя матери бываютъ рѣдко настойчивы и послѣдовательны и, воображая, что гуманность есть безграничная кротость и всепрощаемость, онѣ поступаютъ наиболѣе негуманнымъ образомъ. Если цѣль воспитанія создать человѣка для общества и смолоду приучить его жить съ людьми и подготовить къ перенесенію трудностей и страданій, которыя встрѣтятся ему въ дѣйствительной жизни, то человѣчно-ли растить ребенка въ порокахъ и недостаткахъ, которые легко искоренить въ молодости, но за которые дѣйствительная жизнь даетъ жестокіе уроки? Будьте тверды безъ уступчивости; будьте строги безъ жестокости; будьте непреклонны, какъ сама сила вещей. Система причинъ и послѣдствій самое могущественное орудіе воспитанія и истинная гуманность заключается именно въ томъ, чтобы воспользоваться надлежащимъ образомъ этимъ орудіемъ. Какая мать теперь уже не знаетъ, что когда ребенокъ тянется къ горячей свѣчкѣ, то нужно дать ему обжечься? Но многіе-ли умѣютъ провести эту систему послѣдовательно во всемъ остальномъ? Назиданія наводятъ тоску—избѣгайте ихъ; пусть ребенокъ воспитывается чисто практически, пусть онъ самъ первый испытываетъ на себѣ неудобства тѣхъ или другихъ поступковъ. Если ребенокъ ломаетъ или портитъ свои вещи, пусть онъ самъ и почувствуетъ все неудобство небрежности. Играя неосторожно въ мячъ и не обративъ вниманія на ваше предостереженіе, ребенокъ разбиваетъ стекло—заставьте его почувствовать это неудобство и не вставляйте стекло нѣсколько дней. Одинъ этотъ случай научить его

лучше осторожности, чѣмъ сотни назиданій. Если разъ было сказано ребенку, чтобы онъ не дѣлалъ того или другого, не измѣняйте никогда своего слова. Дозволяйте, что можно позволять, но разъ отказавши, не измѣняйте своего рѣшенія, не смотря ни на какія доуки и ни на какія просьбы. Каждое сказанное слово должно быть твердо, и тогда ребенокъ не привыкнетъ играть словами на вѣтеръ и пойметъ нераздѣльность слова и дѣла. Что ты сказалъ—ты долженъ сдѣлать, а чего не можешь дѣлать—не говори. Одинъ запальчивый мальчикъ, озлившись на своего товарища, сказалъ: „я убью его“. „Ты хочешь убить его, спрашиваетъ спокойно отецъ—чѣмъ? я думаю, лучше топоромъ; ступай, возьми топоръ и убей“. Отецъ беретъ за руку сына и ведетъ. Сынъ упирается, но отецъ твердо держитъ его за руку. Наконецъ, сынъ разревлъся. „Ну что, убьешь?“ спрашиваетъ отецъ—„Нѣтъ“.—„Зачѣмъ-же ты говоришь глупыя слова, говоришь то, чего не можешь сдѣлать“? Одного этого урока было достаточно. Или—два брата безпрестанно между собою ссорятся—одинъ поддразниваетъ, другой пѣтушится и лѣзетъ въ драку. „Вамъ нельзя жить вмѣстѣ“, говоритъ имъ отецъ. Онъ уводитъ старшаго сына къ своему знакомому и оставляетъ его жить тамъ. Братья начинаютъ скучать другъ о другѣ, они привыкли играть вмѣстѣ, они понимаютъ, что имъ выгодно не ссориться, чѣмъ жить отдѣльно. Или: избалованный мальчикъ, выросшій первымъ человѣкомъ, требуетъ, чтобы въ играхъ все дѣлалось по его. Отецъ устраиваетъ заговоръ противъ него и товарищи объявляютъ ему, что играть съ нимъ не хотятъ. Ребенокъ наказанъ во-первыхъ тѣмъ, что противъ него порицающее общественное мнѣніе, что его чуждаются; а во-вторыхъ—скучаетъ, играя одинъ. Мальчикъ драчунъ, разгорчившись, лѣзетъ драться или грозить кулакомъ—пусть его побьютъ товарищи—это будетъ очень хорошей урокъ. Одного запальчиваго мальчика, который, разсердившись, грозилъ бросить камнемъ, палкой, а иногда и кидалъ дѣйствительно, товарищи валили на полъ, держали его за руки и за ноги и не выпускали его до тѣхъ поръ, пока онъ не засмѣется. Немногихъ опытовъ было достаточно, чтобы отучить его отъ глупой привычки.

Здѣсь мы выступаемъ изъ области домашняго воспитанія и

вступаемъ въ область воспитанія общественнаго. Изолированное домашнее воспитаніе никогда не можетъ отвѣчать всѣмъ социальнымъ инстинктамъ ребенка и потому оно всегда одностороннее и неполное. Въ немъ неизбѣжно преобладаетъ единоличный элементъ и ребенокъ растетъ не членомъ общества, а членомъ семьи. Это своего рода эгоизмъ и выдѣлившійся изъ семьи человекъ становится полнымъ эгоистомъ. Только при общественномъ воспитаніи возможны всѣ зачатки общественныхъ комбинацій и полное подготовленіе ребенка къ предстоящей ему общественной жизни.

При сравненіи теперешней системы воспитанія вообще съ системою прежнею, оказывается, что прежде общественное воспитаніе брало перевѣсъ надъ семейнымъ, теперь же семейное преобладаетъ надъ общественнымъ; прежде общество ставилось выше лица и какъ-бы преобладалъ принципъ римскаго государства, теперь же замѣчается стремленіе выдѣлить воспитаніемъ лицо изъ общества.

Проводить параллели между той и другою системами и касаться нашего современнаго большаго мѣста—общественнаго образованія—не входило въ планъ автора настоящей статьи. Но чтобы не оставить читателя неудовлетвореннымъ относительно такого важнаго вопроса, неразрѣшеннаго еще практически ни однимъ изъ государствъ Европы,—впрочемъ близкаго къ разрѣшенію въ сѣверо-американскомъ Союзѣ—авторъ сообщаетъ читателю утопическій проектъ Эскироса, который и самъ говоритъ о немъ, какъ о видѣніи во снѣ. Видно, даже и во Франціи подобныя мысли не больше какъ утопія! „Что это за страннѣйшій сонъ пригрезился мнѣ! пишетъ Эскиросъ.

„Я ѣхалъ верхомъ по какой-то неизвѣстной мнѣ странѣ. Принадлежала-ли она къ матеріку Стараго или Новаго свѣта? Право не знаю, но, судя по нѣкоторымъ признакамъ, страна эта должна была находиться на границахъ Утопіи или Эльдорадо... Видѣть городовъ столько-же поразилъ меня, какъ и видѣть деревень. Въ одномъ изъ нихъ мнѣ указали два зданія, построенныя еще въ эпоху, которую жители этой страны называли эпохою варварства. Первое изъ нихъ была тюрьма, второе — богадѣльня. Въ одинъ прекрасный день тюрьма опустѣла, потому-что въ странѣ не было болѣе воровъ, а богадѣльня оказалась не нужной, потому-что

не было болѣе бѣдныхъ. Хотя оба эти зданія стояли безъ всякаго употребленія, однако старѣйшины города распорядились сохранить ихъ и показываютъ ихъ иностранцамъ, какъ памятники своей старины... Одинъ старикъ, съ которымъ я познакомился, взялся объяснить мнѣ устройство этой страны и показать мнѣ общественныя зданія, которыя всѣ были сооружены для какого нибудь мирнаго и полезнаго употребленія... Онъ повелъ меня за городъ и на склонѣ холма, поросшаго лѣсомъ, я увидѣлъ родъ храма или дворца, который рѣзко обозначался подъ лучами восходящаго солнца. Я рѣшительно затрудняюсь передать словами общее впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ обширнымъ зданіемъ, размѣры котораго вполне соответствовали его великолѣпію. Во внутренности, каждая изъ его частей, построенныхъ по новой системѣ, была до такой степени изукрашена картинами, статуями и разными произведеніями искусствъ, что одинъ видъ стѣнъ долженъ былъ до известной степени воспитывать и внѣшнія чувства, и умъ. Воспитанники были раздѣлены на нѣсколько *націй*, изъ которыхъ каждая изображала известный возрастъ человѣчества. Зданіе это стояло посреди восхитительной мѣстности, изобиловавшей контрастами: лѣса, скалы, водопады, а вдали, на заднемъ планѣ — море. Въ одномъ изъ дворовъ я увидѣлъ группу дѣтей, предававшихся различнымъ атлетическимъ упражненіямъ: бѣгу, борьбѣ, стрѣльбѣ изъ лука. Что меня всего болѣе удивило это — что учителя, подъ руководствомъ которыхъ они упражнялись, были краснокожіе индѣйцы. Я тотчасъ-же узналъ ихъ по цвѣту кожи, по сухопарымъ членамъ и по фантастическимъ головнымъ уборамъ. „Это племя дикарей, объяснилъ мнѣ мой путешеводитель, недавно было привлечено на нашу границу широкими нравами нашихъ поселенцевъ. вмѣсто того, чтобы встрѣтить ихъ какъ враговъ, мы пригласили ихъ раздѣлить съ нами блага цивилизаціи, показавъ имъ всѣ выгоды, которыя она намъ доставляетъ и всѣ преимущества ея надъ жизнію въ пустынѣ. Съ другой стороны, замѣтивъ въ нихъ нѣкоторыя природныя дарованія, которыхъ намъ недостаетъ, мы предложили имъ обмѣнъ услугъ и нѣкоторые изъ нихъ охотно пошли на подобнаго рода сдѣлку. Они пріучаютъ нашихъ дѣтей терпѣливо переносить страданія, упражняютъ ихъ слухъ и зрѣніе въ распознаваніи всѣхъ могущихъ встрѣтиться внѣшнихъ опасностей; они сообщаютъ гиб-

кость ихъ членамъ и знакомятъ ихъ съ правами животныхъ въ дикомъ состояніи“. Осматривая внутренность этого зданія, раздѣленнаго, какъ я уже сказалъ, на нѣсколько воспитательныхъ отдѣловъ, я попалъ на одно изъ празднествъ, которыя по временамъ устраиваются въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ. Мѣсто дѣйствія находилось, если не ошибаюсь, въ Афинахъ; передъ нами на скалѣ, увѣнчанной храмами, статуями, мраморными и бронзовыми богами, вставалъ Акрополисъ; на западъ тянулись Пропилеи, сооруженные Перикломъ. Группы юношей, одѣтыхъ греками и говорившихъ на греческомъ языкѣ, рассказывали по городу или направлялись къ гаванямъ — Пирейской, Мунихейской и Фалернской. Хотя человекъ во снѣ и ничему не удивляется, однако я поклялся самой богиней Афиной, что ничего не понимаю въ этой загадкѣ. — „То, что вы видите, сказалъ мнѣ мой путеводитель, очень просто. Убѣдившись на опытѣ, что тѣнь исторіи большею частію скользитъ по уму дѣтей, не оставляя на немъ яснаго слѣда, мы старались придать осязательность этой тѣни. Наши воспитанники не ограничиваются однимъ изученіемъ предшествовавшихъ эпохъ, — они живутъ въ нихъ... Обитатели не стараются сформировать умъ и характеръ своихъ дѣтей въ виду какой нибудь опредѣленной системы государственнаго устройства. Примирившись заранѣе съ тѣмъ результатомъ, который получится отъ вольнаго воспитанія, основаннаго на законахъ природы и на принципахъ науки, они смѣло довѣрили будущее своей страны просвѣщенію новыхъ поколѣній. Школа у нихъ есть ничто иное, какъ зачатокъ общества. Она, также, какъ государство, имѣетъ свои учрежденія, которыя, такъ сказать, служатъ предисловіемъ для настоящихъ государственныхъ учреждений. Въ воспитанникахъ съ раннихъ лѣтъ развиваютъ мужественныя доблести демократизма. Учителя не употребляютъ никакихъ наказаній, а между тѣмъ нарушенія школьникомъ обычаевъ и законовъ не остаются безнаказанными, потому-что дѣти сами судятъ другъ друга. Виновныхъ призываютъ передъ судилище, члены котораго, избранные на извѣстный срокъ своими товарищами, заинтересованы въ томъ, чтобъ безпристрастно произносить приговоры — такъ-какъ они очень хорошо знаютъ, что нарушеніе правъ другого рано или поздно обратится противъ нихъ-же самихъ. Два адвоката, одинъ за истца, другой за отвѣтника, излагаютъ обстоятельства дѣла,

Приговоръ присяжныхъ всегда уважается и наказанія, хотя и очень легкія, внушаютъ тѣмъ большій страхъ, что они служатъ выраженіемъ порицанія не учащаго персонала, а всей школы. Дѣвочки помѣщаются въ другомъ зданіи, отдѣльно отъ мальчиковъ, но онѣ присутствуютъ въ классахъ и на нѣкоторыхъ изъ публичныхъ лекцій, которыя читаются въ теченіе дня. Въ нашей системѣ воспитанія, добавилъ мой спутникъ, мы много считываемъ на нравственное вліяніе женщинъ. Награды раздаются ими; чтобы поправиться имъ, наши юные атлеты пытаются свои силы въ области гимнастическихъ упражненій, а будущіе наши ораторы состязаются на школьномъ форумѣ въ краснорѣчіи. Такъ-какъ женщины извѣстны за превосходныхъ судей въ вопросахъ искусства, то къ нимъ обращаются за совѣтомъ въ конкурсахъ на произведенія поэзіи, музыки и живописи. Обладая рѣшающимъ голосомъ во всемъ касающемся эстетической стороны жизни, онѣ же награждаютъ и за нравственно-прекрасные поступки. Наши молодые люди приучаются такимъ образомъ совѣтоваться съ женщинами и искать въ одобрительной улыбкѣ той, которую они любятъ, подтвержденіе внушеніямъ своей собственной совѣсти.“

И. Шелгуновъ.

ОХОТА СМЕРТНАЯ, ДА УЧАСТЬ ГОРЬКАЯ.

Книжки для школь. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва. 1871 г. (№ 1. Бесѣды матери съ дѣтьми.—№ 2. Молитвы въ стихахъ.—№ 3. Петръ Великій.—№ 4. Напитки.—№ 5. Старый дворецкій.—№ 6. Былмы и легенды.—№ 7. Капитанъ Бопшъ.—№ 8. Когда я былъ маленькій.—№ 9. О домашнихъ животныхъ.—№ 10. Афонская гора.—№ 11. Гуттенбергъ.—№ 12. Сельская школа.—№ 13. Краткая географія Россіи.—№ 14. Бесѣды матери съ дѣтьми. (Кн. II).—№ 15. Добрая жена, — и т. д. и т. д.).

„Плоха работа рукъ, когда голова не разумная“.

(Кн. для шк.—№ 13; стр. 64).

Великое дѣло народнаго образованія заботить у насъ въ послѣднее время очень многихъ. Разумѣется, какъ и во всемъ, и здѣсь людей, относящихся къ дѣлу честно, толково, серьезно и безкорыстно—такихъ людей весьма не много; большинство-же дѣятелей на поприщѣ народнаго образованія—или люди, что называется, „себѣ на умѣ“, или просто люди... *неумѣлые*, чтобы не сказать больше. Проще: если исключить крайне незначительную дѣятельность людей честныхъ и толковыхъ, то мы увидимъ, что вокругъ народа трутся цѣлыя массы просвѣтителей самыхъ разнообразныхъ колеровъ и мастей, преслѣдующихъ самыя разнообразныя цѣли, при помощи средствъ самыхъ хитроумныхъ, а иногда и достаточно-таки безцеремонныхъ. Такъ, одни ревнители народнаго блага стараются подогнать это благо подъ извѣстную казенную мѣрку и потому поставляютъ неизмѣнною своею задачею глушить даже самыя первыя всходы чуть пробивающагося самостоятельнаго народнаго развитія; другіе хотя и работаютъ съ горячностью, но работаютъ неумѣло, такъ сказать „ревнуютъ не по разуму“; третьи пристегиваются къ ра-

ботъ надъ народнымъ образованіемъ отъ нечего дѣлать, „такъ себѣ“; четвертые только еще присматриваются и примѣриваются, думая не нынче-завтра найти въ народномъ образованіи такую-же выгодную статью для наживы, какъ, напримѣръ, въ откупѣ, акціонерныхъ компаніяхъ, постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, и проч. Одни просвѣтители пресерьезно полагаютъ, что имъ, просвѣтителямъ, слѣдуетъ спуститься до народа, другіе, напротивъ, не менѣе серьезно думаютъ, что народъ слѣдуетъ поднять до себя, третьи—и спускаются, и поднимаютъ въ одно и то-же время, четвертые... Словомъ, кавардакъ идетъ такой, въ которомъ всякій свѣжій чело­вѣкъ рѣшительно способенъ потерять голову! Впрочемъ, при видѣ такой неурядицы, да не разрывается на части сердце хотя и истиннаго, но, порой, слишкомъ восторженнаго друга народа. Повѣрьте, что этотъ самый, повидимому столь злосчастный, народъ лучше всѣхъ своихъ непрошенныхъ друзей и ревнителей знаетъ, что ему нужно, и одинаково скоро поворачивается спиною ко всякимъ такимъ просвѣтительнымъ посягательствамъ, будутъ-ли то строго формулированныя, путемъ продолжительныхъ дебатовъ добытыя измышленія „комитета грамотности“, или мечтательно-педагогическія заигрыванія, въ родѣ *ясно-полянскихъ* заигрываній графа Л. Н. Толстаго, или, наконецъ, тяжеловѣсныя, псевдо-образовательныя приподношенія „Товарищества: общественная польза“. Живой и чистый источникъ—народъ не только не поглощаетъ безразлично всякую нечисть, которую въ него валятъ, не только не принимаетъ всецѣло всякихъ глумленій, хотя-бы и выдаваемыхъ за мудрость самой высшей пробы,—напротивъ, онъ имѣетъ еще удивительную способность разлагать ввергаемый въ него, повидимому, совершенно негодный матеріалъ на составныя части и, отвергая элементы непригодные, усваивать даже само­малѣйшія крупинцы ума, часто совершенно случайно попадающіяся въ ворохахъ вопіющей глупости. Этимъ путемъ разложенія, отверженія и усвоенія народъ нашъ прошелъ цѣлыя вѣка испытаній, ошибокъ и тяготы и все­таки не только уберегъ, но даже и развилъ свой *здравый смыслъ*. Разумѣется, время, когда народъ будетъ имѣть возможность заняться собою самъ и сообразно требованіямъ своего вѣками сбереженнаго здраваго смысла допустить такъ-называемые образованные классы съдѣлаться полез-

ными ему въ томъ или другомъ отношеніи — такое время еще далеко; но что здравый народный смыслъ ревниво оберегалъ и оберегаетъ нашъ народъ отъ всякихъ посягательствъ, это, надѣмся, видитъ всякій, кто хотя маломальски присматривался или присматривается къ ходу народной жизни.

„Общество распространенія полезныхъ книгъ“ принадлежитъ къ числу только-что указанныхъ нами непрощенныхъ ревнителей образованія народа. Работаетъ оно на этомъ поприщѣ довольно энергично, такъ-что въ короткій, менѣе чѣмъ годовой срокъ своей дѣятельности оно успѣло уже издать десятка два съ половиною книжекъ для школь, успѣло, вѣроятно, этимъ путемъ бросить на вѣтеръ не одну тысячу рублей и, наконецъ, успѣло достаточно показать полнѣйшую свою несостоятельность въ дѣлѣ, за которое принялось съ такимъ усердіемъ. Хотя пословица и говоритъ, что „сова видна по полету“, почему мыслительная ширь общества могла-бы быть опредѣлена даже и по одной какой-нибудь изданной имъ книжкѣ, тѣмъ не менѣе, безпристрастія ради, мы нарочно взяли не одну, не двѣ, а цѣлыхъ *пятнадцать* книжекъ, изданныхъ обществомъ, прочитали всѣ эти книжки съ полнѣйшимъ вниманіемъ и тогда только рѣшаемся сказать слово о дѣятельности общества. Впрочемъ, даже и словъ-то своихъ о достоинствахъ общественныхъ изданій мы не будемъ особенно много тратить, потому-что всякія такія слова едва-ли будутъ у мѣста послѣ тѣхъ выписокъ, которыя мы намѣрены привести здѣсь для всеобщей потѣхи. Надѣмся, читатель не будетъ пенять на насъ за эти выписки.

Итакъ, въ добрый часъ начинаемъ.

Прежде другихъ мы возьмемъ книжку № 12, подъ заглавіемъ „Сельская школа“, по которой лучше всего можно будетъ познакомиться съ понятіями общества о такъ называемомъ „народѣ“, для котораго и предназначаются общественныя изданія. Содержаніе этой „Сельской школы“ таково:

Въ дальнемъ небогатомъ селѣ — повѣствуетъ сочинитель — была устроена школа. Школу эту, какъ и подобаетъ, посѣщали человѣкъ тридцать крестьянскихъ мальчиковъ, плохо одѣтыхъ и неопрятныхъ, но здоровыхъ, сильныхъ и веселыхъ. Одинъ только мальчикъ не былъ похожъ на своихъ сверстниковъ — это сынъ бѣдной вдовы, Катерины, худой и болѣзненный ребе-

ночь, по имени Миша. Катерина и сама-то была женщина хилая, больная, что оказывало большое влияние на ее заработок и заставляло ее и сына постоянно жить впроголодь. Однако, такъ-какъ Катерина была вдова смиренная, исправная и работающая, то—по свидетельству сочинителя—односельчане ее любили. Одно только семейство — прибавляет сочинитель — за что-то терпеть не могло ее и ее сына, именно, семейство, жившее рядомъ съ ее дворомъ, семейство нѣкоего Андрея Петрова, пьяницы и забіяки, котораго никто въ деревнѣ (тутъ, вѣроятно, сочинитель запамятовалъ, что онъ эту самую деревню прежде называлъ *селомъ*) не считалъ хорошимъ человекомъ и у котораго была жена, бранившаяся съ утра до ночи, и нѣсколько человекъ дѣтей, „очень дурно воспитанныхъ“. Изъ этихъ-то нѣсколькихъ человекъ дѣтей, „очень дурно воспитанныхъ“, сынъ Андрея Петрова, Ваня, „былъ самый избалованный, самый негодный мальчишка изъ всей деревни, но хорошенькій и здоровый, совершенная противоположность съ Мишей“. По словамъ сочинителя, „Ваня былъ рѣзвъ и шумень, вѣчно въ движеніи, и на брань, на униманья отвѣчалъ только хохотомъ“. (Экой негодяй какой, подумаешь!) „Въ одномъ лишь случаѣ — добавляет сочинитель — онъ переставалъ смѣяться: когда отецъ бралъ его одною рукой за шиворотъ, а другою начиналъ тузить безъ милосердія по чемъ попало“. (Тутъ ужъ, разумеется, до смѣха-ли?) „Между тѣмъ — поясняетъ далѣе сочинитель — этотъ бѣдный Ваня, котораго такъ ругали и колотили, который дѣйствительно показывалъ себя противнымъ и даже злымъ мальчишкой, былъ *отъ природы* совсѣмъ не такъ дурень. Если-бы его *получше* воспитывали, если-бы онъ привыкъ съ дѣтства слышать *хорошія слова*, то онъ былъ-бы совсѣмъ другой. Но въ томъ-то и бѣда, что около него не было ничего такого“... „Ничего — философствуетъ сочинитель — если не считать того кроткаго и неотразимаго влияния природы, которая, подобно другу, нашептываетъ младенческой душѣ о чемъ-то лучшемъ, нежели то, что ей знакомо изъ обиденной жизни“. (Разъяснилъ, благодарю!) Такъ вотъ этотъ-то самый Ваня, одинъ изъ нѣсколькихъ „очень дурно воспитанныхъ“ дѣтей Андрея Петрова, „избалованный мальчишка, котораго отецъ тузилъ безъ милосердія по чемъ попало“, показывавшій себя „такимъ противнымъ“,

съ дѣтства неслышавшій „хорошихъ словъ“ и „неимѣвшій около себя ничего такого, кромѣ кроткаго и неотразимаго вліянія природы, которая, подобно другу, нашептываетъ младенческой душѣ“, —этотъ-то самый Ваня, какъ и слѣдовало ожидать, былъ заклятый врагъ тихаго и скромнаго Миши. Причину, корень такой вражды сочинитель усматриваетъ въ самихъ родителяхъ сорванца-Вани, хотя и неимѣвшихъ никакого основанія называть малолѣтняго сына вдовицы, сирѣчь Мишу, „ни пьяницей, ни воромъ, ни конокрадомъ“, тѣмъ не меньше постоянно смѣявшихся надъ хилостью и болѣзненностью вышеприведеннаго злополучнаго мальчика. „Слыша ежедневно подобныя рѣчи—говоритъ сочинитель—Ваня счелъ своею обязанностью дѣлать Мишѣ всевозможныя пакости“. Такъ, напримѣръ, у Миши были разведены подъ окнами цвѣты—Ваня ошпарилъ ихъ кипяткомъ; Миша приучилъ воробьевъ слетаться къ его крыльцу за хлѣбными крошками — Ваня распугалъ безпечныхъ птичекъ, выпустивъ на нихъ толстого, злого кота; въ концѣ-же концовъ злецъ-Ваня простеръ свою дерзость даже до того, что протянулъ веревку поперекъ дороги, по которой добродѣтельный Миша долженъ былъ позднимъ осеннимъ вечеромъ возвращаться изъ школы, — Миша запнулся, упалъ и разбилъ себѣ колѣно такъ, что принужденъ былъ пролежать въ постели нѣсколько мѣсяцевъ. Положеніе Миши было-бы поистинѣ ужасно, если-бы на выручку ему не подошлъ школьный учитель, нѣкто Василій Семеновичъ, ученѣйшая и гуманнѣйшая личность, какую только представить себѣ можно“. Чего только не зналъ этотъ Василій Семеновичъ! восклицаетъ сочинитель. Все-то онъ умѣлъ объяснить: и гдѣ какія деревья растутъ, и гдѣ какіе звѣри живутъ, и какіе чудные люди обитаютъ въ далекихъ странахъ“. (Ужь не тѣ-ли, съ песьими головами, о которыхъ такъ занятно рассказываетъ странница въ „Грозѣ“ Островскаго)? Вотъ-съ, началъ учитель-гуманистъ книжки Мишѣ таскать, началъ Миша книжки тѣ читать внимательно. Разъ принесъ Василій Семеновичъ Мишѣ евангеліе; раскрылъ Миша книгу и сразу наткнулся на многозначительныя слова: „любите враговъ вашихъ“; по этому поводу между нимъ и матерью тотчасъ-же произошелъ слѣдующій разговоръ, какъ нельзя лучше свидѣтельствующій о величій мишиной души.

„— Мама, а мама! вскричалъ Миша. Смотри-ко, что тутъ написано.

„— Что тамъ еще такое?

„— Да вотъ въ книжкѣ, что далъ Василій Семеновичъ. Вѣдь это точно объ насъ съ тобой.

„— Да ты прочти, по крайней мѣрѣ, а то почему я знаю, что у тебя тамъ написано.

„Миша прочелъ вслухъ слѣдующія слова: „любите враговъ вашихъ“.

„— Видишь, сказалъ Миша, — стало быть намъ Андрея-то любить надо,—вѣдь онъ намъ врагъ, мама!

„— Любить его,—легко сказать! проворчала Катерина.

„— Странно, продолжалъ Миша въ раздумьи,—вѣдь я и самъ ужъ это думалъ, и только вотъ сказать—не могъ. Когда я прочелъ это слово: „любите враговъ вашихъ“, вдругъ у меня гдѣ-то отозвалось: „хорошо, я буду любить Ваню“.

„— Ты добрѣ меня, мой дружокъ, сказала мать.—Нѣтъ, ужъ я никогда не люблю того, кто надѣлалъ тебѣ столько зла.

„— Мама, возьми свою работу и сядь тутъ около меня, я тебѣ почитаю немножко.

„И онъ прочелъ ей съ начала до конца ту главу евангелія, гдѣ находятся слова, которыя такъ его поразили. Тамъ нашлись другія слова, которыя проникли въ истерзанное сердце Катерины: „блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся“. Катерина остановила сына и заставила его повторить это мѣсто.

„— Ну, сказала она,—эта книга мнѣ больше по душѣ, чѣмъ всѣ другія; мнѣ такъ отрадно ее слушать. Ты мнѣ ее всегда читай, Миша.

„— Хорошо, мамочка, сказалъ Миша,—а только ты постарайся простить Ванѣ. Ты сказала, что будешь всегда на него зла, а вѣдь это грѣхъ, ты знаешь?

„— Ну, ну, я постараюсь. Только ужъ куда какъ обидно, что какой-нибудь озорникъ мальчишка можетъ тебѣ дѣлать всякое зло, а ты на него еще сердиться не смѣй!“

Такъ, укрѣпляясь въ добродѣтели и страдая болью въ колѣнѣ, пролежалъ Миша въ постели до весны. Негодяй Ваня, между тѣмъ, успѣлъ поступить въ школу. Пришелъ апрѣль „съ своимъ теплымъ и ласковымъ солнцемъ“, если вѣрить сочинителю;

Миша хотя и поправился, но сдѣлался еще слабосильнѣе, еще беззащитнѣе прежняго; кромѣ того, ушибенное колѣно не могло сгибаться: онъ былъ хромъ. Наконецъ, Миша рѣшился идти въ школу. Когда онъ вошелъ въ учебную комнату, товарищи встрѣтили его сначала съ состраданіемъ, но потомъ вдругъ разразились самымъ страшнымъ хохотомъ. Оказалось, что извергъ-Ваня—котораго, какъ мы видимъ теперь, сочинитель не даромъ-таки помѣстилъ въ школу—шелъ позади благонаправнаго страдальца и передразнивалъ его походку. Миша заплакалъ отъ огорченія. Тутъ пришелъ гуманистъ-учитель и, видя мишины слезы, спросилъ о причинѣ таковыхъ; но добродѣтельный мальчикъ уклонился отъ отвѣта. Между тѣмъ, каждый разъ, какъ только Василій Семеновичъ отворачивался въ сторону, негодяй-Ваня продолжалъ свои насмѣшки надъ Мишей, отчего классъ оглашался неудержимымъ хохотомъ. Гуманный Василій Семеновичъ долго терпѣлъ, наконецъ, не вытерпѣлъ и выгналъ половину учениковъ, а въ томъ числѣ и затѣйщика Ваньку, за дверь. Это, разумеется, очень раздражило „дурно воспитаннаго“ и неслышавшаго „хорошихъ словъ“ мальчишку, почему онъ, послѣ урока, нагнавши одиноко, съ понуренною головою шедшаго уважаемаго сиротку Мишу, нанесъ ему ударъ кулакомъ по головѣ, съ словами: „Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, гадкій плакса!“ Таковая разбойничья ванькина продерзость не ускользнула, однако-же, отъ пронизательности гуманнаго учителя, почему между нимъ и добродѣтельнымъ Мишей состоялся въ тотъ-же вечеръ слѣдующій, нелишенный высокаго смысла и значенія, разговоръ.

„— Миша, заговорилъ учитель какимъ-то глухимъ голосомъ, —этотъ мерзкій мальчикъ прибилъ тебя; онъ и въ школѣ цѣлый классъ не давалъ тебѣ покою. Не запирайся! Скажи всю правду... я хочу ее знать. Впрочемъ, я и безъ того ее знаю. Есть люди, которые видѣли, какъ онъ тебя ударилъ, и мнѣ сказали. Я его выключу изъ школы.

„— О, нѣтъ! сказалъ Миша умоляющимъ голосомъ,—не выключайте, прощу васъ! Вѣдь онъ тогда сдѣлается еще злѣе.

„— Однако, не могу-же я допустить, чтобы ты, лучший мой ученикъ, терпѣлъ отъ этого бездѣльника, который... даже и читать не умѣетъ!.. О! жаль, что онъ не попадетъ мнѣ въ руки

въ эту минуту! *Какъ-бы я славно привязалъ его вотъ къ этому дереву и отсчиталъ-бы ему*“...

Но не успѣлъ гуманнѣйшій и умнѣйшій Василій Семеновичъ развернуть во всю ширь свои заплечно-мастерскія соображенія, какъ раздался гдѣ-то пронзительный крикъ: оказалось, что то отецъ колотилъ развращеннаго Ваню. Крикъ все усиливался и усиливался.

„— Однако, это ужасно, сказалъ учитель.—Этотъ человекъ— звѣрь настоящій. Вѣдь онъ такимъ манеромъ убьетъ ребенка! (Гуманистъ, вѣроятно, признавалъ рациональнымъ только свой способъ наказанія, то есть — привязыванье къ дереву и затѣмъ отсчитыванье...)

„— О, нѣтъ! сказала Катерина: убить не убьетъ, а только погладить ему бока“ (вдовица, надо полагать, забыла въ это время еще такъ недавно слышанныя ею великія евангельскія слова любви и всепрощенія).

Впрочемъ, тутъ на нѣкоторое время забывается даже и самъ сочинитель и вмѣсто ерунды обыкновенной несетъ ерунду сугубую. Такъ, по его словамъ, учитель-гуманистъ соскакиваетъ съ мѣста и врывается въ избу Андрея Петрова, чтобы спасти Ваню отъ истязаній; Андрей Петровъ, зеленый отъ злости и трясушійся, въ свою очередь, вырывается изъ избы и лупитъ въ лѣсъ, гдѣ наскакиваетъ на какого-то проѣзжаго мельника и во мгновеніе ока грабитъ его; Ваня, сдѣлавшійся, такимъ образомъ, сыномъ грабителя, со стыда тоже лупитъ въ лѣсъ; хромой, но добродѣтельный Миша, подхвативши свою добродѣтель и неизмѣнное „любите враговъ вашихъ“, валаетъ туда-же за Ваней; жена Андрея Петрова ругается, бьется и въ отчаяніи ломаетъ руки,— словомъ, вранье идетъ самое безпардонное! Забѣжавши съ своими героями въ лѣсъ, сочинитель, однакожь, какъ будто невольно отдается „неотразимому вліянію природы, которая, подобно другу, нашептываетъ младенческой душѣ“, и нѣсколько умѣряетъ свое неистовство. Въ лѣсу мы видимъ Мишу и Ваню сидящими рядышкомъ, причемъ Миша долбитъ свое неизмѣнное „любите враговъ вашихъ“, Ваня же въ отвѣтъ сучить кулаки и предлагаетъ другу тузановъ. Но *gutta cavat lapidem*, говоритъ пословица; скоро-ли, долго-ли — Миша, наконецъ, продалбливаетъ

заскоружное сердце Вани и... Впрочемъ, предоставимъ сочинителю самому произнести заключительныя слова:

„Ваня сидѣлъ неподвижно, отвернувшись въ сторону; Миша въ недоумѣніи поглядывалъ на него; вдругъ Ваня обернулъ свое мокрое отъ слезъ лицо къ Мишѣ, схватилъ его за руку и, крѣпко сжимая ее, проговорилъ сквозь рыданія:

„ — О, Миша! спасибо тебѣ. Я буду стараться сдѣлаться такимъ-же, какъ ты“.

Таково содержаніе „Сельской школы“. Слова нѣтъ, содержаніе вполнѣ юмористическое... ахъ! виноватъ—поучительное и способное многія заблудшія сердца оторвать отъ порока и прилѣпить къ добродѣтели; но почему-же, однако, книжка эта называется „Сельская школа“? Сколько мы видѣли изъ разсказа, школа тутъ на заднемъ планѣ, тамъ гдѣ-то, вдали; главное-же пятно картины занимаетъ борьба добродѣтели и порока, прямѣе сказать—козни неслышавшаго „хорошихъ словъ“ Вани и неопикуемое величіе души благонаправнаго Миши. Если, на примѣръ, потому она „Сельская школа“, что гуманистъ Василій Семеновичъ предлагаетъ, дѣйствительно, нѣсколько своеобразный педагогическій приемъ порки, съ привязываніемъ къ дереву, — такъ вѣдь этотъ приемъ не составляетъ основной мысли книги, а является лишь, какъ минутная деталь, штрихъ; если потому она „Сельская школа“, что авторъ именно о школѣ-то почти ничего и не говоритъ, такъ-какъ, повидимому, не имѣетъ объ ней ровно никакого понятія, — такъ вѣдь мало-ли о чемъ авторъ можетъ не имѣть понятія: онъ вонъ, пожалуй, плохо понимаетъ даже и самый здравый смыслъ; если, наконецъ, книжка потому названа „Сельской школой“, что она не названа „Борьбой добродѣтели и порока“, — такъ тогда ужъ приличнѣе было-бы назвать ее просто—„Ерундой“, каковымъ названіемъ вполнѣ и исчерпывалось-бы ея содержимое. Словомъ, сколько мы ни ломали голову надъ разрѣшеніемъ упомянутаго вопроса о заглавіи, ничего мы придумать не могли, почему, съ горя, и обратились къ разсмотрѣнію прочихъ издѣлій общества.

На этотъ разъ мы взяли книжку № 9-й, носящую заглавіе: „О домашнихъ животныхъ“. Развертываемъ книжку и читаемъ:

„*Лошадь*. Лошадь красивѣйшее изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ. Лошадь предназначена жить въ обществѣ людей“. (Не

знаемъ, принята-ли лошадь въ высшемъ обществѣ или въ „Обществѣ распространенія полезныхъ книгъ“, но между нами, людьми средняго круга, мы, признаться, что-то не встрѣчали лошадей.) „Представьте себѣ, что-бы происходило въ конюшняхъ, въ поляхъ и въ кавалерійскихъ полкахъ, если-бы лошади кусались и нападали на людей“ (охотно представляемъ). „Изъ рабочихъ животныхъ лошадь терпѣливѣе и усерднѣе всѣхъ служить намъ. Она раздѣляетъ съ нами удовольствія и опасности“ (что опасности раздѣляетъ — это такъ; но относительно удовольствій мы совершенно несогласны съ сочинителемъ, ибо не видѣли лошадей выѣзжающими въ театры, пляшущими на балахъ, пожирающими устрицъ, омаровъ или трюфели, любезничающими съ прекраснымъ поломъ, и проч. и проч.).

„Осель. Если хотятъ сказать, что кто нибудь глупъ—отчего называютъ его осломъ? Справедливо-ли такое мнѣнiе объ этомъ животномъ? Разсудите хорошенько... Во-первыхъ, осель служить даже тѣмъ, которые его бьютъ. Про всѣхъ-ли это можно сказать?—Не думаю“ (совершенно справедливо изволили усомниться, г. сочинитель: дѣйствительно, далеко не всѣ одарены *ослиною добродѣтелью*). „Во-вторыхъ, осель терпѣливъ; онъ стоитъ смиренно, гдѣ ему приказываютъ, идетъ, куда его гонятъ, переноситъ побои безропотно, не дѣлая даже вида, что ихъ чувствуетъ. А люди сердятся за всякую малость; а дѣти плачутъ за малѣйшее наказанiе“ (дѣти, г. сочинитель, такъ тронуты этими вашими доводами, что поклялись отнынѣ-же уподобиться въ терпѣнiи осламъ, а будо хватить силъ, такъ даже и превзойти ихъ). „Но осель не умѣетъ читать, скажете вы, это правда; да вѣдь никто-же его не училъ. Осель хоть и невѣжд(а), да, по крайней мѣрѣ, онъ не хвастаетъ ничѣмъ; а я знаю много такихъ людей, которые советамъ не воображаютъ себя ослами, а приписываютъ себѣ небывалыя познанiя и охотно хвастаются ими“ (я же, г. сочинитель, знаю даже такихъ, которые не только хвастаются, но еще и имѣютъ дерзость навязывать свое болѣе чѣмъ ослиное невѣжество другимъ). „У насъ ослы водятся только въ Крыму и въ Бессарабiи“ (подумайте-ка, г. сочинитель, еще гдѣ не водятся-ли?).

„Быкъ и корова. Если быкъ сломитъ свой рогъ, изъ него можно сдѣлать гребенку“ (удивляемся, какъ еще г. сочинитель

не прибавилъ: „черепаховую“, --- ужь заодно нести околесную!). „Даже послѣ смерти быкъ бываетъ намъ полезенъ“. „Изъ мяса его дѣлается супъ, изъ кожи сапоги и, что лучше всего, переплеты для книгъ“ (которые, полагаемъ, всегда лучше тѣхъ книгъ, которыя пишутся у насъ). „Жилы его превращаются въ хлыстики“. „Вотъ какъ полезны намъ эти добрыя животныя, которыя въ награду довольствуются сѣномъ или лѣтнею травой“ (а зимней!). „За-то нужно любить ихъ и ласкать; за всѣ свои добрыя качества они заслуживаютъ немного почета“ и т. д.

„Кошка. Говорятъ, что кошки воруютъ, что онѣ злы и хитры; а въ подтвержденіе прибавляютъ, что онѣ изъ семейства тигровъ. Справедливо-ли такъ разсуждать?“ (совсѣмъ несправедливо. Что намъ съ вами зоологія, г. сочинитель? Мы сами себѣ зоологія). „Кошки не люди, имъ не дано совѣсти: чтобы онѣ ни дѣлали, ихъ нельзя осуждать. Но это еще не все“ (а мы, признаться, думали, что пора-бы и окончить). „Развѣ котъ деретъ насъ за усы? Котъ дергаетъ насъ за хвостъ?“ (г. сочинитель— не въ обиду будь сказано—покажите, пожалуйста, вашъ хвостъ). „Развѣ онъ заставляеть насъ кубыркаться и прыгать? Развѣ онъ даетъ намъ толчки ногами? Что? — Напротивъ, это мы мучаемъ кота, который ничего не говоритъ и не возражаетъ“ и т. д.

И вся эта помѣсь избитыхъ сентенцій, общихъ мѣстъ и изобрѣтенной самимъ авторомъ ерунды, какъ-то непріятно рѣжетъ ухо послѣ такой умной и общедоступной книги, какъ „Жизнь животныхъ“ Брема, книги, давно переведенной на русскій языкъ и, вѣроятно, известной автору „Домашнихъ животныхъ“. Впрочемъ, все, что переведено у насъ въ послѣднее время лучшаго съ иностранныхъ языковъ отскакиваетъ отъ нашей головы, точно резиновый мячикъ отъ стѣны.

Впрочемъ, статьей о кошкѣ самостоятельное творчество г. сочинителя въ книжкѣ о „Домашнихъ животныхъ“ оканчивается и потомъ слѣдуетъ... что-бы вы думали такое слѣдуетъ?..—Васни!!— „Какъ?!“ Да такъ. Откройте страницу 35-ю и затѣмъ читайте до самаго конца книжки. Тутъ: „Конь и всадникъ“, „Собака и лошадь“, „Крестьянинъ и овца“, „Свинья подъ дубомъ“, „Крестьянинъ и собака“, „Осель и мужикъ“, „Щука и котъ“. Положимъ, что конь, собака, овца, свинья, осель,—ну, ужь такъ и быть; но

какимъ образомъ всадникъ-то попалъ въ домашнія животныя? Дубъ, напримѣръ, за что причисленъ г. сочинителемъ къ домашнимъ животнымъ? Но всего обиднѣе намъ сдѣлалось за щуку... Помилуйте! По словамъ басни, ей и безъ того крысы хвостъ отъѣли, а тутъ еще — здорово живешь! — г. сочинитель пристегнулъ ее къ домашнимъ животнымъ: — на! молъ.

Такимъ образомъ, не безъ горечи разстались мы съ книжкой № 9-й и, чтобы хоть сколько-нибудь успокоить себя, взяли книжку за № 2-мъ, прозывающуюся: „Молитвы въ стихахъ“. Открываемъ эту книжку на страницѣ 32-й и читаемъ:

ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Для спасенья человѣка,
Преступившаго завѣтъ,
Совершается отъ вѣка
Данный Господомъ обѣтъ.

Ангель настирямъ вѣщаетъ;
Сильный царь приходитъ въ страхъ;
Дѣва чистая рождаетъ;
Невмѣстимый въ пеленахъ!.. и т. д.

„Но вѣдь книжка называется „Молитвы въ стихахъ“, а развѣ это молитва?“ невольно спросили мы сами себя. Разумѣется, какой-же отвѣтъ могъ быть данъ на такой вопросъ? Извѣстно, какой: нѣтъ, это не молитва, а, просто, плохонькое стихотвореніе по случаю праздника, написанное отъ-нечего-дѣлать досушимъ стихокропателемъ. Тогда, чтобы отыскать-таки молитву, мы снова развернули книжку, и на страницѣ 44-й прочли слѣдующее:

* * *

Вечеръ былъ; сверкали звѣзды;
На дворѣ морозъ трещалъ; —
Шелъ по улицѣ малютка,
Посинѣлъ и весь дрожалъ, — и т. д.

Больше мы и рыться не стали въ № 2-мъ, заключивъ, что гг. сочинители „Общества распространія полезныхъ книгъ“ имѣютъ самыя неопредѣленныя понятія даже о молитвѣ и что прежде, чѣмъ поучать другихъ, имъ-бы самимъ слѣдовало поучиться, — да и хорошенько-таки поучиться, такъ-таки съ азбуки и начать, гдѣ послѣ первыхъ-же страницъ они доподлинно уразумѣли-бы, что такое молитва, а потому и не смѣшали-бы ее съ какой-нибудь картинкой въ стихахъ или съ барабаннымъ стихотвореніемъ по поводу того или другого праздника.

Но если хороша книжка № 2-й, то не уступить ей и книжка № 8-й, въ которой помѣщены три статейки: „Когда я былъ маленькимъ“, „Школьники и муравьи“ и „Раненые, докторъ и необитаемый островъ“.

„Когда я былъ маленькій, провозглашаетъ сочинитель, — я очень любилъ добродѣтель. Помню, что начитавшись жизнеописаній разныхъ людей, знаменитыхъ своею добродѣтелью, я до того проникся любовью къ добродѣтели, что взялъ мѣлъ и на всѣхъ стѣнахъ, дверяхъ и скамейкахъ написалъ это прекрасное слово: „добродѣтель! добродѣтель! добродѣтель!“ Замѣчательно, однако, что, при всемъ моемъ восторженномъ поклоненіи добродѣтели, я какъ нельзя спокойнѣе дѣлалъ ежедневно тысячи дурачествъ. Впрочемъ, я ошибся; былъ одинъ разъ съ моей стороны порывъ сдѣлать кое-что въ самомъ дѣлѣ (добродѣтельное?), и вотъ по какому случаю. Въ одной книгѣ я прочелъ такія сильныя порицанія людямъ (*слушайте, слушайте!*), которые ѣдятъ мясо и чрезъ то дѣлаются убійцами невинныхъ животныхъ, что рѣшился навсегда отказаться отъ всего мясного и жить исключительно растительною пищей. Это былъ единственный мой припадокъ практической добродѣтели, когда я былъ маленькій.“

Хорошъ припадокъ, нечего сказать! Такой дикій припадокъ можетъ приключиться развѣ съ какимъ-нибудь совершенно очумѣлымъ аскетомъ, развѣ съ какой-нибудь пронырой-приживалкой пестующей собаченокъ въ угодъ какой-нибудь разваливающейся и физически и нравственно барской барынѣ, — но какъ онъ можетъ составлять предметъ гордости для г. сочинителя и, если г. сочинитель человѣкъ мало-мальски сообразительный, то какъ

такой дикій припадокъ можетъ служить примѣромъ добродѣтели для кого-бы то ни было? — Ай-ай-ай! Стыдно, г. сочинитель!

Но обратимся къ другой статьѣ той-же книжки — „Школьникъ и муравьи“.

„Во все время моего школьничества, рассказываетъ сочинитель, — я очень интересовался естественной исторіей, въ особенности всѣмъ, касающимся насѣкомыхъ, и увѣренъ, что будь я умнѣе, будь у меня зрѣніе получше, будь у меня лѣности поменьше, я могъ-бы въ этой наукѣ пойти довольно далеко. Посудите объ этомъ сами, выслушавши объ открытіяхъ, какія мнѣ удалось сдѣлать относительно моихъ пріятелей — муравьевъ.“

„Прежде всего, прошу не удивляться тому, что я называю этихъ крошечныхъ звѣрковъ своими пріятелями.“

Ну, и довольно! Хотя „крошечные звѣрки“, можетъ быть, и дѣйствительно пріятели нашего сочинителя, какъ это онъ докажетъ дальше; но мы больше сочувствуемъ тому положенію сочинителя, что „будь онъ умнѣе“, онъ далеко пошелъ-бы въ естественной исторіи, почему и закрываемъ книжку № 8, боясь послѣ звѣрковъ-муравьевъ встрѣтиться въ ней со львами-мошкями, слонами-козявками и проч.

Вмѣсто № 8-го мы раскрываемъ книжку № 4-й, носящую названіе: „Напитки“. Раскрываемъ и читаемъ:

„Вино. Ной, конечно, пилъ вино; но еще вопросъ — походило-ли оно на тотъ напитокъ, который мы приготовляемъ изъ нашего винограда. Греки утверждаютъ, что научились винодѣлію у Вахха около 1460 г. до Р. Х. Уже со временъ Озириса было извѣстно египтянамъ приготовленіе вина. Въ Египтѣ царь Псамметихъ пилъ впервые вино въ 640 г. до Р. Х. При построеніи Рима (753 года до Р. Х.) винодѣліе встрѣчалось въ Италіи очень рѣдко. Въ 542 г. до Р. Х. фокейцы принесли винодѣліе въ тогдашнюю Галлію. Первые слѣды винодѣлія мы находимъ въ Германіи около 230 г. до Р. Х. Попытка распространить винодѣліе въ Помераніи, около 1130 года, имѣла полный успѣхъ. Олегъ привезъ въ 907 году изъ Царьграда вина. Іоаннъ III, въ 1476 году подарилъ архіепископу Феофилу три бочки бѣлаго и двѣ бочки краснаго вина“ и т. д.

„Пиво. Если, случайно простоявши нѣкоторое время, пастой

(т. е. настой на солодѣ) приходилъ въ броженіе, то было изобрѣтено пиво. Когда римляне впервые познакомились съ германцами, то рассказывали о послѣднихъ, какъ объ нѣчто необыкновенномъ.“

Словомъ, кому желательно, тотъ изъ книжки № 4-й винной хронологіи и пивной грамматикѣ можетъ научиться всласть!

Мы знаемъ, что мы уже достаточно надѣбли читателю переборкой этой умственной немочи, столько-же имѣющей правъ на образовательное значеніе, сколько имѣеть ихъ какой-нибудь площадной петрушка съ своими деревянными, по мордасамъ дерущимися, куклами и неизмѣннымъ воплемъ: „ри-ви-кеу! ви-ки-реу!“ Тѣмъ не меньше, мы все-таки позволяемъ себѣ просить у читателя минуту вниманія, чтобы пробѣжать еще одну книжку, такъ сказать—заключительную, титудуемую: „Краткая географія Россіи“ (№ 13-й).

„Краткая географія Россіи“ состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: изъ введенія, географіи собственно и заключенія; кромѣ того, къ ней приложена карта; но такъ-какъ „Общество распространенія полезныхъ книгъ“ ухитряется все сдѣлать навыворотъ, то и карту оно приложило желѣзныхъ дорогъ, изъ „Указателя желѣзныхъ дорогъ“, Фрума и К“, на двухъ языкахъ, русскомъ и французскомъ, наивно объясняя, впрочемъ, что карту со временемъ оно перемѣнитъ на другую, специально географическую. Но обратимся къ самой „Географіи“.

„Въ самомъ началѣ этой книги—докладываетъ авторъ—вклеенъ сложенный листъ бумаги; пусть развернетъ его человекъ грамотный съ бережью („грамотный съ бережью“,—согласитесь, что это не дурно!) и подивится, какъ цестро и даже какъ-бы нескладно на немъ все начерчено: и слова-то не въ строки введены, а по всей бумагѣ разметаны, точно зря кто ихъ разбросалъ. Но тутъ хитрость большая.“

Дѣйствительно, когда развернетъ этотъ листъ бумаги человекъ „грамотный съ бережью“, то увидитъ, что тутъ „хитрость большая“ и ровно ничего онъ въ этомъ листѣ не пойметъ, ибо, спутанный съ перваго-же раза множествомъ безграмотно напечатанныхъ именъ русскихъ, онъ еще больше того спутается при видѣ совершенно чуждыхъ его пониманію именъ французскихъ,—

и обнесетъ онъ г. сочинителя словомъ крѣпкимъ, безо всякой безъ бережи, и шваркнетъ онъ ту географію, рѣчью мужицкой дѣланой написанную, подъ лавку, и закажетъ онъ другу-недругу подобныя барскія глупости читать, и не сбудутся, такимъ образомъ, мечтанія Общества, что *географія* его разнесется во всѣ концы Россіи „на спинахъ коробейниковъ“. Не сбудутся эти ожиданія еще и потому, что „Общество распространенія полезныхъ книгъ“ для отдѣла *географіи собственно* сдѣлало выборки изъ какой-то допотопной географіи, переврало даже эти несчастныя выборки и, наконецъ, насыпало столько грамматическихъ опибоевъ, что книжонку совершенно нѣтъ возможности читать. Словомъ, и тутъ Общество постаралось остаться вѣрнымъ своей задачѣ и возложить „на спины коробейниковъ“ такой-же хламъ, какой представляютъ собою и всѣ остальные изданія Общества.

Дальше разбирать книжки Общества, какъ видитъ читатель, было-бы бесполезно, потому-что всѣ онѣ похожи одна на другую, то есть во всякой изъ нихъ непремѣнно чужъ свачетъ на вздорѣ и гилю погоняетъ. Но сообразимъ однако, чего стоитъ Обществу эта его чудодѣйственная забава.

По нашему расчету, каждая такая книжка, напечатанная лишь въ 5000 экземплярахъ (въ меньшемъ количествѣ подобныя книги не печатаются), должна обходиться Обществу въ 113 руб. 8 коп.; слѣдовательно, двадцать пять такихъ книжекъ составятъ непроезжимую затрату въ 2827 рублей. Но такъ-какъ мы не принимали въ расчетъ всѣмъ видимую неопытность Общества вообще, а, слѣдовательно, и вящую неопытность его въ дѣлѣ издательскомъ, такъ-какъ мы не считали тутъ гонорарій за статьи, не брали въ соображеніе то обстоятельство, что Общество имѣетъ свой магазинъ, стало бытъ имѣетъ помѣщеніе и прислугу, что оно печатаетъ въ газетахъ объявленія о своихъ изданіяхъ,—словомъ, такъ-какъ мы упустили изъ виду при нашемъ расчетѣ множество расходовъ весьма существенныхъ, то къ 2827-ми рублямъ, вѣроятно, придется прибавить еще столько-же, такъ-что смѣхотворная дѣятельность Общества — даже по нашему экономическому расчету—окажется стоящею больше пяти съ половиною тысячъ рублей. Пять съ половиною тысячъ рублей! Пять съ половиною тысячъ рублей затратить для того, чтобы даже самый

снисходительный читатель, взявши въ руки какую-нибудь изданную Обществом книжку, невольно пожалъ плечами и назвалъ такихъ дѣятелей жалкими, „нищими духомъ“. Пять съ половиною тысячъ рублей бросить на то, чтобы съ комическимъ самодовольствомъ, достойнымъ развѣ крыловской мухи, сказать: „мы пахали“. Да послѣ этого ужъ лучше-бы было на эти деньги обучить въ катковскомъ лицей какомъ нибудь Цицерона, имѣющаго со временемъ удивить своими подвигами мiръ. Право, лучше! Жаль намъ васъ, господа неумѣлые!

М. В—овъ.

НРАВЪЯ КНИГИ.

Наши дни. Сочиненіе Бертольда Ауэрбаха. 1871 г.

Нѣтъ ничего скучнѣе толковъ и разсужденій провинціаловъ о политикѣ, о томъ, что *думаетъ* Наполеонъ III и что *передавалъ по секрету* Бисмаркъ императору Вильгельму. Сначала эти толки и разсужденія смѣшаты, потомъ они начинаютъ раздражать нервы или нагоняютъ зѣвоту. Вамъ становится обидно и стыдно за человѣка, который, можетъ быть, очень хорошій сельскій хозяинъ, отличный медикъ, но который жаелаетъ неперемѣнно быть политикомъ, хотя для этого у него нѣтъ никакихъ способностей, хотя обстоятельства лишили его необходимой подготовки для занятія политикой. Вамъ должно быть тѣмъ болѣе досадно слушать весь этотъ сумбуръ, что вы не можете разъяснить своему собесѣднику его промахи и нелѣпости, такъ-какъ труднѣе всего спорить о какомъ-нибудь предметѣ съ человѣкомъ, незнающимъ спорнаго предмета. Въ этихъ случаяхъ остается только молчать и поскорѣй отдѣлаться отъ собесѣдника.

Рядъ подобныхъ толковъ и разсужденій составляетъ новое произведение Ауэрбаха. «Въ этомъ небольшомъ сочиненіи, говоритъ самъ Ауэрбахъ,—я изобразилъ впечатлѣнія и толки о событіяхъ послѣдняго времени въ томъ видѣ, какъ они удержались въ моей памяти; мнѣ пришлось или самому все это передумать и перечувствовать или услышать во время частыхъ разъѣздовъ отъ людей, мнѣніями которыхъ можетъ дорожить изслѣдователь. Вездѣ въ этомъ сочиненіи я сохраняю отрывочную форму». Дѣйствительно, форма сочиненія до того отрывочна, что напоминаетъ записныя книжки путешественниковъ, гдѣ можно найти, напримѣръ, подобныя страницы: «сегодня

прѣхалъ въ Берлинъ. Осматривалъ городъ. Отдано бѣлье въ стирку: 3 маръ. За обѣдъ 1 талеръ. Видѣлъ Бисмарка. Въ биргалле истрачено 15 зильбергрошей. Познакомился «подъ лицами» съ одной нѣмочкой. Прачка принесла бѣлье» и т. д. Последовательности и логической связи въ новомъ произведеніи Ауэрбаха не болѣе, чѣмъ въ приведенной выдержкѣ изъ записной книжки путешественника. На каждой страницѣ вы читаете здѣсь слѣдующее: «Гостепріимный хозяинъ дома, въ которомъ мы остановились, изъявивъ сперва желаніе провести насъ далѣе, теперь вошелъ къ намъ и сталъ извиняться... (3 стр.) Молодой медикъ, еще только недавно оставившій школьную скамью, былъ такъ любезенъ, что поднесъ намъ великолѣпное шампанское прямо въ экипажъ... (4 стр.) Нашъ кучеръ, уроженецъ Вюртемберга, служившій прежде въ кавалеріи, печально рассказывалъ довольно веселыя исторійки изъ войны шестьдесятъ шестого года. (5 стр.)... Въ полдень мы остановились у очень почтеннаго родоначальника одного изъ шварцвальдскихъ семействъ. Семейство это весьма многочисленно». (6 стр.) и т. д. Кто эти почтенные люди и какое дѣло до нихъ обществу — это неизвѣстно. Извѣстно только, что большая часть изъ нихъ даже не выражаетъ никакихъ мнѣній, «которыми можетъ дорожить изслѣдователь», является просто «лицами безъ рѣчей», а самъ изслѣдователь, т. е. Ауэрбахъ, даже не старается подкупить читателя въ пользу этихъ лицъ, хоть, напримѣръ, ихъ тишическими портретами. Нѣтъ, онъ просто на каждой страницѣ своего сочиненія говоритъ, что онъ останавливался у достопочтеннаго медика, разговаривалъ съ почтеннымъ родоначальникомъ большого семейства, слушалъ браваго кучера, — вотъ и все. Что это за люди? О чемъ они говорили? Почему ихъ мнѣнія дороги изслѣдователю? Почему большая часть этихъ мнѣній или, лучше сказать, почти всѣ эти мнѣнія не передаются изслѣдователемъ публикѣ, а хранятся въ тайнѣ? На все это трудно найти разумный отвѣтъ. Памятныя по своей нелѣпости, необтесанныя записки о путешествіи по Европѣ Михаила Петровича Погодина и еще болѣе памятная пародія на эти записки: «путевыя замѣтки Ведрина» — по своей формѣ и по логической связи содержанія могутъ быть названы замѣчательными произведеніями въ сравненіи съ замѣтками Ауэрбаха. Замѣтки послѣдняго своею формою, своею отрывочностью и непослѣдовательностью могутъ нагнать скуку и зѣвоту даже на его ближайшихъ родственниковъ, интересующихся, быть можетъ, и числомъ выпитыхъ имъ стакановъ вина, и радушіемъ принимавшихъ его неизвѣстныхъ личностей и даже состояніемъ его бѣлья.

Но оставимъ въ сторонѣ форму и обратимся къ содержанію, къ политическимъ взглядамъ Ауэрбаха.

Ауэрбахъ появился на литературное поприще почти въ одно время съ Шильгагеномъ. Его первые рассказы изъ деревенской жизни были тепло написаны, отъ нихъ вѣяло свѣжестью, въ нихъ была видна любовь къ народу, — въ этомъ заключались главныя достоинства новаго писателя, подкупившія въ его пользу читающую публику и критику. Его имя стали ставить рядомъ съ именемъ Шильгагена, его произведенія стали сравнивать съ произведеніями Шильгагена и нѣкоторые досужіе цѣнители и судьи даже обсуждали серьезно глубокомысленный вопросъ: кто выше, какъ художникъ, — Шильгагенъ или Ауэрбахъ? Наивные люди не замѣчали, что характеры талантовъ этихъ двухъ писателей были совершенно различны и что сравненіе между ними такъ-же невозможно, какъ, напримѣръ, сравненіе между кускомъ говядины и сюртукомъ, между солнцемъ и зеленымъ лугомъ и т. п. Поэтическія картины, теплота чувствъ, симпатичныя отношенія къ народу — вотъ все, чѣмъ подкупалъ Ауэрбахъ въ своихъ первыхъ произведеніяхъ. Здѣсь у него не было глубокой и смѣлой мысли, которая расширила-бы кругозоръ читателя или пробудила-бы въ умѣ новыя соображенія, новые взгляды; здѣсь не было тѣхъ общечеловѣческихъ типовъ, къ созданію которыхъ всегда стремился Шильгагенъ; здѣсь не было того широкаго захвата общественной жизни во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, порывы къ которому такъ замѣтны у Шильгагена во всѣхъ его большихъ романахъ. Первые произведенія Ауэрбаха своею простотою и мнимою безыскусственностью если и напоминаютъ чьи-нибудь произведенія, то ужь, конечно, не Шильгагеновскія, а произведенія Эркмана-Шатриана. Но и при сравненіи произведеній этихъ двухъ писателей, вы ясно увидите, что у Эркмана-Шатриана подъ простодушной внѣшностью рассказа скрывается очень яркая тенденціозность, тогда какъ въ первыхъ произведеніяхъ Ауэрбаха не замѣтно никакой тенденціи, если не считать тенденціею его любовь къ народу. Последнее качество дѣлаетъ его особенно симпатичнымъ. Но въ то-же время это качество, по свойству его таланта, выражается у него иногда въ такой формѣ, что оно дѣлаетъ его подъ часъ приторнымъ и переходитъ въ простую чувствительность. Это не та любовь, которая заставила нашего Лермонтова сказать, что онъ

И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ

На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ, —

хотя въ то-же время въ поэтѣ не шевелятъ отграднаго мечтанья

Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья.

Это не та любовь, которая была въ нашемъ Гоголѣ, описывавшемъ безъ всякихъ прикрасъ и мужиковъ, туго-толкующихъ о колесѣ чичиковской брички, и Петрушку съ его особеннымъ запахомъ, и сонливаго кучера Чичикова и десятки тому подобныхъ, забытыхъ, тупыхъ, быть можетъ, пьяныхъ, быть можетъ, развращенныхъ личностей изъ народа. Нѣтъ, Ауэрбахъ видимо старается сгущать розовыя краски и скрывать темныя стороны при описаніи народа. Онъ какъ-будто боится сказать *всю* правду. Вслѣдствіе этого колоритъ его картинъ выходитъ свѣтлый, ясный; его герои слишкомъ идеальны, безплотны и мало напоминаютъ о оныхъ мозолистыхъ рукахъ, о грязи, налипшей на ихъ потное тѣло во время унаваживанія земли или работы въ мастерской, о запахѣ простого табака и дешеваго вина или пива, выпитаго въ кабацѣ, о грубой и дырявой одеждѣ, въ которой жарко лѣтомъ и холодно зимой. Вы понимаете, что описываемыя имъ сцены не вымышлены, но въ то-же время, вы чувствуете, что въ дѣйствительности эти сцены были не такъ романтичны, не такъ чувствительны, что герои этихъ сценъ выражались болѣе грубо, менѣе отборными, но болѣе характерными словами. Короче сказать: у Ауэрбаха въ его первыхъ произведеніяхъ былъ замѣтенъ недостатокъ мужественности и была излишняя доза женственности. Этотъ недостатокъ былъ тѣсно связанъ съ отсутствіемъ строгой мысли и опредѣленной тенденціи. Ауэрбахъ, если можно такъ выразиться, любилъ народъ только сердцемъ, но не головой. Подобная любовь постоянно заставляетъ писателей рисовать любимыя личности только съ хорошей стороны и скрывать по возможности всѣ дурныя стороны этихъ личностей. Въ этихъ случаяхъ у писателя постоянно является боязнь, что публика отвернется отъ его любимцевъ, если они будутъ нарисованы именно такими, какими являются они за кулисами своей будничной жизни. Этой трусости не знаетъ только та любовь, которая живетъ въ насъ не вслѣдствіе одного нашего добродушія и нашей чувствительности, но и вслѣдствіе полнаго разумнаго сознанія, что любимое нами достойно любви, несмотря на всѣ свои дурныя стороны, несмотря на всю свою внѣшнюю непривлекательность. Взгляните на народныхъ героевъ Шекспира, Диккенса и вы поймете,

что писатель можетъ пробудить сочувствіе къ народу, не стараясь скрывать его пороковъ.

Но какъ-бы то ни было, Ауэрбахъ все-таки могъ оставаться очень симпатичнымъ рассказчикомъ, покуда онъ писалъ безхитростныя деревенскія сцены. Однако онъ не ограничился ими и принялся за тенденціозные романы à la Шпильгагенъ и здѣсь-то выказалась вся его несостоятельность. Картины природы, трогательныя сцены, съ любовью обрисованныя личности, все, чѣмъ былъ онъ силенъ, отошло здѣсь на второй планъ и замѣнилось несостоятельностью мысли, сбивчивостью взглядовъ, туманностью направленія. Кто читалъ его романы «На высотѣ» и «Дача на Рейнѣ», тотъ знаетъ, что значить звать отъ скуки. Эти длинныя, длинныя произведенія не оставляютъ никакого живого впечатлѣнія, не будятъ никакой новой мысли, не расширяютъ ничьего кругозора. О нихъ никто не говоритъ, критика не спѣшитъ разъяснить и развить высказанныя въ нихъ идеи, молодые писатели не подчиняются ихъ вліянію и не повторяютъ въ своихъ романахъ и повѣстяхъ образы, выставленные въ этихъ обширныхъ произведеніяхъ. О женскихъ типахъ Шпильгагена даже у насъ пишутъ статьи, образъ Лео повторяется въ новыхъ произведеніяхъ другихъ писателей, о тенденціи и идеяхъ Шпильгагена ведутся ожесточенныя споры, Вальтеръ и Лео дѣлаются представителями двухъ партій. Ничего подобнаго не является послѣ большихъ романовъ Ауэрбаха: людей, ищущихъ мысли въ романѣ, они сердятъ, людей, желающихъ расчувствоваться надъ романомъ, они усыпляютъ. Въ этихъ произведеніяхъ Ауэрбахъ произнесъ свой собственный приговоръ, написалъ самъ на себя критическую статью; онъ ясно сказалъ въ нихъ то, что только предчувствовалось до сихъ поръ и было спорнымъ пунктомъ для критиковъ,—онъ сказалъ, что у него нѣтъ яснаго міросозерцанія, что онъ не мыслитель, что онъ чистый художникъ по свойству своего таланта и художникъ не сильный, такъ-какъ сильнымъ художникомъ можетъ быть только мыслитель. У Шекспира ширина міросозерцанія и глубина мысли не могли быть равными съ шириною міросозерцанія и глубиною мысли г. Фета.

Послѣ всего сказаннаго намъ можно-бы и не говорить о томъ, какво содержаніе новой книги Ауэрбаха. Оно не можетъ быть не слабымъ. Война, возбуждая политическія страсти, отуманиваетъ головы даже такихъ людей, которые довольно правильно и довольно гуманно смотрятъ на отношенія народовъ и на политическія явленія въ мирное время. Людей-же, неимѣющихъ строго опредѣленныхъ и серьезныхъ политическихъ взглядовъ, она просто сбиваетъ съ толку. Это

и случилось съ Ауэрбахомъ. Каждая страница его книги доказываетъ это и заставляетъ автора путаться среди противорѣчій. Такъ, напримѣръ, въ началѣ своей книги онъ задается вопросомъ: «Чего желаютъ французы и чего желаютъ нѣмцы»? Приторнымъ, дѣланымъ языкомъ, который такъ часто надоѣдаетъ въ разсказахъ Ауэрбаха и который, по его мнѣнію, долженъ изображать собою мужественный языкъ народа, Ауэрбахъ говоритъ: «Одинокій дровосѣкъ, положивъ на землю свой топоръ, задумался, въ мысляхъ его вертится вопросъ: чего-же хочетъ французъ?.. Сидитъ работникъ и починаетъ мостовую, опустился у него молотъ, приостановилась работа... А вонъ на полѣ жнецъ — не видать сильныхъ движеній его руки: онъ задумался... Старичокъ въ деревнѣ сидитъ и думаетъ... О чемъ-же думаютъ всѣ эти люди? У каждаго въ мысляхъ вертится вопросъ: чего хочетъ отъ насъ французъ»? На это Ауэрбахъ отвѣчаетъ: «У французовъ явилось теперь тяжелое сознаніе: они сильно недовольны собою и потому желаютъ забыться въ шумѣ войны (28 стр.)... Они хотятъ силой приобрести у насъ земли по Рейну и Саарѣ, — земли, въ которыхъ находится больше всего каменнаго угля, и говорятъ, что своимъ еще болѣе близкимъ сосѣдствомъ они принесутъ намъ свободу и цивилизацію (29 стр.)... Они хотятъ драться, хотятъ — вслѣдствіе одного своего тщеславія—помѣяться силами съ своимъ миролюбивымъ сосѣдомъ. Что могутъ написать теперь французы девизомъ на своемъ военномъ знамени? Только одно: «мы хотимъ драться и грабить» (стр. 30).

«Они хотятъ имѣть преимущества передъ всѣми другими народами, они хотятъ имѣть опеку, такъ называемый prestige. Они осмѣливаются говорить своему сосѣду: ты не долженъ благоденствовать, потому-что я не благоденствую; ты не долженъ поступать сообразно съ окружающими тебя обстоятельствами, потому-что я такъ не поступаю; ты долженъ расхлебать кашу, которую я тебѣ наварю; а мнѣ принадлежитъ естественно все то, что приходится мнѣ по вкусу, такъ-какъ я—народъ, избранный судьбою для представительства свободы и цивилизаціи.

«Это замѣчательное фразерство французовъ, за которымъ скрывается самое обыкновенное желаніе — грабить чужія страны, должно подвергнуться удару, котораго оно по справедливости заслуживаетъ. Кровь, которая по своей испорченности и дрянности не можетъ ударить въ лице и вызвать краску стыда, должна быть пролита насильственно, если нельзя удалить ее другими средствами» (стр. 31—32).

Засвидѣтельствовавъ такимъ образомъ и свое незнаніе французскаго

народа и свою способность клеветать на цѣлый народъ огуломъ, забывая даже, что въ началѣ войны самъ императоръ Вильгельмъ говорилъ, что онъ воюетъ не съ французскимъ народомъ, а съ Наполеономъ, упустивъ изъ виду, что часть преданнаго Наполеону ретрограднаго меньшинства не составляла всей Франціи, что и противъ Наполеона и противъ войны поднималось множество честныхъ голосовъ, Ауэрбахъ продолжаетъ объяснять, чего желаютъ нѣмцы.

«Чего-же желаемъ мы, нѣмцы? говорить онъ,—что можемъ написать мы на своемъ знамени?»

«Наши желанія самыя священныя, самыя чистыя въ нравственномъ отношеніи.

«Уже въ продолженіе цѣлаго столѣтія тянется борьба за свободу народовъ, за то, чтобы избавить одинъ народъ отъ притѣсненія другого, болѣе сильнаго народа.

«Пусть-же будетъ памятнымъ всѣмъ, что французы оказали важную услугу въ томъ отношеніи, что вызвали войну, которая дастъ намъ возможность отбить имъ крылья и слѣдовательно не допустить ихъ усилиться до возможности притѣснять другіе народы. Такимъ образомъ равноправность всѣхъ народовъ, хотя съ трудомъ, но въ сущности будетъ достигнута.

«Теперь именно Германія борется за равноправность всѣхъ народовъ (стр. 30—31).

«Девизъ, стоящій на нашемъ знамени—равноправіе народовъ.

«Мы освобождаемъ себя и весь міръ отъ слишкомъ большихъ претензій французовъ; мы освобождаемъ, можетъ быть, самихъ французовъ отъ ихъ *постояннаго желанія грабить* (sic!): очень можетъ быть, что эта война научить ихъ уважать право чужой собственности» (стр. 31—32).

Неправда-ли, что этихъ фразъ вполне достаточно, чтобы обличить всю несостоятельность писавшаго, несостоятельность въ знаніи исторіи современныхъ событій, политическихъ интригъ, жизни и характера народовъ. Этотъ бывшій народный писатель, какъ оказывается теперь, умѣлъ только рисовать сладенькія сценки изъ жизни своего родного захолустья и за нихъ прослылъ знатокомъ народа. Теперь-же ясно видно, что онъ писалъ сценки, никогда не задумываясь собственно о характерѣ и положеніи народа—не жителей своего села, а народа вообще въ Германіи, въ Англии, во Франціи. Если-бы онъ серьезно присмотрѣлся къ народу, то онъ никогда не сталъ-бы толковать о томъ, что одна нація является шайкой грабителей, а другая сознаетъ свою миссію освободить народы и вводить въ міръ равноправ-

ность народовъ. Подобныя дѣленія народовъ на грабителей и «миссіонеровъ», на подлецовъ и безгрѣшныхъ не могутъ имѣть мѣста въ головѣ не только мыслящаго человѣка, но и въ головѣ даже очень ограниченнаго человѣка, который читалъ газеты и зналъ, что дѣлалось въ началѣ войны. Подобныя мнѣнія могли явиться только въ головѣ празднаго поэта-художника, пустого фантазера, который плюетъ на факты и выше всего ставитъ выдумки своей расхлывшейся фантазіи.

И подобными-то измышлениями наполнена вся книга, имѣющая главною своею цѣлью доказать благотворность соединенія «южной Германіи» съ Пруссіей. Ауэрбахъ говоритъ, что южная Германія питала больше симпатій къ Франціи, чѣмъ къ Пруссіи. «То узкая; то космополитическая туманная демократія не могла не имѣть отвращенія къ постоянной сдержанности и положительности, которая отличаетъ сѣверо-германскую жизнь отъ южно-германской. Пруссія представляется жителямъ южной Германіи состоящею изъ надменныхъ бюрократовъ и самыхъ негодныхъ бездѣльниковъ-юнкеровъ.

«Если бывало начнешь у насъ говорить о недостаткахъ пруссаковъ— всѣ язвительно улыбаются. Если-же станешь говорить о хорошихъ качествахъ ихъ, о замѣчательной энергіи, объ ихъ силѣ (это хорошее качество есть и у грубыхъ дикарей), о добросовѣстности и антагонизмѣ къ порабощенію (что сей сонъ значить?), никто и слушать не хочетъ. Вотъ каковы были отношенія жителей южной Германіи къ жителямъ сѣверной Германіи!..» (Стр. 20—21).

Далѣе, стараясь исчислить достоинства пруссаковъ и не выставивъ ни одного качества, которое пробуждало-бы симпатію, онъ самъ замѣчаетъ, что жители южной Германіи менѣе грубы, чѣмъ жители сѣверной. «Особенно отрадно было видѣть, пишетъ онъ, хорошее обращеніе, которое выказали два дѣлавшіе наборъ офицера (изъ южной Германіи) по отношенію къ нашимъ крестьянамъ. Какъ старшій, такъ и младшій выказали въ этомъ отношеніи замѣчательную человѣчность и добродушіе.

«Вотъ этого мы уже не можемъ замѣтить въ сѣверной Германіи: тамъ военная дисциплина развита до чрезвычайности и какъ при новыхъ наборахъ рекрутовъ, такъ вообще и въ обращеніи высшихъ чиновъ съ низшими замѣтны всегда крутость и даже жестокость.» (Стр. 24—25).

И къ какому-же выводу приходитъ онъ?

«Не смотря, однакожь, на эту разницу, думаетъ онъ,—мы можемъ смѣло надѣяться, что все крутое и рѣзкое должно будетъ сгладиться,

смягчиться и разлыхлиться отъ вліянія южно-германскаго беззаботнаго элемента». (Стр. 25).

По истинѣ изумительный выводъ: южно-германскій *беззаботный* элементъ разлыхлить и смягчить все крутое и рѣзкое! Беззаботность одержитъ верхъ надъ грубымъ милитаризмомъ, надменнымъ бюрократствомъ и негоднымъ конкерствомъ! Ужь не вспомнилась-ли Ауэрбаху исторія маленькаго пастуха Давида и Голиафа?..

Онъ распространяется о томъ, что сѣверная Германія питала къ южной «несчастную любовь—любовь, какъ въ общежитіи говорится, безъ взаимности», и ему, повидимому, даже въ голову не приходитъ, что эта любовь похожа на любовь бѣднаго жениха къ богатой невѣстѣ. Онъ воображаетъ, что нынѣшняя война навсегда скрѣпитъ узы сѣверной Германіи и южной. Онъ не сознаетъ, что слѣдствіемъ этой войны можетъ быть не взаимность любви, а просто порабощеніе южной Германіи, превращеніе ея въ то-же, чѣмъ является теперь сѣверная Германія. Какъ можетъ въ южной Германіи внезапно пробудиться любовь къ сѣверной? Развѣ въ сѣверной что-нибудь измѣнилось къ лучшему? Развѣ грубость смягчилась въ кровожадныхъ битвахъ? Развѣ надменность уменьшилась вслѣдствіе блестящихъ побѣдъ? Развѣ милитаризмъ исчезъ во время военнаго положенія? Развѣ убѣжденіе, что побѣждать можно только силою, что охранять себя можно только ружьемъ, что вся цивилизація заключается въ дисциплинѣ,—было опровергнуто перевѣсомъ надъ французами? Если нѣтъ, если все старое, антипатичное южной Германіи только усилилось и укрѣпилось, то какимъ-же образомъ могла южная Германія вдругъ воспылатъ любовью къ сѣверной? Кто былъ въ настоящее время въ Германіи, тотъ знаетъ, что этой любви, этой взаимности нѣтъ, какъ не было и прежде. Дѣло въ томъ, что народы привлекаются къ другому народу не кровавыми битвами, а свободными учрежденіями, процвѣтаніемъ страны, хорошими отношеніями жителей. Если-бы у Турціи были силы и если-бы она покорила какой-нибудь народъ, то онъ прежде всего сталъ-бы ненавидѣть ее и думать о своемъ освобожденіи. Соединенные же Штаты не думаютъ о покореніи народовъ, не питаютъ ни къ кому той платонической любви, которую питала сѣверная Германія къ южной, а между тѣмъ въ Соединенные Штаты вдутъ и нѣмцы, и французы, и ирландцы. Вотъ почему мы считаемъ просто бредомъ такія фразы Ауэрбаха, какъ, напримѣръ, слѣдующія: «Любезныя мои и дорогіе земляки и сограждане! я былъ-бы однимъ изъ счастливѣйшихъ людей, если-бы могъ высказать вамъ ту радость и то удовольствіе, которыя я теперь чувствую; я-бы желалъ излить

предъ вами всю свою душу въ благодарность за честь, которой вы меня удостоиваете. Я увѣренъ, что не моя личность, а великое дѣло, всѣхъ насъ наполняющее радостью,—я увѣренъ, что наше соединеніе съ сѣвѣрной Германіей—вотъ причина торжества и радости, охватившей одинаково, какъ васъ, такъ и меня». (Стр. 33)...

«Война, вспыхнувшая въ наши дни, есть война чести противъ лжи, нравственности противъ испорченности, невинности противъ насилія.» (Стр. 37) и т. д.

Впрочемъ, мы остановились на этой книжонкѣ дольше, чѣмъ она заслуживаетъ.

Издана она небрежно, переведена дурно, русской публикѣ она не нужна, — Впрочемъ, вѣдь это изданіе какихъ-вѣбудь гг. Плотниковыхъ, создавшихъ г. Шубинскаго, «Живую струну», лечебникъ Соссерота и т. д. и т. д.

Московскія смуты въ правленіе царицы Софіи Алексѣевны.

Сочиненіе Н. Аристова. Варшава. 1871 г.

Царствованіе Феодора Алексѣевича. Сочиненіе Е. Замысловскаго. Часть I. Введеніе. Обзоръ источниковъ. С.П.Б. 1871 г.

Поклоніе допотопныхъ профессоровъ, надъ которыми въ бывшее время столько потѣшалось веселое студентство, постепенно сходитъ въ могилу, и за неимѣніемъ достойныхъ имъ преемниковъ, больше пятидесяти университетскихъ кафедръ въ продолженіе многихъ лѣтъ остаются незанятыми. Это фактъ грустный, тѣмъ болѣе, что дѣло не въ недостаткѣ молодыхъ силъ, а въ самыхъ условіяхъ полученія профессорской кафедры. Она доступна только такимъ философамъ, какъ г. Владиславлевъ, такимъ юристамъ, какъ г. Градовскій, такимъ историкамъ, какъ гг. Аристовъ и Замысловскій. Все это ученые съ большими претензіями, все это *virī doctissimi, humanarum ac divinarum scientiarum magistri et doctores*, такъ-что подступать къ нимъ страшно, а рецензировать ихъ докторскія диссертациі сугубо неудобно, ибо многія изъ этихъ диссертациі такого сорта, что безпристрастный разборъ ихъ иногда даетъ молодымъ докторамъ основаніе преслѣдовать рецензента судебнымъ порядкомъ за оскорбленіе чести и сажать его на гауптвахту, какъ это случилось съ хроникеромъ «Отечественныхъ Записокъ». Въ виду такого обстоятельства,

мы боимся разбирать два творенія, заглавія которыхъ выписаны выше; мы хотимъ только въ общихъ чертахъ познакомить читателей съ этими глубокомысленными произведеніями.

Начнемъ съ г. Замысловскаго и воздадимъ должную похвалу его трудолюбію, его архивной эрудиціи, его усидчивости, съ которою онъ перечиталъ и изучалъ громадную массу печатнаго и рукописнаго хлама. Въ качествѣ чернорабочаго историка, въ качествѣ изслѣдователя и издателя матеріаловъ, г. Замысловскій былъ-бы дѣятелемъ несомнѣнно полезнымъ. Но жажда славы, желаніе сдѣлаться замѣчательнымъ ученымъ и произвести какой-нибудь переворотецъ въ исторической наукѣ увлекли автора гораздо дальше, чѣмъ это позволительно человѣку съ здравымъ смысломъ. Но есть-ли онъ или нѣтъ его, а для занятія кафедры необходимо получить докторскую степень. Отъ докторанта требуется, чтобы онъ своей диссертацией внесъ что-нибудь новое въ науку, — провелъ-бы новый взглядъ на известное явленіе, сдѣлалъ открытіе, усовершенствовалъ научный методъ и т. д. Докторанты упомянутаго сорта не способны удовлетворить ни одному изъ этихъ требованій. Но не обладая сколько-нибудь замѣчательною силою ума, они отличаются нравственными достоинствами, сіяютъ великими добродѣтелями, преисполнены трехпробнаго патриотизма и такою ревностью къ «пользѣ службы», что считаются достойными самыхъ высшихъ ученыхъ степеней, которыя, такимъ образомъ, дѣлаются чѣмъ-то въ родѣ монтіоновской преміи за добродѣтель... Что-же касается выполненія требованій устава относительно пріобрѣтенія степени доктора, то это дѣло нетрудное. Восхотѣлъ, напр., г. Градовскій быть докторомъ правъ, запасся историческими и юридическими матеріалами, и съ помощью ихъ доказавъ, что земля стоитъ на трехъ китахъ, былъ причтенъ къ лику російскихъ ученыхъ мандариновъ 1-й степени. Захотѣлъ г. Замысловскій изъ полезнаго и почтеннаго архиваріуса превратиться въ шервокласнаго историка и мыслителя, — и превратился! Нынѣ это плевое дѣло и совершить оное такъ-же легко, какъ выпить рюмку водки... Г. Замысловскій совершилъ это превращеніе посредствомъ слѣдующихъ приемовъ. Излагая воззрѣнія историковъ на XVII в. и на царствованіе Федора, авторъ голословно опровергаетъ ихъ одно за другимъ, опровергаетъ даже тѣхъ, которыхъ онъ хвалитъ и съ которыми въ сущности совершенно согласенъ! Обозрѣвая источники, онъ также голословно и огуломъ обличаетъ въ несправедливости и лжи иностранныхъ писателей «Дѣло», № 8.

о Россіи и вовсе не упоминаетъ о такомъ важномъ источникѣ, какъ сочиненіе Кошилина, не упоминаетъ, конечно, потому, что Кошинъ писалъ въ томъ-же духѣ, какъ и иностранцы, но его, какъ русскаго, нельзя обличить ни въ поверхностности наблюденій, ни въ племенной ненависти, которыми наши псевдопатріоты вообще и г. Замысловскій въ особенности приписываютъ всѣ невыгодныя свѣденія и отзывы иностранцевъ о древней Руси. Воззрѣніе самого автора на XVII в. и на царствованіе Федора съ сущности тождественно съ приводимымъ имъ безсодержательнымъ отзывомъ объ этомъ времени извѣстнаго Фразера Платона, который говоритъ о Федорѣ: «отъ сего *благоразумнаго* государя все просвѣщеніе и поправленіе происходило *не вдругъ, но по малу и съ соображеніемъ свойствъ народа*». Г. Замысловскій также хочетъ доказать, что реформа Петра была совершенно излишнимъ переворотомъ, нарушившимъ «стройное развитіе народа». Исторіей XVII вѣка авторъ подкрѣпляетъ реакціонную доктрину современныхъ постепенцевъ и совершенно бессмысленными аргументами силится убѣдить читателя, что въ древней Руси «совершалась поступательное движеніе во всѣхъ отвлеченіяхъ народной жизни», движеніе, нарушенное реформой Петра, къ которому г. Замысловскій питаетъ сильную антипатію, — обыкновенную антипатію бездарной посредственности къ геніальному дѣятелю. Усиреніе разнородности, развитіе централизаціи и крѣпостного права, «закрѣпленіе сословій», уничтоженіе послѣднихъ остатковъ народнаго самоуправленія, — весь этотъ византійско-азіатскій строй русской жизни XVII вѣка кажется автору явленіемъ отпаднымъ и прогрессивнымъ, въ которомъ лежали сѣмена постепеннаго «стройнаго развитія». Г. Замысловскій доказываетъ даже, что народное образованіе стояло тогда на довольно высокой степені. Сущность его доказательствъ состоятъ въ томъ, что обученіе въ школахъ до-петровской Россіи не огранивалось только часословомъ и псалтырю. Имѣя по преимуществу характеръ церковный, оно было, однакожъ, не чуждо знаній свѣтскихъ: такъ ученики должны были знать составъ и строй своего языка; *имъ давали понятіе о семи мудростяхъ*» и т. д. Словомъ, въ древней Россіи дѣла шли превосходно, великій петровскій переворотъ былъ непростительной политической ошибкой, а величайшій изъ русскіхъ государственныхъ дѣятелей — недалновиднымъ утопистомъ, непонимавшимъ законовъ постепеннаго развитія, какъ ихъ понимаютъ всѣ наши ракообразные ученые.

Излишне было-бы доказывать нелѣпость воззрѣній г. Замысловска-

го, и мы обращаемъ на нихъ вниманіе читателя единственно потому только, что видимъ въ нихъ проявленіе реакціоннаго духа времени, того времени, которое даже на историческую науку кладетъ свою печать неподвижности и, смѣло отрицая реформу Петра, съ высоты университетской кафедры, проповѣдуетъ на всѣ лады о необходимости идти впередъ не скоро, не съ увлеченіемъ, не съ энергіей, а потихоньку да по маленьку, какъ обыкновенно плетутся къ полученію вождѣльной пенсіи.

То-же отрицаніе петровской реформы, какое мы видѣли у г. Замысловскаго, проводится и въ диссертациі варшавскаго профессора Аристовъ, того Аристовъ, который нѣсколько лѣтъ назадъ прославилъ себя изданіемъ въ Казани благонамѣренной брошюрки, трактовавшей о нигилистахъ, Фогтѣ, Молешоттѣ и тому подобныхъ сюжетахъ. Г. Замысловскій унижаетъ Петра на счетъ Федора, г. Аристовъ унижаетъ его на счетъ царевны Софьи. Аристовъ думаетъ оправдать Софью отъ историческихъ обвиненій въ ретроградствѣ, громадномъ властолюбіи, интригахъ; онъ хочетъ доказать, что Софья дѣйствовала въ интересахъ народнаго блага и прогресса, а Петръ былъ ретроградомъ, торшозившимъ народное развитіе во имя своихъ утопическихъ увлеченій европейской цивилизаціей. Аргументація начинается съ обзора сочиненій, относящихся къ Софьѣ, при чемъ г. Аристовъ отвергаетъ всѣ источники, говорящіе не въ пользу царевны на томъ только основаніи, что они писаны сторонниками Петра, слѣдовательно политическими врагами правительницы, а враги, дескать, правды не скажутъ. Въ судебныхъ показаніяхъ стрѣльцовъ и другихъ лицъ, участвовавшихъ въ смутахъ, въ которыхъ была замѣшана и Софья, многоученый профессоръ также не признаетъ ни капли истины, потому только, что упомянутыя показанія давались подъ пыткой, а *„всѣ признанія, вынужденныя пыткой, должно считать ложью“* (стр. 141). Какъ будто враги не могутъ говорить истины, какъ будто самъ Аристовъ не приводитъ ихъ совершенно справедливыхъ отзывовъ о замѣчательномъ умѣ и энергіи Софьи, какъ-будто онъ не встрѣчалъ въ источникахъ множества примѣровъ данныхъ подъ пыткой совершенно справедливыхъ показаній!.. Отвергнувъ посредствомъ однихъ только подобныхъ пріемовъ неблагопріятныя извѣстія о Софьѣ, ординарный профессоръ и докторъ исторіи считаетъ несомнѣнными отзывы и свѣденія, благопріятныя царевнѣ и принадлежащіе ей сторонникамъ, въ особенности-же ея панегиристу Сильвестру Медвѣдеву. Достоувѣрность этихъ источниковъ авторъ также ничѣмъ не до-

казываетъ, какъ и недостоверность извѣстій, неговорящихъ въ пользу царевны. На критическіе приемы доктора Аристова мы уже указывали; приведемъ еще примѣръ. Желая оправдать Медвѣдева отъ обвиненія въ замыслѣ убить патриарха, г. Аристовъ считаетъ достаточнымъ для этого оправданія только то соображеніе, что «Медвѣдевъ и не могъ мечтать объ этомъ, находясь въ постоянномъ страхѣ, какъ-бы патриархъ не выслалъ его изъ Москвы» (стр. 137). Какъ тутъ страхъ высылки исключалъ даже всякую возможность мысли объ убійствѣ врага—совершенно непостижимо!.. Оправдывая и возвеличивая посредствомъ подобныхъ приемовъ Софью, г. Аристовъ нѣсколько разъ приводитъ рассказы различныхъ писателей объ образованности Софьи, о томъ, что она покровительствовала наукамъ, учредила театръ, сама писала комедіи, перевела на русскій языкъ мольеровскую комедію „Le Medecin malgré lui“ и играла въ ней роль (стр. 43, 44). Авторъ считаетъ эти извѣстія достоверными, не зная, что все это приписано Софьѣ по ошибкѣ и должно быть отнесено не къ ней, а къ царевнѣ Натальѣ (Забѣляинъ, Быть Царицъ, 491). Доктору и ординарному профессору исторіи, полагаемъ, стыдно не знать этого!..

Смуты, которыми закончился московскій періодъ нашей исторіи, г. Аристовъ объясняетъ съ славянофильской точки зрѣнія, и при давъ своей диссертациі славянофильскій характеръ, воображаетъ, что онъ внесъ въ науку что-то новое. «Стрѣльцовъ, говоритъ онъ, представляютъ отсталыми врагами просвѣщенія, совершенными янычарами; но на дѣлѣ оказывается не то: стрѣльцы являются съ казачьими стремленіями, *прогрессистами*, революціонерами въ отношеніи къ правительственному дворянству» (стр. 147). Одною изъ главныхъ причинъ стрѣлецкаго мятежа авторъ совершенно справедливо считаетъ злоупотребленія бояръ и военачальниковъ, но задавшись мыслию доказать прогрессивность стрѣлецкихъ тенденцій, онъ приписываетъ бунтовщикамъ «старинное земское желаніе имѣть долю участія въ дѣлахъ общественныхъ», протестъ противъ бюрократіи и дворянскихъ привиллегій, противъ нареченія на царство Петра „*помимо всенароднаго избранія*“ (стр. 66, 158 и др.) и т. д. Стрѣльцы и раскольники, кромѣ того, стояли за *свододу совѣсти* (стр. 90). Все это многоученный профессоръ, по своему обыкновенію, ничѣмъ не доказываетъ и единственный фактъ, приводимый имъ въ подтвержденіе демократичности и прогрессивности стрѣлецкихъ замысловъ, заключается въ томъ, что желая привлечь на свою сторону рабовъ и холоповъ, стрѣльцы говаривали, что дадутъ имъ волю, и въ то-же время,

по приказамъ правительства, послѣдовали этихъ рабовъ и холоповъ, мечтавшихъ о волѣ и желавшихъ пристать къ стрѣльцкому движенію (стр. 80 — 81). Хороши защитники народныхъ правъ! Возвеличивъ такимъ образомъ стрѣльцовъ и раскольниковъ и *оправдывая* сначала Софью и Голицына отъ обвиненій въ политическомъ интриганствѣ, г. Аристовъ въ концѣ концовъ обвиняетъ ихъ въ томъ, что они не хотѣли какъ слѣдуетъ воспользоваться упомянутыми движеніями и вслѣдствіе этого были побѣждены сторонниками Петра, т. е. обвиняетъ въ томъ, въ чемъ сначала оправдываетъ!.. Доказывая, что московскія смуты произведены не Софьей и что она хотѣла только воспользоваться ими для своихъ цѣлей, г. Аристовъ забываетъ ту азбучную историческую истину, что народныя движенія создаются не интриганамъ или агитаторамъ, а суммою возбуждающихъ ихъ жизненныхъ условий и отношеній; интриганы только пользуются ими, какъ старалась воспользоваться Софья.

Собственно говоря, у г. Аристова нѣтъ никакой диссертациі, никакого изслѣдованія. Цѣлыхъ 202 страницы заняты у него обзоромъ источниковъ, примѣчаніями да огромными выписками изъ слѣдственнаго дѣла о Шакловитомъ, и только 100 страницъ посвящены разсказу о московскихъ смутахъ, разсказу совершенно безцвѣтному и нисколько недоказывающему основныхъ мыслей автора. Впрочемъ, нынѣ отъ докторантовъ вовсе уже не требуется мыслей, а требуются только одни факты и факты, какъ это было заявлено на диспутѣ г. Замысловскаго однимъ изъ его оппонентовъ, принадлежащимъ къ свѣтиламъ россійской науки. «Петербургскія Вѣдомости» подняли это заявленіе на смѣхъ и тѣмъ обнаружили только свое крайнее легкомысліе. Не преслѣдовать за такія откровенныя заявленія должно ученыхъ мужей, а напротивъ, поощрять, чтобы всѣ они поскорѣ договорились до того-же, до чего договорился Михаилъ Петровичъ Погодинъ и до чего рано или поздно договорятся разные гг. Градовскіе, Аристовы и тому подобные ученые мужи. Упомянутый оппонентъ не даромъ-же совѣтуетъ имъ не пускаться въ лукавыя мудрствованія, а заниматься только фактами и фактами. Онъ, вѣроятно, опасается, и опасается справедливо, что большинству кандидатовъ въ великіе ученые на скользкомъ пути мудрствованій угрожаетъ опасность растянуться плашмя или даже провалиться. Дѣло-то выйдетъ дрянь. Ну, а когда за ученыхъ диссертациі и изслѣдованія будутъ выдаваться и приниматься кропотливыя компиляціи трудолюбивыхъ и благонамѣренныхъ архиваріусовъ, когда журнальные разборы этихъ диссертациій

будутъ преслѣдоваться судомъ, когда россійская почва, избилъше удобренная классицизмомъ, будетъ отдаваться для воздѣлыванія молодымъ старичкамъ, въ родѣ гг. Градовскаго, Владиславлева, Аристова, Замысловскаго, — тогда науки, безъ сомнѣнiя, процвѣтутъ въ Россiи и наше любезное отечество украсится сотнями докторовъ всевозможныхъ наукъ, — *humanarum ac divinarum scientiarum*, какъ говорится въ дипломахъ духовныхъ академiй.

ЖУРНАЛИСТИКА РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Еврейская Библиотека. Историко-литературный сборникъ. Томъ I. Изданіе
А. Е. Ландау. СПб.

Странную судьбу переживаетъ журналистика русскихъ евреевъ! Съ одной стороны, во что-бы-то ни стало молодое поколѣніе русскихъ евреевъ стремится возсоздать свою національную литературу и поставить ее въ уровень съ умственнымъ движеніемъ нашего времени, — съ другой, всѣ попытки его на этомъ поприщѣ не удаются. Честный и энергическій борецъ за еврейское дѣло, Осипъ Рабиновичъ, могъ держаться съ своимъ «Разсвѣтомъ», первымъ органомъ русскихъ евреевъ, только одинъ годъ. Кромѣ разныхъ непріятностей со стороны своихъ-же единовѣрцевъ, неумѣвшихъ оцѣнить его полезную дѣятельность, Рабиновичъ встрѣчалъ препятствія тамъ, гдѣ меньше всего слѣдовало ихъ ожидать, и, разочарованный въ своихъ надеждахъ, онъ оставилъ поприще еврейскаго публициста съ жгучей болью въ сердцѣ, которая играла не послѣднюю роль въ его преждевременной смерти... Преемникъ «Разсвѣта» «Сіонъ», имѣвшій болѣе научное направленіе и строго и безпристрастно обсудившій со всѣхъ сторонъ еврейскій вопросъ, не просуществовалъ и года. Лѣтъ шесть-семь спустя, «Общество для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи» приступило къ изданію «Сборника» статей по еврейской наукѣ,—но и это предпріятіе не удалось, не смотря на то, что «Общество» располагало, сравнительно, большими средствами, чѣмъ частное лицо. Впродолженіе трехъ лѣтъ оно успѣло выпустить только двѣ книжки этого «Сборника». Но вотъ, наконецъ, два года тому назадъ образовавшемуся въ Одессѣ отдѣленію упомянутаго общества удалось получить разрѣшеніе на возобновленіе органа русскихъ евреевъ, подъ названіемъ «День». Еврейская прогрессивная молодежь

чрезвычайно обрадовалась ему и возлагала на него всѣ свои надежды. И дѣйствительно, работа мысли закипѣла въ «Днѣ»; 'вся почти еврейская интеллигенція поддержала его своими литературными трудами и во многихъ отношеніяхъ онъ превзошелъ даже «Разсвѣтъ», въ лучшую пору его дѣятельности. Десятилѣтній опытъ не прошелъ даромъ для еврейской молодежи; она стала въ послѣднее время на болѣе утилитарную и практическую почву и твердо, ясно высказала свои стремленія и желанія.

Стояла долго непогода,
 Погасъ «Разсвѣтъ», погибъ «Сіонъ»;
 Но освѣжилась чуть природа
 И освѣтился небосклонъ, —
 Какъ сразу «День» новорожденный
 Тяжелый руль опять беретъ;
 Надеждой свѣтлой озаренный,
 Гребцовъ знакомыхъ онъ зоветъ.
 И воодушевленно, смѣло
 Начнуть они свой скромный трудъ,
 Заспорить ихъ святое дѣло,
 Народный ожидая судъ.
 Взойди-же, день, такъ долго жданный,
 И озарь свѣтлѣе насъ;
 Разсѣй повсюду мракъ туманный
 Взойди на долго—въ добрый часъ! *).

Такъ пѣлъ тогда одинъ изъ талантливѣйшихъ сотрудниковъ «Дня». И что-же? Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ редація «Дня» объявила, что, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, она находится въ необходимости прекратить на время свою дѣятельность... Вотъ вамъ и «взойди на долго—въ добрый часъ»! Словомъ, не везетъ что-то еврейской періодической печати... И въ это неблагопріятное для еврейскихъ періодическихъ изданій время появилась «Еврейская Библиотека», предметъ настоящей нашей статьи. (О «Вѣстникѣ Русскихъ Евреевъ», издаваемомъ съ 1871 года въ Петербургѣ какими-то неизвѣстными личностями, мы не рѣшаемся даже упомянуть: такъ онъ пусть, безтактенъ и мелочень!)

Но чѣмъ-же вызывается потребность особенной еврейской журналистики? Почему она имѣетъ право на наше вниманіе? Есть-ли и можетъ-ли быть какое-нибудь дѣльное и новое міросозерцаніе у народа,

*) См. «День» № 2, за 1869 годъ.

разсѣяннаго по всему лицу земли, среди чужихъ націй, болѣе чѣмъ индифферентнаго въ политическомъ отношеніи, живущаго своими неприкосновенными традиціями и вѣчно чающаго какого-то избавленія извнѣ? — Какая-же литература можетъ быть у такого народа и что новаго она можетъ сказать среди европейскаго умственнаго движенія? Дѣйствительно, ни одинъ народъ не держался такъ крѣпко за свою традицію, за свое прошлое, какъ еврей; традиція помогла сохранить имъ свой національный типъ въ продолженіи многихъ вѣковъ, пронести его чрезъ всѣ гоненія и историческія катастрофы; традиція сплотила эту народность въ одно цѣлое, сдѣлала ее до такой степени солидарной, что она нигдѣ и никогда не терялась среди другихъ національностей. Но къ лучшему-ли это? Вотъ вопросъ, который требуетъ своего всесторонняго и безпристрастнаго разрѣшенія. По крайней мѣрѣ, вѣрно то, что традиція загородила евреямъ политическое и социальное движеніе впередъ; она отняла у нихъ силу и энергію активной націи, обособила ихъ, замкнула въ самую узкую сферу меркантильной дѣятельности, чему помогли и варварскія преслѣдованія средневѣковой христіанской Европы. Это обезсмыслило интеллектуальное развитіе евреевъ и, за исключеніемъ гениальныхъ единиць, нерѣдко выходившихъ изъ этой темной среды, отдалило массу отъ участія въ обще-европейскомъ умственномъ движеніи. Но самыя историческія условія, создавшія евреямъ ихъ исключительное и уродливое положеніе, обязываютъ ихъ имѣть свои собственные органы мысли и слова; обще-европейская пресса слишкомъ далеко стоитъ отъ еврейскихъ нуждъ и интересовъ. Чтобы бороться съ предрасудками еврейской массы—нужно бороться на томъ-же языкѣ, съ которымъ она восала ихъ, на полѣ той-же традиціи, которая передала ихъ. Вотъ почему еврейская журналистика имѣетъ право на наше глубокое вниманіе, и г. Ландау, издатель «Еврейской Библіотеки» не ошибся въ своемъ предпріятіи.

На первыхъ страницахъ «Библіотеки» помѣщенъ романъ г. Леванды «Горячее Время». Еврейская почва вообще крайне неблагоприятна для романа въ общепринятомъ понятіи этого слова. Вѣчная борьба за жалкое существованіе, строгая религіозная нравственность, созерцательная и скромная жизнь, отсутствіе бурныхъ страстей и порывовъ—препятствуютъ даже очень сильному таланту создать глубоко-художественный романъ на еврейской почвѣ. Поэтому главною темой для своихъ художественныхъ произведеній еврейскіе романисты избираютъ борьбу двухъ поколѣній, стараго и новаго; борьба эта играетъ, замѣтимъ мимоходомъ, не послѣднюю роль и въ

русскомъ романѣ. Вѣчная борьба между свѣтомъ и тьмой, между наукой и суевѣріемъ, между духомъ времени и обветшалыми понятіями, находится теперь у русскихъ евреевъ въ самомъ сильномъ разгарѣ: а у евреевъ она гораздо ожесточеннѣе, чѣмъ у другихъ народовъ. Эта ожесточенность имѣетъ свои историческія причины. Всѣ старыя понятія евреевъ, всѣ ихъ привычки, какъ вся ихъ жизнь (объ этомъ рѣчь впереди), имѣютъ религіозный характеръ, а извѣстно, какъ невыгодна борьба, когда она выступаетъ на религіозную почву. Въ то время какъ у другихъ народностей борьба поколѣній вращается большею частью въ практической жизненной сферѣ, — еврейскими бойцами приходится потрясать, будто, основы религіи, а цодъ религіею еврейская масса разумѣетъ все, что освящено древностью и обычаемъ. «Привычка евреевъ — есть религіозный законъ», гласитъ одно древнее еврейское изреченіе. Такимъ образомъ, возставая противъ «привычки», невольно возстаешь противъ «религіознаго закона». И вотъ эта — то борьба есть альфа и омега еврейскаго романа. Съ особымъ успѣхомъ подвизается на этомъ поприщѣ г. Леванда. Первый его романъ «Дено бакалейныхъ товаровъ», помѣщенный въ журналѣ «Разсвѣтъ» и вышедшій за тѣмъ въ отдѣльномъ изданіи, доставилъ автору огромную популярность между евреями. Послѣ перваго капитальнаго труда, г. Леванда помѣщалъ свои очерки и повѣсти въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, — но еврейская мыслящая молодежь все ожидала отъ своего любимца новаго капитальнаго произведенія, — и этимъ произведеніемъ является «Горячее время». Въ произведеніяхъ г. Леванды преобладаетъ строгая жизненная правда и анализъ. Обладая довольно крупнымъ талантомъ, онъ въ своихъ романахъ вездѣ мыслитель. Какъ художникъ, г. Леванда въ высшей степени безпристрастенъ къ созданнымъ имъ типамъ, — но подъ его мастерскими перомъ, читатель невольно сочувствуетъ всему свѣтлому и отворачивается отъ грязи и отъ вѣковой рутины; какъ мыслитель, какъ прогрессивный писатель, какъ человекъ, хорошо знающій описываемую имъ среду, г. Леванда даетъ въ своихъ произведеніяхъ вѣрную и строгую картину еврейскаго быта, которую онъ старается осмыслить и объяснить критически. Онъ указываетъ на темныя и свѣтлыя стороны еврейской жизни и поэтому еврейская молодежь читаетъ его на расхватъ. Выхвативъ прямо изъ жизни цѣлый рядъ явленій, г. Леванда заставляетъ читателя призадуматься надъ этими явленіями. Незатѣшливая обстановка его романовъ и совершенно естественный въ нихъ ходъ событій не мешаютъ читателю увлекаться ими и читать ихъ съ истиннымъ удовольствіемъ. Въ его романахъ нѣтъ страстно-

сти и фантазіи, нѣтъ потрясающихъ неожиданностей и трагедій, отъ которыхъ не освободился даже такой романистъ, какъ Шпильгагенъ, — на г. Леванду, какъ видно, имѣла вліяніе русская беллетристика, которая также отличается больше анализомъ, чѣмъ потрясающими сценами и фантастическимъ элементомъ, — тѣмъ не менѣе его произведенія даютъ вѣрное понятіе о той средѣ, которую онъ хочетъ выставить и о тѣхъ идеяхъ, которыя онъ хочетъ проводить.

Настоящій романъ г. Леванды собственно обнимаетъ *горячее время* польскаго движенія въ сѣверо-западномъ краѣ въ началѣ шестидесятихъ годовъ, когда еврей, какъ говорится, очутился между двухъ огней, — однако умственное движеніе еврейской молодежи и борьба стараго поколѣнія съ новымъ занимаютъ въ немъ не послѣднее мѣсто. Авторъ рисуетъ такъ называемый высшій слой еврейскаго общества, на который польскіе агенты хотѣли имѣть свое вліяніе во время послѣдняго возстанія. Но тутъ мы встрѣчаемъ слѣдующее явленіе. Наученные опытомъ «отцы» не поддаются неожиданному «братству», предлагаемому имъ вдругъ высшей польской аристократіей. Опытные отцы знали, что польская аристократія, заискивавшая тогда у нихъ, ничего общаго съ народнымъ благомъ не имѣетъ и тѣмъ болѣе съ «погаными жидами», которыхъ она презирала и преслѣдовала въ продолженіи многихъ вѣковъ... Молодежь-же, и особенно «прекрасныя дщери Израиля» не могли устоять противъ сладкаго обаянія польской тонкой лести и клялись «сдѣлаться честными поляками Моисеева закона». Выросши среди польскаго элемента, воспитавшись въ польскихъ пансіонахъ, не слышавъ вокругъ себя ни одного русскаго слова, не видѣвъ вокругъ себя никого изъ русскихъ, кромѣ армейскихъ офицеровъ, чувствуя свой гнетъ на каждомъ шагѣ и встрѣчая постоянно презрѣніе польскихъ гордячекъ къ «жидувкамъ», — еврейскія дѣвушки буквально опынѣли отъ радости, когда польскія графини вдругъ открыли имъ свои объятія, приглашали въ свои хоромы, говорили имъ объ общей «ойчизнѣ» и предлагали имъ «любовь, свободу, равенство и братство». Но еврейская масса инстинктивно чувствовала, что польское дѣло не выгоритъ, и если-бъ даже выгорѣло, то надменная шляхта сейчасъ указала-бы евреямъ ихъ прежнее позорное мѣсто и сама насмѣхалась-бы надъ наивной еврейской довѣрчивостью къ ея лести...

Но въ то время, какъ еврейскія дѣвушки одѣвались въ трауръ и пѣли польскія патріотическія пѣсни, еврейскіе юноши, напротивъ, составляли кружки съ дѣлю распространенія просвѣщенія между своими единовѣрцами въ европейскомъ духѣ. Вотъ что пишетъ одна

изъ героинь романа събъ одною изъ такихъ кружковъ: «Цѣль эта (кружка) — сдѣять образованіе, просвѣщеніе между всѣми слоями здѣшняго еврейскаго общества, дѣйствовать на мужчинъ и женщинъ, стариковъ и молодыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Стремятся они къ этой цѣли энергически, по зрѣло-обдуманному плану. Молодежь они образуютъ посредствомъ хорошо организованныхъ школъ и частныхъ уроковъ, а на стариковъ они дѣйствуютъ посредствомъ бесѣдъ, диспутовъ, газетныхъ статей, книгъ и т. п.» (стр. 46).

Мы, правда, нѣсколько сомнѣваемся въ возможности осуществленіи такого грандіознаго плана, — но что многія еврейскія горячія головы задавались и задаются такой цѣлью—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Настоящими пионерами просвѣщенія между евреями были домашніе и казенные учителя-самоучки. Но прежде пропаганда велась посредствомъ древне-еврейской и нѣмецкой литературъ, а теперь главную роль играетъ русская литература, которая все болѣе и болѣе усваивается еврейскою молодежью. И если-бъ уровень этой литературы стоялъ выше, если-бъ голосъ ея имѣлъ хоть сотую долю того человѣческаго значенія, которое имѣетъ англійская или французская, то это было-бы единственнымъ и самымъ вѣрнымъ орудіемъ для слиянія еврейскаго элемента съ русскимъ. Одинъ изъ героев романа, Сарикъ, личность еще невыясненная окончательно авторомъ, но въ высшей степени симпатичная и свѣтлая, пишетъ между прочимъ слѣдующее своему товарищу и другу:

«Мы здѣсь подумали и рѣшились — идти направо, пристать къ Москвѣ (т. е. къ Россіи). Туда влечетъ насъ инстинктъ, соображенія и, наконецъ, чувство благодарности. Мы никогда не должны забывать, что *варварская* Россія, а не *цивилизованная* Польша, впервые стала заботиться о нашемъ образованіи и воспитаніи. Что сдѣлалъ для нашего образованія князь Чарторыйскій? Мы для него совсѣмъ не существовали. Но мы существовали для графа Уварова; онъ насъ избрѣлъ для русскаго образованія, онъ много для насъ сдѣлалъ, а еще болѣе *хотѣлъ* сдѣлать. Мы этого не должны забывать и не забудемъ.

«Польша не дала намъ ни отечества, ни народности,—что-же намъ любить въ ней? Польша, давъ намъ пріютъ, превратила насъ въ орду мелкихъ торгашей, въ которой она сильно нуждалась, пусть и ищетъ теперь въ этой ордѣ патріотическаго чувства. Не найдетъ? — Было-бы странно, если-бъ нашла. Чего не посѣялъ, того не пожнешь. Съ Россіею намъ, можетъ быть, болѣе посчастливится. Получивъ отъ нея ключъ къ образованію, мы этимъ ключемъ, дастъ Богъ, — отпремъ для себя русскую народность, русскую гражданственность, рус-

ское отечество... Правда, и въ Россіи не больно насъ жадаютъ. Но сердце мнѣ говоритъ, что со временемъ русскіе насъ полюбятъ. Мы ихъ *заставимъ* полюбить насъ! Чѣмъ? — Любовью-же. Народъ русскій — народъ здоровый, а въ народѣ здоровомъ больше любви, больше великодушія и, наконецъ, больше ума, чѣмъ въ племени разслабленномъ, несчастномъ, умирающемъ. Поляки не *могутъ* насъ любить:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть.

«Польша то и дѣлала, что ненавидѣла: аристократія ненавидѣла народъ, народъ — аристократію, они оба ненавидѣли славянъ, русскихъ, шведовъ, нѣмцевъ. Не начинать-же ей упражняться въ любви именно на насъ, евреевъ» (стр. 54).

Разсужденія эти не есть плодъ досузей фантазіи автора, а общій голосъ всей мыслящей еврейской молодежи. Г. Леванда слишкомъ хорошо знаетъ бытъ своего народа и слишкомъ дорожить явленіями дѣйствительной жизни, чтобы придавать такія черты своимъ героямъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ. И если такъ разсуждала передовая часть молодыхъ евреевъ слишкомъ десять лѣтъ тому назадъ, то въ настоящее время, — говоримъ это смѣло, — еврейское юношество возлагаетъ всѣ свои надежды на русскую народность и отъ всей души желаетъ полного сліянія съ русскимъ обществомъ...

Что касается литературныхъ достоинствъ «Горячаго времени», то трудно составить окончательное мнѣніе о романѣ, еще неоконченномъ. Нѣкоторыя сцены, особенно польскій раутъ у одной патріотки, написаны мастерски, — но вообще есть много лишняго и слабаго. Геройни его слишкомъ фразисты и любятъ повторять избитыя сентенціи. Такъ, одна изъ героинь, Мери Тидманъ, дѣвушка, какъ видно, серьезная, развитая и умная, разсуждаетъ въ одномъ мѣстѣ слѣдующимъ образомъ: «мы, женщины, только сердцемъ и живемъ, оно — нашъ главный жизненный нервъ. Все въ мірѣ только тогда получаетъ для насъ цѣну, когда оно, такъ или иначе, затрогиваетъ этотъ нервъ нашъ.. Мы сердцемъ чувствуемъ, сердцемъ думаемъ. Въ этой области, все для насъ безсодержательно, бессмысленно, безжизненно, мертво. Хорошо-ли это или нѣтъ, — но мы уже такъ созданы» (с. 35). Оно, конечно, сердце — не камень, но чтобы «сердцемъ думали», чтобы «въ этой области (т. е. любви) — все было безжизненно и мертво» — это пахнетъ нѣкоторымъ образомъ г-жей Кохановской... Но подождемъ окончанія романа.

Въ числѣ остальныхъ статей, помѣщенныхъ въ «Еврейской Библиотекѣ», обращаетъ на себя вниманіе статья г. Оршанскаго, «Мысли о хасидизмѣ». Но что такое хасидизмъ? вѣроятно, спроситъ не одинъ читатель, неимѣющій никакого понятія объ этомъ вопросѣ. Чтобы удовлетворить законному любопытству читателя, мы должны сдѣлать одну выписку изъ упомянутой статьи, которая познакомитъ его съ интереснымъ явленіемъ еврейской жизни въ Россіи. Это тѣмъ болѣе необходимо, что нѣкоторые взгляды автора на это явленіе не совсѣмъ вѣрны, по нашему мнѣнію, и мы имѣемъ сказать по поводу ихъ нѣсколько словъ.

«Русско-еврейскій міръ, начинается г. Оршанскій свою статью, — распадается въ настоящее время на два большихъ лагеря, во многомъ между собой различныхъ, подчасъ даже враждебныхъ — *хасидовъ* и *не-хасидовъ* или противниковъ хасидизма. Первые отличаются отъ послѣднихъ въ нѣкоторыхъ мелочахъ религіозной обрядности, но главнымъ образомъ — *второй въ цадиковъ и ихъ чудодѣйственную силу*. Цадикъ — это идолъ хасида, лицо, одаренное сверхъестественной силой и располагающее всей природой по произволу. Цадикъ можетъ все сдѣлать при помощи своей всемогущей молитвы, разумѣется, только для того, кто въ него вѣруетъ и поклоняется ему. Его молитвѣ приписывается такая сила, что она можетъ измѣнить опредѣленія Бога. «Богъ опредѣляетъ, а цадикъ отмѣняетъ», говорятъ хасиды словами талмуда. Цадикъ находится въ постоянномъ общеніи съ сверхъестественнымъ міромъ, и потому для него открыта книга судебъ. Онъ свободно читаетъ въ будущемъ, которое и предсказываетъ вѣрующимъ. Онъ не ограниченъ ни пространствомъ, ни временемъ, ни вообще законами природы, которые такъ могущественно вліяютъ на судьбу обыкновенныхъ смертныхъ. Число такихъ чудодѣевъ въ настоящее время довольно значительно, и это нисколько не должно удивлять насъ, ибо для того, чтобы достигнуть такой высокой ступени, вовсе не нужно большихъ или трудныхъ приготовленій. Самый обыкновенный и вовсе незатруднительный способъ попасть въ цадика — это родиться отъ цадика. А какъ цадика размножаются довольно успѣшно, благодаря благопріятной обстановкѣ жизни, то нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что почти каждый городокъ, каждое мѣстечко (тутъ авторъ нѣсколько пересолил) имѣетъ своего цадика; въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ еврейскій міръ раздѣляется на нѣсколько партій, по принадлежности къ поклонникамъ того или другого цадика.

«Но гораздо болѣе числа самихъ цадиковъ — число чудесъ, или совершаемыхъ. Чуть гдѣ сойдутся два хасида, разговоръ неминуемо

сойдетъ на неизсякаемую тему святости цадиковъ и ихъ чудотворной силы, при чемъ каждый изъ собесѣдниковъ раскрываетъ богатый запасъ знаній по этому предмету. Изъ этихъ разсказовъ вы можете узнать, какую громадную роль играетъ цадикъ въ жизни своей паствы. Къ нему обращается хасидъ во всѣхъ своихъ нуждахъ и невзгодахъ. Цадикъ даетъ средства къ пропитанію бѣдному хасиду; онъ отдаетъ дѣтей бездѣтному и т. п. Но дѣлая такъ много для своихъ поклонниковъ, цадикъ, сознавая всю важность своихъ услугъ, ничего не дѣлаетъ даромъ. Слова библии: «не узрите лица Божьяго (т. е. храма) съ пустыми руками» — строго соблюдаются цадиками. Не думайте, однакожъ, чтобъ къ цадикѣ обращались только тогда, когда нуждаются въ его чудотворной помощи; это было-бы наглою профанаціей его святости. Хасидъ очень хорошо знаетъ, что лицезрѣніе цадика есть, само по себѣ, въ высшей степени богоугодное дѣло и лучшій путь къ спасенію души. Вотъ почему онъ считаетъ своей непремѣнной обязанностью какъ можно чаще бывать у цадика, пообѣдать за его столомъ, потолкаться въ его передней» (стр. 73—74).

Это уродливое явленіе, которое г. Оршанскій выставилъ далеко не во всей его отвратительной наготѣ, имѣетъ мѣсто у насъ въ Россіи, «въ настоящее время когда и т. д.» Какія причины вызвали его? На чемъ оно держится? и какія средства могутъ уничтожить эту язву еврейскаго организма?—вотъ вопросы, которыми задавался г. Оршанскій и которые онъ берется разрѣшать. Прослѣдивъ историческую жизнь евреевъ, чуждавшихся всегда грубаго суевѣрія, неизмѣннихъ замкнутаго, организованнаго духовнаго сословія и невидѣвшихъ во всякомъ мистификаторѣ пророка и чудотворца,—г. Оршанскій находитъ причины зарожденія и распространенія хасидизма между евреями, съ одной стороны, въ паденіи авторитета раввиновъ, которые «совершенно сбились съ реальной почвы», погрузились въ талмудическую казуистику и обременили народъ своими религіозными требованіями и стѣснительными обрядами, — а съ другой—«въ возникшей идеѣ изъ давно *сознанной* необходимости коренной реформы (религіозной) во многихъ отношеніяхъ», которой соответствовалъ зародившійся тогда хасидизмъ. «Всѣ евреи, особенно невѣжественное и грубое большинство, говоритъ г. Оршанскій, тяготились чрезмѣрнымъ бременемъ *стѣснительныхъ обрядовъ и религіозныхъ правилъ* (курсивъ въ подлинникѣ), которые съ теченіемъ времени, благодаря набожному рвенію раввиновъ, сдѣлались по истинѣ невыносимыми. *Масса съ нетерпѣніемъ ждала* избавителя, который хотя-бы немного облегчалъ ей тяжелую ношу» (стр. 65). Хасидизмъ-же, по мнѣнію автора, долженъ былъ

удовлетворить всѣмъ тогдашнимъ требованіямъ еврейской жизни, потому-что основатели новаго ученія (хасидизма), главнымъ образомъ старались разрушить мелочной педантизмъ и черствую рутину раввиновъ и внести въ религиозное ученіе животворящій духъ истинной вѣры и религиознаго чувства, вмѣсто мертвой обрядности».

Раздѣляя вполне мнѣніе автора относительно распространенія и успѣха хасидизма, удовлетворявшаго «невѣжественному и грубому большинству» евреевъ, мы однако не можемъ согласиться съ г. Оршанскимъ, будто первоначальное *зарожденіе* этого «дитяти мрака» произошло вслѣдствіе высказанныхъ имъ причинъ. «Грубое, невѣжественное большинство» евреевъ никогда не тяготилось «деспотическимъ гнетомъ неумолимаго закона и обычая», а основатели хасидизма никогда и не думали освобождать его отъ этого гнета. Объяснимся. Исключительная черта еврейской массы состоитъ въ томъ, что она больше живетъ будущей жизнью, чѣмъ настоящей. Видимый міръ, самъ по себѣ, не имѣетъ никакого значенія для набожнаго еврея. Ученіе еврейскихъ мудрецовъ говоритъ: «этотъ свѣтъ составляетъ не болѣе, какъ переднюю, ведущую въ хоромы будущей жизни». Такимъ образомъ, жизнь громаднѣйшаго большинства евреевъ, *до настоящаго времени*, не имѣетъ твердой реальной почвы подъ ногами и проникнута только будущимъ міромъ. Вся житейская суета еврейской массы, вся ея муравьиная дѣятельность, всѣ ея задушевные стремленія направлены къ тому, чтобъ какъ-нибудь поддержать безгрѣшный духъ въ грѣшномъ тѣлѣ. Имѣя такой взглядъ на жизнь, масса, разумѣется, никогда не могла тяготиться предписаніями раввиновъ, никогда не роптала на нихъ, а напротивъ, подвергалась и подвергается всѣмъ лишеніямъ съ величайшимъ смиреніемъ, а иногда даже съ какимъ-то восторженнымъ самоотверженіемъ. Чѣмъ больше религиозныхъ требованій предписывалъ тотъ или другой раввинъ, тѣмъ большее уваженіе и благоговѣніе чувствовала къ нему масса, которая видѣла въ этихъ ограниченіяхъ глубокую набожность и святость. Чѣмъ большей казуистикой и схоластикой обладалъ раввинъ, чѣмъ больше уважала его масса, хотя ничего не понимала въ премудростяхъ его. Религиозный фанатизмъ, возбужденный раввинами чистосердечно, воспламенялъ многихъ до такой степени, что они подвергали себя буквальнымъ пыткамъ. Такъ, между евреями не рѣдко можно встрѣтить и теперь такихъ аскетовъ, которые добровольно обрекаютъ себя на всѣ возможные истязанія: одни не употребляютъ въ пищу ничего, происходящаго отъ живого существа, какъ-то: мяса, молока, яицъ, меда и т. д., хотя никто ихъ не запрещаетъ; другіе постятся по 6 дней въ недѣлю, т. е.

буквально ничего не берутъ въ ротъ въ продолженіе дня, а только вечеромъ закусываютъ что-нибудь; третьи соблюдаютъ *юфсакетъ*, т. е. нѣсколько сутокъ сряду; четвертые обрекаютъ себя на стояніе на горохѣ, т. е. всыпаютъ въ чулки горохъ и стоятъ на немъ въ продолженіи многихъ часовъ и т. д. Масса, разумеется, не подвергается подобнымъ пыткамъ, но она тѣмъ не менѣе въ высшей степени сочувствуетъ и благоговѣетъ предъ этими аскетами и большею частью обезпечиваетъ ихъ существованіе, питая ихъ на свой счетъ.

Духъ аскетизма, являясь естественнымъ образомъ однимъ изъ главныхъ тормазовъ просвѣщенія въ еврейской массѣ, вызвалъ въ сѣверо-западномъ и отчасти въ юго-западномъ краяхъ замѣчательное явленіе, состоящее въ томъ, что всѣ почти еврейскія женщины въ этихъ мѣстностяхъ въ высшей степени дѣятельны, а мужчины, напротивъ, играютъ роль трутней... Принципы женскаго труда, о которыхъ такъ много мечтаютъ русскія женщины, давно примѣнимы въ самыхъ широкихъ размѣрахъ въ сѣверо-западномъ краѣ, среди еврейскаго общества. Еврейскія женщины заправляютъ всей торговлей: онѣ занимаютъ должности бухгалтеровъ, кассировъ, корреспондентовъ, прикащиковъ; онѣ занимаются комисіонерствомъ, ремеслами, подрядами, — словомъ, составляютъ самый живой нервъ торговли и промышленности края. Между-тѣмъ мужья ихъ сидятъ въ своихъ молельняхъ за фоліантами талмуда и, кромѣ изученія послѣдняго, ничего не дѣлаютъ. И все это происходитъ оттого, что по еврейскому закону женщины не такъ обременены религіозными постановленіями, какъ мужчины, — поэтому первыя заботятся о матеріальныхъ средствахъ, а послѣдніе, строго исполняя религіозныя требованія, готовятъ матеріалъ, необходимый для достиженія благъ будущаго міра. Такимъ образомъ, между еврейскими супругами составляетя особаго рода ассоціація; мужъ заботится о жизни духа, жена — о жизни тѣла, — но за-то на томъ свѣтѣ оба супруга одинаково дѣлятся заслуженнымъ вознагражденіемъ...

Итакъ, невѣжественная еврейская масса никогда не тяготилась «чрезмѣрнымъ бременемъ возложенныхъ на нихъ стѣснительныхъ обрядовъ и религіозныхъ правилъ». Масса не могла «съ нетерпѣніемъ ожидать избавителя», потому-что она добровольно исполняла всѣ требованія раввиновъ, въ которыхъ видѣла спасеніе своей души и неприкосновенность религіи своихъ отцовъ.

Съ другой стороны, довольно ошибочно, по нашему мнѣнію, видѣть успѣхъ хасидизма въ реформатскихъ элементахъ, которые будто имѣли въ виду основатели его. Не говоря уже о генералѣ этого ордена, *Израиль Боаль-Шемъ-Товъ*, бывшемъ, какъ извѣстно,

простымъ фурманомъ и занимавшемся затѣмъ конною продажей и шинкарствомъ *), — но и другіе послѣдователи его, за исключеніемъ весьма немногихъ, также не отличались даже прогрессивными стремленіями и даже обыкновеннымъ образованіемъ. Такъ гдѣ-же имъ было до реформы? Но если допустимъ даже, что основатели хасидизма имѣли въ виду «эмансипацію отъ тупой схоластики и мертвящей рутины раввиновъ», то невѣжественное большинство во всякомъ случаѣ не могло понять значенія этой «эмансипаціи» и стать на сторону новаго ученія. Правда, многочисленные послѣдователи хасидизма, впоследствии, сбросили съ себя нѣкоторыя второстепенныя обрядности, предписываемыя раввинами, видя, что сами предводители ихъ отступаютъ отъ буквы закона, — но это, повторяемъ, было только *послѣдствіемъ* принадлежности ихъ къ хасидизму, но ничуть не причиною вступленія въ новый орденъ.

Главная-же причина зарожденія и успѣха хасидизма, по нашему мнѣнію, лежитъ въ томъ, что онъ пустилъ въ ходъ слухи о чудесахъ, волнѣвшихъ тогда умы темной еврейской массы и возникъ въ смутное время перваго раздѣла Польши. Обстоятельства, сопровождавшія паденіе Польши и ея конвульсивныя предсмертныя агоніи, стоили и евреямъ много крови. Евреи тогда были буквально между двумя огнями. Съ одной стороны вѣшали ихъ и грабили запорожскіе гайдамаки, которые, какъ извѣстно, возлѣ каждаго польскаго пана вѣшали жида, ксендза и собаку; а съ другой — спасители Польши, турки, совмѣстно съ польскою шляхтой, также грабили и убивали все, что ни встрѣчалось имъ на пути. А тутъ вдругъ среди невѣжественной и преслѣдуемой еврейской массы въ Украинѣ явилась личность съ яко-бы чудотворной силой... Нѣсколько сотенъ невѣжественныхъ людей сомкнулись вокругъ *Боаль-Шема* (чудотворца), который ловко могъ поддерживать пущенные въ ходъ о немъ слухи, и такимъ образомъ основался новый орденъ хасидовъ. Ни Боаль-Шемъ, ни ученики его не имѣли никакой мысли о религіозной реформѣ, а старались только привлечь на свою сторону массу, посредствомъ ложныхъ слуховъ о мнимыхъ ихъ чудесахъ, чтобы эксплуатировать ее. Такимъ образомъ, хасидизмъ, зародившійся среди самой грубой еврейской массы на Украинѣ, сталъ распространяться все далѣе, — но тутъ онъ вдругъ встрѣтилъ на своемъ пути болѣе образованную еврейскую массу, а именно литовскихъ евреевъ, и онъ остановился. Движеніе хасидизма получило сильный отпоръ, — и вотъ

*) См. Geschichte der Juden, Graetz, B. XI. S. 105.

завязалась сильная распря между хасидами и ихъ противниками, которая кончилась вовсе не торжествомъ хасидизма, какъ увѣряетъ г. Оршанскій, а напротивъ, полнымъ его поражениемъ, такъ-какъ весь хасидизмъ съ его лже-чудесной подтасовкой не имѣлъ никакого вліянія на умственно-религіозно-развитую литовскую еврейскую массу, которая и понынѣ глубоко ненавидитъ послѣдователей хасидизма. Только когда борьба была уже въ самомъ разгарѣ, нѣкоторые послѣдователи новаго ордена выступили съ своими брошюрами, въ которыхъ излагали свое ученіе и возставали противъ сухой обрядности старой доктрины; при основаніи же хасидизма, послѣдній не имѣлъ никакихъ твердыхъ принциповъ и никакого строго-определеннаго ученія. Разумѣется, грубая, невѣжественная масса Украйны, видя, что сами цадикъ отклоняются отъ буквы закона, отъ строгой обрядности, ведутъ веселый образъ жизни, пьютъ, поютъ и пляшутъ — и все это оправдываютъ какимъ-то таинственнымъ значеніемъ, облакаютъ въ мистическую форму, — видя все это, говорю я, невѣжественная масса съ удовольствіемъ сбросила съ себя иго талмудистовъ. Талмудисты учили, что человекъ можетъ найти спасеніе души только въ строгой нравственности, въ отреченіи отъ міра сего и т. п., а тутъ вдругъ хасидизмъ объявляетъ, что то-же спасеніе можно найти въ весельи, въ пѣсняхъ и пляскахъ и чуть не въ пьянствѣ... Разумѣется, что ученіе это было слишкомъ заманчиво для грубой массы и она бросилась въ его объятія...

Что касается мѣръ, предлагаемыхъ г. Оршанскимъ для испѣленія русскаго еврейства «отъ вреднаго нароста хасидизма», то мы и тутъ не можемъ вполнѣ съ нимъ согласиться. Г. Оршанскій говоритъ, что важнѣйшимъ условіемъ для уничтоженія хасидизма можетъ служить «необходимость религиозной реформы въ іудействѣ» (курсивъ въ подлинникѣ). Выходя изъ точки зрѣнія, что «хасидизмъ былъ вызванъ, главнымъ образомъ, настоятельной потребностью эманципациі изъ подъ гнета талмудической обрядности, г. Оршанскій, естественно, приходитъ къ тому заключенію, что хасидизмъ уступить только другой реформѣ. Но авторъ забываетъ, что всякая реформа вообще и религиозная въ особенности должна имѣть готовую почву, которая была-бы способна воспринять ее. Религіозныя реформы не создаются ни по волѣ отдѣльныхъ лицъ, ни по приказанію начальства, а вытекаютъ изъ цѣлаго ряда міросозерданій, обуславливающихъ «настоятельную необходимость» ихъ. Но едва-ли въ настоящее время іудейство носитъ въ себѣ какія-бы то ни было начала прогрессивной новой религіи. Гораздо вѣрнѣе и дѣйствительнѣе, въ этомъ случаѣ,

было-бы широкое умственное движеніе, свободный критическій анализъ традиціонныхъ еврейскихъ доктринъ, какъ это мы видимъ на американскихъ евреяхъ; но такой реформы можно ожидать въ средѣ русскихъ евреевъ только въ отдаленномъ будущемъ.

Статья г. Моргулиса: «Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ» безспорно есть самая капитальная въ «Еврейской Библіотекѣ». Статья эта обнимаетъ *первый періодъ* движенія русскаго образованія среди евреевъ, которому положилъ начало графъ Уваровъ, управлявшій въ концѣ тридцатыхъ годовъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Изъ собранныхъ г. Моргулисомъ официальныхъ документовъ мы видимъ, какъ эта высоко-гуманная личность отнеслась къ печальному положенію русскихъ евреевъ. Уваровъ понялъ, что обрусѣніе евреевъ можетъ совершиться не посредствомъ репрессивныхъ мѣръ, какъ это предлагаютъ нѣкоторые публицисты нашихъ литературныхъ застѣнковъ, а съ помощью образованія. Основавъ еврейскія училища, графъ Уваровъ сознавалъ въ то-же время необходимость доставить образованному юношеству, если не всё, то нѣкоторыя болѣе необходимыя гражданскія права. Въ этой-же статьѣ является другая свѣтлая личность, докторъ Лиліенталь, игравшій главную роль въ осуществленіи гуманныхъ проектовъ Уварова. Д-ръ Лиліенталь, по порученію министерства народнаго просвѣщенія, объѣхалъ всю «черту осѣлости евреевъ» и уговаривалъ послѣднихъ устраивать правильно организованныя еврейскія училища, въ которыхъ, кромѣ еврейскихъ предметовъ, обучались-бы и обще-европейскимъ. Много препятствій встрѣтилъ Лиліенталь на своемъ пути, много горя вынесъ онъ отъ своихъ-же единовѣрцевъ, — и только благодаря своей многосторонней учености и искренней преданности великому дѣлу, онъ восторжествовалъ и миссія его приняла осязательную форму, т. е. евреи согласились на его доводы и ассигновали извѣстную сумму на проектированныя училища. Я говорю «согласился», потому что евреи въ то время не имѣли никакого довѣрія къ правительственнымъ мѣрамъ, предпринятымъ въ ихъ пользу. Они видѣли въ докторѣ Лиліенталѣ агента отъ правительства, имѣющаго будто своею цѣлью свратить ихъ съ религіи. Видя, что еврей, даже съ ученой степенью, не исключается изъ податнаго сословія и не имѣетъ никакихъ правъ и преимуществъ, наравнѣ съ темной массою, они, естественно, пришли къ тому заключенію, что образованіе у евреевъ есть только шагъ къ переходу въ другое вѣроисповѣданіе, потому-что образованному человѣку не въ примѣръ тягостнѣ выносить свое стѣснительное и изолированное положеніе. И дѣйствительно, въ то время, если еврею удалось кончить курсъ въ университетѣ, то онъ большею частью

долженъ былъ переходить въ христіанство. Разумѣется, что набожнымъ еврейскимъ обществамъ это сильно не нравилось и вотъ они умозаключили, что образованіе ведетъ къ отпаденію отъ отцовской религіи. Вотъ замѣчательныя слова, сказанныя представителями минскаго еврейскаго общества, собранными д-ромъ Лиліенталемъ на совѣщаніе по поводу устройства еврейскихъ училищъ: «До тѣхъ поръ, пока государство не предоставитъ евреямъ гражданскихъ правъ, образованіе было-бы для нихъ однимъ только несчастьемъ. Будучи необразованъ и невѣжественъ, еврей не пренебрегаетъ унижительнымъ хлѣбомъ фактора и ростовщика, и, находя свою радость и утѣшеніе въ религіи, онъ и безчисленное семейство его, довѣряясь божественному промыслу, довольствуются скуднымъ своимъ достаткомъ; но будучи, при образованіи и просвѣщеніи въ новомъ духѣ, исключеннымъ отъ всякаго участія въ гражданско-политическихъ дѣлахъ государства, еврей неминуемо, подъ влияніемъ горькаго чувства неудовольствія, долженъ оставлять свою вѣру,—а между тѣмъ честный еврейскій отецъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ согласиться на приготовленіе своего сына къ такому поприщу...» (Е. Б. стр. 153).

Прочтя замѣчательный очеркъ г. Моргулиса, приходится удивляться не умственной косности евреевъ, въ которой обвиняютъ ихъ постоянно, а той силѣ воли немногихъ избранныхъ, которые, несмотря на крайне неблагопріятныя условія, идутъ рядомъ съ духомъ вѣка (и даже впереди его) и толкаютъ своихъ несчастныхъ единовѣрцевъ къ свѣту и прогрессу. Еврейское умственное движеніе въ Россіи начинается при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ: кромѣ многихъ стѣснительныхъ законовъ, евреи больше всѣхъ другихъ терпѣли тогда отъ польской бюрократіи, преобладавшей въ «черть ихъ осѣдлости». Если евреи не были фактически закрѣпощены польскими помѣщиками, то они отданы были на произволъ мелкой польской бюрократіи, которая, кромѣ корыстныхъ цѣлей, имѣла особенное удовольствіе стѣснять и презирать жидовъ и насмѣхаться надъ ихъ изолированнымъ положеніемъ. Не говоря уже о томъ, что она примѣняла къ евреямъ всю строгость законовъ, она нерѣдко отказывала имъ въ самыхъ существенныхъ правахъ, предоставленныхъ евреямъ самимъ закономъ. Словомъ, произволъ полный, безграничный царилъ во всемъ, что касается евреевъ. И среди этого мрака и бѣдствія, между евреями начинается броженіе, которымъ воспользовались фанатизмъ и шарлатанство, чтобы запустить въ мутную воду свои удочки..

Вообще очеркъ г. Моргулиса можетъ доставить инымъ публицистамъ много поучительнаго... Если авторъ съ такимъ-же знаніемъ

дѣла и съ такой добросовѣстностью будетъ продолжать свои изслѣдованія, то мы можемъ ожидать замѣчательнаго труда по этому непочатому и серьезному вопросу.

Не останавливаясь на другихъ статьяхъ «Еврейской Библіотеки», изъ которыхъ особенно выдаются «Изъ автобіографіи Соломона Маймона», въ которой знаменитый ученикъ Канта, литовскій еврей, даетъ полную картину еврейскихъ и польскихъ нравовъ во второй половинѣ XVIII столѣтія, «Молодая Палестина», рисующая умственное движеніе германскихъ евреевъ со времени Мендельсона до Гейне включительно, — мы намѣрены сказать нѣсколько словъ въ заключеніе по поводу статьи г. Гордона: «Обзоръ современной еврейской (на древне-еврейскомъ языкѣ) литературы».

Подозрѣваютъ-ли русскіе публицисты (не говоря уже о читающей публикѣ) о существованіи среди русскихъ евреевъ богатой, *современной* еврейской литературы на древне-еврейскомъ языкѣ? Мы часто слышимъ о еврейской эксплуатаціи, о еврейскомъ факторствѣ, о еврейской алчности и продажности, но никогда мы не слышали и намека о существованіи еврейской литературы. Мы не говоримъ о библейской, о талмудической, о раввинской литературѣ, — а о современной богатой поэзіи, философскими идеями и научными изслѣдованіями. Подозрѣваютъ-ли, напримѣръ, русскіе публицисты о глубокой поэзіи нѣкоего Б. Лебенсона, М. Лебенсона, Л. Гордона, Вербеля и многихъ другихъ? Слышали-ли они о романахъ нѣкоего Мапо, о сатирахъ и эпиграммахъ М. А. Гизизбурга, Эртера, Бенъ-Якоба? Знаютъ-ли они о математическихъ, физическихъ и астрономическихъ сочиненіяхъ З. Слонимскаго, о замѣчательномъ, универсальномъ учебникѣ по физикѣ и астрономіи нѣкоего Рабиновича? Подозрѣваютъ-ли они о богатой переводной литературѣ на древне-еврейскомъ языкѣ? Повѣрятъ-ли они, что на древне-еврейскомъ языкѣ Крыловъ имѣетъ два перевода, что многія стихотворенія Пушкина и Лермонтова прекрасно звучать въ стихахъ библейскаго языка; что многія нѣмецкія классическія произведенія, какъ «Фаустъ» Гете, «Натанъ Мудрый» Лесинга и многія стихотворенія Шиллера, переведены на древній еврейскій языкъ; что даже «Телемакъ», этотъ чуждый еврейской религіи мифологическій языкъ, и «Парижскія Тайны» переведены на языкъ Моисея? Не удивительно-ли, что въ такомъ муравейникѣ, рядомъ съ религіозно-нравственной литературой, идетъ современная, слѣдующая за духомъ вѣка, за открытіями въ области науки и искусства? Еврейскіе юноши тысячами изучаютъ основательно древне-еврейскій языкъ, который не въ примѣръ труднѣе латинскаго и гре-

ческаго, вмѣстѣ взятыхъ, и на этомъ сжатомъ и поэтическомъ языкѣ пишутъ стихотворенія, сатиры, романы, статьи по химіи, физикѣ, астрономіи, зоологіи, ботаникѣ, геологіи, минералогіи, анатоміи, физиологіи, психологіи и т. д. И это знаніе, и эта работа мысли служили евреямъ, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, однимъ изъ главнѣйшихъ свѣточей обще-европейскаго просвѣщенія, посредникомъ между прошлымъ и настоящимъ, между суевѣріемъ и наукой. Мы говоримъ все это не для того, чтобъ возбудить любовь еврейскихъ юношей къ древне-еврейскому языку, какъ это дѣлаютъ многіе еврейскіе публицисты, въ томъ числѣ и г. Гордонъ,—мы, напротивъ, очень хорошо знаемъ, что европейскіе языки раньше или позже окончательно вытѣснятъ его изъ практической сферы;—но мы хотѣли этимъ показать многимъ русскимъ публицистамъ, что среди евреевъ есть энергическая, кипучая сила, которая толкаетъ ихъ впередъ и которая, будучи хорошо направлена, могла-бы принести громадную пользу какъ себѣ, такъ и окружающей ихъ средѣ. А чтобы направить ее въ эту сторону, еврейская журналистика должна сойти съ своего традиціоннаго пути, употребить всѣ усилія на борьбу съ заскоружлыми предрасудками еврейской массы, держаться направленія строго-отрицательнаго и, возвысивъ міросозерцаніе евреевъ прогрессивными идеями, поднять ихъ изъ праха ростовщиковъ и торгашей, живущихъ узкими воззрѣніями своихъ отцовъ, до общечеловѣческаго развитія. Вотъ ея призваніе и внѣ его она ненужна евреямъ.

А. К—ръ

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НѢКОТОРЫЯ ИЗЪ РУССКИХЪ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ДАННЫХЪ.

(Военно-Статистическій Сборникъ. Россія. Составленъ офицерами генеральнаго штаба подъ редакцію Н. Н. Обручева. Спб. 1871 г.)

«Обыкновенно говорятъ, сказалъ Гете, что цифры управляютъ свѣтомъ. Нѣтъ, цифры только показываютъ, какъ онъ управляется». Гете не былъ статистикомъ и все-таки лучше понялъ ее, чѣмъ понимаютъ ее еще и нынче многіе статистики-спеціалисты. Статистика уже перестала быть простымъ наборомъ всякихъ цифръ, она стала контрольнымъ средствомъ, предназначеннымъ указывать, какъ идетъ социальное-экономическое хозяйство человѣчества. Каждая статистическая цифра констатируетъ извѣстный социальный фактъ, опредѣляетъ его положеніе въ ряду другихъ фактовъ, а тѣ или другія комбинаціи цифръ даютъ цвѣтъ фактамъ, указывая, въ какую сторону они отклоняются. Такимъ образомъ цифры являются живыми величинами—за каждой стоитъ человѣкъ; и, можетъ быть, лучше, чѣмъ этотъ живой человѣкъ, цифры показываютъ, чего ему недостаетъ, что ему нужно, дѣйствуетъ-ли онъ на собственное благо или во вредъ себѣ.

Но если съ одной стороны статистика въ своемъ теоретическомъ идеалѣ является такимъ могущественнымъ орудіемъ общественнаго сознанія, съ другой—предъ нею лежатъ непреодолимыя трудности, мѣшающія ей подняться до своего идеала. Ни одно изъ знаній не нуждается въ такихъ значительныхъ вспомогательныхъ средствахъ, какъ статистика. Ньютонъ, Кеплеръ опредѣляли законы міровъ, сидя въ четырехъ стѣнахъ своего кабинета. Уаттъ, Фультонъ, Стефенсонъ создали переворотъ во всей экономической жизни цивилизованнаго человѣчества, не выходя за порогъ своего дома. Но если-бы Ньютонъ,

Уаттъ были въ миллионъ разъ геніальнѣе того, чѣмъ они были, они все-таки не создали-бы статистики, ибо она живетъ не въ головѣ одного человѣка, а заключается въ живыхъ, вѣчно измѣняющихся комбинаціяхъ отношеній живыхъ людей. Чтобы выслѣдить всѣ комбинаціи, обхватывающія жизнь миллионѣвъ людей, нужно опредѣлить мѣсто и условія дѣйствія каждой отдѣльной человѣческой единицы. Прежде чѣмъ подводить итоги, нужно опредѣлить величины, изъ которыхъ они состоятъ. Для этого требуется цѣлый механизмъ, цѣлая организація стройно дѣйствующихъ силъ, направленныхъ на изслѣдованіе и собраніе сырого матеріала, который является статистикой уже въ окончательной обработкѣ. Приведу одинъ примѣръ. Основой всѣхъ статистическихъ изслѣдованій служить вопросъ о народонаселеніи. Но какъ сосчитать вѣрно всѣхъ людей, живущихъ въ какой-нибудь странѣ? Нельзя-же имъ сказать, чтобы такого-то числа сидѣли всѣ дома; у каждого свои дѣла: одному нужно ѣхать въ лѣсъ, другому въ поле, третьему въ городъ, четвертому за-границу. Считая тѣхъ, кто дома, вы не узнаете тѣхъ, кого нѣтъ дома. Считая наличныхъ, вы не узнаете отсутствующихъ; считая всѣхъ членѣвъ семействъ, вы рискуете повтореніями. А сколько людской безтолковости и непониманія; сколько боязливости ненамѣренной, а иногда и намѣреннаго желанія не показать правды? Но допустимъ, что никакихъ изъ этихъ препятствій нѣтъ. Сколько нужно счетчиковъ, чтобы въ одинъ день опредѣлить населеніе страны въ нѣсколько миллионѣвъ человѣкѣ! Какъ организовать механизмъ перечисленія, чтобы не вышло путаницы, повтореній, пропусковъ? Наконецъ, не забывайте никогда, какую роль во всѣхъ людскихъ дѣлахъ играетъ человѣческая безтолковость!

Преодолевъ всѣ трудности, мы, положимъ, узнали размѣръ народонаселенія. Затѣмъ мы желаемъ прослѣдить вопросъ о народонаселеніи дальше. Народонаселеніе находится въ извѣстныхъ комбинаціяхъ извѣстныхъ условій. Нужно опредѣлить то, что на языкѣ статистиковъ называется движеніемъ народонаселенія, т. е. число рожденій, смертностей, браковъ. Повидимому, три вопроса. Но у этихъ трехъ вопросовъ является столько осложненій, что они изъ очень, повидимому, простыхъ превращаются въ почти неразрѣшимую задачу. Наблюденіе показываетъ, что чѣмъ основной вопросъ раздѣляется на большее число составныхъ элементовъ, т. е. чѣмъ больше прибѣгается къ средствамъ анализа, тѣмъ получаютъ болѣе научные результаты. Ставъ на точку анализа, статистикъ замѣчаетъ, что вліятельными факторами, кромѣ естественныхъ, является множество соціальныхъ

условія. Узнать число рожденій, повилимуму, легко; стоитъ только справиться съ метрическими книгами; но увы—рождаются миллионы людей, имена которыхъ не заносятся никогда въ метрическія книги! Есть социальныя условія, создающія рожденія законныя и незаконныя, есть условія усиливающія и есть условія ослабляющія число рожденій; есть племена и даже цѣлые народы, отличающіеся большею плодovitостію, чѣмъ другіе; есть общественныя положенія, ведущія также къ большей или меньшей плодovitости. Лѣта, родъ занятій, изобиліе и бѣдность, урожай и неурожай, война и миръ, городъ и деревня—все это является отдѣльными факторами, требующими отдѣльных изслѣдованій, ибо каждый факторъ создаетъ свой результатъ. Опредѣлить и изслѣдовать условія смертности — еще труднѣе. Здѣсь дѣятельными факторами являются лѣта, полъ, социальное положеніе, бѣдность и богатство, родъ занятій, вѣроисповѣданіе, мѣсто жительства, образъ жизни, болѣзни. Прослѣдите, напр., вліяніе рода занятій на смертность. Попробуйте вычислить продолжительность жизни людей въ частности по профессіямъ—слесарей плотниковъ, цирюльниковъ, ваборщиковъ, столяровъ, кузнецовъ, хлѣбопекровъ, священниковъ, монаховъ, купцовъ, рантъе, юристовъ, ученыхъ, литераторовъ. Какія многолѣтнія изслѣдованія! какое количество отдѣльных факторовъ, какая кропотливая возня съ четырьмя правилами арифметики!

И чѣмъ дальше идетъ изслѣдованіе, тѣмъ оно дѣлается многосложнѣе и труднѣе, особенно когда предметомъ изслѣдованія становится экономическая дѣятельность. Тутъ каждая цифра цѣпляется одна за другую, потому-что вся экономическая жизнь составляетъ одно цѣлое, въ которомъ каждый факторъ или мѣшаетъ или помогаетъ другому. Предъ статистикомъ, предположимъ, кожевенное производство. Кожевенный промыселъ зависитъ прежде всего отъ скота—его количества и качества. Количество и качество скота зависятъ отъ ухода, отъ количества и качества луговъ. Сѣно, получаемое съ луговъ, зависитъ отъ луговодства; луговодство—отъ состоянія земледѣлія вообще; земледѣліе зависитъ отъ условій, въ которыхъ оно находится, т. е. отъ качества и количества земли, отъ уровня сельскаго хозяйства, а уровень сельскаго хозяйства отъ степени распространенія сельско-хозяйственныхъ познаній и отъ образованія населенія вообще. Прослѣдивъ эту связь, статистикъ порѣшаетъ только одну сторону вопроса—условія, отъ которыхъ зависитъ производство доброкачественнаго сырья. Кожевенное производство, опускаясь съ одной стороны до сельскаго хозяйства, съ другой продолжается въ самостоятельную отдѣльную

промышленность. Здѣсь стоитъ на первомъ планѣ производитель, качество его способностей, условія, въ которыхъ онъ развивается и въ которыхъ дѣйствуетъ, степень его экономической самостоятельности и независимости, развитіе техническихъ знаній, международныя торговыя отношенія. И такая простая вещь, какъ кожа, приводитъ статистика съ одной стороны къ изслѣдованію земледѣлія и образованности, съ другой—къ изслѣдованію торговой и промышленной честности народовъ.

Если разложить всю социальную жизнь на основные элементы и каждый элементъ прослѣдить во всѣхъ подробностяхъ его развитія и его зависимости отъ всѣхъ другихъ элементовъ, до основного зачаточнаго атома, то является такая громадная масса отдѣльныхъ вопросовъ, требующихъ изслѣдованія, вопросовъ, которые нельзя оставить безъ отвѣтовъ не порвавъ связи цѣлаго и не лишивъ его логической послѣдовательности, что грандіозность статистической задачи является дѣйствительно чѣмъ-то подавляющимъ по своей недостижимости.

Да, будетъ вѣрнѣе, если мы скажемъ, что цифры показываютъ, *не какъ* свѣтъ управляется, а *должны* показывать, какъ онъ управляется. Этимъ по крайней мѣрѣ мы избѣгнемъ смѣшенія двухъ разныхъ понятій—теоретическаго идеала, къ которому стремится и котораго должна достигнуть статистика и дѣйствительныхъ результатовъ, достигнутыхъ ею въ настоящій моментъ.

Если статистика должна показывать, какъ міръ управляется, если она, какъ зеркало, должна отражать каждый социальный моментъ социальной жизни человѣчества,—то она самое важное и самое основное знаніе, на которомъ, какъ на геркулесовыхъ столбахъ, покоятся всѣ остальные социальныя знанія. Можете-ли вы имѣть понятіе о собственномъ лицѣ, если вы его не видѣли въ зеркалѣ? А какъ-же увидитъ собственное лицо все общество, увидитъ его не тускло, не въ общихъ чертахъ, а во всѣхъ частностяхъ и мелочныхъ подробностяхъ, если ему не дать этого отраженія въ превосходномъ громадномъ зеркалѣ? Но въ томъ и трудность задачи, чтобы создать подобное зеркало, чтобы каждый народъ запасся имъ для себя и чтобы народы могли затѣмъ сличить свои фізіономіи, опредѣлить сравненіемъ, чья красивѣе и здоровѣе и чтобы каждый менѣе здоровый народъ воспользовался уроками социальной гігіены народа болѣе здороваго.

Статистическій идеаль не достигнутъ еще ни однимъ народомъ. Ни одинъ народъ не имѣетъ у себя такой статистики, которую можно было-бы назвать вполне вѣрнымъ зеркаломъ и вполне закон-

ченнымъ и дѣйствующимъ контрольнымъ аппаратомъ. Правда, въ Англіи, въ Бельгіи, въ Сѣверной Америкѣ уже пользуются статистикой для проверки дѣйствій администраціи и какъ законодательнымъ подспорьемъ, но и въ этихъ странахъ общественное сознаніе еще не настолько развито, чтобы статистика пользовалась тѣмъ значеніемъ, какое ей принадлежитъ и какое ей суждено въ будущемъ. Теперешнее безсиліе статистики, какъ контрольнаго аппарата, замѣтнѣе всего въ международныхъ отношеніяхъ. Пока статистика говоритъ какой-нибудь странѣ, что въ ея поведеніи есть такія-то и такія-то ошибки, пока указывая на эти ошибки, она не задѣваетъ ничьихъ социальныхъ и политическихъ предрасудковъ—статистику слушаютъ и готовы на перемену; но попробуйте сказать католикамъ, что только потому, что они католики, у нихъ больше незаконныхъ дѣтей, браки ихъ отличаются меньшимъ согласіемъ, что они бѣднѣе на всю сумму тѣхъ непронизводительныхъ единицъ, которыхъ не имѣютъ лютеране,—развѣ для того, чтобы жить согласнѣе и чтобы жить богаче, они согласятся сдѣлаться лютеранами? Статистика доказываетъ неопровержимыми цифрами, что войны ведутъ къ такимъ-то и такимъ убыточнымъ результатамъ,—развѣ эти цифры убѣдятъ войнолюбивыхъ и строптивыхъ людей отказаться отъ войны? Вотъ почему статистика съ одной стороны не располагаетъ достаточнымъ числомъ неопровержимыхъ данныхъ, чтобы служить надлежащимъ контрольнымъ аппаратомъ, для всѣхъ случаевъ; а съ другой—власть уже кое-какими неопровержимыми данными, она не обнаруживаетъ достаточно могущественнаго вліянія на умы, чтобы пересилить предрасудки. И въ такомъ положеніи находится статистика даже у передовыхъ народовъ!

Русская статистика находится въ положеніи еще менѣе благопріятномъ. Она положительно не владетъ тѣмъ личнымъ составомъ и той организаціей, которыя ей нужны, чтобы сдѣлаться существеннымъ практическимъ знаніемъ. Еще недавно, вмѣсто того, чтобы сказать — «это пустыяки, враки», у насъ говорили «это статистика». Недавно еще умеръ одинъ высокопоставленный и извѣстный на всю Россію человекъ, который своихъ подчиненныхъ невладевшихъ *административнымъ тактомъ* и глядевшихъ нѣсколько дальше, называлъ «статистиками». «Статистикъ», по его мнѣнію, былъ синонимомъ мечтателя и утописта, то же, что Наполеонъ I подразумѣвалъ подъ «идеологіей». Въ провинціальной сферѣ у насъ положительно не достаетъ людей, на услуги и способности которыхъ могла-бы рассчитывать статистика, и наше общество далеко еще не доросло до

статистическаго сознанія. Понятно, что при такомъ состояніи общественнаго интеллекта наша статистика могла формироваться лишь единоличными усиліями немногихъ отдѣльныхъ дѣятелей и должна была оставаться далеко ниже того уровня, на которомъ стоитъ статистика западной Европы. Зная тѣ внутреннія и вѣтшія препятствія, съ которыми приходилось бороться русскимъ статистикамъ, къ русскимъ статистическимъ трудамъ нельзя относиться съ преувеличенными требованіями и ставить въ вину имъ то, что прямо зависитъ отъ недостаточнаго соціального и политическаго развитія нашего общества. Съ этой точки умѣренныхъ требованій мы и будемъ смотрѣть на «Военно-Статистическій Сборникъ».

II.

Въ «Военно-Статистическомъ Сборникѣ» мы не находимъ ничего такого, что-бы выдѣляло его рѣзко изъ того направленія, которое приняла статистика, какъ на Западѣ, такъ и у насъ. Какъ всѣ подобныя статистики, «Военно-Статистическій Сборникъ» имѣетъ дѣло съ цифрами *вообще* и съ средними выводами. Специализированія цифръ и комбинацій минимумовъ съ максимумами въ «Сборникѣ» нѣтъ. То-же направленіе существуетъ у насъ и въ исторіи. Карамзинъ далъ намъ Исторію Государства Россійскаго, г. Соловьевъ повторилъ Карамзина. Полевой, правда, пытался было дать исторію русскаго народа; труды новѣйшихъ изслѣдователей обнаруживаютъ ту-же тенденцію; но все это не больше какъ отдѣльныя монографіи; исторіи-же народа, какъ силы воплощающей въ государствѣ, мы еще не имѣемъ. Наши статистики тоже статистики только русскаго государства; въ нихъ помѣщаются лишь огульныя цифры, милліонные итоги, генеральныя обороты производствъ и за массой милліоновъ никогда не увидишь основныхъ производительныхъ факторовъ, двигающагося муравейника, съ его маленькими микроскопическими основными элементами. Пока Эренбергъ не разсмотрѣлъ мѣловой формаціи и известковыхъ накипей, никто и не подозрѣвалъ, что мѣловые пласты—угасшая жизнь милліардовъ милліардовъ животныхъ. Мѣловыя толщи получили смыслъ. И въ статистикѣ огульныя итоги получаютъ смыслъ только при микроскопическомъ изслѣдованіи. Этой тенденціи мы нигдѣ не находимъ въ «Военно-Статистическомъ Сборникѣ». Напр., дѣлая заключеніе о промышленности и приводя въ милліонныхъ цифрахъ потребление у насъ хлопка, льна, пеньки и т. д. «Военно-Статистическій Сборникъ» вскользь и

какъ-бы не придавая значенія говорить: «сколько именно людей занято производствомъ сего милліарда, нечислять нѣтъ возможности. Выше мы видѣли, что въ немъ принимаютъ участіе по однимъ свѣдѣніямъ до 6, по другимъ до 10 милліоновъ людей, но собственно постоянныхъ работниковъ фабричныхъ, заводскихъ и ремесленныхъ мы насчитываемъ около 1,500,000 чел. или около $1\frac{3}{4}\%$ всего населенія». Говоря о посредникахъ между производителями и потребителями и о разныхъ видахъ кулаковъ, эксплуатирующихъ сельское население—прасолахъ, самовожахъ, горшечникахъ, тряпичникахъ, краснотоварникахъ и т. д. «Военно-Статистическій Сборникъ» замѣчаетъ: «Всѣ исчисленные, равно какъ и множество другихъ видовъ прасоловъ служатъ посредниками между крестьянскимъ и купеческимъ состояніями, избавляютъ крестьянъ отъ траты времени и издержекъ, сопряженныхъ съ провозомъ товара до мѣста сбыта и доставляютъ крестьянскому хозяйству немалыя выгоды. Безъ ихъ дѣятельнаго посредничества несмѣтная богатства Россіи, раздробленная въ простонародномъ быту на милліонныя частицы, оставались-бы мертвымъ капиталомъ». Подумаешь, что кулаки и прасолы — отцы родные для сельскаго населенія! Еще симпатичнѣе относится «Военно-Статистическій Сборникъ» къ офенямъ. Мы не отрицаемъ, что офени и прасолы есть необходимый и неизбѣжный элементъ нашей внутренней торговли. Но думаемъ, что задача статистики не въ томъ одномъ, чтобы повторять всѣмъ извѣстное. Статистика должна объяснить степень нормальности этихъ отношеній, размѣръ ихъ обоюдной выгоды или невыгоды и вліяніе ихъ на производителя и потребителя. А этотъ вопросъ именно и минуетъ «Сборникъ». На стр. 363 тотъ-же «Сборникъ» говоритъ, что если введеніе пароваго двигателя и не усилило движенія товаровъ по Волгѣ, то оно способствовало тому, что товары съ ниже-волжскихъ пристаней могутъ попадать нынче въ Петербургъ въ одну навигацію, вмѣсто прежнихъ двухъ. «Кромѣ того народъ, который прежде морила тяжелой работой при судахъ и нищаль въ путинныхъ оргіахъ, теперь можетъ приложить свой трудъ болѣе производительно къ землѣ». Вообще это вѣрно. а въ частности нѣтъ, ибо паръ не былъ такимъ благодѣяніемъ для бурлака, оставленнаго внезапно безъ хлѣба, какъ то считаетъ «Сборникъ». Припомнимъ исторію машинъ въ западной Европѣ. Или «Военно-Статистическій Сборникъ», указывая на тысячи пудовъ желѣза и другихъ металловъ, разрабатываемыхъ у насъ въ Россіи, въ то-же время ни слова не говоритъ о наловскихъ рабочихъ, а ремесленникамъ посвящаетъ всего одну 433 страницу. Изъ этихъ и изъ множества другихъ фактовъ мы заключаемъ,

что у «Военно-Статистическаго Сборника» чисто политико-экономическая точка зрѣнія, какъ ее установилъ Адамъ Смитъ. Съ этой точки зрѣнія цѣль всего есть производство и мѣриломъ человеческого счастья служатъ общіе итоги: чѣмъ больше въ нихъ милліоновъ, тѣмъ значить лучше. Вставъ на эту точку зрѣнія, т. е. потянувшись къ общимъ итогамъ и устранившись отъ анализа, «Военно-Статистическій Сборникъ» тѣмъ самымъ опредѣлилъ себѣ программу въ отношеніи ко всемъ цифрамъ, которыя онъ приводитъ. Отношеніе это огульное, общее, поверхностное, удаляющееся отъ выводовъ и комбинацій и предоставляющее ихъ другимъ. Для обыкновеннаго читателя подобная задача не подъ силу—онъ боится цифръ и любитъ готовые выводы. Читатель менѣе обыкновенный встрѣтитъ тоже затрудненіе и будетъ не въ состояніи пользоваться «Военно-Статистическимъ Сборникомъ» какъ справочной книгой, ибо множество вопросовъ останутся безъ отвѣтовъ, если читатель затруднится заняться самъ выборками, свѣрками, сличеніями и выводами. Поэтому мы думаемъ, что надежды редакціи, что «Статистическій Сборникъ» сдѣлается настольной справочной книгой, на дѣлѣ не оправдаются. Дѣйствительно историческая часть «Сборника» отличается достаточной полнотой и тѣ, кому ничего неизвѣстно объ исторіи раскола, финансовъ, военныхъ свлѣзъ, найдутъ въ ней много для себя интереснаго. Но перенося читателя на историческую почву, «Военно-Статистическій Сборникъ» отдаляетъ его тѣмъ больше отъ настоящаго времени, и чѣмъ больше даетъ онъ исторіи, тѣмъ очевидно оставляетъ себѣ меньше мѣста на выводы и комбинаціи. Мы-бы не стали высказывать подобныхъ требованій относительно такого почтеннаго по своему объему труда (болѣе 1100 стран.), если-бы сама редакція не дала намъ на то права замѣчаніемъ, что «Военно-Статистическій Сборникъ» имѣетъ преимущественно практическое назначеніе. Мы думаемъ, что практическое назначеніе опредѣляется текущей практической потребностію и что только такая книга можетъ удовлетворять подобному назначенію, которая отвѣчаетъ на вопросы времени. А отвѣтовъ на вопросы времени мы въ «Сборникѣ» именно и не находимъ. Теперь время не общихъ идей, не общихъ итоговъ, не общихъ теорій. Пора ихъ миновала съ шестидесятыми годами. Наше время—время специализированія, точныхъ указаній на частности, время провѣрки этихъ частности уже установившимися общими теоріями и общихъ теорій новыми фактами. Послѣ такихъ огульных мѣръ, какъ освобожденіе крестьянъ, наступила пора мелкаго кредита, поощренія артельныхъ производствъ, разъясненія положенія отдельныхъ производителей. Министерство финансовъ даетъ деньги на банкъ

павловскихъ рабочихъ, а «Военно-Статистическій Сборникъ» рабочихъ игнорируетъ. Это-ли логика времени! Поэтому мы не думаемъ, чтобы ошибались, утверждая, что «Военно-Статистическій Сборникъ» по своей тенденціи удовлетворяетъ больше шестидесятымъ годамъ, чѣмъ семидесятымъ. Не отрицая трудности составленія подобныхъ сборниковъ, какъ «Военно-Статистическій» и отдавая должную дань трудолюбію его составителей, мы жалѣемъ о томъ, что онъ больше сырой матеріалъ, чѣмъ руководящая настольная книга, какой-бы онъ могъ быть, если-бы былъ жизненнѣе и современнѣе. Чтобы наши слова не показались бездоказательными, мы попросимъ читателя обратить вниманіе на самый первый и основной вопросъ, составляющій краеугольный камень всѣхъ статистическихъ изслѣдованій—вопросъ о народонаселеніи, въ томъ видѣ, какъ его разрабатываетъ «Военно-Статистическій Сборникъ».

Послѣ исчисленія пространства, «Военно-Статистическій Сборникъ» даетъ вѣдомость населенія Европейской Россіи, по губерніямъ и уѣздамъ. Въ этой вѣдомости мы находимъ перечисленіе губерній и ихъ уѣздовъ, пространства въ квадратныхъ миляхъ безъ внутреннихъ водъ и съ внутренними водами, населеніе по полямъ и расчетъ, сколько жителей приходится на одну квадратную милю. Вѣдомость занимаетъ 20 страницъ и затѣмъ на четырехъ страницахъ слѣдуютъ выводы. Выводы эти совершенно общіе, какіе попадаютъ во всѣхъ статистикахъ, руководствующихся иностранными образцами. Но мы думаемъ, что французскіе и нѣмецкіе шаблоны не всегда примѣнимы къ русскимъ условіямъ и что на русскіе вопросы должны быть и русскіе отвѣты. По общему огульному расчету, слѣланному на 46 стр., оказывается, что въ русскихъ владѣніяхъ на одну квадратную милю приходится среднимъ числомъ 209 чел. «Подобный средній выводъ не даетъ даже приблизительнаго понятія объ относительной густотѣ населенія Россіи», замѣчаетъ «Статистическій Сборникъ». Мысль правильная. Но какъ-же «Сборникъ» отвѣчаетъ на вопросъ имъ самимъ постановленный? На той-же 46 стр. онъ даетъ вѣдомость средней населенности по губерніямъ и затѣмъ дѣлаетъ общій выводъ, изъ котораго обнаруживается, что почти $\frac{1}{4}$ часть Европейской Россіи заселена хорошо и вмѣщаетъ въ себѣ около $\frac{1}{9}$ всего ея народонаселенія, около $\frac{1}{3}$ заселено посредственно и больше $\frac{1}{9}$ заселено слабо. По достаточно-ли ограничиться этимъ выводомъ? даетъ-ли онъ точное понятіе о густотѣ населенія? Конечно нѣтъ, ибо густота населенія опредѣляется не отношеніемъ числа жителей къ абсолютному пространству, а къ пространству, дающему средства для жизни. Въ архан-

гельской губ. по среднему разсчету оказывается 20 чел. на одну квадратную милю, а въ московской 2598 чел. Эти среднія цифры не говорятъ еще ровно ничего и не объясняютъ нисколько отношенія архангельскаго пространства къ московской тѣснотѣ. А между тѣмъ въ томъ-же «Сборникѣ» на 229 стр. подъ заголовкомъ: «Сельское хозяйство» есть вѣдомость, дающая возможность продолжать выводъ до конца, не оставляя читателя на полумысли. Въ вѣдомости, о которой мы говоримъ, показано распредѣленіе земель по угодьямъ, т. е. количество земли пахатной, сѣнокосной, лѣсу, усадебной, выгонной и неудобной. Изъ вѣдомости мы узнаемъ, что въ архангельской губерніи находится 84,000 дес. пашень и 124,000 дес. сѣнокосу, а въ московской 1,200,000 дес. пашень и 300,000 дес. сѣнокосу. Изъ вѣдомости-же на страницѣ 25 извѣстно, что населеніе архангельской губерніи равно 284,244, а московской 1,564,240; слѣдовательно въ архангельской губерніи приходится на человѣка 0,29 десятины пахатной земли, а въ московской 0,79 дес. Прибавляя къ пашнѣ сѣнокосы и луга, т. е. считая въ архангельской губерніи 208,000 д. удобной земли, а въ московской 1,500,000 дес., получимъ, что въ архангельской губ. приходится на десятину 2,5 чел., а въ московской 0,95 чел. или на квадратную милю удобной земли: въ архангельской губерніи 12,740 ч., а въ московской 4,841. Такимъ образомъ, по разсчету земли необходимой для жизни земледѣльца, архангельская губерніа оказывается втрое населеннѣе московской.

Если-бы разсчетъ населенія къ пространству былъ сдѣланъ и для всѣхъ губерній по отношенію къ удобной площади, то получилась-бы совершенно иная картина густоты населенія и выводъ имѣлъ-бы тотъ жизненный экономическій смыслъ, котораго никогда не можетъ быть въ разчетѣ по абсолютному пространству. Теперь-же «Статистическій Сборникъ» какъ-бы выдѣляетъ человѣка изъ окружающихъ его условій и ставитъ не человѣка въ зависимость отъ этихъ условій, а условія въ зависимость отъ человѣка. Отъ этого, дѣлая выводъ изъ таблицы распредѣленія земель по угодьямъ, «Статистическій Сборникъ» говоритъ, «что вообще процентъ распространенія пахатныхъ полей по губерніямъ находится въ прямомъ отношеніи къ плотности населенія». Не было-ли-бы вѣрнѣе сказать обратно, т. е. что плотность населенія находится въ прямомъ отношеніи къ распространенію пахатныхъ полей. Дѣлать первую постановку значить въ худой культуровкѣ пустырей возлагать ответственность на земледѣльца; тогда какъ при второй—сельско-хозяйственный интеллектъ

ставится въ зависимость отъ условій, уменьшающихъ его силу, и слѣдовательно ведетъ къ изслѣдованію противодействующихъ причинъ. Обвинять во всемъ крестьянскій интеллектъ нельзя, ибо степень напряженности борьбы челоѣка съ природою зависитъ отъ силы естественныхъ препятствій. Есть естественныя препятствія, совершенно непреодолимыя ни для какой энергіи, напр. тундры архангельской губерніи или сѣвера Сибири. Статистика должна опредѣлить эти препятствія, чтобы дать вѣрную картину естественной среды, въ которой находится челоѣкъ. Но есть другія препятствія, которыя одолимы при болѣе развитой энергіи—чего не можетъ сдѣлать житель архангельской губерніи, то легко преодолеваетъ норвежець. Статистика приходитъ такимъ образомъ къ международному сравненію силъ и затѣмъ къ изслѣдованію тѣхъ условій, которыя не позволили архангельскому жителю сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ сталъ норвежець, англичанинъ, американецъ.

Таблицей численнаго отношенія половъ заканчивается отдѣлъ перечисленія населенія. Изъ этой вѣдомости оказывается, что въ губерніяхъ сѣверной полосы число женщинъ больше числа мужчинъ, а въ губерніяхъ южныхъ—обратно. «Статистическій Сборникъ» объясняетъ это явленіе тѣмъ, что въ сѣверной полосѣ господствуютъ многіе промыслы и фабричныя занятія, губящія мужчинъ болѣе чѣмъ женщинъ, а на страницѣ 70 указываетъ, какъ на замѣчательный фактъ, что смертность въ мужскомъ полѣ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше перевѣсъ женщинъ т. е. тамъ мужчинъ умираетъ больше, гдѣ ихъ относительно меньше, и тамъ меньше, гдѣ ихъ относительно больше. Но вѣрно—ли это? Въ архангельской губерніи приходится 107,4 женщинъ на 100 мужчинъ; въ олонецкой—110,6; въ вятской—111,7; въ пермской—110,6; въ костромской—114,8; въ ярославской—118,6. Въ этихъ же губерніяхъ должна быть и наибольшая смертность. Но именно изъ таблицы на страницѣ 70 мы не находимъ подтвержденія такого вывода. Хотя астраханская губернія отличается перевѣсомъ мужскаго населенія надъ женскимъ, а архангельская обратно, тѣмъ не менѣе процентъ смертности въ мужскомъ и женскомъ населеніи въ обѣихъ губерніяхъ одинаковъ. Такъ на 100 мужчинъ приходится умершихъ мужчинъ: въ архангельской губерніи—3,9 и въ астраханской—3,24 и на 100 женщинъ приходится умершихъ женщинъ—въ архангельской губерніи 2,83, въ астраханской 2,99: отношеніе одинаковое. Или, вятская губернія, въ которой наибольшая смертность мужчинъ объясняется тѣми-же причинами, даетъ цифры для смертности мужчинъ 4,4, а для смертности женщинъ 3,98; а въ рядомъ стоящей

съ нею воронежской губерніи, которая вовсе не лежитъ на сѣверѣ, смертность мужчинъ составляетъ 4,09, а смертность женщинъ 3,92. Въ олонцкой губерніи, въ которой обнаруживается самая большая смертность мужчинъ, вовсе не оказывается соотвѣтственнаго перевѣса женщинъ надъ мужчинами; а въ ярославской, гдѣ перевѣсъ женскаго населенія оказывается наибольшимъ, смертность мужчинъ совершенно такая-же, какъ въ губерніи самарской и воронежской, о которыхъ «Военно-Статистическій Сборникъ» въ своемъ выводѣ умалчиваетъ. Ясно, что выводъ, сдѣланный «Сборникомъ», не подтверждается и что изслѣдованіе слѣдовало вести дальше.

Движеніе народонаселенія начинается вѣдомостію о числѣ родившихся, умершихъ и бракомъ сочетавшихся съ 1801 по 1860 г. И здѣсь мы находимъ огульные итоги по десятилѣтіямъ, изъ которыхъ видно, что рождаемость по поламъ въ послѣднее время начинаетъ сравниваться точно также, какъ и смертность. А между тѣмъ вѣдомость эта представляетъ болѣе богатый матеріалъ для выводовъ. Изъ нея, напримѣръ оказывается, что въ теченіи 60 лѣтъ 17 лѣтъ были посвящены войнѣ и 16 лѣтъ было у насъ или общій или частный неурожай, 4 же года свирѣствовала холера. Или изъ 60 лѣтъ — 37 страна страдала отъ бѣдствій. Съ 1805 по 1815 г., т. е. въ теченіи 10 лѣтъ, продолжалась постоянная война съ ея послѣдствіями. Послѣдствія эти заключались прежде всего въ постепенно усиливающимся вымирании населенія. Такъ въ 1804 г. число смертныхъ случаевъ составляло 789,818, а въ слѣдующемъ 1805 г., когда началась война, смертные случаи составляли 818,432 или болѣе предыдущаго года на 28,614; вмѣстѣ съ этимъ упало и число браковъ на 24,501. Уменьшеніе народонаселенія шло изъ года въ годъ въ усиливающейся прогрессіи и въ 1813 г. достигло того, что не только не было никакой прибыли, напротивъ обнаружился дефицитъ въ 2,749 чел. Съ 1827 года снова начинается почти непрерывный рядъ то неурожавъ, то холеры, то войны и въ бѣдственный 1848 г., когда съ неурожавомъ соединилась холера, народу умерло больше, чѣмъ родилось, на 332,276 чел. Въ слѣдующее десятилѣтіе, т. е. по 1857 годъ, только въ одномъ 1852 году не было бѣдствій,—неурожая, холеры или войны — и потому въ смертности мы видимъ постоянное стремленіе къ увеличенію, несмотря на усиливающіяся рожденія. Число браковъ подчиняется также общему закону, т. е. ихъ меньше въ годы бѣдствій. Но если можно ручаться за достовѣрность цифръ, относящихся къ первымъ годамъ нынѣшняго столѣтія, то въ этомъ законѣ замѣчается нѣкоторое уклоненіе. Известно, что чѣмъ дешевле хлѣбъ,

т. е. чѣмъ сильнѣе урожай, тѣмъ больше бываетъ браковъ, и чѣмъ положеніе мужчинъ обезпеченнѣе въ ближайшемъ будущемъ, тѣмъ они больше женятся. А между тѣмъ въ спокойный 1801 г. число браковъ было меньше, чѣмъ въ годы войнъ, и въ 1813 г., когда дефицитъ составлялъ такую значительную убыль въ населеніи, браковъ было больше почти на 50,000, чѣмъ въ предыдущемъ 1812 г. Относительно 1848 г., самаго печальнаго изъ всего шестидесятилѣтняго столѣтія, приходится повторить то-же. Въ 1846 г., когда былъ неурожай, браковъ считалось 480,990; въ слѣдующій урожайный годъ число ихъ увеличилось на 13,103, т. е. общее число браковъ составляло 494,093, и въ неурожайный и холерный 1848 г., когда дефицитъ въ населеніи достигъ такой громадной цифры, число браковъ составляло 595,426. Только въ сильный неурожай 1850 г. число браковъ упало внезапно противъ предыдущаго года на 152,720. Мы думаемъ, что объясненіе этому обстоятельству нужно искать въ неточности цифръ и основываемъ свое мнѣніе на томъ, что процентъ умершихъ мужчинъ въ годы сильныхъ военныхъ потерь очень мало уклоняется отъ процента мужской смертности въ обыкновенные годы. Такъ въ 1813 г., когда умерло гораздо больше людей, чѣмъ родилось, процентъ мужской смертности на 100 умершихъ обоюбого пола составляетъ всего 52,2, а въ 1801, когда приращеніе составляло 453,175, процентъ мужской смертности составлялъ 52,6. Это безпорядочное колебаніе цифръ убѣждаетъ насъ въ томъ, что наша статистика по неточности своихъ данныхъ можетъ служить только общимъ контролирующимъ средствомъ, но никакъ не даетъ оснований для установки непреложныхъ статистическихъ законовъ. Намъ, вѣроятно, еще долго придется идти за западной Европой, прежде чѣмъ мы будемъ въ состояніи сказать что-либо свое.

Общая таблица движенія народонаселенія останавливается на 1860 году. Если «Военно-Статистическій Сборникъ» не дѣлаетъ изъ нея подробныхъ выводовъ, то, вѣроятно, потому, что не находитъ въ ея цифрахъ достаточнаго ручательства въ безошибочности заключеній. На 34 стран. находится подробная таблица о движеніи народонаселенія за пятилѣтіе съ 1858 по 1863 г. Въ этой вѣдомости доложены такія подробныя свѣденія, какихъ до сихъ поръ у насъ не обнаруживалось. Свѣденія о родившихся, умершихъ и бракомъ сочетавшихся показаны по губерніямъ и подробные процентные расчеты сдѣланы по городамъ и по уѣздамъ. Къ сожалѣнію, этотъ богатый матеріалъ остался также недостаточно разработаннымъ и специальному изслѣдованію почти не дано мѣста. Такъ напр. о смертности сказано, что она

составляла 3,6 процента общаго народонаселенія, что 1863 и 1860 годы были въ этомъ отношеніи наименѣе благоприятными; напротивъ того въ 1862 г. смертность была ниже, чѣмъ въ другіе годы, что въ распредѣленіи смертности по губерніямъ оказывается чрезвычайное разнообразіе, что по годамъ въ смертности замѣчается такое-же колебаніе, что въ городахъ смертность сильнѣе, чѣмъ въ уѣздахъ, что число умершихъ мужчинъ постоянно больше числа умершихъ женщинъ. Мы думаемъ, что ограничивать выводы всего одной печатной страничкой слишкомъ недостаточно, ибо вопросъ о русской смертности самый основной, самый важный, самый любопытный изъ всѣхъ русскихъ статистическихъ вопросовъ, такъ-какъ только имъ и можно выяснитъ надлежащимъ образомъ положеніе народа.

Наибольшая городская смертность оказывается въ слѣдующихъ губерніяхъ: въ архангельской, витебской, волинской, гродненской, виленской, вологодской, воронежской, въ землѣ донскаго войска, казанской, костромской, курской, лифляндской, новгородской, олонецкой, оренбургской, орловской, пензенской, пермской, псковской, самарской, саратовской, симбирской, тамбовской и харьковской. Самый сильный перевѣсъ городской смертности надъ уѣздной оказывается въ губерніяхъ: воронежской, гдѣ она почти вдвое больше, чѣмъ въ губерніи архангельской; въ землѣ войска донскаго, въ курской, гдѣ она почти вдвое больше, чѣмъ въ уѣздахъ, въ орловской, пензенской, пермской и саратовской. Въ этихъ губерніяхъ смертность въ городахъ сильнѣе смертности въ уѣздахъ отъ 30 до 50%. Въ губерніяхъ: бессарабской, курляндской, московской, петербургской, тульской, напротивъ, уѣздная смертность пересиливаетъ городскую. Такъ въ Бессарабіи смертность въ уѣздѣ сильнѣе на 30%; въ губерніяхъ-же московской и петербургской процентовъ на 25. Въ губ.: владимірской, вятской, екатеринославской, калужской, кievской, ковенской, минской, нижегородской, смоленской, тверской, херсонской, черниговской и ярославской смертность въ городахъ и уѣздахъ почти одинаковая.

Изъ этой-же таблицы видно, что самая большая смертность была въ губерніяхъ владимірской, воронежской, вятской, московской, нижегородской, олонецкой, орловской, пермской, самарской, смоленской, тульской, черниговской. Самая-же малая смертность—въ губ. архангельской, бессарабской, гродненской, донскаго-войска, ковенской, костромской, курляндской, лифляндской, минской, таврической и эстляндской. Въ землѣ донскаго войска оказывается наименьшая смертность, т. е. 2,3%, самая-же большая смертность въ губ. олонецкой, гдѣ она составляетъ 4,76%.

Наибольшая смертность въ деревняхъ въ 1860 г., или за годъ до освобожденія, оказывается въ губ. московской, нижегородской, пензенской, подольской, полтавской, рязанской, самарской, петербургской, симбирской, смоленской, таврической, тамбовской, тульской, черниговской, т. е. въ губерніяхъ по преимуществу помѣщичьихъ. Съ 1860 г. смертность увеличивается въ губ. пермской, смоленской, симбирской, таврической, тамбовской, харьковской, черниговской, бессарабской, виленской, владимірской, вологодской, воронежской, гродненской, донского войска, екатеринославской, казанской, лифляндской, минской, новгородской, пензенской, псковской, смоленской, таврической. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ увеличеніе смертности идетъ прогрессивно-правильно, возвышаясь изъ года въ годъ на значительную долю процента; въ другихъ-же оно идетъ какъ-бы скачками. Наиболее поразительный примѣръ послѣдняго представляетъ губернія пермская, гдѣ смертность съ 3,64% въ 1862 г. возросла въ 1863 внезапно до 3,48%; 1863 годъ оказался въ пермской губерніи особенно губительнымъ для городского населенія, въ которомъ смертность возросла до 7,13, т. е. до небывалаго и неслыханнаго размѣра ни въ одной губерніи за то-же пятилѣтіе.

Какія-же причины такихъ странныхъ комбинацій смертности—въ однихъ случаяхъ увеличенія ея въ городахъ, въ другихъ—въ селеніяхъ и всеобщаго усиленія ея въ 1860 г. и въ 1863 г.? Почему самой несчастной во всѣхъ этихъ комбинаціяхъ оказывается губернія пермская, фигурирующая повсюду въ первыхъ рядахъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо опредѣлять отношеніе жителей къ условіямъ ихъ быта, а для этого нужно разъяснить социальное-экономическое положеніе городскихъ и сельскихъ жителей. На стр. 816 помѣщена сравнительная вѣдомость платежей крестьянъ-собственниковъ, государственныхъ крестьянъ и мѣщанъ. Изъ этой вѣдомости видно, что платежи народонаселенія одной и той-же губерніи чрезвычайно неодинаковы. Иногда крестьяне-собственники платятъ больше крестьянъ государственныхъ, а иногда государственные крестьяне больше собственниковъ; иногда тѣ и другіе больше мѣщанъ, а иногда мѣщане больше крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ неравномѣрность платежей достигаетъ огромной разницы. Такъ въ бессарабской губерніи крестьяне-собственники платятъ 2 р. 13 к., а государственные крестьяне 9 р. 33 к.; въ владимірской обратно—крестьяне-собственники платятъ 10 р. 36 к., а государственные крестьяне 7 р. 69 к. Нигдѣ эта разница не доходитъ до такого размѣра какъ въ губерніи ярославской, гдѣ съ крестьянина-собственника

сходить 11 р. 17 к., а съ государственнаго 6 р. 22 к. Въ платежахъ мѣщанскаго населенія, по отношенію къ сельскому, замѣчается та-же разниа. Въ Бессарабіи, напр., мѣщане платятъ 3 р. 49 к., а въ ярославской губерніи 14 р. 24 к. Сравнивая наибольшую смертность съ размѣромъ платежей, мы находимъ, что во многихъ губерніяхъ они прямо пропорціональны, напр. въ губ. витебской, владимірской, калужской, костромской, могилевской, новгородской, херсонской, черниговской. Но опять мы находимъ цѣлый рядъ губерній, въ которыхъ смертность и платежи не соотвѣтствуютъ другъ другу. Конечно, чтобы судить о равномѣрной тягости налога, нужно знать и доходы плательщиковъ. Очень можетъ быть, что доходы эти въ разныхъ мѣстностяхъ не одинаковы. Но зная, что вообще экономическія условія у насъ довольно равномѣрны, трудно допустить такую разницу въ производительныхъ силахъ, какая замѣчается въ платежахъ. Московскій мѣщанинъ платитъ напр. 6 р. 74 к., тогда какъ ярославскій 14 р. 24 к. Неужели ярославскій мѣщанинъ въ 2½ раза производительнѣе московскаго? О производительности мѣщанъ въ «Военно-Статистическомъ Сборникѣ» нѣтъ никакихъ свѣдѣній и потому провести параллель между смертностію и платежами—нельзя.

Для сужденія о бытѣ земледѣльцевъ въ «Статистическомъ Сборникѣ» болѣе данныхъ. На 188 стр. есть таблица, указывающая отношеніе земельного владѣнія крестьянъ и землевладѣльцевъ. Изъ этой вѣдомости видно, что неравномѣрность отношеній достигаетъ иногда поразительной величины. Хотя по среднему выводу и оказывается, что на одного помѣщика приходится 673 д., а на одного крестьянина 3,6 десят., но въ частности по губерніямъ это отношеніе значительно измѣняется. Наиболѣе значительное уклоненіе обнаруживается въ губ. витебской, гдѣ на помѣщика среднимъ числомъ причитается 1185 д., а на крестьянина 3,9 десят.; въ кіевской, гдѣ на 1553 д. помѣщичьей земли приходится 2 д. крестьянской; въ минской, гдѣ на 2356 д. помѣщичьей земли—4,7 крестьянской. Но самая крайняя неравномѣрность обнаруживается въ губ. пермской, гдѣ на одного помѣщика причитается 174,834 д., а на крестьянина 6,1 десятин. Сличая эту вѣдомость съ вѣдомостію смертности, находимъ, что большая или меньшая смертность сельскаго населенія нисколько не зависитъ отъ отношеній крупной земельной собственности къ мелкой и что только въ двухъ губерніяхъ—пермской и самарской крупное землевладѣніе сходится съ наибольшею смертностію; въ остальныхъ 11 этого нѣтъ.

Теперь сличимъ смертность съ размѣромъ надѣла. Наименьшій надѣлъ оказывается въ губерніяхъ владимірской, воронежской, екатери-

нославской, казанской, калужской, костромской, курской, московской, нижегородской, орловской, пензенской, рязанской, петербургской, симбирской, смоленской, тамбовской, тульской и харьковской. Въ этихъ губерніяхъ надѣлъ составляетъ отъ $2\frac{3}{4}$ д. до 4,5 и только въ одной костромской доходить до 6 д. Сравнивая вѣдомость о размѣрѣ надѣла съ вѣдомостію о смертности, мы находимъ совпаденіе смертности, увеличивающейся вообще, въ губерніяхъ владимірской, воронежской, екатеринославской, казанской, пензенской, симбирской, смоленской, тамбовской, т. е. для 8 губ. изъ 18. Наибольшая смертность въ 1860 г. встрѣчается въ губерніяхъ: московской, нижегородской, пензенской, рязанской, петербургской, симбирской, смоленской, тамбовской, тульской или въ 9 изъ 18. Самая большая смертность вообще оказывается въ губерніяхъ владимірской, воронежской, московской, нижегородской, орловской, смоленской, тульской или въ 7 изъ 18. Но сличивъ наибольшій надѣлъ съ наибольшею смертностію, мы видимъ, что большее количество земли не обезпечиваетъ крестьянину болѣе продолжительной жизни. Такъ наибольшій надѣлъ оказывается въ губерніяхъ астраханской, вологодской (кромѣ двухъ уѣздовъ), костромской, новгородской, олонеккой, оренбургской, пермской, самарской и въ то же время наибольшая смертность оказывается въ губ. олонеккой, пермской и самарской, т. е. въ 3 изъ 8. Точно также самую малую смертность мы находимъ и въ губерніяхъ съ самымъ малымъ надѣломъ, напр. костромской, курской.

Чтобы продолжать эту параллель, слѣдовало-бы сличить смертность съ урожаями. Но въ таблицѣ смертности приведены цифры за года 59—63, а въ таблицѣ урожаявъ, помѣщенной на стр. 239—242, взяты года 1864, 1865, 1866, слѣдовательно сравненіе оказывается невозможнымъ. Есть однако еще одна вѣдомость, на стр. 248, въ которой показано, какія губерніи производятъ хлѣбъ въ излишкѣ и какія меньше, чѣмъ его нужно на собственныя потребности. Изъ этой вѣдомости видно, что большая половина Россіи производитъ хлѣба недостаточно, и можетъ существовать только на счетъ другой половины. Изъ числа губерній нуждающихся въ хлѣбѣ, въ одной петербургской, т. е. въ одной изъ 14, замѣчается въ сельскомъ населеніи большая смертность; за то въ городахъ тѣхъ-же нуждающихся мѣстностей наибольшая смертность оказывается въ губерніяхъ архангельской, волынской, вологодской, казанской, костромской, новгородской, олонеккой, оренбургской, пермской, псковской или въ 10 изъ 24.

Для полнаго опредѣленія зависимости смертности отъ условій быта нужно-бы провести параллель смертности со всеми вліяю-

щими на нее факторами. Такъ слѣдовало-бы сличить смертность съ распредѣленіемъ угодій, узнать ея отношеніе къ лѣсности и безлѣсности, узнать размахъ ея въ мѣстностяхъ хорошо и худо культивированныхъ и опредѣлить параллельно съ каждымъ изъ отдѣльныхъ промысловъ и занятій, какъ фабричныхъ и заводскихъ, такъ и чисто крестьянскихъ, наконецъ прослѣдить вліяніе на смертность разныхъ болѣзней. Къ сожалѣнію, въ «Военно-Статистическомъ Сборникѣ» совсѣмъ нѣтъ данныхъ для подобныхъ параллелей, ибо этихъ данныхъ и вообще у насъ не собрано. «Военно-Статистическій Сборникъ», говоря о промышленности и посвятивъ ей цѣлый огромный отдѣлъ, пользовался данными центрального статистическаго комитета о числѣ фабрикъ и заводовъ, о числѣ рабочихъ и суммѣ производства. Тутъ мы находимъ свѣденія о фабрикахъ, обрабатывающихъ шерсть, ленъ, пеньку, хлопчатую бумагу, шелкъ, о писчебумажномъ производствѣ, заводахъ лѣсопильныхъ, фабрикахъ столярныхъ, паркетныхъ, мебельныхъ и т. д. и все это въ общихъ огульныхъ итогахъ. Правда, на стр. 352 помѣщена таблица о числѣ ремесленниковъ, но свѣденія эти сгруппированы въ довольно обширныя рубрики, такъ-что дѣлать тотъ выводъ, который мы предполагали, оказывается невозможнымъ. Такъ въ первой графѣ помѣщены данныя о мастеровыхъ, рабочихъ и ученикахъ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества. Но какіе-же производители входятъ въ эту рубрику? Оказывается, масонщики, одѣяльщики, ваточники, канатчики, рѣшетники, овчинники, шерстобой, тряпичники, бахромщики, ткачи, шубники, паловщики, войлочники, позументщики, парусные мастера, драпировщики, золотошвейки, дегатировщики, пятновыводчики, бердочники, ленточники, трепачи, прядильщики, набойщики, красильщики, чулочницы, варежницы, бѣлошвейки, кружевницы, тесемщики, обойщики, портные, бѣлильщики, модистки, шляпники и шапочники. Всѣхъ этихъ разнообразныхъ производителей: мастеровъ 32,299, рабочихъ 37,625 и учениковъ 17,519, т. е. цифра совершенно ничтожная по отношенію къ 80 мильонамъ всего русскаго населенія, такъ-что если-бы люди, обрабатывающіе волокнистыя вещества вымирали-бы какъ мухи, то они и тутъ не поколебали-бы процента общей смертности. Минимумъ обрабатывающихъ волокнистыя вещества приходится на Бессарабскую область, въ которой считается мастеровъ 12, рабочихъ 6, учениковъ 3. Но кто эти 23 человѣка, что это — басонщики, красильщики, модистки или шапочники? Вѣдомость не говоритъ ничего. Въ остальныхъ рубрикахъ точно также сбиты въ кучу самыя разнообразныя и даже близко неподходящія другъ къ другу производства. Наприм., во II группѣ по обра-

боткѣ дерева — столяры и рогожники. Развѣ есть что-либо общаго между рогожнымъ промысломъ, т. е. ткацкимъ искусствомъ и работою рубанкомъ или стамеской? Въ III группѣ, по обработкѣ животныхъ продуктовъ, мы находимъ мясниковъ, сапожниковъ и чмо-данщиковъ. Въ IV — булочниковъ и огородниковъ. Въ V — по обработкѣ минеральныхъ продуктовъ — печниковъ и гранильщиковъ. Въ VII же группѣ скопаны въ одну кучу все тѣ, кто не подошелъ подъ группы предыдущія. Наприм., трактирщики, барышники, повивальныя бабки, бурлаки, музыканты, корабельщики, папиросники. Едва-ли можно представить себѣ что-либо произвольнѣе подобной классификаціи, которая очевидно не имѣла въ виду живого человѣка. Группировка сдѣлана не по характеру ручного труда и по условіямъ, въ которыхъ онъ находится, а поставлена въ чистую зависимость отъ фабричной системы. Отвлеченная идея промышленности и ея общихъ итоговъ заслонила человѣка и онъ разсматривается, какъ простая машина. Для того, чтобы судить объ экономической производительности страны, конечно, нужно знать, сколько всего производится. Но въ то-же время нужно знать, въ какихъ условіяхъ дѣйствуютъ производящія силы и оказываются-ли эти условія выгодными или невыгодными для общаго производства. Даже и чугунная машина можетъ дѣйствовать хорошо и можетъ дѣйствовать дурно, можетъ стоять въ такомъ мѣстѣ, гдѣ она скоро портится, а можетъ стоять и въ такомъ, что прослужитъ два вѣка. Ясно, что правильное сужденіе о промышленности невозможно безъ точнаго представленія о самихъ производительныхъ силахъ и условіяхъ, въ которыхъ они дѣйствуютъ. Слѣдовательно, если съ одной стороны неизбежна такая вѣдомость, какую мы находимъ въ «Военно-Статистическомъ Сборникѣ», съ другой нужна и такая, какой мы не находимъ, т. е. вѣдомость о вліяніи разныхъ производствъ на здоровье и силы производителей, иначе сказать таблица ихъ смертности.

Санитарный вопросъ совершенно обойденъ «Военно-Статистическимъ Сборникомъ». Мы находимъ лишь самый легкій намекъ на него во второмъ отдѣлѣ сборника «о вооруженныхъ силахъ Россіи». На стр. 34 помѣщена вѣдомость о процентѣ рекрутъ, забракованныхъ по тѣлеснымъ недостаткамъ и хроническимъ болѣзнямъ. Изъ этой вѣдомости мы узнаемъ, что московская губернія отличается больше всехъ остальныхъ по худосочию, и что самая сильная болѣзненность рекрутъ замѣчается въ сѣверной Россіи до Москвы, Нижняго и Казани. Эти огульныя цифры, нисколько не разработанныя по родамъ болѣзни и по связи ихъ съ предыдущимъ образомъ жизни и дѣятельностію ре-

крутъ, лишены всякаго руководящаго соціального смысла и поэтому не даютъ отвѣта на тѣтъ главный и основной вопросъ, на которомъ должно быть построено все статистическое изслѣдованіе. Даже и чисто съ экономической точки зрѣнія нельзя ограничиваться одними общими итогами производствъ. Ни одинъ хорошій хозяинъ, вѣрно понимающій свои выгоды, не смотритъ на своего рабочаго, какъ на мертвую машину, а видитъ въ немъ машину такую, которая при однихъ условіяхъ дѣйствуетъ выгодноѣ, при другихъ менѣе выгодно. Даже строители русскихъ желѣзныхъ дорогъ уже поняли, что если рабочаго кормить худо и держать скверно, то трудъ его малоуспѣшнѣе. Экономисты самой чистой школы знали это еще ранѣе русскихъ подрядчиковъ, поэтому-то и странно встрѣтить совершенное игнорированіе этого вопроса въ «Военно-Статистическомъ Сборникѣ». Мы не требуемъ, чтобы «Военно-Статистическій Сборникъ» далъ всѣ тѣ цифры, которыя мы желали-бы встрѣтить на его страницахъ: но мы сожалѣемъ о томъ, что не встрѣчаемъ въ немъ даже ни малѣйшаго намека на подобное направленіе. Когда центральный статистическій комитетъ издалъ I томъ «Статистическаго Временника», онъ въ предисловіи оговорилъ тѣ трудности, какія встрѣтилъ при его составленіи и тѣ цѣли къ которымъ стремился. «Военно-Статистическій Сборникъ» этого не дѣлаетъ. Очевидно, онъ и не хотѣлъ смотрѣть на Россію, какъ на живую производительную силу, состоящую изъ живыхъ единицъ, а видѣлъ въ ней стихійную силу, служащую какимъ-то отвлеченнымъ цѣлямъ. Если-бы взгляды редакціи «Военно-Статистическаго Сборника» были-бы жизненнѣе, она нашла-бы возможность ихъ заявить и если-бы своимъ трудомъ не создала идеала статистики, то пробивъ даже самую узенькую тропиночку, она могла-бы дать этимъ новое направленіе всѣмъ послѣдующимъ русскимъ статистическимъ трудамъ. Собрать матеріалъ со всѣхъ концовъ Россіи было-бы, конечно, невозможно, но и одинъ Петербургъ — такое безконечно поле для изслѣдованія, что половинная разработка представляемыхъ имъ матеріаловъ можетъ обезсмертить статистика. Трудъ, конечно, вещь почтенная, но трудъ безъ одухотворяющей его мысли не стоитъ ничего. И что могло помѣшать составителямъ «Статистическаго Сборника» задаться болѣе широкой программой, когда имъ, сколько извѣстно, знакомы труды и Зюсмилха, и Баумана, и Кетле, и Легау, и Каспера и др.? Говорить въ огульномъ смыслѣ о смертности и вымираніи русскаго населенія все равно, что ничего не говорить. Правда, на 82 стр. сборникъ приводитъ цифры, заимствованныя у Гауснера о сравнительной смертности. Изъ этихъ цифръ оказывается, что

ни въ одномъ изъ европейскихъ государствъ нѣтъ такой смертности, какъ въ Россіи, и что у насъ вымираетъ вдвое болѣе народу, чѣмъ въ Норвегіи. Но говорить объ этомъ въ такихъ крупныхъ, общихъ итогахъ, конечно, не значитъ сказать что-нибудь точно опредѣленное. Наше 80 милліонное населеніе живетъ при такихъ разнообразныхъ условіяхъ климата, почвы, производительности; экономическое и социальное положеніе его такъ различно по сословіямъ и общественнымъ условіямъ, что пора уже начать спеціализованіе вопроса о русской смертности и намѣтить главнѣйшія точки для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Изъ наблюденій, сдѣланныхъ въ Франкфуртѣ, извѣстно, что самое счастливое по продолжительности жизни сословіе есть духовное. Никакихъ господствующихъ болѣзней у него нѣтъ, средняя продолжительность жизни его 63,1 года. Но такъ-ли это у насъ? Русская статистика молчитъ. Второе мѣсто по продолжительности жизни занимаютъ учителя, садовники и мясники. Изъ учителей 17,2%, умираютъ отъ старости, садовники-же умираютъ, по преимуществу, отъ чахотки, которая у мясниковъ, напротивъ, очень рѣдка. У кушцовъ нѣтъ ни одной господствующей болѣзни, и по продолжительности жизни они занимаютъ третье мѣсто. Хлѣбники умираютъ чаще всего отъ чахотки и тифа, пивовары отъ чахотки, плотники и каменщики преимущественно отъ несчастныхъ случаевъ, обручники, живописцы, лакировщики отъ чахотки и болѣзней мочевыхъ органовъ, башмачники отъ чахотки, типографщики отъ чахотки и тифа; столяры, слесаря кузнецы и портные отъ чахотки; наборщики, словолитчики и оловяшники отъ чахотки и водяной; литографы и гравировщики на мѣди преимущественно отъ чахотки. Изъ всѣхъ классовъ врачи подвержены болѣе всего смертности: большая часть, т. е. $\frac{3}{4}$ умираетъ не достигнувъ 50 лѣтъ. Рядомъ съ докторами стоитъ такъ называемое ученое сословіе. Эшерихъ говоритъ, «что за всѣми учеными сословіями надо признать нѣчто такое, что превосходить своимъ дѣйствіемъ на продолжительность жизни всѣ благопріятныя физическія и психическія, условія, а между тѣмъ не дѣйствуетъ на безразличное мужское населеніе». Причину этого онъ полагаетъ въ образѣ подготовленія, т. е. именно въ тѣхъ предварительныхъ условіяхъ, которыя приходится человѣку вынести прежде, чѣмъ онъ вступитъ на поприще головного труда. Вѣрность этой мысли подтверждается тѣмъ фактомъ, что самая сильная смертность обнаруживается, обыкновенно, при самомъ вступленіи въ какое-либо сословіе. Слѣдовательно, чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, нужно обратиться къ изслѣдованію всего того, что надламываетъ молодой организмъ, въ то время, когда онъ формируется

и готовится къ ожидающей его головной дѣятельности. Что мы знаемъ объ этомъ вопросѣ? А между тѣмъ, именно, съ шестидесятихъ годовъ началось у насъ въ молодежи усиленное стремленіе къ образованію, стремленіе, которое какъ-бы не хочетъ знать никакихъ препятствій, загоняетъ стремящихся въ нужду и голодъ, и даже вызвало наконецъ въ Петербургѣ общественную благотворительность въ видѣ дешевыхъ кухмистерскихъ, состоящихъ подъ покровительствомъ высокнхъ особъ. Изслѣдованіе подобнаго вопроса въ Петербургѣ было-бы удобнѣе всего; если-бы составители «Военно-Статистическаго Сборника» обратили на него вниманіе, то, конечно, они встрѣтили-бы меньше трудностей, чѣмъ при тѣхъ выборкахъ, которыя имъ приходилось дѣлать по архивнымъ документамъ. Любопыно, что самый основной элементъ прогресса — элементъ наиболѣе цѣнный, подвергается больше всего вліянію разрушающихъ условій, и самое дурное хозяйство на жизнь ведется именно въ немъ.

Частныя изслѣдованія смертности по профессіямъ именно потому и важны, что среднія цифры выводятся на 80 миллионное населеніе. Предѣлы этой нормы слишкомъ растянуты, ибо съ одной стороны служить ей границей полудикій черемисъ или бурятъ, а съ другой, вполне обеспеченный и цивилизованный человѣкъ, стоящій на высшемъ уровнѣ удобной матеріальной жизни. Въ Россіи, меньше чѣмъ гдѣ нибудь, общая средняя норма можетъ дать точное представленіе. Намъ необходимо установить нѣсколько среднихъ нормъ и каждую такую норму принять самостоятельной средней единицей. Сословіе, социальное положеніе и профессія должны служить основаніями при установкѣ подобныхъ нормъ, такъ, чтобы мы могли имѣть отдѣльное представленіе о среднемъ дворянинѣ, среднемъ духовномъ, среднемъ кущѣ, среднемъ образованномъ пролетаріи или о человѣкѣ головного труда, среднемъ земледѣльцѣ, мѣщанинѣ, фабричномъ рабочемъ, ремесленникѣ. Изъ таблицъ смертности православнаго населенія Россіи, составленныхъ академикомъ Буяковскимъ, видно, что изъ числа новорожденныхъ мальчиковъ доживаетъ до пятилѣтняго возраста только 59%, а умираетъ 41%; въ слѣдующемъ возрастѣ смертность значительно упадетъ, еще больше упадетъ она къ 15 лѣтнему возрасту, но затѣмъ постепенно усиливается. Изъ сравненія русской смертности съ иностранною обнаруживается, что изъ 1,000 новорожденныхъ остается въ живыхъ 5-тилѣтнихъ дѣтей въ Россіи 603, во Франціи 707, въ Бельгіи 730, въ Англіи 742, пятнадцатилѣтнихъ: въ Россіи 548, во Франціи 647, въ Бельгіи 673, въ Англіи 686; двадцатилѣтнихъ: въ Россіи 529, во Франціи 624, въ Бель-

гн 645, въ Англіи 660; двадцатипятилѣтнихъ: въ Россіи 507, во Франціи 587, въ Бельгіи 606, въ Англіи 633; тридцатилѣтнихъ: въ Россіи 481, во Франціи 560, въ Бельгіи 571, въ Англіи 603. Половина родившихся людей умираетъ въ Англіи только къ 45 г., а у насъ къ 25. Эти цифры, повидимому приводящія къ важному выводу, въ сущности не приводятъ ни къ какому, и изъ таблицъ г. Буяковскаго и изъ сравненія его цифръ съ цифрами статистикъ заграничныхъ узнаешь только, что человѣческая жизнь въ Россіи находится въ условіяхъ мало благопріятныхъ вообще. Но это вообще совершенно обходитъ вопросъ о томъ, что-же именно сокращаетъ русскую жизнь, и что дѣйствуетъ на нее благопріятно? Пока не будутъ разъяснены эти вопросы частными изслѣдованіями отдѣльныхъ среднихъ величинъ, всѣ наши *общіе средніе* выводы не будутъ имѣть никакого практическаго соціальнаго значенія.

III.

«Военно-Статистическій Сборникъ» указываетъ съ гордымъ сознаниемъ на введенный имъ впервые новый элементъ статистическаго изслѣдованія— «землевладѣніе». «Хотя отношеніемъ населенія къ землѣ, говоритъ «Сборникъ», опредѣляются самыя главныя первѣйшія основанія экономической жизни и соціальнаго развитія каждаго государства, тѣмъ не менѣе, какъ за границей, такъ и у насъ, статистика оставляла этотъ предметъ почти безъ всякой обработки». «Конечно, продолжаетъ редакція «Сборника», точныхъ данныхъ о землевладѣніи у насъ нѣтъ и быть не можетъ до тѣхъ поръ, пока не устроится правильная земельная регистрація и не введется правильная ипотечная система. Но отсутствіе *точныхъ* данныхъ еще не можетъ освободить наши официальные статистическія учрежденія отъ обработки по сему отдѣлу хотя-бы *приблизительныхъ* цифръ, какъ то дѣлается по всѣмъ другимъ элементамъ статистики, представляющей данныя, иногда еще болѣе шаткія». И наконецъ, «быть можетъ, заключаетъ редакція, все достоинство этой работы только въ томъ и заключается, что ею положено, по крайней мѣрѣ, начало труда, такъ нетерпѣливо ожидающему болѣе специальныхъ дѣателей». Въ этихъ словахъ редакціи «Военно-Статистическаго Сборника» мы находимъ подтвержденіе той самой мысли, которую высказали въ предыдущей главѣ. Значитъ, редакція не считаетъ логическимъ уклоняться отъ изслѣдованія такихъ вопросовъ, которые она считаетъ важными,

уклоняться даже и въ томъ случаѣ, когда отвѣтъ получится и недостаточно точный. Зачѣмъ-же въ такомъ случаѣ редакція уклонилась отъ изслѣдованія вопроса о смертности?

Читателю извѣстно, что освобожденіе крестьянъ свершилось у насъ на слѣдующихъ основаніяхъ: Помѣщики, сохраняя право собственности на землю, предоставляютъ крестьянамъ за извѣстныя повинности усадьбу и определенное количество полевой земли. Крестьяне-же, получивъ право какъ пользоваться землею, такъ и выкупать ее, съ пріобрѣтеніемъ поземельной собственности становятся свободными крестьянами-собственниками. Для пріобрѣтенія крестьянами въ собственность полевого надѣла правительство даетъ имъ долгосрочную ссуду, а на себя принимаетъ уплату помѣщикамъ процентовъ и капитала, частью процентными кредитными бумагами. Для опредѣленія размѣровъ поземельнаго надѣла, великороссійскія, малороссійскія и бѣлорусскія губерніи раздѣлены на полосы, каждая полоса на мѣстности и для каждой мѣстности назначенъ высшій и низшій размѣръ надѣла. Эти общія основанія, устанавливая законодательные принципы, не давали статистико-экономическихъ данныхъ, а потому комбинаціи, въ какія вступило русское землевладѣніе послѣ освобожденія крестьянъ, были до сихъ поръ публикѣ совершенно неизвѣстны. На 188 стр. «Военно-Статистическій Сборникъ» даетъ таблицу объ отношеніяхъ крестьянскаго и помѣщичьяго землевладѣнія. Изъ этой таблицы видно, что всѣхъ помѣщиковъ у насъ 103,158; въ ихъ распоряженіи земли — 69,421,094 десят.; крестьянъ безъ дворовыхъ — 9,793,163 и у нихъ земли 35,779,014 десят. Среднимъ числомъ на одного помѣщика приходится 673 десят. и на одного крестьянина 3,6 десятины. Ниже средней нормы крестьяне владѣютъ землею въ 17 губерніяхъ и по нормѣ или выше нормы — въ 28 губерніяхъ. Наименьшее количество земли приходится въ подольской губерніи, гдѣ на крестьянина причтается 1,4 десят., въ кіевской — 2 д., въ курской и полтавской — 2,8 д., въ тульской и харьковской — 2,9 д., въ виленской и рязанской — 3 д. Наибольшій надѣлъ въ губерніяхъ: пермской — 6,1 д., астраханской — 8, ставропольской — 10,3 д. Изъ таблицы «Статистическаго Сборника» можно судить лишь объ абсолютныхъ отношеніяхъ крестьянскаго къ помѣщичьему землевладѣнію, но не видно процентнаго отношенія крестьянской земли къ помѣщичьей сравнительно по губерніямъ. Мы предлагаемъ читателямъ слѣдующую таблицу, изъ которой они увидятъ, какой процентъ помѣщичьей земли составляетъ въ каждой губерніи надѣлъ крестьянскій:

На 100 десятинъ помѣщичьей земли у крестьянъ:

Въ курской	1,60%	Въ симбирской	0,57%
» рязанской	1,57 »	» саратовской	0,55 »
» черниговской	1,38 »	» нижегородской	0,52 »
» тульской	1,17 »	» казанской	0,52 »
» орловской	1,14 »	» петербургской	0,41 »
» ярославской	1,11 »	» могилевской	0,41 »
» владимірской	1,20 »	» вятской	0,40 »
» тверской	1,09 »	» уфимской	0,37 »
» московской	1,04 »	» самарской	0,36 »
» калужской	0,97 »	» екатеринославской	0,35 »
» костромской	0,94 »	» полтавской	0,34 »
» пензенской	0,84 »	» виленской	0,33 »
» астраханской	0,80 »	» гродненской	0,27 »
» новгородской	0,77 »	» ковенской	0,27 »
» ставропольской	0,76 »	» витебской	0,24 »
» тамбовской	0,72 »	» волынской	0,22 »
» воронежской	0,70 »	» минской	0,19 »
» слонечкой	0,68 »	» таврической	0,17 »
» харьковской	0,67 »	» кіевской	0,12 »
» вологодской	0,61 »	» подольской	0,09 »
» псковской	0,61 »	» пермской	0,003

Изъ этой вѣдомости оказывается, что процентъ крестьянской земли чрезвычайно неравномѣренъ и вообще обратно пропорціоналенъ количеству помѣщичьей земли. При сравненіи помѣщичьяго съ остальными видами землевладѣнія, оказывается, что изъ общаго количества всей удобной земли русской государству принадлежит $\frac{1}{3}$, а $\frac{1}{5}$ принадлежитъ всѣмъ крестьянамъ и $\frac{1}{5}$ всѣмъ помѣщикамъ. Въ этой $\frac{1}{5}$, принадлежащей помѣщикамъ, отношеніе крупной и мелкой собственности также очень неравномѣрное. Хотя въ «Военно-Статистическомъ Сборникѣ» и нѣтъ указанія на минимумы помѣщичьяго землевладѣнія и потому невозможно прослѣдить постепенный количественный переходъ отъ помѣщичьяго къ крестьянскому землевладѣнію, но изъ вѣдомости на 188 стр. видно, что средній минимумъ составляетъ 171 десят., а средній максимумъ — 174,000 десят. Изъ свѣдений же, обработанныхъ г. Тройницкимъ, оказывается, что изъ общаго числа всѣхъ помѣщиковъ 1,396 или 1,3% владѣли ровно $\frac{1}{3}$ долей общаго числа крѣпостныхъ, и этотъ процентъ слѣдуетъ признать и нынче представителемъ крупнаго землевладѣнія, располагающимъ половиной всего количества русской помѣщичьей земли. По этому раз-

счета оказывается, что изъ общаго пространства всей Россіи $\frac{1}{10}$ принадлежитъ 1,396 владѣльцамъ.

Сравнивая процентную вѣдомость съ размѣромъ надѣла крестьянъ помѣщичьихъ и казенныхъ, мы видимъ, что надѣлы эти не соотвѣтствуютъ одни другимъ и не вытекаютъ изъ одной общей нормы. Вообще надѣлы казенныхъ крестьянъ значительно превышаютъ надѣлы помѣщичьихъ и, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ, напримѣръ, въ астраханской, казенный надѣлъ въ 5 разъ больше помѣщичьяго, именно: помѣщичій надѣлъ составляетъ отъ 10 до 12 д., казенный—отъ 8 до 59 десат.; въ вологодской губерніи помѣщичій надѣлъ—отъ $4\frac{1}{2}$ —7 д., казенный—отъ 5—22 д.; въ уфимской помѣщичій—отъ 5—7, казенный—отъ 7—16 д. Только въ трехъ губерніяхъ казенный надѣлъ меньше надѣла помѣщичьяго: въ черниговской, гдѣ помѣщичій— $2\frac{3}{4}$ — $4\frac{1}{2}$, а казенный— $2\frac{1}{2}$ д.; въ кievской, гдѣ помѣщичій—отъ $4\frac{1}{2}$ — $9\frac{1}{2}$, а казенный—отъ 2—4 д., и въ подольской, гдѣ помѣщичій— $4\frac{1}{2}$ —6, а казенный—отъ 2—4. Вообще-же, кромѣ приведенныхъ нами трехъ исключеній, казенный надѣлъ выше помѣщичьяго, но имѣетъ съ нимъ то общее, — что и слѣдуетъ принять за основное условіе въ отношеніяхъ нашего землевладѣнія, — что частное, помѣстное и казенное землевладѣніе, по своему отношенію къ землевладѣнію крестьянскому, количественно всегда обратно пропорціональны.

Сравнивая платежи крестьянъ, надѣленныхъ изъ помѣщичьихъ и изъ казенныхъ земель, находимъ отношеніе обратное, т. е. крестьяне, поселившіеся на помѣщичьей землѣ, платятъ болѣе крестьянъ, живущихъ на земляхъ казенныхъ. Отношеніе это составляетъ иногда разницу на 50%. Такъ въ тульской губерніи средній помѣщичій надѣлъ 3 д., а средній надѣлъ казенныхъ крестьянъ $4\frac{1}{2}$ д., платитъ-же помѣщичій крестьянинъ 9 р. 38 к., а казенный—6 р. 95 к., т. е., владѣя землею на 50% больше, казенный платитъ на 30% меньше. Чтобы уравнивать платежи, нужно, или чтобы казенные платили 14 р. 37 к., если принимать за норму платежей помѣщичьяго крестьянина, или-же, чтобы помѣщичьи крестьяне платили 4 р. 64 к., если принимать за норму платежей казеннаго крестьянина. Даже въ пермской губ., гдѣ находится наибольшее количество частныхъ земель, мы находимъ подобное-же отношеніе. Средній помѣщичій надѣлъ въ этой губерніи — 6 д., казенный — $7\frac{1}{2}$ д. Крестьяне, живущіе на помѣщичьихъ земляхъ, платятъ 9 р. 1 к.; крестьяне, живущіе на казенныхъ—6 р. 19 к. Слѣдовательно, владѣя на 20% больше,

казенные платятъ на 32% меньше. Наибольшій сравнительный размѣръ платежей помѣщичьихъ крестьянъ оказывается въ губерніяхъ тульской, орловской, ярославской, владимірской, тверской, московской, калужской, костромской, новгородской, олонеккой, вологодской, псковской, петербургской, ковенской, витебской и чермской. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ, напр., въ олонеккой, псковской и вологодской, платежи помѣщичьихъ крестьянъ превышаютъ платежи казенныхъ больше, чѣмъ на 70%. Наименьшій размѣръ платежей помѣщичьихъ крестьянъ оказывается въ губерніяхъ гродненской, мннской, виленской, въ которыхъ казенные крестьяне платятъ больше. Такимъ образомъ изъ сравненія оказывается, что крупное землевладѣніе на неравномѣрность крестьянскихъ платежей вліянія никакого не обнаруживаетъ.

Теперь посмотримъ, въ какихъ отношеніяхъ къ общему принципу русскаго землевладѣнія находится остальное нерусское населеніе Россіи. Читателю извѣстно, что иностранные колонисты въ Россіи пользовались нѣкогда особыми преимуществами, денежной помощью, освобождались отъ всѣхъ податей и повинностей, иногда на довольно значительные сроки, и получали въ надѣлъ земли несравненно болѣе, чѣмъ русскіе крестьяне. Мѣстами надѣлъ этотъ доходилъ до 65 д. на семейство. Въ настоящее время, хотя преимущества эти уже и покончились, но колонисты, сравнительно съ русскими крестьянами, владѣютъ все-таки значительно большимъ количествомъ земли. Среднимъ числомъ на душу во всѣхъ иностранныхъ колоніяхъ приходится 6,3 десят., тогда-какъ на одного русскаго крестьянина приходится 3,6 десят. Въ частности, по губерніямъ, эта разница оказывается еще больше. Такъ, въ воронежской губерніи, на семью колонистовъ причитается 65 десят., а на семью крестьянъ, на помѣщичьихъ земляхъ, считая въ семьѣ 3 души—10 десят. Въ новгородской губерніи у колонистовъ на душу 6,6 десят., у русскихъ крестьянъ — $3\frac{3}{4}$ десят. Въ самарской губерніи на помѣщичьяго крестьянина — 8 десят., на колониста — отъ 9,7 — 42,4 десят. Въ таврической на помѣщичьяго крестьянина — $4\frac{3}{4}$ десят., на колониста — 11,3 десят. Только въ полтавской да въ петербургской губерніяхъ у колонистовъ земли меньше, чѣмъ у русскихъ. Въ петербургской губерніи на помѣщичьяго крестьянина приходится $4\frac{1}{2}$ д., а на колониста только 3 д., въ полтавской на русскаго крестьянина 3 д., на колониста 2,5 дес. Въ бывшемъ царствѣ польскомъ крестьянская реформа введена указомъ 19 фев. 1864 г. Въ силу этого указа, земли, состоявшія въ пользованіи крестьянъ въ имѣніяхъ, принадле-

жащихъ частнымъ лицамъ, майоратамъ, институтамъ и казнѣ, поступили въ полную собственность крестьянъ. Съ 3 апрѣля 1864 г. крестьяне освобождены навсегда отъ всѣхъ безъ исключенія повинностей, которыми они были обложены въ пользу владѣльцевъ, всѣ нски и недоимки по отиѣннымъ повинностямъ прекращены и не могутъ быть впредь вчинаемы. Въ частныхъ и институтскихъ имѣнiяхъ, неустроенныхъ окончательно по правиламъ очиншеванiя, въ собственность крестьянъ поступили всѣ земли, ими занимаемыя, безъ всякаго ограниченiя какими-либо размѣрами. Въ замѣнъ повинностей, лежавшихъ на землѣ, поступившей въ собственность крестьянъ, владѣльцы получаютъ отъ правительства вознагражденiе, выдачею имъ ликвидационнаго капитала, исчисленнаго по оцѣнкѣ лежавшихъ повинностей. Но это вознагражденiе ни въ какомъ случаѣ не должно превышать высшихъ размѣровъ нормы, установленной для имѣнiй царства польскаго. Размѣръ вознагражденiя раздѣленъ на 4 разряда. Въ имѣнiяхъ принадлежащихъ къ 1 разряду, повинность, подлежащая вознагражденiю, составляетъ 1 р. 20 к. съ морга, или приблизительно 2 р. 40 к. съ десятины (польскiй моргъ равенъ 0,512 русской дес.). Въ имѣнiяхъ 2 разряда—1 р. 10 к. съ морга или 2 р. 20 к. съ дес.; въ имѣнiяхъ 3 разряда—1 р. съ морга или 2 р. съ десятины; въ имѣнiяхъ 4 разряда—90 к. съ морга или 1 р. 80 к. съ десятины. Сравнивая эти платежи съ платежами крестьянъ русскихъ губернiй и принимая въ расчетъ значительно большую цѣнность земля въ царствѣ польскомъ, оказывается, что даже и при этомъ условiи платежи польскихъ крестьянъ въ абсолютныхъ величинахъ меньше платежей крестьянъ великороссiйскихъ. Русскiе платежи измѣняются отъ 1 — 3 р. с. за десятину (1 р. только въ астраханской губ.), въ царствѣ-же польскомъ отъ 1 р. 80 к. до 2 р. 40 к. за десятину. Ликвидационная операцiя до сихъ поръ еще не обняла собою всего количества земли царства польскаго, но уже теперь $\frac{1}{3}$ всѣхъ земель отошла къ крестьянамъ, въ русскихъ-же губернiяхъ въ распоряженiи крестьянъ находится $\frac{1}{5}$ всѣхъ земель. Въ прибалтiйскихъ губернiяхъ мы встрѣчаемся съ другими фактами. Ливонскiе рыцари, занявъ прибалтiйскiй край, совершенно поработили мѣстное населенiе. Впослѣдствiи шведское правительство, дѣйствуя въ интересахъ народа, оградило его отъ произвола помѣщиковъ и арендаторовъ и обуздало своеволие дворянства, предоставивъ помѣщичьиимъ крестьянамъ наследственное пользованiе ихъ землею и опредѣливъ высшiй размѣръ повинностей за землю въ пользу помѣщиковъ. Съ присоединенiемъ прибалтiйскаго края къ Россiи, эти шведскiя уза-

коненія постепенно вышли изъ употребленія; нѣмецкое дворянство снова стало располагать неограниченно и лично, и имуществомъ крестьянъ и даже завладѣло казенными имѣніями, находившимися въ его пользованіи. Въ царствованіе Александра I, русское правительство задумало возстановить шведскія постановленія; крестьянамъ дано снова право наследственнаго пользованія ихъ участками за точно установленныя повинности, на основаніи шведской оцѣночной системы. Эти благодѣтельные для крестьянъ прибалтійскаго края законы должны были уступить другой мѣрѣ, болѣе генеральной — такъ называемому освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, послѣдовавшему въ 1816 — 1819 гг. Положеніе объ освобожденіи было выработано самимъ балтійскимъ дворянствомъ: — крестьянамъ дана личная свобода, но безъ всякаго земельнаго надѣла. Помѣщики постановили, что такъ-какъ земля есть неотъемлемая ихъ собственность, то отъ ихъ усмотрѣнія зависить сдавать ее, кому вздумается, не стѣсняясь прежними вакенбухами; кромѣ того, помѣщики забрали въ свои руки вотчинную полицію. Съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости въ русскихъ губерніяхъ, были приняты мѣры къ улучшенію положенія крестьянъ и балтійскаго края. Напримѣръ, относительно Курляндіи, не измѣняя главныхъ основаній положенія 1817 года, предоставлено крестьянамъ право пріобрѣтать въ собственность, по добровольному соглашенію съ помѣщиками, входящіе въ составъ дворянскихъ имѣній арендные участки, при чемъ преимущество отдается тѣмъ лицамъ, которые участки арендуютъ. Арендные контракты на наемъ помѣщичьихъ земель заключаются на сроки не менѣе 12 л. и за 9 мѣсяцевъ до истеченія срока контракта помѣщикъ обязанъ объявить арендатору, на какихъ условіяхъ онъ желаетъ возобновить контрактъ. Эти мѣры однако были не въ состояніи предупредить уже начавшагося зла—обезземеленія крестьянъ и постепеннаго упраздненія крестьянскихъ домовъ, принявшаго въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ громадныя размѣры, такъ-что въ 1867 г. само курляндское дворянство издало частное постановленіе, которымъ запрещаются всякіе урѣзки крестьянскихъ участковъ. Въ Лифляндіи положеніе крестьянъ лучше, чѣмъ въ Курляндіи. По положенію 1860 г., хотя земля признается собственностію помѣщиковъ, но предоставленное имъ право располагать ею ограничено закономъ. Въ Эстляндіи, положеніемъ 5 іюня 1856 г., дворянство обезпечиваетъ крестьянамъ неотъемлемое право пользованія однажды опредѣленною частію помѣщичьихъ земель, сохраняя за собою право собственности надъ нею. Въ настоящее время землевладѣніе Прибалтійскаго края представляется въ слѣдую-

щемъ видѣ. Всѣхъ потомственныхъ дворянъ въ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи 5,924, у нихъ дворянскихъ имѣній 1826 съ 6,168,037 д. земли и съ 603,686 крестьянами мужескаго пола. На одно помѣщичье имѣніе приходится 334 крестьянина и 3,420 д. земли. Въ крестьянскомъ пользованіи находится всего 8% общаго пространства. Крестьянамъ-собственникамъ принадлежатъ 2,5%, а дворянамъ помѣщикамъ 72,6% земли. «Такимъ образомъ, замѣчаетъ «Военно-Статистическій Сборникъ», нѣмецкое дворянство завладѣло почти $\frac{3}{4}$ всей земли и какъ по общему положенію своему въ сгранѣ, такъ и по размѣру своихъ имѣній, заняло выгоднѣйшее мѣсто между помѣщиками всей имперіи. Какъ оно окончательно порѣшитъ свои земельныя отношенія къ народу—неизвѣстно, пока-же поземельными участками (и то за высокую плату) надѣлена лишь меньшая половина всѣхъ проживающихъ на дворянскихъ земляхъ крестьянъ, а большая ихъ часть составляетъ безземельный людъ, мызныхъ батраковъ, служащихъ работниками въ помѣщичьихъ имѣніяхъ или у крестьянъ хозяевъ». Въ Финляндіи мы встрѣчаемъ совсѣмъ иные порядки. Право землевладѣнія въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ основано на *актъ соединенія и безопасности* отъ 21 февр. и 3 апр. 1789 г. По этому закону всѣ сословія Финляндіи пользуются равною свободою и одинаковыми преимуществами; они имѣютъ одинаковыя права и по землевладѣнію, за исключеніемъ весьма немногихъ преимуществъ. Но и отъ этихъ преимуществъ финляндское дворянство и рыцарство отказались, и 2 апр. 1864 г. послѣдовало высочайшее постановленіе, по которому всякій финляндскій гражданинъ, безъ различія сословія, имѣетъ право пріобрѣтать въ краѣ всякаго рода землю и пользоваться льготами, ей присвоенными, но съ тѣмъ, чтобы онъ исполнялъ и всѣ обязанности, лежащія на владѣльцѣ этой земли. Финляндскіе крестьяне, по отношенію къ землѣ, подраздѣляются на 3 группы: на крестьянъ-собственниковъ, на крестьянъ государственныхъ, живущихъ на казенной землѣ, и на крестьянъ, живущихъ на дворянскихъ земляхъ по контракту. Крестьяне государственные платятъ за землю извѣстную подать и, при исправномъ платежѣ и хорошемъ уходѣ за имѣніемъ, получаютъ право наследственнаго пользованія своими участками. Если-же государственный крестьянинъ внесетъ подать, одновременно за 3 года впередъ, то обрабатываемый имъ участокъ поступаетъ въ его полную собственность. Крестьяне, живущіе на дворянскихъ земляхъ по контрактамъ, пользуются всѣми личными правами, присвоенными другимъ гражданамъ, но не участвуютъ въ выборѣ депутатовъ на сеймъ. Къ концу 1864 г. земельное владѣніе

Финляндіи представлялось въ слѣдующемъ видѣ: общее количество всей земли составляло 32,085,348 д. въ томъ числѣ казенной 11,157,740 д., дворянской—1,481,485 и крестьянской 18,479,144 д. Слѣдовательно, земли крестьянскія составляли 58% всего пространства или больше половины, казенныя 35%, а дворянскія только 5%. По расчету-же на число душъ, оказывается, что на одного потомственного дворянина приходится болѣе 1,252 д. или почти вдвое меньше, сравнительно съ русскимъ помѣщикомъ; а на одного осѣдлаго крестьянина 24 д. или почти въ 7 разъ болѣе, чѣмъ на русскаго крестьянина.

Сравнивая вѣдомость процентнаго отношенія крестьянскаго и помѣщичьяго землевладѣнія съ успѣхами сельскаго хозяйства, находимъ, что наибольшій чистый сборъ хлѣба на душу получается въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ это процентное отношеніе выгодноѣ, именно въ губерніяхъ курской, рязанской, тульской, орловской, владимірской, пензинской, тамбовской. Наименѣе выгодное отношеніе является въ губерніяхъ пермской, олонецкой, вологодской, псковской. Слѣдовательно, очевидно, что въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ оказывается наибольшее число мелкихъ помѣщичьихъ хозяйствъ и во владѣніи крестьянъ находится сравнительно наибольшее количество земли, результаты земледѣія получаются болѣе выгодныя. Въ этихъ-же губерніяхъ количество пахатныхъ земель находится въ болѣе выгодныхъ отношеніяхъ къ остальнымъ угодьямъ. Наиболѣе выгодную пропорцію представляютъ губернія курская, гдѣ на долю пашень приходится 67%, орловская, въ которой пашни составляютъ 65%, рязанская—56%, тамбовская — 60%, тульская—70%. Зато въ пермской губерніи, занимающей первое мѣсто по размѣру помѣщичьяго землевладѣнія, пашни составляютъ 9,7%, луга 8,5%, а лѣса 73,5%. Непосредственный результатъ большей или меньшей интенсивности сельскаго хозяйства обнаруживается въ томъ, что губерніи съ наибольшимъ числомъ небольшихъ хозяйствъ производятъ наибольшее количество хлѣба. Такъ тамбовская и орловская губерніи производятъ въ годъ болѣе 10,000,000 четв., курская болѣе 9,000,000, тульская болѣе 8,000,000, полтавская болѣе 7,000,000. Въ другихъ производствахъ сельскаго хозяйства замѣчается та-же сравнительная невыгода крупнаго землевладѣнія предъ мелкимъ. Ленъ, составляющій такой значительный предметъ нашего заграничнаго отпуска, разводится преимущественно въ крестьянскихъ хозяйствахъ губерній вятской, вологодской, псковской, смоленской. Пенька—другой предметъ нашего отпуска, производится преимущественно въ губерніяхъ орловской, курской, смоленской,

калужской, тульской, рязанской. Въ скотоводствѣ замѣчается то-же самое. Губерніи, отличающіяся наибольшимъ крупнымъ землевладѣніемъ, не представляютъ большаго сравнительно процента скотоводства. Напротивъ, скотоводство сильнѣе въ губерніяхъ, отличающихся наибольшимъ числомъ небольшихъ хозяйствъ и наиболѣе выгоднымъ отношеніемъ крестьянскаго землевладѣнія къ помѣщичьему, именно въ губ. курской, рязанской, орловской, тульской, воронежской. Относительно коневодства замѣчается то-же самое. «Военно-Статистическій Сборникъ» говоритъ, что вслѣдствіе крестьянской реформы помѣщичье коннозаводство замѣтно сократилось, ибо «обширные барскіе заводы раздробились и малыми партіями перешли въ руки крестьянъ». Такимъ образомъ, сравнивая разныя отрасли сельскаго хозяйства, мы находимъ, что большее развитіе ихъ не зависитъ нисколько отъ крупнаго землевладѣнія; напротивъ того наибольшая сельская производительность замѣчается въ губерніяхъ съ мелкими помѣщичьими хозяйствами и тамъ, гдѣ процентъ крестьянскаго землевладѣнія достигаетъ наибольшаго разиѣра.

Фабричная промышленность и ея развитіе точно также не идутъ параллельно съ крупнымъ землевладѣніемъ. Первое мѣсто по развитію промышленности принадлежитъ губерніи московской, производящей на 119,182,000 р., за нею стоятъ губерніи петербургская и владимірская. Въ одномъ только случаѣ крупное землевладѣніе является замѣтнымъ двигателемъ въ нашей промышленности, именно въ производствѣ свекловичнаго сахара. Двѣ губерніи, отличающіяся наивысшимъ процентомъ крупнаго землевладѣнія — кіевская и подольская, заставляютъ самое наибольшее количество свекловицы. Въ кіевской губерніи застѣвается при заводахъ до 40,000 дес., въ подольской болѣе 12,000 десятинъ.

IV.

Въ настоящей главѣ мы попытаемся прослѣдить успѣхи нашего земледѣлія и промышленности. Такъ-какъ о количествѣ произведеннаго Россіей хлѣба за все текущее столѣтіе нѣтъ точныхъ свѣденій, то свои выводы мы будемъ основывать преимущественно на цифрахъ вывоза и ввоза.

Средній вывозъ хлѣба за границу, взятый въ абсолютныхъ величинахъ, росъ постоянно. Съ 1800 — 1813 г. вывезено за границу 1,719,820 четв. съ 1814—1823 г. — 2,114,891 чет., съ 1824—

1833—2,305,111 ч., съ 1834—1843—2,250,053, съ 1844 — 1853—3,536,209, послѣ же восточной войны вывозъ почти удвоился и въ 1868 г. онъ дошелъ до 12,219,311 ч. Сравнивая эти цифры съ цифрами увеличенія народонаселенія, находимъ, что съ 1800 — 1868 г. производство и вывозъ хлѣба усилились въ пропорціи 1:6, а народонаселеніе въ пропорціи 1:2,6. Слѣдовательно, Россія въ настоящее время производитъ хлѣба сравнительно вдвое болѣе, чѣмъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

По отдѣльнымъ предметамъ производства и отпуска сырья сравненіе оказывается менѣе удовлетворительнымъ. Напримѣръ, производя такое огромное количество хлѣба, намъ, конечно, было-бы выгодноѣ всего отправлять его за границу въ видѣ спирта и хлѣбнаго вина, тѣмъ болѣе, что въ Россіи производство и потребленіе спирта достигаетъ громадной цифры. Если мы получаемъ такое огромное количество разныхъ винъ и напитковъ, которыхъ не можемъ производить сами, казалось-бы, для возстановленія равновѣсія намъ слѣдовало-бы отпускать за границу спиртъ, тѣмъ болѣе, что иностранцы производятъ у себя хлѣба мало и не могутъ удовлетворить своихъ потребностей безъ привознаго хлѣба. Между тѣмъ оказывается, что за ближайшее десятилѣтіе спиртъ составляетъ лишь 0,1% нашего отпуска. Изъ 68,790 пуд. всего вывезеннаго спирта, на сумму 288,918 руб., отпущено въ Пруссію и ганзейскіе города только 3,507 пуд. на 15,729 р., а остальное количество пошло почти исключительно въ Турцію и Румынію.

Скотское сало, составлявшее искони самую крупную статью нашего отпуска и вывозъ котораго въ періодъ съ 1793 — 95, доходило до 1,000,000 пуд., съ 1833 г. начинаетъ постепенно падать и въ 1868 г. упадокъ этотъ доходитъ до самой почтенной цифры. Причиною упадка этой статьи считаютъ замѣну заграницей сала другими веществами и конкуренцію Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Кожи невыдѣланныя, выдѣланныя и юфть, взятая вмѣстѣ, составляютъ всего 0,9% всего отпуска. Въ 50 лѣтъ кожевенная промышленность, если судить по цифрамъ отпуска, не только не сдѣлала у насъ никакихъ успѣховъ, напротивъ упала на 50%.

Нѣкогда Россія славилась заграницей своими льняными и пеньковыми тканями; отпускались—шарусяна, фламское полотно и ревендукъ. Въ періодъ 1824—28 г. отпущено этихъ издѣлій за границу на 3,130,800 р., въ 1849—53 г. уже только на 1,410,000 р., а въ 1866 — 68 лишь на 863,964 р. Такимъ образомъ втеченіи 40 лѣтъ вся эта статья упала на 75%.

Желѣзо упадаетъ точно также. Въ половинѣ прошлаго столѣтія вывозъ его доходилъ до 329,000 п., а въ 1793 — 95 г. составлялъ 2,960,000 п. Съ начала нынѣшняго столѣтія отпускъ желѣза постоянно падаетъ и особенно рѣзкое паденіе обнаруживается въ 1839 г. Еще въ періодъ 1834—1838 г. мы вывозили за границу 1,388,308 п., а въ періодъ 1839 — 43 г. вывозъ упалъ внезапно до 899,790 п. Падая затѣмъ болѣе и болѣе, вывозъ составляетъ въ настоящее время всего 413,469 п., т. е. стоитъ на томъ-же уровнѣ, на которомъ стоялъ 100 лѣтъ тому назадъ. Причины этого кроются частію въ конкуренціи иностраннаго желѣза, вытѣсняющаго изъ употребленія русское, а больше всего въ критическомъ положеніи нашихъ уральскихъ заводовъ. Изъ русскаго желѣза идутъ за границу только самые высшіе сорта.

Читателю можетъ показаться преувеличеннымъ, если мы скажемъ, что наша промышленность въ теченіе настоящаго столѣтія не сдѣлала почти никакихъ успѣховъ. Въ періодъ 1847 — 51 г. мы отпустили за границу жизненныхъ припасовъ 31,8% всего отпуска, сырыхъ матеріаловъ 54,3%, фабричныхъ издѣлій 10,1% и разныхъ товаровъ 3,8%; а въ періодъ 1865—67 г. жизненные припасы составляли 39% отпуска, сырые матеріалы 50%, фабричныя издѣлія 7,5%, а разные товары 3,5%. Изъ этого сравненія мы видимъ, что усилялся лишь на самую незначительную долю процентъ вывоза жизненныхъ припасовъ, а все остальное упало. И если мы взглянемъ ближе на нашу внутреннюю производительность, то найдемъ въ ней подтвержденіе этого вывода. На нашихъ внутреннихъ ярмаркахъ, число которыхъ доходитъ нынче до 6,496, а привозъ составляетъ 459,618,000, совершаются, повидимому, громадныя обороты, но если эти 400 слишкомъ милліоновъ раздѣлить на массу всего русскаго населенія или на 80 милліоновъ, то окажется, что Россія для каждаго изъ своихъ жителей производитъ всего рублей на 5. Въ частности, по отдѣльнымъ предметамъ производства, не существуетъ полныхъ свѣдѣній. Но изъ таблицы на 646 стр., въ которой помѣщены обороты 20 главнѣйшихъ ярмарокъ по родамъ товаровъ, можно судить приблизительно о размѣрѣ удовлетворенія народныхъ нуждъ, которое взяло на себя русское внутреннее производство. Вотъ что и на какую именно сумму было привезено на главнѣйшія наши ярмарки. Бумажныхъ или полубумажныхъ издѣлій на 51,000,000 р. или меньше, чѣмъ на одинъ рубль на каждаго жителя; шерстяныхъ издѣлій на 29,000,000 или на 34 к. на каждаго; льняныхъ, пеньковыхъ и писчебумажныхъ издѣлій на 9,000,000 или на 10 к. на каждаго; кожъ

и кожевенныхъ издѣлій на 15,000,000 или на 18 к. на cadaго; желѣза, стали и чугуна на 12,000,000 или на 15 к. на cadaго; галантерейныхъ и мелкихъ металлическихъ издѣлій на 13,000,000 или на 16 к. на cadaго; фарфора, фаянса и стеклянныхъ издѣлій на 3,000,000 или на 3 1/2 к. на cadaго; сахару на 6,000,000 или на 7 1/2 к. на cadaго; чаю на 13,000,000 или на 16 к. на cadaго. Эти цифры относятся къ самымъ важнымъ нашимъ ярмаркамъ, поглощающимъ всю нашу торговлю и отъ которыхъ зависятъ все остальные. Слѣдовательно, выводимыя нами цифры можно считать болѣе, чѣмъ приблизительно вѣрными и во всякомъ случаѣ онѣ указываютъ на процентное отношеніе нашего внутренняго производства къ внутреннему потребленію.

Чтобы опредѣлить, въ какой прогрессіи росла наша внутренняя промышленность, мы сравнимъ цифры привоза на наши ярмарки съ цифрами увеличенія населенія. Полныхъ свѣдѣній по этому предмету у насъ еще не существуетъ, но для приблизительнаго вывода есть достаточныя данныя. Мы беремъ нижегородскую ярмарку, которая всегда была пульсомъ нашей внутренней торговли. Изъ свѣдѣній объ оборотахъ, свершавшихся на нижегородской ярмаркѣ, помѣщенныхъ на 649 стр., мы видимъ, что въ 1817 г. на нижегородскую ярмарку было привезено разныхъ товаровъ на 92,000,000 р. Въ этомъ году русское населеніе составляло 45,000,000. Въ 1835 г. привезено товаровъ на 142,000,000 р. ассигн., а народонаселеніе составляло 60,000,000. Въ 1851 г. привезено на 60,000,000 р. сер., а народонаселеніе составляло 68,000,000; въ 1869 г. привезено на 144,000,000 р. с., а народонаселеніе 80,000,000. Изъ этихъ цифръ оказывается, что съ 1817 г. по настоящее время обороты нижегородской ярмарки возрасли въ 1 1/2 раза, а народонаселеніе въ 1 3/4 разъ. Производство-же хлѣба возрасло въ тотъ-же самый періодъ въ 6 разъ. Такъ-какъ наше сельское хозяйство, по общему установленію между специалистами мнѣнію, находится въ положеніи вообще неудовлетворительномъ, то изъ сдѣланнаго нами сравненія будетъ справедливымъ заключить, что промышленность наша находится въ положеніи еще болѣе неудовлетворительномъ.

Что подобный неудовлетворительный результатъ и долженъ получиться, легко увидѣть изъ движенія нашихъ капиталовъ. Всѣхъ акціонерныхъ обществъ считается въ настоящее время 273, а основной ихъ капиталъ составляетъ 674,000,000 р. с. Какъ быстро росло число акціонерныхъ обществъ, видно изъ слѣдующаго сравненія. Въ 1858 г. ихъ считалось 110, съ капиталомъ въ 240,000,000 р., а

теперь считается 273, съ капиталомъ почти въ 700,000,000 р. Въ этомъ числѣ желѣзно-дорожныхъ обществъ 43, пароходныхъ 34, разныхъ страховыхъ 16, торговыхъ 4, бумагопрядильныхъ 23, льнопрядильныхъ 6, шерстяныхъ 7, писчебумажныхъ 7, кожевенныхъ 2, сахарныхъ 19, пивоваренныхъ 7, каменно-угольныхъ и торфяныхъ 3, желѣзныхъ 8, минеральныхъ водъ 4. Изъ этого читатель видитъ, во-первыхъ, что обработкѣ русскаго сырья русскіе капиталы посвятили очень незначительное вниманіе; а во-вторыхъ, что преимущественное число акціонерныхъ обществъ обращаетъ свою дѣятельность не на прямую производительность, а на посредствующую. Изъ 674,000,000 основного капитала русскихъ акціонерныхъ обществъ только 88,000,000 р. или 2,4 посвящены промышленности, а 586,000,000 или 7,6 всего идутъ на страхование, пароходство и желѣзныя дороги. Значитъ, мы сначала выстроимъ дороги, а потомъ уже позаботимся о томъ, чтобы было что по нимъ возить.

Вообще въ промышленномъ русскомъ движеніи замѣтно не столько активное, сколько пассивное направленіе. Оттого-то мы продолжаемъ и теперь находиться въ такой-же зависимости отъ иностранцевъ, въ какой находились до сихъ поръ. Вотъ доказательства. Самую главную статью привоза составляетъ хлопокъ. Въ пятилѣтіе съ 1862 по 1867 годъ онъ одинъ составлялъ 16,7% всего привоза. И если это единственный предметъ, указывающій на дѣйствительное развитіе нашей внутренней промышленности, то въ остальномъ привозѣ усматривается совсѣмъ другое. Напр. чугуна, въ періодъ 1851—1853 г., было ввезено къ намъ 363 п., а въ 1868 г. 1,863,000 пуд.; желѣза, въ періодъ 1851—1853 г., было привезено 6,624 пуд., а въ 1868 г. 7,221,000 пуд.; стали,—въ тѣ-же періоды 45,771 и 182,900 пуд. Если поразительное увеличеніе привоза этихъ металловъ «Военно-Статистическій Сборникъ» и признаетъ явленіемъ очень благопріятнымъ, то, съ другой стороны, оно служитъ такимъ-же поразительнымъ доказательствомъ упадка нашего собственнаго желѣзнаго производства. Хотя изъ сравненія ввоза къ намъ изъ-за границы машинъ и моделей съ нашимъ собственнымъ машиннымъ производствомъ и можно-бы, повидимому, заключить, что мы значительно преуспѣваемъ въ желѣзной промышленности, но это только кажется, ибо ближайшее изслѣдованіе цифръ доказываетъ, что мы полземъ черепашьимъ шагомъ. Такъ въ 1851 г. привезено къ намъ изъ-за границы машинъ и моделей на 2,887,000 р., а выработано ихъ въ Россіи на 378,000 р.; въ 1865 г. привезено на 5,500,000 р., выработано-же въ Россіи на 11,720,000 р.; слѣдовательно въ 1851

году привозъ составлялъ 86% всего итога, а въ 1865 г. — 34%. Этотъ кажущійся благопріятный результатъ объясняется развитіемъ у насъ желѣзно-дорожнаго дѣла, для котораго многія машины приходятъ въ разобранномъ видѣ, собираются у насъ дома и затѣмъ, въ статистическихъ свѣдѣніяхъ, ставятся въ графу выработанныхъ въ Россіи. До какой степени мы отстали въ металлическомъ производствѣ, виднѣе всего изъ слѣдующаго: желѣзно-кузнечныхъ издѣлій привозилось къ намъ въ 1851—1853 г. на 27,332 р., а въ 1868 г. на 2,313,000 р.; проволоки желѣзной и стальной за тѣ-же періоды на 21,290 и 69,000; жести въ кускахъ на 21,571 и 91,537 р.; жести въ издѣліяхъ на 790 и на 12,220 р.; инструментовъ для ремесла на 40,452 р. и на 130,826 р.; слесарной работы на 360 и на 16,422 р.; вещей изъ литой стали на 3,528 и на 143,640 р.; чугунныхъ издѣлій на 8,922 и на 704,050 р.; свинца въ издѣліяхъ на 451 и на 3,922 р. Конечно, можно находить въ этихъ цифрахъ доказательство нашихъ развившихся потребностей, но онѣ еще больше доказываютъ наше техническое неразвитіе и промышленную отсталость. Гордясь развитіемъ хлопчато-бумажнаго производства, мы все-таки поддерживаемся запретительнымъ тарифомъ. Когда нашихъ фабрикантовъ оберегалъ тарифъ, то въ періодъ 1851 — 1853 г. было привезено къ намъ 23,458 п. бумажныхъ издѣлій, когда же въ 1857 г. тарифъ открылъ доступъ къ намъ иностраннымъ тканямъ, то въ періодъ 1859 — 1861 г. было привезено 78,477 п. Даже въ шерстяныхъ издѣліяхъ—въ этой наиболѣе укрьпившейся у насъ отрасли производства—замѣтно постепенное увеличеніе ввоза. Такъ въ 1851 — 1853 г. было ввезено 15,270 п., а въ 1860 г.— 63,467 п. Льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій привозилось къ намъ въ 1824—1826 г. на 139,200 р., въ 1848—1850 на 519,600 р., въ 1858—1862 на 2,280,000 р., а въ 1868 г. ввозъ перешелъ за 4,000,000 р. Главное увеличеніе коснулось предметовъ, требующихъ большаго искусства, именно полотентъ. Въ 1851 — 1853 г. къ намъ привозилось полотна на 641,362 р., а въ 1868—на 3,120,000 р. Еще любопытнѣе, что въ 1851 — 1853 г. привезено къ намъ холщевыхъ мѣшковъ 57,192 штуки, а въ 1868 г. — 409,336 штукъ; между тѣмъ ленъ и пенька — наши туземные родные продукты, предметъ нашей гордости. Не менѣе любопытно и количество рыбы, получаемой нами изъ-за границы. Въ 1824—1829 г. привезено къ намъ рыбы среднимъ числомъ на 618,900 р., а въ 1868 —на 4,673,742. Въ этомъ числѣ главную массу составляютъ сельди и треска. Увеличеніе ввоза рыбы совершается равномерно изъ года въ годъ, чѣмъ и

доказывается, что иностранцы идутъ впередъ прогрессивно изъ года въ годъ, а мы, съ своими богатыми промыслами, стоимъ также изъ года въ годъ на одномъ мѣстѣ. Относительно каменнаго угля, по словамъ «Военно-Статистическаго Сборника», замѣчается склонность къ пониженію. Но разсматривая цифры за послѣднія два пятилѣтія, по годамъ, мы этой склонности не находимъ. Напр. въ 1858 г. было привезено угля каменнаго и древеснаго на 1,892,000 р., въ послѣдующіе же затѣмъ годы на: 2,003,000, 2,955,000, 2,361,000, 2,666,000, 2,988,000, 4,801,000, 1,716,000, 1,989,000, 2,450,000, а въ 1868 г. на 1,750,000. Если мы и допустимъ въ ввозѣ склонность къ пониженію, то это пониженіе такъ ничтожно, что изъ него усматривается лишь весьма слабое прогрессивное развитіе нашего каменно-угольнаго производства и то, что оно еще не въ состояніи удовлетворять нашей потребности въ топливѣ.

Но если, съ одной стороны, мы не отличаемся особенною производительностью, за то, съ другой, между народомъ, производящимъ сырье, немногими единицами, обрабатывающими это сырье, и милліонами потребителей — стоитъ цѣлая масса посредниковъ. Уже давно было замѣчено, что русскій человѣкъ склоненъ къ торговлѣ. Собственно купцовъ, если хотите, у насъ немного: всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ купеческому сословію, считается около 492,000; но между ними и народомъ стоитъ масса мелкихъ посредниковъ, цѣлый классъ мелочныхъ торговцевъ, частію изъ купеческаго сословія, но преимущественно изъ мѣщанъ и крестьянъ. Въ 1867 г. было выдано гильдейскихъ свидѣтельствъ и билетовъ слѣдующее число: первой гильдіи 3,400, второй 64,397, билетовъ первой гильдіи 8,252, второй — 90,972, итого 167,021. Свидѣтельствъ на мелочной торговлѣ, на торговлѣ развозной, на торговлѣ разносной, свидѣтельствъ на мѣщанскій промыселъ и свидѣтельствъ приказничьихъ перваго и втораго класса, годовыхъ и полугодовыхъ, было выдано 579,200. По среднему расчету оказывается, что на 1,000 душъ населенія приходится 7 торговцевъ, т. е. процентъ, повидимому, очень незначительный. Но нужно опредѣлить дѣйствительныя заслуги этого ничтожнаго процента, чтобы узнать его дѣйствительное отношеніе къ народу. Возьмемъ хотя офени. Ихъ приблизительно считается до 5,000 человѣкъ и, не смотря на то, что они торгуютъ, повидимому, на копѣйки, ихъ торговые обороты составляютъ около 6,000,000 р. Офени держатъ въ своихъ рукахъ все сельское населеніе. Офени въ города не заходятъ или забредутъ какъ-нибудь случайно, но зато иѣтъ такой глухой деревни, куда-бы они не являлись съ своими подвиж-

ными лавочками разнаго мелочнаго товара. Вы ихъ встрѣтите и у некрасовцевъ, и въ Сибири, и въ киргизскихъ степяхъ, и на Кавказѣ. Въ подвижной лавочкѣ офеня есть все на свѣтѣ — бумажныя издѣлія, ситцы и миткали, иконы, деревянная посуда, мѣдные кресты, наперстки, маленькія зеркала, игольный товаръ, ленты, тесемки, пуговицы, книги, картинки, сидоровскій и красносельскій товаръ, т. е. предметы деревенской роскоши. Конечно, офени приносятъ большую пользу народу, но именно потому, что они у насъ существуютъ, доказывается прежде всего наша промышленная неразвитость и скудость народныхъ средствъ, вслѣдствіе которыхъ у насъ не можетъ развиться правильная торговля. Если народъ помимо офени покупаетъ столько-же, сколько и у офени, то, значить, на долю всего русскаго крестьянскаго населенія наши фабрики и мануфактуры производятъ всего на 12,000,000 р. с. или всего, среднимъ числомъ, по 15 к. на человѣка. При такихъ ничтожныхъ средствахъ, которыя не могутъ успѣвать нашей промышленной производительности, ясно, что не можетъ развиваться классъ посредниковъ выше отношенія 7 къ 1000. Но онъ и при этомъ дѣлаетъ свое дѣло, и каждый офеня, каждый скупщикъ, каждый кулакъ и прасолъ однимъ своимъ лицомъ обдѣлываетъ такое большое число дѣлъ, что, по качеству услугъ, отношеніе можетъ приблизиться къ 700:1000. Если мы будемъ смотрѣть на услуги нашихъ посредниковъ не съ количественной, а съ качественной точки зрѣнія, то увидимъ, что число ихъ доходитъ до крайней степени и что вообще мы торгуемъ гораздо больше, чѣмъ производимъ. Лучшій наглядный примѣръ этого составляютъ евреи, у которыхъ каждый — купецъ. Но между еврейскими и русскими торгашами разница въ томъ, что еврей торгуетъ для себя, а русскій для другого. Наши офени и всѣхъ видовъ скупщики и перекупщики всегда комиссіонеры болѣе богатыхъ купцовъ. Примѣръ этого мы можемъ видѣть на нашей хлѣбной торговлѣ. Напр., въ волжскомъ районѣ въ хлѣбной торговлѣ участвуютъ всѣ землевладѣльцы, все сельское населеніе, до 633 купцовъ, съ соответствующимъ числомъ приказчиковъ и прасоловъ, многія пароходо-буксирныя общества и пароходовладѣльцы. Но въ концѣ концовъ вся эта масса людей служитъ очень немногому числу лицъ. Такъ, по изысканіямъ г. Рудановскаго, волжская хлѣбная торговля распредѣлялась въ 1863 и 1864 гг. между оптовыми торговцами слѣдующимъ образомъ: въ 1863 г. 6 купцовъ скупили 1.018,463 четв. или, среднимъ числомъ, каждый по 169,740, 15 человѣкъ — 677,700 четв. или 31,830 каждый, 21 человѣкъ 331,700 или 23,300 каждый, 43 чел. 491,726 или

13,700 каждый и 74 человекъ 644,457 или 8,709 каждый. Все количество — 3.464,048 четв. было, такимъ образомъ, въ рукахъ 150 человекъ и $\frac{1}{3}$ всего количества принадлежала 6 человекамъ. Въ 1864 г. замѣчается нѣкоторая перемѣна цифръ: главныхъ скупщиковъ прибавляется, — ихъ уже не 6, а 8 чел.; вторыхъ убавляется, — ихъ не 15, а 6; третьихъ прибавляется — вмѣсто 21 — 73; четвертыхъ убавляется — вмѣсто 43 — 26. Если комбинація цифръ пойдетъ въ такомъ-же направленіи, то слѣдуетъ заключить, что число самыхъ сильныхъ первоклассныхъ торговцевъ увеличивается и, въ то-же время, растетъ число среднихъ торговцевъ. Иначе сказать — капиталы концентрируются и, въ то-же время, крестьянскіе производители начинаютъ освобождаться отъ большаго числа посредниковъ, стоявшихъ между ними и потребителями. Этимъ путемъ, конечно, съ одной стороны усилятся средства значительныхъ капиталистовъ, съ другой — долженъ упасть и обратиться къ болѣе производительной дѣятельности классъ посредниковъ и скупщиковъ, отъ которыхъ такъ терпитъ народъ. Такъ-какъ классъ скупщиковъ явился у насъ вслѣдствіе слабого развитія промышленности, вслѣдствіе народной бѣдности и бездорожья, то, по мѣрѣ развитія народнаго благосостоянія и улучшенія путей сообщенія, онъ долженъ будетъ исчезнуть и производитель сблизится больше съ потребителемъ. Начало этого мы уже видимъ въ томъ вліяніи желѣзныхъ дорогъ, которое они мѣстами стали обнаруживать. Напр., съ открытіемъ московско-рязанской желѣзной дороги, большіе склады хлѣба въ Рязани уничтожились, потому что всѣ оптовые торговцы стали закупать хлѣбъ прямо на мѣстѣ производства и отправлять его оттуда по желѣзнымъ дорогамъ въ Москву и Петербургъ; менѣе-же значительные торговцы, числомъ болѣе 100, пользуясь желѣзною дорогою, покупаютъ хлѣбъ небольшими партіями и, составляя компаніи по два и по три человекъ, нанимаютъ 2 — 3 вагона и затѣмъ, на станціи желѣзной дороги въ Москвѣ, продаютъ хлѣбъ московскимъ жителямъ въ розницу, не менѣе одного куля. То-же самое случилось съ Серпуховымъ и Коломною. Крупные коломенскіе торговцы повели свои дѣла еще шире, потому-что обратились непосредственно къ хлѣбороднымъ центрамъ, но за то менѣе значительные торговцы, числомъ болѣе 200, должны были частію сократить, частію прекратить свои дѣла. Это новое отношеніе отразится и на всей остальной русской производительности, но въ настоящее время оно еще только намѣчается и развитіе его принадлежитъ будущему.

Теперь мы сдѣлаемъ последнее сравненіе: опредѣлимъ параллельно,

съ какой быстротой шло развитіе каждаго отдѣльнаго элемента нашего государственнаго хозяйства.

Внутреннее производство, принимая за барометръ обороты нижегородской ярмарки, втеченіе нынѣшняго столѣтія, возрасло съ 26 до 144 милліоновъ или увеличилось въ 5,5 раза.

Заграничный отпускъ съ 59 возросъ до 226 милліоновъ или увеличился въ 3,8 раза.

Заграничный привозъ съ 49 дошелъ до 260 милліоновъ или увеличился въ 5,3 раза.

Народонаселеніе съ 41 доросло до 80 милліоновъ или увеличилось въ 1,9 раза.

Подошная подать (съ 1832 по 1870 г.) увеличилась съ 17 до 60 милліоновъ или въ 3,5 раза.

Государственные доходы (съ 1800 по 1869 г.) увеличились съ 65 до 457 милліоновъ или въ 7,3 раза.

Государственные расходы за то-же время — съ 63 до 468 милл. или въ 7,5 раза.

Платежи государственнаго долга съ 25 милліоновъ увеличились до 78 или въ 3,1 раза.

Относительно государственныхъ расходовъ въ частности по отдѣльнымъ управленіямъ мы находимъ въ «Военно-Статистическомъ Сборникѣ» слѣдующія свѣденія. Беремъ 1869 г.

Государственный долгъ	83,555 т.
Высшія государственныя учрежденія	2,624 »
Святѣйшій синодъ	7,953 »
Министерство императорскаго двора	10,279 »
Министерство иностранныхъ дѣлъ	2,475 »
» военное	147,702 »
» морское	18,684 »
» финансовъ	86,985 »
» государственныхъ имуществъ	7,664 »
Министерство внутреннихъ дѣлъ	36,332 »
» народного просвѣщенія	9,480 »
Министерство путей сообщенія	24,916 »
» юстиціи	9,688 »
Государственный контроль	1,892 »

Сравнивая эти расходы съ расходами за предыдущее время, Военно-Статистическій Сборникъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ:

Расходы по государственному долгу увеличились съ 1832 года слишкомъ въ 3 раза. Увеличеніе это шло неравномѣрно: съ 1832—1842 г. платежи поднялись только на 2 милліона, съ 1842 г. по 1852 на 17 милліоновъ, съ 1852 по 1862 на 8 милліоновъ, а съ 1862 г. по 1870 на 31 милліонъ.

Расходы на высшія государственныя учрежденія до 1856 г. втеченіе 24 лѣтъ увеличились только въ 2 раза, а съ 1856 г. и по 1869 г., т. е. втеченіе 14 лѣтъ, увеличились противъ предыдущаго періода въ 5 разъ.

Министерство иностранныхъ дѣлъ отличается напротивъ замѣчательнымъ постоянствомъ своихъ расходовъ. Въ началѣ 30 г. оно тратило около 2 милліоновъ, а теперь тратитъ около 2½ милліоновъ. Эту прибавку «Статистическій Сборникъ» относитъ справедливо къ упадку нашего курса, потребовавшему приплаты къ заграничнымъ расходамъ.

Издержки военнаго министерства возросли съ 1838 по 1850 г. въ 2 раза, а съ 1850 по 1870 г. почти въ 1½ раза. Въ этомъ увеличеніи, по мнѣнію «Военно-Статистическаго Сборника», нѣсколько милліоновъ нужно признать номинальными, потому-что въ прежнее время значительная часть потребностей арміи удовлетворялись или натуральными повинностями или крѣпостнымъ трудомъ казенныхъ фабрикъ и заводовъ, сверхъ того милліоновъ около 30 должны быть сброшены изъ бюджета вслѣдствіе упадка курса. Такимъ образомъ, по мнѣнію «Военно-Статистическаго Сборника», увеличеніе военныхъ расходовъ за послѣдній періодъ было самое незначительное и прямо вызванное современными условіями военной техники и военнаго искусства, потребовавшихъ кореннаго преобразованія всего вооруженія.

Расходы по морскому министерству съ 1832—1851 г. увеличилось съ 8 до 18 милліоновъ. Въ 1864 они составляли уже 24 милліона, а въ настоящее время снова упали до 18 милліоновъ.

Расходы по министерству внутреннихъ дѣлъ съ 1832 по 1869 г. увеличились почти въ 3½ раза, а расходы почтовый и телеграфный въ 17 разъ. Послѣднее увеличеніе произошло отъ быстро развивающагося устройства новой телеграфной сѣти.

По путямъ сообщенія расходы стали возрастать сильно съ начала постройки Николаевской желѣзной дороги. Втеченіе 10 лѣтъ постройки этой дороги расходы составляли ежегодно отъ 20 до 22 милліо-

новъ. Съ крымской войной расходы понизились внезапно на 12 милліоновъ, а съ 1862 г. они снова начинаютъ возвышаться. Въ настоящее время расходы эти составляютъ 31,9 милліоновъ.

«Обращаясь затѣмъ къ расходамъ, имѣющимъ цѣлю нравственныя потребности населенія, мы видимъ, говоритъ «Военно-Статистическій Сборникъ», что по вѣдомству святѣйшаго синода издержки вообще росли быстро и довольно равномерно. Съ 1832 по 1870 г. они увеличились слишкомъ въ 9 разъ. Напротивъ, расходы по народному просвѣщенію развивались крайне медленно и стали дѣлать замѣтные успѣхи лишь въ послѣднее десятилѣтіе. Въ 1832 г. на образованіе тратится 1,369 т., въ 1835 г. эта цифра достигаетъ 2 милліоновъ, но затѣмъ втеченіе цѣлыхъ 23 лѣтъ она никакъ не можетъ перейти за 3 милліона и такимъ образомъ утрачиваетъ всякое соотвѣтствіе съ возрастающей массой населенія и съ развитіемъ самихъ наукъ. Послѣднее десятилѣтіе оживляетъ наше образованіе. Съ 3¹/₂ милліоновъ цифра расходовъ министерства народнаго просвѣщенія поднимается къ 1870 г. на 10 милліоновъ, т. е. увеличивается въ 3 раза. Однако и эту цифру далеко еще нельзя признать удовлетворяющею современными потребностями нашего образованія, почему и остается желать, чтобы она не останавливалась на этихъ 10 милліонахъ, а продолжала бы расти съ тою-же быстротою, съ какою шла въ послѣднее время.

«Почти то-же можно сказать и объ издержкахъ министерства юстиціи. Въ началѣ 30-хъ годовъ онѣ простирались до 2 милліоновъ и къ 1860 г. едва удвоились, или иными словами крайне отстали отъ дѣйствительныхъ потребностей государства въ правосудіи и улучшеніи гражданскихъ его отношеній. Только въ послѣднее десятилѣтіе цифра расходовъ министерства юстиціи замѣтно развивается и съ 4¹/₂ милліоновъ достигаетъ 9 милліоновъ.

Дѣлая общую параллель и располагая цифры въ восходящемъ порядкѣ; находимъ:

Народонаселеніе Россіи втеченіе истекшаго столѣтія увеличилось въ 1,9 раза, а съ 1832 года по 70 въ 1,3 раза.

Внутреннее производство, принимая за общее основаніе обороты нижегородской ярмарки, втеченіе нынѣшняго столѣтія увеличилось въ 5,3 раза, а съ 1832 года въ 1,04 раза.

Расходы министерства иностранныхъ дѣлъ съ 1832 г. увеличились въ 1,2 раза.

Морского, за тотъ-же періодъ, въ 2,1 раза.

Военнаго, въ 2,8 раза.

Государственный долгъ увеличился въ 3,1 раза.

Государственные доходы втеченіе нынѣшняго столѣтія увеличились въ 7,5 раза, а съ 1832 года въ 3,3 раза.

Государственные расходы и за тѣ-же періоды увеличились на столько-же.

Заграничный отпускъ въ нынѣшнее столѣтіе увеличился въ 3,8 раза, а съ 1832 года въ 3,4 раза.

Подушная подать съ 1832 г. увеличились въ 3,5 раза.

Расходы на высшія учрежденія въ 3,7 раза.

Расходы министерства юстиціи въ 4,6 раза.

Заграничный привозъ втеченіе столѣтія въ 5,3 раза и съ 1832 г. въ 5,1 раза.

Расходы министерства внутрен. дѣлъ увеличились съ 1832 года въ 6 разъ.

Расходы на народное просвѣщеніе въ 7,4 раза.

Расходы святѣйшаго синода въ 9,6 раза.

Расходы министерства путей сообщенія въ 10,3 раза.

Расходы почтъ и телеграфовъ въ 16,7 раза.

Изъ этой параллели видно, что государственные доходы въ своемъ увеличеніи соотвѣтствуютъ вполнѣ приращенію подушной подати, и что подушная подать въ своемъ приращеніи шла вдвое скорѣе приращенія населенія.

И. Шелгуновъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Лучь надежды, промелькнувшій на омраченномъ горизонтѣ Франціи. — Выборы 2-го іюля. — Лихорадочная дѣятельность реакціонныхъ партій. — Ихъ неудача. — Реакціонныя газеты бьютъ въ набатъ. — Ослабленіе оппозиціонной партіи въ Парижѣ въ виду выборовъ. — Пораженіе бонапартистовъ на выборахъ. — Союзъ парижской печати. — Результаты выборовъ. — Избраніе Гамбетты возбуждаетъ ужасъ въ умѣренномъ и реакціонномъ лагеряхъ. — Муниципальные выборы. — Взглядъ на эти выборы реакціонной прессы. — Нападеніе на министра юстиціи Дюфора въ законодательномъ собраніи. — Нелѣпный проектъ о перенесеніи столицы изъ Парижа въ другой городъ. — Продолжительныя пренія въ законодательномъ собраніи по поводу закона о децентрализаціи. — Отношеніе партій къ этому закону. — Ироническое законодательнаго собранія. — Его неумѣлость сдѣлалась одной изъ причинъ бѣдствій Франціи. — Бордосскій договоръ. — Предполагаемое соединеніе легитимистской партіи съ орлеанистской. — Причины, почему оно не могло состояться. — Что нужно теперь Франціи?

Парижъ 8 (20) августа.

Послѣ бѣдственныхъ событій, болѣе года волновавшихъ Францію, послѣдніе выборы открываютъ собою періодъ менѣе бурный и относительно спокойный. Море еще волнуется, корабль перебрасывается съ волны на волну, но что значить это сильное волненіе послѣ ужасныхъ потрясеній бури! Мы не вошли еще въ портъ, мы не знаемъ даже войдемъ-ли въ него, мы все еще плывемъ между скаль и подводныхъ камней; но вѣтеръ уже стихъ, и мы менѣе опасаемся попасть въ морскую бездну, влекомые туда непреодолимой силой урагана. Теперь небо очищается, его синева пріятно ласкаетъ зрѣніе; самое море потеряло свой грозный видъ, цвѣтъ его уже не черный, а темно-синій и солнце пріятно преломляется въ пѣнѣ его волнъ. Наше сердце также успокоивается, какъ море; его лихорадочное біеніе переходитъ въ болѣе спокойное, пульсъ становится почти ровнымъ; мы чувствуемъ, что очень многое, что мы считали

уже умершимъ для себя, можетъ еще снова возродиться къ жизни. Для насъ, раненныхъ, изувѣченныхъ и больныхъ, этотъ лучъ, ослѣпляющій наши глаза, проникаетъ глубоко къ намъ въ душу, и мы, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время позволяемъ себѣ думать, что мы уже перестали быть той печальной, отталкивающей вещью, которую ненавидятъ боги, люди, животные, сама природа, — той вещью, которую называютъ «несчастное существо».

«*Res impia, miser!*» — Если вы полагаете, что Франція, можетъ быть, слишкомъ страдала и получила наказаніе, превышающее ея прегрѣшенія, справьтесь съ мнѣніемъ, — я не скажу, клерикаловъ «Крестовой Газеты» или іенскихъ профессоровъ исторіи и морали, — нѣтъ, съ мнѣніемъ людей справедливыхъ и безпристрастныхъ, съ мнѣніемъ англичанъ, комфортабельно кушающихъ свой чай съ сэндвичами и проглатывающихъ свой «*Times*», справьтесь съ мнѣніемъ неаполитанцевъ, смѣкующихъ свои макароны. Подобно Тартюфу, изрекавшему свои мудрыя сентенціи Оргону, они скажутъ вамъ: величайшее утѣшеніе для несчастныхъ считать себя виновными и «справедливо наказанными». Если Франція вынесла столько страданій, она была въ той-же мѣрѣ преступна.

Какъ бы то ни было, но выборы 2 іюля доказали, что Франціи несравненно болѣе разсудительна и практична, чѣмъ можно было ожидать послѣ ужасной и пагубной гражданской войны, возмутительное зрѣлище которой она представила передъ глазами устрешеннаго міра. Реакціонеры законодательнаго собранія готовы были воспользоваться этими выборами, чтобы предать новымъ случайностямъ утомленную націю, потрясенную ударами, полученными ею сперва въ войнѣ съ иностранцами, а потомъ въ гражданской войнѣ. Послѣ своей кровавой побѣды надъ республиканскимъ Парижемъ, послѣ подавленія революціонеровъ, или убитыхъ на баррикадахъ, или взятыхъ въ плѣнъ, сельское большинство палаты разсчитывало, что выборы состоятся въ духѣ его тенденцій. Ихъ побѣда казалась до того несомнѣнной, что орлеанскіе посѣщали соединиться съ легитимистами и нѣкоторое время доказывали въ своихъ органахъ печати, что орлеанскіе принцы принадлежатъ къ фамиліи Бурбоновъ и искренно привязаны къ знаменитому начальнику ихъ дома, Генриху V, графу Шамбору. Предводители орлеанистовъ непрерывно совѣщались съ предводителями легитимистовъ. Генрихъ V, утвержденный на тронѣ своихъ отцовъ, обязывался признать своимъ законнымъ наследникомъ внука Луи-Филиппа и дать ему титулъ дофина Франціи; герцогъ Немурскій долженъ былъ получить званіе великаго конетабля; гер-

цогъ Жуанвильскій назначался начальникомъ флота, а герцогъ Омальскій долженъ былъ принять на себя главное начальство по дѣламъ управленія странюю, признавался ближайшимъ помощникомъ, правою рукою новаго короля. Таковы были мечты, которыми убаюкивали себя старые герцоги, сидя на покойныхъ софахъ въ салонахъ старыхъ маркизъ. Тамъ они судили и рядили о будущихъ реформахъ, которыя они произведутъ для водворенія стараго порядка, основаннаго на принципахъ феодальной собственности и средневѣковаго католичества. Ихъ взорамъ представлялась пріятная перспектива, когда они увидятъ этого узурпатора, бывшаго друга демагога Гарибальди, Виктора-Эмануила, короля Италіи, и возстановятъ свѣтскую власть папы. «Осуществленіе этого заманчиваго плана не представляетъ никакихъ затрудненій, твердили они.—Законодательное собраніе въ нашихъ рукахъ; на нашей сторонѣ тамъ 400 депутатовъ противъ 200, называющихъ себя республиканцами, 200 мокрыхъ куриць, которыя дрожали отъ страха въ то время, какъ мы бомбардировали Парижъ, не осмѣливаясь протестовать, не осмѣливаясь даже просить пощады своимъ братьямъ и друзьямъ, съ которыми по своему распоряжались наши линейныя войска. Подходятъ выборы и мы усилимся еще 120 депутатами, которые должны быть вновь избраны. Что они будутъ выбраны изъ нашей партіи, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Мы подготовили себѣ полный успѣхъ. Мы тщательно перебрали всѣхъ префектовъ и су-префектовъ и съумѣли удалить тѣхъ изъ нихъ, въ комъ бродили еще республиканскія тенденціи. Всѣ генералы, командующіе войсками, всѣ судьи—наши, душой и тѣломъ. Мы заручились поддержкой со стороны періодической печати. Каждое воскресенье 36,000 священниковъ защищаютъ наше дѣло въ 36,000 французскихъ общинъ. Движеніе въ нашу пользу идетъ совершенно-легальнымъ путемъ и мы можемъ спокойно освободиться отъ республики съ помощью народнаго голосованія; конечно, если укажетъ необходимость, мы не остановимся и передъ насильственными мѣрами. Голосованіе, открывающее двери Франціи, не смотря на противодѣйствіе Тьера, Бурбонамъ, Орлеанамъ и даже Наполеону, во всякомъ случаѣ будетъ для насъ побѣдой. Еще небольшое движеніе и наше дѣло въ шляпѣ. Еще усиліе и Франція снова будетъ у ногъ восхитительной графини д'Эскарбаньякъ и очаровательной маркизы Претантель!...»

Еще усиліе, еще движеніе, еще соломинка, положенная на вѣсы, чтобы поколебать равновѣсіе, и несчастная страна снова будетъ брошена въ вихрь случайностей и катаклизмовъ. Усиліе было сдѣлано.

но движеніе, которое должно было явиться его результатомъ, не удалось и соломенка, долженствовавшая поколебать равновѣсіе, упала не туда, куда ее назначали, и пронеслась мимо.

Эта неудача ретроградской партіи имѣла прецедентъ въ муниципальных выборахъ по цѣлой Франціи, состоявшихся два мѣсяца тому назадъ. На нихъ одержала побѣду прогрессивная партія—были выбраны преимущественно люди, желавшіе удержанія республиканской формы правленія. Но эти выборы происходили во время разгара гражданской войны; теперь же, послѣ кроваваго подавленія возстанія, ретрограды предположили, что общественное мнѣніе склонится на ихъ сторону. Они вообразили, что неутомимое преслѣдованіе бѣглецовъ изъ Парижа нагнало на всѣхъ такой страхъ, что никто не осмѣлится противодѣйствовать прояскамъ ретроградовъ. Событія жестоко разрушили ихъ надежды; ретрограды вполне ошиблись, но, надо сознаться, ошибка ихъ была извинительна.

Что касается Парижа, гдѣ ретрограды дали свое избирательное генеральное сраженіе, они ошиблись только вполонину. Удивительно еще, какъ могъ Парижъ, послѣ подавленія въ немъ возстанія, оказать на выборахъ такое сопротивленіе торжествующимъ партіямъ, тѣмъ болѣе, что самые выборы происходили далеко не свободно.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ могутъ происходить выборы въ законодательное собраніе, когда избиратели не имѣютъ права даже свободно ходить и ѣздить, куда имъ вздумается, когда не существуетъ свободы прессы, свободы сходовъ, когда невозможны пренія, когда городъ находится въ осадномъ положеніи. Парижъ, Версаль и нѣкоторые департаменты были въ осадномъ положеніи въ то время, какъ въ нихъ происходили выборы.

Шельхеръ, парижскій депутатъ, представилъ министру внутреннихъ дѣлъ о необходимости снять съ Парижа осадное положеніе на время выборовъ. Министръ отвѣтилъ, что будутъ-ли вотировать парижане или нѣтъ, это какъ имъ будетъ угодно, и для правительства рѣшительно все равно, но осаднаго положенія съ Парижа снять нельзя. Послѣ такого категорическаго отвѣта, дальнѣйшія разсужденія и представленія были, конечно, совершенно напрасны.

Итакъ выборы должны были происходить подъ давленіемъ осаднаго положенія. Объ избирательныхъ сходахъ нечего было и думать, слѣдовательно, кандидатамъ не представлялось возможности выяснить предъ избирателями свои убѣжденія. Правда, были составлены избирательные комитеты, но только консервативные; о радикальныхъ комитетахъ никто ничего не зналъ; если они и собирались, то втихо-

молку, подальше отъ безпокойнаго покровительства полиціи. Одинъ такой комитетъ вздумалъ было явно собраться въ Бельвильскомъ предмѣстьи. Агенты общественной безопасности тотчасъ-же явились туда, разогнали собраніе и нѣкоторыхъ членовъ комитета отправили въ Консьержери надосугѣ размышлять о свободѣ выборовъ. Безнолезно, я полагаю, прибавлять, что радикальная и вообще оппозиціонная пресса безмолствовала, и изъ республиканскихъ органовъ говорили только тѣ, которые сумѣли поладить съ правительствомъ, признавъ, что республика г. Тьера заключаетъ въ себѣ столько либеральныхъ началъ, что и желать больше нечего. «Temps», считавшійся всегда квинт-эссенціей либерализма, конечно, сумѣлъ и на этотъ разъ пройти между Сциллой и Харибдой; онъ ловко балансируетъ, и если дѣлаетъ возраженія и становится иногда въ оппозицію, то больше для формы. Такъ по поводу выборовъ, онъ рѣшился на самую скромную оппозицію. «До сихъ поръ осадное положеніе, писалъ онъ,—не наносило чувствительнаго удара личной свободѣ, свободѣ прессы и свободѣ частныхъ собраній. Но въ отношеніи выборовъ, какъ правительство, такъ законодательное собраніе и страна имѣютъ равный интересъ, чтобы эта свобода была не только кажущаяся, но и дѣйствительная»... Высказавъ такую смѣлую тираду, «Temps» успокоился и болѣе не утруждалъ ни правительство, ни публику своей оппозиціей.

«Bien Public», другой либеральный органъ, проповѣдуетъ такіа истины: «Мнѣніе, которое мы намѣрены теперь высказать, чрезвычайно важно. Мы убѣждены, что не законы затрудняютъ развитіе свободы, а дурные граждане. Въ Англіи это давно уже считается аксіомой... Парижъ безъ колебанія принялъ установившійся порядокъ вещей и, такимъ образомъ, какъ-бы поставилъ этотъ порядокъ внѣ оспариванія... Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы этотъ порядокъ не могъ подвергаться обсужденію. Можно, не опасаясь прослыть рабскимъ льстецомъ, или бѣшенымъ разрушителемъ, спокойно, не подчиняясь страстямъ, оспаривать этотъ порядокъ въ принципѣ, толковать о расширеніи или ограниченіи его примѣненія въ извѣстныхъ случаяхъ и пр. Если Парижъ понялъ, что онъ сдѣлалъ, онъ можетъ изъ полученнаго урока вывести драгоцѣнное для себя наставленіе, которое можетъ принести большую пользу республикѣ!»

Фразы и по большей части фразы безмысленныя и лживыя, изъ которыхъ, впрочемъ, можно понять одно, что либеральная партія желаетъ преподать Франціи наставленіе, что у насъ нѣтъ дурныхъ законовъ, нѣтъ дурныхъ администраторовъ, но зато есть дурные гражд-

дане. Но хороши-ли законы, если они позволяют полиціи самыя произвольныя дѣйствія, нарушающія покой и безопасность гражданъ: хороши-ли законы, если, прикрываясь ими, полиція оцѣпляетъ цѣлый кварталъ въ столицѣ, вторгается въ дома, шаритъ въ комнатахъ, не оставляя безъ тщательнаго осмотра самой маленькой щели, хватается безъ разбора всѣхъ и взрослыхъ и дѣтей, мужчинъ и женщинъ, которые почему нибудь кажутся ей подозрительными; хватается сотнями, связываетъ своимъ несчастнымъ жертвамъ веревками руки за спину и ведетъ ихъ по городу между рядами народа, сбѣжавшаго посмотреть, нѣтъ-ли въ числѣ арестованныхъ друзей, родныхъ и знакомыхъ? Изъ Парижа арестованныхъ, не разбирая ни пола, ни возраста, влекутъ въ Сарторійскій лагерь, подъ Версалеми, обращенный въ тюрьму. Хороши-ли законы, позволяющіе такой произволъ, или нѣтъ? можно-бы спросить либеральную газету, но спрашивать не стоитъ. Число арестованныхъ парижанъ до крайности громадно, и въ числѣ ихъ множество людей, непринимавшихъ никакого участія въ возстаніи. Еще недавно гг. Тьеръ и Фавръ объявляли въ своей прокламации, что въ парижскомъ возстаніи принимаетъ участіе только горсть злоумышленниковъ. Теперь-же, когда это возстаніе подавлено, арестовано болѣе 30,000, (было арестовано еще больше, но многихъ уже освободили по разнымъ причинамъ), и аресты еще продолжаютъ. Но и эта громадная цифра арестованныхъ кажется еще слишкомъ недостаточной реакціоннымъ газетамъ, въ родѣ «Gaulois», «Figaro», «Paris Journal», «Liberté» и другихъ. Одна изъ нихъ такими словами выражаетъ свое неудовольствіе:

«Правительство разомъ захватило отъ 40 до 50,000 бездѣльниковъ и остановилось на этомъ, воображая, что оно порѣшило дѣло. Парижъ не будетъ увѣренъ въ своей безопасности, Франція не успокоится, пока не будутъ перевезены въ колоніи, по крайней мѣрѣ 300,000 человекъ. Долго-ли еще у насъ во Франціи будутъ дѣйствовать полумѣрами?... «Каждый день выясняется все болѣе и болѣе необходимость сдѣлать наконецъ безвредными бѣшеныхъ безумцевъ, глушцовъ и бандитовъ, когти которыхъ, недавно обрѣзанныя, усиѣли уже отростки и снова выставляются съ угрожающимъ видомъ... Побитые нами прикладами шаспо, эти безсовѣстные негодяи пытаются отмытить намъ своими избирательными бюлетенями... Мы просимъ правительство немедленно принять мѣры, чтобы балотировка 2 іюля не осквернилась присутствіемъ ста тысячъ негодяевъ»...

«Constitutionnel» выражается еще яснѣе: «Необходимо арестовать всѣхъ бездѣльниковъ. Банда, за которую мы охотимся, еще даже не

потеряла своей организациі»... «Очень долго поддерживалось мнѣніе, что осадное положеніе противодѣйствуетъ свободѣ, а теперь не желаютъ еще признать несомнѣннаго факта, что оно ей покровительствуетъ. Что касается насъ, мы не считали-бы себя свободно подающими свой голосъ на выборахъ 2 іюля, если-бъ было снято осадное положеніе»!.. «Пусть только покажутся, пусть назовутъ себя тѣ, кого беспокоитъ, кому мѣшаетъ осадное положеніе»!

Надо полагать, что подъ влияніемъ этихъ неистовыхъ требованій реакціонной прессы распорядители судебъ Парижа исключили изъ списковъ избирателей 50,000 парижскихъ гражданъ—по какимъ соображеніямъ, одинъ Аллахъ вѣдаетъ! Однихъ исключали потому, что считали ихъ противниками правительства, слѣдующаго, будто-бы, умѣренной политикѣ; другихъ исключали за-то, что они занимали видное положеніе въ національной гвардіи; третьихъ сочли подозрительными оттого, что они живутъ въ кварталахъ, заслужившихъ репутацію политической неблагонадежности; о четвертыхъ привратникъ дома, гдѣ они живутъ, отнесся не совсѣмъ хорошо; пятые имѣли столкновеніе съ полиціей или шпіонами; шестые носятъ подозрительное имя; у седьмыхъ подозрительная фізіономія и т. д. и т. д.

Первоначально листъ избирателей Парижа состоялъ изъ 560,000 избирателей, но послѣ того какъ по немъ прошелъ красный каран-дашъ, онъ заключалъ въ себѣ всего 458,000 избирателей. Кромѣ упомянутыхъ уже 50,000 исключенныхъ по разнымъ причинамъ, изъ него пришлось выкинуть: 5,000 убитыхъ во время осады Парижа версальской арміей; 15,000 убитыхъ побѣдоносной версальской арміей въ послѣднюю битву и во время занятія ею Парижа; и 32,000 человекъ находящихся въ версальскихъ тюрьмахъ, на галерахъ и сосланныхъ безъ суда въ колоніи.

Послѣ такого значительнаго ослабленія оппозиціонной партіи, реакціонеры, конечно, могли рассчитывать на успѣхъ. Они выставили въ Парижѣ такихъ кандидатовъ, какъ анжерскій епископъ Фрепель, постоянно требующій войны съ Италіей за восстановленіе свѣтской власти папы; какъ экс-префектъ Парижа Гаусманъ или какъ ярый бонапартистъ Клеманъ Дювернуа. Вообще бонапартисты явились кандидатами въ разныхъ мѣстахъ Франціи; они выползли изъ щелей, подобно клопамъ, которые выползаютъ ночью, какъ только тушится лампа. Появился знаменитый Руэ, краснорѣчивый Ше-Дестанжъ, аркадель Жеромъ Давидъ, шулеръ Гранье, родомъ изъ Кассаньяка, пападинъ Дюге-де-ла-Фоконери, благородный Бовиль, блестящіе: Манъ, Легонъ, Еври, великолѣпный Форкадъ, искренній Артуръ-де-ла-Ге-

роньеръ и множество другихъ второстепенныхъ, между которыми блещитъ шпіонъ Гюгельманъ, скромно записавшійся въ Бордо. Однакожь Фіалэнъ или герцогъ Персиньи и мягкосердечный Оливье выступить не рѣшились; надо полагать, что ихъ хранятъ въ резервѣ; видно, ихъ время еще не пришло. Въ своихъ манифестахъ бонапартисты толкуютъ о побѣдоносной арміи, о религіи, о собственности, провозглашаютъ себя сторонниками политики Тьера, расходясь съ нимъ, однако, въ томъ, что они объявляютъ себя за свободу торговли, а Тьеръ, какъ извѣстно, протекціонистъ. Большая часть изъ бонапартистовъ выступила кандидатами въ южныхъ департаментахъ, купечество которыхъ обогатилось, благодаря торговому трактату съ Англіей, основанному на принципѣ свободнаго обмѣна, и теперь сильно опасается протекціонистскихъ замашекъ министра финансовъ Пуэ-Кертъе.

Спрашивается, почему-же бонапартистамъ не являться кандидатами при выборахъ? Реакціонная и либеральная пресса кричитъ противъ ихъ кандидатуръ, но развѣ бонапартисты не составляютъ видной части въ реакціонной партіи? Давно-ли они были самыми замѣтными ея предводителями? Не мѣшаетъ реакціонной пресѣ припомнить послѣдніе мѣсяцы существованія второй имперіи. Со вступленіемъ въ министерство либерала Оливье, не бросились-ли теперешніе противники бонапартистовъ, изъ числа реакціонной партіи, въ объятія второй имперіи? Сами орлеанисты соединились съ ними. Чего орлеанисты! — либералы изъ либераловъ полѣзли туда-же. Между Жюль Фавромъ и Руэ вся разница заключалась только въ постановкѣ фразъ: одинъ кроилъ ихъ по правительственной мѣркѣ, другой по оппозиціонной; но сущность ихъ воззрѣній стала почти одинакова и не нужно было употреблять слишкомъ большихъ усилій, чтобы привлечь г. Фавра на сторону либеральнаго бонапартизма; философъ Жюль Симонъ грезилъ о лавровомъ вѣнкѣ Дюрюи; Эрнестъ Пикарь уже велъ переговоры о министерскомъ портфельѣ. Самъ либеральнѣйшій Лабулэ пошелъ по проторенной дорожкѣ. Конечно, я сообщаю эти факты не для обвиненія этихъ людей съ твердыми убѣжденіями, я только констатирую фактъ. Я знаю, что эти либеральные люди шли на сдѣлку съ бонапартизмомъ изъ боязни революціи, которая, по разнымъ вѣрнымъ признакамъ, должна была вскорѣ вспыхнуть; ихъ напугали рѣчи «непримиримыхъ»; ихъ раздражали бурныя собранія въ Бельвилѣ. Если либералы соединялись съ бонапартистами изъ ненависти къ революціи, почему-же они такъ возмущаются, что бонапартисты, въ свою очередь, желаютъ присоединиться къ либераламъ? Замѣчательнѣе всего, что экс-бонапартистскія газеты «Figaro», «Gaulois» и «Paris Jour-

nal» кричать теперь болѣе всѣхъ противъ бонапартистскихъ кандидатуръ. Когда-то онѣ яростнѣе всѣхъ нападали на республиканцевъ и съ особеннымъ рвеніемъ проповѣдывали необходимость соединенія всѣхъ партій порядка съ бонапартистами. Теперь, когда Тьеръ стоитъ за республику, хотя безъ республиканцевъ, они не смѣютъ уже нападать на республику. Но давно-ли онѣ сами требовали прибѣгнуть къ помощи шпага Виноа, Валентина, Мак-Магона, Галифэ — завязатыхъ бонапартистовъ, а теперь не хотятъ воспользоваться услугами Дювернуа, Руз, Витри, Гаусмана и другихъ и вопять противъ ихъ извѣрія въ законодательное собраніе. Крайне непослѣдовательно!

Консервативная пресса, въ числѣ 14 газетъ, составила изъ себя *Союзъ парижской печати* и выставила своихъ кандидатовъ. Она объявила, что ея избранныки ревностные приверженцы республики, хотя всѣ выставленные ею кандидаты принадлежатъ къ противникамъ республики. Ей не хотѣлось объявить себя въ оппозиціи съ правительствомъ, которое, искренно или нѣтъ, но заявило о своихъ республиканскихъ симпатіяхъ, и она соблюла наружныя приличія, но внутренно послужила своимъ убѣжденіямъ.

Союзъ парижской печати предъявилъ слѣдующую программу: новые выборы должны совершаться внѣ политики; разоренной Франціи нужны отнынѣ не люди убѣжденныхъ, а люди дѣловые, прежде всего, банкиры и инженеры, соединеніе различныхъ спеціальностей, преимущественно внесенныхъ въ «Альманахъ Промышленности и Торговли».

Союзъ, конечно, не расположенъ къ г. Тьеру; въ сущности, онъ его ненавидитъ и если-бы только зависѣло отъ воли союза избавиться отъ ненавистнаго человѣка съ помощью какого-нибудь гриппа или жабы, онъ не лишилъ-бы себя подобнаго удовольствія. Но обстоятельства заставляли его выказывать не только восторгъ, но даже чрезвычайную угодливость въ отношеніи г. Тьера. Въ качествѣ побѣдителя Парижа, маленькій Тьеръ, производящій смотръ великой арміи на лоншанской равнинѣ, былъ, да и останется еще на нѣсколько мѣсяцевъ чѣмъ-то выше обыкновеннаго человѣка. Господа союзники, составляющіе союзъ парижской печати, готовы сыграть какую-нибудь штуку съ г. Тьеромъ, если время на то приспѣетъ, ограничивались пока тѣмъ, что выкрикивали громче другихъ свое благоговѣніе къ г. Тьеру и спрашивали своихъ кандидатовъ: «Достаточно-ли вы поклоняетесь г. Тьеру?» Такъ, наканунѣ голосованія, имена 21 кандидата *Союза для Парижа*, красовались, на афишахъ, съ подписью: *Программа Тьера*.

Къ несчастью для искренности монархистовъ, тьерова программа, —

это временное, но беспредельное удержаніе республики; это республика безъ республиканцевъ, но все-же республика, хотя-бы только по-имени!

Произошло, наконецъ, и голосованіе.

Изъ 113 избранныхъ депутатовъ, Парижъ и Франція прислали 86 республиканцевъ, — болѣе трехъ четвертей всего числа. Поддержка, на которую навѣрняка рассчитывали монархисты, перешла на сторону республики. Неудача была слишкомъ очевидная и въ этотъ день, 2 іюля, испроверглись обширные замыслы. По Франція вздохнула снова свободнѣе и принялась снова надѣяться, потому-что Франція, на счетъ чувствъ и убѣжденій которой не слѣдуетъ питать заблужденій, жаждетъ прежде всего отдыха и спокойствія. Она помышляетъ лишь объ одномъ: исцѣлить свои матеріальныя раны, заплатить Пруссіи пять миллиардовъ, которые слѣдуетъ добыть какъ можно скорѣе, починить дома, пробитые бомбами, возстановить скотоводство, наполнить снова свои опустошенные житницы и винныя склады. Въ прошломъ февралѣ, сельская Франція, изъ ненависти къ республиканцамъ, выбирала преимущественно легитимистовъ и орлеанистовъ, потому-что городскіе республиканцы требовали войны во что-бы то ни стало, между тѣмъ, какъ сельская Франція стояла за миръ во что-бы-то ни стало. По подписаніи мира, Тьеромъ и Жюль Фавромъ, это собраніе, избранное единственно для заключенія мира, должно было разойтись по домамъ. Наши великія бѣдствія происходятъ главнымъ образомъ оттого, что оно захотѣло пережить свое назначеніе!

Муниципальные выборы 1-го мая оказались на три четверти республиканскими, не только потому, что Франція питаетъ республиканскія чувства, но и потому, что, по ея сужденію, собраніе, избранное для заключенія мира съ Пруссіей, превысило свою власть, объявивъ войну Парижу, и вообще не хотѣло слышать объ уступкахъ. «Заключите настоящій миръ съ Парижемъ», — вотъ каково было значеніе республиканскихъ выборовъ 1-го мая.

И вслѣдствіе того, что Франція хочетъ прежде всего спокойствія, она вотировала, 2-го іюля, снова въ смыслѣ республиканскомъ. Республика существуетъ; этого факта ей достаточно. Республика не мѣшаетъ сѣять, жать, продавать, покупать, совершать обороты. Республика не оказалась препятствіемъ для заключенія спѣшнаго займа въ два миллиарда, необходимаго для удовлетворенія самыхъ настоятельныхъ нуждъ и для первой уплаты Пруссіи. Республика экономна; съ нею мы можемъ сразу собрать тѣ 30 милліоновъ, которые стоилъ

намъ ежегодно Бонапартъ, и тѣ 300 милліоновъ, которые тратились второю имперіею сверхъ бюджета. Республика—хороша она или дурна—но уже существуетъ, а монархію приходится создавать и мы не знаемъ, какова она будетъ. Монархія Бонапарта? Монархія Орлеановъ? Монархія Бурбоновъ?.. Надо сказать, что наши поселяне никогда не вѣрили сліянію орлеанистовъ съ легитимистами. И если-бы это сліяніе совершилось, всѣ наши поселяне мгновенно превратились-бы въ республиканцевъ, изъ ненависти къ десятиному побору, барщинѣ, однимъ словомъ, ко всему, что они разумѣютъ подъ именемъ *старинныхъ порядковъ*. Именно этотъ страхъ возврата къ стариннымъ порядкамъ былъ причиною, что выборы оказались болѣе республиканскими, чѣмъ осмѣливались ожидать даже самые увлеченные республиканцы. Подивитесь-же, насколько политика далека еще отъ степени точной науки! Подивитесь чутью и сметкѣ нашихъ политикановъ! Они готовятъ, стряпаютъ, лѣпятъ это сліяніе двухъ монархическихъ вѣтвей съ самого 1848 года; самыя умныя головы изъ ихъ среды совершаютъ чудеса ловкости и лукавства для достиженія желаемой цѣли... Наконецъ, ихъ стараніями сліяніе совершается; они думаютъ такъ, по крайней мѣрѣ, объявляютъ о своемъ успѣхѣ, трубятъ о немъ, торжествуютъ, чванятся... и это возвѣщеніе о мнимой побѣдѣ приводитъ ихъ къ положительному пораженію!

Итакъ, республика одержала успѣхъ при послѣднихъ выборахъ, хотя по причинамъ болѣе отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ. И поселянинъ, и буржуа устрашились,—междоусобной-ли войны, которая-бы могла снова начаться, если-бы орлеанисты не пришли къ соглашенію съ легитимистами, или же экономической и соціальной реакціи, неизбежной въ томъ случаѣ, если-бы это соглашеніе состоялось. Страшны имъ тоже непрестанныя волненія и революціи, потрясающія Францію уже нѣсколько разъ.

Выборы 2-го іюля такимъ образомъ временно утвердили временную республику. Такова истина, ни болѣе, ни менѣе. Подобный результатъ особенно характеристиченъ, въ виду аномальнаго голосованія Парижа, который находится также въ аномальнѣйшемъ положеніи. Здѣсь одержала верхъ монархисты: на 21 выборъ приходится 5 республиканцевъ и 16 монархистовъ. Въ счетъ республиканцевъ, конечно, не вошли кандидаты Парижскаго союза, который счелъ нужнымъ заявить о республиканскихъ или полуреспубликанскихъ убѣжденіяхъ своихъ кандидатовъ и даже въ самую послѣднюю минуту, онъ все еще настаивалъ на томъ, что его кандидаты принадлежатъ къ партиіи какихъ-то *республиканцевъ-консерваторовъ*. Впервые еще на

людовой памяти, списокъ прогрессивистовъ не имѣлъ успѣха въ Парижѣ. Однако, побѣдители крайне смутились, когда изъ одной урны выскочилъ вдругъ призракъ красной республики, въ видѣ кривого людоеда Гамбеты!.. Гамбеты не было въ Парижѣ во-время выборнаго періода; онъ пріѣхалъ только за день до голосованія; ни одна газета не сказала ни слова въ его пользу; всѣ реакціонеры, всѣ либералы, всѣ умѣренные республиканцы испускаюгъ разомъ тройной крикъ: «Изыди! Изыди!» И едва успѣваетъ этотъ вопль замереть на ихъ устахъ, они съ ужасомъ испускаютъ новый: «Онъ избранъ!»

Избраніе Гамбеты и съ нимъ еще четырехъ республиканцевъ изъ «нелинничихъ», дѣйствительно, достойно удивленія, если принять во вниманіе послѣднія парижскія событія. Осадное положеніе не только не было ослаблено наканунѣ и въ самый день голосованія, но строгости его еще болѣе усилились. Судебныя слѣдствія, то-есть, домашніе обыски, производимые солдатами и полиціей, постоянное расхаживаніе патрулей, кавалькады, оглашающія звонкія мостовыя и пугающія жителей съ просонья; мрачныя процессіи скованныхъ людей по улицамъ;—все это выборныя уловки въ пользу партіи «Фигаро». Почти во всѣхъ простыхъ семьяхъ, женщины умоляли своихъ мужей, отцовъ или братьевъ не ходить въ мѣрѣю за выборными листками, боясь, что имъ не дозволятъ вернуться! Личности «посвященныя въ дѣла», рыскали съ утра по многолюднымъ кварталамъ, рассказывая, что правительство не пропуститъ хорошаго случая изловить подозрительныхъ. Дѣйствительно, многіе избиратели были засажены въ тюрьму за нѣсколько минутъ или тотчасъ по совершеніи своего гражданскаго долга. Въ нѣкоторыхъ кварталахъ, вопреки законамъ, полицейскіе и солдаты занимали залу, гдѣ отбирались голоса; въ дверяхъ стояли досмотрщики, требовавшіе у избирателей ихъ билетовъ. Люди благоразумные ограничивались тѣмъ, что глядѣли на все это издали: не у всѣхъ—же невинныхъ одѣто сердце броней! Страхъ былъ такъ великъ, что во многихъ кварталахъ потребовалось около недѣли для разузнанія результата голосованія. Не нашлось даже за деньги счетчиковъ голосовъ. Пришлось возложить это дѣло на городскихъ сержантовъ.

Легко понять, что при подобныхъ условіяхъ, 240,000 избирателей, — болѣе половины внесенныхъ въ списки, — воздержались отъ вотированія. Прибавьте сто тысячъ похеренныхъ и судите о томъ, можно-ли реакціонерамъ гордиться своей побѣдой? Ради того только, чтобы избѣжать выбора Гамбеты съ его 115,000 голосами, «Фигаро» согласился-бы, можетъ быть, пожертвовать своими шестнад-

натью кандидатами: Друэнами, Моро, Денорманди, де-Плеками, Волевекими и прочими знаменитостями той-же категоріи. И въ число тѣхъ, которымъ не посчастливилось, попалъ монсеньоръ Фрепнель, епископъ анжерскій, конечно, уже не по винѣ пономарей и старость церковныхъ, и послѣдователей Вельо.

Мониторъ графа Шамбора газета «Union» восклицала съ жалобнымъ болѣзненнымъ стенаніемъ:

«Вспомните о томъ, чѣмъ мы были на другой день послѣ 8-го февраля и посмотрите на то, чѣмъ мы стали на другой день послѣ 2-го юля. Посмотрите, что сдѣлано въ этотъ періодъ!»

Изъ числа 113 новыхъ депутатовъ, изъ легитимистовъ былъ выбранъ одинъ; бонапартистъ тоже одинъ — министръ Манъ, выбранный въ захолустномъ дордонскомъ департаментѣ.

Очевидно, повтому, что бонапартизмъ, въ точномъ значеніи этого слова, выбылъ изъ рядовъ въ настоящую минуту. А не щадилъ онъ, между тѣмъ, ничего, для того, чтобы придать себѣ хотя виѣшность успѣха. Всѣ главнѣйшіе бонапартисты до г. Гугельмана храбро выступили впередъ, всѣ собрались подъ знамя свободы торговли. Поговариваютъ, что г. Руз, для того чтобы провалиться въ департаментъ Нижней Шаранты, — въ прежнее время, послѣ Корсики, самою бонапартистскомъ изъ всѣхъ департаментовъ, — располагалъ такою громаднѣйшею суммою голосовъ, что я не осмѣливаюсь даже ее признать — одинъ голосъ.

Послѣ понесеннаго пораженія, можно навѣрное заключить, что и бонапартизмъ, и легитимизмъ долго не отважатся выступать въ бой и являться подъ своими собственными знаменами. Въ настоящую минуту въ центрѣ боеваго порядка стоитъ орлеанизмъ, имѣя на флангахъ своихъ двухъ союзниковъ.

Муниципальные выборы 23—30 юля въ Парижѣ были продолженіемъ депутатскихъ выборовъ 2 юля. Какъ первыми выборами, ими ставился вопросъ: монархія или республика? Но муниципальные выборы точнѣ отвѣтили на вопросъ, чѣмъ депутатскіе.

Съ самаго начала, люди ловкіе изъ партіи «Фигаро» отказались отъ постановки такого вопроса, желая избѣжать необходимости отвѣчать. Эти ловкіе говорили: муниципальные вопросы не политическіе

и не должны быть таковыми. Муниципальные вопросы, прежде всего, вопросы специальные, исключительно требующіе содѣйствія людей специальныхъ: негоціантовъ, промышленниковъ, химиковъ, гигиенистовъ, архитекторовъ. Ловкіе люди заускали такой аргументъ еще съ большей настойчивостью, чѣмъ во время выборовъ въ законодательное собраніе; либералы вторили имъ еще усерднѣе, розини республиканской партіи глотали такія рѣчи еще съ большею простотою души. Но спрашивается, возможны-ли въ Парижѣ выборы безъ политическаго характера? Какимъ образомъ управленіе городомъ съ двухъ-милліоннымъ населеніемъ, обнимающее множество различныхъ предметовъ: общественное образованіе, пауцеризмъ, благотворительность, налоги и кредитъ, общинное законодательство, полицію, изящныя искусства, вѣроисповѣданія, — какимъ образомъ вся эта бездна дѣлъ можетъ вращаться внѣ сферы политики? Самое слово «политика», что означаетъ оно, какъ не городскія дѣла?

Впродолженіе нѣсколькихъ дней, газеты «парижскаго союза», подготавливая свои списки, развивали передъ избирателями такую тему: «Остерегайтесь избранія всякой политической личности». По словамъ одной изъ газетъ этого союза «Верховная нація»,

«для поступленія въ должности, на которыхъ можетъ потребоваться гражданское мужество противъ смуть, порождаемыхъ революціями или реакціей, — хороши всѣ заслуги, лишь-бы не политическія. Не требуется никакой предварительной подготовки, — въ особенности не надо такой, которая одна создаетъ публичныхъ дѣятелей». Посредственность, никакъ не грозящая инициативою и которая, при перенесеніи своемъ въ среду управленія одного изъ величайшихъ и самыхъ бурныхъ городовъ въ мірѣ, помогала-бы къ пониженію уровня этого ужаснаго Парижа, — такая посредственность считается ими самымъ желаемымъ качествомъ. Для дѣйствія во имя и на пользу всѣхъ, главнымъ условіемъ ставится, какъ видно, полнѣйшая до этого времени бездѣятельность, исключая только труда на себя. Торговля оказывается лучшимъ видомъ патріотизма. Болѣе или менѣе удачное изготовленіе «семейнаго шоколада» или «общедоступнаго цукорія» составляетъ право на выборъ въ муниципальную должность. Такое-же право даетъ глубокомысленная снаровка при обмѣнѣ товаровъ!

Плохой шуткѣ посчастливилось, однако, не долго. Педдерживалась она наиболее весьма естественною реакціей противъ крайняго вмѣшательства политики въ муниципальныя дѣла. Съ роковой ночи 1-го ноября, Парижъ выжженный, Парижъ выбитый, перенесъ пытку и

смерть изъ-за-политики: отсюда временный успѣхъ интриги, хотѣвшей добиться муниципальных выборовъ безъ политическаго характера.

Посредствомъ замѣчательнаго маневра, вожаки республиканской партіи, Люв-Бланъ, Пейра и прочіе, засѣдающіе въ законодательномъ собраніи, постарались увѣрить буржуазію, что именно республиканцы должны имѣть за себя голоса партіи порядка. «Истинные консерваторы теперь мы, восклицали они, — потому-что во Франціи республика. Въ настоящую минуту, оказываются возмутителями монархисты, грозящіе погрузить насъ въ бездну безконечныхъ революцій». — Маневръ, можетъ быть, и очень ловкій; говорятъ, что „Siècle“ успѣваетъ туманить имъ своихъ подписчиковъ — буржуа, — но возможно-ли постоянно выѣзжать на такихъ аргументахъ, не рискуя попасть въ просакъ, потому-что трудно сказать, республиканцы-ли или монархисты должны быть болѣе недовольны «республикою безъ республиканцевъ», какъ ее временно даровалъ Франціи г. Тьеръ.

Что касается муниципального закона, примененнаго исключительно къ Парижу, хуже его мудрено что-нибудь придумать. Мэры и ихъ помощники (назначенные правительствомъ) съ этихъ поръ будутъ просто старшими прикащиками сенскаго префекта, также назначеннаго правительствомъ и облеченнаго тѣмъ-же, или почти тѣмъ-же полномостіемъ, какъ и паша Гаусманъ. Всѣ двадцать округовъ избираютъ каждый своихъ четырехъ совѣтниковъ, но каждый совѣтникъ долженъ быть особо избранъ въ своемъ кварталѣ. Нѣкоторые округа въ восемь разъ многочисленнѣе, чѣмъ другіе; это все равно: они избираютъ то-же число, то-есть, четырехъ совѣтниковъ, какъ и округи малонаселенные. Нѣкоторые кварталы въ шестнадцать разъ многочисленнѣе другихъ; все равно, они избираютъ лишь одного совѣтника. Само собой разуміется, что наиболѣе населенные округи и кварталы, въ то-же время, и самыя бѣдныя, — изъ чего слѣдуетъ, что у бѣдняковъ будетъ слабое представительство, — но именно для достиженія этой-то цѣли и измѣненъ прежній порядокъ выборовъ: представительство по числу населенія.

Безполезно останавливаться на неудобствѣ и вредѣ новой организаціи. Достаточно упомянуть, что она дала неожиданныя смѣхотворные результаты. Оказались совѣтники, выбранные всего 150 головами, въ то время, какъ другимъ требовалось для избранія 3,152 голоса, и иные не могли занять должности, имѣя за себя 2,343 голоса. Благодаря осадному положенію, число избирателей не дошло и до половины внесенныхъ въ списки. Оно оказалось даже мень-

шимъ противъ числа избирателей 2 іюля. 23 іюля, избирателей было такъ мало, что избраніе 48 совѣтниковъ изъ 80 было отложено до слѣдующаго воскресенья. Въ первый день, перевѣсъ былъ на сторонѣ кандидатовъ «союза парижской печати», пославшихъ къ избирательнымъ урнамъ свои дисциплинированные отряды, въ то время какъ республиканцы, по своему обычаю, разсѣяли свои голоса. Поразудивъ лучше, они побѣдили во второй день: по окончательному результату, на 80 совѣтниковъ, оказалось 50 явныхъ республиканцевъ. Республиканцы эти умѣренные, но между ними находятся два секретаря Гамбетты и нѣсколько членовъ *миа соглашенія*, — однихъ именъ которыхъ никто не рѣшился-бы произнести на улицѣ, недѣла три тому назадъ, изъ опасенія быть арестованнымъ и препровожденнымъ въ Версаль.

Не смотря на свое избраніе при условіяхъ самыхъ нещпныхъ и жалкихъ, новый совѣтъ, съ перваго-же своего появленія, изумилъ всѣхъ своимъ здравымъ смысломъ и умѣренностью. Онъ собирався не много разъ для своихъ совѣщаній, но принялъ уже единогласно нѣсколько рѣшеній. Однимъ изъ его первыхъ дѣйствій было ходатайство у правительства о снятіи осаднаго положенія. Но правительство отмалчивается. Не молчатъ однакожь реакціонерныя газеты. «Gasette de France» пишетъ: «Снимется осадное положеніе и тотчасъ-же появятся дурныя газеты!» восклицаетъ она съ вполне оправдываемою меланхоліей. Таково мнѣніе и нашего почтеннаго министра, славнаго, симпатичнаго Дюфора, котораго не понимаетъ врасплохъ свобода печати, или то, что называется этимъ именемъ. Онъ приготовился къ этой скорбной случайности, издавъ законъ, который не мѣсто разбирать здѣсь, — законъ, передающій суду присяжныхъ всѣ процессы по тенденціозности, всѣ преступления мнѣній, вообще все, что не составляетъ проступка матеріальнаго, ошутительнаго, осязательнаго и прямо уличаемаго. Онъ говоритъ, что имѣетъ основательныя причины надѣяться, что кара проступковъ по области нравственной, экономической, соціальной и философской, будетъ несравненно строже, если они будутъ подлежать разбирательству присяжныхъ, а не суду уголовныхъ палатъ. Эти палаты, — развиваетъ свою мысль достойнѣйшій хранитель печати, — слишкомъ грубы и неловки для оцѣнки преступленія мнѣніемъ; такія преступленія проскользаютъ у нихъ между пальцами; при томъ онѣ должны руководствоваться буквою закона, что составляетъ неудобство плачевное, между тѣмъ какъ присяжные могутъ поступать свободно и, сверхъ того, остаются неотвѣтственными и даже безвѣтными. — Это, въ лицахъ, басня о пилѣ и змѣѣ, — сказаніе, которое

древнѣ самого Эзопа. Змѣя, достаточно погрызая пилу справа налѣво, и не видя никакого усѣха, начинаетъ грызть ее съ другого конца, слѣва направо. Шутникъ г. Дюфоръ хитеръ, это всѣмъ извѣстно. До сихъ поръ присяжные вполнѣ оправдывали довѣріе хранителя печати; они осуждали безъ защитки всѣхъ подсудимыхъ; были на столько добродѣтельны, что не повстрѣчали ни одного невиннаго. За то министръ юстиціи и наслаждался въ палатѣ небольшимъ триумфомъ, вполнѣ заслуженнымъ безъ сомнѣнія. Это было въ моментъ повѣрки выборовъ, когда недовольное своимъ положеніемъ большинство, незная, на комъ выместить свою досаду, обвинило въ излишней снисходительности самого Дюфора.

«Вы не возбуждали ни одного преслѣдованія противъ анархистскихъ газетъ! крикнулъ ему г. Савари.

«Я-то? сказалъ добрякъ, озадаченный на одно мгновеніе. — Я не возбуждалъ преслѣдованій?.. А кто-же преслѣдовалъ клермонтскаго *Республиканца*, котораго и осудили присяжные? И также точно, да еще дважды, возбуждалъ я преслѣдованіе противъ нантской газеты *Демократическій Союзъ*, и присяжные осудили ее дважды, въ лицѣ редактора и типографщика. Я-же преслѣдовалъ „*Человѣческія Права*“ въ Монпелье, и присяжные тоже осудили и типографщика, и редактора. Я-же заставилъ присяжныхъ осудить бордосскія *Трибуну* и *Федерацию*, въ лицѣ редакторовъ и типографа. Мы осудили и лионскій *Прогрессъ* и *Морбианскій Маякъ*... Заткнули глотку канскому *Вольному Болтуну*; дважды осудили сентъ-этъенскаго *Передового*; подвергли *Братство* военному суду въ Марсели. Не считаю еще двухъ приговоровъ военнаго суда въ Алжирѣ. Къ тому-же, я говорю на память и вы извините меня, если я упускаю изъ виду еще нѣкоторые приговоры. Будь я предупрежденъ объ обвиненіи заранѣе, я припасъ-бы списокъ, который смылъ-бы съ меня упрекъ въ излишней снисходительности.

Пикарь, честный Эрнестъ Пикарь, этотъ ветеранъ борьбы за свободу, представилъ тоже, именовъ правительства, проектъ закона о журнальныхъ залогахъ, принятый собраніемъ съ восторгомъ. «*Timbre*» будетъ возстановленъ и, сверхъ того, газеты будутъ награждены еще налогомъ на бумагу. И этотъ законъ подписанъ Пикаромъ, Фавромъ, Тьеромъ и Симономъ, давно-ли ратовавшими за свободу печати и говорившими краснорѣчивыя рѣчи противъ этихъ самыхъ налоговъ! Аргументы, приведенные въ пользу взноса залоговъ, крайне шатки. На возраженія, гласившія, что взносъ залоговъ неизвѣстенъ въ Англіи, Швейцаріи, Соединенныхъ Штатахъ и пр. было отвѣчено: «За-

логъ служить ручательствомъ за платежъ нени въ случаѣ проступка и обвинительнаго приговора».

И если-бы еще сумма залоговъ была чрезмѣрна и могла дѣйствительно стѣснять свободу прессы! Но нѣтъ, требуется всего 24,000 франковъ въ Парижѣ и еще менѣе въ провинціи. Такое препятствіе не непреоборимо, а только стѣснительно.

Законъ былъ принятъ 330 голосами противъ 200. Впрочемъ, имъ и не особенно занялись: головы озабочены дѣлами несравненно болѣе важными, чѣмъ это сто первое, и очевидно не послѣднее, постановленіе противъ прессы. Наши будущіе Пикары, Фавры, Тьеры и Дюфоры достигнутъ, конечно, и до тысячи третьяго, — столь-же необходимаго и столь-же дѣйствительнаго, какъ нынѣшнее.

Наши законодатели, — это хитроумы. Они рѣшили, что совершеніе преступленія будетъ стоить въ провинціи дешевле, чѣмъ въ Парижѣ; они держатся того мнѣнія, что нравственность менѣе священна въ Лионѣ или Марсели, чѣмъ въ галлерейхъ Палерояля или подъ колоннадами Биржи. Сомнѣнія въ существованіи души, или богохульства штрафуются въ Пуату или Анжевенѣ дешевле, чѣмъ въ сень-денискемъ кварталѣ. Тѣ, которымъ придетъ фантазія подкапываться подъ вѣчныя основанія общественнаго порядка: религію, семью, собственность, подвергнутся меньшему тюремному заключенію, меньшей пенѣ въ Пезена и Кимперь-Корантенѣ, чѣмъ въ улицѣ Риволи или близъ монпарнаскаго дебаркадера.

Да, лукавы наши достопочтенные члены собранія!

Парижъ слишкомъ великъ, Парижъ слишкомъ привлекателенъ, Парижъ слишкомъ значителенъ, Парижъ слишкомъ вліятеленъ. Надо умалить Парижъ, помѣшать ему быть мѣстопробываніемъ правительства, отнять у него всѣ министерства, управление всѣми центральными вѣдомствами, перевести въ Версаль даже биржу, если только это окажется возможнымъ. Такова мечта, лелѣемая большинствомъ съ февраля мѣсяца, таково безумное рѣшеніе, не мало способствовавшее къ переполненію той суммы злобы, которая привела къ междоусобной войнѣ; такова нелѣпость, принявшая видъ проекта закона, озаглавленнаго именемъ предложенія Равинеля, Вентавона и Бюффе съ товарищами. Осуществленіе проекта обошлось-бы въ сорокъ, пятьдесятъ милліоновъ, не говоря о громадныхъ потеряхъ времени, какъ для служащихъ, такъ и для публики. Но прежде, чѣмъ эти сорокъ милліоновъ были-бы истрачены, прежде чѣмъ зданія для министерствъ были-бы выстроены, новое собраніе, менѣе нелѣпое, порѣшило-бы возвратъ въ Парижъ. Повсюду правительства считаютъ необходимымъ возсѣ-

дать въ самомъ центрѣ дѣлъ, въ умственномъ и нравственномъ чувствилищѣ націи; наше-же собраніе до того чуждо и своему времени, и своей странѣ, что стремится удалить себя, по возможности, отъ всякой жизни, всякаго движенія и волненія. Въ Парижѣ оно предпочитаетъ Версаль; въ Версали — предпочтетъ Буржъ, какъ предпочтетъ г. Тьеру—реставрацію, реставраціи — царствованіе Людовика XVI-го, Людовику XVI-му—Людовика XIV-го, Людовику XIV-му, можетъ быть, Франциска I-го, или даже добраго короля Дагобера. Это, какъ ее называютъ, партія мервинговъ.

Обеживать подобныя нелѣпости нельзя, можно только заявлять о нихъ. Гитвъ обезоруживается передъ карикатурнымъ слабоуміемъ и уступаетъ мѣсто насмѣшливому любопытству. Законодательное собраніе, верховный владыка Франціи, владыка также себѣ, въ отношеніи предписанія всѣхъ нелѣпостей, которыя ему только вздумаются,—но подъ условіемъ лишь переносить и ихъ послѣдствія, что, къ несчастію, должна раздѣлять съ нимъ и Франція. Какъ-бы ни труднялся Дагоберъ, Хилшерикъ и Мэровей, Парижъ остается Франціею, сгущенною на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ километровъ; Парижъ остается городомъ международнымъ, городомъ, имѣющимъ свою спеціальность и свою собственную оригинальность. Пусть извиняютъ насъ Вентавонъ, Равинель, Бюффе и прочіе, но въ Парижѣ думаютъ быстрее, чувствуютъ тоньше, живутъ пріятнее, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ; притяженіе, оказываемое этими двумя милліонами умовъ, сосредоточенныхъ въ одномъ фокусѣ, симпатично въ высшей степени. Наши писатели, наши артисты, наши живописцы, говорятъ всѣ, что не могутъ оставаться болѣе полугода въ провинціи, не портя себѣ манеры, и даже Вольтеръ еще говорилъ, что для сочиненія хорошихъ стиховъ, ему надо быть въ Парижѣ.

Впрочемъ, рѣчи объ *обезстолченіи* Парижа перестали слишкомъ волновать парижанъ, которые превосходно обходятся безъ собранія, вслѣдствіе того уваженія и участія, которыя питаютъ къ нему. Но только пруссаки, въ своихъ видахъ, могутъ еще возражать: «Мы уйдемъ лишь тогда, когда сочтемъ порядокъ достаточно возстановленнымъ. Вы-же сами, должно быть, не считаете его достаточно возстановленнымъ, если боитесь перевести центръ правленія въ Парижъ».

Нелѣпость состоитъ пока еще только въ видѣ проекта; она остается до времени въ спискѣ еще несовершившихся ошибокъ, которыя, однакожь, могутъ еще совершиться, судя по тѣмъ ошибкамъ, какія во множествѣ надѣлало наше законодательное собраніе.

Въ продолженіи послѣднихъ шести недѣль законодательное собраніе занималось исключительно преніями по поводу такъ называемаго закона о децентрализаціи. Партіи, желающія отнять у Парижа его первостепенное значеніе во Франціи, надѣются достигнуть этого изданіемъ закона о децентрализаціи. Республіканская партія, впрочемъ, давно уже требовала административной децентрализаціи, усиленія власти общинныхъ совѣтовъ, возрожденія муниципальной и провинціальной жизни. Легитимисты и клерикалы тоже съ давнихъ поръ добивались того-же, хотя въ своемъ требованіи руководились иными мотивами, чѣмъ республіканцы. Демократы желали увеличить сумму свободы въ странѣ; феодалы, напротивъ, думали только объ увеличеніи суммы своего вліянія, объ укрѣпленіи и теперь уже значительной власти надъ крестьянами пропріетера и приходскаго священника. Понятно, что и средства для приведенія въ исполненіе децентрализаціонной реформы различными партіями предлагались разныя; партіи также сильно расходились въ подробностяхъ проекта закона о децентрализаціонной реформѣ. При вышншемъ обсужденіи этой реформы въ законодательномъ собраніи ей было посвящено 36 засѣданій. Много и долго работали законодатели надъ трудно-дающеюся реформой и выработали законъ, состоящій изъ ста отдѣльныхъ статей, взаимно другъ другу противорѣчащихъ и исключających одна другую. Когда всѣ эти отдѣльныя статьи были сведены въ одно цѣлое, вышла такая пестрая смѣсь, что сами творцы изумились и не знали, какъ поступить съ своимъ твореніемъ: пустить-ли его въ свѣтъ, хотя и не въ привлекательномъ видѣ, или-же отринуть его какъ недостойное дѣтище. Снова выступила на сцену борьба партій, но наконецъ пришли кое-какъ къ соглашенію и законъ былъ принятъ. Болѣе всего, конечно, препирались насчетъ департаментскихъ совѣтовъ, и въ концѣ концовъ допустили, что въ извѣстныхъ случаяхъ членъ совѣта можетъ получать жалованье, хотя въ большинствѣ случаевъ эта служба по прежнему отправляется бесплатно. Членъ совѣта выбирается на девять лѣтъ, — терминъ крайне продолжительный, противорѣчащій выборному началу, — которое только тогда приноситъ дѣйствительную пользу странѣ, когда выборы часто возобновляются: чѣмъ короче срокъ выборной службы, тѣмъ лучше. При девятилѣтнемъ срокѣ службы членовъ департаментскихъ совѣтовъ, эти совѣты будутъ отличаться неподвижностью, отсталостью; общественное мнѣніе страны всегда будетъ опережать ихъ и они невольнo вѣчно станутъ идти съ нимъ въ разрѣзъ. Однакожъ, новые департаментскіе совѣты будутъ значительно ограничивать власть префектовъ, т. е. центральную власть. Они избираютъ

изъ своей среды комиссію, засѣдающую почти постоянно и облеченную правомъ контроля надъ дѣйствіями префектовъ; комиссія завѣдуетъ всѣми благотворительными учрежденіями общинъ (онѣ находились прежде подъ вѣденіемъ префектовъ) и замѣщаетъ нѣкоторыя мѣста по своему усмотрѣнію.

Большинство законодательнаго собранія предполагало создать новое учрежденіе, въ родѣ верхней палаты и даже вносило предложеніе въ этомъ смыслѣ. Въ новомъ учрежденіи сосредоточивались представители отъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ и богатыхъ фабрикантовъ. Этому новому учрежденію предназначалась роль противовѣса революціоннымъ стремленіямъ будущаго законодательнаго собранія. Это подобіе верхней палаты предполагалось помѣстить въ Буржѣ. Такимъ образомъ Франція имѣла-бы тогда три столицы: Парижъ, Версаль и Буржѣ. Это хитроумное предложеніе потерѣло, однакожъ, полнѣйшее фіаско въ самомъ законодательномъ собраніи.

«Siècle» очень удачно объясняетъ, почему законъ о децентрализациі былъ принятъ въ собраніи, хотя, по всѣмъ соображеніямъ, его должна была постигнуть неудача: «каждая изъ двухъ враждовавшихъ партій потирала отъ удовольствія руки при мысли, что огромная власть департаментскихъ совѣтовъ будетъ служить исключительно ея видамъ. Но въ то-же мгновеніе она съ ужасомъ думала: ну, а если всеобщее голосованіе отдастъ департаментскіе совѣты въ руки противной партіи—что будетъ тогда?—и невольно въ ея головѣ складывалось понятіе о тираниі, какую проявитъ тогда торжествующая партія, и она колебалась подавать утвердительные голоса.

«Новый законъ превосходитъ, если мы будемъ увѣрены, что большинство въ департаментскихъ совѣтахъ будетъ изъ нашей партіи», твердила одинаково какъ правая, такъ и лѣвая сторона. Отсюда колебанія, нерѣшительность, съ какими обѣ партіи относились къ закону. «Провинціальныя сельскія общины имѣютъ реакціонерное направленіе», твердила лѣвая сторона и колебалась принять законъ. «Убѣжденія деревень какъ разъ намъ на руку!» утверждала правая и настаивала на проведеніи закона. «О, мы навѣрное будемъ имѣть большинство!» порѣшили разомъ обѣ партіи, и законъ прошелъ.»

Однакожъ, какъ мы замѣтили уже, онъ прошелъ не безъ труда. Правительство еще ранѣе, чѣмъ законъ о децентрализациі подвергся обсужденію, объявило, что оно не намѣрено вмѣшиваться въ пренія по поводу этого важнаго закона, что не помѣшало, однакожъ, министру внутреннихъ дѣлъ являться въ то или другое бюро законодательнаго собранія съ такимъ ультиматумомъ: «если эта статья

пройдетъ, г. Тьеръ выйдетъ въ отставку!» Члены бюро, конечно, покрячатъ, поупрямятся, но кончаютъ тѣмъ, что находятъ компромисъ, пріятный правительству. Законъ о децентрализаціи испещренъ подобными компромисами. Въ каждой партіи этотъ законъ имѣлъ своихъ защитниковъ и противниковъ. Онъ прошелъ противъ желанія правительства, которое въ этомъ случаѣ расходилось съ большинствомъ собранія. Тьеръ, централистъ въ душѣ, по отношенію къ этому закону получилъ поддержку отъ самой дисциплинированной въ собраніи партіи, отъ людей, которые до сихъ поръ были его врагами, каковы Люи Бланъ, Пейра и другіе. Во время гражданской войны наши якобинцы не промолвили ни одного слова въ пользу республиканскаго Парижа, которому большая часть изъ нихъ была обязана своимъ избраніемъ. Ихъ противники кричали, что они молчатъ изъ трусости. Но, конечно, они настолько обладали мужествомъ, чтобы сдѣлать правительству представленія, но не дѣлали ихъ потому, что, по своимъ убѣжденіямъ, они ревностные противники идеи децентрализаціи. Они справедливо утверждали, что департаментъ слишкомъ маленькая территорія, представляющая только искусственную агломерацію населенія, что эмансипація общинъ дѣйствительно дастъ благотворные результаты, но можно опасаться, что департаментская эмансипація будетъ безплодна и можетъ оказаться пагубной мѣрой.

Законъ о децентрализаціи слишкомъ очевидно показалъ беспорядокъ въ идеяхъ, смятеніе въ чувствахъ и доктринахъ, въ какіе впала бѣдная Франція вслѣдствіе своихъ несчастій, вслѣдствіе безчисленныхъ ошибокъ, какія дѣлали и дѣлаютъ руководители ея судебъ. Тьеръ въ вопросѣ о децентрализаціи далеко не былъ согласенъ въ убѣжденіяхъ съ своими министрами, которымъ, впрочемъ, поручилъ непременно войти въ соглашеніе съ большинствомъ законодательнаго собранія. На этотъ разъ большинство составлялось изъ людей рѣшительно всѣхъ партій, и, замѣчательно, что каждый день оно то уменьшалось, то прибывало въ числѣ своихъ членовъ. Въ этомъ вопросѣ партіи перемѣшались самымъ страннымъ образомъ: социалистъ Люи Бланъ держался въ этой важной реформѣ социальнаго организма однихъ убѣжденій съ представителемъ буржуазіи Тьеромъ; республиканцы грудью стояли за Тьера, который былъ главною причиною паденія республики 1848 года и которому монархическія партіи вручили власть именно съ тою цѣлію, чтобы онъ также точно избавилъ ихъ и отъ нынѣшней республики. Республиканская партія законодательнаго собранія, имѣя во главѣ Люи Блана, Кинз, Шельхера, сдѣлала предложеніе избрать г. Тьера президентомъ республики на три

года, и облечь его властію, большею, чѣмъ пользуется король въ ограниченной монархіи. Монархическія партіи, напротивъ, протестовали противъ такой диктатуры, и сами орлеанисты обвиняли своего стараго предводителя въ измѣнѣ прежнимъ убѣжденіямъ и въ коварныхъ проискахъ.

Чтобы понять всѣ эти колебанія и противорѣчія, чтобы сдѣлать имъ правильную оцѣнку, необходимо обратиться къ происхожденію нынѣшняго законодательнаго собранія, которое, своими дѣйствіями отчасти способствовало несчастіямъ Франціи. Это собраніе составилось во время существованія республиканской формы правленія, но въ члены его пошали преимущественно противники этой формы правленія. Отъ этого-то дуализма и происходили всѣ колебанія, всѣ безпорядки, прывчившіе уже столько бѣдъ Франціи, и эти колебанія и безпорядки будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока это неудачное собраніе не будетъ распущено и не замѣнится новымъ.

Наполеонъ III захотѣлъ войны и плебисцитарная Франція, не разсуждая о ея послѣдствіяхъ, покорно пошла за нимъ. Лучшіе представители республиканской партіи въ то время высказывались за миръ. Вторая имперія погибла, покрытая стыдомъ и всеобщей ненавистью. 4 сентября въ Парижѣ провозглашена республика. Она предложила миръ, который Пруссія не захотѣла принять. Надо было продолжать войну, но республиканцамъ пришлось теперь бороться не только съ пруссаками, но и съ неспособностію новаго правительства, нежелаваго съ корнемъ вырвать бонапартистскія идеи, приводящія страну къ деморализаціи. Республиканская партія требовала поголовнаго вооруженія, войны народной, безпощадной, которая должна была кончиться или побѣдой, или славной смертью; но ни само нерѣшительное правительство, ни большинство плебисцитарной Франціи не осмѣливалось прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ и наступила капитуляція Парижа. Тутъ пришлось въ 8 дней избрать законодательное собраніе, созданное только для того, чтобы ратифицировать нашъ стыдъ, чтобы нашимъ безпорядкамъ дать санкцію закона.

Старыя партіи, подавленные деспотизмомъ бонапартизма, поспѣшили выступить на сцену. Шаткое положеніе Франціи было слишкомъ удобно для того, чтобы власть снова пошла къ нимъ въ руки. Понимая, что при всеобщей подачѣ голосовъ, сельское населеніе можетъ доставить имъ побѣду, они обратились къ крестьянамъ съ такой рѣчью: «Республиканцы желаютъ продолженія войны; видно, они находятъ, что мы еще недостаточно раззорены. Если-бы въ Парижѣ не была провозглашена республика, то и императоръ Виль-

гельмъ послѣ Седана удовольствовался-бы уплатой одного миллиарда военныхъ издержекъ. Но явился революціонеръ Гамбета и нѣмцы требуютъ теперь Эльзаса и Лотарингіи. И если вы станете подавать свои голоса за республиканцевъ, если вы будете выбирать революціонеровъ, прусаки возьмутъ съ насъ десять миллиардовъ, выгонятъ васъ изъ вашихъ домовъ, заберутъ ваши сады». Крестьяне, обезумѣвшіе отъ страха, стали громко кричать противъ войны, и требовали мира во что бы то ни стало. Конечно, они стали подавать свои голоса за людей, обѣщавшихъ имъ столь желанный миръ. При такихъ-то условіяхъ было избрано нынѣшнее законодательное собраніе; двѣ седьмыхъ его членовъ были избраны республиканскими городами, а пять седьмыхъ плебисцитарными деревнями. И большинство этого собранія объявило своимъ паролемъ ужасный крикъ, стоявшій Франціи столько крови и несчастій. «Перенесемъ столицу изъ республиканскаго и революціоннаго Парижа! Ненависть къ Парижу!» — таковъ былъ этотъ злополучный пароль.

И Парижъ, выдержавшій пятимѣсячную осаду пруссаковъ, осужденъ былъ вынести новую двухмѣсячную осаду арміи Мак-Магона и подвергнуться всѣмъ ужасамъ гражданской войны.

Эту ужасную гражданскую борьбу можно было предсказать заранѣе. Она начиналась уже въ октябрѣ прошлаго года и если не разыгралась, то только потому, что Парижъ былъ окруженъ пруссаками. Но кончилась прусская война, и гражданская война должна была тотчасъ-же начаться; восторжествовавшія на выборахъ партіи еще были не въ силахъ нанести окончательный ударъ, парижская національная гвардія, обладавшая пушками, имѣла грозный видъ, а линейныя войска были по большей части въ плѣну у пруссаковъ...

Избѣжать борьбы было трудно, однакожъ обѣ стороны хотѣли избѣжать ея. Глава исполнительной власти, въ собственныхъ интересахъ, по крайней мѣрѣ, въ первое время, долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы избѣжать ея, а если нельзя избѣжать, то хотя отдалить ее. Онъ предложилъ тогда знаменитую сдѣлку, которая извѣстна подъ именемъ *бордосскаго договора*.

«Вы не желаете республики», говорилъ онъ монархистамъ. — «А вы не хотите монархіи», замѣчалъ онъ республиканцамъ. — «Есть средство примирить ваши различныя желанія. Удержите на неопредѣленное время теперешнее временное положеніе, которое характеризуется номинальной республикой, управляемой монархистами. Пусть республика царствуетъ, а монархисты управляютъ. Мы сохранимъ республику, но исключимъ изъ управленія всѣхъ республиканцевъ...

«Эта сдѣлка выгодна для васъ, гг. монархисты, въ томъ отношеніи, что вы выигрываете время для обезпеченія успѣха вашимъ предначертаніямъ. Когда вы организуете по своему плану двойную армию солдатъ и чиновниковъ; когда вы будете имѣть долгое время въ своихъ рукахъ государственную казну; когда вы, тѣмъ или другимъ способомъ, избавитесь отъ самыхъ опасныхъ республиканцевъ; когда наконецъ республика станетъ просто смѣшной мистификаціей и будетъ все готово для возстановленія монархіи, — тогда вы будете до глупости неловки, если не съумѣете однимъ ударомъ молотка разбить республику...

«И для васъ, граждане республиканцы, эта сдѣлка выгодна потому, что вы выигрываете время. Вы не можете отрицать, что теперешнія обстоятельства для васъ крайне неблагопріятны. Конечно, вы считаете себя очень сильными въ городахъ, вы рассчитываете, что поддержка интеллигентной части населенія дастъ вамъ въ руки побѣду; но вы не можете не признать, что это собраніе, облеченное народнымъ голосованіемъ высшей властію, имѣющее право судить васъ безапелляціонно, — что это собраніе держится монархическихъ убѣжденій. Если большинство законодательнаго собранія приметъ этотъ договоръ, а вы не согласитесь его принять, вы привлечете на свои головы тяжесть страшной отвѣтственности; вы станете потомъ упрекать себя, что ваше упрямство вызвало гражданскую войну. Если республика возбуждаетъ вообще недовѣріе всей Европы, то это по причинѣ кровавыхъ воспоминаній, которыя оставилъ по себѣ 93 годъ, съ гражданской войной въ Вандеѣ. Удивите свѣтъ вашимъ терпѣніемъ и вашей умеренностью. Наслаждаясь нѣсколько лѣтъ спокойствіемъ во время невинной республики, Франція не захочетъ болѣе подвергаться случайностямъ монархіи. Республиканцы, республика будетъ наградой вашей мудрости!

«И вы, гг. монархисты, и вы, граждане республиканцы, вы имѣете одинаковый интересъ въ сохраненіи временнаго положенія. Вы одинаково можете эксплуатировать его въ свою пользу; можете употреблять всѣ дозволенные средства, чтобы овладѣть положеніемъ. Настоящее собраніе, послѣ подписанія мира, будетъ распущено, будутъ открыты выборы въ конституціонное собраніе, которое рѣшитъ вопросъ о формѣ правленія. Дайте генеральное сраженіе на полѣ выборовъ, и которая изъ партій побѣдитъ, та и будетъ управлять Франціей».

Обѣ партіи, и монархическая и республиканская, приняли этотъ договоръ съ недовѣріемъ, съ непремѣннымъ намѣреніемъ разорвать его при первой возможности, когда это будетъ для нихъ выгодно. Онъ

былъ принять безмолвно; никто не рѣшился оспаривать искуснаго оратора. Этотъ договоръ былъ принятъ на несчастіе Франціи. Еслибъ онъ не былъ принятъ, очень можетъ быть, что гражданская война не обогрѣла-бы кровью Франціи и не покрывала-бы ее стыдомъ. Еслибъ онъ не былъ принятъ, законодательное собраніе, созванное только для подписанія мира, подписавъ его, разошлось-бы по домамъ. Затѣмъ открылись-бы выборы въ конституціонное собраніе, и страна, успокоенная прекращеніемъ войны, избраніемъ депутатовъ извѣстныхъ убѣжденныхъ, спокойно-бы рѣшила вопросъ: желаетъ-ли она удержать республику, провозглашенную 4 сентября, или хочетъ учредить одну изъ трехъ монархій: бонапартистскую, орлеанскую или бурбонскую.

Этотъ договоръ хотя и былъ принятъ всѣми партіями, но крайне неохотно. Каждая партія видѣла въ немъ личное для себя оскорбленіе. Договоромъ узаконялось временное положеніе, и такъ-какъ это временное положеніе была республика, то большіе города Парижъ, Ліонъ, Тулуза, Лиможъ, Марсель, Сент-Этьевъ, выказывавшіе республиканскія симпатіи, объявили, что они будутъ поддерживать временное правительство, пока оно будетъ республиканское. Но они съ недовѣріемъ смотрѣли какъ на правительство, такъ и на законодательное собраніе, которыя, въ свою очередь, недовѣрчиво относились къ этимъ городамъ. И какъ только правительство вздумало обезоружить національную гвардію, Парижъ воспротивился этому распоряженію, которое прямо противорѣчило договору, гласившему, что временное положеніе остается неприкосновеннымъ. Парижъ, оскорбленный постоянными ругательствами, которыми кидало въ него большинство законодательнаго собранія, оскорбленный ужаснымъ паролемъ, принятымъ этимъ большинствомъ, — Парижъ занялъ оборонительную позицію, выставивъ на Монмартрѣ пушки, купленныя на его деньги, и приготовился къ защитѣ.

Съ этой минуты стала неминуема гражданская война, которую хотѣли предотвратить бордосскимъ договоромъ, но скорѣе вызвали имъ. Парижъ никогда не поднялъ-бы оружія противъ собранія, еслибъ собраніе такъ явно не высказывало своихъ антипатій къ Парижу и республикѣ. И если-бы между 18 и 26 марта собраніе проявило болѣе миролюбивыя желанія и болѣе здраваго смысла и пониманія положенія вещей, мы бы избавились отъ тѣхъ ужасныхъ несчастій, которыя сопровождали братоубійственную войну. Но что сдѣлано, того уже нельзя вернуть.

Гражданская война, которую думали окончить въ нѣсколько дней, тянулась цѣлыхъ два мѣсяца. Парижскіе революціонеры и француз-

скіе республиканцы, подачей голосовъ 1 мая для муниципальных выборовъ, выказали такую энергію сопротивленія и такую силу устойчивости, какихъ трудно было ожидать отъ нихъ при существующихъ обстоятельствахъ. Но чѣмъ больше твердости выказывали республиканцы, тѣмъ болѣе становились безпощадны ихъ противники, которымъ удалось между тѣмъ взять на себя инициативу подавленія возстанія въ Парижѣ и въ дѣйствительности подавить его, взявъ штурмомъ Парижъ и заливъ его кровью.

Еще линейныя войска разстрѣливали плѣнныхъ, взятыхъ въ Парижѣ, какъ уже монархическія партіи задумали, что настала пора уничтожить бордосскій договоръ. Несмотря на сопротивленіе республиканской партіи въ собраніи, несмотря на сопротивленіе Тьера, съ которымъ монархическія партіи уже нѣсколько разъ ссорились, онѣ добились отмены закона, которымъ воспрещался въѣздъ во Францію претендентамъ на престолъ изъ дома Орлеановъ и Бурбоновъ; онѣ хотѣли дозволить возвращеніе во Францію даже Бонапартамъ. Онѣ добились признанія законными противуконституціонныхъ выборовъ въ законодательное собраніе принцевъ Орлеанскихъ. Соединивъ вмѣстѣ силы орлеанистской буржуазіи и легитимистской аристократіи, монархическая партія была увѣрена въ своемъ успѣхѣ. Объ этомъ слитіи орлеанистской партіи съ легитимистской такъ много говорили, что его сочли совершившимся фактомъ. Правда, произошло нѣкоторое сближеніе между принцами Орлеанскими и графомъ Шамборомъ, но это сближеніе было слишкомъ сомнительнаго качества: между обѣими сторонами стояло прошлое, полное ненависти и зависти, которое трудно было забыть; и какъ ни важны были интересы, требующіе сближенія, но они не на столько были убѣдительны, чтобы прежняя вражда не всплыла снова наверхъ. Орлеаны, какъ прежде, такъ и теперь не понимали графа Шамбора; графъ Шамборъ не понималъ ихъ. Орлеаны хотѣли слѣдовать тенденціямъ іюльской монархіи; графъ Шамборъ также нисколько не измѣнился, онъ по прежнему оставался Бурбономъ, съ головы до ногъ, и не хотѣлъ быть ничѣмъ инымъ, какъ Бурбономъ. Онъ желалъ быть королемъ Франціи и первымъ дворяниномъ своего королевства; онъ не хотѣлъ слышать ни о какихъ проискахъ, ни о какихъ уступкахъ; онъ удивлялся, какъ можно дѣлать возраженія противъ догмата непогрѣшимости папы. Графъ Парижскій показывалъ ему знаки самаго почтительнаго вниманія, но не могъ не оспаривать его убѣжденій, и графъ Шамборъ съ понятнымъ неудовліемъ смотрѣлъ на своего предполагаемаго наследника и, конечно, не могъ сблизиться съ нимъ искренно.

Какъ скоро легитимистамъ и орлеанистамъ пришлось дѣлать выгоды ихъ предполагаемаго сближенія, легитимисты замѣтили, что они одурачены своими новыми союзниками. Принцы Орлеанскіе, безъ предварительнаго соглашенія съ легитимистами, поспѣшили пріѣхать въ Версаль, гдѣ встрѣтили самый предупредительный пріемъ. Они посетили президента законодательнаго собранія, обѣдали у Тьера, раскладывались съ Фавромъ и Симономъ, съ достоюлжною граціей принимали восторженныя привѣтствія и предложенія услугъ отъ толпы почитателей, стекавшихся къ восходящему свѣтлу. Чтоже касается ихъ повиновенія графу Шамбору, они протестовали противъ своего сближенія съ нимъ и твердили: «Мы въ полномъ распоряженіи страны; мы станемъ дѣлать то, что страна захочетъ и ничего болѣе, какъ только то, что согласно съ ея видами и желаніями».

Въ то время какъ принцы Орлеанскіе пировали въ Версали и Парижѣ, графъ Шамборъ, глава ихъ фамиліи и легитимный король, пріѣхалъ въ Парижъ инкогнито и ночью побывалъ въ замкѣ, имя котораго онъ носитъ, въ которомъ онъ не былъ 41 годъ и, по всей вѣроятности, зналъ только по гравюрамъ и разсказамъ. Въ сопровожденіи старика сторожа, онъ переходилъ изъ залы въ залу, изъ комнаты въ комнату. Онъ обошелъ весь замокъ, осмотрѣлъ всѣ его хозяйственныя заведенія, не исключая даже погребовъ. На третій день своего пребыванія въ окрестностяхъ замка онъ согласился принять нѣкоторыхъ легитимистовъ, которые поклялись ему въ вѣрности, дозволилъ цѣловать свою руку старымъ маркизамъ, поклонился сельскому священнику и сельскому нотаріусу. Когда-же онъ распрощался съ своими приверженцами, онъ присѣлъ къ одноному століку въ стилѣ времени Людовика XVI и написалъ на немъ свой манифестъ къ французамъ. Онъ бросилъ его въ почтовый ящикъ въ ближайшей деревнѣ и, снова проѣхавъ инкогнито Парижъ, удалился въ Бельгію.

Онъ былъ въ своемъ королевствѣ, онъ вступилъ въ обладаніе имъ актомъ, который болѣе похожъ на отреченіе. Его приверженцы, съ которыми онъ не посовѣтовался, по убѣжденію, что король не долженъ принимать ничьихъ совѣтовъ, — его приверженцы пришли въ отчаяніе отъ необдуманнаго поступка. Между тѣмъ онъ, въ качествѣ короля Генриха V, обратился къ французамъ, какъ ихъ король, ихъ господинъ, честный человекъ и христіанинъ. Но его приверженцы находятъ, что онъ сдѣлалъ все, чтобы погубить свое дѣло. Было время, говорятъ они, — когда короли, опираясь на свое божественное право, могли говорить народамъ истину; теперь, этого нельзя; теперь необходимъ конституціонный министръ, который-бы иногда лгалъ, и

почти всегда говорилъ такъ, чтобы казалось, что онъ ничего не ска- залъ. Сама «L'Univers» выразила изумленіе, какъ это могъ король такъ рѣзко высказывать свои католическія убѣжденія, и обмолвилась слѣдующимъ драгоценнымъ признаніемъ: «Памъ нужны предводители, которыхъ-бы мы могли презирать!»

И такъ Генрихъ V выступилъ съ своимъ свѣтскимъ *силлабусомъ*. Франція выслушала его съ уваженіемъ и изумленіемъ и меланхолически покачала головой: «Графъ Шамборъ честный человекъ, но ему слѣдовало жить несравненно раньше, за нѣсколько вѣковъ назадъ; па- ладины монархіи, подобные ему, могли-бы имѣть нѣкоторый успѣхъ развѣ во времена святого Людовика». Франція представляла себѣ этого стараго юношу, графа Шамбора, который, потрясая бѣлымъ зна- менемъ, говорилъ ей: «Генрихъ V никогда не оставитъ бѣлаго зна- мени Генриха IV. Въ славныхъ складкахъ этого незапятнаннаго зна- мени я принесу вамъ порядокъ и свободу. Но я не позволю вырвать изъ моихъ рукъ знамени Генриха IV, Франциска I и Жанны д'Аркъ (здѣсь монсеньеръ Шамборъ впадаетъ въ ошибку: Жанна д'Аркъ под- няла противъ англичанъ орифламу, которая была краснаго цвѣта). Это бѣлое знамя развѣвалось надъ моею колыбелью, и я желаю, чтобы оно осыпало мою гробницу». Франція, какъ сказано выше, прѣчитала съ уваженіемъ наввную исповѣдь графа Шамбора, удивилась ея искрен- ности и честности, но признала, что политическимъ людямъ нельзя выступать съ подобными манифестами, помня поговорку, что отъ ве- ликаго до смѣшнаго одинъ только шагъ.

Послѣ заключенія мира съ пруссаками, на политической аренѣ Фран- ціи боролись одна противъ другой три системы: легитимистская ари- стократія съ бѣлымъ знаменемъ, буржуазія съ трехцвѣтнымъ и про- летаріатъ съ краснымъ. Благодаря послѣднимъ выборамъ и манифе- сту графа Шамбора, легитимисты сошли теперь съ арены. Тѣ-же выборы показали, что наполеоновской реставраціи опасаться нечего, несмотря на подземную работу главнѣйшихъ представителей стараго бонапартизма, несмотря на поддержку многихъ гражданскихъ и воен- ныхъ чиновниковъ, поклявшихся употребить все усилія для возвра- щенія экс-императора и его династіи. Партія революціонныхъ респу- бликанцевъ, разсѣянная послѣдними событіями, также сошла со сцены: одни изъ ея членовъ молчатъ изъ благоразумія, не желая звукомъ своего голоса привлечь на себя вниманіе полиціи; другіе сидятъ въ тюрьмахъ и находятся въ ссылкѣ, третьи молчатъ, потому-что мо- гила безмолвна.

Остаются, значить, лицомъ къ лицу приверженцы буржуазной ди-

насти и буржуазные республиканцы. Подобно орлеанистамъ, враждующимъ съ легитимистами, эти обѣ буржуазныя партіи не могутъ никакъ сойтись другъ съ другомъ; онѣ теперь владычествуютъ и наводняютъ Францію шумомъ своихъ преній. Въ настоящее время онѣ вступили въ жестокой бой по поводу предложенія вручить Тьеру диктатуру на три года. Тьеру теперь 74 года; по своимъ социальнымъ, экономическимъ и политическимъ убѣжденіямъ, онъ принадлежитъ къ поколѣнію либераловъ тридцатыхъ годовъ; онъ отсталъ отъ движенія новѣйшихъ идей. Благодаря тому, что онъ не можетъ и не хочетъ понимать положеніе, онъ такъ легко отвесилъ къ движенію, вызванному прусской войной. Поэтому и на него, хотя, можетъ быть, нѣсколько менѣе, чѣмъ на законодательное собраніе, но все-же падеть отвѣтственность за гражданскую войну. Но теперь еще не пришло время обсуждать эту печальную гражданскую войну, можетъ быть, еще болѣе разрушительную для Франціи, чѣмъ война ея съ Пруссіей. Подождемъ, пока процессъ, разбирающійся теперь въ Версали, скажетъ свое послѣднее слово. Тьеръ и законодательное собраніе теперь не ладятъ между собой. Со времени выборовъ, со времени дѣла принцевъ Орлеанскихъ и графа Шамбора, большинство орлеанистское и легитимистское недовольны главою исполнительной власти, котораго они обвиняютъ за то, что онъ одурачилъ ихъ и измѣнилъ ихъ дѣлу, и ищутъ только случая отмстить ему. Но, съ другой стороны, они опасаются, что если Тьеръ распустилъ собраніе, ни одинъ изъ нихъ не будетъ снова избранъ. Зная это, Тьеръ не устаетъ указывать имъ такую перспективу: если собраніе продолжитъ власть Тьера на три года, оно можетъ быть увѣрено, что и его полномочія продолжатся столько-же времени. Республиканское меньшинство Тьеръ подкупаетъ титуломъ «президента республики», который онъ приметъ, и подавая надежды, что изъ временной республики постепенно перейдетъ въ дѣйствительную, завоюетъ себѣ прочное положеніе. И республиканцы законодательнаго собранія дали себя убѣдить и ревностнѣе другихъ партій поддерживаютъ Тьера. Но общественное мнѣніе уже и теперь начинаетъ громко высказываться противъ теперешнаго законодательнаго собранія, пользующагося властью незаконно. «Скорѣе-бы распустили это собраніе, слышится со всѣхъ сторонъ: — этотъ продуктъ печальнаго употребленія всеобщаго голосованія въ средѣ людей, неумѣющихъ ни читать, ни писать. Составленное, въ большинствѣ своихъ членовъ, изъ ничему ненаучившихся легитимистовъ, изъ циниковъ бонапартистовъ, изъ эгоистовъ буржуа, изъ филистеровъ либераловъ, изъ вялыхъ централистовъ-республиканцевъ, — это собра-

ніе, заключившее постыдный миръ съ Пруссіей и вызвавшее гражданскую войну, отличается полнѣйшимъ отсутствіемъ пониманія положенія страны, и потому сдѣлаетъ самое патріотическое дѣло, если поскорѣе разойдется и его члены усядутся смиренно по домамъ, имѣя только одно желаніе, чтобы страна поскорѣе забыла объ ихъ дѣяніяхъ.»

Какую-же мораль можно вывести изъ этой басни или, лучше, печальной исторіи?

А ту, что несчастная Франція, избавившись отъ второй имперіи, не избавилась ни отъ продуктовъ этой имперіи, ни отъ причинъ ея возникновенія. Если-бы вторая имперія пала вслѣдствіе внутренняго движенія во Франціи, моральнаго возмущенія, полнаго внутренняго перерожденія, можно-бы было сказать, что эта имперія исчезла навсегда. Но, къ несчастію, она пала черезъ безумныя ошибки самой имперіи, она низвержена пушками Круппа, но въ ея низверженіи не видно участія самой Франціи. Правда, партія прогресса во Франціи нѣсколько пошатнула ядовитое дерево бонапартизма, но корни его крѣпко вросли въ почву и только дѣйствіе на него нѣсколькихъ бурь способно повалить его совсѣмъ на землю. Правда, для фамиліи Бонапартовъ уже нѣтъ возврата во Францію, но бонапартисты остались въ ней. Бонапартизмъ испортилъ и развратилъ во Франціи цѣлую генерацию, ту самую генерацию, которая теперь дѣйствуетъ и управляетъ, и состоитъ изъ испорченной и развращенной буржуазіи, такъ долго поддерживавшей всѣ безобразія второй имперіи...

Гражданская война кончилась, но причины, ее породившія, остались. Онѣ кроются во всеобщемъ невѣжествѣ народа, становящагося игрушкой всякаго, кто захочетъ воспользоваться его невѣжествомъ. При такихъ условіяхъ всеобщее голосованіе не только не помогаетъ устраненію этихъ причинъ, напротивъ, оно способствуетъ увеличенію затрудненій и вызываетъ печальные кризисы. Народное образованіе принадлежитъ теперь къ числу тѣхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ можетъ еще спасти Францію и сдѣлать положеніе ея снова твердымъ и почетнымъ. «Равенство всѣхъ передъ образованіемъ» — эту формулу должны поставить наши законодатели во главѣ новаго конституціоннаго уложенія, которое должно будетъ составить конституціонное собраніе, когда оно замѣнитъ ссбю теперешнее законодательное собраніе.

Жакъ Лефрешъ.

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЬМОЙ КНИГИ:

- Вліяніе общественнаго міросозерцанія на соціальное положеніе женщины въ Россіи (Ст. вторая). *Аф. П. Шапова.*
- Живая сила. Романъ въ трехъ книгахъ. (Гл. XI—XV) *Фр. Герштеккера.*
- * * * Стихотвореніе. (Подражаніе Гейне). *Сушкова.*
- Лѣсъ рубятъ—щелки летятъ. Романъ. Часть третья. (Гл. VI—XI). *А. Михайлова.*
- * * * Стихотвореніе *Н. Иваницкаго.*
- Первая молодость Чебатова. Повѣсть (Продолженіе). *А. Андреева.*
- * * * Стихотвореніе. *Щилева.*
- Впередъ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. (Часть вторая. Гл. I—VII) *Ф. Шпиллягена.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Основы рациональнаго воспитанія (Окончаніе). *Н. В. Шелмунова.*
- Охота смертная, да участь горькая *М. Во—ва.*
- Новыя книги
- Журналистика русскихъ евреевъ
- Внутреннее обозрѣніе *Н. В. Шелмунова.*
- Политическая и общественная хроника *Жака Лефрента.*

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ ЧЕТВЕРТЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ И ПОСТУ-
ПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ У ВСѢХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ВЪ С.-ПЕТЕР-
БУРГЪ И МОСКВѢ КНИГА:

ПРАКТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНІЕ

ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА

ПО МЕТОДЪ

Оллендорфа

составилъ и издалъ Л. Герцбергъ, съ ключемъ къ сему руко-
водству, преимущественно для желающихъ изучить французскій
языкъ безъ помощи учителя; цѣна за обѣ части 1 руб. 25 к.
вѣсов. за 2 ф.

Складъ книги у издателя, Почтамтскій переулочъ, д. № 2
кв. № 8.

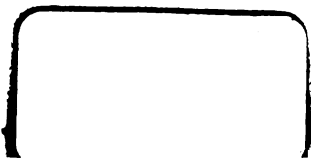

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 301 818